

Екатерина Коновалова

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СЕКУНДЫ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЫСТРЕЛА

Серия жертвоприношений послужила вдохновением для фильма известного режиссёра Александра Кларка. Но выводя на первый план загадочную фигуру мистера Смерти, Александр не ожидал, что тот окажется реальным человеком, который создаёт преступление как произведение искусства.

Эмоциональное, интеллектуально и психологическое противостояние Александра и его героя разворачивается на глазах у простого парня, бывшего снайпера, вернувшегося из Афганистана.

Корзина оставалась пустой. Двадцать минут бессмысленного брождения по «Теско» — и ни одного выбранного товара. Стиснув зубы, Себ повернулся к полке с готовыми завтраками и посмотрел на коробку с улыбающимся мишкой. Мишка махал лапой, в которой держал обсыпанный сахаром бублик. Боковым зрением Себ видел сразу двух его конкурентов — волшебника, который колдовал съедобные звёздочки, и парня в красном плаще, обещавшего «суперзавтрак».

Вообще-то, если говорить откровенно, то Себ видел и других ребят с упаковок, в том числе ушастого зайца в жёлтой футболке. И да, отвратительно оскалившегося бобра на верхней полке — тоже. И всё, что ему нужно было сделать, это принять крохотное решение — какой именно готовый завтрак он заберёт с собой из магазина.

«Простите», — попросила его подвинуться женщина, которая вела за руку пятилетнюю дочь. Женщина без колебаний положила в нагруженную тележку три упаковки «суперзавтраков» от парня в плаще, и Себ поспешно кинул себе в корзину такую же.

С молоком он поступил проще — открыл холодильник, прикинул, где стоят бутылки, закрыл глаза и взял наугад. И понял, что это неплохой подход.

Он впервые зашёл сегодня в супермаркет после возвращения в Лондон. До этого его спасали консервы из магазинчика через три дома, и, наверное, он питался бы ими ещё недели две-три. Но в этот раз он наткнулся на табличку «Закррито» и понял, что нет смысла откладывать поход за нормальными продуктами. Выдав себе мысленного пинка, чтобы не тормозить, Себ отважно справился с хлебом, яйцами (чёрт, почему их так много? Чем могут отличаться друг от друга куриные яйца?) и сыром. Позорно продув схватку с мясом на развес, быстро сунул в корзину упаковку копчёного бекона — и с громадным облегчением отправился на кассу.

Стоило ему выйти на улицу, как где-то совсем рядом зазвучал бодрый рингтон. Послушав его секунд двадцать, Себ сообразил, что это новый звонок его нового мобильного. Номер, который высветился на экране, был ему незнаком, но Себ снял трубку.

— Себ Майлс? Клаус Джордан, помнишь такого?

— Помню, — отозвался Себ, отходя подальше, чтобы не мешать людям, выходящим из супермаркета, — как дела, Клаус?

— Круто сработано в Бирмингеме, — заметил Клаус. У него был монотонный, совершенно невыразительный голос, так что даже было нельзя угадать, хочет он похвалить или напугать. В любом случае, Себ ответил спокойно:

— Без понятия, о чём ты.

— Брось, все, кому надо, в курсе, что это твой выстрел. Не найдёшь время на встречу со старым приятелем?

Приятели они не были. Собственно, они и виделись всего два раза, оба — в Афганистане, но с разницей в два года. Клаус служил в SAS и неплохо играл в футбол — вот и всё, что Себ мог вспомнить о нём сходу.

— Посидим за стаканом пива, вспомним старые добрые... Ха, — то есть, Клаус действительно сказал «ха», отдельно, внятно, без намёка на улыбку в голосе. — Расскажешь, как тебе удалось снять этого придурка в Бирмингеме.

— Я не был в Бирмингеме, — отозвался Себ, — но если хочешь, тебе могу рассказать

про одного серба в Секторе Газы.

Но конечно, серб Клауса не интересовал. Они встретились в забитой народом корейской забегаловке вечером этого же дня. Клаус, пытавшийся быть незаметным, сидя в углу за стойкой у окна, выделялся на общем фоне как дешёвая мишень для новичков. Крупный, с бритой головой и квадратной челюстью: совершенно не изменился. Даже одежда на нём была хоть и не форменная, но военного покроя.

Пробив себе дорогу, Себ опустился рядом с ним на свободный стул, ответил на мощное рукопожатие и подумал, что уже хочет свалить. Не тянуло его на такие беседы.

— Так что, пиво? Лапша? — спросил Клаус. Себ покачал головой. Он был не настолько голоден. И не хотел отвлекаться на еду, потому что был уверен — зачем бы Клаус ему ни позвонил, это точно не встреча армейских друзей.

— Как знаешь, — перед ним самим стояли две пустых коробки от местной еды. — Так что, ты не был в Бирмингеме, не получал тридцать тысяч от Райана и не совершал этот охеренный выстрел с полутора километров?

— Точно нет, — покачал головой Себ.

— Тогда я не хочу предложить тебе постоянный контракт, — сказал Клаус. — Совершенно не собираюсь предлагать контракт на тридцать тысяч в месяц плюс расходы и официальное трудоустройство в чистенькой корпорации.

Себ повернулся и посмотрел на него. Клаус не выглядел как человек, который шутит. Собственно, даже минимального знакомства с ним было достаточно, чтобы сказать: Клаус не умеет шутить.

В груди проползло что-то скользкое, как эта полуразваренная лапша, которой тут всё пропахло. Себ нахмурился и незаметно сглотнул, проталкивая эту невидимую лапшу поглубже. Он не думал, что вернётся к этой теме. Тот выстрел в Бирмингеме был хорош, спору нет, и денег за него он получил больше, чем заработал за полгода, поджариваясь где-то у чёрта на куличках под южным солнцем и рискуя сдохнуть в любой момент.

Но Себ не собирался повторять что-то в этом духе. Несмотря на все разумные аргументы, где-то в глубине души он считал, что зря вообще согласился на эту работу.

— Даже интересно, — сказал он осторожно, — кто это не хочет заплатить мне столько денег.

— Не обязательно тебе, — сказал Клаус, — снайперу. Какому-нибудь очень хорошему снайперу. А так уж вышло, что в Британии ты лучший.

— Уверен, какой-нибудь молокосос меня уже затмил, — хмыкнул Себ. Клаус, кстати, не ответил на вопрос.

— Если надумаешь, — добавил он вместо этого, — завтра в одиннадцать утра, Камомайл-стрит, 9, тридцать второй этаж, на ресепшне скажешь, что на встречу к мистеру Мелтону.

— Типа собеседования?

— Типа, — кивнул Клаус. — Ну, бывай, Майлс.

Себ не был специалистом в вопросе, но он представлял, что те, кому нужен снайпер на постоянный контракт, не имеют офиса в Сити. И не проводят собеседований. Клаус уже ушёл, а Себ продолжал сидеть в забегаловке, смотреть в окно на проходящих мимо людей и крутить в голове это предложение.

Точно нет.

Неделю назад, выходя из Хитроу, он решил, что завяжет со всем этим дерьмом, запрет винтовку в сейф и попытается придумать, чем именно занимаются люди в Лондоне. Найдёт работу. Он понятия не имел, где и какую, но был уверен: какая-нибудь подвернётся.

И ещё раз принял то же самое решение после Бирмингема.

А теперь появляется чёртов Клаус с невозмутимой рожей и втягивает его в историю, которая не то, что плохо пахнет, а воняет на полгорода.

Себ вышел из забегаловки, вдыхая полной грудью влажную взвесь с запахом бензина. Достал телефон и написал смс (надо было позвонить, но имеет же он право на небольшую уступку самому себе?): «Найдётся время встретиться завтра?»

Он не знал, какой ответ хочет получить: положительный или отрицательный. Отправив сообщение, он подумал, что, наверное, было бы лучше, если бы Эмили предложила другой день. С другой стороны, если она согласится...

Додумать, что будет в этом случае, он не успел. Ответная смс гласила: «Рада, что ты написал, Басти, надеюсь, ты в порядке. Завтра мы можем встретиться с тобой в два часа пополудни в Гайд-парке. Подойдёт?»

Он, конечно, подтвердил время и место встречи — и выругался вслух. Только в два часа. Это значит, у него будет прорва времени на то, чтобы сходить на собеседование к этому мистеру Мелтону и потом доехать до Гайд-парка.

Без пяти одиннадцать он был на ресепшене компании, которая, как оказалось, называлась «М-Корпорейшн». Себ решил, что название дурацкое, а вот девушка за стойкой регистрации посетителей — красивая. Маленькая брюнеточка с точёной фигурой, которая очень хорошо, но не вульгарно подчёркивалась белой блузкой с небольшим вырезом и очень тесной юбкой до колена.

— Подождите в приёмной, пожалуйста, — попросила она, проведя его по широкому коридору с панорамным окном и оставила в пустой светлой комнате.

Себ остановился посередине и подумал, что она...

Чертовски чистая.

Надраенный паркетный пол, такой сверкающий, что, кажется, можно поскользнуться. Такие же как в коридоре окна во всю стену вымыты так тщательно, что стекла вообще не видно. Разве что по бликам, но у Себа на это глаз намётан. Низкий диванчик с красной обивкой — и ни пылинки на нём. И, наконец, огромный стол со стеклянной столешницей: он не был завален бумагами, как следовало ожидать, — на нем вообще ничего не было, кроме единственного ноутбука с серебряной крышкой. Стеллажи выглядели мечтой перфекциониста. Все папки — одна к одной. Все стопки — как по линейке. Себ стоял, не двигаясь, но осматривался внимательно. Прочитал надписи на дипломах, вывешенных в идеальном порядке на стене напротив окна: какие-то там награды за лучший менеджмент, лучшие коммуникации и всё в этом духе. Подумалось, что чувак, который требует поддерживать в своей приёмной такую чистоту, должен быть слегка двинутым.

Под потолком висела камера. Себ на неё не смотрел, но заметил сразу. Он медленно выдохнул. Что его ждёт на собеседовании — непонятно. Не готовить же приветственную речь, да? Он же не школьница. Мысли в голове текли медленно, вяло. Он умел ждать и не дёргался, просто автоматически подмечал детали обстановки и посматривал на время.

Спустя пятнадцать минут не основная, а узкая боковая дверца открылась, и в приёмную вышмыгнул (иначе и не скажешь) мелкий щуплый парнишка в отглаженной до хруста белой рубашке и брюках с заутюженными стрелками. Бросив быстрый и какой-то испуганный взгляд на Себа, парнишка сел за стол и уставился в ноутбук, часто моргая.

Мда. Секретаря такого важного босса Себ представлял себе иначе. Честно говоря, если бы он сам мог платить снайперу сорок пять тысяч фунтов в месяц, то уж на место секретаря нанял бы какую-нибудь красотку с третьим номером. Или босс по мальчикам?

Да и мальчика, пожалуй, можно было бы найти посимпатичнее. Этот секретарь выглядел откровенно жалко. Он не дотягивал до пяти с половиной футов. Плечи у него были опущены, спина горбилась. Тусклые рыжие волосы были зачёсаны назад и залиты какой-то даже на взгляд липкой дрянью. На лице виднелись все признаки недосыпа. И на Себа он бросал очень нервные взгляды из-за крышки ноутбука.

Прошло ещё три минуты. Теперь у Себа был новый объект изучения, и он рассматривал секретаря боковым зрением, уставившись при этом на дверь в кабинет. Бедный зашуганный парнишка. Вот надо ему это? Неужели так много платят?

Тишину нарушало только клацанье ноутбука. Секретарь шурился и иногда вздрагивал всем телом.

Потом он встал, достал откуда-то из недр стола чистую тряпку и бутылку с пульверизатором. Разбрызгал жидкость по столу. Тщательно вытер.

Себ продолжал за ним следить. Кстати, зря он назвал секретаря парнишкой. Рост и субтильное сложение обманули, на деле ему должно было быть за тридцать.

«Дожить до тридцати с хреном и работать секретуткой. Карьера, однако», — подумал Себ. Мальчишке он ещё мог посочувствовать, но взрослый мужик, который гробит своё здоровье на работе, где ему страшно дышать, никакого сострадания не вызывал.

— Вам разве не предложили сесть? — вдруг спросил секретарь, закончив намыывать столешницу и переходя на боковинки. Голос у него оказался точно под стать внешности: высокий, чуть дрожащий и неуверенный. Зато, несмотря на типично ирландскую рожу, говорил он с безупречным лондонским акцентом.

— Предложили, — сухо сказал Себ, хотя вообще-то ему просто сказали подождать.

— Давно ждёте?

Уже почти двадцать минут, на самом деле.

— Нет.

Себ не хотел с ним трепаться.

— Вы всегда такой разговорчивый, да? — секретарь издал звук, который, кажется, должен был обозначать хихиканье.

Себ промолчал, наблюдая за тем, как его непрошенный собеседник заканчивает с боковинками стола и переключается на полки. Но даже стоя спиной, секретарь не переставал бросать на него взгляды через плечо. Себу показалось, что они стали менее испуганными и чуть более заинтересованными. Он сменил позу и сложил руки на груди, чтобы отгородиться от этих взглядов.

— Кажется, всегда, — ответил секретарь на свой же вопрос. — Я Джим, кстати, — он опять хихикнул, в этот раз отчётливее. — Рад знакомству.

— Себ, — представился Себ ровно. Хамить секретарю будущего работодателя — откровенно дерьмовая идея. Может, это такой тест? На стрессоустойчивость. Он не собирался его проваливать.

— Себ? Это от Себа-астиана? — протянул Джим, как-то непонятно исказив его имя. — Дайте угадаю? Вы военный. Подождите, я попробую догадаться, в каких войсках вы служили, — Джим сделал крайне задумчивое лицо, нахмурил брови, а потом улыбнулся.

Ладно. В конце концов, оставалась надежда, что босс окажется нормальным. А с голубоватым испуганным Джимом, если повезёт, вообще можно будет не встречаться. И вообще, Себ ведь не принял решение, так? Он пришёл просто из любопытства. Может уйти в любой момент.

— Вы снайпер, — произнес Джим кокетливым тоном, заставляя Себа снова на него посмотреть. А, ну да. Секретарь, наверное, должен знать, кто приходит к его боссу. — Начали в Ирландии. Засветились в Югославии. Потом Афганистан...

— Вы читали мое досье, — пожал плечами Себ. Это тоже было вполне предсказуемо.

— Повышение по службе, — продолжил Джим, словно его и не перебивали, — Ирак, широкая известность в узких кругах, и вдруг — отставка.

Что-то произошло. Себ перевёл на Джима взгляд, потому что его голос из манерного вдруг стал очень жёстким, зазвучал ниже. И выглядел Джим иначе. Ни следа забитости или испуга. Тряпка лежала на полу, пульверизатор остался на стеллаже, разбивая вдребезги идеальный порядок. Джим, опершись на крышку стола, внимательно смотрел на Себа.

— Я задаюсь вопросом: почему? — задумчиво и очень серьёзно произнёс Джим.

Если он собирался этим вопросом заставить Себа занервничать, то он прогадал. Те, кто так легко узнал про Бирмингем, наверное могли раскопать и афганскую историю.

— Даже не ответите?

— Раз уж вы читали мое досье, — сказал Себ, чувствуя раздражение из-за того, что приходится общаться Джимом, вместо того, чтобы уже прийти на собеседование к настоящему боссу, — то мой ответ не нужен.

— Мне интересно другое, — Джим снова улыбнулся, и от этой улыбки у Себа мороз пошел по коже (а он насмотрелся в своей жизни на всякую жуть, и в труповозке мог перекусить, не теряя аппетита, и сам едва не сдох раз двести). — Скажите, Себастиан, вам было обидно? Страшно? Может, мучила совесть? Что вы чувствовали, когда поняли свою ошибку?

«Какого хера тебе это надо знать?» — отчетливо подумал Себ и хотел было промолчать, но снова заметил глазок камеры под потолком и сказал ровно:

— Это была дешёвая ошибка.

Джим каким-то птичьим движением наклонил голову на бок. Выпрямился. Спина его больше не сутулилась.

— А как вы меряете цену, Себастиан?

Никогда в жизни никто ещё не пугал так Себа, как этот мелкий ублюдок. Если бы они не были вдвоём в кабинете всё это время, он поклялся бы, что у секретаря есть брат-близнец. Адский злобный опасный брат-близнец. Себ не верил в мистику, энергетику и прочую метафорическую хрень, но в этом Джиме было нечто, что пугало до того, что тряслись поджилки. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: если Джим захочет, он уничтожит Себастиана Майлса по щелчку пальцев. И неважно, что он не допрыгнет ему до плеча. Ему, может, и не нужно.

— Я так понимаю, собеседование в самом разгаре... сэр, — сказал Себ. Это был выстрел почти наугад, без подготовки — то есть именно так, как он ненавидел стрелять. Но ситуация требовала незамедлительной реакции.

— Как. Вы меряете. Цену? — повторил Джим медленно и отдельно.

— По числу трупов с той стороны, за которую играю. Сэр.

Даже если бы Себ очень захотел, он не смог бы разорвать зрительный контакт. Джим смотрел на него, как будто просвечивал ему мозг насквозь рентгеновскими лучами. И вдруг всё кончилось. Страшное из его глаз исчезло.

Он не был снова запуганным секретарем, но и не внушал ужаса. Обычный человек. Клерк, которых тысячи в Лондоне.

— Большой Ка скажет вам, что делать, Себастиан, — мягко сказал он. — И, кажется, я упоминал, что меня зовут Джим?

— Да... сэр, — кивнул Себ. Пересилить себя он не мог. Не в том, что касалось субординации.

— Мы над этим поработаем. Вы можете идти. Малютка Сьюзен будет рада вас видеть, не сомневайтесь.

И прежде, чем Себ нашелся, что на это ответить, Джим поднял с пола тряпку, взял пульверизатор и продолжил свою работу.

Клаус ждал его за дверью приёмной, быстро окинул взглядом, как будто проверял, все ли конечности на месте, и сказал:

— Пошли со мной.

После путешествия по запутанным коридорам они оказались в тёмном и совершенно безликом кабинете. Клаус залез в сейф, достал пачку листов, положил на стол и пояснил:

— Фоули сказал, что берёт тебя.

— Фоули?

На квадратном лице Клауса появилось выражение, которое можно было бы трактовать как веселость. Или у него прихватило живот. Не разберёшь.

— Джим Фоули, так его зовут.

— Я думал, собеседование будет с мистером Мелтоном, — заметил Себ. В конце концов, именно так ему сказал вчера сам Клаус. Тот покачал головой:

— Формально, да. Но Мелтон редко появляется. Он старик уже. А Фоули... — Клаус чуть замялся, что в его исполнении выглядело просто как длительная пауза, сопровождаемая почесыванием затылка, — вроде как глаза и уши мистера Мелтона.

Класс. Значит, работать придётся с Джимом по фамили Фоули. Точно нет.

Себ подвинул к поближе бумаги, оказавшиеся договором, в который уже кто-то внёс все его личные данные. Пробежал взглядом первую страницу и уточнил:

— Этот Фоули... он псих?

— Конечно, псих, — согласился Клаус спокойно. — Но ты не бойся, платить будут как по часам, если что — вытащат из любой задницы, прикроют хоть от Скотланд-Ярда, МИ-5 и Интерпола вместе взятых.

Тридцать тысяч фунтов в месяц. И работа. Это ведь не то, что Себ искал, верно? Совсем нет. Он думал, что займётся чем-то другим. Чем обычно занимаются гражданские? Вот этим. В конце концов, в армию ему дорога заказана, а с ЧВК(1) он зарёкся связываться. Так что выбора особого и не было. Он должен был обосноваться на гражданке, вести нормальную жизнь, в которую совершенно не вписывается работа на Клауса и Джима Фоули, как минимум потому что её предложили после выстрела в Бирмингеме.

Себ подвинул себе жесткий стул и сел, забрал договор и продолжил изучать его. Навыками скорочтения он не обладал, но и спешить не собирался. Подождёт Клаус.

На последней странице рядом с пустой строкой уже было напечатано: «Себастиан Майлс», а напротив стояла длинная витиеватая подпись мистера Дэвида Мелтона. Себ задумчиво потёр переносицу — была у него такая дурная привычка, тереть нос, когда требовалось сосредоточиться или подумать о чём-то. Временами мешала на службе. Интересно, когда Клаус успел подготовить все эти бумаги, если подошел сразу по окончании собеседования? И как Фоули, черт возьми, успел вызвать Клауса, если не дотрагивался ни до компьютера, ни до телефона?

Очевидно, он влипает в некое очень хорошо оплачиваемое дерьмо. Отлично это осознавая, Себ поставил короткую подпись в договоре. Клаус отдал ему второй

экземпляр и посоветовал идти отдыхать с многообещающей формулировкой: пока дают.

У него было ещё больше часа в запасе, но он поехал к Гайд-парку — всё равно больше

делать было нечего.

Эмили и Сьюзен подошли ко входу ровно в назначенное время. Себ увидел их издалека и невольно засмотрелся. Сьюзен подросла, как он мог судить. На ней было белое платье и розовая курточка. Крепко держась за руку матери, она постоянно озиралась по сторонам — и вдруг, стоило им перейти дорогу, рванула вперёд с визгом: «Папа!»

Себ подхватил её на руки и крепко прижал, поцеловал по очереди в обе щеки и с неохотой поставил на землю. Наклонился.

— Привет, принцесса, — сказал он мягко, чувствуя, что на лице сама собой появляется широкая улыбка.

Он соскучился. Ужасно.

А Сьюзен изменилась за полгода. Себ даже не мог точно сказать, в чём именно, но было заметно, что она стала старше.

— Я скучала! — Сьюзен снова обняла его за шею. — Тебя долго не было.

— Я работал, — тихо сказал Себ, не выпуская её из объятий и думая, что готов держать её так вечно, — прости.

— Я не сержусь, — она вывернулась из объятий и поправила курточку, — но больше не уезжай так надолго. Ты не попал на спектакль. Я играла мышку!

— Ничего себе, — Себ положил руку ей на плечо, — и ни слова мне не сказала по телефону?

— Я думала, ты приедешь, и будет сюрприз. Но мама сделала для тебя фотографии. Да, мам?

К ним как раз подошла Эмили. Улыбнулась:

— Вы пугающе похожи. Сью, руки!

Себ успел заметить, как дочь виновато убирает руку ото рта.

— У неё появилась привычка грызть ногти. Никак не отучу. Что — мам?

— Ты сделала для папы фотографии со спектакля?

— Целую стопку, мы же с тобой вместе смотрели. Покажу вечером. Ну, идём гулять?

Они шли, держа Сьюзен за руки с обеих сторон. Но её терпение быстро закончилось. Она сначала отбежала в сторону, чтобы посмотреть на белку. Потом спросила, можно ли ей сорвать цветок (Эмили запретила). Выпросила мороженое — и, получив рожок, пошла чуть впереди, о чём-то задумавшись. Так было всегда: поболтав и наведя шороху, Сьюзен предпочитала замолчать и погрузиться в свои мысли.

— Ты отлично выглядишь, — сказал Себ, когда Сьюзен отошла. И не соврал. Эмили выглядела великолепно: тоненькая, с тёмными волосами, которые отпустила до середины спины, белокожая и чем-то напоминающая дорогую фарфоровую куклу.

— Спасибо. Ты тоже. Только ещё сильнее загорел.

— А, сойдёт, — пожал плечами Себ.

— И оброс.

— Отстригу, — он фыркнул. Действительно, оброс. Сам замечал. Просто пока был лень возиться с машинкой.

— Не надо. Тебе так лучше. И уже ведь можно, да?

— Мне неудобно, — он провёл пальцами по волосам. По хорошему, надо было уже сантиметра полтора снимать, если не два.

Какое-то время они шли молча, наблюдая за Сьюзен. Со стороны, пожалуй, их легко было принять за супругов.

— Ты остаёшься? — тихо спросила Эмили.

— Да, — отозвался Себ, немного помолчав, — да, хватит с меня. Буду жить в Лондоне. Знаешь... сниму себе что-то попримечнее. Куплю кровать. Хотя и так неплохо. У меня есть горячий душ, интернет, дверь в спальне. Кажется, я начал это ценить.

Эмили рассмеялась, потом вздохнула:

— Ушам не верю, Басти. Но я рада. И Сьюзен будет счастлива, она скучает по тебе.

— Я по ней тоже.

Они дошли до пруда, и Эмили извлекла из сумки батон белого хлеба. Сьюзен забрала его и ушла к самой воде, где ещё с десятков детей разных возрастов кормили уток и лебедей. Когда особо наглый лебедь попытался отобрать у неё лакомство, Сьюзен отдернула руку и грозно заявила:

— Будешь себя так вести — останешься голодным!

— У неё прямо талант командовать, — заметил Себ не без умиления.

— Вчера она сказала, что хочет быть учителем и ставить всем хулиганам «U», чтобы им было стыдно, — поделилась Эмили. — Уж не знаю, кто её так разозлил.

Стоять недалеко от воды и смотреть на Сьюзен было приятно. Эмили зябко повела плечами и поёжилась. Себ накинул на неё свою куртку. Потом вздохнул и начал неприятный разговор.

— Я говорил со Сьюзен по телефону две недели назад. Она рассказала мне о твоём парне. Джексон, так? — плечи Эмили (Себ видел боковым зрением) напряглись, на лице появилось упрямое выражение.

— Это моё дело. И прости, Басти, тебя никак не касается.

— Да, твоё, — согласился Себ, — пока не затрагивает Сьюзен. Джексон ей не нравится.

— Она ревнует, — резко сказала Эмили. — Это нормально для детей её возраста. Но я не собираюсь хоронить себя из-за капризов ребёнка.

— Слушай... — Себ всегда осторожно выбирал слова в разговоре с Эмили. Пусть они не вместе уже пять лет, и два года — официально разведены, он по-прежнему боялся задеть её. — Ты можешь просто встречаться с ним где-то ещё.

— Мы собираемся съехаться. Сьюзен придётся привыкнуть к нему, — чуть помолчав, Эмили добавила: — Тебе легко быть отцом. Появляешься раз в полгода, как принц из сказки, — в её голосе звучала лёгкая обида, — хвалишь за успехи. Восхищаешься рисунками. Даришь подарки. А когда она болеет, сижу с ней я. И когда у неё падает успеваемость, я хожу в школу. Я просто... — она плотнее закуталась в его куртку, — Басти, я имею право на кусочек своей жизни.

Себ потёр переносицу. С этим было трудно спорить. Он не мог забрать Сьюзен к себе, ни раньше, когда проводил в Британии от силы три месяца в году, ни теперь, когда подписал контракт на работу, сути которой до сих пор не понимал целиком. И да, действительно, Эмили была тем человеком, на которого выпадали основные трудности, связанные с воспитанием их дочери.

— Эмили... — произнёс он аккуратно, — я понимаю, тебе непросто. Ты молодая, красивая женщина, — поймав её насмешливый взгляд, повторил: — Очень красивая. И ты заслуживаешь счастья. Я не прошу тебя хоронить себя ради Сьюзен. Я просто хочу, чтобы у неё всё было хорошо.

— Я тоже хочу. Джексон — отличный парень. Стоит Сьюзен перестать ревновать, как

она увидит это. Я не... — она опустила руки, — не хочу, чтобы он вставал на место отца, на твоё место. Но они могут стать друзьями.

— Хорошо, — сказал Себ после долгих размышлений, — дай мне данные своего Джексона. Я его проверю, есть у меня человек, к которому можно обратиться. И если с ним всё в порядке, — да, это будет непросто, но того стоит, — я сам поговорю со Сьюзен. Приду к вам на ужин и... Да, принцесса?

Сьюзен подошла к ним, уже с пустыми руками.

— Всё, — пожаловалась она. — они ужасно прожорливые. Особенно вот тот, — Сьюзен показала пальцем на серого гуся, который сейчас отгонял уток от нового куска хлеба, упавшего в воду у самого берега.

— Я его перестала кормить потом. Он у всех всё отнимает.

— Но справедливость восстановлена? — уточнил Себ. — Утки сыты?

— Утки, гуси и лебеди. И ещё чайки, — поправила его Сьюзен.

— В таком случае, как насчет того, чтобы покормить нас с мамой?

Кто бы сомневался, что маленькая хитрюга соорудит грустную мордашку и скажет: «А у меня весь хлеб закончился».

По настоянию Эмили пошли не в «Макдоналдс», на который показывала Сьюзен, а в небольшой семейный ресторан. Сьюзен, правда, поныла некоторое время, но Себ не намерен был потакать тому, что могло ей навредить. А еду из «Макдоналдса» он бесспорно и при полном согласии Эмили относил в разряд вредного.

Впрочем, долго унывать Сьюзен не умела, поэтому, усевшись за стол, принялась болтать ногами и рассказывать о своих делах. Эмили, конечно, обо всём этом знала, так что лениво листала меню, а вот Себ со всем вниманием слушал про подружек из соседних домов, про учительницу, которая обещала с сентября взять Сьюзен в художественный класс, снова про подружек.

Когда принесли заказ, Сьюзен внезапно, всё тем же беззаботным тоном сказала:

— А к нам вчера приходил Джексон. Он маме нравится. Больше, чем ты. Тебя она целует в щеку, а его — в губы. Представляешь? — наклонившись к Себу, она зашептала, но так, что не услышал бы её только глухой: — Как она может? Он противный!

О, да, тут Себ даже не сомневался: Сьюзен заговорила об этом совершенно специально, при этом выбрала удобный момент. Если внешне она была почти полной, разве что сильно улучшенной его копией, то в кого она пошла характером, Себ точно не знал. Эмили покраснела и резко одёрнула её:

— Сьюзен!

Она перевела на мать чистый, невинный взгляд и промолчала. Себ скрипнул зубами: ситуация дерьмовая вышла. Не без труда он придумал, что сказать:

— Знаешь, Сьюзен, самое главное — что твоя мама и я любим тебя. И если твоя мама полюбит ещё кого-то, она не станет любить тебя меньше.

— Он всё равно противный.

К счастью, тема забылась, когда принесли еду и напитки.

С дочкой и бывшей женой Себ провёл весь день, до позднего вечера. Отвёз их обеих домой, поужинал и сам уложил Сьюзен спать. Когда она засыпала под «Сказки дядюшки Римуса», сонно бормоча что-то про глупого Лиса и умного Кролика, Себ вдруг отчетливо

вспомнил утреннее собеседование. Тогда его не так сильно это зацепило, но сейчас он ясно ощутил угрозу в словах Джима Фоули про «малютку Сьюзен». Конечно, утаить бывшую жену и ребенка, рождённого в законном браке, очень сложно. Особенно от таких парней. Но какое Фоули дело до жизни Себа? Он ведь так, не более, чем инструмент. Его нет смысла запугивать или шантажировать. Фоули это точно без надобности. Тем не менее, он потрудился запомнить имя Сьюзен. И даже как-то узнал, что Себ собирался увидиться с ней после собеседования — что уже совсем непонятно.

«Хорош, приятель. Это паранойя», — осадил себя Себ. Скорее всего, у мистера Фоули такая вот манера демонстрировать свою осведомлённость. Хватается работой службы безопасности или думает, что это делает его круче.

Убедившись, что Сьюзен крепко спит, Себ спустился в гостиную и принял от Эмили чашку крепкого чая. Свой отцовский долг он выполнил, больше ничто в доме его не держало, но он сел на диван и прикрыл глаза. У Эмили дома было хорошо. В конце концов, именно это место он называл своим домом достаточно долго. И оно явно больше подходило на эту роль, чем та съёмная дыра, где он останавливался в Лондоне в последние несколько лет.

— Чем займёшься? — спросила Эмили, садясь, тоже с чашкой чая, на другой конец дивана.

— Нашёл кое-чего. Работа в охране, — в конце концов, именно это и было написано в договоре: «Менеджер по безопасности». — Платить обещают нормально.

— Я не сказала спасибо за деньги, кстати. Это много, Басти. Ты уверен, что тебе не нужно?..

— Уверен.

Вообще-то он собирался перевести Эмили ещё. Хотя бы половину от того, что заработал в Бирмингеме. Им со Сьюзен явно нужнее.

— Пока... — Эмили улыбнулась, — не встретил кого-нибудь?

Она спрашивала его об этом в каждую встречу последние четыре года.

Переведя на неё взгляд, Себ улыбнулся. Эмили была хорошенькой в восемнадцать, когда они встретились впервые. Она была очаровательна в двадцать, когда они поженились. Её красота — не слишком броская, несмотря на темные, с шоколадным отливом, волосы, — не потускнела за время беременности. И окончательно распустилась, когда Эмили взяла на руки Сьюзен. В тридцать она была значительно красивее, чем при их первой встрече — а ведь тогда Себ натурально потерял голову.

Помимо красоты Эмили обладала многими достоинствами. Себ восхищался ей, пока они были вместе, и до сих пор гордился тем, что эта женщина была его женой и родила ему дочь.

— Ты ведь знаешь, что у нас ничего не вышло не из-за тебя, — сказал он. — Это не ты мне не подошла, это я... не особо подхожу для всего такого, — он невнятно мотнул головой, подразумевая гостиную и дом. — Раз уж у меня не вышло с самой привлекательной женщиной в моей жизни — стоит ли пробовать снова?

Эмили рассмеялась. Вскоре Себ поднялся и собрался домой, но прежде, чем он ушёл, Эмили назвала ему фамилию Джексона и место его работы.

Проверку Джексона Себ не стал откладывать в долгий ящик и тем же вечером набрал старый номер. Уверенности в том, что он ещё действует, у Себа не было, но всё-таки надежда сохранялась. И спустя каких-нибудь два гудка на том конце раздался хриплый от хронического недосыпа и бесконечных сигарет голос:

— Кто говорит?

В потом, стоило Себу поздороваться, он услышал довольное и громкое:

— Розочка? Живой, чёрт тебя возьми?

— Заткнись, — рассмеялся Себ. — И да, живее не бывает.

Может пройти много лет, может перевернуться мир. Но конечно, ничто не заставит Грега забыть это идиотское прозвище.

Без малейших колебаний инспектор Скотланд-Ярда согласился проверить некоего Джексона Уилшера, стоматолога. Но поговорить дольше не вышло — помимо недосыпа Грег страдал хроническим трудоголизмом. И в этот раз его снова дёрнули работать, несмотря на позднее время.

(1) ЧВК — частная военная компания. Коммерческое предприятие, которое предлагает разнообразные услуги: от участия в военных конфликтах до охраны. Этические вопросы использования ЧВК поднимаются в обществе последние лет пятьдесят, в некоторых странах они как таковые запрещены — что совершенно не мешает им действовать.

Клаус позвонил в пять ноль семь и велел быть на другом конце Лондона через час. Без оружия. Себ собрался за три минуты, прикинул время и понял, что даже успеет съесть бутерброд. Несмотря на срочный вызов и несколько напряжённый тон Клауса, Себ нервничать не собирался. Во-первых, от этого дрожат руки. Во-вторых, «без оружия» значило, что будет снова очень много болтовни. Возможно, Себ даже досмотрит сон — стоя и с открытыми глазами.

Уже неделю он работал на «М-Корпорейшн» и трижды за это время присутствовал на долгих нудных встречах — не то телохранитель, не то массовка. Ни самого мистера Мелтона, ни даже психованного Фоули там не было: обычные важные боссы в дорогущих костюмах, с золотыми «Ролексами» и долларами в портфелях из кожи с мошонки кенгуру. Дважды он там встречался с Клаусом — тот тоже скучал, но никакого раздражения не проявлял. Учитывая размер аванса, который упал на счет Себа на второй день, он готов был стоять где угодно и в какой угодно позе. Этот аванс оказался настолько жирным, что Себ даже подумал действительно сменить квартиру.

Он успел проехать до утренних пробок, запарковался за три километра и к назначенному времени подошел к концу Рамиллис-клоуз. Район был паршивый, но по утреннему времени спокойный. В конце длинного ряда однообразных таунхаусов, у лестницы, ведущей в маленький запущенный парк, стоял Клаус и курил. Молча достал пачку и предложил сигарету, но Себ отказался. Выбирая между пулей и раком легких, он точно предпочитал первое.

— Ты пунктуальный. Мистер Фоули оценит, — кивнул Клаус. — Пошли.

Тупых вопросов типа «а что мы делаем?» Себ задавать не стал, просто пошёл следом за Клаусом.

В парке ночью кто-то неплохо оттянулся: было грязно. Клаус шёл чуть впереди и поигрывал мышцами спины. От скуки Себ начал прикидывать, с какой позиции убил бы его. На холме он заметил старую мельницу — наверняка туристическую. Подумал, что из неё можно было бы сделать идеальный выстрел. Минус один — очень уж приметная позиция. А больше ничего подходящего не видно. Ближайший дом, с крыши которого парк будет просматриваться, почти в двух километрах.

Разумеется, он не собирался убивать Клауса. Но почему бы не потренироваться? Себ не успел ничего решить, как Клаус резко остановился, повернулся и замер, вытянувшись.

Себ тоже увидел Джима Фоули — тот был в тёмном костюме и в светло-зелёной рубашке, что, на взгляд Себа, выглядело несколько по-гейски.

— Привет, Большой Си, — мягко сказал Фоули и потрепал Клауса по локтю, как домашнее животное. Клаус проигнорировал фамильярность и ответил:

— Доброе утро, мистер Фоули.

— У меня для вас подарок, Себастиан, — мистер Фоули улыбнулся странной улыбкой. — Думаю, повязать ленточкой или так сойдет?

— Сэр? — не понял Себ.

— Фу, — скривился он, — плохой мальчик. Обращайтесь ко мне так, как я велел.

Себ стиснул зубы до хруста, но, под внимательным взглядом Клауса и шальным — Фоули, исправился:

— Джим.

— Хороший мальчик, — обрадовался мистер Фоули. — Сработаешь сегодня как надо — добавлю ленточку. Ты за Гриффиндор или за Слизерин?

Себ удержал совершенно бесстрастное выражение лица и не переспросил, что должна означать эта околесица.

— Упадок нравов и полная культурная деградация, боже, помоги нам, — Фоули вздохнул и вдруг вынул из рукава маленькое чёрное распятие, висевшее на тонком шнурке. Поднёс к губам — и подмигнул Себу. — Будешь играть за Слизерин. Большой Си, ты показал нашему хорошему мальчику его место?

— Ещё нет, сэр, — отозвался Клаус. — Сейчас, сэр.

— Шевелитесь, оба, — Фоули мазнул по ним недовольным взглядом и рявкнул высоким нервным голосом: — Бегом!

Себ подумал, что неделя без Джима Фоули была великолепной. Клаус быстро пошел к мельнице, и Себ поспешил следом.

— Твоя позиция — вот эта мельница. Там сзади пожарная лестница. Поднимаешься и сидишь ждёшь, — рублеными короткими фразами начал отдавать указания Клаус. — Оружие наверху, всё уже готово.

— Что там? — спросил Себ. Идея была хреновой, если честно. Чужое непристрелянное оружие, которое неизвестно, как себя поведёт.

— Увидишь, — как-то мрачно сказал Клаус, — на мой взгляд, перебор, но мистеру Фоули виднее. Ещё, — он остановился возле мельницы, — мистер Фоули любит красные лазерные точки на лбу у плохих парней, как в кино.

Себ выругался вслух. Круто. Снайпер с лазером. Может, ещё плакат повесить: «Вас будут убивать отсюда»? Впрочем, кто платит, тот и заказывает...

Клаус пожал плечами, как бы говоря, что сам того же мнения, но приказ босса есть приказ.

— Стрелять, скорее всего, не придётся, — добавил Клаус, — мистер Фоули умеет убеждать. Но смотри в оба.

— На что смотреть? — спросил Себ.

— Никто не должен причинить вреда мистеру Фоули. Пока просто угрожают — нормально, если его пару раз не попытались придушить или не угрожали пистолетом, у него, считай, неделя зря прошла. Но ни один волос не должен упасть с его головы. Разберешься. Полежай.

— Клаус!

— Чего?

— Кто-то ещё его страхует? Ты рядом будешь?

Клаус ответил мрачным взглядом.

— Никого. Он сказал, ты справишься, — похоже, его самого это не радовало.

Себ полез на мельницу.

Оружие, которое его ожидало, утешило: хотя в условиях парка и мельницы «М-200» (1) выглядела несколько... претенциозно. А четыре запасных магазина показались явным излишеством. Зато лцу лежал на полу, отдельно, а на винтовку был установлен её родной оптический прицел. Чёрт с ним, хочет Фоули красные точки — он их получит.

Проверив винтовку, Себ занял позицию, взял бинокль и приготовился ждать.

Это было отнюдь не худшее укрытие в его жизни. Скорее, одно из лучших. Крыша,

тепло, почти не грязно. Только мошкара жужжала над ухом, но он даже не пытался её отогнать. Пусть кусает, не сожрёт. Наручные часы показали половину седьмого. Клаус ушел за пределы парка и пропал из зоны видимости. Джим Фоули прямо в своём наверняка дорогом костюме сидел под деревом с книжкой. Себ подкрутил масштаб и разглядел чёрно-красную обложку, но ракурс не позволял прочесть название.

В парк никто не стремился. Даже работники мельницы, наверняка исторически значимой и всё такое, не спешили. Скорее всего, Фоули или кто-то ещё из компании об этом позаботился.

Девять ноль три.

Мистер Фоули дочитал свою книжку и бросил её на траву с явным раздражением. Закрыв глаза, прислонился к стволу дерева и о чём-то задумался. Если внимательно присмотреться, можно было заметить, что он крутит в пальцах крестик.

Место для встречи, кстати, мистер Фоули выбрал хорошее. Из возвышенностей — деревья и мельница. Мельница занята, а в деревьях особо не спрячешься. Никаких столетних дубов как в Гайд-парке: молодая жалкая поросль. Гостям придётся идти в открытую. Кстати, можно не париться из-за лазера. И плакат повесить — местоположение Себа и без того очевиднее некуда.

«Оружие или наркотики?» — лениво подумал Себ. Он немного пошарился в интернете: «М-Корпорейшн» была холдингом, который включал в себя фабрики по сборке и производству мобильных телефонов, несколько транспортных парков, какую-то сельскохозяйственную компанию и пару химических лабораторий. Но Себ понимал, что ради моркови или даже телефона люди редко убивают. Ладно, из-за телефона ещё могут, в подворотне. Здесь — другое дело. Раз мистер Фоули привык ходить на деловые встречи со снайпером, значит, уверен: его будут пытаться прикончить.

Девять пятьдесят четыре.

Будет неплохо, если мистер Фоули останется там же. Или немного сместится влево. Дальность — семьсот метров, даже если гостей окажется много, их можно будет просто снять одного за другим.

О том, кто и что будет делать с кучей трупов, Себ не думал. Клаус гарантировал, что это уже забота других людей.

В десять пятнадцать мистер Фоули встал со своего места, отряхнул костюм, потянулся и принялся расправлять складки на воротнике и манжетах. И почти сразу Себ увидел гостей. С той же стороны, откуда пришли они с Клаусом, к мельнице двигались трое. Они подходили к парку нерешительно. И чувствовали себя в нем неуютно. Один был низкий и круглый, остальные — высокие и квадратные. Босс и мордороты-телохранители. Было бы лучше, если бы Фоули оставил Клауса рядом. Винтовка быстрая, но расстояние может сыграть роковую роль.

Эти мысли совершенно не отвлекали Себа, он передёрнул затвор, отмечая плавный ход — мягче, чем на его родной «М-24».

Троица подошла к Фоули, который на их фоне смотрелся подростком — и из-за роста, и из-за манеры двигаться и жестикулировать.

Себ не слышал ни слова, но отлично видел лица всех гостей и весьма выразительную спину Фоули.

Разговор начался мирно. Толстяк и Фоули обменялись рукопожатиями. Мордороты немного отошли и, вне всякого сомнения, занялись тем, чем изначально планировал

заниматься сам Себ: принялись досматривать сны. О чём там боссы говорят — не их дело.

Фоули размахивал руками и дергался. Толстяк улыбался, а потом вдруг побледнел и отшатнулся. Мгновенно произошло сразу несколько событий: Фоули наклонился, толстяк вскрикнул, один из телохранителей схватил Фоули за грудки. Себ включил целеуказатель, расположив подрагивающую красную точку аккуратно между бровями толстяка.

Фоули отступил и поправил костюм. Толстяк вскинул руки, телохранители отошли назад.

«Эй, всё хорошо! Мои парни просто погорячились!» — Себ не слышал, но был уверен, что толстяк говорит что-то в этом роде. Мистер Фоули пожал плечами.

«Пустяки», — наверное, сказал он. Или: «Поаккуратнее! Мы же не хотим проблем, верно?» Себ не слишком хорошо его знал, чтобы придумывать за него реплики, но главное уловил: красная точка больше не нужна.

Что ж, может, мистер Фоули и не зря любил такие эффекты. Дешевле и проще, чем выстрел. С одним маленьким минусом — гарантированно раскрывает позицию. Но боссу до этого, пожалуй, нет дела. Учитывая местность, собственно, нигде больше снайпер и не может находиться, если он, конечно, не мартышка.

А потом один из больших парней достал ствол. Толстяк быстро шагнул за спину второго. Себ навёл прицел на телохранителя с пистолетом. Возможно, это просто угроза, и сейчас Себ одним выстрелом пустит под откос и встречу, и свою работу в корпорации. Толстяк что-то сказал из-за спины. Телохранитель напрягся — и Себ выстрелил ему в сердце. Попал точно — он упал без движения, зато с развороченной грудной клеткой. «М-200» всё-таки перебор, сгодилось бы что-то калибром поменьше.

Второй телохранитель тоже выхватил пистолет, но Фоули не обратил на него никакого внимания. Он опустился к убитому телохранителю, ощупал края пулевого отверстия и засунул внутрь палец. Вытащил. Обернулся снова к толстяку и его охране, но так, что Себ теперь видел его лицо, и медленно облизал окровавленный палец.

Толстяка тут же вырвало, а Фоули развернулся и картинно провёл всё тем же пальцем по шее.

Надеясь, что понял пантомиму верно, Себ закончил неудачную встречу ещё двумя выстрелами.

Интересная штука: после Бирмингема у него руки ходуном ходили. И он тогда сделал над собой серьёзное усилие, чтобы, вернувшись в Лондон, не засесть в пабе с чем-то покрепче пива. А в этот раз — ничего. Он как будто вернулся с очередной операции, может, с миссии «МорВорлд». Просто выполнил свою работу.

Заморачиваться на этот счёт Себ не стал: просто порадовался, что его отпустило. Тем более что ему было чем заняться: в своей квартире на кухонном столе он нашел толстую картонную папку, перевязанную зелёной с серебром ленточкой.

(1) «М-200», она же Cheytac LRRS M-200 Intervention, — это одна из самых дорогих и точных снайперских винтовок начала 2000-х. Она обеспечивает эффективную стрельбу на расстоянии более двух километров. Хороша всем, кроме веса — около 14 кг, с такой незаметно не побегаешь.

Себ лежал на продавленном диване и в который раз перелистывал бумаги. У Джексона Уилшира больше не осталось от него тайн. Досье, которое прислал Джим Фоули «в подарок», было полным и исчерпывающим. Справка Грега состояла из трёх абзацев, а в папке Фоули было всё: фотографии, начиная с детских, дисциплинарные записи в школьном журнале, табель об успеваемости, характеристики, данные о штрафах за парковку, описание всех мелких проблем, в которые Джексон попадал в университете. А ещё: рекомендации с разных мест работы, ссылки на отзывы его пациентов, расшифровки телефонных разговоров с родителями, братом и бывшей женой, смс-переписка с Эмили.

Его обнажили, расковыряли до самых глубин и разложили перед Себом в виде стопки проглаженных принтером листов.

Читая текст и раз за разом просматривая фото, Себ ощущал что-то вроде тошноты. Зачем Фоули это сделал? Какое ему вообще дело до парня бывшей жены одного из его подчинённых? Паранойя подняла было голову, но Себ долбанул по этой голове воображаемым кулаком и попытался найти разумные объяснения. Пока виделось только два. Первое: заинтересованные сальные взгляды на собеседовании не были частью проверки на стрессоустойчивость, и теперь Фоули таким образом привлекает внимание. Второе: Фоули просто псих со своеобразным чувством юмора и большими возможностями. И, кажется, кучей свободного времени.

Закрыв папку, Себ решительно остановился на второй версии, выровнял дыхание и позвонил Эмили с предложением встретиться в выходные и поужинать вместе с Джексонном и Сьюзен. Приходилось признать, что Джексон — обычный парень, самое страшное прегрешение которого — однократное нарушение правил парковки. И привычка курить. Ему придётся воздержаться от этой дряни в присутствии Сьюзен.

Себ снова вытянулся на диване и зевнул. Можно было включить телик, но от новостей его воротило, сериалы он не понимал, потому что пропустил все первые сезоны, а смотреть шоу идиотов не хотелось. Других развлечений у него не имелось.

Как и планировал, Себ снял другую квартиру — на Слоун-стрит. Она была небольшой, располагалась на основном этаже и состояла из спальни, кухни и второй комнаты, которой Себ пока не придумал назначение. И она оказалась удивительно дешёвой для этого района, потому что хозяину было неохота делать в ней ремонт. Себу, в сущности, было плевать, потрескалась ли краска под потолком и свисают ли со стен обои. Его требования к жилью были весьма минималистичны: стены, потолок, диван, плита и горячая вода. И всё это в квартире имелось, так что они с хозяином подписали договор, он вывез оттуда единственный свой чемодан и сказал, что «эту рухлядь», то есть всю оставшуюся мебель, Себ может, если захочет, даже сжечь.

Сжигать не хотелось, хотя, если что, был даже небольшой дворик, подходящий для этого занятия.

Досье он прочитал уже несколько раз, и открывать его ещё раз было скучно. Себ зевнул. Пойти приготовить что-нибудь? Со вчерашнего дня у него ещё оставалась половина варёной куриной тушки. А возиться с чем-то посложнее для себя одного не хотелось.

Он опять зевнул.

Покрасить потолок? Совершенно никакого смысла.

Чем на гражданке люди развлекаются? Что делают в эту прорву свободного времени? Тоски Себ пододвинул к себе старенький ноутбук и вышел в интернет. Почесал в затылке и осторожно, с удивительной для себя опаской вбил в поисковик: «Джим Фоули». Какое-то время на странице крутилось колесо, а потом интернет выплюнул список ссылок.

Первым оказался ирландский футболист тридцатых годов. Потом нашёлся журналист — седой и с небольшой бородкой. Страницы каких-то неизвестных Джимов Фоули в социальных сетях. Нашёлся Джим Фоули, сыгравший Гамлета в суиндонском театре. Дальше шли другие Фоули, но уже не Джимы: на телике и в прессе. Эдвард Фоули — главный редактор газетёнки в Девоне.

И только на третьей странице попался сайт «М-Корпорейшн», Джеймс Фоули — заместитель генерального директора. «Занял свой пост в 2002 году. Обладает отличными управленческими способностями и талантом стратега». Ни образования, ни предыдущих мест работы — ничего.

Ради интереса Себ ткнул на «Историю компании», но тоже не нашёл ничего внятного.

Зато мистера Ричарда Мелтона найти было проще простого: он был буквально повсюду на сайте. Давал комментарии и интервью, рассказывал про достижение планов, участвовал в благотворительности и улыбался со страницы «О нас». Клаус говорил, что Мелтон уже совсем старик, но на фотографии был изображён мужчина лет шестидесяти пяти, крепкий, гладко выбритый, с обаятельной улыбкой и хитрыми глазами.

Он в деталях рассказывал о создании «М-Корпорейшн» как фирмы по производству тракторов, о своём детстве на ферме и о десятикратном росте акций компании в 2004 году, после того, как она расширилась и стала производить не только технику, но и удобрения. В другой статье он аргументированно доказывал необходимость британского производства мобильных телефонов — разумеется, на территории Индии.

Поскольку делать всё равно было нечего, Себ вернулся на страницу «Гугла» и вписал в строку: «Ричард Мелтон» — и получил возможность прочесть ещё немного всё о той же ферме и тех же акциях, разве что другими словами. О нём писали в газетах и журналах, ему посвятили бессмысленную статью в «Википедии», о нём даже спорили на форумах! В общем, это был просто бизнесмен и основатель фирмы.

Не то, чтобы Себ сомневался в законности деятельности «М-Корпорейшн». Напротив, он точно знал, что она незаконна. Вчерашняя встреча толькошний раз это подтвердила. Тем, кто продаёт удобрения, не нужен снайпер. Но было интересно посмотреть на их прикрытие.

Так всё-таки, оружие или наркотики? Пожалуй, Себ всё-таки ставил на наркотики. Вот, фирма по производству удобрений — может, там их и синтезируют?

Себу, откровенно говоря, было всё равно. Это не его дело. Просто скучно. До начала этого месяца у него не было свободного времени. А теперь оно не просто появилось, а навалилось. Его оказалось слишком много. Со вздохом открыв браузер, Себ решил поискать хорошее порно. Хотя, чёрт, сколько его уже было просмотрено с момента возвращения — страшно вспоминать.

От этой сомнительной перспективы его отвлек звонок телефона. «Давай, Клаус, скажи, что для меня есть дело», — подумал Себ почти отчаянно, но на экране отобразилось другое имя.

— Здорово, приятель, — с некоторым удивлением произнес Себ. — Не рановато для тебя?

Из динамика донесся легкий смешок.

— Меня отправили в отпуск вчера. Дохну с тоски, — сказал Грег. — Вспомнил, что ты в городе. Есть планы на вечер?

Господь всемогущий, храни Грега Рассела и его начальство, которое отправило трудягу-полицейского отдохнуть.

— Уже собираюсь, — сообщил Себ, когда Грег назвал ему адрес паба. — Ради тебя надену трусы с футбольными мячами.

Послав его известным маршрутом, Грег сбросил звонок, а Себ и правда пошёл одеваться. Насчёт трусов он, конечно, загнул — в его гардеробе таких не водилось. Зато в честь встречи со старым приятелем побрился и вымыл голову.

Паб, который назвал Грег, мало изменился за прошедшие... мать вашу, тринадцать лет! Именно здесь, в «Зелёном человеке», они зависали, проходя полицейские курсы. Грег их успешно завершил, а Себ сбежал в армию за две недели до окончания.

В отличие от паба, самого Грега было не так-то просто узнать. Он раздался в плечах, обзавёлся тренчем вместо кожанки и начал сесть, на лице появились ранние морщины. Зато улыбался он всё так же искренне, стискивая Себа в объятиях.

— Здорово, Розочка.

— Не смешно, — буркнул Себ, садясь напортив Грега за деревянный столик. — Что, нервная работёнка?

— Да поспокойнее твоей, если так посмотреть.

Себ, у которого в светлых волосах пока не было даже проблеска седины, сказал резонно:

— Значит, всё дело в браке.

— Ты вовремя развёлся, — вздохнул Грег.

— Всё в твоих руках.

Грег рассмеялся шутке, но как-то нервно — и повернулся так, чтобы можно было краем глаза видеть телевизор. Пока там шли новости, но можно было не сомневаться, что рано или поздно запустят трансляцию какого-нибудь матча.

Себ почувствовал прилив ностальгии. Точно так же они сидели (правда, не вдвоём, а впятером или вшестером) вечерами после курсов, болтали про всякую чушь, ржали над только что женившимся Греггом (но где-то в глубине души ему даже завидовали) и планировали блестящее будущее в Скотланд-Ярде. Судя по виду Грега, блеск был не особо ослепительным.

— С тем парнем, Уилширом, порядок? — спросил Грег, вернувшись с двумя кружками пива.

— Полный, — скривился Себ. — Спасибо за помощь.

— Зачем он тебе сдался? Спокойнейший человек.

Себ картинно прикрыл лицо ладонью и признался:

— Новый парень Эмили. Да стой, хорош ржать!

Грег хохотал, запрокинул голову, даже пиво плеснул на стол.

— Я думал... Проблемы с карьерой. Он кинул тебя на деньги. Вы подрались в пабе. Гадал, в чём дело. А он — парень Эмили... Ох-хо... — Себ тоже подхватил смех. На самом деле, приди Грег к нему с чем-то подобным, он тоже смеялся бы до упаду. И потом ещё лет десять вспоминал бы.

— Господи боже, зачем тебе это сдалось?

— Да хорош! — оборвал его Себ. — Мне плевать, с кем Эмили спит, но она приводит

его в дом к Сьюзен.

Смех Грега резко оборвался.

— Я бы тоже постарался раздобыть на сукиного сына весь компромат, какой есть.

Себ вздохнул:

— Да нет на него компромата. Парень как парень. Получше меня, если так посмотреть.

Стоматолог.

Грег молча поднял бокал в знак сочувствия.

— Ты-то детьми не обзавелся пока?

— Эмма не хочет, — лаконично ответил Грег и перевёл разговор на погоду.

Минут двадцать они болтали о том о сём, вспоминали какие-то старые приколы, Грег рассказал пару случаев из полицейской практики, а Себ, тщательно выбирая, поделился армейскими историями. Из тех, где храбрые парни спасают друг друга и мирное население, а не тех, где кто-то пытается запихнуть кишки обратно себе в брюхо и с удивлением понимает, что они туда не помещаются.

— Ты надолго сюда? — спросил в какой-то момент Грег.

— Чёрт его знает, — честно сказал Себ. — Пока нашёл кое-что в охране, посижу Остыну слегка. На кровати нормальной посплю, в горячем душе помоюсь и всё такое. Они выпили за душ и кровать.

Грег бросил очередной взгляд на телевизор и скривился, пробормотал:

— Дерьмо.

— М? — Себ обернулся, но поймал только конец новости, из которого ничего не было понятно.

— Не был в кино на этой, как его... «Жертве нового бога»?

Себ покачал головой. Он вообще уже не помнил, когда был в кино последний раз.

— Меня Эмма затащила. Не понимаю я этого. Фильм про маньяка. Из-за него погибла куча народу, а его показывают каким-то свободным художником, чуть ли не героем. И кричат об этом ещё по телевизору. Как будто нам не хватает подражателей и всякий двинутых. Как по мне... — Грег отхлебнул пива, — за такое сажать надо. Готов пари держать, что пройдёт месяц с премьеры, и мы найдём ещё такой труп.

— Какой? — спросил Себ, просто чтобы поддержать беседу.

— Принесённый в жертву, — произнёс Грег с омерзением. — Это была реальная волна преступлений, правда, совершённых разными людьми и, к счастью, в разных странах. Но по телику много показывали, говорили, какие-то там культы пытаются заявить о себе. У нас тоже было. Ребята на поле под Чешемом нашли... — Грег сделал паузу, словно сомневаясь, стоит ли рассказывать, но Себ кивнул головой с любопытством. — Представь себе, гигантская клетка из брёвен, с очень узкими просветами, сами брёвна нетолстые, ровненькие такие молодые дубы. Сколочена деревянными же гвоздями, обмотана в углах верёвкой, причём не магазинной, а ручной работы, из крапивы.

Себ нахмурился. Похоже, впереди было что-то действительно неприятное, раз Грег так мнётся.

— Внутри — раздетые догола люди. Пять человек. И всё это сожжено. Дубы были влажные, клетка прогорела слабо, да и дождь пошёл. Но понятно, все пятеро мертвы, по зубам опознавали.

— Твою мать...

— Через неделю нашли придурков. Четверо отбитых парней и девчонка решили

возрождать какой-то там друидский культ. Парни поехали в тюрьму, девчонка — в психушку. В Дании был случай до этого. Двух дипломатов на Рождество нашли в собственной квартире, в креслах. Выпотрошенными и зашитыми. А внутренности на ёлке висят, вместо гирлянд. Ещё раньше, кажется, в Польше кого-то заживо сожгли в деревянной ладье. Короче, — Грег заглянул в пустую кружку, — идиотов хватает и без наших киноделов. Пойду ещё возьму...

— Я схожу, — поднялся Себ и вскоре вернулся с двумя пинтами «Сэнт Питерса».

Но не успел он сделать глоток, как зазвонил телефон. И в этот раз это был Клаус.

Грег посмотрел понимающе, хотя и не слышал ни слова.

— Начальство, да? Моё тоже любит дёргать под вечер.

— Зря выпил, — сказал Себ. Грег смотрел очень сочувственно и даже жалостливо, и Себу стало от этого неудобно. Грег ведь ловил людей, на которых он, Себ, работал.

Они распрощались и договорились встретиться ещё.

С Фоули, похоже, придётся стать трезвенником. Лёжа на позиции, на чердаке дома на Беркли-сквер, Себ не чувствовал привычной собранности. Конечно, руки не тряслись, но он как никогда остро ощущал сор, песчинки и камешки, впивающиеся в тело, твердость подоконника, на который он опирался локтями, щекотку от того, что паук ползёт по щеке. Даже прохладное ложе почти родной «М-24» под щекой воспринималось не так, как обычно.

В ухе у Себа был небольшой телесного цвета наушник гарнитуры — он лежал на позиции вместе с винтовкой. Себ надел его, но пока слышал только белый шум. В какой-то момент в эфире появился Клаус с сообщением: «Первый — стекло, второй — цель, выстрел по команде на один-два-три-четыре». Себ был вторым и понятия не имел, кто первый и даже где он находится. И даже не успел ответить: «Принято», — как Клаус отключился.

Сегодня Себ был не один — Клаус сообщил, что помимо него есть ещё один снайпер. Кроме того, где-то засели три человека с лазерами.

Цель никто не указал, поэтому Себ просто наблюдал через широкие окна за большой тусовкой в доме на другой стороне улицы. Дамы в платьях и меховых накидках и мужчины в смокингах ходили группками, о чём-то разговаривали. Все пили шампанское из бокалов на высоких ножках, ели маленькие закуски, разложенные на нескольких застеленных скатертями столах и явно радовались жизни. Фоули среди них не было. Вообще ни одного знакомого лица. Через полчаса наушник снова зашипел, прозвучал высокий голос Фоули:

— Как вы, мальчишки? Не скучаете?

Поскольку второй снайпер промолчал, Себ тоже не стал отвечать.

— Как вас там Клаус определил? Первый? Я сниму с тебя кожу по лоскутам, если ты сделаешь это снова. Нет, не фигура речи, — что-то в его тоне подсказывало, что Фоули правда способен на такое. — Второй, — он хмыкнул, — даже не думай. Чтобы промазать, тебе нужно выпить что-то серьёзнее пинты «Сэнт Питерса».

Какого чёрта? Вот как он узнал?

Не рискнув задавать вопрос, Себ снова промолчал. Что-то щёлкнуло, и наушник разразился благодатным шипением. Зато в комнате началось неожиданное шевеление. Гости собирались в полукруг вокруг большой подарочной коробки, которую вкатили на тележке. Она стояла у окна, так что Себу было отлично видно и коробку, и нетерпеливые лица гостей.

Кто-то хлопал, кто-то поднимал бокалы. Наверное, там играла музыка для атмосферы. Два официанта подошли к коробке и сдёрнули с неё крышку.

Все замерли. Очень медленно из коробки поднялась девушка в костюме балерины. Покрутилась на одной ноге, демонстрируя точёную фигуру, стройные ножки под балетной пачкой и пояс смертника. По взрывчатке скользнули красные точки лазеров. Тот, кто сегодня отвечал за световые эффекты, скорее всего, в жизни не держал в руках оружие. Или выпил побольше Себа — во всяком случае, точки именно что плясали, хаотично подергивались и перемещались с места на место, и это было бы очень ржачно в другой момент. Хотя вообще-то идея крута. Так можно и напугать, и не выдавать реального местоположения стрелка.

После минуты оцепенения началась паника. Две женщины кинулись к двери, задёрнули ручку. Один мужчина бросился к окну, прижался лицом к стеклу. Потом вдруг все замерли. Другой мужчина встал на колени. Балерина пробежала по комнате, без труда открыла дверь и, сделав ещё один пируэт, исчезла. Красные точки пропали. В наушнике раздался сухой голос Фоули:

— Шоу окончено. Простите, мальчики, сегодня вышло скучно. Второй... игрушку оставь себе. Или брось там, потом подберут.

Вернуться домой с оружием, на которое у него не было лицензии? Да, именно об этом Себ и мечтал всю жизнь. И хотя винтовка была очень хороша, он напомнил себе о том, что дома его ждёт почти такая же, только пристрелянная и проверенная, и отложил своеобразный подарок в сторону. А вот магазин снял — пусть будет.

Что бы Фоули ни говорил, Себ не чувствовал никакого разочарования из-за того, что вечер вышел «скучным». Скорее, его это радовало. Да и окончательно выветрившееся пиво уже не портило настроения.

Себ ехал в метро, удивляясь толпам народа. Внутренние часы сбились, ему казалось, уже поздно. А на деле — не было и девяти вечера. Стоило Себу на своей станции подняться по эскалатору, как снова зазвонил телефон.

«В жизни больше не пожалуюсь на скуку», — подумал он и тут же напрягся, увидев на экране номер Эмили. Сердце застучало быстрее. Она вряд ли звонит поболтать. Значит, что-то случилось.

— В чём дело? — спросил он резко.

— Прости за поздний звонок, Себ, — мягко произнесла Эмили, мгновенно развеивая тревогу. — Ты занят?

Он собирался поспать, но сейчас это не имело никакого значения.

— Нет, что нужно?

— Посиди со Сьюзен пару часов. Мне нужно срочно уйти, а няню я уже отпустила.

Дальше последовали извинения и заверения, что это в первый и последний раз, которые Себ пропустил мимо уха. Идея сослаться на выпитое пиво и отказаться даже не пришла ему в голову. Наоборот, мысль о том, чтобы провести немного времени со Сьюзен, кажется, начисто стёрла все непростые эмоции этого дня.

— Буду минут через двадцать, если не встану в пробку.

Эмили он застал уже полностью одетой, а Сьюзен — в дурном расположении духа. Его появление прервало, кажется, уже не первый виток ссоры. Сьюзен, в пушистом розовом халате, заливалась слезами и кричала что-то невнятное, Эмили шипела, но обе они затихли, стоило Себу войти в дом.

— Папа! — сквозь рыдания вскрикнула Сьюзен и кинулась к нему. Себ ловко подхватил дочку на руки и прижал к груди. Поцеловал в мягкие растрепанные кудряшки на виске. Кивнул Эмили.

— Уложи её спать, Себ, умоляю, — выдохнула Эмили, схватила маленькую сумочку и поспешила к двери. — И она не ужинала, потому что ревела, — и выскочила на улицу. Себ закрыл дверь, заглушив цоканье каблучков Эмили по дорожке.

— Ну, что скажешь? — Себ поставил Сьюзен на пол и наклонился к ней. — Чего ревём?

Он не так уж часто оставался со Сьюзен один на один, но они ладили.

— Она меня бесит, — заявила Сьюзен с вызовом и посмотрела на Себа, явно требуя поддержки.

— Фу, как грубо, — заметил Себ. — Мама тебя любит.

— Не любит. Она любит Джексона теперь. Ну и пусть, — Сьюзен сложила руки на груди и с вызовом в глазах подняла подбородок, — я её тоже любить не буду.

Себ задумчиво потёр переносицу.

— Ты знаешь, — сказал он после недолгих раздумий, — любовь бывает разная. Ты ведь можешь одновременно любить меня, маму, бабушек и... — он вспомнил недавний разговор, — Джулию, твою подругу. Да?

Сьюзен кивнула едва заметно, но хотя бы не спорила с пунктом про любовь к маме.

— И в тебе одной, — он ткнул пальцем ей в грудь, — вся эта любовь помещается. Также и в маме. То, что она теперь любит Джексона, не делает её любовь к тебе меньше.

Понимаешь?

Сьюзен вздохнула.

— Понимаешь?

— Да, — протянула она неохотно. — Я просто не понимаю, почему она не может снова любить тебя.

— Если ты накормишь меня ужином, я попробую ответить, — подмигнул Себ. Сьюзен рассмеялась:

— Ты уже большой, зачем тебя кормить?

— Даже очень большие мальчики любят, когда их кормят. Пошли, посмотрим, что там с ужином.

Эмили оставила кастрюлю варёного картофеля с зеленью и сливочным маслом и жареные куриные ножки. Сьюзен велела Себу сесть за стол и сама положила еду на тарелку. Потом подумала — и попросила:

— Достань мне тоже тарелку.

Так что они мирно поели, без слёз и возмущений. А потом Себ, собравшись с духом, проговорил:

— Помнишь, мы с тобой уже обсуждали наш с твоей мамой развод?

— Помню. Но ты сказал, что я маленькая и не всё пойму, — напомнила Сьюзен. — Уже не маленькая.

— Да, большая, — согласился Себ, — вставая и начиная мыть тарелки.

— У нас есть посудомоечная машина.

— Я знаю, — кивнул Себ. Просто ему было проще помыть руками. Тем более, что так была возможность на лишние пару минут оттянуть ответ. — Когда мужчина и женщина влюбляются друг в друга, — произнёс он, нарочно звякнув тарелками о металлическую сушилку, — настолько, чтобы пожениться, как мы с твоей мамой, они думают, что будут вместе всю жизнь.

— Вы тоже думали?

Себ огляделся, пытаясь придумать, что бы ещё такого сделать полезного, чтобы занять руки. К сожалению, у Эмили на кухне царил полный порядок. Он убрал картошку и курицу в холодильник, протёр столешницу.

— Да, думали. Но потом оказалось, что мы очень разные. Мы мало виделись друг с другом из-за моей работы. Мама хотела бы, чтобы мы встречались чаще. Чтобы я жил дома постоянно. Я не хотел бросать работу. И в конце концов...

Себ не случайно опасался этого разговора. Дело в том, что, зная Сьюзен, легко было предположить закономерный вопрос. Что-то вроде: «Если ты перестал любить маму, значит, перестанешь любить и меня?». И он всё никак не мог подобрать объяснения, почему этого никогда не произойдёт.

— Вы развелись, — мрачно подвела итог Сьюзен. — Пап, я всё думаю, — она подтянула ноги на стул и оперлась подбородком о коленки — и конечно, озвучила тот самый больной вопрос.

Себ наклонился над ней и обнял сзади, поцеловал в макушку.

— Нет. Тебя я буду любить всегда. Разные виды любви, я говорил. Мы можем развестись с мужем или женой. Но нельзя перестать любить своего ребёнка.

Сьюзен вывернула шею, потом сама повернулась, встала на стул коленками и спросила хитро:

— Даже если он очень-очень плохо себя ведёт?

— Даже в этом случае. Правда, — Себ отошёл в сторону и улыбнулся, — это любовь отнюдь не мешает родителям наказывать своих детей, особенно если они себя очень-очень плохо ведут.

Сьюзен рассмеялась, потом состроила жалобную мордашку и попросила посмотреть телевизор немного.

— А что у нас со временем?

Она бросила взгляд на настенные часы, потёрла переносицу и сообщила:

— Девять с половиной часов.

— А время отхода ко сну?

— Десять, — она наморщила нос. — Пап, ну немножко? Я потом быстро-быстро почищу зубы. И сразу усну, честно. А так буду лежать и думать про что-нибудь. Пожалуйста?

Себ вздохнул, подумал, что Эмили будет ругаться — и за дело, и решительно сказал:

— Полчаса. В десять — подъём, зубы, кровать. Ну, давай, шустро.

Она кинулась в гостиную, к полке с кассетами, и закусила губу от напряжённых размышлений. Выбрала какой-то диснеевский мультфильм про очередную принцессу, сама поставила кассету, и Себ включил телевизор. Сьюзен забралась к нему под руку, устроилась тёплым уютным клубочком и сунула палец в рот. Себ осторожно перехватил её руку и не стал отпускать, медленно поглаживая. В какой-то момент Сьюзен рассмеялась: «Щекотно!» — и вырвала руку, завозилась. А через десять минут уже спала, чуть приоткрыв рот.

Себ выключил телевизор. Осторожно позвал Сьюзен, но она даже не пошевелилась. И Себ решил — к чёрту. Простит ему Эмили маленькое нарушение вечернего ритуала. Так что просто отнёс Сьюзен наверх, уложил, накрыл одеялом, погасил свет, а сам остался ещё на лишний час. Просто сидел в её комнате, слушал тихое дыхание и ни о чём не думал.

Александр: часть первая

«— Ваш новый фильм называют «скандальным» и «шокирующим», как вам эти эпитеты? Может, подберёте свои? — Как насчёт «жизненный» или «правдивый»? Не могу ничего поделать с тем, что жизнь скандальна и временами шокирует, извините. Это в ведении Господа Бога»

Из интервью на CNN

Александр Кларк не любил свою лондонскую квартиру той особой нелюбовью, которую может позволить себе человек, проводящий по обыкновению зиму в семейном поместье в Хэмпшире, а весну, лето и осень — на съёмках в разных уголках земного шара.

Квартира на Ратленд-гейт перешла к нему по наследству от дяди. Он обладал прекрасным вкусом, и Александр так и не решился с его смерти понять хоть что-то. Викторианской эпохи кровать под балдахином всё так же стояла в спальне, а небольшую гостиную делали визуально ещё меньше три разномастных кресла в вязаных чехлах.

Вступив в наследство, Александр разве что завёз большое компьютерное кресло в кабинет — оно было удобнее и безопаснее для спины, чем дядюшкин стул, проследил, чтобы в гостиной на правильном уровне развесили колонки от двух компьютерных центров и усадил на рабочий стол Мишель.

Лучший друг, Мэтт, звал квартиру «барахолкой» и «складом хлама». И, глядя на неё его глазами, Александр признавал справедливость этих характеристик. Тем не менее, он едва ли позволил бы минималисту-Мэтту выбросить хотя бы одно кресло или заменить хотя бы один из сервизов на однотипную бездушную керамику из «Икеи».

Александр находил квартиру уютной. И всё-таки не любил.

То, что он оставался в ней, всегда означало только одно — съёмки закончены, и вот-вот фильм выйдет в прокат. Значит, скоро творение его разума окажется на больших экранах, растянутое на них, какое-то жалкое и пошлое, лишённое былого очарования.

— Александр?

Очень медленно, неохотно он сфокусировал взгляд на Елене.

Это было чудо, что она вырвалась к нему сегодня, отложила все свои дела, наверняка государственной важности, подвинула все встречи, чтобы провести с ним пару часов. И конечно, они оба понимали, почему она пошла на такие жертвы.

— Я в порядке, правда, — улыбнулся он. — Ты знаешь, это просто хандра. Она пройдёт.

— Знаю, — ласково сказала она, и её лицо осветила искренняя улыбка.

— Сиди так, — попросил Александр, дотянулся до блокнота и несколькими движениями карандаша попытался захватить этот образ. Но он рассыпался.

Елена была единственным человеком, кого он не мог нарисовать, сколько ни пытался. Он тщательно зарисовывал её короткую стрижку, уверенную линию челюсти, крупные глаза, строгие, тяжёлые надбровные дуги и жёсткий контур губ, привыкших отдавать приказы. Но даже очень точная передача всех черт на бумаге отнюдь не делала рисунок Еленой, а ту самую суть, смысл, он не мог уловить.

— Уже можно? — засмеялась она, когда Александр недовольно закрыл блокнот.

— Даже рисовать не могу. Ненавижу это чувство, — он запрокинул голову на высокую, мягкую спинку кресла, обтянутого вязанным чехлом.

— Всё пройдёт, — она накрыла его пальцы широкой мягкой ладонью. — Всё будет хорошо.

— Помнишь этот момент из «Реальной любви»? Эмма Томпсон говорит с Хью Грантом. «Что сделал сделал сегодня мой брат? Заступился за честь своей страны. Что сделала я? Голову омара из папье-маше». Вот я чувствую себя как человек, сделавший голову омара.

— Ошибки, ошибки... Эмма Томпсон говорит с Аланом Рикманом. Я вряд ли стану премьер-министром, — покачала головой Елена, — а ты сделал не голову омара, а фильм, который критики The Guardian назвали «гениальным», а The Sun — «открытием года». И что ещё будет после премьеры...

Александр позволил себе небольшую слабость и снял очки, потёр глаза пальцами. Он никогда не читал рецензии на свои фильмы, но кто-нибудь время от времени всё-таки сообщал ему о том, что они существуют.

— Сколько бы я ни бился, — проговорил Александр, несколько скептически разглядывая свой стакан с соком, к которому так и не притронулся за почти час разговора, — насколько бы ни оттягивал премьеру, каждый раз одно и то же. Пока я смотрю фильм на монтаже и на предпоказах, я его как будто не вижу. Всё равно, что пытаться разглядеть свою почку. Но стоит ему выйти на экраны, и всё. Он перестаёт быть частью меня. И тогда я смотрю его и понимаю, каким он должен был бы быть на самом деле. А то, что получилось, всегда оказывается жалкой пародией.

— Это твоей пародии пророчат «Оскар», — заметила Елена.

— Не показатель. Если что, я всё равно откажусь от номинации.

— Почему?

— Мне не нравится тот курс, которым идёт Гильдия кинокритиков. Не хочу участвовать в премии, критерии которой мне... — он бы сказал, что не ясны, но правдивее было бы: слишком уж ясны. Ладно, не важно.

Он знал, что меньше всего сестре интересно слушать про закулисные игры кинобизнеса.

— В таком случае, если этот фильм — жалкая пародия, то боюсь, что оригинал свёл бы мир с ума. Официально выражаю тебе благодарность за то, что бережёшь страну от массового помешательства.

Александр засмеялся и спросил:

— Неужели посмотрела?

— Отрывками, — несколько виновато призналась Елена. — Если у меня выдастся выходной, запрешь в комнате с телевизором, твоими фильмами и... — она щёлкнула пальцами, — ведром попкорна.

Им обоим было очевидно, что этого не произойдёт, как минимум до тех пор, пока в Британии существует терроризм, а следовательно, требуется принимать меру по противодействию ему.

Елена бросила короткий взгляд на маленькие золотые наручные часики, и вздохнула. Александр поднялся, не дожидаясь её речи, полной извинений.

— Я ценю, — произнёс он искренне, подавая сестре руку, — что ты нашла для меня время.

Елена встала тяжелою, поворчала на низкое кресло, а Александр охватил внимательным взглядом её фигуру. Ему не нравилось, что она прибавляет вес. Плюс двадцать футов за последние три года, и это при том, что, он знал, Елена не пренебрегает советами своего диетолога, да ещё и уделяет немного времени спортивным занятиям.

— Я жирная, и мне не требуется твоего мнения по этому поводу, — ворчливо сказала она.

— Ты прекрасно выглядишь, — ответил Александр, не сильно погрешив против истины. Она едва ли могла бы покорить модельный подиум, но выглядела как человек, способный править миром. Как на вкус Александра — это куда важнее.

— А ты безбожно врешь. Прости, мне правда пора.

Коротко обняв его (для чего Александру пришлось сильно наклониться), Елена достала из своей объёмной сумки записную книжку и пролистнула её и объявила:

— В субботу обед, родители ждут, я пришлю за тобой машину. Дальше... Пожалуйста, будь аккуратным. Никаких сомнительных связей, никаких... — она вздохнула, — непроверенных девушек. И никакой депрессии, ясно?

— Непроверенная девушка помогла бы предотвратить депрессию, — шутливо отозвался Александр. За столько лет он привык к этим нотациям и знал, что Елену они успокаивают. Будь её воля, она, наверное, приставила бы к дверям квартиры палу телохранителей, а внутри повесила бы камер, но, к счастью, понимала, что это не та мера, которая встретит понимание у Александра. Ему было достаточно того, что его юристы сидят у неё на второй зарплате, а лондонская домработница пишет ей электронные письма дважды в неделю.

— Всё будет хорошо, — пообещал он.

— И поешь.

— Мэтт проследит, — пожал плечами Александр.

— Вот и чудесно, — отозвалась Елена.

Неторопливым, полным достоинства шагом Елена покинула квартиру. Александр запер за ней дверь, опустился в кресло, ещё теплое от её тела, закрыл глаза и подумал, что нужно что-то поесть. Неделя до премьеры и две — после всегда были тяжёлыми. Но это не значит, что можно перестать есть. Мэри варила ему несолёный рис, он точно не доставит проблем. И, возможно, стоит добавить пару ломтиков лёгкого сыра?

Преодолевая внутреннее сопротивление, Александр всё-таки пошёл на кухню и соорудил себе очень простой перекус. Потом сделал ещё одно небольшое усилие — и договорился сам с собой на чай.

Новое задание было поздним вечером. Себ наблюдал за встречей в бывших доках в районе Ньюхэм. Под фонарём, на парковке с раздолбанным асфальтом стояло два совершенно одинаковых автомобиля — серых «Форда Мондео». Они отличались только номерами, в остальном были полностью идентичны — вплоть до полосатых чехлов на передних сиденьях.

Впервые за это время во встрече участвовали Клаус и Фоули одновременно. Причём Фоули был абсолютно неузнаваем — он не кривлялся, не манерничал, а молчал и вёл себя так, словно опасался и Клауса, и третьего участника — высокого нервного блондина. И одет был не в костюм, а в какую-то потёртую джинсовку, ещё и в кепке.

Себ не мог даже предположить, о чём там идёт речь, но по привычке всё равно крутил в голове бессмысленные диалоги. Вот, сейчас блондин, слегка стукнув по капоту ближней к нему машине, взмахнул руками. «Мне нужна именно эта!» — наверное, воскликнул он. Клаус не шевелился и руками не махал, ещё и стоял спиной к Себу, так что увидеть, открывает ли он рот, было нереально. Но должно быть, он ответил: «Они совершенно одинаковые, мистер. Можете убедиться». Да, он сказал что-то в этом роде, потому что блондин обошёл вторую машину, открыл багажник, посмотрел в него, кивнул и отошёл. Фоули подбежал и закрыл багажник обратно. Клаус вытащил ключи из кармана.

Вне фокуса, справа мелькнуло белое. Себ быстро перевёл взгляд и увидел женщину в светлом костюме. Она замерла на краю парковки.

— Клаус, — сказал Себ в микрофон, — на три часа от тебя. Кто это?

— Чёрт, — выругался Клаус. Блондин вздрогнул и повернулся к женщине спиной, как будто боясь, что она увидит его лицо. Фоули вроде бы нервно оглянулся — и посмотрел точно туда, где было укрытие Себа.

— Убери её, — велел Клаус.

Женщина, кажется, пыталась понять, идти ей дальше или бежать прочь, но Себ не дал ей времени на принятие решений, убиравая свидетеля одним чистым выстрелом. Блондин дёрнулся от громкого звука, подскочил — уставился на Клауса с выражением ужаса на лице. Клаус покачал головой. Блондин сел в ту машину, в которую, похоже, и нужно было, и уехал.

Клаус спросил о чём-то Фоули. Может: «Что делать с трупом, сэр?». Фоули снял кепку и пригладил волосы. Махнул Клаусу на оставшийся «Форд» и явно приказал уезжать. Спустя минуту второй автомобиль покинул парковку. Когда наступила тишина, Фоули снова посмотрел в сторону Себа и поманил его пальцем.

В этот раз Себ был со своей винтовкой, поэтому он потратил время на то, чтобы аккуратно собрать её. С «М-24» они были вместе уже пять лет, и она по праву заслуживала звания лучшей винтовки в мире: тихая, меткая и послушная. И компактная. После сборки она помещалась в небольшой чехол, со стороны похожий на сумку с какими-нибудь ракетками или другими спортивными снарядами. Себ закинул чехол на плечо и спустился.

Фоули стоял, сунув руки в карманы, и покачивался с пятки на носок. Увидев Себа, он кивнул и снова поманил пальцем, требуя следовать за собой. Бросив короткий взгляд на труп и понадеявшись, что Фоули или Клаус о нём позаботятся, Себ последовал прочь от парковки, на плохо освещённую широкую улицу, засаженную хилыми деревьями.

В какой-то момент Фоули перехватил болтающийся на запястье крест и начал крутить его в пальцах. Потом спросил:

— Жалобы? Эмоции? Отпуск для поправки душевного здоровья?

— Что? — переспросил Себ.

Фоули замедлил шаг и посмотрел на него с интересом. Себ поёжился под взглядом его светлых, даже как будто светящихся в темноте глаз.

— Почему тебе не жаль её? Она ведь была хорошенькой. Глупая девочка, которая просто заглянула не туда.

И тут до Себа дошло, что Фоули имеет в виду. Оставшийся на парковке труп.

— Клаус приказал — я выстрелил, — ответил Себ. — Я солдат, а солдаты не обсуждают приказы, сэр.

— Джим.

— Джим, — согласился Себ.

Фоули цокнул языком, кивнул своим мыслям — и отвернулся. Они шли ещё полчаса, и за это время он не произнёс ни слова. Они пересекли автостраду, пару раз свернули в проулки, а потом вышли на широкую улицу, где ещё даже сохранялось какое-то движение. Фоули указал пальцем на юго-запад:

— Тебе туда, — а сам развернулся и пошёл строго в противоположную сторону, продолжая играть с распятием.

Себ поймал такси почти сразу. В мыслях крутились события вечера. Себ не переживал из-за выстрела. Но это не означало, что он не думал о нём. Фоули ошибся. Ему было жаль девушку, которая зря зашла на пустую парковку. Но был приказ и была осознанная необходимость выстрелить. Он это сделал. К счастью, ему никогда не снились по ночам убитые — иначе он, наверное, сбежал бы из Афганистана ещё в две тысячи втором.

На следующий день ему никто не писал и не звонил — а Себ, если честно, не отказался бы от срочного задания. Однако его не было, а значит, не было повода отменить неприятную встречу.

Себ провел пластиковым гребешком по волосам, поправил галстук, поддёрнул рукава пиджака, который, кажется, стал маловат в плечах, бросил на своё отражение недовольный взгляд и вышел из дома.

На обед к Эмили он ехал несколько заранее, наплевав на все правила приличия. Ему просто хотелось побыстрее с этим закончить. И даже при том, что он сам придумал устроить этот обед, участвовать в нём не хотелось.

Его успокоила бы быстрая езда. Но вы пробовали ехать быстро в Лондоне в половине четвёртого после полудня в субботу? «Форд» едва тащился по пробкам, пару раз Себ нарушил, чтобы проскочить очередной затор, но на среднюю скорость движения это не сильно повлияло. Радио он выключил — раздражало. Начал постукивать пальцами по рулю. Поймал себя на этом — и немедленно прекратил. Внутри будто бы что-то зудело и ворочалось. Мелькнула бредовая мысль бросить машину на любой парковке (только попробуй, найди её) или просто на тротуаре и пойти пешком.

Зачем ему вообще сдался этот обед?

«Ради Сьюзен», — напомнил он себе. Он делает это ради Сьюзен. Поэтому придёт сейчас домой к Эмили, будет жать руку её новому парню, травить какие-нибудь анекдоты и

вести себя дружелюбно.

Сьюзен важно увидеть, что он ободряет выбор её матери, и главное, что появление Джексона Уилшира ничего не изменит и не испортит.

На стадии планирования всё было отлично. Себ считал, что им необходимо пообедать вместе, Эмили поддержала идею. Но теперь Себ с трудом боролся с непонятным глухим раздражением. И он даже не мог точно сказать, что его злит: не ревность же, в самом деле?

Выворачивая к дому Эмили, Себ понял, что вспотел. Почти час в дороге, нервы и плохое настроение сделали своё дело. Оставалось надеяться на дезодорант. Какое ему вообще дело, что о нём подумает Уилшир?

Дверь дома открылась, и на улицу выскочила Сьюзен. Все неприятные мысли, всё волнение и раздражение тут же исчезли. Себ улыбнулся, ощущая, как внутри разливается тепло, вышел из машины и подхватил Сью на руки.

— Папа! — она поцеловала его в щёку.

— Привет, принцесса, — он поставил её на землю и взял за руку. — Как дела?

— Плохо, — твёрдо ответила Сьюзен. — Я не стану с ним обедать. Пап, давай что-нибудь сделаем? Я просто... — она замялась, — я не хочу, чтобы он жил с нами. Он противный.

Как бы понять ещё, Сьюзен не нравится Джексон, потому что она ревнует Эмили или потому что с парнем что-то не так?

— Слушай, — Себ присел на корточки, — твоя мама любит Джексона, мы с тобой это уже обсуждали. Но я хочу, чтобы и она, и ты были счастливы. Дай мне познакомиться с ним. Если мне покажется, что он плохой человек...

— Ты побьёшь его?

— Нет. Бить людей — это плохо. Но я поговорю с твоей мамой.

Сьюзен потёрла нос:

— Можешь говорить уже.

Себ покачал головой и поднялся:

— Сначала мы пообедаем. И ты, твоё высочество, будешь вести себя хорошо.

— А то что? — с вызовом спросила она.

«А это что-то новенькое», — недовольно заметил Себ. Такого он от Сьюзен ещё не слышал. Либо Эмили или Джексон часто используют фразы типа: «Сделай, а то накажу» либо... когда там положено начинаться переходному возрасту? Вроде бы рановато ещё.

— А то я всё внимание буду уделять твоему плохому поведению и совершенно не смогу познакомиться с Джексонном. Ясно?

— Я-ясно, — протянула Сью недовольно. — Буду.

— Слово?

— Слово, — и она протянула ему ладонь. Себ её пожал, скрепляя договор, и они вместе пошли в дом.

Эмили радостно улыбнулась и помахала Себу рукой.

— Проходи в гостиную, Джек будет с минуты на минуту, а я должна справиться с этой птицей!

— С птицей?

— Индейка, — скривилась Эмили, а Себ принялся и действительно узнал запах жареной индейки.

— Ты её победишь, — уверенно сказал Себ. Эмили отлично готовила, так что

сомнений не было никаких.

В гостиной уже был накрыт стол на четверых. Но задержаться там Себу не дали: Сью немедленно потащила его в свою комнату, смотреть новые рисунки. Сьюзен с раннего детства любила рисовать, но в последнее время у неё стало получаться совсем хорошо. Как минимум, у Себа не возникало ни малейших сомнений, что именно изображено на рисунке.

— Это я вчера рисовала, мы с мисс Кларенс ходили к пруду.

Себ взял акварельный рисунок и внимательно изучил его. Кажется, в прошлом году Сьюзен с трудом справлялась с тем, чтобы предметы были нормальных размеров. А теперь на рисунке была совершенно правильная, как он мог судить, перспектива. И в воде отражались облака.

— Здорово! — искренне сказал он. — Мне нравится.

— Хочешь, я тебе его подарю? Хотя нет. — Сьюзен забрала лист бумаги, — я тебе нарисую другой, лучше.

— Я буду ждать.

Они убрали рисунки по местам и, когда прозвенел дверной звонок, спустились вниз.

Джексон обнаружился в гостиной. Он как-то робко стоял возле стола, сунув руки в карманы брюк. Высокий, худощавый. Тёмные волосы длиннее, чем на последнем фото: слегка прикрывают уши. Лицо узкое и настолько типично-британское, что хоть в учебник запикивай.

Он широко улыбнулся, вытащил руки из карманов, протянул одну Себу и сказал торопливо:

— Привет! Я Джексон. Джексон Уилшир. Привет, Сьюзен, как дела?

— Себ, — представился он, пожимая протянутую руку, и слегка надавил на плечо Сьюзен. Поняв намёк, она ответила недовольно:

— Привет.

— Я... очень рад познакомиться, очень. Себ — это от Себастиана, да?

— Просто Себ.

Он давно планировал задать маме вопрос, что именно заставило её выбрать это жуткое километровой длины имя для своего сына, но как-то к слову не приходилось. Себ сделал то, что было возможно: обрезал от этого имени столько лишних букв, сколько было возможно.

— Сьюзен постоянно о тебе говорит, — продолжил Джексон. — Ты военный, да?

— Уже нет, — отозвался Себ сухо. — Работаю в охране.

— А где служил?

— На войне! — заявила Сьюзен. Джексон засмеялся, но слегка натужно.

— Учитывая обстановку семейного обеда, — чуть улыбнулся Себ, — давай остановимся на этом исчерпывающем ответе. А ты чем занимаешься?

Из досье, конечно, Себ знал, что Джексон — стоматолог, что у него частная практика и свой кабинет, пусть и не на Харли-стрит, но неплохой и доходный. Но светить этими знаниями не собирался.

— Стоматолог.

— Полезное знакомство, Сьюзен, — заметил Себ. — У тебя сколько зубов ещё не выпало?

Сью посчитала:

— Шесть.

— Как минимум шесть раз Джексон сможет тебе помочь.

— Обязательно помогу! — с энтузиазмом заверил её Джексон. — Да и тебе, Себ. Будет нужно — обращайся, сделаю скидку.

— Ну, если скидку...

— Дорогие мои, за стол. Я одолела индейку!

В гостиную вошла Эмили с блюдом, на котором лежала крупно порезанная индейка с аппетитной корочкой. Джексон тут же засуетился, перехватил блюдо, помог поставить его на стол, уронив пустой стакан, и все сели на свои места. Сьюзен решительно устроилась между Себом и Эмили, напротив Джексона, и кидала на него недовольные взгляды.

— Алкоголь не предлагаю, — проговорила Эмили мягко, — но есть отличный морс.

Себ потянулся к графину — разлить — и столкнулся с рукой Джексона. Логично. Если он переберётся к Эмили, то будет хозяином в этом доме.

— Извини, — Себ убрал руку, и Джексон налил всем морса, потом положил идейки и сел на место. Руки у него немного подрагивали, и Себ понадеялся, что в стоматологическом кабинете он ведёт себя увереннее.

Но, не считая этого эпизода, обед шёл мирно. Эмили сначала явно ощущала неловкость, но потом расслабилась и снова начала улыбаться обычной своей мягкой улыбкой. У Джексона перестали дрожать руки. Сью всего пару раз отказалась отвечать на вопросы Джексона, а сам Себ... Пытался понять, какого хрена он тут вообще забыл. Они выглядели мирно, уютно и хорошо — все трое. Сьюзен отходчивая. Она быстро примет Джексона как не как отца, то как друга и старшего родственника. И они будут отличной семьёй. Сам он здесь — лишний.

— Па-ап? — Сьюзен коснулась его плеча.

— Что, дорогая?

— Пап, мы ходим в зоопарк? Помнишь, ты обещал? — и бросила на Джексона хитрый взгляд.

Себ быстро разгадал, что тут произошло. Он не обещал Сью никакого зоопарка, зато туда предложил пойти Джексон. И она открыто сообщала: «Видишь, ты мне не нужен, даже в зоопарк меня может сводить папа».

Хотелось сделать вид, что он ничего не понял, и ответить: «Хоть завтра». Но чёрт, это было бы очень неправильно по отношению к Эмили и Джексону.

Себ чуть прикусил язык. Нет, не сможет отойти в сторону и не портить эту идиллическую картинку. Ни за что не откажется от своей роли в жизни Сьюзен. Но и Джексону мешать строить с ней отношения не станет.

— Что-то не помню я про зоопарк, — произнёс он. — И знаешь, я его не очень-то люблю. Все эти тигры в клетках...

— Я обожаю зоопарк! — радостно сообщил Джексон. — Хочешь, ходим завтра вместе, Сьюзен? Эмили, ты с нами?

Прежде, чем Сью успела категорически отказаться, Себ вставил:

— Мне нравится этот план. А мы с тобой в через выходные поедem смотреть оленей. Без клеток. Что скажешь?

На лице Сьюзен явственно читались муки выбора. Ей не хотелось никуда идти с Джексоном. И ещё больше ей хотелось показать маме, что Джексон ей не нравится. Но при этом, ей хотелось в зоопарк. А вариант «пойти туда с папой» отпал. Обидеться на Себа она тоже не могла — он объяснил причину для отказа и предложил другое развлечение.

— Ладно, — буркнула она.

После мороженого на десерт Сьюзен ушла в свою комнату, и атмосфера в гостиной снова стала неудобной. Эмили и Джексон перебрались на диван, Себ сел в кресло, закинул ногу на ногу и понял, что сказать ему нечего.

Эмили разглядывала маникюр, Джексон заинтересовался обивкой дивана. Впрочем, именно он первым нарушил тишину и спросил:

— Значит, ты в охране? Не стал спрашивать подробности при Сьюзен, понимаю, ей это ни к чему. Чем именно занимаешься? Если это не секрет, конечно, — он улыбнулся и развел руки. Дружелюбие буквально хлестало из него. А ещё он сидел очень близко к Эмили, не пытался лапать её, но как бы держал в своём поле, в своём личном пространстве. Очень интимно.

— Никаких секретов, — отозвался Себ, чуть отведя взгляд. — Работаю в корпорации, сопровождаю босса на встречи. Играю мышцами и всё такое.

— Я думал, там предпочитаю бугаев, — фыркнул Джексон.

— Мой босс предпочитает результат.

— Я рада, что ты вернулся, — произнесла Эмили. — Не думала, что ты решишь осесть в Британии. Мне казалось...

— Я уже староват для армии, — с деланным равнодушием сказал Себ и повторил то, что говорил уже несколько раз разным людям: — Начинаю тянуться к мягкой кровати и горячему душу.

— Да уж, понимаю, — засмеялся Джексон, а Эмили посмотрела как-то странно и сказала:

— Забавно, как с возрастом меняются люди. В двадцать пять ты говорил, что у тебя есть призвание, единственный талант, и ты не собираешься его зарывать... Впрочем, я рада, что это в прошлом.

— Что за талант? — тут же заинтересовался Джексон, а Эмили совершенно спокойно сообщила:

— Он снайпер какого-то там очень высокого класса. Один из лучших в британской армии.

— Ух ты! — восхитился Джексон, как будто ему рассказали, что Себ лучше всех в Британии... ну, скажем, строит дома или вышивает крестиком. Это было даже как-то ненормально — испытывать такой восторг, учитывая род деятельности, о котором они говорили. — Ты выступал на соревнованиях? — а, вот теперь понятно.

— Нет, не выступал, — Себ поймал его взгляд и сказал достаточно прохладным тоном: — Чтобы снять эти вопросы в будущем: в армии снайпер не поражает гонги на больших расстояниях на скорость. И лучших оценивают по другим критериям.

Джексон сглотнул, перевёл взгляд за окно и объявил, что погода сегодня прекрасная.

Если бы был прибор, который меряет неловкость беседы, он бы пищал без остановки, а показатели бы зашкаливали.

— Себ, я хотела спросить... — Эмили поёрзала на диване. — Мы с Джексонем хотим в начале сентября на неделю уехать в отпуск. Ты не мог бы присмотреть за Сьюзен? Днём она с няней, никаких сложностей. И, к тому же, начнётся учёба...

— Без проблем, — тут же согласился Себ. — Позвони мне потом, скажи даты.

Оставалось надеяться, что Фоули не придёт в голову куда-нибудь его послать.

— Спасибо! Я бы взяла её с нами, но школа...

А ещё восьмилетний ребёнок не очень способствует романтике, ага. Себ отлично

понимал.

— Ладно, мне пора. Завтра...

— Работа, да?

Вообще-то нет, но именно это он и хотел сказать.

— Точно. Джексон, рад знакомству. Удачи в зоопарке.

«Я тоже очень рад», «Спасибо, что пришёл», «Звони», — и прочее в том же духе.

Простившись с ними, Себ поднялся к Сьюзен. Она вспомнила про их маленький уговор, но не заговорила о том, чтобы выкинуть Джексона из дома или побить. Может, дело в зоопарке, а может, обед сработал именно так, как Себ и хотел.

Он немного ещё посидел с дочерью, послушал о жизненных неурядицах героини какого-то мультика и ушёл.

Всё прошло хорошо. Но больше дом Эмили не казался ему домом.

Клаус дважды вызывал Себа в охрану на деловые встречи и один раз отправил приглядывать за «Хаммером» без номеров. Разумеется, Себ должен был не выслеживать машину, а держать её под прицелом. Но наушник так и не отдал команду стрелять, и «Хаммер» благополучно скрылся за поворотом. А потом наступило затишье. Внезапно и Клаус, и Фоули пропали. Не было ни звонков, ни сообщений, ни заданий.

И Себ понял, что буквально вешается со скуки. Он никак не мог хоть чем-то забить свободное время. Как-то он зашёл в строительный магазин, купил шпатлёвку, штукатурку, пять вёдер краски, инструменты и выкрасил стены и потолок. Теперь в комнате было чисто, свежо, но воняло краской. И с цветом он, кажется промахнулся. Выбрал бежевый, а вышел какой-то буро-коричневый, под цвет запыленного грязного брезента. Зато белый потолок получился отлично и ровно.

Следом Себ приобрёл кровать. Надоело уже говорить всем про неё, а спать на раскладном диване.

После этого ещё сутки он провалялся в кровати, открывая для себя какие-то давно забытые грани наслаждения физическим комфортом. Смотрел телевизор. Провёл тщательную ревизию Интернета и отобрал целую папку подходящей порнухи — пока на просмотр не очень тянуло, кажется, он перебрал этого добра на неделе после возвращения в Британию. Но пусть лежит, в конце концов.

Когда в пятницу позвонил Грег и спросил, не хочет ли он выпить пива, Себ подскочил с новой кровати как по сигналу тревоги.

— Со мной тут пара ребят из отделения, — продолжил Грег. — Не возражаешь?

Себ не возражал бы, даже скажи Грег, что с ним пара маньяков и Джим Фоули собственной персоной.

Полицейские заняли их с Грегом любимый угловой столик и придвинули к нему ещё один. Оказалось, что коллег с собой Грег привёл троих. В самом углу сидел полный лысый мужичок лет пятидесяти. У него было добродушная широкая улыбка и старомодные усы щёткой. Рядом с ним — неприметный парень с коротко стриженными светлыми волосами. Он обжёг Себа очень внимательным взглядом и первый протянул руку, бросив отрывисто:

— Пол Брэндон.

— Кристофер Рич, — помахал полный мужичок, чтобы не тянуться через стол.

— Джоан Вуд, — рука Себа оказалась в крепкой хватке молодой женщины с очень коротко стриженными чёрными волосами и резкими чертами лица.

Стоило Себу сесть за стол, как его просветили: собрались они не просто так, а по поводу.

— С повышением, детектив-инспектор! — объявила Джоан, и остальные подняли бокалы. Себ присоединился к бурным поздравлениям.

— Я всегда говорил, что он далеко пойдёт, — пояснил толстяк-Кристофер. На полицейского он не очень-то походил, но по паре фраз Себ разобрался, что он судмедэксперт, а потому быстро бегать ему не обязательно, главное работать как следует головой и руками.

Джоан теперь была напарником Грега, а Пол возглавлял их команду.

— Что, Себ, не желаешь в полицию? — спросил Пол на второй пинте. — Тут недобор

крепких и башковитых ребят.

— Нет, спасибо, — Себ салютовал ему бокалом. — Я уже попробовал, с меня хватит.

— Попробовал? — удивилась Джоан. Грег и Себ переглянулись — и новоназначенный детектив-инспектор пустился вспоминать эту историю тринадцатилетней давности.

— Мы начинали вместе на курсах. У этого парня, — он с обвинительной интонацией в голосе ткнул пальцем Себу в грудь, — отличная память. А как он с цифрами обращался — это надо видеть, — он улыбнулся и спросил: — Себ, девятьсот сорок семь на триста четырнадцать?

— Эм... — Себ сдавил переносицу. Он, конечно, хорошо считал (поэтому и стал хорошим снайпером), но не после пива же? — двести восемьдесят... двести девяносто семь тысяч триста пятьдесят восемь.

— Джоан, проверь! — велел Пол. Джоан полезла за телефоном, потыкала кнопки и объявила:

— Верно! — и тут же сообщила: — Вы сговорились! Жульничество!

— Прости, Себ, — Грег развёл руками.

Себ проворчал:

— Как всегда... — потому что, действительно, этот номер повторялся далеко не в первый раз.

— Я проверю! — решительно сказала Джоан. — Шестьсот сорок пять на четыреста восемьдесят. Восемьдесят два.

— Триста десять тысяч... эм... восемьсот девяносто, — посчитал Себ, и, после проверки на калькуляторе, было единогласно решено выпить ещё.

— Эй-эй, — напомнил Кристофер, — с этой арифметикой вы не дорассказали историю. Почему же этот математик не работает в Ярде?

Грег, хлопнув себя по лбу, вернулся к теме:

— У него было отличное будущее в полиции! Как думаете, что его напугало? — он сделал драматическую паузу. — Бумаги. Этот сукин сын сбежал, когда понял, сколько придется вести отчётности.

После нескольких секунд молчания грянул громовой хохот, который подхватил и Себ. Честное слово, он не жалел о том, что сбежал с курсов. Он и пошёл на них просто так, сам не зная, чем хочет заниматься, выбрал, потому что «полицейский — это уважаемо», по мнению мамы, и потому что «должна быть мужская профессия», по словам папы. И потому что его задолбало подрабатывать непонятно где и кем: то официантом, то грузчиком, то продавцом. Хотелось заняться чем-то серьёзным.

— Может, и не прогадал, — сказал Кристофер, отсмеявшись. — Зато вон, весёлый, здоровый и волосы все на месте.

— И даже без седины, — не без зависти заметил Грег. Пол и Джоан, у которых седины тоже не наблюдалось, переглянулись и пожали плечами.

Потом, конечно, начались рабочие истории. Привалившись к стене, потягивая пиво и хрустя картошкой, Себ слушал про найденного в Темзе выпотрошенного покойника и про загадочный глаз, который непонятно как вытащили у убитой недавно женщины, про «там так воняло, что я сам чуть не блеванул» и про «помнишь Фила, стажёра? Он тут у меня хлопнулся в обморок от отрезанных пальцев».

И был во всём этом определённый уют. Всё равно, что сидеть с ребятами на базе и трепаться о происходящей вокруг жести, превращая каждую первую историю в анекдот.

— Прости, Себ, — в какой-то момент сказала Джоан, — профдеформация. У нас вроде праздник, а мы всё про трупы.

— Вы про работу, — пожал плечами Себ и заметил, что Джоан очень привлекательна. Не красива, боже упаси, какая уж тут красота с этими обрезанными волосами, с квадратной мужской челюстью и стойким запахом сигарет (она выходила курить чаще всех, уже раз пять). Но очень привлекательна. Себ изучал её руки с длинными пальцами и короткими ногтями без лака, длинную изящную шею, самый верх ключиц в вырезе бесформенной рубашки... Из остальных голосов её слышался отчетливее и ярче.

— Мои друзья обычно приходят в ужас, если я заговариваю о работе, — продолжила Джоан, разворачиваясь к Себу всем копусом. Он тоже поменял положение и спросил:

— А муж? Тоже приходит в ужас?

— Я не замужем, — широко улыбнулась Джоан. — Профессия, знаешь ли, не располагает. А замуж за полицейского я в жизни не выйду.

— Почему? — Себ чуть приподнял брови. — Коллега бы тебя понял.

— И то небольшое время, что я отдыхаю, тоже оказалось бы посвящено разговорам о работе? — она наморщила крупный нос с горбинкой, — Ни за что. А что насчёт тебя, Себ? Чем ты занимаешься? Грег толком ничего не сказал, только что ты недавно вернулся в Лондон откуда-то из-за границы.

Она немного понизила голос. Себ наклонился к самому её уху и прошептал, чтобы слышала только она:

— Из Афганистана, если быть точным. Классный курорт.

— О, да. Говорят... жаркий, — так же тихо ответила Джоан. Себ втянул носом её запах: чистый свежий пот, немного дезодоранта, сигаретный дым.

— Эй, Розочка!

Он вздрогнул, когда услышал оклик Грега, чем немало повеселил компанию.

— С этими всё ясно, — махнул рукой Кристофер и покачал головой с видом человека, который понял жизнь и разочаровался в ней.

— Джоан, я буду ревновать! — объявил Пол. Джоан показала ему кулак — крупный для женщины, но явно недостаточно внушительный, и Себ довольно отметил, что в этой компании на Джоан смотрят как на друга, напарника и «своего парня», несмотря на эти шуточки.

— Ревнуй, а мы потом посмотрим, как она тебя отделает в зале, — Грег выпил ещё пива и выругался, когда у него зазвонил телефон.

Пол картинно заткнул уши, и Себ тут же понял, почему: из трубки раздались бешеные крики. Покрасневший Грег вскочил из-за стола и вылетел на улицу, так что никто не успел вникнуть в содержание разговора.

— Жена не одобряет, когда он задерживается после одиннадцати, — сочувственно пояснил Кристофер.

— Жена? Да это монстр, — содрогнулся Пол. — Я как собираюсь жениться — сразу на Грега смотрю и раздумываю.

Себ только головой покачал. У него были подозрения, что с браком Грега всё как-то не очень ладно, но он и не подозревал, что настолько.

Грег вернулся через пару минут, какой-то встрепанный, и засобирался под сочувственные похлопывания по плечам. Без виновника торжества сидеть было уже не так весело, и вскоре домой отправился Кристофер. Пол тоже поднялся, спросил Джоан, не

подбросить ли её, но она сказала:

— Выпью ещё, идите.

Себ попрощался с обоими полицейскими, проследил взглядом за тем, как они вышли, и сосредоточил всё своё внимание на Джоан.

— Наверняка тебя об этом спрашивает каждый, но... Как ты оказалась в полиции? Да ещё и в отделе убийств и особо тяжких преступлений? — Себ положил одну руку на стол, другую — на своё колено, и чуть отклонился назад.

Ему нравилось смотреть на Джоан. На то, как она пила, говорила, на её жесты. Себ однозначно хотел её. Но липнуть к ней как прыщавый подросток на дискотеке не собирался.

— Это всё жажда справедливости, — ответила она спокойно, без манерности. — И криминальные боевики. Бесконтрольный доступ к телевизору. Да и с физической формой у меня всё всегда было отлично, так что нормативы сдала без проблем. А ты? Как ты попал в армию?

— После провала с полицией не знал, чем заняться. Армия показалась хорошей идеей.

— Всё ещё служишь?

— Нет, это в прошлом. Теперь я скучный гражданский.

Ещё минут пять они болтали о чём-то: о гражданских, об учёбе и о прошлых выходных. Потом Джоан замолчала, какое-то время пристально вглядывалась в его лицо, причём без намёка на кокетство во взгляде, скорее так, словно планировала составить его фоторобот, и придя к какому-то решению, сказала твёрдо:

— У меня ненормальный кот и отвратительные соседи за картонной стенкой.

— У меня слегка воняет краской, зато крутая новая кровать, — в тон ей ответил Себ. — Кажется, вопрос решён.

Наступив на гордость Себа неженственными берцами, Джоан расплатилась за своё пиво, но позволила ему взять такси.

Едва оказавшись рядом на заднем сидении, они принялись целоваться. Кто начал первым — хер там разберёшь, но кажется, всё-таки Себ. Он крепко держал Джоан за плечи, впивался в её рот, наслаждался вкусом, запахом, жаркой влажностью решительного языка.

Это была самая долгая поездка в такси в его жизни. Стоило закрыть глаза — и наваливались картины, в которых было больше, чем можно было позволить здесь, в тёмном такси. Вывалившись на улицу, одуревая от свежего ночного ветра, они ещё почти минуту стояли рядом, молча и неподвижно, а потом Себ снова притянул Джоан к себе. Она была ниже него на каких-то полголовы, и это было странно, непривычно, потрясающе хорошо.

До квартиры оставалось сто метров по улице и три лестничных пролёта, но чтобы их пройти, надо было расцепиться, разорвать поцелуй на сорок секунд. И на это не хватало силы воли.

— Себ... — выдохнула ему в рот Джоан, и это дало ему решимость остановиться.

— Мы близко... — прошептал он, прижимая её к своему боку.

Шатаясь как пьяные они поднялись по лестнице, Себ открыл дверь, закрыл и даже запер — и снова угодил в ловушку. Теперь надо было добраться до кровати, а для этого требовалось перестать прижимать Джоан к стене (высохла ведь уже краска, да?).

— Тихо... Стены покрашены...

Джоан хмыкнула — и наваждение как будто немного отступило, хотя перед глазами отчаянно плясали красно-чёрные круги, а стояк больно сдавливался слишком, чёрт их возьми, тесными джинсами.

Взлохмаченная румяная Джоан с сияющими глазами и красными припухшими губами была невероятно красивой. Улыбаясь друг другу и не сводя друг с друга глаз, они прошли в ванную и вымыли руки, Себ умылся и встряхнулся, пытаясь хоть немного вернуть себе трезвость мыслей (но куда там!), а Джоан принялась было приглаживать волосы, но тоже безуспешно.

— О, да, — объявила она, когда они вошли в спальню, — кровать крутая.

— Позавчера купил, — зачем-то сказал Себ.

Она засмеялась, а он пояснил:

— Как вернулся, всем говорю, что в Британии наслаждаюсь душем и мягкой кроватью... А кровати не было. Диван только старей...

Джоан подошла к кровати и упала на неё, перекатилась, вытянулась и повторила:

— Крутая кровать. Присоединяйся.

— Подожду — и уже не встану, — честно признался Себ, не сводя с Джоан глаз. — Подожди минуту...

Презервативы он всё собирался купить, но так и не дошёл. Впрочем, у него был кое-какой запас.

— Я знаю двадцать способов применения презервативов из армейского базового набора. Сейчас мы добавим двадцать первый.

— Наши солдаты правда должны носить с собой резинки? — спросила Джоан, уже успевшая разуться и сбросить пиджак.

— Боже, храни королеву... и тех, кто это придумал, — Себ вытащил из сумки несколько штук и бросил на подушку. — Очень кстати.

Он тоже снял ботинки и забрался на кровать. Поцеловал Джоан в шею, нашёл языком быстро пульсирующую артерию и осторожно облизал. Он снова пьянел, сходил с ума. Минуты адекватности забылись, от напряжения дрожали мышцы. Она сжала его плечи, потом забралась руками под футболку. Себ принялся расстёгивать множество пуговиц на её рубашке. Потёрся носом о ложбинку между полукружиями груди.

— Себ, — она прикусила мочку его уха, — Кем ты служил? Мне интересно.

— Я снайпер, — ответил он, а Джоан опять рассмеялась, утыкаясь ему в шею лицом и начиная расстёгивать пуговицу на джинсах.

— Меткий, да?

Себ подхватил её смех, который тут же превратился в судорожный вздох, когда Джоан осторожно сжала его член прохладными пальцами.

— Не промажу, — выдохнул он сквозь зубы.

Александр: часть вторая

Александр встал и застегнул оставшиеся две пуговицы на своей старой шерстяной кофте. Мэтт бросил на него сочувственный взгляд и спросил:

— Кофе? Одеядло?

— Переживу, нам осталось троих послушать.

Пока в студии было пусто, он объявил девочкам-ассистенткам десятиминутный перекур, и они тут же разбежались.

— Дай-ка, — он забрал у Мэтта пухлый блокнот и пролистал, — запусти мне вот этого, — он открыл на нужной странице.

Мэтт подошёл к камере и выбрал нужную запись. Александр обхватил себя руками и наклонился к экрану. Взял наушник и попал на фразу: «Вы удивительно хороши собой, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда». Выдернул наушник и помотал головой. Нет, звучало в записи совсем не так, как он запомнил. А ведь ему понравился этот кандидат.

Он любил на пробах давать классику. Отрывки из сценария — не показатель. Он хотел видеть фактуру, подход к банальным словам, работу ума. Вложить новую мысль в цитату из книжки, зачитанной ещё в школе — вот задача для актёра. По крайней мере, так он это объяснял Мэтту. Для себя у него был ещё один аргумент: прослушав одну и ту же сцену тридцать-сорок раз на кастинге, он начинал её ненавидеть, как бы она ни была хороша. И всё равно требовал переписать или переписывал сам.

— Девятый, может? — предложил Мэтт сочувственно. Александр кивнул — и снова остановил запись секунд через тридцать. — Не то?

— Может, у меня уже закипели мозги. Всё, давай, конец перекура, слушаем оставшихся — и по домам.

Вернулись ассистентки и Мари, директор по кастингу. Посмотрела строго, велела убрать забытый кем-то пластиковый стаканчик. Смягчилась, встретившись взглядом с Александром, спросила:

— Вы готовы, мистер Кларк? Может, продолжим завтра?

— Мы заставили этих людей долго ждать. Выслушаем сегодня. Трое осталось?

— Четверо! — вмешалась одна из ассистенток. Чуть покраснела, когда Мари недовольно нахмурилась, и добавила: — Простите, мистер Кларк, в списке четверо.

— Четверо... — протянул он. Сбилса со счёта, надо же. Почему-то показалось, что именно этого четвёртого выслушать и будет тяжелее всего, но он понимал, что это просто искажение восприятия. Он уже настроился на то, что осталось трое, что через сорок пять минут этот день закончится. А тут — внезапно! — ещё плюс пятнадцать минут. — Запускай.

Первого из четвёрки можно было выпроводить сразу. Жёстким условием сегодняшних проб было наличие натурального ирландского акцента, а парень явно его имитировал, причём бездарно. Через три фразы Александр дал Мари знак, что этот не подойдёт. Ему нужен был неизвестный, но очень профессиональный актёр-ирландец невысокого роста и с лицом, далёким от классических канонов красоты.

Следующего Александр даже помнил по видеопробам — фактурный парень, очень характерное лицо с крупными чертами, светлые волосы и очень интересные глаза — большие, но как будто пустоватые, слишком светлые. Ещё он был натуральным ирландцем,

что было слышно сразу, и очень недурно работал голосом. Александр сделал пометку в блокноте и на скорую руку набросал зарисовку — поворот головы, профиль, линия челюсти, цепочка на шее под рубашкой. Подумал, что с ним стоит встретиться ещё раз, дать реальный сценарий.

Предпоследний тоже был ирландцем, мелким, да ещё и рыжим. Мэтт шепнул: «Стереотипы. Давай оденем в зелёный пиджак?», — но Александр шикнул на него, чтобы не отвлекал.

Очень интересный парень. Александр провёл карандашом по новой странице, набрасывая глаза. Глубокие, тоже светлые, но темнее, чем у его предшественника, и очень живые. Небольшой прямой нос, подвижные губы, высокие скулы. Бежевый с искрой костюм сидит отлично. Худоват, на камеру может оказаться чересчур, зато эффект может получиться отличным — такой парень совсем в себе, чужой в обществе, непривлекательный для женщин. Разве что сил в нём нет никаких, и это видно. Средней комплекции девушка уделает его легко. Нужно будет подумать.

Александр довёл линию верхней губы и спросил тихо: «Помнишь его на видео?». Мэтт покачал головой.

— Но ты знаешь, я их вообще не запоминаю, пока не встречу. Мелковат.

Александр пожал плечами. Да, роста совсем невысокого, на взгляд — пять и три... с половиной. Но это не проблема: каблук и ракурс всё решают, и половина Голливуда это подтвердит.

— Начинайте, мистер Барри, — велела Мари своим звучным голосом.

Барри... Александр мысленно прокрутил в голове кинопробы, но так ничего и не нашёл. Мистер Барри подошёл к самому краю съёмочного пространства, как будто был в театре и выходил на авансцену, прошёлся немного в сторону Мари, развернулся и остановился прямо напротив Александра.

Мари показала чуть развернуть камеру. Мистер Барри подвинул стул, сел, и тут Александру бросилось в глаза то, что он не отметил сразу: костюм на актёре не просто сидит отлично, он пошит по фигуре. Он парой линий обозначил это на рисунке.

Барри не двигался и не говорил, и Александр посмотрел ему в глаза. Барри улыбнулся, облизнул губы и сказал совсем тихо:

— Да, мистер Грей, боги к вам милостивы, — у него был тенор, высокий, но не визгливый, — но боги скоро отнимают то, что дают. У вас впереди не много времени для жизни настоящей, полной и прекрасной, — в глазах его что-то поменялось.

Парень был на высоте. И плевать, что он крутил и вертел монолог по-своему. Не в порядке предложений в суть, в том, как достаточно пошлое уальдовское рассуждение об абсолютной власти красоты он в самом начале превращал в угрозу.

— Вы удивительно хороши собой, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда. Подлинная тайна жизни заключена в зримом, а не в сокровенном, правда? — он сделал паузу, от которой, однако, не разлило театральщиной. Просто как будто задумался. — Вы улыбаетесь? О, вы не будете улыбаться.

И всё-таки переигрывает. Но, надо признать, переигрывает не критично и не глупо. Не пытается кривляться. Просто как будто чуть-чуть перегибает палку, немного уходит в сторону Бродвея, где, чтобы зрители поняли мысль, её надо с нажимом и паузами сообщить со сцены.

— Вам вдруг станет ясно, что время побед прошло, или придется довольствоваться

победами столь жалкими, что в сравнении с прошлым они вам будут казаться горше поражений, — Барри встал со стула, обошёл его и опёрся о спинку. — Каждый уходящий месяц приближает вас к этому тяжкому будущему. Вы будете страдать ужасно... — он вдруг рассмеялся ни с того, ни с сего. Покачал головой и повторил: — Ужасно, мистер Грей, — и подмигнул Александру. Манерно раскланялся и, не дав Мари даже остановить съёмочный процесс, направился к выходу.

— Мистер Барри! — окликнула его одна из ассистенток. — Мистер Барри! — но он просто ушёл.

Александр откинулся на спинку стула и спросил в пустоту:

— Что это было?

— Псих, — уверенно ответил Мэтт. — Всё, давайте последнего, заканчиваем. Быстро, быстро!

К своему стыду, Александр почти не слушал последнее выступление. А потом попросил Мари найти ему видеовизитку этого Барри. Хотелось понять, как это он мог его не запомнить.

По ввевшейся неискоренимой привычке Себ проснулся в половине седьмого. Какое-то время лежал, наслаждаясь приятной расслабленностью во всём теле и удобством нового матраса, потом перекатился на бок, на соседнюю подушку, от которой пахло Джоан.

Она уехала вчера сразу, на такси. Себ подождал полчаса и набрал оставленный номер. Она посмеялась над его беспокойством: что и кто сделает в такси сержанту полиции? — но, кажется, жест оценила. И телефон всё-таки дала.

Разлёживаться в кровати долго Себ не умел, поэтому встал и уже собрался было в душ, как у него зазвонил мобильник.

— Себ, в офис, живо. Мистер Фоули рвёт и мечет, — без приветствий и предисловий приказал Клаус.

Через полчаса Себ уже подходил к кабинету — и тут Клаус его перехватил. Придержал за плечо, понизил голос после звучного: «Привет, Майлс!», — и прошептал:

— С боссом не заговаривай, ясно? Просто молчи и кивай. Не спорь, даже если он прикажет прыгать с башни. Слушай, а потом иди ко мне, разрулим. Только не зли его.

Себ не успел спросить, какого хера происходит, а Клаус уже распахнул перед ним дверь того кабинета, где, вероятно, должно было проходить собеседование Себа — то самое, которое в итоге состоялось в приёмной.

Пришлось входить. Кабинет был светлый, просторный и очень пустой. Помимо синего дивана в углу был ещё только большой белый стол и чёрное офисное кресло. Фоули находился в кабинете один, и он был не просто зол. От него расходились физически ощутимые волны ярости. Он говорил по телефону, и, едва войдя, Себ услышал:

— Он сделает то, что я сказал... ИДИОТ! — его голос сорвался на визг, но тут же упал до шёпота: — У него три часа. После этого пришли ему Тобби. Скажем, верхнюю половину.

«Твою мать, — подумал Себ отстранённо. — Остаётся надеяться, что «Тобби» — это такое сокращение». А что, у финансистов много странных аббревиатур. Может, это... торговые... облига... облигаторные банковские бумаги?

Лицо Фоули подсказывало, что, скорее всего, нет. Он сбросил вызов, кинул на Себа быстрый злой взгляд и рявкнул:

— Майлс! Явился. Где тебя носит?

Вместо ответа Себ выпрямился, щелкнул каблуками и замер. Клаус был прав. С таким Фоули лучше просто молчать.

— На столе папка.

Себ немедленно прошёл через кабинет и взял в руки картонную папку.

— К концу сегодняшнего дня он должен прекратить своё жалкое существование, — Фоули отвернулся. Его плечи подрагивали, пока он вглядывался куда-то вдаль.

Открыв папку, Себ первым делом увидел фотографию незнакомого мужчины лет пятидесяти в чёрном пальто. Лицо достаточно приметное: крупные глаза, длинный нос. Волосы густые.

Дальше шла короткая биографическая справка, а за ней — подробный список привычек, посещаемых адресов, распорядок дня и планы на сегодня.

Нужно было сказать что-то вроде: «Есть, сэр», — но предостережение Клауса и собственный здравый смысл требовали молчать. Развернуться и уйти? Задание получено. Но

Фоули и не думал его отпускать хотя бы жестом. Поэтому Себ продолжал стоять, держа в руках заказ на убийство.

Спустя минуту Фоули обернулся. Он выглядел так, словно не спал двое суток: под глазами чернели круги, кожа посерела. Он облизнул совершенно белые губы и спросил вкрадчиво:

— Что-то не ясно?

Себ сглотнул и покачал головой.

— Если он останется в живых к полуночи, тебе не понравится моя реакция, Майлс, потому что я очень... очень сильно расстроюсь. А знаешь, что бывает, когда я расстроен? — Фоули говорил медленно и почти нежно. Себ покачал головой. Фоули улыбнулся, показывая белые зубы: — Бум! — глаза совершенно почернели. — Ты можешь идти.

Себ круто повернулся и вышел из кабинета, так и не проронив ни слова. Его уже ждал Клаус, который знаком показал следовать за ним.

Оказавшись в том же кабинете, где Себ подписывал договор, Клаус закрыл дверь, провел ладонью по лбу и спросил:

— Порядок?

— Часто такое?

— Если б часто — меня бы здесь уже не было. Пару раз в год случается. Понимаешь, Фоули — гений, а эти срывы... Просто надо переждать.

Даже безэмоциональный Клаус, кажется, был доведён до ручки. Впрочем, Себ его понимал. Оставайся он с Фоули подольше — тоже умом бы тронулся.

— Ну, чего поручил?

Вместо ответа Себ протянул папку и сказал:

— Я не стал говорить Фоули, но я снайпер, а не киллер. Я сделаю выстрел, точно вовремя и так, чтобы его невозможно было засечь. Но всё остальное...

— Это уже моё дело, — кивнул Клаус. — Мои люди следили за ним, они же прикроют тебя, если что, — потом велел: — Не выключай телефон. Я буду сообщать тебе обо всех его передвижениях. Откуда его брать — думай сам, если понадобится помощь, любая — говори. И, Себ...

— Что?

— Бери свою винтовку, но я тебе передам другие патроны.

Да, это было кстати.

— Ну, иди. Без тебя проблем хватает...

Себ вышел, крепко сжимая папку. Это было очень похоже на заказ в Бирмингеме. Убить жертву по заказу — не то же самое, что прикрывать кого-то. Сложно убедить себя в том, что не совершает ошибку, убийство и всё такое. Когда перед глазами свои и чужие, решение приходит само собой. Это просто война: в Афганистане, в Африке или здесь, в Лондоне — без разницы. Всегда есть командование, которое указало на врага, есть операция, и есть он — снайпер в засаде. И руки у него не дрожат.

А когда вот так дают папку с фотографией, это уже не защита своих. Это охота. К обычной охоте Себ испытывал стойкое отвращение, участвовал в ней всего дважды, а единственную в своей жизни утку убил тогда, когда точно знал, что съест её — и съел.

А тут охота на человека. Впрочем, на войне ведь тоже было такое.

Однажды в Ираке Себ охотился за вражеским снайпером. Долго, тяжело, каждую секунду ожидая пулю в череп от добычи, которая могла опередить охотника, но всё-таки

охотился. Выслеживал, поджидал и наконец совершил удачный выстрел.

Себ помнил, что тогда почувствовал странную пустоту, словно переступил через какой-то моральный запрет. Тогда его жертва оказалась слишком близко: он разглядел другого снайпера куда чётче, чем позволял оптический прицел, на какую-то долю секунды ощутил, что он ничем от него самого не отличается. А потом нажал на спусковой крючок.

Вернувшись на базу и лёжа ночью без сна в липкой душной жаре, Себ много чего передумал.

Похожая бессонная ночь застала его почти год назад, в Лондоне, в грязной комнатухе, когда он подписал контракт с «МорВорлд». И снова — совсем недавно, после Бирмингема.

Садясь за руль «Форда», Себ уже ни сомнений, ни угрызений совести не чувствовал. Он не убивает этого... Роджера Монтгомери. Его убивает Джим Фоули по каким-то своим, наверняка серьёзным причинам. Себ только стреляет. Он — не большой убийца, чем его «М-24».

«Хотя Джоан с этим, пожалуй, не согласится», — мелькнула мысль, но Себ не стал на ней концентрироваться.

Смс от Клауса сообщило, что Роджер Монтгомери выезжает в офис на Уайтхолл.

Оказавшись дома, Себ снова сел изучать содержимое папки. Фоули ни слова не сказал о том, насколько незаметным должно быть это убийство. На самом деле, оно почти наверняка выйдет громким. Этот Монтгомери был не из тех, кто ходит один или вылезает лишний раз из бронированного автомобиля с пуленепробиваемыми стёклами.

Себ потёр переносицу. Конечно, та же «М-200» скорее всего пробьёт автомобильное стекло, но может не разбить его, а оставить маленькое почти ровное отверстие. А Себ не может внезапно раздвоиться и следом из винтовки более мелкого калибра убрать цель через это отверстие. Если бы и мог — тут нужен виртуозный выстрел. И что угодно может пойти не по плану.

Нет, машину он бы исключил из списка доступных опций.

Двадцать третьим пунктом в списке привычек и планов Роджера Монтгомери стояло: «Посещение клуба «Адмирал Дункан».

Набрав в MapQuest адрес, Себ достаточно быстро нашёл нужное место: Сохо. Всегда толпы, причём пьяные, разряженные и обкуренные, то есть самого Себа едва ли кто-то заметит.

«Адмирал Дункан», — вбил он в поисковик на всякий случай, и понял, что не зря это сделал. Заведение было с особой репутацией — клуб для геев, трансвеститов и прочих извращенцев. Причём относительно недавно открывшийся после реставрации: в девяносто восьмом противники гей-пропаганды подорвали его(1).

Правительственный чиновник, гей (или трансвестит?), любитель клубов, да ещё и чем-то насолил Джиму Фоули. Любопытный человек этот Роджер Монтгомери. Может, даже необычный. Но чтобы попасть в клуб, ему придётся, как простому смертному, выйти из машины и сделать несколько шагов по улице.

Не считая клуба, был только ещё один момент, когда Себ видел шанс застать Монтгомери без большой охраны и не в защищённых помещениях — это пункт девятый в списке, короткий перерыв на обед. Обычно Монтгомери выходил в сопровождении одного телохранителя — размять ноги и прогуляться до Вестминстера и обратно. Вот только на

Уайтхолл столько полиции, что идти туда с винтовкой — безумный риск. К тому же, хоть там и не будет охраны, вокруг достаточно зевак, кое-где камеры. Можно попасть либо на них, либо в объектив какого-нибудь любителя архитектурных излишеств.

Значит, Сохо.

На разведку Себ поехал налегке, без оружия, надев красную кепку и толстовку с каким-то супергероем, оставшуюся от владельца квартиры. Толстовка была великовата, зато неплохо меняла фигуру.

Среди туристов он не привлекал внимания и внимательно изучил и «Адмирала Дункана», пока закрытого, и дом напротив. Со двора на него вела пожарная лестница, которую Себ приметил на будущее. В верхних этажах виднелось несколько грязных окон с плотными шторами — есть шанс, что это отели из серии «на час» или комнаты под сдачу.

Вернувшись домой, Себ позвонил Клаусу и объяснил, что ему нужно, после чего поставил будильник и лёг спать. Ночью он большую часть времени занимался совершенно другим, а перед работой следовало как следует отдохнуть. На периферии сознания мелькнул образ Джоан, потной, довольной, раскинувшейся на большой кровати. Себ улыбнулся — и уснул.

За десять минут до будильника Себ встал — бодрый и отдохнувший. Голова ощущалась ясной. Сделал небольшую разминку — он вообще старался не пренебрегать тренировками, но сегодня поосторожничал, избегая лишней нагрузки на руки — вечером они понадобятся ему твёрдыми.

«Ключ у тебя в почтовом ящике, поддержка будет ждать у входа», — сообщило смс от Клауса, когда Себ заканчивал скручивания, и это послужило сигналом, что пора собираться.

Клаус выбрал именно то, что требовалось: отель на час для парочек, которым негде перепихнуться.

Возле входа его поджидало прикрытие, как он и просил. Им оказалась высокая и насквозь силиконовая блондинка, которая немедленно упала ему на грудь с восторженным придыханием и проговорила почти беззвучно в самое ухо:

— Мистер Майлс, наш номер уже оплачен.

— Можно ваш паспорт? — попросил индус из окошка-ресепшна. Девушка немедленно протянула свой, прижалась к стеклу бюстом — и уже через несколько секунд получила документ обратно вместе с пожеланиями «приятного... э... приятной... отдыха».

Она обернулась и подмигнула Себу. На самом деле ещё пару дней назад она могла бы оказаться нехилой помехой работе, но после Джоан даже смотреть на эту искусственную куклу не хотелось.

В номере Себ, не включая свет, подошёл к окну и бросил через плечо:

— Попрыгайте на кровати, мисс.

— Я здесь за этим и нужна, — послушно ответила блондинка и завозилась. Себ надел перчатки, приподнял раму и снял с плеча футляр. Вернулся обратно на середину комнаты.

На кровати лежала пачка патронов, по форме идеально подходящих к «М-24», но явно китайских.

Себ зарядил магазин и принялся собирать винтовку. Прикрутив и отрегулировав сошки, он лёг, взял бинокль и сдвинулся немного вперёд, чтобы видеть всё, что происходит возле входа в «Адмирала».

Набрал Клауса.

— Он подъезжает, — тут же сообщил Клаус сухо, — «Мерседес» LD54 EPU.

Поворачивает с Вардор-стрит.

Себ повернулся по направлению движения и действительно увидел нужную машину — и больше не спускал с неё глаз. По запаркованной улице, пропуская многочисленных пешеходов, «мерс» медленно полз к пабу. Остановился.

Первым вылез охранник — бритоголовый здоровяк. Огляделся.

Для птицы такого полёта место простовато — эта мысль прошла как-то мимо сознания. Просто Себ думал, что чиновники с охраной и кабинетом на Уайтхолл предпочитают клубы другого уровня. Но едва из машины вышел сам Монтгомери, как Себ понял, почему он посещал именно это место.

Дело в том, что опознать сейчас правительственного чиновника было непросто. На нём был рыжий парик с длинными волосами. Бордовое платье почти в пол и с глубоким декольте. Себ подкрутил масштаб, Монтгомери оглянулся — стали видны подведённые чёрным глаза и накрашенные губы.

Можно было подождать, пока Монтгомери закончит развлечения и выйдет — Себ так и планировал сделать. А можно было и не ждать. Сейчас, пока он поправляет платье и нервно облизывает губы, как будто нервничает.

Себ выдохнул, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок.

Выстрел вышел громким, но не для Сохо. Внизу закричали, но у входа в соседний клуб даже не обернулись — там играла музыка и шла какая-то тусовка.

Избегая мелькания перед окном, Себ опустил раму и задёрнул шторы. Вынул магазин, снял сошки, ложе и приклад, чтобы убрать в футляр. Безымянная блондинка всю старалась на кровати. Себ собирался набрать Клауса и отчитаться, но в этот момент дверь открылась.

(1)Реально существующее место. Здесь и далее по тексту высказано мнение, которое НЕ ЯВЛЯЕТСЯ авторским и принадлежит исключительно герою.

Силиконовая блондинка замерла в нелепой позе, с поднятыми руками и одним коленом на кровати. Себ крепче сжал ещё не убранную в футляр винтовку — и тут же ослабил хватку.

В номер вошёл, осторожно закрыв за собой дверь, Джим Фоули, щёлкнул выключателем, сразу ослепляя слишком ярким светом.

Проморгавшись, Себ посмотрел на босса: он не выглядел, как утром, злым или нервным. Скорее, наоборот, довольным.

— Выйди, дорогая, — велел он блондинке, и та немедленно послушалась.

Едва она исчезла, Фоули повернулся к Себу, чуть прищурился — и расхохотался, запрокинув голову и вытягивая тощую шею.

Он хохотал искренне, громко и от души. Отсмеявшись, он вытер пальцем уголки глаз и сообщил:

— Ты прелесть, Себастиан, — снова как-то непонятно растянув гласные в его имени. — Идеальный выбор места, времени и обстоятельств. Да, я знаю, — он махнул рукой, — ты даже не думал об этом. Но это шикарный подарок. Даже жаль, что Роджер не попадёт во всей красе на страницы газет... — вздохнув, Фоули прошёл через комнату и присел на подоконник, немного раздвинул шторы и посмотрел вниз.

— Сэр, — осторожно, но твёрдо сказал Себ, — я рад, что вы довольны работой. Но сейчас нужно уходить отсюда, здесь скоро будет полиция.

Фоули фыркнул.

— Полиция не найдёт это место раньше завтрашнего утра. Их мозгов не хватит на то, чтобы посчитать траекторию... пока не придёт баллистическая экспертиза.

— Сэр, простите, — Себу совершенно не нравился ход мыслей босса, — в полиции работают не дураки.

— За друга обиделся или за подружку? — Фоули продолжал смотреть в окно, а Себ снова ощутил холодок по спине.

Это уже перебор. Сьюзен, та пинта «Сэнт Питерса», теперь Грег и Джоан — Фоули кажется, придётся объяснить, как и зачем он следит за ним.

— Какого чёрта, сэр? Вы следите за мной? — спросил Себ.

— Слежу? — Фоули обернулся и приподнял брови.

— Вы знаете, куда я хожу, с кем общаюсь, марку пива, которую я выпил перед работой, и ту назвали, — Себ говорил, не повышая голос. В общем-то, он даже не злился. Но его напрягала эта ситуация и он хотел её прояснить.

Фоули спрыгнул с подоконника, подошёл к Себу чуть ближе и посмотрел внимательно. Как будто снова пытался прожечь рентгеном мозги Себа насквозь.

Сделал ещё один шаг, и теперь между ними осталось каких-нибудь три дюйма. Несмотря на значительное превосходство в росте, Себ ощущал давление. Ему очень захотелось отступить, но это было бы совершенно жалко.

— Я знаю, Себастиан, — вкрадчиво промурлыкал Фоули, — что ты делаешь... что ешь и пьёшь... с кем встречаешься... о чём думаешь... сколько раз и когда передёргиваешь в душе, потому что так и не привык расслабляться в кровати... Знаешь, откуда? — он выдохнул через рот, облизнулся, — Потому что это написано... НА ТВОЕЙ СОЛДАФОНСКОЙ РОЖЕ! — крик Фоули ударил по ушам и, наверное, напугал половин

отеля.

Себ отшатнулся, чувствуя, что на него попали капельки слюны, рефлекторно вскинул вперед руку, защищаясь предплечьем, а Фоули вдруг тоже отступил на пару шагов, его лицо, только что искажённое яростью, сделалось испуганным и даже заискивающим.

— Прости. Прости, Себастиан. Я не хотел кричать. Ты... — он помотал головой, — ты сегодня молодец. С вами бывает сложно, знаешь, — он вдруг заговорил быстро, в речи послышался жёсткий ирландский акцент, — вы так медленно думаете, так примитивно. Прости, — он опустил взгляд, и Себу стало неловко.

Он вообще-то даже не обиделся. Ну, солдафонская. Ну, рожа. И по сравнению с гением-финансистом Фоули он и правда туповат. Но реакция босса сбивала с толку.

— Ты не сердись, Себастиан?

— Нет, сэр.

— Джим, — поправил он, улыбнувшись.

— Джим, — повторил Себ, а Фоули спросил:

— Чего ты хочешь в качестве компенсации, а?

За крик, в смысле? Себ даже не думал об этом. Но раз уж Фоули предложил, Себ ответил:

— Можете не называть меня полным именем?

Фоули тихо рассмеялся, снова отошёл к окну.

— Мне нравится твоё имя, — заметил Фоули, ещё какое-то время понаблюдав за тем, что происходит у «Адмирала Дункана», — тебе идёт. Святой Себастиан, — он прижался лбом к окну, но, по крайней мере, не отдёргивал шторы, ограничиваясь тем обзором, который давала узкая щель. — Знаешь, что я больше всего люблю в легенде о Святом Себастиане?

Себ наморщил лоб. Разговор становился совершенно непонятным. И, если честно, сейчас было не место и не время его вести. Было бы круто убраться из отеля. Но он сомневался, что сможет убедить в этом Фоули, поэтому просто расслабился. Иногда так бывает: ты не понимаешь действий командования, но в них есть смысл.

— Его... зарезали... кажется. И он вроде бы ожил, — ответил Себ неуверенно, понимая, что Фоули ждёт ответа и не удовлетворится многозначительным молчанием. Фоули застонал:

— Нет... Невежество прикончит эту планету задолго до глобального потепления.

— Я не очень интересуюсь этой всей религиозной темой... — Себ проглотил привычное «сэр», но так и не поставил вместо него «Джим», так что фраза вышла незаконченной.

— А я, представь себе, пел в церковном хоре, — с какой-то странной интонацией поделился Фоули. — А Святой Себастиан, по легенде, был римским легионером. Он должен был преследовать христиан, но вместо этого тайно сам исповедовал запрещённую веру. Его не зарезали, а пронзили множеством стрел. Но, видимо, стреляли его же товарищи по оружию, потому что ни одна стрела не задела важных органов, и он выжил, — Фоули пожал плечами, — правда, потом его всё равно забили камнями, но это уже не важно. В этой легенде мне больше всего нравится... продолжение. Представь себе, Святой Себастиан на много веков стал главной влажной фантазией в Европе, девичьей, да и не только, грёзой. На что приходилось идти людям до изобретения Интернета... В одной церкви во Флоренции даже убрали изображение Себастиана, потому что оно, видите ли, вгоняло прихожанок в

греховные мысли. Художники всех времён рисовали Святого Себастиана. И надо сказать, выходило у них не слишком-то... праведно. Впрочем, это не удивительно: римский легионер наверняка мог похвастаться неплохой фигурой, — Фоули бросил на Себа короткий взгляд и спросил невинным тоном: — Может, нарисуем тебя, Святой Себастиан?

Себ закинул чехол с винтовкой на плечо, щёлкнул каблуками и спросил прохладно:

— Я могу быть свободен, сэр?

Пусть эти намёки Фоули засунет себе... Куда захочет.

Фоули опять рассмеялся:

— Я не стану сокращать твоё имя, Святой Себастиан, это было бы преступлением. И да, ты можешь идти. Не бойся, доблестная полиция ещё не скоро найдёт этот отель.

Себ вышел, оставив босса наблюдать за тем, как, вероятнее всего, скорая и полиция суеются внизу.

Сделав большой крюк, он без труда вышел на параллельную улицу и вернулся домой. Но спокойствия и удовлетворения от хорошо выполненной работы не было. Он слегка переживал за Фоули — тот остался на позиции, где его легко могли арестовать, что бы он там ни говорил. И он чувствовал какое-то напряжение из-за Фоули. Сегодняшний день ясно показал: парень не совсем в себе. Перепады настроения, странные разговоры. Эта бредятина про Святого Себастиана. И наконец, его ответ по поводу слежки не выдерживал никакой критики: как ни крути, а «написано на солдафонской роже» вообще ничего не объясняет.

— Папа, привет! Я хотела спросить, можно смотреть оленей с нами поедут ещё Эмма, Джулия и ещё Пит?

Себ зажмурился, сглотнул вязкую слюну, прочистил горло и хрипло спросил:

— Кто?

— Пит — это младший брат Джулии, он всегда с ней. Я же знаю, в машине хватит места!

Отодвинув телефон от уха, Себ посмотрел на время. Шесть ноль восемь. Доброе, чтоб вас там, утро.

— Привет, Сьюзен. Ты что, уже встала? — спросил он.

— Да, я специально не стала звонить сразу, чтобы не разбудить тебя.

— Спасибо, дорогая. Но время шесть.

Пауза.

— Я подумала, что девять... Ты спал, папочка?

Шесть утра. Сьюзен. Олени. Твою мать, олени в воскресенье. Он совсем забыл про них. Мозг запускался медленно, пробуксовывая. Зажмурившись, Себ почувствовал резь в глазах — как песка насыпали. Он тяжело вчера засыпал,

— Так, давай ещё раз по порядку. Какие Пит и Эмма?

— И Джулия!

— Откуда они взялись?

— Я сказала им, что поеду с тобой смотреть оленей, и они тоже очень хотят. Они мои друзья. Ну, кроме Пита, он противный. Но Джулия его любит, так что я потерплю. Он, в тому же, маленький.

Только маленького Пита не хватало. Себ встал с постели. К счастью, его организм был приучен, если нужно, просыпаться очень быстро.

— Значит так, — решил Себ, — я приеду за тобой к десяти. Пусть Эмма, Джулия и Пит подходят к дому с родителями. Если их родители сами мне скажут, что их отпускают — ладно. Если нет — вся эта компания никуда не едет.

Сьюзен задумалась.

— А если их не отпустят?

— Значит, мы поедem вдвоём, и никто не будет отвлекать нас от оленей.

— Но Эмма тоже хочет! — Сьюзен сказала это своим «ну-папочка-пожалуйста-пожалуйста» голосом. Но Себ не собирался поддаваться.

— Это моё последнее слово. Всё, скоро увидимся. Целую.

Сбросив вызов, Себ увидел, что Сьюзен звонила с телефона матери. Как только стащила? Наверное, пора ей купить собственный телефон, скажем, на Новый год. Надо будет обсудить с Эмили.

Себ достаточно быстро доехал до дома Эмили — и, стоило ему выйти из машины, он оказался окружён галдящими детьми. Успокоив всех разом, он попытался вникнуть в суть проблемы (детей не желали отпускать непонятно в какой парк и непонятно с кем — предсказуемо). Потом отправил Сьюзен переодеваться из розового платья в штаны и куртку, подходящие для леса, а остальных детей — за родителями. И выдохнул с облегчением. Одно дело — свозить в парк одну Сьюзен, общением с которой он всегда наслаждался. И другое — тащить целый выводок детей.

Из соседнего дома выглянула смутно знакомая женщина, и Себ, чуть поднапрягшись, узнал в ней миссис Бейкер — соседку, которая жила здесь ещё тогда, когда они с Эмили купили этот дом. Она помахала ему рукой и подошла поближе, одёргивая домашнюю розовую кофту.

— Мистер Майлс! — радостно поприветствовала она его и протянула руку. Себ осторожно её пожал. — Как я давно вас не видела. Значит, это вы везёте Сьюзен смотреть оленей?

— Да, маленькая прогулка в Ричмонд-парк.

— Эмма толком не объяснила, что к чему, — миссис Бейкер покачала завитой головой. — С вами-то я её отпущу без проблем.

— Мистер Майлс! — с другой стороны к ним спешила ещё одна соседка — миссис... — Вы, может, уже меня забыли! Сесиль Харрис, — она тоже радостно пожала ему руку.

— Ни в коем случае, миссис Харрис, — возразил Себ. — Рад вас видеть.

Вообще-то он соврал, но лицо было смутно знакомым, да и дом, из которого она вышла, не пустовал, когда они переехали.

— Просто Сесиль, пожалуйста! Я всегда говорила, что Эмили — дурочка, что бросила вас, — безапелляционно объявила миссис Харрис.

— Да, этот её... как его? Джордан, да? В подмётки вам не годится, — поддержала её миссис Бейкер.

Себ ощутил отчаянное желание сбежать, можно вместе с детьми, хоть со всей толпой. «Ох, Эмили, ты мне будешь за это должна», — подумал он и сказал уверенно:

— Его зовут Джексон и он отличный парень, превосходный стоматолог. И прекрасно поладил со Сьюзен! Я от всей души желаю Эмили счастья — с ним или с кем-то ещё, — он вложил в эти слова годовой запас восторга.

Миссис Бейкер возвела глаза к небу.

— Так что же, это вы везёте Сьюзен, да? Я так поняла из слов Джулии, что это... как

его? Джордан? И категорически запретила, — почти повторила слова миссис Бейкер миссис Харрис. — Но с вами я с радостью её отпущу.

Себ бросил взгляд в сторону и заметил, что за ними наблюдают восемь пар любопытных глаз.

— Смотрите, — он неловко повёл плечами: женщины стояли слишком близко и буквально задавливали его. — Едем в Ричмонд-парк. Это, как вы понимаете, совершенно спокойное туристическое место, но, в то же время, огромный лес, где водятся дикие животные. Олени, конечно, очень милые на картинках, но вживую могут и потоптать, и забодать, поэтому я могу взять ваших... эм... детей с собой на тех же условиях, на каких едет Сьюзен: они слушаются меня беспрекословно, не ноют, не отходят без разрешения, — это он говорил уже громче, отлично замечая, что будущие спутники его тоже слушают. — Любое нарушение дисциплины — я сажаю всех в машину и везу домой, без разговоров, извинений и соплей. И оденьте их, пожалуйста, для леса: ботинки или кроссовки, длинные штаны, футболки и куртки.

Пережив ещё немного восклицаний, уверений, согласий и прочих эмоций, Себ, наконец, избавился от окружения, а ещё через полчаса вся компания, включая «маленького» Пита, который, как оказалось, был всего на год младше сестры, погрузилась в машину. Себ убедился, что все пристёгнуты, включил кассету с песнями из мультфильмов, которую специально держал в бардачке, и пожелал себе пережить этот день.

Четвёрка подвижных и активных детей умотала Себа. Они бродили по Ричмонд-парку, причём Себ был вынужден постоянно отвечать на вопросы и что-то рассказывать: то про оленей, которых они застали на водопое, то про деревья, бабочек и охоту. Оставалось только радоваться, что в детстве самого Себа часто водил на прогулки в лес отец — иначе любопытство детей так и осталось бы неудовлетворённым. Потом они играли в мяч — и конечно, никто не дал Себу отсидеться в сторонке (да он и не особенно хотел, только ворчал для виду), перешли ручей вброд по камням, чем особенно восхитился маленький Пит и, наконец, почти без сил упали за столик в «Макдоналдсе» — есть вредные, но вкусные бургеры с картошкой фри.

Уже дома, упав на кровать, он, несколько неожиданно для самого себя потянулся к телефону и набрал номер. Всего через два гудка раздался бодрый голос:

— Слушаю.

— Привет. Я знаю, что уже ночь.

— Кому ночь, а кто час назад разглядывал несвежий труп.

Себ чувствовал, как губы сами собой расплываются в улыбке. Да, стоило позвонить Джоан, чтобы это услышать.

— Ты всё ещё в компании трупа?

— К счастью, нет. Его развлекает Крис.

— Понимаю, конкуренцию несвежему трупу составить сложно, — сказал Себ. — Но, может, ты захочешь поболтать со мной немного?

— Сложно... Но у тебя есть шансы, — рассмеялась в трубку Джоан. — Подожди-ка, хоть обувь сниму.

— Снимай всё, что вздумается. Не собираюсь мешать.

Себ перелёг поудобнее, перехватил телефон и прикрыл глаза. Пожалуй, его сил сейчас не хватит даже на пародию секса по телефону. Но всё равно будет приятно поговорить с Джоан.

— И я снова здесь, — объявила Джоан.

— Сложный день?

— Есть такое.

— Расскажи мне, — попросил Себ. Джоан замялась. — Давай, я не боюсь историй про трупы.

Она вздохнула и ответила с другой интонацией, совсем не игривой.

— Взрыв в Сити, два ограбления, и вот, труп под вечер. Давно не было такого дня, я чуть ли не впервые готова была расцеловать разведку, когда они забрали у нас одно дело.

Себ закрыл глаза. Вне зависимости от того, что именно говорила Джоан, ему было приятно её слушать.

— Но сейчас ты дома? Можешь отдохнуть?

— Я попытаюсь, — улыбнулась Джоан. — Надо выкинуть это всё из головы. Отстань, мерзкое животное! Прости, Себ, это я коту.

— Точно, ты говорила, что он сумасшедший.

— Лёг на подушку и жрёт мои волосы. Да отвали! — раздалось недовольное мяуканье, тут же перешедшее в басовитое мурлыканье, и Себ отлично представил, как, сняв кота с

подушки, Джоан не сошвырнула его на пол, а прижала к груди и принялась чесать свободной рукой.

— А ты что делал сегодня весь день? — спросила она под мурчащий аккомпанемент.

— Не поверишь, развлекал толпу детей младшего школьного возраста. Показывал им оленей.

— Шутишь!

— Честное слово.

Под смех Джоан Себ рассказывал о прогулке со Сьюзен и её друзьями, как-то удивительно легко сообщив, что у него есть дочь, хотя обычно не обременял женщин этой информацией. Джоан фыркала, иногда без стеснения зевала, но говорила:

— Нет, продолжай! У тебя голос расслабляющий.

— Рад стараться, мэ.м.

— Я тоже хочу оленей... — протянула Джоан задумчиво.

— А потом игру в мяч и вредный жирный бургер с картошкой на обед? — уточнил Себ со смехом.

— Угу.

— Когда у тебя выходной?

— В среду... если не найдут труп.

— Значит, в среду.

Разговор как-то тёк и тёк, перебирался с темы на тему. Джоан засыпала, то и дело теряя нить рассуждений, да и сам Себ ощущал, что язык заплетается, а глаза закрываются.

Он не помнил, кто первым сбросил вызов, зато ощутил, что, несмотря на всё безумие последних двух дней, засыпает он, довольно улыбаясь.

Утром телефон молчал и не отображал никаких сообщений. Начиная готовить завтрак, Себ включил телевизор, попал на новости — и едва не сжёг омлет, забыв про него ко всем чертям. Диктор полностью завладел его вниманием, когда объявил: «Полиция продолжает расследование взрыва в офисе компании „М-Корпорейшн“ в Сити».

Себ повернулся к маленькому экрану в углу кухни и попал на кадры развороченного офиса, обрушившихся стен и груд чёрных выгоревших обломков.

Диктор перешёл к другим новостям, а Себ снял сковородку с пережаренным омлетом и побежал за газетами. Новость занимала половину страницы в The Times и называлась «Взрыв в Сити».

«Взрыв прогремел 14 июня в 7:30 вечера в центральном офисе компании „М-Корпорейшн“.

Как сообщает полиция, в помещении находилось пять человек, среди которых — главный акционер и основатель Ричард Кевин Мелтон и генеральный директор Джеймс Фоули. Имена сотрудников службы безопасности, которые также присутствовали в офисе и, вероятно, стали жертвами взрыва, пока не разглашаются. Спасательная служба считает, что все они погибли.

Старший детектив-инспектор Пол Брэндон, который ведёт дело, от официальных комментариев отказался, однако выразил предположение, что причиной взрыва стал теракт.

Пока неизвестно, какая судьба ждёт „М-Корпорейшн“ после смерти ключевых лиц. Мистер Саттлтон, один из членов совета директоров, отмечает: „Это шок для нас. Рич

(мистер Р.К. Мелтон, — прим. ред.) создал эту компанию и вдохновлял всю команду своим примером и энтузиазмом. В последние годы он отошёл от дел, однако мы все были уверены, что в Джиме (мистер Дж. Фоули, — прим. ред.) обрели отличного преемника. Он привнёс в управление компанией свежесть, новаторство, при этом бережно хранил наши традиции. За последние два года мы дали рост в десять процентов и не видели причин останавливаться. В ближайшее время совету директоров и ключевым акционерам придётся принимать сложные решения. Но мы будем ориентироваться на то видение будущего, которое оставили Рич и Джим“. Мы выражаем...».

Дальше шли соболезнования родственникам погибших и справки: о том, какие террористические группировки сейчас активны в Лондоне, об истории «М-Корпорейшн», о мистере Мелтоне и мистере Фоули.

Себ читал заметку снова и снова. Не то, чтобы его шокировала мысль о смерти кого-то, кого он знал. Но Фоули с его безумными замашками и полной уверенностью в своей гениальности, с этим жутким взглядом и умением чуть ли не читать мысли... Себ знал, что смерть — та ещё зубастая сука и грызёт всех подряд. Но именно в гибель Фоули не мог поверить.

Сотрудники службы безопасности остались безмянными. Но среди них мог быть и Клаус.

Себ набрал его номер и испытал облегчение, когда трубку сняли.

— Хорошо, что позвонил, Себ, — сказал Клаус, как всегда безэмоционально. — Видел газеты, да?

— Видел. Что случилось?

— Пока не знаем. Слушай, я сам хотел тебя набрать с плохой новостью. Нам пока придётся расторгнуть твой контракт.

В этом Себ и не сомневался.

— Сам понимаешь, сейчас к нам будет много внимания. Да и без Фоули это всё не нужно.

— Мне жаль, — искренне сказал Себ, имея в виду не свой контракт, конечно, а смерти.

— Дерьмо случается. Я прослежу, чтобы тебе перечислили на счёт неустойку, не переживай. В течение двух недель деньги поступят.

И, коротко попрощавшись, он сбросил звонок.

Себ перебрался с омлетом на кровать и начал медленно жевать. Он почему-то не мог уложить в голове, что всё так закончилось. Он снова теперь без работы. Больше никаких странных заданий.

Он вздрогнул, когда зазвонил телефон — так глубоко ушёл в свои мысли. На экране высветилось: «Номер скрыт». Он осторожно снял трубку.

— Грустишь, Святой Себастиан? — спросил голос, который сложно было перепутать с чьим-то ещё.

— Сэр? — осторожно сказал Себ.

— Попробуй ещё раз.

— Джим, — Себ не был уверен, что нужно говорить человеку, который, по официальной версии, погиб во взрыве, — рад, что вы живы.

— Как трогательно. Я прислал тебе адрес, поторопись и возьми свою игрушку, Себастиан. Может я и мёртв, но ты пока ещё работаешь на меня.

Себ не возражал, и через полтора часа поднимался на десятый этаж высотки на

Колледж-роад, на окраине Лондона.

Указания Фоули были достаточно подробными, так что он без труда нашёл нужную дверь в длинном коридоре и вошёл в просторное помещение — какой-то будущий офис. Здесь недавно побелили стены, воняло краской. Зато было пусто — если, конечно, не считать самого Фоули, сидящего на мятой картонной коробке почти в центре. Он выглядел непривычно: вместо костюма на нём была какая-то мятая футболка с надписью: «Хочу вырваться на свободу», синие треники и стоптанные кроссовки.

Увидев Себа, он поднялся, выпустил из пальцев своё распятие, которое закачалось на шнурке, и спросил:

— Ну, как я выгляжу после взрыва?

Себ промолчал, поскольку на его взгляд, вопрос был риторический. Фоули закатил глаза, потом поманил Себа пальцем и указал в открытое окно. Не считая той многоэтажки, в которой они и находились, вокруг была малоэтажная застройка, в основном — двухэтажные домики и таунхаусы. Какая-то школа слева.

— Устраивайся поудобнее, Себастиан, — велел Фоули и отошёл в сторону, дав Себу собрать винтовку. Опять подошёл, присел рядом и сказал:

— Смотри прямо перед собой. Теперь немного правее и ниже. Третья улица отсюда, дом с жёлтой крышей. Второе окно.

Себ нашёл то, что нужно, мысленно отмечая, что всё-таки Фоули — совершеннейший гражданский, с таким-то указанием на цель. Но мысли тут же исчезли из головы, когда он навёл прицел на человека, стоявшего у нужного окна.

— Удивлён? — совсем тихо спросил Фоули.

— Сэр...

Себ держал на прицеле Клауса. И в этом не было никакого смысла.

— Удивлён? — переспросил Фоули. — Что скажешь?

Что это дерьмо. Которого нужно было бы ожидать. Если работаешь в том же городе, где живёшь, нечего удивляться, обнаружив у себя в прицеле знакомого. Только вот Себ не ожидал. Не оборачиваясь на Фоули, Себ взял бинокль и посмотрел на Клауса внимательнее. Он стоял, оперевшись одной рукой о подоконник, а во второй сжимал пистолет.

— Спросишь, что он сделал? — шепнул Фоули, и у него вдруг прорезался сильный акцент.

Себ не отрывал взгляда от Клауса и думал. Да, он хотел знать, что произошло. Но, по факту, ему не нужна была эта информация. Фоули нанял его, Фоули отдавал приказы, а теперь решил, что Клаус должен умереть.

— Нет, — ответил он.

Фоули рассмеялся и отошёл.

— Бедный большой Ка. Я бы посмотрел на его лицо... Нет, Себастиан, тебе не нужно убивать своего приятеля. Я хочу, чтобы он убил себя сам. Твоя цель — в соседнем окне. Левее.

Себ посмотрел в бинокль туда, куда указал Фоули, и почувствовал, как сердце пропускает удар.

— Постарайся, чтобы твоя рука не дрогнула.

У открытого окна на кровати сидела девочка-подросток лет четырнадцати. Худенькая, светленькая, нескладная. Она что-то писала в тетради, лежавшей на коленях, и мотала головой в такт музыке — на ней были огромные чёрные наушники. В соседнем окне Клаус

достал из кармана телефон.

Себ своими руками дважды убивал детей даже младше этой девочки. Но там были очень взрослые дети с гранатами, жаждущие крови, а не маленькая чистенькая англичанка в уютной комнате с обоями в чёртов цветочек.

Положив телефон на подоконник, Клаус осмотрел пистолет.

— У него минута, — пробормотал из угла Фоули. — Отсчёт пошёл. Либо он, либо она.

Себ машинально взглянул на часы, засекая время, и подумал, что ему не придётся стрелять. Он просто страховка, веский аргумент для Клауса. На его месте мог бы быть какой-нибудь пистолет-самострел с пружиной. Бомба, которую можно отключить дистанционно. Что угодно. Или кто угодно.

Выглянув в окно, Клаус профессиональным взглядом окинул окна и крыши. Но Себа не увидел, конечно, хотя на высотку смотрел достаточно долго.

Пятьдесят четыре секунды.

Себ не сомневался в том, что Клаус выстрелит. Он сам пустил бы пулю в лоб без колебаний, если бы речь шла о жизни Сьюзен.

Сорок семь.

Клаус швырнул телефон на пол, посмотрел вверх, снова скользя взглядом мимо позиции Себа. Скорее всего, он думал на многоэтажку, но предполагал, что Себ выбрал этаж повыше.

Тридцать два.

Клаус должен знать об отсчёте. Он отложил пистолет на подоконник.

Себ подумал, что если Клаус струсит, ему придётся убить девочку. И не потому что иначе Фоули придёт в ярость, а для себя. Он выполняет приказы и не принимает решения — это основное, на чём строится его работа.

«Возьми его! — подумал Себ с болью, — У тебя там дочь в соседней комнате. Что... куда пошёл, ублюдок?».

Клаус отошёл вглубь комнаты, забрав пистолет с собой, и остановился неподвижно, а между тем, у него оставалось всего двадцать семь секунд.

Восемнадцать.

Себ передёрнул затвор, сделал небольшую поправку. Прицелился точно в сердце: быстро, безболезненно. Она даже не успеет испугаться.

Четырнадцать секунд.

Клауса Себ видел боковым зрением, перед ним была девочка. Она всё ещё слушала музыку и, кажется, мучилась с заданием. Что-то не получалось, она кусала губы и кривилась. Светленькая, как Сьюзен. Только старше.

Девять.

Себ не слышал выстрела — он его видел. Клаус упал посреди комнаты. Девочка в наушниках даже не вздрогнула — видимо, музыка играла достаточно громко.

Убрав закаменевший, как чужой палец с крючка, Себ медленно отполз назад, вынул магазин и принялся механическими движениями собирать винтовку.

Из угла комнаты раздалось довольное:

— Хороший мальчик.

Себ даже не поднял взгляда. Он не хотел видеть Фоули. Но когда встал, был вынужден на него посмотреть — и сразу понял: что-то не так. Привалившись к стене, Фоули едва держался на ногах. В полутёмном помещении было не очень хорошо видно, но Себ готов был спорить, что у него испарина.

— Бедный Большой Ка... — пробормотал Фоули всё с тем же акцентом — ирландским, очень узнаваемым. — Такой глупый Ка перепутал, кто есть кто. Как там? Небо со звёздами... — он закрыл глаза.

«Он под кайфом», — с совершенной ясностью определил Себ, и его переполнило отвращение. Он не любил наркоманов. И ему было мерзко от того, что он только что выполнил приказ, отданный под действием какой-то дряни.

— Скучные люди... Ты тоже, Себастиан, очень скучный. тебе нет вообще ничего загадочного или хотя бы интересного. Примитивная... организация.

Себ хотел уйти отсюда. Прямо сейчас. Девочка в наушниках ещё стояла перед глазами, а от вида Фоули тянуло блевать, но он не мог, чёрт побери. Он не мог просто оставить Фоули, который вчера имитировал свою смерть, наверняка не без причин, в пустом офисе на краю Лондона.

— Ты такой хороший парень, Себастиан, — вдруг заметил Фоули, приоткрывая глаза, — не понимаю, как они тебя не захватили? Ты ведь из их числа...

— Из чьего... сэр?

— Ты должен играть за белых, но ты на другой стороне доски. Ты всё думаешь, не сказать ли малышке Сьюзен, что снова едешь на войну, да? Это было бы жестоко, зато, возможно, спасло бы её. Как часто ты думаешь об этом? А армейские... армейские привычки... — Фоули говорил невнятно, заторможенно, иногда сбивался и повторял слово с самого начала. — До сих пор не можешь осознать, что спишь один в своей квартире. Одеться за сорок секунд. Душ... словно кто-то выгонит. Свистни — и пойдёшь строевым шагом.

По спине Себа медленно потёк пот. Да, Фоули мог бы, наверное, следить за каждым его шагом. Но за мыслями он как подсматривает?

— Как мне бывает скучно среди обычных людей, Себастиан, если бы ты знал... Никакой загадки. В тебе тоже. Но ты не скучный. Ты хочешь уйти сейчас. Но не уйдёшь. Если сейчас сюда ворвётся спецназ, ты их перебьёшь. И сам подохнешь, защищая меня.

Дерьмо.

Может, не так пафосно и патетично, но суть-то верна. Если прямо сейчас на них нападут, Себ будет защищать Фоули даже ценой своей жизни, потому что он босс и потому что они в одной команде.

— Ты боишься меня, — заметил Фоули, чуть сползая по стене. — А ты ведь мог бы пристрелить меня сейчас... Может, пристрелишь, а? Было бы весело... Не-е-ет. Не можешь.

Последние слова Фоули выговаривал уже вовсе без всякой интонации, монотонно.

Повинуясь минутной слабости, Себ сжал пальцами переносицу, сильно надавил на чувствительную точку между бровями. Господи, просто уйти бы отсюда, пойти в паб, выпить стакан виски, чтобы расслабиться.

А Фоули закрыл глаза и задышал тяжело, хрипло.

Себ приблизился к нему, коснулся плеча и позвал неуверенно:

— Джим?

Фоули открыл глаза.

— Сюда могут войти. Нас может найти полиция. Надо уехать отсюда.

Выражение глаз Фоули было странным. Взгляд казался потерянным и затуманенным. Моргнув несколько раз, Фоули сказал:

— Домой.

— Да, домой, — согласился Себ, — только назовите адрес. Джим, скажи адрес.

Фоули молчал очень долго, прежде чем выговорить:

— Клармонт-клоуз... тринадцать.

Себ не имел ни малейшего понятия, где это вообще. А главное, как туда тащить Фоули, учитывая, что «Форд» он предусмотрительно оставил дома.

— Ты можешь сесть за руль моей машины, — снова угадал его сомнения босс.

Себ не хотел этого делать. Но выхода не видел. Придётся тащить Фоули к машине.

— Сможете идти?

Фоули промолчал, и Себ, преодолевая внутреннее сопротивление, потянул его за плечи.

Фоули потрянул головой, выпрямился, и Себ резко отшатнулся от него. Только что едва державший глаза открытыми Фоули преобразился. Он снова выглядел нормально, разве что глаза бегали быстрее обычного. Он несколько раз сглотнул и сказал почти без акцента:

— Не бойся, Себастиан. Пока нечего.

Они спустились вниз на лифте. Фоули сунул руки в карманы штанов и даже что-то насвистывал. Уверенным шагом прошёл через дворы до парковки, где уже стоял предсказуемый представительский «Ягуар», хищно мерцая серебристыми боками.

Фоули буквально упал на пассажирское сидение спереди. Себ несколько неловко устроился на водительском кресле — и тут же принялся искать рычаги-регуляторы, потому что сиденье было подогнано уж точно не под его рост. Фоули бросил ключи ему на колени и повторил:

— Клармонт-клоуз, тринадцать. Разгонись получше, детка, — откинулся на спинку сидения и закрыл глаза.

От «детки» у Себа закаменели челюсти. Но спорить с Фоули сейчас смысла не было. Так что он просто ругался мысленно, перебирал все матерные конструкции, которые когда-либо слышал или составлял сам, наслаждался вкусом каждого слова. И всё равно понимал, что это не помогает.

В бардачке нашлась новенькая карта, и Себ склонился над ней в поисках адреса. Нашёл и скривился: Северный Вулидж? Seriously? Будь у Себа столько денег, сколько у Фоули, он точно выбрал бы что-то получше...

Через час, подъезжая к дому номер тринадцать, Себ мысленно повторил: он точно выбрал бы что-нибудь получше.

В доме тринадцать было восемь этажей (1). Нелепого вида башня возвышалась над остальными домами. Мусорные контейнеры рядом не убирались уже очень давно и воняли на всю округу. Из открытых окон дома доносились крики, шум телевизоров. На балконах сохло бельё всех цветов и размеров.

«Ягуар» смотрелся в этих трущобах настолько нелепо, что Себ даже не сразу сумел запарковаться, всё искал место. Но Фоули, уже открывший глаза, не заорал ничего в духе: «Ты куда меня привёз, идиот?!» Напротив, он выглядел вполне довольным. Если сильно повезёт, его не накроет сейчас отходняком от дозы, и Себ сможет просто сгрузить его на кровать и поехать домой... Видимо, на метро, если оно тут есть, или на чудом пойманном такси.

Дверь подъезда оказалась распахнута настежь, и оттуда тянуло гнилью. Фоули вышел из машины сам, какое-то время постоял, принюхиваясь и, кажется, наслаждаясь окружающим его миром, и первым пошёл внутрь. Дребезжащий зассанный лифт поднялся на восьмой этаж, остановился.

Фоули открыл квартиру обычным ключом, и Себ оказался в самом странном месте в своей жизни (а учитывая, что побывал он много где, это о чём-то говорило).

Никакого коридора или прихожей. Сразу от входной двери начиналась огромная комната. Прикинув метраж, Себ понял, что Фоули скупил как минимум три квартиры и снёс стены между ними. Всё, что осталось — это несколько металлических столбов.

Стены этой комнаты-квартиры были оклеены яркими жёлтыми обоями. Под потолком висели люстры — шесть штук, от плоского круглого плафона до хрустальной конструкции с лампами в форме свечей. Щёлкнув выключателем, Фоули зажёл половину из них.

Шкафов не было: одежда, бумаги, какие-то провода и инструменты, оружие, посуда и ещё хер там разберёшь что валялось на полу, закрывая его плотным слоем, безо всякой системы. В центре стоял большой тёмно-синий диван. В дальнем правом углу Себ разглядел стол и придвинутое к нему кресло, в левом — холодильник.

Чуть пошатнувшись, Фоули прошёл через комнату, наступая на всё, что попадалось под

ноги, и опустился на диван.

— Монтгомери ошибся, — вдруг совершенно деловым тоном сказал Фоули. — Сначала он был очень полезен и даже забавен, но потом... Никакой фантазии, никаких творческих способностей — только спесь и непомерные амбиции. Бедняга Большой Си.

Жестом фоули показал подойти ближе, и Себ был вынужден подчиниться. Слабость Фоули, кажется, прошла, он снова был боссом.

— Ты удивлён, да? — спросил Фоули устало. — Иногда я хочу взорвать его. Дом... Бум! Вместе со всеми соседями. Будет громко... Удивлён?

Взгляд Фоули стал едким и сканирующим, и даже то, что Себ стоял, а Фоули сидел, никак не меняло дела.

— Немного, сэр. Но это ваше дело.

— Опять? — мрачно спросил Фоули. — Мне казалось, мы прошли этот этап дрессировки. Ошибись ещё раз, Себастиан... — он медленно моргнул, — и мне придётся достать плётку.

«Хватит, — подумал Себ отчётливо. — Это мой последний рабочий день». Фоули больше нет, и это всё — перебор. Он не готов был мириться с этим дерьмом.

— Я не собака... сэр, — сказал он тихо.

Фоули наклонил голову, изучая его как в первый раз. Холодные глаза, казалось, ощупывали каждый дюйм кожи, рентгеном забирались внутрь, просвечивая насквозь.

— Нет, Себастиан... — Фоули улыбнулся мягко и ласково. — Ты хищник покрупнее. Ты сейчас думаешь о том, что выходишь из игры. А ещё ты боишься, что у этого решения будут... последствия. Что кто-то другой придёт за твоей головой по моему приказу. Или, что ещё хуже, не за твоей...

— Это угроза, сэр?

— Это твои мысли. Они написаны у тебя на лице... — речь Фоули снова, как в в том офисе, стала менее чёткой. — Ты можешь называть меня как вздумается. Пока можешь. Дай мне воды...

Как робот Себ прошёл в другой конец безумной квартиры, нашёл возле холодильника маленький столик с электрическим чайником, отыскал на полу вроде бы чистый стакан и наполнил его.

Фоули выпил воду жадно, в три больших глотка, и разжал пальцы, позволяя стакану упасть на пол с глухим стуком и откатиться в сторону.

— Внизу тебя ждёт такси, Себастиан, — с трудом выговорил Фоули, — лондонский кэб. Мы скоро увидимся... детка.

Он откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и сжал зубы, как будто борясь с болью или тошнотой.

Себ стоял ещё минуту, прежде чем развернулся и вышел из странной квартиры. Что бы там ни говорил Фоули, Себ решил: с него довольно.

(1) По российским стандартам, даже миллионер может жить в многоэтажке — скажем, в пентхаусе на 35 этаже или в престижном доме в одном из дорогих районов. А вот в Британии многоквартирные дома максимально непопулярны. Они появились в пятидесятых годах как альтернатива традиционным кварталам, разрушенным бомбёжкой, и на десять-пятнадцать лет вошли в моду. Но уже к середине 70-х все более или менее обеспеченные или

хотя бы неплохо зарабатывающие люди стали переезжать в таунхаусы. Многоэтажки становились всё более маргинальными или и вовсе пустели. В 80-х началась первая волна сносов — вместо башен строили трёх-четырёхэтажные домики. Сейчас найти в черте Лондона многоквартирный дом, конечно, можно. Есть несколько новых — в основном, их занимают приезжие и обеспеченные мигранты, потому что для коренного британца это некомфортный формат, противоречащий привычному образу жизни. Есть старые — это настоящие гетто для мигрантов из бедных стран. Многие такие дома находятся в аварийном состоянии. После того, как в 2017 году в одном из них случился серьёзный пожар, началась ещё одна волна сноса (но в мире «Секунд» до этого ещё далеко). Так что Себ ошарашен. Мало того, что Джим живёт на окраине города, так ещё и в (фу, гадость) многоэтажном доме. Как если бы наш миллионер вдруг поселился бы в хрущёвке в Бирюлёво: странно и эксцентрично.

На счёт, несмотря на то, что Клаус был мёртв, поступила обещанная неустойка. От Фоули не было ни одного звонка.

В среду у Джоан не обнаружилось незапланированных трупов — и в одиннадцать часов они уже шли по узким тропкам Ричмонд-парка, одинаково спрятав руки в карманы курток и ведя абсурдный разговор об оленях. В этот раз между ними не искрило такое сильное желание, и беседа шла труднее, но они, пожалуй, справлялись.

— Я не думала, что Пол меня сегодня отпустит, — вдруг сказала Джоан.

— Много работы?

— Её у нас всегда много. Но этот взрыв в Сити буквально свёл его с ума. Дай ему волю, он бы там поселился — среди развалин.

— Я только потом узнал, — сказал Себ, потому что понимал, что должен об этом упомянуть, — это был офис фирмы, в которой я работал.

— Сочувствую. Есть знакомые среди погибших?

— Никого близкого. Я и проработать-то успел меньше месяца. Теперь всё, расторгли контракт. Сокращают штат. Так что со взрывом? Террористы, да?

— Я уверена, что да. А Пол вбил себе в голову, что у компании был теневой бизнес, и им отомстили конкуренты. Перевернул все архивы в поисках этого Мелтона — кто он, откуда, чем и когда занимался... Ладно, забудь. Чёрт с ним, с Полом.

Они свернули и оказались на узкой прогалине. Вокруг стало тихо. Разговоры, смех и шум машин остались где-то вдалеке. Себ остановил Джоан лёгким прикосновением к плечу. Подошёл чуть ближе и осторожно поцеловал, глядя в карие крапинки в её глазах. Почувствовал её руки в своих волосах, улыбнулся. Джоан смешно морщила нос, а Себ отчаянно хотел растянуть эти минуты подольше. Ему физически нужно было это тепло, эти руки на шее.

Может, это передозировка безумным Фоули сказывалась? После расставания с Эмили Себа как-то на нежность не тянуло, наоборот, он старался любой секс упростить и обезличить. А Джоан хотелось привести домой, медленно и неспешно заняться с ней любовью, а потом усадить на диван, обнять сзади. Смотреть знакомый фильм, положив подбородок ей на макушку.

«Стареешь, приятель», — совершенно без печали сообщил Себ самому себе и нехотя

разорвал поцелуй.

— Слушай, — Джоан провела ладонью по его шее, — может, ну его, этот бургер?

— Хотел сказать то же самое. Ну его...

Они спешили домой к Себу как подростки — держась за руки весь путь до машины, то и дело совершенно по-идиотски радостно смеясь. Всю дорогу на светофорах Себ касался её пальцев. Джоан ворчливо напоминала не отвлекаться и не создавать ДТП, но сама хваталась за его ладонь и с трудом отпускала.

И, чёрт возьми, когда к семи вечера они всё-таки выбрались из постели перекусить тем, что найдётся в холодильнике, Себ всерьёз размышлял: может ли сержант полиции ужиться с киллером? Ну, так, теоретически... Если, предположим, киллер не будет афишировать свою работу, просто объяснит, что у него ненормированный график? Сказать, что это был риск, значило не сказать ничего. Но, такая холодную курятину в банку с майонезом, сидя на подоконнике рядом с Джоан, которая делала то же самое, он с удовольствием мечтал.

Они превратят дом в руины. Время от времени им придётся ужинать фастфудом, потому что Джоан наверняка ужасно готовит, а сам Себ может и не успеть дойти до плиты. Будут обижаться друг на друга, потому что опять не совпали выходные, потому что «чёрт, твоя работа точно не может подождать немного в час ночи в воскресенье?» И Себ будет бояться за неё почти так же, как за Сьюзен, а Джоан, конечно, это каждый раз будет возмущать, потому что она полицейский, а не девочка, которую нужно защищать.

А ещё всё можно упростить. Уйти от Фоули, тем более, что контракт уже и не действует. Закрыть эту страницу раз и навсегда, найти наконец-то нормальную работу и...

— О чём задумался? — спросила Джоан, облизывая жирные пальцы. — Такой вид, словно планируешь моё убийство.

Себ сделал угрожающее лицо:

— Хуже.

— Боже... мне уже страшно. Просветишь?

— Ни за что. Коварный план нельзя разглашать, иначе он перестанет быть коварным, — Себ тоже облизал пальцы, оставил на стол пустую сковороду и майонез и пересел к Джоан поближе. Носом провёл по её щеке. — А мой план очень коварен. Я думаю тебя похитить.

— М... — Джоан запрокинула голову, обнажая шею, — и что ты со мной будешь делать?

— Я... — поцелуй в пульсирующую артерию, — не пушу тебя... — ещё один поцелуй возле розового уха, — на работу.

Он расхохотался, а Джоан возмущённо ударила его крепким кулаком в плечо и тоже засмеялась.

— Это действительно коварно. Правда, план твой будет действовать недолго, потому что стоит мне опоздать, и верные рыцари Грег и Пол кинутся меня разыскивать.

— С двумя офицерами полиции справиться будет трудновато, — Себ слез с подоконника на пол и встал между разведёнными ногами Джоан.

— С тремя!

— Пф... Ты на моей стороне.

Джоан не стала с этим спорить, а вовлекла его в поцелуй.

Себ забрал Сьюзен на весь день. С утра познакомился с её няней мисс Кларенс — приятной шотландкой лет сорока с небольшим — и увёз дочь гулять. Они сходили в музей естественной истории, после чего ещё, наверное, часа два обсуждали динозавров и синего кита. Перекусили пиццей. А ближе к вечеру, когда по плану пора было ехать домой к Себу, Сьюзен загрустила.

Крепко вцепившись в его ладонь, она шла по улице, глядя себе под ноги. Сначала Себ не трогал её, но через десять минут тишины спросил мягко:

— У тебя всё хорошо, принцесса?

Она облизнула губы, потянула было палец в рот, но передумала, поймав взгляд Себа. И потом осторожно спросила:

— Пап... ты не умрёшь?

Больше всего хотелось ответить: «Нет, конечно», — и закрыть тему, но Себ не стал этого делать.

— Я человек, — сказал он вместо этого, — живой. Поэтому однажды умру. Но надеюсь, что это будет нескоро. У меня крепкое здоровье. И я осторожен. А почему ты спросила?

Она сжала его руку ещё крепче.

— Джулия говорит, ты скоро умрёшь. Я думаю, это глупость, но... — она не нашла нужных слов и бросила фразу на середине. Но Себ понимал, что она имеет в виду: заложенная Джулией идея не оставляет её.

— Могу я узнать, с чего Джулия это взяла?

Саму Джулию он помнил по поездке в Ричмонд-парк, хотя и смутно. Дочь миссис Харрис и сестра Пита, яркая высокая для своих лет девочка, несколько манерная и важная. Когда остальные носились с мячом, всё боялась испачкать кроссовки в грязи.

— Она сказала... — Сью вздохнула, — понимаешь, у Эммы умер папа. Они раньше жили вместе, потом он ушёл, а ещё позже умер. И мама Джулии сказала, что так всегда и бывает.

Себ почесал в затылке. Как всегда, такие вопросы сваливались неожиданно и ставили в ступор. Угадать бы ещё, что имела в виду Джулия Харрис и как это объяснить Сьюзен.

Ушёл из семьи и умер.

— Сьюзен, — проговорил Себ, — я не знаю, почему умер папа Эммы. Это грустно, конечно. Но я могу тебе гарантировать, его смерть никак не связана с тем, что до этого они с её мамой развелись.

— Джулия говорит...

Себ остановился, повернулся к Сьюзен и посмотрел ей в глаза.

— Джулия ошибается. Любой человек может умереть, но нет никаких правил, что это происходит после развода. Иначе люди не разводились бы. Джулия сама не поняла, что услышала, и запутала тебя.

— Точно? — серьёзно спросила Сью.

— Честное слово, — ответил Себ, и она улыбнулась, сказав:

— Ладно. Я всё равно ей не поверила. Пап, как думаешь, где-нибудь могли остаться динозавры? Может, в Австралии?

За этой увлекательной темой они без проблем доехали до дома Себа. По уговору, он должен был накормить Сьюзен ужином и привезти к десяти.

Уже выходя из машины перед домом, Себ вдруг ощутил лёгкий стыд. Он давно не убирался, в холодильнике не наблюдалось никакого особого разнообразия, в квартире не было ни одной игрушки. А стоило бы подумать об этом всё заранее. Хорошо, хоть у него отсутствовала привычка раскидывать по полу оружие — всё опасное лежало в сейфе.

Открывая дверь, Себ ощутил какое-то беспокойство. Как будто звук не тот. Другой ход ключа. Как будто что-то случилось с замком.

«Паранойя», — сказал он себе, но это не помогло. Он знал наверняка, что паранойя не причем. Он закрывал этот замок сегодня утром и каждый день на протяжении последнего месяца.

Не доворачивая ключ, Себ наклонился к замочной скважине. Прижал к двери ухо, зажмурился, но не услышал ничего подозрительного.

— Сью, подбеги-ка к машине, посмотри, я закрыл дверь? Подёргай её, — сказал он ровным голосом. Машина стояла в пределах прямой видимости, но достаточно далеко от двери.

Фоули пропал, не писал и не звонил, но он ведь вряд ли забыл о нём. Вспомнилось сразу: «Знаешь, что бывает, когда я расстраиваюсь? Бум!»

Потом он посмеётся над собой. Может, даже посоветует себе сходить к врачу и попить успокоительного для уменьшения тревожности. Но пока он предпочитал, чтобы Сью была далеко от двери в тот момент, когда он всё-таки повернёт ключ. Потому что он очень боялся, что внутри установлена растяжка. В этом не было смысла — но далеко не всё в мире совершается осмысленно.

Сью подбежала к машине.

Себ сжал губы.

— Закрыто! — крикнула она.

— Другую тоже проверь, дорогая.

Если его безумное подозрение окажется верным, сам он отскочить не успеет. Бросив взгляд за спину и убедившись, что Сью зашла за автомобиль, он резко повернул ключ в замке. Он щёлкнул. Дверь открылась.

— Тоже закрыто!

«К доктору», — постановил Себ, вытирая влажный лоб. Сью вернулась к нему и теперь с любопытством заглядывала в тёмный коридор.

— Спасибо, — проговорил он слегка заторможенно, постарался взять себя в руки и сказал преувеличенно бодро: — Добро пожаловать в мой дом, принцесса.

При свете тусклых ламп квартира смотрелась убого. И краска не везде легла хорошо. Но Сьюзен, конечно, не было до этого дела. Она внимательно осматривалась, и Себ понимал, что её интересуют не дизайнерские изыски, а нечто куда более простое: как живёт её папа.

— Моем руки, — скомандовал он, открывая дверь ванной, расположенной на основном этаже, — а сам прошёл на кухню — и замер в проёме.

На единственном стуле сидел с кружкой чая и бутербродом Джим Фоули. Он был в своём безумно дорогом костюме, в лакированных туфлях, но при этом жевал бутерброд с двумя кружочками завядшего помидора, сидя на грязной чужой кухне. «ягуар» возле вонючей многоэтажки и то не смотрелся так чужеродно, как сам Фоули на этой кухне.

— А, Себастиан, — протянул Фоули, — рад видеть. Спасибо за чай.

— Сэр, что вы здесь делаете?

— Заглянул в гости, — пожал плечами Фоули, откладывая недоеденный бутерброд на

стол. Отряхнул пальцы. — Миленько.

Сзади по коридору уже шла Сьюзен. И ей не нужно было встречаться с Фоули.

— Простите, сэ, — твёрдо сказал Себ, — сейчас у меня есть дела. Я хотел бы...

— Здравствуйте, сэ! — к его боку прижалась взлохмаченная головка. Себ нервно опустил руку Сьюзен на плечо. Сжал.

Фоули отодвинул чашку, его глаза блеснули, он улыбнулся.

— Прелестная мисс Майлс. Приятно познакомиться.

— Сью, иди в спальню, — велел Себ, чувствуя совершенно животное желание закрыть её от Фоули своим телом.

— Зачем? — удивился тот. — Я буду рад с ней познакомиться поближе... Ну же, мисс Майлс. Подойдите ко мне.

Сью, кажется, впервые была в ситуации, когда двое взрослых велят ей делать противоположные вещи, но, к счастью, она сумела расставить приоритеты верно.

— Я... наверное... пойду поиграю в другой комнате. Да, папа?

— Именно, — кивнул Себ, но Фоули резко повысил голос:

— Нет! — и Сью остановилась.

— Себастиан, не будь букой, — протянул Фоули. — Я могу рассказать очаровательной мисс Майлс сказку. Я очень люблю сказки.

Себ посмотрел Фоули в глаза. Он не понимал, чего тот хочет. Зачем пришёл и зачем пытается поговорить со Сьюзен. Но он надеялся, что сумеет его переубедить.

— Джим... — сказал он тихо, — Сьюзен устала. Она хочет пойти и немного отдохнуть. Не отвлекайте её сказками. Пожалуйста.

Взгляд Фойли сделался странным. Себ как будто мог уловить в нём и насмешку, и скуку, и какую-то непонятную искру. Наконец, Фоули снова улыбнулся:

— Ты умеешь убеждать, Святой Себастиан. Отдыхайте оба.

Себ буквально пихнул Сью в угол, закрывая её телом, но Фоули просто прошёл мимо в прихожую. Оттуда обернулся и сказал:

— До скорой встречи, Себ. Увидимся.

Он открыл входную дверь, закрыл снаружи — и запер замок.

В тишине Сьюзен робко спросила:

— Пап... кто это был?

— Просто знакомый, — пробормотал Себ.

— У него такие глаза... как у злодея из сказки.

Точно. И не поспоришь.

Памяти Клауса Джордана

Джим пошевелил пальцами и сумел поймать крест. Острый край поцарапал кожу, и Джим застонал вслух. Хорошо. Повторил. Тактильные ощущения давали огромный кайф — просто потому что они были. Покрутив крест некоторое время, он рискнул приоткрыть глаза и тут же закрыл их снова. Шторы оказались не задёрнуты, в комнате — слишком светло.

— Я тебя убью, — пробормотал Джим непослушными губами. Онемение уже ушло, но какие-то отголоски сохранялись.

Ему никто не ответил. Открыв глаза снова, Джим понял, что он в квартире один. Пошевелил пальцами ног. Носки так и остались на месте, а вот туфли он всё-таки сумел снять. Всё тело было липким от пота. И воняло.

Поморщившись, Джим дорасстегнул рубашку и отшвырнул её в сторону. И с отвращением вспомнил, что Большого Ка он не сможет убить. Потому что он уже убил его.

Почти.

Джим снова застонал, перевернулся так, чтобы лечь на диван целиком, стянул брюки и увидел снова эту картину: Клаус вставляет пистолет в рот и нажимает на крючок. Падает на серый новый ковёр. Пачкает его кровью и мозгами. Таращится в потолок пустым взглядом.

Нет, Джим не испытал того удовлетворения, на которое рассчитывал. Вышло слишком слабо. Дело, конечно, было в самом Клаусе. Тупой бурдюк. Он умудрился испортить даже мгновение собственной смерти.

Джим выпустил крест и потёр глаза. Зрение более или менее восстановилось, и можно было бы уже встать и дойти до душа. Но пока не хватало сил.

Он снова воспроизвёл в голове сцену: комната, Клаус, за стеной — девочка под прицелом снайпера.

Снайпер. Вот кто был хорош без сомнений. Мысленно Джим переключил картинку и погрузился в неё с головой. Высокий лоб, который создаёт дивную иллюзию ума, внимательные голубые глаза, неподвижно смотрящие в прицел. По шее из под коротко стриженных светлых волос стекает капелька пота, но он даже не думает стереть её, даже не вздрагивает, хотя это должно быть щекотно. Капелька проходит вниз и прячется под воротником серой футболки.

Джим слегка поменял ракурс.

Спереди зрелище тоже было отличное. На лице — ни одной эмоции. Разве что спокойная сосредоточенность. Моргает редко. Губы плотно сомкнуты, но не сжаты. Подбородок гладко выбрит, но всё равно видно, как должна расти щетина. Руки держат винтовку как будто совсем легко, без усилий.

Джим хотел бы знать наверняка: выстрелил бы Себастиан в девочку? Ему нравилось думать, что да. Такой совершенный инструмент должен работать без сбоев.

Но ведь Клаус тоже был хорош!

Внутри что-то сжалось, и Джим сказал вслух: «Мне обидно!»

На самом деле, конечно, нет, он был зол, и всё. Но ему могло бы быть обидно, теоретически.

Клаус изменил ему. Мудак. Что там, пара тысяч фунтов? Пара сотен тысяч? Попроси Клаус по-хорошему, Джим дал бы ему эти деньги. У него были. И ему было их совершенно не жаль.

Но Клаус решил всё усложнить, за что и поплатился.

В голове было тихо, и Джиму это не нравилось.

Продолжая крутить мысль о том, что сделал Клаус и ради чего, он нащупал пульт и включил стереосистему, позволяя вкрадчивому голосу Энтони заполнить пустоту. На фоне голоса мысли складывались стройнее.

Клаус устал возиться с ним, вот в чём причина. Он оказался таким слабаком, это здоровый и сильный Клаус.

Может, стоило убивать его медленнее. У Джима был один талантливый парень, который умел снимать с людей кожу живьём. Он не отказался бы от небольшого представления. Вот только Клаус был таким скучным, что ради него даже не хотелось возиться.

Но, сделай Джим всё красиво и как следует, сейчас, пожалуй, было бы лучше.

Оставляя музыку играть в пустой комнате, Джим ушёл в душ и долго стоял под водой, тщательно вымыл голову два раза, а когда вернулся, композиция уже сменилась. Теперь играл старик-Синатра, и Джим не стал ему мешать.

На сегодня у него ещё было много дел.

Он опять поймал крест, на этот раз избегая острого края, и потёр его. Гладкая поверхность оникса нагрелась.

Джим не хотел работать. Он ощущал себя разбитым в самом прямом смысле: как будто куски его тела, ставшего фарфоровым, разлетелись по всей комнате, а целостность — обман.

Снова рухнув фантомным телом на диван, Джим выключил музыку и активировал экран — он выехал из ниши в потолке и опустился на удобный уровень. И сразу началось воспроизведение фильма.

Джим улыбнулся, когда на экране отобразилось по очереди:

«Пост Реалити Студио» совместно с кинокомпанией BBC, постановка Александра Кларка, продюсеры Александр Кларк и Мэттью Фишер, фильм основан на реальных событиях, «Жертва нового бога».

Джим обожал смотреть, как Александр каждым кадром признавался ему в любви.

Это, конечно, была паранойя, снова поднявшая голову. Но Себ не собирался на этот раз осаживать её, и, выходя вместе со Сьюзен из дома, прихватил футляр с «М-24». Сью на сумку бросила любопытный взгляд, но спрашивать не стала — для неё сегодня хватило впечатлений, тем более, что в последние два часа они отчаянно играли в «Морской бой», а до этого — вместе готовили ужин. Себ постарался как можно тщательнее отвлечь дочь от воспоминаний о встрече с Фоули — и кажется, это удалось.

Эмили на руки он сдавал очень уставшего, но весьма довольного ребёнка.

— Господи, Себ, ты её умотал, — улыбнулась Эмили.

— Это взаимно, — сказал он, помахал рукой и пошёл прочь.

Завёл машину, отъехал немного, сделал круг — и вернулся. Запарковался чуть в стороне, чтобы не привлекать внимания. Забрал винтовку и твёрдым шагом пошёл по направлению к школе — трехэтажному зданию с идеальной плоской крышей, буквально созданному для его целей.

Его никто не видел. Да и сам Себ никого не замечал. Район спал. В большинстве окон уже погасили свет.

Школа, конечно, охранялась, но одинокий сторож едва ли обратил внимание на шевеление теней, когда Себ перебрался через ограду. По пожарной лестнице поднялся на крышу и сразу лёг на живот, чтобы на фоне ещё не до конца чёрного неба никто не разглядел силуэт.

Дом Эмили был перед ним как на ладони — он видел все подходы к нему. Через прицел можно было даже попытаться заглянуть в незашторенное окно, но делать этого Себ не стал.

«Твою мать, что я делаю? Какого хера вообще творю?» — спрашивал он себя, но не шевелился, прижимаясь всем телом к холодной крыше, устроив щеку на ложе и вглядываясь в темноту.

Никого не было. И не должно было быть.

Но Себ знал, что никакие разумные доводы не заставят его сдвинуться с места. Он должен быть уверен в том, что пугающие намёки в словах Фоули — бред воспалённого воображения. И он предпочитал убеждаться в этом на крыше, на ветру, с винтовкой в руках, а не дома, где тепло — и где он совершенно беспомощен.

Шевеление за спиной он не слышал, а почуял, ощутил кожей. Боковым зрением увидел, как рядом опустилась тень. Свесила ноги с края крыши и легкомысленно поболтала ими.

— Там никого не будет, Себастиан, — сказал Фоули после нескольких минут молчания. — Совершенно никого. Только я. И я здесь.

Себ поднял голову, опёрся на руку и тоже сел, поджав под себя ноги. Винтовку положил рядом с собой. Фоули, чуть наклонив голову набок, рассматривал Себа с особым вниманием и странным интересом.

— Мне нужен снайпер, Себастиан.

— Тебя больше нет, — фамильярно произнес Себ. Трепет перед Фоули вдруг исчез, как рукой сняло. — Я видел некролог в газете.

— Фоули нет... — улыбнулся Фоули, и Себ заметил, что у него слегка искривлены нижние зубы. Казалось бы, мог бы пойти к стоматологу и всё исправить, заплатив сумму, раза в два меньше стоимости его костюма, но нет — оставил. Пиджак ценой в годовой доход

какой-нибудь британской семьи, а зубы кривые. — Остался только Джим. И ему нужен лучший снайпер.

Сейчас Фоули... чёрт его возьми, просто Джим, выглядел совершенно адекватным. Примерно так могло бы проходить первое собеседование Себа: только не на крыше, а в офисе. Нормальный парень в дорогом костюме предлагает ему работу. И Себ соглашается, не спрашивая, кого именно завтра будет держать на прицеле, потому что ему в общем-то всё равно.

Вот только Джим Фоули — не нормальный парень, а сумасшедший. Сидит на наркотиках. Взорвал собственный, мать его, офис. Припёрся домой к Себу и угрожал его дочери. Или не угрожал?

Себ запутался.

Фоули давал ему работу, которая была отчаянно нужна. Он давал Себу образ жизни, который он любил. Освобождал от необходимости искать себе место в гражданской жизни, которого всё равно не было.

— Мне нужно официальное место работы — не желаю привлекать внимание налоговой. И сумма из моего прошлого контракта... — произнёс Себ ровно, — удвой её.

Джим присвистнул.

— Многого хочешь, детка. За что же такие деньги?

— Первая половина — за мою работу, — пояснил Себ. — Вторая — за то, что к этой работе прилагаешься ты.

Джим засмеялся — слишком громко в ночной тишине. Но они ведь ни от кого не прятались.

— Вы посмотрите, оно кусается...

— Или ищи себе снайпера где хочешь.

— Я завтра пришлю документы. Тебе придётся каждый день доказывать, что ты стоишь этих денег.

Какое-то время они вдвоём рассматривали ночные улицы и небольшие тёмные домики. О чём думал Фоули... Джим — кто его знает, а Себ размышлял о том, что лет через десять ему потребуется чертовски хороший невролог. Если он проживёт десять лет с таким боссом, как Джим, разумеется.

— Ещё кое-что, Джим, — нарушил молчание Себ.

— Я весь внимание, дорогой, — протянул Джим.

— Возможно, я туповат, не спорю. У меня солдафонская рожа, на которой всё написано, и у меня нет и не может быть никаких секретов. Окей, без проблем. И я знаю, что ты можешь уничтожить меня, если захочешь. Идёт. Но если ты хоть раз заставишь меня снова испугаться за безопасность Сьюзен... — он сделал паузу, не сводя взгляда с дома Эмили, — если я почувствую хотя бы намёк на твоё внимание в её сторону, я тебя убью. И твои мозги, хитрость и что там ещё прилагается тебе не помогут, потому что от снайпера ты не спрячешься.

Ещё вчера Себ, наверное, побоялся бы сказать Фоули что-то в этом роде. А сейчас слова вылетали сами собой, без малейшего затруднения. Себ точно знал, что выполнит эту угрозу. И Джим знал, что Себ её выполнит.

— Это так трогательно... — сказал он задумчиво. — Так глупо... Твоя жизнь, твой опыт, знания куда дороже жизни девчонки, которая ничего из себя не представляет. Но ты умрёшь, защищая её. Никогда не пойму людей.

— Тогда просто запомни.

Джим протянул ему руку и улыбнулся, показав верхний ряд зубов:

— Моё слово. Никто не тронет малышку Сьюзен.

Себ скрепил этот договор рукопожатием, отметив, что у Фоули теплая и мягкая ладонь.

По идее, можно было вставать и возвращаться домой. Но Фоули сидел так, словно совершенно никуда не собирался, и Себ тоже не двигался. Он сам не понимал, в каком напряжении провёл весь этот день. Не зная, что задумал Фоули (да чёрт, Джим! Придётся всё-таки привыкнуть), оказалось очень нервно. Сейчас его отпускало. И было приятно просто дышать ночным воздухом.

— Теперь вы возглавите новую компанию, сэр?

Джим фыркнул:

— Нет, дорогой, это в прошлом. Быть на виду, сидеть в офисе... Это было ужасно скучно. Нас ждёт нечто новое. Ох, Себастиан... Будет очень весело. И горячо. Всё как ты любишь. Не скучай, детка, — тем же плавным мягким движением, каким оказался на краю крыши, Джим поднялся, провёл рукой по волосам Себа, заставив его рефлекторно вздрогнуть, и исчез в темноте.

Можно было бы поднять винтовку и через прицел проследить за ним, но Себу было лень. Он разобрал «М-24» и упаковал в футляр, потянулся до хруста в спине и пошёл обратно к автомобилю.

Кто бы сомневался, что первое в новой жизни задание от Джима будет сложным и кровавым? Только не Себ. Скорее всего, бывший Фоули заметал следы и отдавал долги, потому что за сутки только пули Себа убили троих. Сколько ещё умерли от отравления газом или любимого Джимом «бум» — он не имел понятия.

Зато ему действительно доставили бумаги, согласно которым Себастиан Майлс принимался на должность менеджера службы безопасности в компанию GMS. И как это расшифровывается, даже «Гугл» не знал. Менеджер так менеджер. Себ поставил подписи в положенных местах, оставил один экземпляр себе, а второй отдал курьеру.

Когда третья пуля была выпущена, у Себа завибрировал телефон. Смс от Джима оказалось лаконично-раздражающим: «Хороший мальчик», — и подтвердило, что удвоение оклада Себ требовал не зря. Это всё он готов был терпеть только за очень большие деньги.

После серии убийств Себ снова с головой погрузился в непривычное ничегонеделание. Единственное отличие было в том, что он начал немного учиться находить себе занятия. Например, вспомнил, что уже на следующей неделе Эмили собирается в отпуск, а значит, Сью будет жить у него — и потратил день на то, чтобы обустроить для дочери комнату из той, которая до сих пор пустовала. Покрасил там стены в сиреневый цвет, купил односпальную, но достаточно широкую кровать с хорошим матрасом, поставил письменный стол, кресло с правильной спинкой, настроил освещение. Ему хотелось, чтобы Сьюзен чувствовала себя хорошо у него дома.

Новый звонок от Джима застал его за мытьём окна в комнате дочери.

— Ты мне нужен в Сити, здание напротив нашего офиса, через сорок минут. Не опаздывай, Себастиан, — без приветствий сообщил Джим.

— Да, сэр, — тут же отозвался Себ.

— И захвати свою игрушку, — он сбросил вызов, а Себ закрыл окно, оставил ведро с

водой и немедленно собрался.

В Сити Себ оставил машину на одной из общих парковок и пошёл к офису пешком, внимательно глядя перед собой: не хватало ещё нарваться на полицию.

До офиса он не дошёл — заметил прислонившегося к бетонной колонне Джима (на самом деле, было очень некомфортно даже в мыслях называть его по имени).

Он был одет как подросток — в футболку с принтом и джинсы с прорезами. На уши надвинул красную кепку с Багзом Банни.

Себ подошёл к Джиму, остановился в нескольких шагах и кивнул. Тот поднял вверх палец, призывая к тишине, и зажмурился. Тут Себ заметил, что в ушах у него — наушники-капельки. Жмурясь и качая головой в такт, Джим дослушал песню, убрал наушники в карман джинсов и спросил:

— Любишь высоту?

Себ промолчал. Какая разница, любит он её или не любит. Надо — значит, полезет.

— Пошли, Себастиан. Покажу тебе кое-что.

Пожав плечами, Себ двинулся следом за Джимом. Они шли через Сити, почти всё время оставаясь в тени, которую отбрасывали груды стекла и бетона. Потом вошли в неприметную дверь «только для персонала», втиснулись в узкий маленький лифт и поехали на двадцать третий этаж.

То и дело Джим бросал на Себа задумчивые взгляды, как будто ждал какой-то реакции. А Себ благодарил бога и удачное стечение обстоятельств за то, что ему сегодня подарили молчаливого Джима.

Они вышли на крышу, и Себ, вспомнив последнюю беседу, поёжился. Не вошло бы это в привычку — болтать с Фоули о том о сём на крышах.

— Достань винтовку, детка, — мечтательно протянул Джим.

Себ сказал:

— Тогда присядьте-ка. Вас видно на пол-Лондона, — волевым усилием пропустив «детку» мимо ушей.

Он сам зашёл за вентиляционную трубу, опустился на колени и начал собирать винтовку. Джим, немного подумав, сел на пыльную крышу рядом с Себом.

— Смотри, — Джим указал рукой на северо-восток, — красный кирпич, третье окно слева, второе сверху. Это гостиная. Сейчас там сидит четверо человек, — он говорил спокойно и мягко, задумчиво. — Они смотрят телевизор. Двое детей устали и не понимают, почему мама и папа не отправляют их спать, как обычно. А мужчина и женщина не замечают времени. Знаешь, почему?

— Потому что вы сейчас их убьёте? — предположил Себ.

Джим засмеялся:

— Ты действительно прелесть, Себастиан. Убивать родителей на глазах их детей... за кого ты меня принимаешь?

Себ понадеялся, что своим пронизательным умом Джим как-нибудь дойдёт до ответа: «За беспринципного мерзавца и редкостного сукиного сына», — поэтому промолчал. Если бы Джиму было нужно — он убил бы кого угодно и в любых обстоятельствах.

— Нет, Себастиан, сегодня никаких смертей. Всё, что тебе нужно — сломать их телевизор. Вот этим.

Из заднего кармана джинсов Джим достал упаковку патронов. Себ взял их, рассмотрел. Калибр подходил, но патроны были ему незнакомы. Не то самопал, не то какое-то кустарное

производство.

— Оно вообще стрелять будет? В процессе не рванёт?

Джим посмотрел на него почти обиженно, и Себ зарядил магазин. Лёг на живот. Прицелился через открытую форточку.

Он действительно видел гостиную и телевизор. Мимо прошёл ребёнок.

— Ну?

— Цель несвободна.

Фоули рядом щёлкал языком, что крайне раздражало.

Стоило уйти ребёнку, как на траектории выстрела появилась женщина, подошла к телевизору вплотную. Что она там делает?

Щёлканье становилось всё настойчивей.

Женщина села.

Себ нажал на спусковой крючок. Что дальше происходило в комнате, его не слишком интересовало, а вот Джим смотрел не мигая — хотя что он там без оптики видел, оставалось загадкой.

Только через пятнадцать минут, когда Себ уже убрал «М-24» обратно в футляр, прислонился к трубе и расслабленно закрыл глаза, Джим заметил тихо:

— Теперь они вспомнят... Знаешь, Себастиан, что в тебе хорошо? Ты не задаёшь вопросов и не страдаешь от угрызений совести. Скажи, если бы я приказал застрелить этого ребёнка, вот того, ты сделал бы это?

Себ открыл глаза, посмотрел на Джима. Учитывая, что совсем недавно он готов был убить дочь Клауса, этот вопрос был излишним, но отвечать Себ не хотел.

Джим смотрел настойчиво, прищурился.

— Я скажу за тебя, Святой Себастиан, — промурлыкал Джим. — Да. Ты бы это сделал.

— Сэр, можно без сеанса психоаналитики? — резко оборвал его Себ. — Я на вас работаю. Если вам понадобится, действительно понадобится убить ребёнка, вы его убьёте, а моими руками или ещё чьими-то — уже не важно.

В конце концов, приказы не обсуждаются.

— У меня был снайпер... до тебя, — сказал Джим таким тоном, словно рассказывал нынешнему любовнику про бывшего: с ноткой грусти и стыда. — Virtuoz. Он сломался, Себастиан, понимаешь? — поднявшись на ноги, Джим достал наушники, снова сунул их в уши и пошёл к выходу на чердак.

Себ остался сидеть на крыше и разглядывать серое небо.

Александр: часть третья

После крика оператора: «Снято!», — Александр объявил перерыв и повёл старшего художника и двоих осветителей к домику, возле которого они сегодня вели натурные съёмки. Нужно было подготовить всё к ночи — ворота, забор и окно с пошленькой занавеской требовалось немного довести до ума.

Сегодня съёмки шли тяжело. И погода не радовала — дул пронизывающий до костей ветер, — и общее состояние самого Александра было какое-то странное. В обед он прилёг в своём фургончике и отрубился на час, чего с ним никогда не бывало. Во рту горчило, в глаза словно бы сыпанули песка.

— Мистер Кларк! — на полуслове его прервал Мэтт, взял под локоть и сказал: — Коллеги, прошу прощения, срочный вопрос, выпейте чаю пока. Пойдёмте, мистер Кларк, — он отвёл его за дом, усадил на колоду дров и спросил обеспокоенно: — Ты живой вообще?

Александр помотал головой, в которой как будто что-то звенело, и признался:

— У меня как будто похмелье, но я не пил ни капли.

— А может, стоило бы.

Мэтт обеспокоенно положил руку ему на лоб и объявил:

— Так и думал. Температура.

— Нет, — пробормотал Александр, — точно нет.

— Точно. Надо сворачивать это всё.

— Ни за что.

Он хотел снимать Ирландию в тёплое время года. Потом воссоздавать этот домик в павильоне будет долго, дорого, и главное — очень скучно. Ему было важно, чтобы кадр жил, дышал. А свернуть съёмки сейчас — это гарантированно потерять последние дни без дождя.

— Тогда оставь нам с Кристин подготовку и иди к себе. Прими аспирин, я тебе дам, и поспи часа два-три.

— На самом деле, мне уже лучше, — сказал Александр, поднимаясь с колоды. Он действительно как будто слегка оживал. — Но аспирин выпью. Не хватало ещё заразить тут всех.

Он уже собрался идти в свой трейлер, но не успел даже шага сделать. Откуда-то за пределами съёмочной площадки раздался вопль: высокий, женский, истощный.

— Господи, что у них там? — спросил Мэтт напряжённо. — Посиди и...

Конечно, Александр не собирался отсиживаться в сторонке. Возможно, кто-то просто обварился чаем на раздаче, но в этом крике было столько ужаса, что он должен был увидеть, в чём дело.

Вся площадка была взбудоражена. Пока Мэтт и Александр шли мимо рабочих групп, обходили трейлеры и элементы декораций, повсюду раздавались окрики, вопросы и уточнения: «Что там?» «Там у них всё в порядке?» «Что случилось?» — всё это сливалось в общий гул.

— Мистер Фишер! — к Мэтту кинулась Кристин, старший ассистент режиссёра, схватила его за руку и шепнула быстро: — Нужна полиция! Мистер Кларк...

— В чём дело, Кристин?

У неё дрожали губы, Александр видел, что она испугана.

— Там убили... Кевина. Мистер Кларк, вам бы лучше не смотреть...

Александр забыл, как дышать. Господи милосердный! Убили. «Убили Кевина», — грохотало в мозгу, а он даже осознать этого не мог.

— Господи, — прошептал он. — Пойдёмте туда, Кристин. Тихо, тихо, — он подал ей руку, потом что она готова была упасть, но чувствовал, что и сам недалёк от обморока.

Когда они дошли до места, он понял, что его сейчас вырвет. Спазм сжал желудок, к глазам подкатили слёзы, и только огромным трудом он сумел сдержаться, остаться стоять прямо и с сухими глазами перед лицом смерти.

Он видел мертвецов. Сам ходил в морг, чтобы снимать смерть достоверно. При нём умирал его дед. Но ничто не могло сравниться с видом Кевина, распятого на перевёрнутом кресте. Крест не стоял, просто лежал на земле, но в руки Кевину вбили настоящие гвозди. Ладони были в крови.

— Может... — онемевшими губами с трудом выговорил Александр, — он ещё жив? Кто-то проверил?

— Я уже вызвал полицию и скорую, — сказал Мэтт сухо. — Лучше ничего не... — Эй, вы, назад! Кристин, давай, займись делом: всех на десять метров назад.

Кристин как будто очнулась ото сна, отвела взгляд от мёртвого актёра и взялась за дело: отгонять любопытных.

— А ты, — Мэтт буквально отодвинул Александра на несколько шагов назад, — звони мисс Кларк.

— Что? Зачем?

— Или ей позвоню я.

Нет, вот Елену он точно не хотел напрягать, выдёргивая с работы в Ирландию.

— Сейчас приедет полиция, не нужно...

— Она захочет это знать. Александр! — Мэтт обошёл его, стал так, чтобы заслонить Кевина, хотя бы частично, и встряхнул Александра за плечи. — Ты сам не видишь? Это же «Новый Пётр»!

Александр вцепился в плечо друга, чтобы удержаться на ногах. Стоило ему закрыть глаза, как сцена вставала перед глазами. «Новый Пётр», его первый фильм, окупившийся в прокате, кульминация. Юный Антуан, распятый фанатиком на перевёрнутом кресте.

Глава 13

Себ лишний раз убедился, что сейф не только заперт, но и надёжно спрятан от посторонних глаз, пока Сьюзен мыла руки, выкрикивая из ванной вопрос за вопросом.

Эмили и Джексон улетали сегодня вечером, но Себ предложил забрать дочь пораньше, тем более, что Джим никаких признаков жизни не подавал и работы не подкидывал, а ребятам нужно было спокойно уложить чемоданы.

Сьюзен осмотрела комнату, посидела на кровати, включила и выключила настольную лампу и сказала:

— Тут круто.

— Ну, у тебя дома комната лучше, — заметил Себ.

— Зато эта больше. И мне нравятся разводы на стенах. Как волны, — она провела пальцем по тому месту, где валик пошёл не туда и осталась заметная полоса. — Пап, можно я завтра пропущу школу? На один день? — она захлопала глазками, но Себ на это не повёлся.

— Нельзя.

— А послезавтра?

— Тоже нет.

— Послепослезавтра?

Себ чувствовал, что губы сами растягиваются в улыбке, но ответил всё так же непреклонно:

— Нет.

Сьюзен прикусила губу и протянула жалобно:

— Ну, хотя бы послепослепослезавтра?

— Я же сказал...

— Но это будет суббота! — она рассмеялась первая. Себ обнял её, присев рядом на кровать, и признал:

— Подловила. В субботу, так и быть, можешь не идти.

Сьюзен устроила голову у него на плече, обняла за шею и сказала серьёзно:

— Знаешь, я им разрешила.

— М?

— Маме и Джексону. Жить вместе. Он не так уж и плохой, на самом деле, — она замолчала и спросила: — Тебя не обижает, если я это говорю?

— Нет, — Себ погладил её по волосам, — меня это радует. Я очень хочу, чтобы твоя мама была счастлива. И если ей хорошо с Джексоном, и он ладит с тобой — то это прекрасно.

— Только я поставила им условия, — она завозилась, сворачиваясь в клубок, — во-первых, — сжала ладошку в кулак и отогнула один палец, — пусть они поженятся. И мама должна надеть платье, она мне обещала. Во-вторых, — второй палец, — Джексон не должен заходить ко мне в комнату, пока я не разрешу.

— Отличное правило.

— И ещё, я сказала, что не хочу, чтобы у них рождались другие дети. Мы с Эммой сидели на прошлой неделе с её племянником. Ему два года и он такой противный, — она сморщила нос.

— Думаю, — сказал Себ, — что это условие ты не можешь ставить. Только мужчина и

женщина могут решать, хотят ли они, чтобы у них родился ребёнок.

— Джулия говорит, если они родят ребёнка, то я им буду не нужна, — упрямо сказала Сьюзен, — она сказала, так всегда бывает.

— Далеко не всегда. рождение второго ребёнка не делает первого менее любимым. И вообще, Джулия что-то не кажется мне авторитетным источником информации.

— Что такое — авторитетный источник?

Болтая про источники, школьные задания и Джексона, они отправились готовить обед. Сьюзен участвовала активно: к горячей сковороде Себ опасался её подпускать, но вот с ножом она уже управлялась неплохо. Он показал ей, как резать помидоры и огурцы кубиками, и она с увлечением взялась за работу, пока сам Себ обжаривал небольшие партии замаринованной курицы.

От телефонного звонка Себ вздрогнул — представил, что его немедленно выдёргивает на работу Джим. Но это оказалась просто мама.

— Блудный сын слушает, — сказал он, предвидя первую же её фразу.

— Почему блудный? — тут же спросила Сьюзен, отвлекаясь от нарезки помидора.

— Действительно, блудный, — сказала мама нежно, пока Себ обещал Сьюзен рассказать об этом попозже. — Ты хоть ещё помнишь, как мы с отцом выглядим?

— Я запомнил один раз, когда мне было пять, и с тех пор не обновлял информацию. Рад тебя слышать, мам, — прижав телефон плечом к уху, он выложил криво нарезанный помидор на сковороду и пояснил: — Сьюзен, это бабушка.

На самом деле, мамин упрёк был слегка излишним. В конце концов, он был у них с папой... посчитав, что это было больше полугода назад, в короткий февральский отпуск, он испытал укол совести. А последний звонок, кажется, состоялся сразу после возвращения в Британию, то есть тоже довольно давно. Потом был Бирмингем, Фоули — и стало не до того.

— Привет, бабушка! — крикнула в трубку Сьюзен, и Себ, включив громкую связь, понял, что в нём как в участнике разговора эти две болтушки не нуждаются.

Конечно, позднее его спросили, когда он приедет к ним домой. Себ ответил обтекаемо — просто не мог загадывать. Родители так и жили в пригороде Карлайла, почти на границе с Шотландией, и добираться до них из Лондона было не так-то просто: либо пять часов на поезде, либо полтора на самолёте до Манчестера и дальше еще два с половиной — на поезде. Такую вылазку придётся обсуждать с Джимом, и тот ещё не факт, что отпустит. Выходные в контракте Себа прописаны не были.

Жить со Сьюзен было хорошо: Себ ещё раз напомнил ей о правилах дома, некоторое время понаблюдал, убеждаясь, что она их выполняет — и расслабился. От ребёнка он требовал не так-то много: не входить в его комнату, когда там нет его самого, не раскидывать свои вещи и игрушки, читать только при нормальном свете и сидя, делать уроки — только за столом и с включённой настольной лампой, и не возиться, если он зовёт есть или говорит идти спать.

У самого Себа почти не было привычек, которые требовалось корректировать из-за присутствия дочери рядом: особенно если учесть, что половину дня она проводила в школе.

А вот без няни они пока обходились — Себ договорился с мисс Кларенс, что на время отдыха Эмили её работа сводится к тому, чтобы возить Сьюзен на занятия и оставаться на

связи: на случай, если его срочно вызовут на работу. Себ не слишком-то хотел пускать в дом постороннего человека.

Несколько раз они созванивались с Джоан — но только поздно вечером, когда Сьюзен уже гарантировано спала.

Именно поэтому утренний сонный вопрос посреди завтрака:

— Пап, ты тоже в кого-то влюбился? — застал Себа врасплох.

— Что, прости? — Себ как раз только что получил от Джоан смс с текстом: «Найдешь немного времени сегодня после двенадцати? Надо встретиться», — и размышлял над словом «надо». Оно намекало на то, что у Джоан какие-то проблемы.

— Ты влюбился?

Откровенно говоря, Себ предпочёл бы отшутиться или уйти от ответа, но потом представил, как после этого трудно будет знакомить Сьюзен с Джоан и сказал честно:

— Сам ещё толком не знаю.

— Как это?

— Продолжай есть кашу, — напомнил он, — мисс Кларенс придет через десять минут. И так бывает. Я встретил одну женщину. С ней очень интересно общаться, мы иногда гуляем и... — как бы это так сформулировать в понятных восьмилетнему ребёнку категориях? — и мне нравится проводить с ней время. Но мы знакомы очень недолго, поэтому я пока не знаю точно.

Сьюзен посмотрела на него серьезным взглядом, размазала ложкой кашу по краю тарелки и сказала мрачно:

— Ладно. Понятно, что где один, там и второй.

Себ подавил улыбку и пообещал:

— Если всё будет серьезно, я обязательно вас познакомлю.

— Она должна быть хорошей.

— Сама убедишься, — ответил Себ. На самом деле, он не сомневался, что однажды они с Джоан познакомятся. Но всё-таки перевёл тему на домашние задания: со слов мисс Кларенс и самой Сью их стали задавать только в этом году, а потому они вызвали серьезное волнение.

Джоан он ответил: «Если не появится работа, буду рад тебя увидеть. Где?». В ответ она скинула название того паба, где они познакомились, и к двум Себ уже был на месте.

В «Зелёном человеке» было достаточнолюдно, но не по-вечернему, когда все расслабленные и выпивают, а по-деловому: из окрестных офисов народ подтянулся на ланч. Едва Себ нашёл небольшой столик, как в паб вошла Джоан. Профессиональным, цепким взглядом окинула помещение и почти сразу же увидела Себа. Кивнула ему, пробралась по лабиринту между столами и села напротив, коротко познакомилась и сразу отказалась от предложения выпить или перекусить.

Себ подумал, что в полицейской форме она выглядит иначе. Более далёкой как будто.

— Мне надо было тебя увидеть и поговорить лично, а вся неделя безумная, — сказала она, положив ладони на стол. Кажется, ещё чуть-чуть — и вцепится пальцами в крышку. — Побоялась, что потом не успею. Ты, если хочешь — ешь.

По мимике, скупым жестам, тону голоса и чему-то не совсем понятному в глазах, Себ читал напряжение. Что-то произошло.

— Джоан... в чём дело?

Мелькнула мысль, что Джим Фоули как-то решил напугать её. С него бы случилось. Хотя,

конечно, в этом не было бы никакого смысла.

Джоан закусила губу, уставилась на свои руки и призналась:

— Я готовила речь, но она вылетела у меня к чертям собачьим.

Себ чуть прищурился, изучая её лицо. Она отводила взгляд, заинтересованно разглядывая старую потёртую столешницу со следами от стаканов и кружек.

— Давай без речи, — попросил Себ, протянул руку и погладил её по запястью. — Просто как есть.

Задержав дыхание, она подняла на него глаза и сказала короткими, рублеными фразами:

— Мне предложили повышение. Старший детектив-инспектор. Глава отдела.

Вместо поздравлений Себ промолчал. Джоан — не безумная истеричка. И раз она вызвала его посреди дня, да ещё и в таком волнении, то у неё есть на это причина. Причем явно более существенная, чем новость о повышении. Что-то с Грегом? Если его отстранили или убили, а Джоан получила его место — да, это объясняло бы и спешку, и волнение. Но нет, тогда она говорила бы первым делом о трагедии, а не о повышении. Он не мог разобрать, в чём проблема, поэтому просто ждал.

И Джоан добавила:

— В Плимуте.

Себ убрал руку от её запястья и кивнул, а Джоан заговорила торопливо, в манере, которая ей совершенно не шла:

— Если бы где-то ещё — я бы отказалась, я люблю Лондон, но Плимут... мой родной город. Там мои родители, старые друзья... — она начала рвать фразы. — Себ, я не хочу отказываться, потому что потом буду жалеть. И я...

Он заметил у неё под глазами мешки. Она ночь не спала, обдумывая это всё. И правда готовила речь.

Так мягко, как сумел, Себ сказал:

— Я понимаю.

— Я не хочу играть в попытку отношений на расстоянии, — тихо добавила она. — Это всё, сам знаешь, ни к чему не приводит.

— Да, — кивнул он. — Ты права. И я понимаю, почему ты согласилась. Всё правильно. Нужно было сказать ещё что-то, и он заставил себя подобрать слова.

— Ты чудесная женщина, Джоан, — выговорил он, — думаю, ещё немного — и я не смог бы тебя вот так отпустить.

Это было чистой правдой.

— Ещё немного — и я не смогла бы уехать, — улыбнулась она явно через силу.

А больше и не о чем было говорить. Не давить же эту чушь про «останемся друзьями», верно? Друзьями-то они уж точно не успели стать.

«Ладно, — подумал Себ заторможенно, — к лучшему». Учитывая его работу, ему лучше не встречаться с бобби. А ей уж тем более будет лучше без парня-киллера.

После неловкого прощания они разошлись.

В голове у Себа было пусто, ничего особо осмысленного. Нет, правда... Дерьмо. Конкретно сейчас Себ не отказался бы от звонка Джима.

Поехать куда-то, за кем-то следить, заняться делом — да, его бы это точно взбудрило и помогло бы выкинуть Джоан из головы.

Нет, конечно, он не думал всерьёз об отношениях с ней. Чудо, что за пару встреч и несколько звонков она не узнала о нём чего-то лишнего. Начни они жить вместе — правда о

работе Себа точно всплыла бы. И в сравнении с такой перспективой её переезд — лучшее, что могло бы случиться.

Потому что, несмотря на все разумные доводы, Себ очень сомневался, что расстался бы с ней сам. Он ловил кайф от каждого звонка ей, от интонаций её голоса, от их секса и от самого присутствия Джоан в его жизни. Но раз она уедет в Плимут, то всё забудется. И хотелось бы верить, что достаточно быстро. Просто сейчас на душе у Себа было дерьмово.

Александр: часть четвёртая

Александр считал этот фильм наивным. Неудивительно — в конце концов, это была его первая режиссёрская работа для большого экрана. Очень примитивный сюжет и максимально простые мысли, заложенные в основу.

Однако сцена из середины, незадолго до кульминации, ему удалась. Единственная на все полтора часа, если честно. И она не была реальной даже в мире фильма — она виделась герою в наркотическом бреду. Александр не скрывал того, что садистская эротизация библейского эпизода — это поклон в сторону Кубрика. Однако уже тогда он снимал даже бред подчёркнуто натуралистично, в манере документалистов BBC.

В целом, конечно, получилось слабовато. Он не довёл до конца мысль, не дотянул картинку и во многом пошёл на поводу у опытного оператора, который оказался на деле банальной бездарностью. Но та одна сцена, когда герой снимает своего любовника с перевернутого креста, вышла достойно.

Сейчас даже думать о ней было тяжело, к горлу подкатывала тошнота, и приходилось пить чай с бренди, который ему оставил Мэтт.

Друг ушёл. Долго извинялся, но, в конце концов, Александр сам прогнал его. Кто-то должен был пойти и навести порядок на площадке, сообщить о произошедшем Елене... Кто-то, в конце концов, должен был помочь Кристин встречать полицию и скорую.

— Мистер Кларк?

Подняв голову, Александр увидел пожилого мужчину в тренче. Отметил мешки под глазами и небритость, скользнул взглядом по удостоверению.

— Здравствуйте, детектив-инспектор.

Подтянув брюки, детектив Флетчер сел на пластиковый стул напротив Александра и объяснил, что должен задать несколько вопросов. Они были предсказуемые. Особенно для человека, который два года назад снял полицейскую драму, где весьма реалистично показал будни инспектора Скотланд-Ярда. Они, конечно, не в Лондоне, но суть работы одна и та же.

«Что видели, что слышали?» «Во сколько?» «Когда последний раз разговаривали...». Много однотипных вопросов, ответы на которые инспектор конспектировал, положив планшет на колени и даже не глядя на бумагу. Александр отвечал, но не мог отвести взгляда от почерка инспектора: очень мелкого и совершенно несерьёзного. Такому человеку больше подошли бы размашистые каракули, где отличить «а» от «l» — та ещё задачка. Несмотря на шок и ступор, Александр отложил эту картинку где-то в глубине памяти: из подобных кадров строится реальность. Да, он сам дал бы инспектору быстрый широкий врачебный почерк. А жизнь придумала интереснее.

— Мистер Кларк?

— Не думаю, инспектор, — отозвался Александр, сморгнув и волевым усилием переводя взгляд на собственные руки. — Кевин был хорошим парнем, неконфликтным. Не такое уж частое качество в актёрской среде, знаете ли...

— Значит, конфликты были? — тут же спросил инспектор, но ответить Александр не успел — чуть в стороне от площадки начал быстро снижаться вертолёт. Инспектор выругался сквозь зубы и бросил:

— Закончим позже, мистер Кларк. У нас тут гости.

Инспектор зашагал в сторону вертолёта, а Александр бессильно уронил голову на грудь.

А потом дёрнулся и вскочил на ноги.

Стоило ему закрыть глаза, как он снова увидел Кевина на кресте, только в этот раз кое-что заставило его нервно оглянуться по сторонам и броситься на поиски Мэтта. Ему просто нужно было услышать, что это плод его больного воображения.

На площадке по-прежнему царил хаос, но Александр знал, как искать Мэтта во время любой бури — просто идти к её эпицентру.

Он стоял на пустыре недалеко от вертолётки и, бурно жестикулируя, пытался, кажется, разом давать указания Кристин, отвечать что-то детективу-инспектору и жать руку седому мужчине в чёрном костюме, явно только что прибывшему. Кроме того, каждые несколько мгновений к Мэтту кто-то подбегал с вопросами, и он успевал отвечать на них.

Больше всего на свете Александр хотел бы держаться подальше от этого водоворота людей, эмоций и голосов. Но ему нужно было узнать всего одну вещь. И, сцепив зубы, он решительно подошёл к Мэтту и спросил:

— Из какого дерева сделан крест?

Все замолчали. Инспектор поднял брови. Мужчина в костюме, напротив, нахмурился недовольно. Мэтт задумчиво поскрёб в затылке. А потом молоденькая девушка в полицейской форме, которую Александр сначала даже не заметил, пискнула:

— Из оливкового. Только под шляпками гвоздей...

— Дощечки из другой древесины, — прошептал Александр. — Можете проверить, но это акация.

— Я не понимаю, мистер Кларк, — проговорил инспектор, а Александр ощущал качание земли под ногами.

Оливковое дерево. Дощечки из акации. Декоратор крутил пальцем у виска, когда сооружал этот крест.

— Так, — раздался очень громко, звонко и успокаивающе голос Мэтта, — мистеру Кларку надо прилечь. Я отведу его и вернусь. Вы тут осмотритесь тогда, сэр.

— Что за оливковое дерево? — спросил другой голос, раздражающий.

— Потом, потом всё. Так, давай, дружище, тебе надо прилечь. Иначе Елена снимет с меня голову.

Мэтт, конечно, позвонил на студию сразу, как только они пришли в трейлер и Александр лёг. И конечно, получил закономерный ответ: крест пропал.

Положив трубку, Мэтт взъерошил волосы и сказал уверенно:

— Елена и этот парень из... Агентства по борьбе с серьёзной организованной преступностью, — он произнёс название как будто нараспев, — разберутся в этом деле ещё до того, как мы с тобой завтра проснёмся.

Видит бог, Александр очень на это надеялся.

К звонку в половине четвертого утра Себ был не готов. Рингтон вырвал его из сна как армейская тревога, заставил вскочить на ноги и потянуться к одежде. И только застегнув штаны, Себ осознал, что бежать никуда не нужно.

Он схватил телефон, бросил быстрый взгляд на экран и ответил сиплым голосом:

— Миссис Кейл?

Что бывшей тёще могло понадобиться от него в такую рань? Из трубки раздался судорожный всхлип, переходящий в подвывание.

— Миссис Кейл? — повторил он, холодея. — Что случилось, миссис Кейл?

— Басти... Басти, Эмили...

— Тш-ш... — выговорил он, — тихо... скажите мне. Просто скажите.

— Эмили... — снова всхлип, сухие рыдания, хрипы, — самолёт... Позвонили спасатели... Басти...

Себ опустил обратно на кровать.

— Когда позвонили?

— Только что... Она говорила, что летит отдохнуть. Мы вчера с ней...

Да нет. Ну, твою ж... Просто чушь какая-то. В голове не укладывалось.

— Басти, я не знаю, что делать... кому звонить...

— Тихо, тихо. Вы правильно сделали, что позвонили мне. Сейчас... — он вцепился пальцами в волосы, потянул, уронил руку, — мама с папой приедут к вам, я попрошу. Тихо, тихо, миссис Кейл. Я всё выясню. Всё будет хорошо, — он говорил что-то успокаивающее, не вдумываясь в слова.

Когда всхлипы затихли, он сбросил вызов и взял ноутбук. Чёртова машина грузилась слишком долго! А ему нужен был интернет. Срочно.

Сайт BBC открывался, кажется, вечность, но всё-таки загрузился, выплюнув на Себа заголовок. Тяжело выдохнув, Себ пробежал глазами новость, выхватывая только обрывки слов и смыслов: «Рейс 986 Каир — Лондон», «крушение», «164 человека», «работают спасатели», «... с родственниками погибших».

Отставив чуть в сторону ноутбук, экран которого светил слишком ярко, до рези в глазах, он набрал цифры, указанные в конце новости. Дозвониться на горячую линию оказалось непросто, но он ждал до тех пор, пока профессионально-уверенный, спокойный голос не ответил ему.

«Миссис Эмили Майлс». «Да, из Каира». «Я её муж». Больше Себу ничего не потребовалось говорить — ни приветствий, ни всяких там «подскажите, пожалуйста», и, надо сказать, он был благодарен за это спокойному голосу.

Потом был папин номер — Себ предпочитал поговорить с ним, а не с мамой. Им сейчас требовался здравый смысл и способность соображать, а не слёзы.

— Сын? — у папы голос со сна тоже был хриплым. — В чём дело?

— Эмили погибла в авиакатастрофе. Миссис Кейл сейчас звонила мне. Она в ужасном состоянии, нужно с ней побыть.

Папа не стал задавать лишних вопросов.

— Буду через полчаса.

— И пап...

— Что, Басти?

— Маму можешь взять, но проследи, чтобы без рыданий.

— Поучи ещё... Я позвоню утром.

Вот и всё. Из Лондона ночью больше ничего не сделать. Спустив ноутбук на пол, Себ лёг на кровать, уставившись пустыми глазами в черноту потолка. Дальше будет опознание. Он съездит, ясное дело. Похороны. В Карлайле? Будет так, как решит миссис Кейл.

Сьюзен... Кому-то придётся сказать ей, объяснить, что случилось. И Себ точно знал, кто это будет.

Джексон тоже, скорее всего, погиб, хотя о нём пока ничего известно не было. Но давайте честно: в авиакатастрофах выживают не так уж часто.

Себ тяжело выдохнул. Дерьмо случается. Хорошие люди: мужчины и женщины, — просто умирают. А те, кто остался, стоят полчаса над их гробами, слушая пастора, и уходят жить дальше. Это нормально. Жизнь такая. Просто это не должны были быть Эмили и Джексон. Не сейчас и не так.

Он опять взял телефон и, отлично осознавая бессмысленность своих действий, позвонил Эмили. «Абонент не отвечает». Но вдруг бы?..

Раздался тихий робкий стук в дверь, и Себ был вынужден встать и открыть дверь. Сонная Сьюзен посмотрела на него, кутаясь в халат, и спросила:

— Что-то случилось, папочка? Я слышала что-то...

— Я тебя разбудил? — ласково спросил Себ, опускаясь на корточки, чтобы посмотреть Сьюзен в лицо.

— Чуть-чуть. Это не страшно. Но я подумала, раз ты не спишь...

Нужно было сейчас обнять её, отвести в постель, уложить. Ребёнку не нужно узнавать такие новости ночью. Ну, да, конечно, а днём их узнавать легко и просто.

— Пап?

— Очень поздно, дорогая, — произнёс он. — Давай отведём тебя в постель?

Он расскажет ей обо всём утром, когда она будет готова. И тут же подумал, что всё это херня — не будет она готова услышать такое, никогда.

— Пап, всё хорошо? — она положила руки ему на плечи, и Себ понял, что не может соврать ей сейчас, а утром ошарашить страшной новостью.

— Нет, принцесса, не всё, — признался он, подвёл Сьюзен к своей кровати, усадил, обнял за плечи и сказал правду: — Произошло кое-что плохое. Мамин самолёт упал. Мама погибла.

Это было тяжело. Сьюзен плакала, пыталась вырваться, плакала снова, пока, наконец, не уснула, совершенно вымотанная. Себ, поудобнее устроив её голову на своём плече, смотрел перед собой, прокручивая в голове однообразные мысли.

Смерть не пугала его и не шокировала. Он своё давно отплакал и отблевал. Он не впервые терял близких людей: друзей, сослуживцев, тех, кто спасали ему жизнь по многу раз.

Его разрывало изнутри от страха за Сьюзен. Она не могла жить с ним всё время. Господи, да это была бы худшая идея в мире. Ей нужно внимание, время, помощь психологов и комфортные условия. Не говоря уже о том, что его работа противоречила самой идее воспитания ребёнка. Но Сьюзен нуждалась в заботе и поддержке. Кто возьмёт на себя её воспитание? Как ему это всё устроить, чтобы, находясь в комфорте и безопасности, она, в то же время, не чувствовала себя так, словно вместе с матерью потеряла и отца? И как,

Господи, ему помочь ей пережить это огромное для неё, такой маленькой, горе?

— Пап... — Сьюзен подняла голову и схватилась за ворот его футболки в каком-то совершенно инстинктивном отчаянии, — а где мама теперь? Эмма говорила, что её папа под землёй...

— Я... точно не знаю, — вот что ей точно не стоит рассказывать, так это как выглядят жертвы авиакатастроф и как их собирают по кускам, чтобы опознать, и как хранят в одинаковых гробах в морге, чтобы проще опознавать было, — но мы обязательно положим её тело под землю. А вот душа... Бабушка точно объяснит тебе, когда мы увидимся. Она знает лучше.

— Зачем под землю?

Надо было об этом говорить, да? Кретин.

— Так... принято. Когда человек умирает, его хоронят в земле. Это правильно. Но... — он скрипнул зубами, мысленно заставляя себя собирать совершенно разрозненные и никогда не цеплявшие его представления во внятные слова, — ты знаешь...

Себ не умел вести такие разговоры. Он смутно помнил, что говорили ему самому, когда умер дедушка. Кажется, что он ушёл на небо и смотрит за ним оттуда. Себа это даже пугало, потому что одно дело — дедушка, который живёт у себя дома в Шотландии и разводит пчёл, и совсем другое — тот же дедушка, следящий за ним неустанно, да ещё и с неба, откуда наверняка всё должно быть хорошо видно. Нет, этого он Сьюзен точно не скажет.

— Знаешь, — с трудом подобрал он слова, — даже если человек умер, это не значит, что он нас совсем оставил. Мы её помним. И каждый раз, когда мы будем вспоминать её, она как бы будет с нами.

Сьюзен смотрела на него пустыми глазами, в которых опять заблестели слёзы. Она бы и дальше рыдала, но у неё закончились силы. Она мелко часто сглатывала, шмыгала носом и совсем не моргала.

Дальше была изматывающая рутина, изничтожающая трагедию на корню. Мама, папа и миссис Кейл приехали в Лондон, остановились в доме Эмили, который уже не был её домом, Сьюзен осталась на их попечении, а Себ отправился в Черногорию, на территории которой упал самолёт — на опознание. Ни о каких девяти днях, разумеется, не шло речи — Себ понимал, что будет удачей, если они похоронят Эмили в течение месяца, учитывая время на выдачу и перевозку тела.

Главное, он нашёл её.

И в тот момент, когда он собирался возвращаться обратно в Англию, позвонил Джим.

Он молчал всё это время, словно бы исчез, а тут позвонил.

— Трудная неделя, детка, да? — сказал он прохладно таким тоном, что не было сомнений: он обо всём знает.

— Сэр, — ответил Себ, — я буду в Лондоне через три часа и готов сделать всё, что нужно.

Джим тихо засмеялся.

— Мне ничего не нужно. Но у меня есть подарок, Себастиа-ан. Приезжай ко мне и заberi его.

И хотя меньше всего на свете Себ хотел сейчас получать подарки от Джима Фоули, он не стал спорить и, выйдя из Хитроу, взял кэб до Клармонт-клоуз, тринадцать.

Подъезд многоэтажки всё так же был открыт. Лифт всё так же вонял и дребезжал. Но дверь на восьмом этаже была слегка приоткрыта, и из-за неё доносилась омерзительная музыкальная мешанина.

Себ вошёл внутрь квартиры и понял, что хочет броситься прочь, только чтобы не слышать этого музыкального ада, но сдержался. Фоули, развалившись на диване, слушал две песни одновременно из двух невидимых, но очень мощных стереосистем. Выдохнув и немного адаптировавшись, Себ сумел разделить два трека. С одной стороны орали «Мьюз» — он не мог не узнать их, Эмили обожала эту группу. С другой — играл совершенно незнакомый ему джаз, и в какой-то момент вокальное: «Детка, ты проиграешь» даже очень точно совпало с проигрышем на саксофоне, но потом мгновения синхронности закончились, и у Себа снова заболели уши вместе с затылком.

На лице Фоули при этом читалось чистое и незамутнённое наслаждение — настолько явное и мощное, что Себ едва ли мог поверить, что оно вызвано только музыкой.

Джим шевельнул рукой, убавляя громкость обеих песен.

«Сообразительная детка распинает моих врагов», — отчетливо пропели «Мьюз», саксофон всхлипнул, и Джим вырубил музыку окончательно.

Себ сглотнул и потёр затылок, в котором до сих пор отдавалась эта дикая смесь.

— О, да, — сказал сам себе Джим, потом выпрямился и медленно, с явным трудом разлепил веки. Но взгляд его не был томным или сонным, наоборот, он горел совершенно безумно. — Подойди сюда, Себастиан.

Себ приблизился и, повинувшись указаниям, сел на край дивана.

— Сэр...

— Человеческие слабости... — проговорил Джим медленно, — как они меня иногда раздражают. Но у меня есть кое-что для тебя... Думаю, ты оценишь, детка. Не так-то просто это было раздобыть. Я старался.

— Сэр...

— Я старался! — рявкнул Джим. — И я надеюсь, что ты оценишь этот подарок.

Себ промолчал. Джим выдохнул, моргнул и достал из кармана пиджака чёрную флешку. — Ты знаешь, что в самолете была бомба?

Себа как будто ударили по голове. Дыхание сбилось. И он не нашёл, что ответить, прежде чем Джим добавил холодно:

— Я вот не знал. А я очень не люблю когда меня не зовут участвовать в таких развлечениях. Это обижает и расстраивает. Я мог бы долго подбираться к этим людям, ты знаешь... но почему бы не подарить их тебе? Пять имён, Себастиан. Авторы идеи, исполнители, все, кого ты так хочешь.

Себ сжал флэшку белыми ледяными пальцами.

— Скажи мне, Святой Себастиан... — протянул Джим, приподнимаясь к уху Себа, — когда ты будешь выпускать пули, ты почувствуешь удовольствие?

Себ встретился взглядом с Джимом и ответил совершенно чужим голосом:

— Да, сэр.

В этот момент он действительно обожал своего безумного босса.

Было жарко. Не то чтобы Себ не привык к жаре, но в этот раз стоял какой-то особо испепеляющий зной. Он прожигал насквозь куртку и кепку, пробирался внутрь, выжигал нахрен слизистую желудка при каждом вдохе, обдирал лёгкие и вызывал тошноту.

Винтовка тоже нагрелась и уже не холодила щеку.

Себ ненавидел Каир. Каждой клеткой своего тела, каждым нервом. Египет за неделю вызвал у него такую ненависть, которую Афганистан не заслужил за пять лет. Он ненавидел колониальные особняки, которые не давали никакого надёжного укрытия. Ненавидел песок и горький жир в воздухе. Голубятни на чёртовых крышах и чавканье мусора под ногами в проулках. Но больше всего в этом городе и в этой стране он ненавидел себя.

Джим дал ему пять имён: четыре в Египте и одно в Британии. На флешке были настолько подробные досье, словно за каждым из пятерых следили ежеминутно, поэтому искать никого не требовалось. Приехать, потратить день на подготовку и уточнение плана, выбрать точку и сделать выстрел.

Себ убивал людей очень много раз за свою жизнь. Но впервые буквально чувствовал кровь на руках. На войне или во время заказов Себ просто работал. Нажимал на крючок, беспокоясь только об одном — верно ли рассчитал траекторию? И если пуля ложилась как надо, чувствовал спокойное удовлетворение — дело сделано.

Здесь, в долбанном Каире, Себ задышался в крови.

Лёжа на дырявой грязной крыше старого французского особняка, укрывшись за очередным хлипким архитектурным излишеством, он смотрел через прицел в лицо четвёртому из своего списка. Это был обычный местный: смуглый черноволосый парень в белой свободной рубашке. Стоя на крыльце узкого серого дома, он болтал со знакомым и что-то грыз, кидая шелуху на землю. Совершенно ничто в его облике и поведении не указывало на причастность к авиакатастрофе. И поэтому, скорее всего, его смерть с падением самолёта никак не свяжут. А если и свяжут... Плевать. Джим умел решать такого рода проблемы. Нашёл же он ему превосходную, почти новую «М-24» в Египте?

Себ мог выстрелить ещё пять минут назад.

Ничто не перекрывало цель, не было никаких помех и причин для промедления, но он оттягивал мгновение. Впервые в жизни Себ испытывал какие-то чувства к тому, кого убивал. И эти чувства меняли всё. Доли злобы хватило, чтобы разжечь пожар. По лицу, шее и спине Себа тёк пот. Вокруг жужжали мухи, некоторые садились на голую кожу, мерзко перебирая по ней лапками.

Мог ли знать Джим о том, какой подарок он преподносит?

Едва ли.

Безумный босс как будто бы хотел сделать ему приятное. И в тот момент, когда флеш-карта оказалась у Себа в руках, он действительно ощутил восторг. Это было совершенно особое чувство, ни на что непохожее и ни с чем несравнимое: пьянящая близость возмездия. Возможность сделать хоть что-то для Эмили и, главное, для Сьюзен. Право смотреть дочери в глаза и думать: «Твою маму убили, но я отомстил». Что-то дикое и первобытное. Но потом, когда отступить уже было поздно, пришла тошнота.

«Это заказ», — попытался он убедить себя. Ни капли не работало.

Не выстрелить было нельзя. Потому что это был, чёрт возьми, заказ. И то, что он совпал

с личными переживаниями Себа — совпадение, не более того. Не лети Эмили этим самолётом, Себ всё равно лежал бы в вонючей каирской жаре и смотрел бы на шестикратном увеличении, как мужик жрёт какие-то мелкие орешки.

Его заинтересованность в этом деле — совпадение. Но оно ломало изнутри, корёжило самую суть его работы.

Глубоко вдохнув, Себ задержал дыхание и нажал на спусковой крючок. Подавил желание посмотреть внимательнее, что будет дальше, только убедился, что цель снята. Сложил винтовку. Стянул и сунул в карман перчатки. Пинком отправил винтовку вниз, в заваленный горами мусора дворик — бешеный плод страсти французской изящности и египетской прагматичности. Пусть ищут.

Больше в Каире его ничто не держало, и только тошнота отравляла полёт. Оставалось надеяться, что она пройдёт, когда пятый и последний человек из списка упадёт с аккуратной дырой в грудной клетке.

Лондон встретил Себа затяжным дождём. Проходя досмотр на таможне, Себ ждал звонка от Джима — но его не было. Босс вообще молчал — пропал, выдав флешку и указания.

Зато неожиданно позвонил Грег.

Себ уже сел в кэб и назвал домашний адрес, планируя переодеться и как можно быстрее отправиться в дом Эмили — обсудить, наконец, с миссис Кейл похороны и немного побыть со Сьюзен, но всё-таки снял трубку.

— Привет, старина, — проговорил в трубку Грег, — прости, что отвлекаю, понимаю, у тебя и без меня забот сейчас...

— Всё нормально, привет, — прервал его Себ, — в чём дело?

— Если честно, — признался Грег, — мне нужна твоя помощь.

Себ мысленно выругался. Но учитывая, что Грег помогал ему, когда было нужно, об отказе и речи не шло — так что он просто назвал таксисту другой адрес, порадовавшись, что едет без оружия.

Грег настоял на том, чтобы встретиться в какой-то забегаловке типа «Макдоналдса», только с другой вывеской. Протиснувшись мимо толпы галдящих подростков с огромными стаканами колы в руках, Себ осмотрелся в ярком свете и всё-таки отыскал за решетчатой перегородкой приятеля.

Поправив на плече дорожную сумку, он осторожно пробрался по переполненному залу между столиками и сел напротив Грега. Выглядел приятель неважно: не то трёхдневный недосып, не то тяжёлое похмелье. Вместо приветствий он сказал:

— Я узнал недавно об Эмили, это...

— Плохо, да, — кивнул Себ, так что случилось?

Принимать соболезнования он не хотел — не ему они должны быть предназначены. Да и перелёт был долгим, а неделя до него — одной из самых дерьмовых в жизни.

Грег, однако, не спешил выкладывать, в чём там было дело. Ероша волосы, он кидал осторожные взгляды по сторонам, и только убедившись, что они окружены подростками или шумными компаниями, наклонился и заговорил:

— Мне нужно поговорить с тобой про взрыв в «М-Корпорейшн». И честно, разговор не из простых.

Себ подобрался.

— Ты ведь работал на них... Да, знаю, что пару недель от силы, но это может быть то, что нам нужно.

— Стой... ничего не понял, — Себ мотнул головой.

— Нам надо понять, чем они занимались на самом деле. Что они делали?

Наморщив лоб, Себ задумчиво ответил:

— Да чем они только не занимались, так-то. Химикаты какие-то, мобильники, грузоперевозки, трактора ещё были. Вроде лаборатории у них есть.

Грег как будто взбодрился.

— Да, это официально. Но Пол уверен, что было нечто другое. Что всё это просто ширма.

Эту теорию Себ уже слышал — от Джоан, которая, казалось, вообще была в прошлой жизни.

— Я не...

— Ты работал в охране, — надавил Грег, а Себ пожал плечами:

— Да что там работал... Ходил на встречи с этим... Фоули и другими боссами.

— Вот! Ты был на встречах. О чём говорили?

Себ выдохнул:

— Я не помню...

Какое-то время Грег колебался, хмурил кустистые брови, о чём-то размышлял, потом поднял ладони чуть вверх, словно бы сдавался, и резко сказал:

— Пола отстранили. Идёт служебное расследование, — Себ не рискнул ничего говорить, а Грег продолжил: — Это не случайность. Ему намекали на то, что дело со взрывом пора закрывать, но он отказывался. А потом обнаружили, что он выносил из кабинета бумаги... которые выносить нельзя.

— А он выносил?

— Да все их выносят... Это формальность. Но сверху пришёл приказ об отстранении. Расследование несоответствия должности курирует сам интендант.

— Стой. И ты думаешь, что кто-то заплатил... шефу полиции за то, чтобы он закрыл дело и приструнил особо ретивого сотрудника?

Очевидно, именно так Грег и думал. И очевидно, что именно так всё и было. Но Джим удивлял. Связи среди террористов и преступников — одно дело. Возможность надавить на Скотланд-Ярд — уже другое.

— Все бумаги по делу забрали в другой отдел, — сказал Грег медленно. — Но Пол обсуждал с нами это дело. Я должен доказать, что он был прав. Это единственное, чем я сейчас могу ему помочь.

Себ некоторое время молчал, надеясь, что его лицо в должной мере выражает сочувствие. Потом заговорил:

— Мне жаль Пола. Дерьмовая ситуация. Но знаю я правда немного. Я никогда не вслушиваюсь, о чём там болтают боссы из компаний — почти сплю с открытыми глазами, только слежу, чтобы никто рядом не делал резких движений.

— Если бы мы могли допрашивать всех этих парней в костюмах и с телохранителями, — пробормотал Грег, — страна бы процветала. Может, помнишь хоть какие-то обрывки?

Было жалко обманывать Грега. Себ вообще не любил враньё. Но они были по разные стороны, ничего не поделаешь — даже с учётом того, что Грег играет за хороших парней.

Или нет? Если Джим давит на полицию, а кто-то ещё — на, скажем, кабинет министров — то за плохих играют все. Только не все об этом знают.

Дурные мысли после дурного дня в конце сумасшедшей недели.

— Акции, цены, тонны, сроки — вот и всё, без цифр и уточнений, мне правда было плевать.

Грег слегка ссутулил плечи.

— Я просто не знаю, что мне делать... Пол — отличный полицейский, сделал такую карьеру, из патруля до старшего детектива-инспектора поднялся за пять лет. Он цепкий как питбуль. Мы его иногда всем отделом ненавидим...

«Повезло же Полу вцепиться зубами именно в то дело, которое было связано с Фоули», — подумал Себ.

— Если ему повезёт, его просто понизят в должности... — продолжил Грег. — Эх, развалилась команда, — и, меняя тему, спросил: — Ты знаешь, что Джоан уехала в Плимут?

— Да... она сказала, — отозвался Себ очень спокойно. Но Грег что-то там додумал за него и сочувственно покачал головой, добавил:

— Жалко. Мы уже за вас радоваться начали.

— Радоваться, — хмыкнул Себ, — зубоскалили и сплетничали, как домохозяйки у забора.

Грег рассмеялся, хотя и не слишком весело:

— Ну, не без того. Но больше не над тобой, а над Полом. Он, как к нам пришёл, всё пытался за Джоан приударить...

— Дай угадаю: она раскатала его в тренировочном зале? — вспомнил Себ шутку из почти забытой встречи с полицейскими в пабе.

— Вытерла им пол, — довольно подтвердил Грег. — После этого Пол заявил, что просто обязан дожждаться смельчака, который с ней справится.

Так и просившееся на язык: «Позвать женщину куда-то кроме тренировочного зала он не пробовал?» — Себ тактично опустил. Такую шутку можно было бы позволить себе в другой жизни, где они снова встретились бы той же компанией, и где Джоан сидела бы рядом.

К дому Эмили Себ ехал в ещё более хреновом настроении, чем выходил из аэропорта. Но все собственные проблемы отступили, когда он увидел на крыльце похудевшую и бледную Сьюзен, которая не кинулась ему навстречу, как обычно, а заплакала, цепляясь за руку няни. Себ быстро подошёл, присел на корточки, обнял Сью за плечи, всмотрелся в красные глаза и спросил мягко:

— Почему ты плачешь, дорогая?

— Бабушка сказала... — Сью всхлипнула, — ты летел на самолёте.

Дав няне знак отойти, Себ обнял Сьюзен, погладил по голове. Потом он объяснит ей, что летать — совсем не страшно. Возможно, когда он убьёт пятого из списка и снова обретёт хотя бы призрак душевного равновесия, он найдёт для неё все необходимые слова. А пока он мог просто обнимать её и надеяться, что этого будет достаточно.

Он держал Сьюзен несколько минут, пока она не перестала дрожать, и потом ещё немного. Когда он разжал руки, над головой раздался строгий голос:

— Басти! — из дома вышел папа.

Высокий, широкоплечий и спокойный, как обычно, он удивительным образом внушал уверенность в то, что всё разрешится. Хотя, конечно, Себ понимал, что это самообман.

— На пару минут, Басти, — позвал он, и Себ, отправив дочь домой к няне, встал и пожал отцу руку.

Они прошли сразу на кухню, неуловимо поменявшуюся за короткий срок. Мелочи бросались в глаза: кастрюли стояли не так, как их ставила Эмили, полотенца не валялись на столе, а аккуратно висели на крючках. Себ закрыл за собой дверь и сказал:

— Бодро выглядишь. Как тут... всё?

Папа сложил руки на груди. Конечно, он уже не был так здоров и крепок, как во времена детства Себа, густые волосы поседели, да и роста они на самом деле были одинакового, но он всё равно внушал Себу некоторый почти детский трепет. Вдали от него как-то быстро забылось, что в семье его слово всегда было законом.

— Неплохо. Миссис Кейл перестала рыдать каждый день, — отрапортовал он, — Сьюзен, — он покачал головой, — очень хорошо держится. Почти не плачет, только говорит мало. Чувствуется наша кровь. Она начала ходить в школу, хотя твоя мама была против.

— Возможно...

— Ей надо заниматься делом, — оборвал папа, — а не сидеть в комнате. От этого только хочется страдать и жалеть себя. Работа — лучшее лекарство от горя.

О, да, с этой философией Себ был хорошо знаком. И, в целом, даже согласен. Но то, чтобы было применимо к нему самому, плохо подходило Сьюзен.

— Я о другом хотел поговорить, Басти, — папа жестом показал, что не желает слушать никаких возражений и споров.

Себ подвинул стул и сел, напоминая себе, что ему уже очень давно не двенадцать, так что едва ли стоит бояться выговора. Но выражение лица у папы было суровое, да и на язык просилось скорее холодноватое обращение «отец», которое в их семье всегда было признаком внутренних конфликтов.

Папа остался стоять, только оперся рукой о холодильник, побарабанил пальцами по гладкой дверце и спросил, глядя Себу в глаза:

— Что ты думаешь о будущем Сьюзен?

Чего он только ни думал на эту тему за последние дни.

— Она будет жить со мной, — озвучил он тот вариант, который считал наиболее приемлемым, — я сниму более подходящее жильё, возможно, где-то недалеко, чтобы не переводить её в другую школу. Вот и всё.

Папин взгляд стал очень пронзительным, морщины вокруг глаз сделались глубже.

— Я так и думал. Бред сумасшедшего.

— Почему? — вскинулся Себ.

— Из-за твоей работы, вот почему, — резко ответил он. Себ прищурился:

— А что не так с моей работой? Хорошая фирма, большая зарплата. Да, не мечта карьериста...

Папа смотрел всё так же пристально, но Себ и не думал отводить взгляд, вместо этого встал, чтобы избавиться от этого неприятного чувства, что над ним нависают.

— Так вышло, что я узнал кое-что о твоих доходах, сын. Видел счета Эмили, которые ты оплачиваешь. Поболтал со Сьюзен о районе, в котором живёшь. Слоун-стрит, да? — он поджал губы, так что они стали почти незаметны на обветренном потемневшем лице, — честный человек столько не зарабатывает, Басти.

— У тебя богатая фантазия, отец, — спокойно проговорил Себ. — Возможно, за переключивание бумажек столько и не платят, но я занимаюсь охраной, безопасностью. Это сложное и временами опасное дело, и я был бы глупцом, если бы выполнял его даром.

— Я может и старый, но ещё не дурак, Басти. Маме или Эмили ты легко морочишь голову, но я...

— В чём именно ты меня обвиняешь? — чуть жестче спросил Себ: — Что я не остался служить в нашей доблестной армии? Что нашёл менее пыльную работу?

— Армия — это твоё дело, хотя я гордился тем, что мой сын — солдат, но ты... — он прикусил язык. Опустил руку и сел на подоконник, как будто у него разом закончились силы.

Он выглядел сбитым с толку и смущённым. Не то разговор пошёл не так, как ему бы хотелось, не то он вспомнил, что уже давно не воспитывает буйного подростка, которому нужна твёрдая рука.

— Ладно, Басти, — он вздохнул, — я не буду учить тебя жизни, чему мог — научил, остальному, видно, не вышло. Но у твоей распрекрасной работы есть ещё один недостаток. Постоянные отъезды. Срочные задания, вот эти командировки, как сейчас, когда ты сорвался с места за два часа и на неделю. Скажешь, это всё мне тоже привиделось? — сарказм ему не шёл — и он обычно избегал его, разве что заходил в совершенный тупик.

Себ ответил спокойнее, чем собирался:

— Нет, я правда иногда бываю вынужден уехать. Но у Сьюзен есть няня, которая сможет присмотреть за ней, если мне нужно будет уехать.

Папа скривился:

— И кто воспитает твою дочь? Наёмная работница родом из Шотландии? Ты знаешь, что она полжизни прожила в Греции?

Себ хмыкнул:

— Преступление... — насколько он знал папу, жизнь в Европе была в его глазах куда хуже шотландских корней.

Он догадывался, к чему папа ведёт, но не готов был согласиться на это.

— Чужая женщина, у которой один бог знает что в голове, вот о чём я! — повысил он голос. — Мы с Кларой заберём её с собой.

— Нет, — отрезал Себ. — Не обсуждается. Сьюзен будет расти в Лондоне, где есть хорошие школы и большие возможности. Я не позволю забрать её в ваш с мамой медвежий угол.

Пригород Карлайла был отличным местом, на самом деле. Очень зелёным, очень чистым и очень удалённым от столичной суеты. Но для ребёнка школьного возраста он не подходил. И тем более он был противопоказан подростку, в которого Сью очень скоро превратится. Себ сам помнил, как умирал там со скуки и целыми днями палил по банкам из отцовской охотничьей винтовки.

— Басти...

— Папа, нет. Если вы хотите воспитывать Сьюзен... — он сел на подоконник рядом, — я буду вам благодарен за помощь. Но она будет жить здесь. Я найду подходящий дом где-то поблизости, чтобы воспоминания об Эмили не душили её, но, в то же время, чтобы она могла не оставлять свою школу, друзей, няню и всё остальное, к чему привыкла. Если вы с мамой захотите жить вместе с ней... — он сделал паузу.

Это было бы слишком хорошо, чтобы даже мечтать об этом. Мама дала бы Сью всю

любовь и всю заботу, которые были ей нужны. А папа присмотрел бы за ними обеими — на случай, если самого Себа не будет рядом.

Папа ссутулил плечи, и Себу стало совестно за одно это предположение.

— Пап, — тихо сказал Себ, — я даже не прошу вас об этом. У вас в Карлайле своя жизнь, которой вы дорожите, и я это понимаю. Не представляю, как мама бросит свой сад. А у тебя работа, охота, друзья. Вам обоим будет плохо в Лондоне. Но Сьюзен будет плохо в Карлайле. У неё здесь тоже есть своя жизнь. Она не должна её бросать.

Папа вздохнул, разом теряя недавнюю суровость, похлопал рукой по карману рубашки и спросил:

— Ты куришь?

— Ни за что. И тебе не советую, легкие посадишь.

— Говоришь точно как твоя мама, — рассмеялся папа. — Мне всё это не нравится, Басти. То, о чём мы говорили раньше... У тебя с детства был талант. В то, что ты отложил винтовку в сторону и ходишь с важным видом за каким-нибудь типом в дорогом пиджаке я не поверю до тех пор, пока ад не замёрзнет. Я, конечно, деревенщина, но немного знаю, чем может заняться такой стрелок как ты, оставшись без работы в большом городе.

Себ промолчал, не желая это никак комментировать. Все предположения оставались только предположениями. Пусть так и будет. Что бы там папа ни думал — скоро он вернётся в Карлайл и выкинет это всё из головы.

— Сьюзен верит, что у неё идеальный отец, знаешь?

Себ улыбнулся:

— Все дети так думают. А к двенадцати она начнёт меня ненавидеть. Правда, если мне очень повезёт, то годам к двадцати пяти снова решит, что я не так уж и плох, хотя, разумеется, безнадежно старомоден и давно отстал от жизни.

Они оба засмеялись, вспоминая бунтарские выходки самого Себа, из которых наиболее невинной было то, что он безо всякого предупреждения перестал откликаться на домашнее «Басти». Ещё устраивал голодовки и протесты в своей комнате. Дрался со всеми, с кем только мог — а иногда и теми, с кем не мог. Украл гитару у школьной звезды. Ночевал на крыше...

Смех Себа стал ещё громче, потому что все эти картины (а также добрый десяток других) вдруг ожили в его памяти очень ярко.

Да, кажется, с папой нормально разговаривать они начали уже после Ирландии, когда Себ несколько повзрослел.

— Знаешь... — отсмеявшись, сказал Себ, — я, кажется, нашел выход. Что ты думаешь про миссис Кейл?

Сам Себ, знакомясь впервые с будущими тестем и тёщей, обратил на них преступно мало внимания. Он был без ума от Эмили, и тот факт, что к ней прилагаются ещё какие-то родственники, волновал его мало. На первую встречу он пришёл, как велела Эмили, в костюме и с цветами, задал три дежурных вопроса: про погоду, ружьё на стене и цветы в палисаднике, — пропустил мимо ушей ответы и счёл, что всё прошло неплохо. Потом они виделись мало. Он знал, что миссис Кейл от него в восторге, а мистер Кейл — ровно наоборот.

Он пропустил похороны мистера Кейла, зато помог миссис Кейл оплатить часть его долгов и перевёз её в новый дом — втрое меньше, но куда уютней старого. Почти час проговорил с ней по телефону после развода — она его жалела. Почему-то, несмотря на все

уверения в обратном, она, как и многие другие, в их разрыве обвиняла именно Эмили.

В общем, в сущности, он ничего не знал про миссис Кейл, кроме того, что ей удалось воспитать умную, заботливую, счастливую Эмили. А ещё, что она совершенно не привязана к Карлайлу и всегда была внимательна к Сьюзен.

— Она только и делает, хлюпает носом, — нахмурился папа. — Ты с ума сошёл, если хочешь доверить дочь этой размазне.

Но по тону Себ слышал, что папа не так уж не согласен с этим решением.

Пятого звали Дэвид Блинч, и он был чёртовым образчиком английской добропорядочности. Высокий, светловолосый, с длинным лошадиным лицом, он сидел в своей гостиной, заставленной старой мебелью, подливал себе из пузатого чайника чай в маленькую фарфоровую чашку, разбавлял его молоком из молочника и лениво курил сигарету. Себ всё ждал, что вот-вот из-за кресла выскочит корги.

Не выскакивала.

Себ лежал на полу запылённого чердака, усыпанного птичьими перьями и заляпанного помётом.

Блинч продолжал пить чай. Хоть фотографируй его такого — и на открытку. Себ действительно испытывал сейчас к Дэвиду Блинчу отвращение, и это его буквально уничтожало.

Он затянул с этим делом на долгих три дня. Сьюзен, которая до сих пор, по словам родителей Себа, держалась очень хорошо, внезапно сорвалась в неконтролируемую истерику. Рыдала до рвоты, хваталась Себа и просила забрать её из этой комнаты и из этого дома. Кричала, что мама смотрит на неё из-за углов.

Они вчетвером — Себ, мама с папой и миссис Кейл — с трудом напоили Сьюзен успокоительными каплями. К сожалению, после нескольких часов сна ей не стало лучше, и Себу просто пришлось забрать её к себе в квартиру. Там она более или менее успокоилась.

Себ и до этого думал, что дом Эмили придётся продать, а Сьюзен и миссис Кейл купить другой, но теперь это стало очевидным. Но пока, в качестве временной меры, он сумел арендовать половину таунхауса на той же улице, но в другой её стороне. Родители перебрались со Сьюзен туда.

И вот теперь Себ вернулся к пятому виновному. Нужно было убрать последнего ублюдка, и Себу казалось важным закончить с этим до похорон. Только почему-то это было очень трудно.

Он смотрел на свою цель, а всё, что мучило его в Каире, вдруг навалилось с новой силой. Себ должен был ненавидеть Блинча и желать его смерти. Казалось бы, именно теперь малейшие сомнения должны были бы раствориться. Разве убивать тех, кто не сделал лично тебе ничего плохого, проще, чем всадить пулю в башку ублюдку, который оставил твоего ребёнка без матери?

Проще.

Отложив винтовку в сторону, Себ перевернулся и сел, прижавшись спиной к стене. Тихо ударился затылком о твёрдый кирпич под облетевшей штукатуркой.

«У меня был снайпер до тебя... — вспомнились слова Джима, — виртуоз... Он сломался».

И кажется, Себ догадывался, почему.

Чёртов Джим Фоули.

Себ с силой сдвинул виски пальцами, зажмурился до боли в глазных яблоках. Выдохнул.

Он не мог остановиться, прекратить всё, просто уйти.

Во-первых, потому что Блинч заслуживал смерти. Действительно заслуживал, безо всяких приказов. А во-вторых, потому что приказ всё-таки был.

«Он всё равно труп», — подумал Себ почти с отчаянием. Даже если он сам решит выйти

из игры, Джим прикончит Блинча.

Ничего не изменилось. И то, что Себ немного ненавидит свою жертву, это просто деталь. Шутка Джима. Дерьмовый юмор, не более того. Не что-то, что может помешать полёту пули, сбить глазомер, запороть расчёты.

Джим может идти нахер. Себ не сломается.

Выравнивая дыхание, Себ ощущал, как его отпускает. Тошнота проходит. Ненависть отступает. Голова очищается.

Перевернувшись обратно на живот, он подполз к позиции, заново установил винтовку, поправил перчатки и приник к прицелу. В комнате теперь появилась женщина лет тридцати пяти в строгом костюме и с очень красивыми светлыми волосами. Жена, любовница? Себу было плевать. Они говорили о чём-то. «Как вы смели смотреть на горничную таким взглядом, сэр?» — озвучил её реплику Себ. Или: «Вы вообще видели прошлый отчёт?». Хотя вряд ли, официально Блинч нигде не работал. Может, они вместе ругали современную литературу?

Не так уж важно.

Себу нужно было, чтобы женщина вышла из комнаты. Никакого волнения не осталось. Если сейчас они уйдут из комнаты вдвоём, Себ просто поедет домой. А потом продолжит — уже с другой точки. Он никуда не спешил, Джим ведь не ставил крайнего срока.

Женщина махнула рукой, наклонилась, коротко поцеловала Блинча в щёку и пошла к дверям. Кажется, её жест можно было перевести как: «Не надо меня провожать», — но Блинч всё-таки учтиво приподнялся со своего места. За женщиной закрылась дверь. Блинч вернулся в кресло. Себ отщёлкнул предохранитель.

— Как поживаешь, мой дорогой Дантес? — раздался за спиной высокий голос, и Себ вздрогнул от неожиданности. Резко вскочил на ноги, повернулся — и конечно, встретился взглядом с Джим.

Твою мать. Неожиданный удар сзади — лучший способ вырубить снайпера, и Джим наверняка знает об этом. Себ сложил руки на груди, прогоняя остатки животного, вбитого в подкорку страха.

— Сэр.

Как он там спросил? «Как поживаешь, мой дорогой...», — Себ попытался вспомнить, но фамилия на «Д» вылетела из головы.

— Ясно, — пожал плечами Джим. — Я почему-то так и думал, — он выглядел раздражённым, а потому максимально опасным, — если бы я сам не давал тебе письменных инструкций, детка, я задумался бы, а умеешь ли ты читать?

— С вашего позволения, сэр... вы нанимаете меня стрелять, а не читать.

Джим издал странный резкий звук: не то выдох, не то рык, не то стон, прошёл к подоконнику, уселся на него, разбивая последние остатки маскировки, посмотрел в окно и сказал задумчиво:

— Одноклеточные и однозадачные. Господи, какая же скука...

Чем именно, Себ не знал, но чем-то он, похоже, как следует разозлил босса. Или не он? Понаблюдав какое-то время за дорогой, Фоули повернулся к Себу и сказал:

— Приговор мистеру Блинчу откладывается.

Если бы Себ услышал об этом пятнадцать минут назад, он, наверное, пришёл бы в ярость. Но теперь просто ответил:

— Как скажете, сэр.

Джим чуть приподнял брови, и его лицо, только что выражавшее отвращение, сделалось заинтересованным.

— Надо же, — он улыбнулся, показывая зубы, — какой послушный мальчик. Может, я даже дам тебе за это косточку, Себастиан. Хочешь косточку?

Себ, наплевав на устав и напомнив себе, что он не в армии, опустился на колени и принялся собирать винтовку. Раз уж Блинчу сегодня повезло — нечего ей тут лежать.

— Ты скучный, — протянул Джим, и вдруг окликнул его другим, непривычно-добрым тоном: — Себастиан!

— Да, сэр? — Себ тут же распрямылся.

— Убей для меня кого-нибудь, Святой Себастиан... — протянул Джим ласково и с мольбой в голосе, — ну, пожа-а-алуйста.

Он наклонил голову и улыбнулся, как будто действительно что-то выпрашивал, а Себ смотрел на него, сжимая в руке лямку футляра от «М-24», и не мог отделаться от мысли, что всё это один большой спектакль.

Ну, или у Джима ещё сильнее поехала крыша. Или он опять на наркоте.

— Простите, сэр, — сухо ответил Себ, — невнятный приказ, отданный командиром, пребывающим в невменяемом состоянии, я игнорирую.

— Ха, — Джим вытолкнул из себя короткий резкий смешок, — а если я дам более ясный приказ, Себастиан? Святой Себастиан... иди сюда...

Да, сомнений не было, у него начинался очередной приход. В полутьме чердака его кожа выглядела неестественно белой, на лбу блестел пот. Речь, как тогда в недостроенном офисе, стала невнятной, часть слов пропадала, и он был вынужден повторять их.

— К окну... ну, я не кусаюсь... — он опять засмеялся, а Себ действительно с осторожностью подошёл к Джиму. Выглянул вместе с ним в окно, на немногочисленную улицу. — Смотри... повернула из-за угла... в мали... малиновой...

Джиму не было нужны договаривать, потому что Себ и сам разглядел женщину в яркой приметной шляпе.

— Вижу, — отозвался Себ.

— Видишь... — шёпотом повторил Джим, — она идёт не очень быстро... тяжёлый день, а дома ещё ссора с дочерью... Бедняжка. Она ненавидит свою жизнь. Всё время одна. Не была замужем... ни один мужчина не хотел её саму. Да и женщина тоже... — Фоули прижался затылком к оконному проёму, закрыл глаза. Теперь его буквально рвало этими словами, зато он не терялся в них: — Работа была единственным, что делало её жизнь осмысленной, представляешь, Себастиан? И вот... пуф... — он залился смехом, а женщина между тем всё шла по улице: — Она потеряла почти всё, Себастиан... Ей остался только позор, долгое и мучительное падение на дно... и дальше смерть. Помогите ей, Себастиан, — Джим открыл глаза, ловя взгляд Себа: — Убей её прямо сейчас.

Себ знал, что так будет, едва Джим упомянул женщину в малиновой шляпе. Она продолжала идти, уже почти поравнялась с домом, на чердаке которого они сидели.

— Тогда уйдите от окна, сэр.

— Джим! — рявкнул он внезапно.

Да ладно. А Себ уже думал, что они эту тему проехали.

— Джим... уйдите от окна. Вас видно.

Он собрал винтовку так, словно соревновался на скорость. В голове было тихо, ровно и пусто. Джим отошёл в тень, а Себ взял женщину на прицел. Расстояние было очень

небольшим. Собственно, даже целиться не было нужды.

Женщина уже миновала этот дом и шла дальше. До конца квартала оставалось триста метров.

Щёлкнул затвор. Себ не знал, остановит его сейчас Джим или нет, и его это не волновало. Он сделал вдох, потом выдох. Задержал дыхание перед самым выстрелом, отсчитывая в голове секунды по ударам сердца, без всяких часов, и после десятой секунды, в перерыве, нажал на крючок.

Женщина упала, на улице началась суета, беготня, но Себ уже не смотрел туда, отодвигаясь в тень и убирая винтовку.

Только закинув футляр на плечо, он посмотрел на Джима. А тот запрокинул голову и расхохотался: истерически, с повизгиванием.

— Я заплачу тебе премию, Себастиан, — он громко сглотнул, — премия нравится тебе больше косточки?

— Да... Джим.

Он смотрел на Себа как на особо интересный подопытный образец. Или как на добычу — во всяком случае, ноздри у него раздувались весьма хищно, а от наркотической (или ещё какого-то происхождения) вялости не осталось и следа.

— Хорошо. Да, Себастиан... — он хмыкнул, ещё шире раздувая ноздри, — ты убил её, потому что пожалел?

Себ ненавидел чёртов психоанализ и психологов. И его особенно раздражало, когда в психолога пытался играть Джим, потому что тогда он напоминал того чувака из «Молчания ягнят».

— Я убил её, потому что вы отдали мне приказ, Джим, — ответил Себ. — Я могу быть свободен? На улице через пару минут будет толпа полиции.

Джим повернулся к Себу спиной и обхватил себя руками за плечи: жест вышел потерянным и жалким.

— Иди, Себастиан, — слабо ответил он. — Иди куда хочешь. И да, эта женщина... неделю назад она возглавляла огромную сеть по распространению кокса. Ты рад это узнать?

Отлично.

Хорошая новость: Себ знает, кто эту сеть возглавляет теперь. Плохая: ему плевать. Но эта игра Джима ему не понравилась.

«Он сломался».

Возможно, стоит намекнуть боссу, что, если он хочет и дальше иметь под рукой профессионального снайпера с высоким уровнем переносимости творящейся вокруг херни, то этого снайпера не нужно ломать специально. Хотя бы.

— Нет, сэр, — сказал он холодно. — Мне всё равно. И вам тоже лучше уйти... даже если полиция и слишком глупа, чтобы заметить вас с тёмной комнате.

Он должен был развернуться и выйти из комнаты. Но Джим выглядел отчаянно дерьмово. Подумав, что это становится недоброй традицией, Себ спросил:

— Может, вас отвезти домой?

Джим посмотрел на него с удивлением, как будто не расслышал.

— Джим?

— Иди, Себастиан, — сказал он. — Я сегодня играю не с тобой.

Себ бросил взгляд на часы. Может, полиция и не прибежит сюда через две минуты, но вот через полчаса Джиму точно лучше бы свалить. А он стоит, пошатываясь, с закрытыми

глазами, и пытается, похоже, слегка прийти в себя. Что за дрянь он принимает, интересно?

Джим ничего не говорил и не двигался. Себ ждал. Через пять минут Джим открыл глаза, покачал головой и сказал:

— Теперь играю. Пойдём со мной, детка, — и первым открыл дверь с чердака и начал спускаться.

Себ не успел даже присмотреться к лестничной темноте, как ему в живот упёрся твёрдых холодный ствол, и голос с резким акцентом велел:

— Не рыпайся!

Да Себ, собственно говоря, и не собирался. Не так-то много всего можно сделать, когда в тебя тычут пистолетом.

— Откуда второй? — спросил другой голос.

Себ более или менее приморгался и различил того, кто стоял рядом с ним: рослый качок с кожаной куртке и с татушками вокруг левого глаза.

Второй голос принадлежал его почти что полному клону — только у него татушек на лице не было, зато Себ разглядел густую бородку и кепку. И он приставлял пистолет к голове Джима.

Всё это Себ отмечал спокойно, хотя отлично понимал: они с Джимом в дерьме по самые уши. Просто нервничать сейчас было не просто глупо, а даже опасно. Пока голова трезвая, она может соображать. Поддаться страху — и всё, им обоим завтра кто-то будет писать некрологи. Если найдут трупы, конечно.

Татушка бросил что-то на своём языке. Кепка ответил, и тут Джим на том же языке сказал что-то очень язвительное. Татушка посмотрел Себу в лицо с сомнением и велел:

— Брось эту штуку.

Английский ему явно не родной, отметил Себ, но опустил на ступеньки чехол с «М-24». От разобранной винтовки всё равно толку — чуть.

Себ не мог поймать взгляд Джима, поэтому соображал сам. В рукопашной шансов мало. Даже не будь у этих ребят стволов, если второй — такого же сложения, как и первый, их просто скрутят пополам. В этом вопросе свои навыки Себ оценивал как весьма посредственные. А Джим и вовсе балласт. Или ценный груз, что ещё хуже.

Хорошая новость: конкретно в эту минуту их ещё не убивают. Раз стоят и переговариваются, значит, что-то пошло не по плану, и они теперь решают, что предпринять.

Похоже, они были уверены, что застанут Джима одного.

— Вниз, давай, — сказал Кепка. — Вперёд шагай, давай.

Джим послушно пошёл по лестнице вниз. Татушка оскалился, его широкие ноздри задрожали. Он велел Себу:

— Топай за ним, — и чуть посторонился, давая пройти. Будь Себ один, именно в этот момент он сломал бы ему руку, забрал бы пистолет и пристрелил бы Кепку. Но внизу, совсем близко и под прицелом шёл Джим. Поэтому оставалось только послушно спускаться следом за Кепкой.

На заднем дворе дома уже стоял одинокий тонированный «Тахо» — здоровый и совершенно не городкой.

Если их увезут куда-то, шансов выбраться не останется вовсе, потому что здесь парней двое, а там может быть и двадцать. Здесь, конечно, тоже может быть подкрепление. Но всё-таки вряд ли. Разве что на соседней крыше лежит коллега со снайперкой. На всякий случай

Себ поднял голову, но конечно, ничего не увидел. Татушка понял его интерес неправильно и рявкнул:

— Беги-беги, я тебя шлёпну, — и добавил что-то на родном языке. Его товарищ харкнул на землю, открыл переднюю дверцу и вытащил наручники. Джим протянул руки сам, но Татушка резко прикрикнул и ткнул Себа пистолетом в плечо:

— Руки давай сам.

Себ не сопротивлялся, позволяя застегнуть наручники на запястьях. По первому же знаку сел на заднее сиденье. Рядом с другой стороны впихнули Джима, который тоже демонстрировал чудеса покладистости. От его невменяемости, кстати, не осталось и следа. Он выглядел нормальным.

Татушка уселся рядом с Джимом, а Кепка — за руль. С рёвом «Тахо» стартовал, с трудом пролез в переулочек и выбрался на шоссе.

Себ думал. Он уже чувствовал, что сердце начинает биться быстрее, и ему это не нравилось. Пока нельзя.

Некстати вспомнилась любимая фразочка Йена: «Солнышко, сейчас мы убиваем, а потом рыдаем». А может, и кстати. Однажды в Ирландии он повторил это десять раз подряд, почти беззвучно, но Себ слышал. К счастью, Йен потом об этом не болтал.

Воспоминание отвлекло, сердцебиение замедлилось, неприятная тяжесть в груди пропала. Себ опустил глаза, чтобы случайно не привлечь лишнего внимания, и отметил боковым зрением, что они едут за город. Машина была одна, никакого конвоя. Они и понятно: кортеж из таких автомобилей мог бы привлечь внимание полиции.

Перспективы вырисовывались так себе.

Скорее всего, его хотели убить сразу, и только слова Джима заставили парней взять второго пленника. И куда бы они не ехали, Себ не обольщался: очень быстро там разберутся, что он — просто стрелок и интереса не представляет. А дальше понятно: очередной неопознанный труп в Темзе. Так что вариант доехать до места и попытаться выбраться оттуда можно отбрасывать сразу.

Джим (Себ не привлекая внимания всё-таки глянул на него) сидел совершенно неподвижно и со спокойным выражением лица. Не помощник. Татушка крутил пистолет в пальцах. Кепка следил за дорогой. Ткнул в кнопку радио, покрутил колёсики и нашёл какой-то латинский рэп.

Дорога вышла в поля. Какое-то время тянулась параллельно железке, потом начала отклоняться. Себ слегка поднял взгляд. В паре километров был крутой поворот.

Татушка продолжал играть с пистолетом, крутил его в руках, качал за скобу. Тупой отморозок.

Себ сосредоточился, заставляя тело расслабиться. Секунд сорок до поворота.

Двадцать.

Машина тяжёлая, тормозной путь у неё длинный, и занос выйдет на такой скорости неплохой. Кепка начал поворот, и Себ резко дёрнул ручник. Послышался незнакомый, но явно отборный мат. Зад «Тахо» повело в сторону, Татушка перехватил пистолет, но не успел сообразить, что его надо снять с предохранителя.

Себ резко ударил его по запястью сверху, слегка примяв Джима, перехватил пистолет — и выстрелил в затылок Кепке, который пытался вернуть машину на дорогу. Его попытки не увенчались успехом, автомобиль затормозил в поле, пропахав колёсами землю. Их потрянуло, и Себ выстрелил во второй раз. Выгурался.

Повернулся к Джиму — и увидел его шальной взгляд.

— Твою мать, — сказал Себ.

Он дал себе буквально десять секунд на то, чтобы отдышаться, и начал действовать.

Разблокировал дверцу, локтем открыл её и выбрался наружу. Добрался до водителя и принялся обшаривать его карманы.

«Ну, давай, ублюдок, даже не говори, что не носишь с собой ключ».

Ключ нашёлся, пусть и не сразу — в брюках.

Ладно, надо признать, отделались они лёгким испугом. Волна адреналина понемногу спадала. За свою жизнь не так уж часто Себ бывал в таких переделках. Лежать не дыша, понимая, что вот-вот могут обнаружить укрытие — да, было. Осматривать местность, ожидая того, что его в любой момент может увидеть вражеский снайпер — тоже было. Смотреть другому снайперу в глаза и понимать, что выживет тот, кто стреляет быстрее — однажды случилось. Попадать под обстрелы, видеть, как совсем рядом в рвётся граната... Но похищать его ещё ни разу не похищали. Так себе опыт.

Постояв несколько секунд, Себ ещё раз выдохнул, убедился, что полностью спокоен и принялся изучать местность, быстро обшаривая взглядом сектор за сектором.

Их занесло на какое-то поле... или пустошь, кто его разберёт. В темноте различались редкие раскидистые кустарники: шесть штук на расстоянии от ста метров до километра, кромка леса вдалеке. Рядом с ними — единственное дерево на всём поле. Точно такой же пейзаж с другой стороны от дороги, только там два дерева и пять кустов, но очень жидких — для засады не подойдут.

Кочки, горки, рытвины: Себ фиксировал их одну за другой, но убеждался, что вокруг пусто. Машин на дороге тоже не было ни видно, ни даже слышно вдалеке. Но это — пока.

— Выходите, сэр, — скомандовал Себ и уточнил: — Можете?

Джим выбрался и с неудовольствием осмотрел свой помятый и запачканный кровью пиджак. Себ ключом подцепил жгут на его запястьях и начал пилить.

— Не двигайтесь, пожалуйста, Джим! — взмолился он через минуты, потому что чёртов босс буквально подпрыгивал на месте. Наконец, жгут был перерезан. Джим довольно потёр запястья — и расхохотался.

Он ржал как сумасшедший, сгибаясь пополам и чуть ли не падая на землю.

Себ ждал. Он уже такое видел: кто-то от шока плачет, кто-то смеётся. Подождав минуту, Себ сказал по возможности спокойно:

— Всё в порядке, Джим.

— В порядке? — переспросил он, разгибаясь и потирая живот. — Нет, конечно, детка. Ты сорвал мне такую красивую игру, что я почти хочу тебя убить. Но... — он вдруг резко перестал даже улыбаться. Подошёл к Себу совсем близко. Коснулся холодным пальцем наручников, провёл по ним и договорил: — Но ты был прекрасен.

Он забрал у Себа ключи и расстегнул наручники. Вдохнул, взглянул на машину и покачал головой.

— Сделаем это быстро, — достал телефон, он написал кому-то сообщение.

Себ не понимал вообще ничего, только в растерянности потирал запястья.

Убрав телефон, Джим поправил пиджак, облизнул губы и сказал:

— Вытащи их. Нам всё равно нужно как-то вернуться в город. Нет, не возись...

Джим как раз собирался засыпать тела каким-нибудь мусором и листвой, но Джим остановил его. — Поехали.

Салон был в крови.

Себа тошнило. Но он осмотрел машину, сел за руль, убедился, что Джим разместился на заднем сидении и тронулся.

Всю дорогу до Лондона они молчали. И только когда они въехали в Гринвич, сказал:

— Остановись здесь, дорогой. Ты легко поймаеть такси.

Себ припарковал автомобиль, как будто это была его собственная машина, которую не должны эвакуировать. Заблокировал двери, обернулся и спросил напрямую:

— Какого чёрта это было?

Джим зажмурился, помотал головой.

— Ты действительно заслужил сегодня премию, — негромко сказал он. — Иди, детка. Ты молодец, — и снова засмеялся, но уже не истерично.

И, плюнув на всё, Себ выбрался из машины и пошёл к метро. Он понятия не имел, как выглядит и не видно ли по нему, в какой переделке он только что побывал. Наверное, всё-таки нет: Джим бы сказал ему, верно?

Но он отчаянно хотел оказаться дома и принять душ.

В завещании Эмили ничего не написала о похоронах — поэтому миссис Кейл, единственная, кто имел моральное право решать, за прошедший месяц раз пять поменяла точку зрения. Захоронение? Кремация? Приглашать ли пастора? Какую выбрать музыку?(1)

Тем не менее, ко дню похорон всё было определено, и Себу оставалось только отвезти нарядную, причёсанную, но очень печальную Сьюзен на кладбище к нужному времени.

Накануне он сам, не полагаясь на сознательность и ответственность остальных, обговорил с дочерью каждую деталь церемонии, а потом помог ей выбрать подходящее платье. Вместе с родителями и с няней Сьюзен они пришли к выводу, что она обязательно должна побывать хотя бы на первой части церемонии.

Себ не любил похороны, да и бывал на них очень редко — ни горевать, ни вспоминать, ни праздновать его не тянуло, но ради Сьюзен он подошёл к вопросу серьёзно. Даже если это означало сначала стоять в душном костюме под неожиданно и не по сезону жарким солнцем, а потом улыбаться родственникам и знакомым Эмили, которых он в жизни не видел.

Заняв парковочное место у ворот кладбища, Себ повернулся к Сьюзен, поймал её потерянный и испуганный взгляд, спросил:

— Готова?

Сью сделала неопределённое движение плечами.

— Помнишь, о чём вчера говорили?

— Угу...

— Если ты захочешь заплакать — это не страшно. Никто не станет думать о тебе плохо. Но если сможешь сдержаться — будешь очень большой умницей. Попробуй всё время вспоминать весёлое. Помнишь медведя?

Явно через силу, но Сьюзен всё-таки улыбнулась, вспоминая истории, которые Себ вчера рассказывал ей почти час, и собственные воспоминания о ней, которые они тоже освежили вместе.

— Пошли?

Только дождавшись внятного утвердительного ответа, Себ вышел из машины.

Кладбище Милл Хилл было из тех, которые точно понравились бы Эмили (в этом Себ был уверен — сколько их они обошли, когда только начали встречаться...). Здесь было тихо, зелено и достаточно пустынно.

Сьюзен шла маленькими медленными шагами, крепко держась за руку Себа, и даже оглядывалась по сторонам. В какой-то момент она залюбовалась большим мраморным ангелом, и они остановились возле него. Сьюзен осторожно коснулась крыла.

Себ её не торопил — специально приехал с небольшим запасом по времени.

Наконец, они вышли на церковный двор, где уже прогуливались гости. Завидев их, к ним поспешила миссис Кейл.

Ещё вчера она рыдала, но сегодня взяла себя в руки, оделась, накрасилась и даже вытащила откуда-то шляпку в духе королевы. С некоторой мрачностью Себ подумал: хорошо, что не малиновую.

— Басти! — она официально протянула Себу руку, которую он мягко пожал. Потом она наклонилась и поцеловала в щёку Сьюзен.

— Вы отлично выглядите, миссис Кейл, — сказал Себ.

Не успела она ответить, как к ним подошли соседки Эмили. Напрягшись, Себ всё-таки вытащил из памяти их фамилии: миссис Бейкер и миссис Харрис, которая предпочитает, чтобы её называли просто Сесиль. Они тоже явно постарались, выбирая лучшие платья, обе по очереди пожали руку Себу и обе расцеловали Сьюзен, передавая ей приветы от своих детей.

Себ чуть сжал ладонь Сьюзен — и она выговорила в ответ пусть тихое, но вполне слышимое «спасибо».

— Она была такой красавицей, — вздохнула миссис Бейкер. — И такая ещё молодая...

— Жаль её цветы, она обожала розы и хризантемы, — проговорила миссис Харрис светским тоном, — мы с ней совсем недавно говорили, как подвязать плети на зиму...

Оставив соседок делиться впечатлениями о саде с миссис Кейл, Себ осторожно отвёл Сьюзен в сторону, незаметно поправил идиотский узкий пиджак и, подняв голову, прикинул, что между скатом крыши и высоким кирпичным бортиком просматривается отличная позиция для стрелка. Даже для двоих, учитывая симметричность строения. А спуститься можно сзади, там даже технические лестницы есть.

— Пап... — Сью дернула его за рукав, — что там?

Себ тут же отвёл взгляд от крыши.

— Я просто задумался. Отличная погода, правда? Представляешь, как бы нам не повезло, если бы лил дождь, как вчера?

Церковный двор окружали деревья и высокие стриженные кустарники. Себ окинул их взглядом — и почувствовал, что во рту становится горько.

Прислонившись к одному из стволов, прикрыв глаза и, кажется, целиком отдавшись звучанию музыки в наушниках, стоял Джим. Себ немедленно отвернулся и встал к нему спиной, закрывая от него Сьюзен — и наоборот. Ей совершенно не нужно его видеть и вспоминать их встречу на кухне.

К счастью, пробило десять — и Себ повёл Сьюзен вслед за остальными в церковь, где уже был выставлен чёрный гроб, обложенный со всех сторон белыми лилиями. Ладонка Сьюзен стала влажной — на ребёнка резкая смена солнечного тёплого дня на холодный церковный полумрак произвела сильное впечатление.

— Сейчас бабушке придётся говорить речь. Она репетировала её три ночи, представляешь, а всё равно боится, что забудет слова, — шепнул Себ на ухо дочери, садясь с ней на скамью в третьем ряду — так, чтобы не привлекать особого внимания и не делать Сьюзен предметом изучения.

Церковь набилась почти целиком. Кого-то Себ смутно узнавал — кажется, этих людей он встречал, пока они с Эмили ещё жили вместе. Но в основном вокруг была масса чужих лиц.

Пока все рассаживались, к Себу подошёл Грег — официальный и серьезный. Кивнул Сьюзен, сказал, что ему жать встречаться при таких обстоятельствах — и отошёл, дав Себу отличный повод снова отвлечь дочь от неприятных мыслей.

Он как раз закончил драматический рассказ о том, как будущий полицейский искал по улицам кошку Эмили, когда шуршание и шорох одежды затихли, уступая место неторопливой музыке.

Сьюзен рядом вытянулась, замерла и, кажется, даже дышала через раз. Себ продолжал держать её за руку, а на тёмном экране позади гроба расцвела первая фотография —

хохочущая Эмили пытается удержать на плече кота.

«Господь, пастырь мой...»(2), — пел мягкий голос, который, если постараться, можно было принять за голос Эмили. Фотография сменилась. Теперь Эмили стояла одна и держала в руках букет цветов.

«Он водит меня к водам тихим».

Себ улыбнулся, когда увидел кусочек их с Эмили свадебной фотографии. Кто-то предусмотрительно загнул или отрезал на компьютере его половину, оставив в кадре только кусок локтя в чёрном пиджаке. А Эмили, чуть подняв голову, махала кому-то перед собой.

«И я не убоюсь зла, потому что ты со мной».

Эмили над детской кроваткой, которую почти не видно, но которая легко угадывается. Себ знал эту фотографию, потому что делал её сам.

И ещё фото, и ещё: множество забавных и счастливых моментов.

Отвернувшись от экрана, Себ посмотрел на Сьюзен. Глаза у неё были широко распахнуты, как будто она боялась моргнуть и упустить хоть что-то. Рот приоткрылся. Она всё ещё дышала через раз.

«И я буду жить в доме Господнем, навсегда и во веки веков».

На последней фотографии Эмили была вместе с Джексонем. Снятые по пояс, они обнимались и, похоже, собирались поцеловаться. Они смотрели друг на друга, и Себ ощутил что-то неприятное, шевелящееся в груди. Они хорошо смотрелись вместе, и он хотел бы...

Было бы круто увидеть их вместе по-настоящему. На свадьбе, увидеть которую мечтала Сьюзен. Чёрт возьми, они были обязаны закатить праздник и позвать его на торжество.

Фотография тихо выцвела вместе с последними нотами песни, и к трибуне вышла миссис Кейл. Она откашлялась, поправила рукава платья, потёрла запястья, коснулась шляпки, ещё раз кашлянула...

— Эмили ругала бы меня, — произнесла она в микрофон слегка дрожащим голосом, — за то, что я так нервничаю... Она вообще любила говорить, что я всё время нервничаю по пустякам. Думала, она знает, как лучше жить...

Кое-где раздались приглушённые смешки.

— Она ещё в школу не ходила, когда заявила мне впервые, что мы с папой неправильно живём. И немедленно составила план, как всё исправить, — она опять кашлянула и крепко сжала пальцами край кафедры. — Первым делом, нам нужно было немедленно бросить работу, потому что «это глупо — работать в то время, когда можно играть».

Смешки стали громче.

Да, более юная версия Эмили и правда отличалась некоторой страстью к поучениям.

— До седьмого класса я воспитывала ворчливую старушку, — продолжила мисс Кейл, — а потом, придя домой, вдруг обнаружила сумасшедшего подростка с розовыми волосами. Как вы думаете, чем именно она покрасила голову? — сделав паузу, миссис Кейл выговорила, хотя было видно, что ей хотелось скорее плакать, нежели смешить: — жидкостью Кастеллани из аптечки.

Те, кто засмеялся, видимо, застали розововолосую Эмили. Хотя Себу тоже было забавно: он вспоминал фотографию, которую Эмили гордо продемонстрировала ему на третьем свидании.

Миссис Кейл не зря репетировала. Она вспоминала какие-то шутки, смешные истории, выходки, а потом вдруг замолчала, оборвав саму себя посередине речи, ещё раз кашлянула и сказала: — Нам всем будет не хватать нашей Эмили. Она умела приносить радость.

Несколько секунд в церкви было очень тихо, а потом опять заиграла музыка. Снова закрутились фотографии, но на них уже мало кто смотрел, потому что носильщики подняли гроб и неспешно понесли его к выходу. Когда они проходили рядом со Сьюзен, она вдруг протянула руку и быстро коснулась деревянного угла. Отдёрнула ладонь. Всхлипнула — и уткнулась в подмышку Себа, ещё толком не понимая причин, но уже чувствуя по общему настроению, что не нужно рыдать громко.

Миссис Кейл под руки вели родители Себа. Мама что-то утешительное шептала ей на ухо, а папа просто удерживал. Кто-то украдкой стирал слёзы, а Себ ощущал настойчивый зуд в затылке. Поймав момент, он обернулась — и встретился взглядом с Джимом, стоящим позади скамей. Он уже убрал наушники и теперь сливался с толпой — разве что его пиджак был подороже, чем у остальных. Убедившись, что Себ его видит, Джим медленно наклонил голову, повернулся и вышел из церкви, растворяясь среди однотонных спин.

Когда Себ и Сьюзен выбрались наружу, Джим уже нигде не было видно. Зато к ним подошла няня, мисс Кларенс — и тут же заговорила со Сьюзен, отмечая, что она большая молодец и очень хорошо держится.

— Твоя мама очень бы тобой сейчас гордилась, Сьюзен, — сказала мисс Кларенс, — ты настоящая маленькая принцесса.

Сьюзен, которой всегда нравилось, когда её называли принцессой, в этот раз не отреагировала на обращение, а мисс Кларенс спросила:

— Мистер Майлс, возможно, мне стоит увезти Сьюзен домой?

Себ задумался. Впереди ещё было прощание у могилы и речь пастора, но нужно ли это видеть Сьюзен? Сейчас, под впечатлением от церемонии прощания, она, кажется, пребывала в том состоянии, когда печаль ощущается, но не ломает. Если она сумеет сохранить это чувство, со временем боль от смерти Эмили станет слабее.

— Сьюзен, — Себ опустил перед ней на корточки, — как насчёт того, чтобы поехать с мисс Кларенс домой?

— А ты?

— Я бы тоже хотел, — улыбнулся он, — но я взрослый, мне нельзя. Я... побуду там за нас двоих.

Сьюзен задумалась.

— Мама обидится на меня за это?

— Ни за что. Скорее она обидится на меня, если я не прослежу, чтобы ты вовремя съела свой ланч, — и уже серьёзнее добавил: — Мама бы предпочла, чтобы ты сохранила в памяти всё, что увидела сейчас. Эти фотографии, цветы, этих людей, которые очень любят её. Знаешь... попробуй нарисовать для неё что-нибудь. А потом мы отнесём рисунок в церковь. Это будет хорошо.

— Я попробую, — сглотнув, ответила Сьюзен, и сама отпустила руку Себа, чтобы протянуть ладонь няне. Неспешно они пошли прочь, о чём-то переговариваясь.

Себ, наплевав на то, что процессия и гости уже давно ушли с церковного двора, следил за Сьюзен взглядом. И только когда они с няней завернули живую изгородь, а голос Сьюзен перестал чётко различаться, он отвернулся и тут же заметил среди надгробий Джима.

Почувствовав его взгляд, Джим обернулся, покачал головой и указал в ту сторону, куда ушла процессия. Себ кивнул ему и решил, что это правильное решение — пойти к могиле, а не рисковать получить очередной сеанс психотерапии от Джима.

(1) Разрешите я сразу поясню важный момент. Отношение к похоронам, культура

проводов в последний путь и поминовения у нас с британцами очень различаются. Похороны Эмили в этом описании — ещё достаточно скорбный и не слишком-то популярный сейчас формат. В современной Британии похороны «празднуют», это, по сути, праздник в честь умершего. Скорбь, слёзы не уместны. А вот поставить любимую музыку покойного или рассказать о нём шутки на фуршете — да, уместно. (2) The Lord Is My Shepherd — одна из десяти самых популярных в Британии музыкальных композиций для похорон

Обстановка в арендованном и кое-как приведённом в порядок доме была беспокойной.

Себ чувствовал себя лишним в этой гостиной, толком не понимал, зачем его просят остаться и что хотят с ним обсуждать. Родители уезжали в Карлайл завтра. Миссис Кейл ехала с ними — но ненадолго.

Себ поговорил с ней два дня назад, и на его предложение присмотреть за Сьюзен она откликнулась с пугающей радостью. Впрочем, наверное, ей самой хотелось чем-то заняться, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей и переживаний. В общем, с ней всё было решено — и зачем они теперь сидели на диване все вместе, пили чай и говорили о погоде, было не совсем ясно. Но папа настоял.

— Кхм... я... — Себ прочистил горло, но мама его опередила и заговорила первой:

— Я, пожалуй, приготовлю ужин. Басти, можешь мне немного помочь?

Он бросил ей благодарный взгляд и вышел следом — лучше уж чистить картошку, чем обсуждать начавшийся за окном дождь.

— Не сердись на папу, — сказала мама, закрывая дверь на кухню и подходя к раковине, где скопилась горка грязной посуды.

— Я и не сержусь, — отозвался Себ. — давай я...

Он отстранил её от раковины и принялся за монотонную работу, поглядывая, как мама раскладывает на доске кусок мяса и придирчиво его изучает.

— Он чувствует себя виноватым, — продолжила мама, словно Себ и не перебивал её, — что не готов пожертвовать всем ради Сьюзен.

— Я говорил ему...

— Как будто наш папа так часто слушает, что ему говорят, — улыбнулась мама. — Он привык заботиться о семье, брать на себя ответственность. Пока Эмили была жива, Сьюзен в нём не нуждалась, и он не переживал.

— У нас всё будет хорошо, — твёрдо сказал Себ, догадываясь, что за словами: «Папа чувствует себя виноватым», — скрывается: «Мы с ним оба чувствуем себя виноватыми, и особенно я». Он добавил: — Мы со Сью отлично ладим, у неё прекрасная няня, а когда вернётся миссис Кейл, вообще никаких проблем не будет, — он сделал паузу, притворившись, что увлечённо счищает жир со сковороды, — как ты думаешь, Сьюзен сможет... полностью прийти в себя после этого? — этот вопрос Себ задал очень тихо, хотя понимал, что плеск воды в тазу(1) и звон тарелок и без того заглушают голос. Ему было стыдно об этом заговаривать. Всё равно, что признаться, что понятия не имеет, что делать, чтобы ей стало лучше.

— Знаешь, дорогой... — проговорила мама тоже тихо, — даже для взрослого человека потерять родителя — это тяжело. Я до сих пор вспоминаю твоих дедушку и бабушку очень часто. И Сьюзен всегда будет помнить Эмили, и ей всегда будет больно, потому что мамы нет рядом. Просто...

— Это становится привычно, — кивнул Себ. — Хочу, чтобы она начала ходить к психологу. Я сам не люблю, когда у меня в мозгах ковыряются, но Сьюзен это может помочь.

— Тебе тоже не помешало бы, — несколько ворчливо сказала мама, — о чём я тебе уже говорила.

— У меня всё нормально, — отозвался он, расставляя на места тарелки и производя ими нарочитый шум. — Переживу.

Мама выдохнула со знакомой и характерной интонацией, которая во все времена расшифровывалась как: «Господи, за что мне эти двое?».

— Если тебе будет нужна помощь, пожалуйста, не молчи, — сказала она чуть позже, — звони, приезжай. Или я приеду.

— Да не...

— Просто пообещай, что скажешь, если будет трудно, — с некоторым нажимом попросила она.

Себ выдохнул:

— Ладно. Да, окей.

Он домыл посуду и слил воду. Дальше продолжать этот разговор было уже совершенно неловко, так что он вытер руки и заложил их за спину, подыскивая предлог, чтобы уйти.

И зажужжавший в кармане телефон предоставил этот предлог. Себ быстро посмотрел на экран и со смесью одновременно раздражения и предвкушения прочёл смс от скрытого номера, который, конечно, принадлежал Джиму: «Открыто».

— Мне надо на работу, — сказал Себ, попытавшись вложить в интонацию разочарование или раздражение, но не смог.

Мама обошла его, сполоснула руки и неожиданно, без всякого предупреждения обняла, крепко прижимая к себе. Маленькая, худенькая, она едва доставала ему до подмышки, но вырваться из её хватки Себ даже не пытался, только беспомощно поворчал:

— Мам... — а потом обнял её в ответ и прикрыл глаза. Постоял несколько секунд — а потом, чувствуя, что объятия становятся немного слабее, решительно высвободился, одернул рубашку — и рассмеялся.

— Подловила, ладно.

— Иди уже, — она махнула ему рукой и вернулась к готовке, а Себ поспешно ретировался из кухни.

Вызов Джима, пусть и странный, его порадовал. Все эти похороны, семейные дела, сцены и разговоры требовали очень много сил — и он был бы рад получить сложное, но предельно понятное задание. Чтобы не думать, что лучше сказать, а молча выполнять свою работу. С другой стороны, учитывая появление Джима сегодня на кладбище и его последующее исчезновение без единого слова, можно было предполагать что угодно. Может, боссу просто скучно? Или он опять под кайфом и нуждается в собеседнике?

Не хотелось бы.

Себ был готов перенести небольшой сеанс насилия над мозгом (в конце концов, он именно из-за этого вытребовал двойную оплату), но развлекать скучающего психа не желал.

На Клармонт-клоуз, тринадцать действительно было открыто — и внизу, в подъезде, и наверху — в квартире.

Войдя внутри, Себ снова оказался почти оглушён музыкой. Это опять была адская музыкальная смесь из двух разных треков, от которой хотелось первым делом заткнуть уши.

Джим, как и в прошлый раз, развалился на диване прямо в костюме, взглянул на Себа, но музыку не выключил и не приглушил. Так что Себ остался стоять, пытаясь разобраться, что это вообще играет. Немного тише точно звучала какая-то классика. А вот поверх играло что-то жёсткое, с криками и хрипами.

Подолгу стоять в одной позе Себ умел отлично, поэтому не шелохнулся до тех пор, пока

обе песни не доиграли, а Джим не сказал:

— Привет, дорогой. Соскучился?

— Вы вызывали, сэр, — ответил Себ, подходя немного ближе к дивану.

— Вызывал? — Джим удивлённо поднял брови. — Разве?

— Сорок минут назад... примерно, — Себ потянулся было за телефоном, хотя и был уверен, что получил смс, но не успел. Джим визгливо расхохотался, запрокинув голову:

— Мой милый Себастиан, я всего лишь написал: «Открыто». Вызов ты придумал сам. — он продолжил смеяться, а Себ прикусил кончик языка, чтобы сдержаться и ничего не сказать. Он вообще переставал что-либо понимать. То похищение, которое не совсем похищение. Этот вызов, который не вызов.

Чёртов Джим.

— С тобой даже неинтересно играть, Себастиан, — отсмеявшись, разочарованно сказал Джим. — Ты такой исполнительный... такой правильный... — вдруг он вскочил с дивана и мгновенно оказался совсем рядом с Себом. Раздул ноздри, принюхиваясь, и сделал ещё шаг. Себ ровнее выпрямил спину и чуть поднял голову, но не отшатнулся, даже когда Джим почти прижался к нему.

«Дорогой Санта, подари мне, пожалуйста, право сломать челюсть моему боссу без последствий. Обещаю, что буду хорошо себя вести весь год», — подумал Себ, отвлекаясь на дурацкие мысли, чтобы удержать раздражение в узде. В конце концов, недолго он прожил бы в армии, если бы не умел контролировать приступы мотивированной агрессии.

Джим запрокинул голову и кончиками пальцев коснулся воротника рубашки Себа. «Да хер тебе», — подумал Себ отчётливо. Ему не пятнадцать, чтобы вестись на такие дебильные шуточки и провокации.

— Скажи мне, Себа-а-астиан, — протянул Джим, удерживая уголки воротничка, — мне очень интересно... Здесь ровно четыре пальца... от рукава до локтя?(2) Да?

Вдох-выдох.

Себ опустил голову, поймал взгляд Джима и ответил предельно спокойно:

— Да, сэр. Так точно, сэр. Возможно, вас интересуют ещё какие-то детали моего гардероба, сэр?

Джим выпустил его рубашку, соорудил обиженную рожу и повернулся к Себу спиной:

— Твой гардероб скучен как воскресная служба. И временами уродлив, — он опять устроился на диване, закинул ноги в начищенных ботинках на подлокотник, положил руки за голову и закрыл глаза, вытягиваясь как в шезлонге: — Ты понимаешь, о чём я.

— Нет, сэр.

— Этот костюм, в котором ты был. Тысяча девятьсот девяносто девятый год?

Себ педантично расправил воротничок расстёгнутой рубашки, машинальным жестом подровнял закатанные рукава и только после этого сказал:

— Да, сэр.

— Я-я-ясно. Очень, очень скучно.

Себу показалось, что голос Джима опять слабеет и становится менее чётким. Значит, снова доза? Отлично.

— Сэр...

— Сядь! — рявкнул Джим визгливо, не шевелясь и не открывая глаз.

Стульев в комнате не было, не считая компьютерного кресла в дальнем углу, диван был полностью занят Джимом. Себ пожал плечами и сел на пол. Его штанам не привыкать. Хотя

пол в этой квартире, может, погрязнее иной крыши.

Джим запрокинул головой и какое-то время смотрел в потолок. Потом поджал под себя ноги и посмотрел на Себа.

— Прости, детка. Ну, давай, спрашивай.

Себ поднял брови.

— Ну же, давай. Твоё нелюбопытство даже задевает.

— А о чём спрашивать? — пожал плечами Себ.

— О... — протянул Джим, — на твоём месте я задал бы тысячу вопросов после того дня. Я, ты, тесный автомобиль, — промурлыкал он.

Себ проигнорировал это мурлыканье и ответил по делу:

— Вы босс, захотите о чём-то сообщить — сделаете это сами, а не захотите — так и спрашивать нечего.

— Босс... — Джим задумчиво облизнул губы, — что ж, раз так, я хочу сыграть в игру. Я задам вопрос тебе, и ты будешь честен, а взамен отвечу на любой, который задашь ты. Потом снова мой вопрос... потом твой.

Дурацкая игра, на взгляд Себа. С кем-то ещё он бы не рискнул играть в подобное. Но Джим ведь и так почти читает его мысли, видит насквозь. Так что плевать.

— Давайте... Я так понимаю, что если совру — вы у меня это по лицу прочитаете, да, сэр?

Этот комментарий искренне развеселил Джима. Он заулыбался довольно, прищурился и спросил:

— Итак, скажи мне, Себастиан, почему ты так упорно отказываешься называть меня по имени, несмотря на мои просьбы и прямые приказы?

Да твою ж мать! Лучше бы спросил, на скольких девчонок в школьной команде по волейболу у него стояло, он бы даже постарался вспомнить поимённо. Но ведь можно было угадать, что вопрос Джима обязательно будет с психологическим вывертом. Чёртов любитель покопаться в чужих мозгах.

— Я люблю субординацию, — сказал Себ, немного подумав, — мне с ней привычно и удобно.

— А ещё она позволяет держать дистанцию... — медленно и с придыханием проговорил Джим, — о, да, мой дорогой, в первую нашу встречу ты всем богам молился, чтобы видеться со мной как можно реже... Ты и до сих пор этого хочешь. Так?

Играем в честность, значит?

Себ выдержал его пристальный взгляд и сказал:

— Да, сэр.

Хотя, надо сказать, это была полуправда. Джим и пугал, и временами раздражал, и его увлечение наркотиками откровенно бесило, но всё-таки Себ к нему привык. Его задания щекотали нервы, а сам невероятным образом разрушал рутину. Пожалуй, если бы он внезапно исчез, Себ начал бы скучать.

И конечно, Джим это прочитал моментально, судя по смеху.

— Ты немного жульничал, дорогой... Но заслужил свой вопрос.

Только вот спрашивать ему было нечего. Да, хотелось узнать, что с тем похищением. Он своими руками убил двоих человек без приказа. Причём в ближнем бою, что особенно мерзко. Но раз Джим не заговаривал об этом сам, значит, наверное, считал, что Себа это не касается. А лезть самостоятельно в чьи-то криминальные разборки — нет, спасибо.

Спрашивать личности самого Джима? Так не ответит или ещё больше запутает. Да и не нужны ему чужие тайны.

— Фоули — это не настоящая ваша фамилия, да? — спросил Себ первое, что пришло в голову. Хитро улыбнувшись, Джим сказал:

— Да, не настоящая, — фыркнул и добавил: — Учись формулировать вопросы, детка. А поскольку ты и сам сжульничал, я не стану исправлять твою ошибку. Мой ход. Ты работал один или в группе? — внезапный вопрос.

— Один или в паре. В группе — только в Ираке пару месяцев.

Пусть наслаждается честным ответом. Кажется, Джим оценил и сделал приглашающий жест. Подбодрил:

— Ну же, не стесняйся! И не делай глупостей.

Себ привычным движением потёр переносицу. Знать бы, чего Джим от него хочет. Какой вопрос сочтёт достойным? Поймав насмешливый взгляд, Себ слегка разозлился и спросил негромко, но решительно:

— Вы сами убивали, сэр? Когда-нибудь?

Джим расхохотался до слез и сказал, вытирая глаза:

— Недурно, и очень метко, мой дорогой стрелок. Нет, Себастиан. Я не люблю пачкать руки.

Себ точно не смог бы объяснить, почему, но от этих слов ему стало не по себе. Джим прикрыл глаза.

— Однажды... — тихо сказал он, — я почти это сделал. В последний момент подвернулся тот, кто всыпал яд. Но я дал его. У меня тряслись руки. Я даже думал, что мне понравилось, но потом я понял... Мне нравится смотреть, как это делают другие.

Себ хотел бы спросить, кого именно Джим чуть не убил своими руками, но решил, что не стоит. Помолчав, Джим встал с дивана, прошёлся из стороны в сторону и потряс головой. Прошептал:

— Я бы хотел видеть его лицо в этот момент... — у него прорезался ирландский акцент, — когда он увидел кровь. О, да. Думаешь, я на наркотиках? — спросил он вдруг резко.

Себ промолчал. Джим улыбнулся, но не Себу, а своим мыслям.

— Наркотики... алкоголь, никотин — это всё дороги в один конец. Мозг перестаёт работать без стимуляции и постепенно... Пуф, — он развёл руками, — оказывается, что в голове у тебя бесполезное желе, а сам ты не можешь отличить фантазию от реальности. Я не употребляю наркотики, можешь не переживать, дорогой мой блюститель нравов.

— Я не...

— Да брось, у тебя это на лице написано, — хихикнул Джим и тут же добавил громко: — Ну, давай, всё. Свободен! — а когда ему показалось, что Себ слишком медленно поднимается с пола, крикнул: — Живо!

Себ ушёл, испытывая облегчение от того, что этот странный разговор закончился. Но вот в чём штука: может, Джим и поймел его мозг особо неприятным способом, но он во всяком случае отлично отвлек его от всех домашних проблем.

(1) Английские бытовые реалии передают привет. На всякий случай поясню (только убедитесь, что вы сейчас не едите, а то будет мерзко): в Британии вода очень дорога, и экономят её всеми способами. Никто не моет посуду под краном. Набирают таз воды, добавляют очень пенящегося мыльного средства, полощут посуду и либо вытирают насухо,

либо ставят на сушилку прямо так, с мыльно-пенными разводами.

(2) Знатоки рассказывают, что стандарты ношения британской военной формы гласят следующее: если рубашка расстёгнута, у неё обязательно должны быть подвёрнуты рукава. Подвороты должны располагаться строго на уровне четырёх пальцев выше локтевого сгиба. Под расстёгнутой рубашкой, разумеется, должна быть надета футболка. Если рубашка застёгнута, подворачивать рукава не допускается. Себ аккуратно следует этим требованиям и в повседневной гражданской жизни.

Александр: часть пятая

«— Для всех нас это удар. Я не могу комментировать ход расследования, но верю, делается всё возможное, чтобы найти убийцу. И я принял решение, что отснятые с Кевином Спенсером сцены войдут в финальный монтаж фильма. Это потребует определённых изменений сценария, но я знаю, что Кевин хотел бы этого.

— Значит, вы намерены закончить фильм?

— Пока съёмки приостановлены, но мы вернёмся к ним. Лучший способ отдать дань человеку, преданному своему делу, это закончить его дело.

— Может, лучший способ — найти убийцу?

— Каждый работает в меру своих возможностей. Полиция ищет. Я снимаю. Простите, на этом всё».

Из интервью на канале Sky News.

Съёмки пришлось свернуть. Даже если бы прогнозы Мэтта сбылись, и убийство было немедленно раскрыто, никто не допускал и мысли о том, чтобы работать на площадке, где убили Кевина. И тем более, об этом не могло идти речи, пока убийцу не нашли.

Александр физически чувствовал, как бесконечные интервью и объяснения вытягивают из него силы. От творческого запала, кипучей, деятельной энергии не осталось ни капли. По утрам его не подкидывало с постели какой-нибудь новой идеей. Напротив, он должен был, преодолевая сопротивление тела и разума, заставлять себя вставать.

По возвращении в Лондон его встретила Елена. Собственно, она прислала машину в аэропорт, и Александр был вынужден оставить багаж Мэтту и попрощаться с мечтой оказаться под горячим душем.

Елена встретила его в своём офисе на Уайтхолл. Это был просторный кабинет на третьем этаже, путь к которому перекрывала седая злая ассистентка. Однажды интерьер этого кабинета Александр почти полностью повторил в фильме — одновременно мерзко и красиво вышла сцена секса в углу, в тени, которую создавало пламя камина, под пристальным взглядом портрета молодой Елизаветы. Елена потом обещала запретить ему вообще снимать что-либо, но быстро отошла.

Войдя в кабинет, Александр по привычке бросил взгляд в тот угол, а Елена встала из-за стола и сказала ровно:

— Совершенно неудобно, — и грустно улыбнулась.

Александр покачал головой:

— Я ставил туда кожаное кресло.

— Я помню, и тем не менее мой вердикт — самая недостоверная сцена в твоей карьере, — она устало опустила веки, а потом быстро обошла стол, крепко обняла Александра за шею, заставляя согнуться, и прошептала: — Господи, как ты меня напугал.

Разжав объятия, она повернулась к нему спиной и степенно, медленным шагом вернулась на своё место. Села и властным жестом указала на кресло для посетителей. Александр кашлянул и сделал вид, что рассматривает каминную полку. Елена редко позволяла себе такую бурю эмоций, и он знал, что ей теперь неловко.

— Садись уже, — велела она.

Но вместо того, чтобы начать разговор, сложила руки перед собой на столе, поправила жемчужный браслет на запястье, выровняла стопку бумаг и несколько суетливо предложила чаю. И только когда он отказался, произнесла:

— Мне не нравится то, что произошло, и что мы узнали.

— А именно?

— Ничего.

И Александр был уверен: это не попытка скрыть от него информацию. «Ничего» значит именно «ничего».

— Ты всё понял верно. Лучшая расследовательская команда лучшего спецподразделения страны за трое суток на месте преступления не нашла ничего. Кроме того факта, что это действительно крест с твоих съёмов. И что... — она осеклась. Александр посмотрел ей в глаза, отмечая морщинки, идущие от уголков, и тяжёлые мешки, не до конца скрытые макияжем.

— И что?

— Мистер Спенсер страдал перед смертью. Не очень долго, но... его распяли живым.

Это должно было поразить Александра, но, как ни странно, почти не задело. Наверное, дело было в том, что в глубине души он уже знал об этом. Антуан на кресте в той сцене тоже был жив. Вот только вся сцена была чёртовым наркотическим бредом! В мире фильма этого не происходило на самом деле!

Он сглотнул.

Эта мысль уже посещала его, но теперь ожила снова: был ли он косвенно виновен в смерти Кевина?

— Дело не только в личности убийцы, — продолжила Елена ровным тоном, — но и в сути его преступления. Мы пока не можем понять, был ли мистер Кевин целью или случайной жертвой. И должна признаться... я очень надеюсь, что мы найдём у него непримиримых врагов, помешанных на библейских историях.

— Почему? — спросил Александр, но ещё прежде, чем короткое слово слетело с его губ, угадал ответ. — Ты ведь не допускаешь?.. — он встал, сделал несколько хаотичных шагов по кабинету и вцепился пальцами в спинку своего кресла. — Ты не можешь...

— Я рассматриваю все варианты, включая те, которые мне не нравятся, — ответила Елена, и его задел холодный спокойный тон. — И я оперирую фактами, которые пока, к сожалению, работают не на ту теорию, которая кажется мне предпочтительной.

Она тоже встала, хотя ей всё равно приходилось запрокидывать голову, чтобы разговаривать с Александром.

— Официально расследование никак тебя не касается. Этот момент с крестом не упоминается в прессе, как ты заметил, и не будет. Но я хочу попросить тебя... — её взгляд стал мягче, — подумай. Возможно, сумасшедшие фанатики есть у тебя в списке личных врагов?

— Елена, — тихо произнёс Александр, — я меня нет списка личных врагов.

По крайней мере, в этом он мог быть совершенно уверен. Максимум, кого он успел нажать, это завистников. Но едва ли простая зависть толкнёт кого-то на то, чтобы распять на кресте невинного человека.

И всё-таки, вернувшись домой, он думал о словах Елены. И на протяжении следующих недель это была единственная мысль, на которую у него хватало сил.

— ...я теперь старший детектив-инспектор. Себ, веришь, три раза отказывался. Как ребятам в глаза смотреть — не знаю.

Себ едва пригубил эля и ответил:

— Нормально смотреть. Ты Пола не подсиживал, прикрывал его задницу всё время. Твои ребята только порадуются, что у них такой честный шеф, что аж тошно.

Грег слегка улыбнулся, но не засмеялся — история с другом и бывшим начальником давила на него. И он был точно уверен, что Пола понизили в должности несправедливо. На самом деле, Себ тоже так считал, но предпочитал бы вообще эту тему не поднимать.

— Ладно, забудь, всё равно я уже согласился, — махнул рукой Грег, разглядывая почти пустой бокал. — Как сам? Как твоя дочь это всё перенесла?

— Ей лучше, — пропустив первую часть вопроса, ответил Себ. — Ясное дело, что такое не забывается и не проходит бесследно, но психолог говорит, что всё в норме.

Они трепались о каких-то общих вещах, Грег сообщил, что они с женой решили начать всё с чистого листа, забыть все ссоры и разногласия. Себ пожаловался, что тёща (бывшая, заметьте!) временами сводит его с ума, и никуда от неё не деться, — и за это всё они выпили. Обсудили проблемы переезда, государственную бюрократию, фирмы по установке пластиковых окон и тонкости выбора сантехники. За это тоже выпили.

Незапланированный и необъявленный отпуск Себа длился уже месяц.

Долбанный чёртов месяц.

Отправив его прочь из квартиры, Джим внезапно пропал. Если бы в установленный день на банковский счёт Себа не пришла зарплата вместе с премией, он всерьёз задумался бы о том, жив ли босс.

История с тем пленом закончилась ничем. И не происходило больше ничего. Джим не отдавал никаких приказов. Просыпаясь утром, Себ первым делом смотрел на телефон — ни пропущенных, ни смс. Каждый день. Он не верил в то, что Джим решил вдруг залечь на дно или увлёкся выращиванием маргариток, поэтому чувствовал себя на скамейке запасных. Здоровым — в лазарете. Казалось бы: радуйся. Деньги есть — психованного начальства нет.

Но Себ не радовался. Он чувствовал, что ржавеет минута за минутой.

Нормальный солдат не рвётся в бой без приказа. Он умеет ценить минуты (и иногда часы, дни, недели и месяцы) отдыха, тренируется, при этом всегда остаётся готовым выступить по команде.

Себ тренировался. Проводил на стрельбище на окраине Лондона по пять-шесть часов каждый день, увеличил нагрузку на железе, даже бегал, хотя и не любил этого занятия, — а внутри всё равно какой-то механизм отщёлкивал время: ещё десять минут тишины, ещё полчаса, сутки.

Встречи с Грегом по пятницам отвлекали, а когда на прошлой неделе к ним присоединились Крис и бледный, слегка как будто прибитый пыльным мешком Пол, было вообще весело.

Со Сьюзен Себ тоже проводил много времени. Они выбрали новый дом: симпатичный таунхаус на соседней улице, и обставили его так, чтобы и Сьюзен, и вернувшейся из Карлайла миссис Кейл нравилось. Сьюзен стала значительно более молчаливой, много рисовала. Вдруг в какой-то день резко оборвала Себа, когда он назвал её принцессой — но в

остальном, справлялась. Рассказывала про школу, про то, что снова стала общаться с Эммой и Джулией.

Себ получал удовольствие от их встреч, но без работы всё это казалось тусклым, ненастоящим.

— Эй, — позвал его Грег, — ты здесь, Розочка?

Себ кивнул и улыбнулся максимально радостно:

— Просто задумался. И я однажды дам тебе в зубы за «Розочку».

Грег виновато рассмеялся:

— Ладно, ладно, прости. Курсант Розочка, — против воли Себ рассмеялся вместе с ним.

Телефонный звонок раздался ранним утром. Себ уже проснулся и схватил телефон так быстро, словно от этого зависела его жизнь.

— Какая спешка, — рассмеялся Джим в трубку. — Автобус до Оксфорда отправляется с Виктории через сорок минут. Если поторопишься, успеешь на него.

Джим сбросил вызов, а Себ поспешно оделся, мгновение поколебавшись, взял винтовку и вышел из дома. До вокзала ему было пятнадцать минут пешком, поэтому он не стал садиться за руль.

Внутри разливалось непривычное чувство предвкушения. Даже не было смысла врать себе: он был охренеть как рад звонку. Потому что ещё немного, и он начал бы сходить с ума от безделья.

Автобус оказался полупустым, водитель пробил билет, и Себ устроился сзади у окна. Всё это время, больше месяца, его голова буквально распухала от размышлений и сомнений. А теперь от них не осталось и следа. Всё, что было, это спокойная сосредоточенность. Он пока не знал, что за работа его ждёт, но даже гадать не хотел. На самом деле, это и не имело значения.

Автобус, чуть покачиваясь, нёсся по автобану. Впереди сидели две девчонки-туристки и на своём языке обсуждали, видимо, планы на день. Во всяком случае, на коленях у них лежала карта, в которую они то и дело тыкали пальцами. Глядя в окно, Себ посматривал на них боковым зрением. Симпатичные. У рыжей ещё и голос был очень приятный, высокий, и смех звонкий. О чём говорят, интересно?

«Всегда мечтала посмотреть на эту церковь!», — воскликнула, например, рыженькая. Её подруга возразила: «Скукотища, давай лучше заглянем в паб!». А может, они обе решали, где найти рождественскую ярмарку.

Когда автобус остановился, впрочем, Себ сразу же забыл про девчонок. Застегнув куртку, он вышел на остановке и достал телефон. И конечно, он тут же зазвонил.

— Корнмаркет-стрит, дом один. Стеклопанельная дверь выглядит запертой, но для тебя открыто. Поднимайся на четвёртый этаж.

Через полчаса Себ оказался в небольшой пустой комнате нужного дома. Джима здесь не было, зато на подоконнике лежала гарнитура: наушник и микрофон. Надев её, Себ осторожно приоткрыл створку, не сдвигая занавеску, отошёл подальше и собрал винтовку. Стоило ему установить сошки, как в наушнике раздалось:

— Смотри прямо по Кронмарке-стрит.

Себ посмотрел в бинокль через узкую щель между занавесками. Улица была если не

людной, то, во всяком случае, и не пустынной. По ней проезжали машины, проходили люди. Вывернул из-за угла синий автобус.

— Ещё немного, — с лёгким придыханием сказал Джим. — Ратуша... сейчас возле ратуши. Буквально минута.

Себ спокойно ждал. Ратуша, видимо, была туристическим местом: туда зашла группа с экскурсоводом. Мимо прошли студенты. Появились знакомые Себу попутчицы: рыженькая и чёрненькая, всё с той же картой. Они остановились напротив ратуши, и чёрненькая замахала руками, что-то эмоционально объясняя подруге.

— Что скажешь, мой Святой Себастиан? — шепнул Джим. — Ты же их видишь? Сделай мне одолжение... выстрел в голову. Убей её выстрелом в голову.

— Кого? — спросил Себ, с удивлением осознавая, что хрипит.

— Рыжую девушку в зелёном пальто. Ты её видишь.

Конечно, видел. Он пялился на неё три с лишним часа.

— Это непрофессионально, — с трудом выговорил Себ. — В голову.

— Я так хочу, — сказал Джим.

Себ смотрел на девушек. Они не будут стоять здесь вечно. Облизнув губы, он снял предохранитель и положил палец на скобу. Но не смог нажать на крючок. Просто не смог.

«Пошло всё к чёрту», — подумал он. Джим молчал и не торопил его, а Себ не сводил взгляда с рыжей девушки. Она ведь не могла быть связана с криминалом! Зачем она вообще понадобилась Джиму?

«Пошло всё к чёрту», — повторил он мысленно. Он не собирался стрелять.

— Ты сделаешь это, Себастиан, — сказал Джим ровно.

И это уже был приказ.

Себу всегда нравилась его работа. Он любил покалывающее на кончиках пальцев чувство определённости, необходимость исполнять приказ, отданный кем-то другим. В некотором роде, каждый раз это был договор, и в армии, и позднее: тот, кто отдал приказ, не пачкает руки, а тот, кто его исполняет, сохраняет чистую совесть. Неплохой обмен, по мнению Себа.

Только вот Джиму было этого мало! Он как будто давал Себу выбор, не давил, не кричал поторопиться. Себ мог бы убрать сейчас палец со скобы, и рыжая девушка со своей чёрной подругой ушли бы.

— О, она тебе понравилась, — заметил Джим ласково, и больше ничего не добавил.

Себ продолжал следить за целью, при этом точно осознавая, что если он сейчас скажет «нет», Джим позволит ему не стрелять. А потом, в другой ситуации и на следующем задании, напомним: тот, кто сейчас умер, тоже мог спастись. Себ почти слышал его насмешливое: «В этот раз ты не сказал «нет», дорогой».

«Хер тебе», — зло подумал Себ, прицелился в голову и нажал на спусковой крючок.

Конечно, попал. Сто двадцать метров, улица, никакого ветра, он мог бы попасть с закрытыми глазами.

Потом, тяжело сглотнув, сорвал гарнитуру и хотел было отбросить в сторону, как ядовитую гадину, но всё-таки сообразил, что не стоит разбрасываться уликами. Убрал в карман. Собрал винтовку и пошёл прочь.

Ему было плевать, что происходит на улице. Приехала ли уже скорая, что делает подруга убитой. Всё, что его интересовало, это побыстрее оказаться дома.

Безделье, которое вызывало у него такое отвращение, вдруг показалось невероятно

привлекательным.

И Себ был очень рад, что Джим не позвонил ему.

Дома Себ взялся за уборку. Сменил у себя и в комнате Сьюзен постельное бельё, тщательно вымыл полы, протёр пыль на немногих обнаружившихся поверхностях. Совершенно бездумно шкафчики на кухне, отдраил ванную и очнулся, когда ставил в холодильник чистые полки. Бросил взгляд на часы и понял, что провозился с этим весь день.

В голове было гулко. Себ закрыл глаза, и тут же вспомнил смех рыженькой.

Он не убивал её. Это сделал Джим, пусть и его руками. Не будь в Оксфорде его, Джим всё равно нашёл бы кого-то, кто исполнил бы приказ.

Может, лучше бы там был кто-то другой?

«У меня был снайпер. Он сломался».

Себ переоделся, почти вылетел из дома и без разминки пустился бегом по пустой улице. Обычно он бежал медленно, рассчитывал силы, контролировал дыхание, а сейчас нёсся на пределе возможностей. Ледяной ветер швырял в лицо мелкие дождевые капли, они хлестали по коже и почти обжигали.

Дыхание пока держалось.

Из всех возможных тренировок именно бег Себ любил меньше всего, но он подходил к ситуации идеально. Надо было убежать к чертям, подальше от Фоули — вытряхнуть его из мыслей, воспоминаний.

Уйти нахер.

Надо было сделать это ещё раньше, когда он понял, что Джим Фоули — сумасшедший. Переехать со Сьюзен куда-нибудь, хоть в Австралию, хоть в Канаду. Наняться к какому-нибудь местному воротиле — нормальному мужику с дорожными часами на запястье и с женой-фотомodelью.

Силы заканчивались, а ведь ещё нужно было бежать обратно — но Себ и не думал останавливаться, только чуть-чуть сбросил скорость. Пот лился по лицу, спине и груди ручьями. Переходить на шаг нельзя — на таком ветру продует точно, и никакое железное здоровье не спасёт.

Улицы закончились — он выбежал на освещённую набережную, вспугнул стайку туристов и, совершив над собой громадное усилие, всё-таки не помчался в сторону Челси, а повернул к центру. Просто небольшой кружок — для того, чтобы разогнать кровь. Которая уже почти кипела.

Но каждый удар пульса очищал голову, вымывал оттуда дурацкие сомнения, страхи и угрызения совести.

Ничего не изменилось. Есть снайпер, есть командир. Джим проверяет его не прочность? Да и чёрт с ним. Себ не собирался убегать и проваливать эту проверку.

Да, ему жалко рыженькую. Сейчас — почти до соплей жалко. Но это не в первый раз.

Дышать было очень тяжело, лёгкие раздирали, зато на душе становилось легче. Оказавшись дома, Себ первым делом залез в горячий душ и простоял под ним рекордные пятнадцать минут, ловя кайф от тишины в голове. Никаких лишних мыслей и никаких сомнений.

Александр: часть шестая

Пробуждение началось с того, что он увидел себя в зеркале. И спросил с раздражением, даже не зная, кому адресует вопрос:

— Во что я одет?

— Костюм бренда Favourbrook, галстук от Burberry и...

— Почему я в костюме?

Моргнув несколько раз, Александр изучил весьма скверно сидящий по фигуре костюм сомнительного голубоватого отлива, поправил очки и сообразил, что у него выход в эфир через полчаса. А рядом вместо миссис Трейси вертится какая-то незнакомая девочка с рыжим каре. И ему даже называли её имя, когда говорили, что миссис Трейси уходит в декрет... После этого он отправлял открытку с пожеланием здоровья и лёгких родов.

— Мисс... — Александр напряг память, — Мэнсон, пожалуйста, принесите мне водолазку и джинсы.

— Но у нас...

— Шерон! — раздался из коридора гневный оклик, и в гримёрку влетела Кристин. — Никаких костюмов мистеру Кларку, вам не сказали?

— Не кричи на девушку, — попросил Александр, — я сам виноват...

Он даже не помнил, как одевался. Вернее, сейчас, задумавшись об этом, он прекрасно вспомнил, как надевал вещи, предложенные новенькой Шерон Мэнсон, но ему было плевать на них.

— Двадцать две минуты... — жалобно протянула Шерон. — И на камере...

— Я не поп-дива, чтобы мной любовались, — сказал он, поймав испуганный, растерянный взгляд Шерон. — Они переживут, даже если я приду в шортах и майке.

Усталость накатила новой волной, и он просто понадеялся, что Кристин вытолкнет его в студию в нужный момент.

Он как-то что-то отвечал ведущему. Улыбался, когда требовалось, кажется, даже выдал какую-то сносную шутку, во всяком случае, смеялись не только потому что зажглась табличка «Смех». Но чёткость восприятия опять понизилась, и он позволил себе плыть по течению.

Следующее пробуждение состоялось дома, в гостиной, в компании Мэтта. Тот листал комикс и насвистывал что-то себе под нос. Александр ощутил вдруг вкус апельсинового сока, тепло колючего пледа, услышал немзыкальность свиста и, чтобы прекратить его, спросил:

— Что читаешь?

— «Железный человек: друзья по-быстрому», — сообщил Мэтт, предварительно взглянув на обложку. — Ты здесь, или это автоответчик?

— Вроде бы здесь, — не совсем уверенно ответил Александр. — Как оно?

— Ты знаешь... я не читаю подписи, — Мэтт отложил комикс. Александр рассмеялся:

— В них весь смысл.

— Возражаю. Мне нравится придумывать реплики самостоятельно. Если честно, я даже не знаю, как зовут героев.

— После апрельской премьеры даже я знаю, как зовут героев твоего комикса. Не прибедняйся.

Александр потянулся до хруста в костях. Допил сок одним глотком и бросил осторожный взгляд на календарь. К счастью, ничего критичного он не показывал: всего-навсего девятнадцатое ноября. Александр неплохо знал себя, так что имел все основания опасаться, что пропустил Рождество.

Это было его проклятие с подросткового возраста. Сильный стресс, особенно наложенный на мощный творческий всплеск, буквально загонял его в это тупое, мутное, пустое состояние, в котором можно либо не думать вовсе, либо думать о том, как бы побыстрее выпрыгнуть из собственной головы.

В такие дни, недели он держался только на одном якорь, повторял раз за разом: «Это скоро пройдёт».

Раньше было хуже.

«Это уже прошло», — сказал он себе и улыбнулся.

— С возвращением, — помахал ему Мэтт. — Пара стейков, ещё стакан сока и поработать?

Господи, храни Мэтта.

Не дожидаясь ответа, тот встал и отправился на кухню, а Александр помассировал виски, ощущая, как где-то в голове начинают, пусть пока слабо, копошиться идеи. Они вернутся к работе над фильмом, это точно. Кевина придётся заменить, и Александр точно не станет искать его двойника. Он не убьёт героя на экране. Вместо этого он заменит его... так, что никто не заметит подмены до тех пор, пока она не станет совершенно очевидна. В воспоминаниях героини он изменится. Конечно, она ведь и сама сходит с ума, теряется в безумии. И он — её единственный якорь — искажается.

Перед глазами замелькали кадры. Кое-что придётся переснять, конечно. Но мелочи. Суть останется.

Худой и высокий, да, ему нужен худой и высокий актёр, но с тем же британским акцентом. Старше Кевина? Возможно. Сильнее — точно. Более эффектный, более яркий и надёжный. Тот единственный, кто может вытащить её из ада. Разные лица — один человек. И никаких инопланетных технологий в основе.

Из сладостного потока идей и образов Александра вырвал звонок в дверь. На ковре в коридоре лежал белый конверт.

Подняв его, Александр нахмурился. Во-первых, поздновато для почты. А во-вторых, на конверте не было ни подписей, ни марок.

Осторожно вскрыв его, Александр достал сложенные пополам белые слегка помятые листы. Развернул, поднял повыше, чтобы на них лучше падал свет от старой тусклой лампы в коридоре, и увидел свои собственные раскадровки. Не копии — потому что возле распечатанных схем были его собственные рукописные заметки, скетчи, стрелки и гневные восклицательные знаки.

Если честно, он даже не мог бы сказать, где они лежали до этого. Это была сцена убийства Лиззи из фильма «Слишком много свинца». Девять лет прошло, Господи помилуй!

Он судорожно вдохнул, потому что показалось, что в лёгких кончился воздух.

«Слишком много свинца», убийство возле ратуши Оксфорда, второй фильм.

Не теряя ни минуты, он кинулся обратно в гостиную, за телефоном. Елена должна была об этом знать.

— ... и ещё открытка от твоих родителей, Басти, — проворковала миссис Кейл, передавая ему картонный прямоугольник. Себ быстро пробежал глазами текст и выругался про себя.

Он забыл.

Последние два года на Рождество он домой не попадал, а до этого про открытки ему напоминала Эмили. В этом году он дважды вспоминал, что пора бы их купить, подписать и разослать, но так и не сделал этого.

В целом, все, конечно, переживут без личных поздравлений от него, но мама была бы рада получить открытку, да и соседкам Эмили их стоило бы послать — просто потому что Сьюзен дружит с их детьми.

Ну да ладно.

В этом году рождественского настроения не было в помине. И, не считая тех лет, когда на праздники он находился на службе, это было впервые. Себ любил Рождество. Сейчас, конечно, уже не так искренне, как в детстве, но для него это был праздник с приятным привкусом. И если без открыток (а особенно без необходимости их писать самому) он бы легко пережил, то вся остальная суета, праздничный ужин, последующие завтрак и обед дома у родителей, подарки, папина любимая музыка и мамин пудинг по особому рецепту — это было для него важно.

А в этом году он только по календарю видел, что послезавтра Рождество. И подарки купил почти наобум, как будто пытаюсь отделаться от этой обязанности побыстрее, и всё время чувствовал себя при этом Гринчем — кажется, выражение лица у него было похожим, и нормальные люди поглядывали на него с заметным напряжением.

Не нужно было проводить диагностику, чтобы угадать причину. Джим. Ещё никому не шёл на пользу Джим, поселившийся где-то в голове.

— Я позвала к нам Харрисов и миссис Бейкер с детьми на обед(1), — продолжила миссис Кейл (и кажется, большую часть её речи Себ пропустил, там ещё что-то было про торт и пунш), — Сьюзен будет приятно поиграть со сверстниками, Харрисы — отличные люди, а миссис Бейкер... — она вздохнула, — не надо бедняжке оставаться на Рождество одной.

Да, точно, миссис Бейкер — это та, которая развелась. И бывший муж которой умер вскоре после развода.

Миссис Кейл долго сомневалась, не поехать ли в Карлайл. Но Себ принял за неё решение остаться в Лондоне. Во-первых, Сьюзен могла пока тяжело перенести дорогу. А во-вторых, о чём Себ говорить не стал, он просто не хотел светить своей постной физиономией перед родителями — а потом отвечать на вопросы о том, что случилось и в чём дело. Миссис Кейл же в тонкостях его мимики не очень разбиралась, а для Сьюзен Себ всегда находил улыбку.

Ну, вот, праздник обсудили. Себ откинулся на спинку кресла и мысленно вычеркнул это дело из списка. А потом обнаружил, что список пуст. Он и сам был опустошён этим ожиданием, вымотан.

Может, нужно в отпуск? Отпроситься у Джима: не посадит же он его на цепь? Взять Сьюзен и рвануть с ней куда-нибудь в тепло, поплавать, понырять с аквалангом, загореть...

Или даже оставить Сюзен, съездить в одиночестве. Завести дурацкий курортный роман на неделю (только... ради всего святого, никаких полицейских, никаких умных коротко стриженных женщин с успешной карьерой, просто темпераментная фигуристая красотка). С полным осознанием пагубности процесса пить коктейли на жаре.

Да, это именно то, что нужно.

При одной мысли об отдыхе на душе становилось лучше. И сквозь марево морского пейзажа, оттенённого невнятным очертанием женского тела в купальнике, рождественские украшения в комнате показались ему значительно более привлекательными, чем пару минут назад. Встав, он поправил веточку омелы, а потом перевесил её повыше — туда, где ей и было самое место и докуда миссис Кейл просто не дотянулась.

Пообещав быть послезавтра с утра, он прихватил счета на оплату и вышел в непрекращающийся дождь. Настроение всё повышалось. Прокрутив мысленно глобус, он ткнул мысленным же пальцем — и попал в Тайланд. И, подъезжая к дому, он уже полностью спланировал свой предполагаемый отдых. Учитывая, что туристические места и экскурсии его не интересовали, этот план прекрасно подходил к любой стране, отвечающей четырём требованиям: жарко, море, никакой войны и все говорят по-английски.

Оставалось только согласовать ключевой пункт плана — даты — с Джимом, и можно брать билеты на самолёт.

Стоило ему подумать об этом, как зазвонил телефон. Себ ощутил холод внутри: босс как будто прочитал его мысли.

— Сэр?

— Себастиан... — голос Джима был почти чужим, мёртвым, слабым, с непривычным хрипом, — дом... — и гудки.

Себ сорвался с места. «Форд», кажется, ещё ни разу за свою недолгую жизнь не развивал такой скорости. Да и сам Себ ни разу так не гонял в черте города. В висках стучало, во рту стоял солоноватый привкус, а в мыслях висело одно: «Успеть!»

Что могло произойти? Идиотский бесполезный вопрос.

Но Себ не мог ехать ещё быстрее, ему нечем было занять голову, кроме как прокручивать этот вопрос.

Случилось что-то серьёзное и потенциально... опасное. Да, пусть будет просто «опасное».

Только повернув на A13, Себ понял, что не взял оружие — ни винтовку, ни даже пистолет. Просто не подумал об этом. Да и времени, если честно, не было — не делать же крюк, когда счёт может идти на минуты.

Дерьмо.

Возможно (но Себ слабо на это рассчитывал), раз уж Джим способен звонить, реальной угрозы уже нет, и отстреливаться ни от кого не придётся.

Джим мог его вообще разыграть — с него бы стало, он псих. Но разве этот розыгрыш в его стиле?

Нет.

Всю дорогу нервные мысли метались внутри черепа, но стоило Себу заглушить двигатель, как они притихли и попрятались. Выровняв дыхание, Себ снял куртку, чтобы не мешалась, вышел на улицу и сразу осмотрелся.

Ничего нового.

Тот же двор, то же бельё на верёвках, ту же мусорные баки. «Ягуар» Джима на грязной

тесной парковке сияет, словно его только сегодня отмыли. Больше никаких неподходящих машин.

Подъездная дверь открыта, как и всегда.

Уже без спешки, оглядываясь по сторонам, изучая каждый угол и каждое окно, Себ пошёл к дому.

Обычный вечер обычной многоэтажки. Где-то орут дети. Левее ругаются супруги. Мигранты. Язык незнакомый. Справа из открытого окна визжит какая-то попса.

Наверх Себ пошёл пешком — просто на всякий случай. Лестничные пролёты, похоже, уже много лет служили общественными курилками — они были завалены окурками, заплёваны и провоняли насквозь. Стены кто-то изрисовал маркерами, и ничего художественного в этих рисунках не было.

На пятом этаже Себу встретились трое курящих подростков — едва услышав шаги, они оборвали разговоры и проводили его настороженными взглядами.

Больше никого.

Дверь в квартиру Джима оказалась закрыта, но не заперта. Себ, жалея, что у него нет с собой перископа, осторожно её приоткрыл, заглянул в щёлку. И стало ясно — будь у него хоть три перископа, они оказались бы бесполезны: внутри стояла кромешная темнота.

«И получаем пулю в голову», — подумал Себ, но всё-таки открыл дверь, сразу же пригнувшись и отступая назад. Но выстрела не последовало.

Тусклый свет с лестничной клетки не сумел разогнать мрак, и Себ совершенно безнадёжно всматривался в черноту. Закрыв глаза, полагаясь на слух — и различил тяжёлое хриплое дыхание.

— Сэр.

Тишина.

— Джим!

В квартире должен быть чёртов свет! Но, учитывая её размеры, Себ мог бы ходить вдоль стен очень долго, а на это времени могло и не оставаться.

— Джим! — повторил он чуть громче, выдохнул и закрыл за собой дверь, отрезая от единственного источника света. Включил фонарик на телефоне и заскользил лучом перед собой.

Сначала он видел только хлам: книги, пустые коробки из-под конфет, пистолеты разных марок и калибров, гитара с отломанным грифом, множество бумаг, исчёрканных и исписанных, залитых чаем или кофе из пустых треснувших чашек и мятых стаканчиков. Но вот пятно света выхватило снятые ботинки. За ними — скомканные брюки. Рубашку. И на полу возле дивана Джима — в одних трусах и носках, всклокоченного, сжавшегося в комок.

— Убери! — взвизгнул он, закрываясь ладонью от света, и Себ выключил фонарик. Глаза уже немного привыкли к темноте, и он надеялся, что сможет ни на чём не споткнуться.

Шаг за шагом, носком отпихивая пистолеты и горы бумаг, раздавив пару чашек, Себ пробрался к дивану и, прислушиваясь к тяжёлому рваному дыханию, присел недалеко от Джима.

Тут нужен врач.

Разгоняя машину, Себ опасался, что ему придётся иметь дело с пулевым ранением — и, в сравнении с реальностью, это был бы вариант получше. Он знал, как оказывать первую помощь раненым из огнестрела. И понятия не имел, что нужно делать с таким Джимом.

— Джим... — повторил он, — что... в чём дело?

Снова молчание, только дыхание стало чуть громче и резче, словно он с трудом проталкивал воздух сквозь лёгкие. Казалось, что рядом сидит раненое животное.

Себ чувствовал запах пота и болезненный жар.

Тишина, нарушаемая хрипами, давила на уши. Темнота оставалась совершенно непроницаемой.

Нужно было сделать хоть что-то. Хотя бы понять, что произошло.

— Джим... пожалуйста, скажите что-нибудь? Сэр...

— Клаус, — слабо простонал Джим. — Приведите Клауса.

Бред. Какого, мать вашу, Клауса? Он застрелился собственноручно на глазах у Себа больше месяца назад!

— Клаус... — повторил Джим, и Себу показалось, что голос у него стал ещё тоньше. — Посиди здесь.

— Сэр, Клауса нет. Это я... — чуть поколебавшись, он добавил: — Себастиан. Себастиан Майлс. Вы звонили мне...

Он не знал, зачем это всё говорит, просто что-то нужно было сказать. И других идей всё равно не приходило.

— Себастиан... — прохрипел Джим, — пистолет... Да, я помню, — он издал короткий смешок, — снёс себе половину черепа... Ты видел, как он умер, Себастиан? — с шёпота Джим перескочил сразу на крик. Звук взлетел вверх и разнесся по комнате.

— Да, сэр, — не совсем уверенно произнёс Себ, — я следил.

— Хороший мальчик... Себастиан... — Джим закашлялся, — длинное имя... слишком... Tá mé tuirseach (2). Басти...

Хер с ним, пусть как хочет зовёт.

— Ты знаешь, куда стрелять, чтобы не было больно? — спросил Джим, чуть отдышавшись, тише.

— Знаю, сэр.

— Тут столько оружия... Не люблю пушки... Возьми любую и выстрели... — Себ начал смутно различать силуэт Джима — глаза адаптировались. Босс уже не сжимался в комок, а сидел, раскинув руки и запрокинув голову на диван. — Застрели меня, Святой Себастиан... — Джим надтреснуто засмеялся, — ты же знаешь, что это будет хорошо...

Себ сдавил переносицу до боли.

Почему он? Почему из всех своих подручных Джим вызвал именно его? Это было малодушно, но не хотел быть рядом во время этого приступа безумия. Он не подходил для этого. В мире ведь полно людей, которые знают, что делать и говорить, почему это должен быть именно он?

Себ медленно отпустил переносицу и уронил руку на колени. Ответ он знал. Потому что, несмотря на все проверки и постоянный вынос мозга, Джим ему доверял — как доверял, очевидно, и Клаусу.

Но с Клаусом что-то пошло не так. Он каким-то образом предал Джима, и теперь его нет.

Доверие безумного босса — нет, не такой подарок Себ просил у Санты на Рождество. Заткнув подальше разнывшуюся плаксивую девчонку внутри себя, он тихо сказал:

— Я не буду вас убивать, Джим.

«Ну же, давай! — одёрнул он сам себя. — Представь уже, что это не глава преступной

корпорации, покрывающей как минимум всю лондонскую наркоторговлю, а больной ребёнок. Даже не больной, а, например, напуганный».

Себ умел разговаривать с больными или напуганными детьми.

— Вы просто устали, Джим, — сказал он уверенно, — это пройдёт.

Джим промолчал, и Себ счёл это хорошим знаком. Не спорит — значит, слушает.

— Это всё погода, — продолжил он, выдавливая из себя по слову, — дерьмовая для декабря. Хотя лучше так, чем песок, ветер и плюс тридцать, как было у меня в прошлом году на Рождество, да?

Дыхание рядом стало чуть тише и ровнее.

— Послезавтра праздник... Вы отмечаете?

Он вспомнил, что Джим обычно носил с собой крест, так что, возможно, Рождество было хорошей темой.

— Мы пели на Рождество, — пробормотал Джим в ответ. — Плохой, ужасно плохой мальчик... — он отрывисто засмеялся, давясь каждым звуком. — Они в стоворе, ты знаешь?

— Кто?

— Господь и Санта. Если ты расстроишь Санту, то получишь уголёк. А Господь на этих углях вскипятит котёл для тебя. Они заодно, — теперь Себ с трудом разбирал слова — ирландский акцент стал почти невыносим. И если честно, Себ, уже сомневался, что ему нравится говорить с Джимом о Рождестве.

Неожиданно Джим попросил заплетающимся языком:

— Расскажи мне сказку, Басти.

— Я... — он хотел сказать, что не знает сказок, но это было бы наглым враньём. Конечно, он их знал. Множество, — вы слышали сказку про «Груффало» (3)?

Джим вместо ответа издал какой-то странный звук, но кажется, это скорее было «нет», чем «да». Себ прислонился спиной к дивану, но голову запрокинуть не мог — не под его рост оказалась конструкция. Подумал, что, по крайней мере, Джим не стал просить «Очень голодную гусеницу» (4). Сюзен какое-то время сходила по ней с ума. Прочитав её вслух девятнадцать раз подряд, Себ с пугающим удовольствием сбежал в Ирак — на два дня раньше, чем закончился отпуск.

Себастьян и Джим, художник Саша Мышь

— Кхм... — Себ прочистил горло, припоминая начало, неторопливо принялся рассказывать сказку.

«Гулял мышонок по лесу, и вдруг лиса бежит,

А у лисы, как водится, хороший аппетит.

— Пойдём со мною, маленький, в нору ко мне пойдём,

Мы сможем там отлично позавтракать вдвоём.

— Простите, тётушка Лиса, — мышонок пропищал, —

Я завтракаю с Груффало: я твёрдо обещал».

Себ плохо видел Джима, зато отлично слышал, что его дыхание становится как будто немного ровнее. Оставалось ещё вспомнить порядок действий. Хотя, кажется, Джима успокаивал не столько смысл сказки, сколько ритм. Не сбиваясь, Себ продолжил:

«— Что там ещё за груффало? Мышонок, ты о ком?

— О, это очень крупный зверь, я с ним давно знаком:

Есть у него клыки, и когти тоже есть,
И преогромнейшая пасть, а в ней зубов не счесть.

— И где же вы встречаетесь?

— Да вон у той горушки.

Он, кстати, очень любит лис. С приправой из петрушки.

— С приправой, говоришь? Ну, мне пора домой.

Прощай, мышонок! — и лиса нырнула в лес густой».

Джим довольно хмыкнул, напомнив Сьюзен — она тоже любила этот момент и улыбалась на нём даже сквозь сон.

«— Ха, глупая лиса! Не знает ничего!

Нет никакого груффало, я выдумал его.

Гулял мышонок по лесу, и вдруг сова летит,

А у совы, как водится, отменный аппетит.

— Летим со мною, лёгонький, летим ко мне в дупло,

Там стол обеденный накрыт, там сухо и тепло.

— Простите, бабушка Сова, — мышонок пропищал, -

Я пообедать с Груффало сегодня обещал».

У Себа были сомнения насчёт того, сова там следом или змея, но он решил, что это не имеет значения, и пошёл дальше к описанию Груффало:

«Ножищи, как столбы! На них когтищи в ряд!

И бородавка на носу, а в бородавке — яд!».

Джим завозился и задрожал. Остановившись, Себ помог ему перелечь на диван и, за неимением других вариантов, накинул сверху его же мятый пиджак.

— Дальше... — слабо попросил Джим, так что Себ снова сел на пол и двинулся к змее, которая тоже не желала встречаться с воображаемым другом хитрого мышонка.

«— Ха, глупая змея, не знает ничего!

Спасибо, выдумка моя, спасибо, груффа...

...Ой!

Как этот страшный зверь сумел сюда попасть?

Какие острые клыки, чудовищная пасть!

Ножищи, как столбы... на них когтищи в ряд...

И бородавка на носу, а в бородавке — яд!

Глаза горят огнём, язык черней черники,

В шипах лиловых вся спина, и вид ужасно дикий.

Ой мама, это груффало!

Оно меня понюфало!»

Себ чуть замедлился. Дыхание Джима выровнялось окончательно, и можно было надеяться, что он уснул. Себ замолчал, но тут же раздалось сонное:

— Дальше...

Господи, это похоже на какое-то сумасшедшее дежавю. Но он всё-таки послушно продолжил:

«— Еда, — воскликнул Груффало, — сама шагает в рот!

Я положу тебя на хлеб, и выйдет бутерброд,

— Меня на хлеб? Да я такой... — мышонок пропищал, —

Я самый страшный зверь лесной, я всех тут застрашал!

А ну, пошли со мною, сейчас увидишь ты,
Как от меня все звери бросаются в кусты!
— Ну что ж... ха-ха... веди! Взгляну, потехи ради.
Ты топай впереди, а я тихонько сзади».

— Сзади, — выдохнул Джим бессвязно.

«— Да это же Змея! — мышонок закричал. —

Привет, не виделись сто лет, я даже заскучал!

Змея сказала: «Мамочки! На помощь! Караул!»,

Под кучу брёвен заползла — и только хвост мелькнул».

Что там было с лисой и совой, Себ забыл. Зато он отлично помнил концовку и перешёл к ней:

«— Ну вот, — сказал мышонок, — не правда ли, теперь

Ты убедился, что в лесу я самый страшный зверь?

Но я проголодался... Эх, что ни говори,

Всего вкуснее груффало с орешками внутри!

— С орешками внутри? Да это страшный сон!

И зверь пустился наутёк, и в чаще скрылся он.

Сидит мышонок на пеньке, орешками хрустит:

Ведь он сегодня нагулял отличный аппетит».

И вот теперь Себ был почти уверен, что Джим спит. Привычно-чутким слухом он пытался уловить, не раздастся ли шевеления, но нет. И просьб продолжать тоже больше не следовало.

Выдохнув, Себ сторбился, уронил голову на колени и закрыл глаза, пытаясь снова в воображении нарисовать мягкий белый песок, океан, красивых девушек и стакан мохито.

Получалось с трудом.

Примечания:

(1) Если вы запутались, кто когда и почему приезжает в гости, то небольшая памятка.

В Британии Рождество — категорически семейный праздник. Его отмечают три дня.

24 декабря — канун Рождества. В этот день проходят рождественские службы в церкви. Вечером принято обедать в компании самых близких людей. Здесь обычно взрывают хлопушки с небольшими сувенирами. Эту часть Себ решил проигнорировать, скорее всего, потому что миссис Кейл сложно приготовить столько застолий подряд.

25 декабря — само Рождество. С утра принято открывать подарки, а потом все готовятся к рождественскому обеду. Это кульминация праздника. Он начинается в 2-3 часа пополудни (зависит от семейных традиций), собираются гости. Обед длится до позднего вечера. Как и в канун Рождества, обязательные элементы застолья — хлопушки с сувенирами, пожеланиями, бумажными коронами и прочей ерундой)) В некоторых семьях хлопушки делают сами, и тогда начинка может быть нестандартной.

26 декабря — день подарков. Нет, вы не ошиблись. Члены семьи и гости обмениваются подарками 25-го. А вот денежные подарки помощникам по хозяйству (домработнице, няне), особенно важным людям из сферы услуг (в деревнях это, например, молочник и почтальон, а в городе может быть и любимая продавщица из любимого магазина) делают именно 26-го. Традиция. В целом, третий день Рождества самый спокойный. Ходят в гости к тем, с кем не виделись в само Рождество, проводят время с семьёй.

(2) Я устал (ирл.)

(3) Очень популярная у английских детей сказка авторства Джулии Дональдсон. Здесь и далее — в переводе Марины Бородицкой.

(4) Ещё одна популярная сказка, автор — Эрик Карл.

Себ не спал, скорее, провалился в дремоту. Тело затекло, глаза закрывались сами собой, но сознание продолжало бодрствовать и фиксировать каждый шорох.

Внутренние часы сбились. В квартире Джима, похоже, был полный блэкаут, не различались даже очертания окон. О тусклом свете уличных фонарей и говорить нечего.

Можно было достать телефон, но тогда пришлось бы сбросить оцепенение — этого делать не хотелось. За это ощущение покалывающей немоты Себ держался как за спасательный круг: это была единственная связь с реальностью.

Себ много раз думал, что его босс — сумасшедший, но всякий раз это была скорее характеристика его эксцентричных поступков, манер и странного образа мыслей, а не что-то вроде диагноза. Чёрт, Джим был слишком умён, чтобы быть настоящим психом. Но этот приступ... Стоило подумать о нём, как перед глазами вставала жалкая картина, которую выхватил из темноты луч света. Джим напоминал загнанное в угол раненое животное.

А потом просил его убить.

Где-то в глубине души Себ хотел это сделать.

После Клауса, после рыжей девочки — особенно.

«Ты же знаешь, что это будет хорошо», — так сказал сам Джим.

И всё-таки Себ даже не взглянул на разбросанное по комнате оружие. Сидел рядом, рассказывал идиотскую сказку, болтал о какой-то чепухе и почти мечтал, чтобы слабый надорванный голос сменился обычным: высоким, насмешливым. Чтобы Джим рассмеялся и сказал: «Попался, Себастиан». Лучше было стать жертвой тупого розыгрыша, чем видеть Джима... каким? Поломанным? Слабым?

Рядом раздался едва слышный скрип. Шуршание. Рука поскребла по дивану. Щёлкнула кнопка пульта — и темнота начала рассеиваться: шторы поднимались вверх, впуская предрассветный сумрак.

Себ метнул взгляд на Джима. Он выглядел вымотанным и очень нормальным, разве что глаза покраснели и опухли. Можно было легко решить, что он с похмелья.

— О, привет, дорогой, — чуть хрипло, но весьма знакомо пропел Джим, поднялся с пола, повёл тощими плечами и оглянулся на Себа, как будто ожидал каких-то комментариев или вопросов.

— Сэр, — ответил Себ, поднимаясь. Болтать желания не было никакого: он прекрасно знал, что зло остаётся самим собой хоть в дорогом костюме, хоть в мятых трусах. Стоило распрямиться, как по позвоночнику что-то прострелило, и Себ мысленно поставил печать и подпись под приговором: «старость».

Джим хохотнул и пошёл куда-то вглубь гигантской комнаты, дошёл до стены, нажал на неё — и скрылся за потайной дверью.

Себ медленно выдохнул, немного размялся, разогнал кровь — и понял, что надо уходить. Причём побыстрее, пока Джим, уже пришедший в себя и, если можно так сказать, протрезвевший, не вернулся и не решил выместить раздражение на свидетеле своей слабости.

Быстро осмотревшись, Себ нашёл на полу относительно чистый лист бумаги (без записей, только с кофейными пятнами), шариковую ручку и, пристроившись на диване, накорябал: «Прошу предоставить мне отпуск на две недели с 26 декабря. Себастиан Майлс».

Он устроил свою записку поверх ноутбука и понадеялся, что Джим не вышвырнет её на пол, не читая.

Прислушался. Отличная звукоизоляция: принимал ли Джим душ или резал за стеной младенцев, слышно этого не было.

Убедившись, что ничего не вывалилось у него из карманов и не осталось на полу, да и вообще, кроме заявления на отпуск, никаких следов его пребывания в квартире нет, Себ быстро вышел на лестничную клетку, сбежал вниз и выдохнул, оказавшись в машине.

Стоило ему захлопнуть дверцу, как странное оцепенение полностью отпустило: вдруг стало понятно, что хочется спать, ещё больше — есть, а сегодня канун Рождества, завтра праздник, за которым, возможно, последует отпуск...

Толком не понимая, в чём дело, Себ однако чувствовал, что его потряхивает, словно он только что выбрался из смертельно-опасной заварушки, выжил, пройдя по самому краю.

Хотя нет. Совсем другое чувство.

Себу было, с чем сравнивать. Да, дрожь похожа, но к ней добавлялся ещё непривычный, чуть сладковатый привкус во рту, лёгкая ломота в теле, шальная весёлость... Нет, это не страх солдата, выжившего после бомбардировки. Скорее уж страх ребёнка, вышедшего из кинотеатра после ужастика. С маленькой поправкой на то, что Джим был реально опасным. Но они играли на одной стороне.

Себ завёл мотор и неспешно повёл машину по совершенно пустым дорогам. Включил радио, попал на совершенно не подходящую под настроение «Песню тишины» — и поленился переключать, пропуская звуки и смыслы мимо ушей.

У него был отличный план: завтрак в какой-нибудь ранней кафешке, дома контрастный душ, а потом крепкий сон.

И он был чертовски удивлён, когда ничто этому плану не помешало.

Он проснулся под вечер, перекатился на другую сторону кровати, успел подумать, что в Карлайле сейчас родители садятся за стол и взрывают первые хлопушки, и заснул снова, уткнувшись лицом в мягкую подушку.

Внутренний будильник сработал в шесть тридцать, Себ резко сел на кровати, посмотрел на телефон, выругался, осознав, что действительно проспал почти сутки — и улыбнулся.

Кажется, это было именно то, что требовалось. Он чувствовал себя бодрым и полным энергии: от мрачных мыслей, апатии и слабости не осталось даже намёка, история с Джимом и тёмной комнатой как будто подтёрлась в памяти и потускнела, зато мысль о празднике и о том, как Сьюзен отреагирует на подарок, сделалась особенно яркой.

Он приехал к миссис Кейл к девяти — и едва сдержал стон наслаждения, когда оказался в прихожей, наполненной запахом жареного бекона и яиц.

— Папа! — тут же раздалось сверху, и Себ подхватил Сьюзен на руки. — Ну, пусть, я не маленькая! — тут же возмутилась она, и, оказавшись ногами на полу, важно сказала: — С Рождеством! — и прибавила довольно: — Я открыла первый подарок, но бабушка сказала, с остальным нужно подождать тебя! Пошли... Там твой подарок тоже есть!

Сью схватила Себа за руку и потянула в столовую, к развешенным над диваном разноцветным носкам. Один уже и правда был пустым, а на диване лежала коробка шоколадных мишек. Миссис Кейл в домашнем бордовом костюме и в фартуке суежилась у стола, и Себу не показалось, что она выглядит счастливой. Но стоило ей увидеть Сьюзен, как она тут же заулыбалась, за что Себ ей был благодарен.

— Басти, дорогой, с Рождеством! — она поставила блюдо с беконом на стол, подошла

и обняла его. Себ торопливо ответил на объятие и поздравление и протянул ей заготовленный подарок:

— Простите, что не в носке. Подумал, не стоит забираться ночью в дом.

— Забираться? — тут же наострила уши Сьюзен. — Зачем?

— Да вот, думал подловить Санту, — фыркнул Себ, — но проспал. Представляешь?

— Пап... — Сьюзен посмотрела на него очень внимательно, — ты ведь знаешь, что про Санту просто так принято говорить? На самом деле, он выдуманный.

Вот так номер. А когда они встречали Рождество вместе в прошлый раз, Сью верила в Санту безоговорочно. Правда, это было два года назад.

— Чушь, — объявил он, — я в него верю.

Сью закатила глаза:

— Ты как маленький, — и Себ, не выдержав, рассмеялся. Сью полезла за следующим носком, а миссис Кейл сзади издала странный звук. Себ обернулся и успел увидеть, что она стирает краем фартука слезы. Подошёл к ней поближе, наклонился, как будто помогал раскладывать бекон.

— Прости, Басти... — прошептала она, гремя тарелками, — она так похожа на Эмили сейчас.

— Тш-ш... — Себ дотронулся до её руки, — это ведь хорошо.

— К... Конечно. Пойду принесу чай, — она попыталась улыбнуться, — и сядем завтракать. А Сьюзен покажет тебе подарок.

— Пап, иди сюда! — позвала Сьюзен, и Себ подошёл к ней, сел на диван. Сьюзен пристроилась рядом и показала куклу в яркой коробке. — Это от бабушки.

— Выглядит мило, — сказал Себ, беря коробку в руки, — у неё уже есть имя?

— Нет, — ответила Сьюзен, — вообще-то я уже не играю в куклы, но бабушка хотела как лучше. Я сошью ей платье и посажу на полку, — она забрала куклу обратно, положила в коробку с мишками и полезла за следующим носком. В этих действиях была забавная методичность: Сью не стремилась тут же открывать подарки, она собирала их рядом, изучала, а потом уже принималась распаковывать. Кажется, в свои два года она делала ровно точно так же.

— Вау! Клёво... — раздалось со спинки дивана, и Себ тут же напомним:

— Следи за языком! — впрочем, не особо строго.

— Ну, здо-орово, я хотела сказать, — она опять спустилась вниз, и Себ увидел у неё в руках свой подарок — мобильный телефон. Сью прищурилась и угадала: — Это от тебя, да?

— Угу, — кивнул Себ — и мгновенно получил новую порцию объятий, на этот раз не приветственный, а радостно-благодарственных.

— Спасибо! Я теперь смогу тебе звонить, когда захочу, да? Без разрешения бабушки?

— Не в четыре утра, пожалуйста, но в целом — да. Я уже добавил туда свой номер, у меня есть твой, так что...

— Вау... — повторила Сьюзен и прижала упаковку к груди. Бросила взгляд на уже найденный подарок. Потом на оставшиеся носки. Кажется, её разрывали два противоположных желания: по-прежнему придерживаться своей системы, с одной стороны, и открыть телефон, с другой. Система победила, Сью с большой неохотой положила коробку к остальным, опять забралась на спинку дивана и объявила оттуда:

— Это тебе!

Себ перевернулся, встал на диван коленями и забрал у Сьюзен полосатый носок.

— Хм... — протянул, — ты уверена, что это не Санта?

— Это я! — упрямо ответила Сью, и Себ с преувеличенной осторожностью заглянул в носок.

— Ладно... посмотрим...

— Вообще-то, это не только мой подарок, мне бабушка немного помогла, — честно призналась Сьюзен, — и ещё няня. Но я накопила на обложку сама. И всё рисовала тоже.

В носке лежала кожаная обложка, как для паспорта. Вытащив её, Себ понял, что это маленький альбом. Открыл.

Внутри были аккуратно вшиты листы плотного белого картона, разрисованные и обклеенные вырезками из фотографий. На первом листе фотография была одна: он сам держал на руках Сьюзен, которой было, похоже, года четыре. Он не помнил эту фотографию, кроме того, большая часть фона оказалась обрезанной. Вокруг фотографии явно рукой Сьюзен была нарисована цветная рамочка, а сверху шла подпись: «Любимому папочке». А снизу, зеркально: «С Рождеством».

На второй странице фотографий было две: первая снова совместная, с позапрошлого Рождества, а на второй — одна Сьюзен с пышном розовом платье что-то танцует. Видимо, из школы.

Себ листал маленький альбом, смотрел на выполненные с огромным старанием рисунки и подписи, и чувствовал, что у него не находится слов. Зато в глазах горело и щипало.

— Бабушка сказала, что раз ты часто уезжаешь, ты тоже скучаешь, — между тем, пояснила Сьюзен без малейшей неловкости, — я когда скучаю, смотрю на твою фотографию. А тут даже лучше, фотографий сразу много. Бабушка помогла купить обложку. Но я сама накопила деньги, — прижавшись к его боку, Сью ткнула пальцем в корешок, — а няня помогала вырезать фотографии, чтобы было ровно. Пап... тебе нравится?

Себ кивнул и порывисто обнял Сьюзен, прижимаясь губами к светлой макушке.

— Очень, — прошептал он, — это лучший подарок. Спасибо, дорогая.

Сью высвободилась из объятий и довольно улыбнулась, а потом, с видом человека, выполнившего свой долг, вернулась к подаркам: основное, конечно, она уже нашла, но в носках оставалось немало конфет и приятных мелочей. Себ продолжал разглядывать маленький альбомчик, и только перелистав его, наверное, в десятый раз, он сумел встать, выйти в прихожую и убрать его во внутренний карман куртки. А заодно вытер влажные глаза, радуясь, что Сью пока таких мелочей не замечает, а миссис Кейл всё ещё возится с чаем.

Гости подошли к трём.

К этому времени Сьюзен уже успела изучить свои подарки, поплакать, думая о том, что подарила бы мама и как бы они встречали Рождество вместе с ней, успокоиться и заняться новым телефоном.

Миссис Кейл, взбодрившаяся хотя бы внешне, переделалась в зелёное платье, надела украшения, снова накрыла на стол и вышла на крыльцо.

А Себ устроился в глубоком кресле с чашкой чая и печеньем и наслаждался минутами покоя. Конечно, когда гости зайдут в дом, придётся вставать и участвовать в беседе, но пока ему было хорошо: Сьюзен сидела рядом, в пределах видимости, чай был свежим, крепким и

вкусным, а печенье — хрустящим и ещё тёплым.

— Пап... — протянула Сьюзен со своего места, — пап, можно я что-то спрошу?

— Конечно, — отозвался Себ и обернулся к ней. Она поджала под себя ноги, обхватила руками худые острые коленки и смотрела куда-то в пол.

— Ты меня любишь? — спросила она быстро.

Себ чуть не поперхнулся чаем, встретился с дочерью взглядом и понял, что вопрос задан не для того, чтобы напроситься на ласку, а серьёзно. И кажется, Сьюзен долго собиралась с силами, чтобы его задать, и выпалила сразу, как только нашла достаточно смелости. Поэтому, вместо встречного вопроса, который крутился на языке, Себ честно ответил:

— Люблю. Больше всех в мире.

На лице Сьюзен расцвела улыбка — кажется, только что своим ответом он разрешил какой-то внутренний конфликт.

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто... — уклончиво ответила Сью, снова утыкаясь в телефон. Себ прислушался: посторонних в доме пока не было, значит, пара минут в запасе у него имелась. Он отставил на подлокотник чашку и блюдце с печеньем, пересел к Сьюзен на диван, взял её за подбородок и поднял голову так, чтобы она была вынуждена смотреть ему в глаза.

— Откуда идея, что я могу не любить тебя? — спросил он тихо, но настойчиво. Ему было важно понять: либо он сам сделал что-то не так, либо кто-то что-то не то сказал.

Сью попыталась высвободиться, но не слишком настойчиво: отлично знала, что этот номер не пройдёт. Вздохнула.

— Джулия так говорит.

Джулия Харрис, значит? Кажется, она не первый раз говорит какую-то ерунду, в которую Сьюзен верит.

— Вот как, — заметил он задумчиво, — а ей это с чего пришло в голову? — он отпустил подбородок Сьюзен, но она и сама не опускала голову. Себ вглядывался в её большие голубые глаза, удивительно похожие на его собственные, только обрамлённые пушистыми тёмными ресницами, и пытался угадать её мысли.

— Она говорит... — Сью потянула палец в рот и прикусила ноготь, — раз ты со мной не живёшь...

Себ мягким движением отнял её руку ото рта и мысленно сосчитал до пяти, задерживая дыхание. Потом обратно. Нет, он всегда знал, что чем старше Сьюзен будет становиться, тем более сложные вопросы у неё будут появляться, и тем острее будут проблемы. Но всё равно каждый вопрос подобного рода ставил его в тупик. Заглядывать в будущее и вовсе было страшно: ведь там, ко всем возможным обидам, к недопониманию, страхам и сомнениям добавится подростковая замкнутость. И Сьюзен уже не будет так открыто признаваться в том, что её тревожит.

— Если честно, сейчас не лучшее время для этого обсуждения, — сказал он откровенно, — но раз пока гостей нет... Давай попробуем поговорить.

«Видишь ли, я предпочитаю иметь собственный дом, потому что у меня есть сейф с оружием, от которого тебе надо держаться подальше, а ещё иногда мне после работы мерзко от самого себя, и тебе не нужно об этом знать. И, знаешь, время от времени я вожу домой посторонних женщин», — он закончил мысленную тираду и попытался извлечь из неё хотя бы что-то, доступное для понимания Сьюзен. Не сумел.

— Это трудно объяснить, да? — спросила Сьюзен, повторяя его любимую в подобных

ситуациях фразу.

— Очень... — признался Себ, — пытаюсь ответить так, чтобы ты поняла.

— Я не маленькая, я пойму! — фыркнула она недовольно, а Себ ткнул её пальцем в нос, заставив замотать головой и засмеяться.

— Пока маленькая, — вынес он вердикт, — но умная. Но мне нужно найти способ объяснить тебе это так, чтобы ты поняла.

Сью скривилась, не слишком-то довольная таким компромиссом, но Себ не дал ей возразить:

— Ещё поспорим, и я вообще не успею ничего сказать, потому что придут гости.

— Ладно...

— Дело в моей работе, — наконец, решился он, — ты в школу ходишь по расписанию. А я на работу — в любое время дня и ночи. Мне могут звонить, когда все спят. Иногда приходят в гости — тоже поздно. Для тебя и для бабушки это будет очень тяжело, вы не будете нормально высыпаться, а я буду переживать, что мешаю вам.

Интересно, это вообще понятно вышло?

— Поэтому я не живу вместе с вами. Мне нужен отдельный дом. Но это никак не мешает мне любить тебя, — видимо, всё-таки понятно, потому что Сьюзен явно расслабилась, перестав пытаться погрызть ногти, и подскочила:

— Пришли, слышишь?

Себ слышал: и голоса, и шаги, и хлопанье дверей, и приветственные восклицания, и детский смех.

Сьюзен кинулась в коридор — встречать друзей, а Себ посмотрел на кресло и остывший чай, но без сожаления. Этот разговор стоил любого отдыха. А потом всё-таки закинул в рот недоеденную половинку печенья, прожевал — и тоже пошёл встречать прибывших.

Александр: седьмая часть

Если бы они не сидели в строгом, холодном, официальном кабинете Елены, буквально высасывающем все эмоции, Александр не был бы уверен, что сможет сдержаться. Слезы стояли в горле, душили. Руки ходили ходуном, пока он просматривал фотографии одну за другой.

Это было то самое место, которое он выбрал для съёмок девять лет назад, и оно совершенно не изменилось. И та самая картина: рыжая девушка с простреленной головой, её черноволосая подруга, в отчаянии упавшая на колени возле тела.

Позднее Александру рассказали, что он допустил ошибку в этой сцене. Снайпер, настоящий, профессиональный снайпер, каким представал главный герой, не стал бы стрелять в голову — слишком велик шанс промахнуться, голова находится в движении, и убрать её с траектории полёта пули куда проще, чем весь корпус. Поэтому профессионалы предпочитают стрелять в сердце, а в голову добивать, если нужно. В общем, вышла красивая, тяжёлая бессмыслица.

Теперь она ожила.

И нашёлся где-то профессиональный снайпер, который сделал этот выстрел в голову, точно повторяя сцену из фильма.

— По крайней мере, — заметила Елена после долгого молчания, за время которого Александр трижды просмотрел снимки и как минимум дважды сумел сдержать рыдания, — теперь мы точно знаем мотив. Можно прекращать изучать биографию мистера Спенсера и искать его несуществующих врагов. Этот эпизод... — она сцепила пальцы в замок, — очевидно показывает, что преступник старается задеть именно тебя.

Конечно, Александр и сам это понял. Ещё даже раньше, чем увидел фотографии, с первого взгляда на раскадровки. Но одно дело — понимать что-то, и другое — слышать, как эту мысль озвучивает человек, подобный Елене, который не ошибается и не болтает попусту. Казалось, каждым словом она делала кошмар реальностью, абсолютно неотвратимой и неизбежной.

— К сожалению, — продолжила Елена спокойно, — у нас по-прежнему нет ничего, что могло бы помочь в расследовании. По моей личной просьбе это дело курирует непосредственно глава Агентства по борьбе с серьёзной организованной преступностью, привлечены эксперты из Скотланд-Ярда... — в её голосе слышалось очень отчётливое «но», и конечно, оно было озвучено: — Пока это не помогает. Мы по-прежнему не знаем, ни кто совершил уже два убийства, ни зачем. Александр, — она посмотрела на него очень пристально, даже колюче, — ты никого не вспомнил?

Никого.

Он думал об этом, перебирал знакомых, но ничего не приходило ему в голову. Господи, это всё было полнейшей бессмыслицей. Впрочем, убийцей мог быть и не знакомый, а сумасшедший ненавистник. Александр никогда не причислял себя к числу публичных людей, и уж конечно, он не был тем, кого обожала толпа. Но он всё-таки был известным режиссёром. Поклонники его творчества говорили на десятках языков, а фильмы приносили впечатляющие сборы в кинотеатрах. Какой-нибудь безумец мог возненавидеть Александра, не зная его.

— Я не удивлена, — продолжила Елена чуть мягче. — Аналитики почти убеждены, что

это дело рук маньяка, для которого твои фильмы стали идеей фикс. Но я должна была спросить. Александр?

Он засмотрелся на игру пламени в камине, и не без труда сумел снова сфокусироваться на сестре. Поднявшись, она подошла к нему, протянула руку, сжала его пальцы и спросила: — Ты как?

Он ответил честно:

— Плохо. Очень. Это всё не укладывается в голове.

В глазах Елены засветилась жалость. И нежность. Он улыбнулся, пусть через силу, и сказал:

— Но я справлюсь. Мэтт не даст мне хандрить, ты знаешь.

— Я тоже. Все мы. Приедешь завтра?

Вообще-то он не очень хотел. Волновать родителей этим кошмаром не стоило, а притвориться, что всё в порядке, будет сложно. Будучи отличным режиссёром, Александр при этом родился без капли актёрского таланта.

— Не переживай, — угадала Елена, — на тебя даже внимания не обратят, все будут заняты моим гостем.

— Вот как?

Эта новость даже заставила его ненадолго отвлечься от мрачных размышлений.

— Особенный гость?

— Не слишком особенный, — разбила его надежды Елена. — Так, просто любопытный.

— Что случилось с прошлым?

Она пожала плечами и отошла к камину. Александр мог и не спрашивать: то же, что и с предыдущими... пятерыми? кажется, да, но он сбивался со счёта. Привлекая Елену своей строгостью, чопорностью и занудностью, спустя полгода-год они начинали утомлять её всё теми же качествами. И оставалось только надеяться, что новый особенный гость хоть немного отличается от своих предшественников.

Оказалось, что нет.

Дэвид Блинч был близнецом всех предыдущих спутников Елены. То есть он был высоким, немного сутулился, носил костюм от «Хантсмана», зачёсывал волосы назад, гладко брился и улыбался, не показывая зубы. Все мужчины Елены были блестяще воспитаны, кое-как образованы, одевались в старейших ателье Лондона, вращались в высших кругах и представляли из себя полный ноль.

Александр предпочёл бы как можно дольше наблюдать за ним со стороны, но мама не дала такой возможности, каменной хваткой вцепившись в предплечье Александра и подтащив его к гостю со словами:

— Давай я вас познакомлю. Дэвид Блинч. Дэвид, это мой старший сын, Александр. Впрочем, полагаю, вы о нём слышали.

— Большой поклонник вашего творчества, — заулыбался Блинч, отвечая на рукопожатие очень мягко и робко, как будто боялся, что ему могут поломать пальцы. — «Жертва нового бога» — шедевр. Я смотрел её трижды!

— Польщён, — отозвался Александр, а Блинч продолжил:

— То, что вы делаете... Так и надо. Встряхнуть наше общество, показать настоящее

зло!

— Рад, что вам нравится, — дипломатично ответил Александр, чувствуя, что не готов объяснять свои фильмы человеку, который не понял «Жертву», посмотрев её трижды. — Мистер Блинч, позвольте представить вам моего друга Мэттью Фишера.

Это повторялось, опять же, далеко не первый раз. Мэтта смерили холодным взглядом, но всё-таки поприветствовали.

— Чудесные ботинки, — подмигнул Блинчу Мэтт. — Обожаю коричневый.

Блинч, смешавшись, отошёл к отцу и Елене, а Мэтт спросил с какой-то обречённостью в голосе:

— У неё есть станок, где она их печатает?

— Я ставлю на клонирование. Где-то в подвале сидит в кандалах несчастный нулевой Блинч, — предположил Александр.

Он знал, почему Мэтт так тяжело воспринимает каждое новое знакомство подобного рода. Как знал и то, зачем друг раз за разом принимает приглашение на эти семейные субботние обеды, ненавидя при этом необходимость сидеть за длинными сервированным столом в тёмной гостиной и отвечать на острые вопросы леди Кларк.

Она как раз отпустила Блинча к Елене, обернулась к Мэтту и спросила, сведя к переносице тонкие тёмные брови:

— Вы что-то бледный, Мэттью, не заболели?

— Нет, — пробормотал Мэтт, явно поборов желание отойти за спину Александра, — спасибо, леди Кларк, всё отлично.

Она покачала головой и перевела взгляд на Александра. Её лоб разгладился, на губах появилась нежная улыбка.

— Ты тоже выглядишь уставшим, дорогой.

— Всё хорошо, мамочка, — ответил он и сменил тему побыстрее: — Как тебе наш гость? Елена, кажется, довольна.

— Напыщенный болван, — припечатала она. — Впрочем, мне важнее, чтобы он нравился Елене.

«И чтобы отец увёл его куда-нибудь сразу после обеда, избавив всех от этого утомительного общества», — осталось несказанным, но Александр отлично умел читать мамины взгляды.

Закончив короткий разговор, он отошёл к окну. Он любил этот дом, особняк восемнадцатого века севернее Лондона, мрачный, как все старые особняки, холодный и наполовину закрытый. Обычно он чувствовал себя здесь спокойно, как будто за каменные стены не могло проникнуть ничего лишнего извне. Но сейчас не удавалось освободить голову от мыслей об убийце. И в вечнозелёной живой изгороди ему чудились чужие тени.

Крепкая рука друга легла на плечо. Не оборачиваясь, Александр проговорил тихо:

— Не надо было сегодня приезжать. Та сцена с фотографии не выходит из головы.

— Эй, всё будет хорошо. Елена найдёт ублюдка. Вот увидишь.

Ничто в мире не могло поколебать веру Мэтта в Елену. Александр хмыкнул — он, конечно, тоже восхищался сестрой, но хотя бы знал, что она человек, способный решить далеко не все проблемы в мире.

— Давай, нас ждёт обеденная пытка, а потом твой отец покажет какой-то потрясающий экземпляр в коллекции. Улыбку? Молодец.

Глава 22

Новый год Себ встречал, развалившись в шезлонге на пляже, задумчиво созерцая неполную луну над Сиамским заливом и похрустывая жирными жареными в масле креветками с ближайшего лотка. На пляже, конечно, былолюдно — и помимо него хватало туристов. В основном — влюблённые парочки или шумные многонациональные компании молодёжи. Разнообразие языков и полная бессмыслица выкриков успокаивающе встраивались в общий фон, сливались с шорохом волн и превращались в белый шум. За сегодняшний день со своего шезлонга Себ встал, наверное, раз пять, в общей сложности. Ему совершенно не хотелось шевелиться, даже плавать. И он не собирался себя насилловать. Даже если окажется, что он пролежит в этом шезлонге весь отпуск — это будет хорошо. Тем более, что пока его фантазия исполнялась процентов на семьдесят, а это, знаете ли, очень высокий показатель. В турагентстве он ткнул пальцем в первый попавшийся тайский остров, а потом, в буклете — в первое приглянувшееся бунгало. Проигнорировал слова доброжелательной девушки о том, что, если вылететь второго января, можно отлично сэкономить. Заплатил за билеты и внёс предоплату за домик. И через какие-нибудь сутки сборов, перелёта, изматывающего переезда и шатания на пароме уже сажился за руль арендованного байка. Британия, домашние дела, семейные обязательства, а главное, Джим — всё осталось позади. Едва байк завёлся, Себ ощутил подзабытое чувство полной свободы. Вокруг пахло подтухшей рыбой из соусов, переспелыми фруктами, острыми густыми специями, жгущими ноздри, и влажной жарой. Куртку пришлось сразу же перевязать на пояс, подставляя руки и шею солнцу, которое немедленно принялось возобновлять его армейский загар. Чистейшее голубое небо резало непривычные глаза, по телу лились струи пота, местные безумцы на дорогах отчаянно пытались покончить жизнь самоубийством самыми невероятными способами, и всё это Себу отчаянно нравилось. Каждый километр пути, каждый крутой поворот по раздолбанному асфальту приближали его к заливу. И когда, наконец, Себ вырулил на широкую улицу до пляжа, его сердце застучало быстрее. Он всё-таки нашёл в себе силу воли для того, чтобы заехать в бунгало, окончательно расплатиться с крепким бодрым старичком-хозяином, скинуть вещи на огромную кровать, застеленную белоснежным бельём, стянуть одежду и надеть плавки. Зато, выполнив этот чрезмерно длинный список дел, Себ спустился на пляж, прошлёпал босыми ногами по белому горячему песку и буквально упал в воду. Время было чуть за полдень, кроме него почти не нашлось желающих обгореть на солнцепёке, и он то нырял, то, раскинувшись звездой, лежал на слабых волнах, чувствуя, как они уносят к чёртям все переживания. Завтра, конечно, появятся другие — если не солнечный удар, то сгоревшая кожа точно. Но Себа это мало волновало. Сейчас его интересовали только мелкие чёрные рыбки, которые стайками кружили вокруг камней на дне, большая пёстрая раковина и редкие паутинки водорослей. И два почти прозрачных белых облачка в бездонном небе. Разумеется, он обгорел — не слишком болезненно, но до заметной красноты. И именно поэтому Новый год и весь день до него предпочёл провести в шезлонге под зонтом, с видом на океан, местной едой и холодными коктейлями. Отличий от фантазий было всего два: пока не нашлось девушки для курортного романа, а пил он не мохито, а пина-коладу, приготовленную в целом кокосе. Но в целом — какая разница? Он не взял с собой на пляж ни телефон, ни часы, поэтому о наступлении полночи узнал по воплям вокруг и по бесконечному, повторённому на

множестве языков, но отлично узнаваемому без всякого перевода: «Счастливого Нового года!» Себ, подчиняясь общим порывом, отсалютовал луне половиной коктейля, сделал глоток — и тут же встретился взглядом с девушкой, вынырнувшей из тёмной воды. Кажется, она решила, что поднимал бокал он, заметив её. Она чуть улыбнулась — и сразу же отвернулась. Медленно вышла из воды, подчёркнуто глядя в другую сторону и не замечая Себа. Длинные волосы, слава богу. Какого цвета — не разобрать, но значения это не имело. Себ медленно проводил её взглядом, пока она шла по песку к своим подружкам. Ночь мешала различать цвета, но ничуть не препятствовала изучению форм. «Давай, повернись», — подумал Себ, спускаясь взглядом с округлых, но не излишне крупных бёдер на колени и изящные лодыжки, а потом поднимаясь вверх тем же маршрутом. Подружки уже махали ей, она отвечала. Неужели момент упущен? «Ну, давай!», — подбодрил он её, и, словно услышав его мысли, девушка обернулась, нашла его взглядом, хмыкнула и тут же отвернулась к подругам. Себ допил свою пина-коладу, пристроил кокос в песке, размял шею и поймал себя на мысли о том, что вставать лень. Улыбаться, выдавать дежурные шутки, брать за руку, дурачиться в море — лень ещё больше. Мысленно выругался. Решительно поднялся из шезлонга и потянулся. Отчётливо подумал: «На кой чёрт оно мне сдалось?» — и, задавив это сомнение в зародыше, снова повернулся к девушке и её подругам. Улыбнулся. Она опять смотрела на него, теперь уже с гораздо большим вниманием, которое однозначно было хорошим знаком. Больше всего на свете сейчас Себ не хотел рисковать и вместо курортного романа на две недели случайно вляпаться в отношения с отличной женщиной. Ему пока Джоан хватило, спасибо большое, повторения как-то не хочется. Поэтому то, что незнакомая пока девушка уделила больше внимания его телу, а не лицу, он воспринял сугубо положительно. В конце концов, на роже у него всё равно ничего интересного нет, а фигура — вполне ничего. Подруги девушки захохотали, а она сама быстро отвернулась. Что-то сказала, энергично взмахнув рукой, и Себ тут же оказался под прицелом пристальных взглядов остальных. Собственно, четверо её подруг тоже были симпатичными, но Себ не любил неопределённости. Он приглядел эту — так что остальные не вызывали никакого интереса. Он ответил на их оценивающие взгляды улыбкой, прокручивая в голове возможный диалог, как будто следил за ними из укрытия и развлекал сам себя. «Мне показалось, или он на меня смотрит? Проверьте, девочки», — так они говорят между собой? «Точно смотрит. Вроде нормальный», — и смех. Себ не был большим специалистом по придумыванию женских разговоров — слишком редко оказывался в обществе таких вот смешливых подружек. Но ему было плевать на достоверность. Как минимум, он видел, что они не раздражены его вниманием. Наладив с одной из подруг уверенный зрительный контакт, Себ поднял свой пустой кокос из-под коктейля, показывая, и кивнул на палатку с напитками. Подруга — кстати, смуглая и темноволосая (итальянка? испанка?) — быстро о чём-то спросила остальных, показала два пальца и сложила ладони в молитвенном жесте. Себ взял под козырёк — и вскоре уже подошёл к группе с тремя стаканами. — Жестами не так-то легко было сообщить, что это пина-колада, надеюсь, вас устроит, — сказал он, позволяя итальянке (или испанке) забрать у него кокоса и освободить руки. — Идеально, ты прочитал мои мысли! — сообщила она с сильным заметным акцентом. Всё-таки испанка. Девушки по очереди представились, но Себ позволил себе пропустить их имена мимо ушей, пока очередь не дошла до той, которая его интересовала. — Это Аннет, — объявила испанка. Она передала ей коктейль, и Аннет сзялась за него обеими руками. Где-то рядом захлопали петарды. Себ коснулся чокнулся с Аннет кокосом как стаканом, заставив тихо

засмеяться, и пригляделся. Вблизи она оказалась очень симпатичной. Волосы начали подсыхать, и стало понятно, что они с рыжим отливом. На щеках виднелись ямочки. И ей очень шёл зелёный купальник. — Я Себ. Откуда вы? — спросил он как бы всех сразу, но глядя на Аннет. Посыпались ответы: Рим, Мадрид, Барселона. — Из Амьена. Это север Франции, — ответила Аннет, чуть грассируя. Голос её Себу тоже понравился: не слишком высокий, мягкий, негромкий, — а ты, я готова спорить, британец. Себ хмыкнул: — Ты это определила по лицу? — По выговору. Это ни с чем нельзя спутать. — У Аннет пунктик на иностранных языках, не обращай внимания, — подсказала испанка, и Себ тут же воспользовался этим, чтобы спросить: — Правда? И сколько языков ты знаешь? Аннет бросила на подругу недовольный взгляд: — У меня нет пунктика, я переводчик. Сейчас четыре... — Пять! — влезла Бьянка. — Пятый не считается! Себ выдохнул. Это, как говорят, что-то кармическое. Каким образом на заполненном людьми пляже, ища кого-нибудь для приятного и необременительного секса, он умудрился с первой попытки наткнуться на девушку, которая знает пять иностранных языков? — Почему не считается? — спросил он, впрочем, без капли неудовольствия. Голос Аннет было слушать приятно. — Я могу говорить и читать, но плохо пишу и не слишком-то хорошо понимаю на слух. — И что это за язык? — Японский, — несколько смущённо ответила Аннет, — не знаю, зачем я его взяла... — она осеклась. Но Себ живо уточнил, что же ещё такого интересного в японском. — Тебе правда интересно? — спросила она, делая глоток пина-колады. Себ заверил её, что да — очень. Где он ещё найдёт специалиста по японскому? Она говорила. Явно стесняясь, но постепенно всё смелее. И много смеялась. Подруги постепенно отходили в сторону. Тема японского сменилась разговором о Лондоне — Аннет там проучилась полгода. Перескочила на путешествия. И наконец, Аннет спросила неуверенно: — А ты умеешь нырять? Выбросив опустевшие кокосы-стаканы, Себ заверил её, что умеет — и готов научить немедленно. Конечно, они не поплыли далеко, да и рассматривать что-то в темноте, в свете одной только луны и далёких фонарей, смысла не было. Себ на ощупь достал со дна ракушку, Аннет взяла её — и коснулась его руки. — Держись за меня, — тихо сказал он, — задержи дыхание и просто сядь под воду. Аннет обхватила его ладонь, смешно набрала полную грудь воздуха и опустила голову вниз. Себ Чуть обошёл её сбоку, взял за плечи и опустил чуть-чуть ниже — и тут же поднял обратно, помогая удержать равновесие. Она зафыркала. Себ подмигнул, нырнул поглубже, двумя широкими гребками обплыл её сзади, подхватил под колени и выпрямился. Она взвизгнула и оказалась у него на руках. Прохладная в ночном воздухе, мокрая насквозь, маленькая и очень красивая, как с картинки. Забавно только, что желание он чувствовал очень смутно, оно где-то теплилось внутри, но почти не отвлекало. Как будто он обнимал статую. И температура воды здесь была совершенно не причём. Некстати вспомнилась Джоан, совершенно некрасивая, слишком высокая и крупная для женщины, пропахшая сигаретами и охренеть насколько возбуждающая, но это воспоминание Себ отбросил. Сосредоточился на Аннет и спросил, осторожно ставя её обратно на дно: — Можно тебя поцеловать? Она не была против.

*** Аннет ещё спала, а Себ, внутренние часы которого давно уже перестроились на местное время, поднялся в привычное время, натянул шорты и футболку и выбрался на улицу. Пять дней до возвращения. Он считал дни бережно, аккуратно складывал каждый в копилку воспоминаний. И хотя сейчас казалось, что отдых слегка приелся, хотя Себ скучал по Сьюзен и начинал сходить с ума без работы, он не сомневался: каким-нибудь особенно дерьмовым вечером воспоминания о тайских пляжах и об очаровательной француженке на

белоснежных простынях в бунгало ему очень пригодятся. В шесть тридцать на пляже было пустынно и грязно: работники ещё не успели прибрать следы вчерашних тусовок, и повсюду валялись коробки от еды, пустые стаканы, окурки и бутылки. Море колыхалось в отдалении — ночью был отлив. Дойдя до пенной кромки воды, Себ неторопливо побрёл вдоль берега, пальцами поддевая редкие отполированные камешки. Впереди он заметил ещё одну раннюю пташку — какой-то парень в подвёрнутых до колен белых штанах и в пёстрой гавайке стоял метрах в трехстах от него и любовался видом. Себ не хотел ни с кем говорить и даже встречаться взглядом, но разворачиваться и идти обратно ему было лень. Парню, впрочем, тоже, наверное, было не до общения — он спрятался за солнечными очками и вообще, кажется, медитировал. Во всяком случае, стоял совершенно неподвижно. Сегодня в программе у них с Аннет был поход до Боттал-бич: большую часть пути планировалось проехать на байке, зато в финале их ждала битва с джунглями и горами. Идея, конечно, принадлежала Аннет — Себу и на своём пляже было хорошо. Но отказываться он не стал: прогулка — значит, прогулка. Аннет вообще оказалась неплохой девушкой. Не истеричка какая-нибудь, явно умница. И при этом она чувствовала себя свободно в постели, получая от секса искреннее удовольствие. Себ чуть прищурился. В теле ощущалась приятная лёгкость, которой он не чувствовал давно. Это было хорошо. Но при этом он точно знал, что этот роман останется исключительно на тайских пляжах и не поедет с ним в Британию. Это как-то очень успокаивало. Обойдя парня в гавайке стороной, по песку, Себ снова вернулся в воду и вдруг услышал за спиной, совсем рядом: — Скучаешь, дорогой? Себ замер, буквально окаменел. Этот холодный высокий голос так отчётливо контрастировал с тайской жарой, звучал здесь так чужеродно, что Себ почти сумел убедить себя, что ослышался. Слуховая галлюцинация была бы более вероятным объяснением. Он медленно обернулся. Джим снял солнечные очки и наклонил голову к плечу. — Рад меня видеть, детка? О, не делай такое лицо, словно увидел привидение. Я настоящий. Если хочешь, — он сделал пару шагов вперёд, — можешь даже потрогать. — Воздержусь, сэр, — выдавил Себ. Джим визгливо расхохотался, и его смех разнёсся по пустому пляжу. — Ты загорел и совершенно одичал, детка. Пойдём, я хочу лимонад. Себ никакого лимонада не хотел. Он пытался из множества мыслей выловить хоть одну, облечь её в текст и всё-таки спросить: «Какого чёрта?» Но не мог, поэтому безвольно пошёл следом за Джимом. — Конечно, всё ещё закрыто, но кое-кто согласился ради меня открыться пораньше. Они, как были, босиком вышли с пляжа и прошли немного вверх, но почти сразу Джим свернул в тень пальм — и показал на пустой столик, где уже стояло два стакана лимонада. Как будто ждали их. Сама кафешка, которой принадлежал столик, выглядела закрытой. Джим сел в плетёное бамбуковое кресло, вытянул вперёд ноги и приказал: — Садись. Себ опустил напротив, взял лимонад, но, несмотря на жажду, не притронулся к нему и спросил: — Что вы здесь делаете, сэр? Джим тихо рассмеялся: — Расслабляюсь. Да, конечно. И разумеется, из всех возможных островов в мире и из всех пляжей на этих островах он выбрал именно тот, где находился Себ. Это вызывало смешанные чувства: раздражение и азарт. Он хотел вытребовать себе эти пять оставшихся, обещанных дней отпуска — и точно так же хотел, чтобы Джим ему их не отдал. Чтобы сообщил, что есть дела, которые не терпят отлагательств. И его это несколько пугало. — Сэр, могу я спросить? Джим медленно кивнул и глотнул лимонада, зажмурился от удовольствия. Снова открыл глаза и просканировал Себа насквозь, до мозга. — Почему вы без охраны? — не этот вопрос его волновал, но именно он показался самым простым для начала. — Как же... — Джим удивился, — а ты на что? — Я, — Себ раздул ноздри, — ещё

пять дней в отпуске. Я не охрана. Я могу быть пьян или после пары косяков травки... — Ты трезв, мой дорогой, а к наркотикам, даже к лёгким, питаешь умилительное отвращение, — протянул Джим, — и ты устал от своего отпуска до смерти... — он хмыкнул, — причём, что вероятнее, не своей. Себ отпил лимонад, не различая вкуса. — Я не устал, — твёрдо сказал он, — наоборот, я наслаждаюсь каждым днём. В бунгало меня ждёт девушка. У нас с ней сегодня поездка на другой пляж. Джим закатил глаза и протянул: — Ску-учно... Не только мне. Ты надеешься, что я предложу тебе задание. Что-нибудь опасное. Что-то, что позволит тебе ожить, не так ли, мой Святой Себастиан? Отлично понимая, что Джим считает ложь Себ ответил: — Нет. Джим опять засмеялся, но негромко и без визгливости, по-доброму, словно Себ вспомнил хорошую старую шутку. — Твоё любопытство нужно поощрить, Себастиан. Ты спросил, почему я без охраны. И я отвечаю: потому что охрана мне не нужна. Попробуй подумать, почему? Поставив локти на стол, Джим опёрся подбородком на костяшки пальцев и взглянул на Себа исподлобья. — Подумай. Ты ведь можешь. — Вы же говорили, что я туповат, — заметил Себ. Джим улыбнулся шире: — Я попросил прощения. Ну же, давай, пошевели мозгами. Вот что Себ ненавидел, так это ребусы. Но тон Джим буквально вынуждал попробовать угадать. И, отлично понимая, что на эту дурацкую попытку его разводят как мальчишку, Себ сказал: — Возможно, вы здесь... инкогнито? — Я всегда инкогнито... Попробуй ещё. — Не знаю... Вы любите рисковать. Это расстроило Джима. Он откинулся на спинку кресла и покачал головой: — Ты не пытаешься, Басти. Очень, очень плохо. — Сэр... — Себ почувствовал непривычную для общения с Джимом лёгкость, — зовите меня, как вам вздумается, но не Басти. Это имя... для семьи. — Дорогой, мы с тобой ближе многих родственников, не так ли? Я всегда находил совместное убийство занятием весьма... интимным. В другой момент Себ возмущился бы, но две недели отдыха, жара и лимонад влияли особенно успокаивающе, и он спокойно заметил: — Я отказываюсь даже думать о том, что состою в интимных отношениях с теми ублюдками, которые отдавали мне приказы в армии, сэр. Даже если опустить все остальные возражения, они чаще всего были жирными и воняли луком, — и, не выдержав, засмеялся сам вместе с Джимом. — Бедный Себастиан, — промурлыкал он, — ты знаешь условия сделки. Они снова про имена? Разумеется. — Джим... — проговорил Себ. — Хороший мальчик. Ты знаешь, Себастиан, — лицо Джима приобрело скучающее выражение, — я хожу без охраны, потому что она мне не нужна. Мой дорогой исполнитель, задавался ли ты хоть раз вопросом, чем я занимаюсь? Себ промолчал. Джим запрокинул голову, подставляя лицо лучам солнца, пробивающимся сквозь пальмовые листья. — Думаешь, я торгую оружием или наркотиками? Может, держу компромат на самых известных людей в Европе и Штатах? — он издал звук, выражающий, кажется, презрение к таким обыденным занятиям. — Может, я убиваю людей на заказ? Держу за яйца премьер-министра и половину теневого правительства? Ну? — Я... не знаю... Джим. Он выпрямился и оскалился: — Ничего из этого, дорогой. Это так скучно, так быстро приедается... Нет, я отношу себя к людям искусства. Кто-то пишет картины, кто-то снимает кино, а я... — на его лице появилось горделивое выражение, — создаю преступления. Я и сценарист, и режиссёр, и продюсер, и директор по кастингу. И кастинг в моё шоу лучше не проваливать. Собственно, — он глотнул лимонада, — я только что выпустил кое-что замечательное и предпочитаю прочесть восторженные отзывы аудитории в газетах. Себ задумчиво провёл рукой по волосам, пытаясь одновременно осознать, как в мире может вообще существовать... как это назвать? художник по преступлениям? и зачем Джим ему об этом рассказал. — Боже, как

упоительно наблюдать за работой мысли, отражающейся на твоём лице, — заметил Джим. — Я буквально вижу эти вопросы. Первый скучный, ты сам можешь найти ответ, если вспомнишь теорию рынка Адама Смита... ах да, ты с ней не знаком. Ну, попробуй почитать на досуге, это не так страшно, как кажется. Знаешь, буквы складываются в слова... А второй... он самый важный. Ключевой... — речь Джима вдруг стала чуть спутанной. Он прикрыл глаза, словно сильно устал. Мотнул головой и сказал, глядя Себу через плечо: — Вот и твоя девушка... — Себ резко оглянулся и действительно увидел спешащую к ним улыбающуюся Аннет. Нахмурился. Она подлетела, поцеловала его в щёку и сказала: — Я тебя сразу нашла, спасибо за записку. Привет! Я Аннет, — она протянула Джиму ладонь. Себ не успел ничего сделать и даже сказать, что не оставлял записки, — Джим ответил на рукопожатие, чуть задерживая пальцы Аннет в своих, и перевернул её руку тыльной стороной вверх, демонстрируя загорелое предплечье. Она дёрнулась — и Джим немедленно разжал хватку. Его взгляд стал тяжёлым, Аннет заметно напряглась. Себ переводил взгляд с одного на другую, пытаясь разобраться, в чём дело. — Однажды... — прошипел Джим на грани слышимости, — ты не очнёшься. Тебе кажется, что остановиться легко, что ты её контролируешь, но это не так. Это не прыжок с парашютом, как ты думаешь... Всё равно, что положить голову под нож гильотины. Нож опускается... ты ещё не видишь, но он уже нацелился на твою хорошенькую шейку... — Что за бред вы несёте? — пробормотала Аннет, и Себ хотел задать тот же вопрос, но Джим его опередил. — Спроси её, чем она колется, Себастиан, — он встал, — и приглядись к артериям в паху. Ну, детки, — он развёл руками, — меня ждут дела. Билеты у тебя в номере. Но ты ещё успеешь на прогулку, если захочешь. Увидимся, дорогой. Развернувшись на босых пятках пятках, Джим неторопливым шагом пошёл прочь и почти сразу скрылся из виду за буйной тропической растительностью, оставив недопитый коктейль на столе и полный кавардак в душе и мыслях Себа.

Рейсовый автобус ехал быстрее, чем следовало бы, учитывая ширину и состояние дорогие. Собственно, он нёсся как сумасшедший, едва не сбивая зеркалами дорожные знаки.

У водителя орала музыка: на басах и проигрышах он прибавлял газу, а на вокале резко скидывал скорость, отпускал руль и дирижировал итальянской певице. Ещё он курил, и запах сигареты расплывался по всему салону, зависал в душном мареве сизыми ключьями и постепенно оседал на одежде пассажиров.

Людей в салоне было слишком много: они толкались, тёрлись друг о друга, крикливо ругались и так размахивали руками, что, казалось бы, вот-вот должны были попасть друг другу по головам. Но не попадали.

Себу повезло. Его соседом слева оказался мирного вида дедок в шляпе как из фильмов с Челентано, единственным грехом которого было то, что он положил Себу на колени половину своей газеты. Ещё и вежливо кивнул: читайте, если угодно.

По-итальянски Себ не читал, а картинок было мало, так что он предпочитал игнорировать газету. Не убирал он её с себя из опасения, что дедок обидится и пересядет, а на его место заберётся, например, вот эта дама двадцать шестого размера (1) и вместо газеты на колени Себу положит орущего младенца.

Справа, уронив голову на грудь и прижавшись плечом к окну, сладко спал Джим — единственная причина, по которой спустя сутки после внезапного окончания отпуска Себ оказался чёрт знает где, в Италии, и с сомнительными перспективами на выживание.

Подвох следовало бы заметить сразу: билет до Лондона, который оставил ему Джим, оказался с пересадкой в Амстердаме. И возможно, Себ забил бы на билеты и недвусмысленное требование возвращаться в Англию, если бы не Аннет. Он и не планировал поддерживать отношения после того, как закончится курортный роман, но после слов Джима и её молчания, подтверждавшего его правоту, он не хотел видеть её ни минутой дольше. Это было что-то среднее между безразличием, жалостью и разочарованием. Аннет, умная, красивая, раскрепощённая, даже не напрашивалась на разговор — молча захватила из бунгало пляжные тапочки, полотенце и купальник и исчезла за дверью.

Обратная дорога оказалась выматывающей: в прошлый раз и переезд на байке, и паром, и автобус, ползущий по бесконечным пробкам, не вызвали такого раздражения и не выкачали столько сил.

Так что на пересадку Себ вышел в состоянии лёгкой дезориентации и с единственным желанием: снять номер в отеле и проспять шесть часов.

— Разрешите помочь с багажом! — обратился к нему носильщик по-английский, но с местным акцентом.

— Нет, спасибо, — Себ перехватил сумку, скользя взглядом мимо, в поисках нужной вывески.

— Я настаиваю, сэр. Иначе вы опоздаете на самолёт.

— Я никуда не... — Себ готов был поставить прилипчивого работника на место — но осёкса на полуслове. Из-под козырька форменной фуражки блеснули знакомые глаза. Себ разжал пальцы, роняя сумку на телегу.

— Следуйте за мной, сэр, — сообщил Джим-носильщик, перекатил во рту ком жвачки и заверил: — Всё доставим в лучшем виде.

Себ послушно последовал за ним в зону вылета международных рейсов.

— Ваш самолёт через час, сэр, самое время пройти на посадку, — Джим вернул ему сумку, из внешнего кармана которой торчал посадочный талон. Себ достал его и прочитал: «Амстердам, аэропорт Схипхол — Рим, аэропорт Фьюмичино. Пассажир: Кристофер Скотт». Почти без удивления сунул руку поглубже в карман и достал оттуда выдавший виды британский паспорт со своей фотографией. На имя этого самого Кристофера. Что ж, оставалось надеяться, что парень просто бухает где-нибудь в английской глубинке и гарантировано не планирует её покидать (2).

Между последними листами паспорта обнаружилось ещё три билета — на поезда и автобус.

Джим уже исчез — потерялся в толпе, и даже намётанный глаз Себа не мог его отыскать. Впрочем, смысла всё равно не было.

Усталость и сонливость отступили на второй план. Сжав покрепче билет и чужой паспорт, Себ особенно ярко ощутил прилив адреналина.

Поспит потом.

Он продержался на этом возбуждение от предвкушения очень долго: весь перелёт, во время которого почти силой заставил себя закрыть глаза и немного подремать, поездку на поезде до вокзала. Быстрый перекус каким-то хот-догом. Ещё поезд — до Перуджи.

И там, выйдя на холодный после тайландской жары воздух, совершенно дезориентированный после смены часовых поясов, с трудом разбирающий, утро сейчас или вечер, он понял, что больше адреналина его никуда не поведёт.

Прислонившись к фонарному столбу, Себ пытался выровнять дыхание, но чувствовал, что глаза закрываются. Попытался посчитать, выяснил, что нормально не спал уже сутки... или часов тридцать? сбился на подсчётах, потряс головой и чуть не снёс кулаком голову Джиму: по обыкновению, тот подкрался сзади и прошептал:

— Не спи на улице, детка.

— Сэр... — хрипло выдохнул Себ, — я действительно могу навредить вам однажды, если вы не перестанете подходить сзади.

Джим рассмеялся. Он уже снял форму носильщика, но выглядел всё равно непривычно — на нем были джинсы, футболка и потрёпанная куртка, не то кожаная, не то из кожзама, но удивительно дешёвая на вид.

Из-под ворота футболки свисали наушники.

— Не бойся, дорогой... — сказал он ласково, — и возьми это. Тебе пригодится.

Джим снял и отдал ему серо-красный рюкзак с порванным карманом.

Рюкзак весил так, словно был набит железом доверху. И быстрый взгляд на содержимое подтвердил: именно что набит. Винтовка, два пистолета, сменные магазины, мотки проводов, какие-то компьютерные платы, пара телефонов...

Себ застегнул рюкзак и молча надел. В этом состоянии ему было похер на то, что у него за спиной висел мини-арсенал.

— Нам нужно немного подождать, дорогой. Пойдём.

И Джим уверенно двинулся через площадь, мимо пустой пыльной чаши фонтана. Себ пошёл за ним машинально, не раздумывая о том, куда идёт и зачем.

Всё-таки вечер: сумерки постепенно переходили в глубокую темноту. Людей становилось меньше, и выглядели они откровенно несчастными, кутались в пальто и шарфы, как будто стоял мороз, хотя на деле было градусов десять.

Миновал длинный тоннель под домом, Джим вывел их на перекрёсток, к автобусной остановке, где уже стояло несколько человек.

— Туристы, — шепнул Джим, но об этом Себ и сам догадался: по рюкзакам и крепкой практичной одежде, — но местные... Из Милана или ещё откуда-то с севера. Двое в разводе, путешествуют, чтобы отвлечься, у тех, кто правее — роман... неудачный, она ему изменила уже несколько раз только за время поездки... — Джим бормотал всё тише, и Себу пришлось нагнать его и наклониться, чтобы хоть что-то разобрать, — в красной куртке вор. Клептоман... О, какие страсти... — Джим облизнул губы, — она зря надеется...

Выгоняя мутную сонливость из головы, Себ посмотрел на группу — потом на Джима. Снова на группу.

— С чего вы это взяли?

Джим развеселился, хотя и так пребывал, похоже, в отличном настроении.

— Господи, дорогой мой, ты не пробовал пользоваться своим мозгом? Я точно знаю, что он у тебя есть.

— Я пользуюсь, — сухо сообщил Себ.

— Тогда смотри. Ну же! — восклицание Джима привлекло к ним внимание туристов, но он только виновато пожал плечами и продолжил: — Характерные следы от колец на пальцах. У тебя тоже такой был, да? — Джим с любопытством наклонил голову, а потом цепко схватил левую руку Себа, критически повертел и выпустил, — Уже пошло. У красной куртки рюкзак набит ненужной ерундой. Дёргаются руки. И взгляд... обрати внимание на то, как он рассматривает игрушку на рюкзаке соседки.

— Это может значить что угодно, — сказал Себ упрямо. Как-то не по себе ему становилось от понимания того, что Джим может читать абсолютно любого человека как открытую книгу.

— Тем не менее, это значит именно то, что он клептоман. Прости, детка, долгие объяснения не по моей части. Придётся поверить мне на слово. Держи ценные вещи под рукой, — он подмигнул, — а теперь пойдём. У нас почти час до автобуса, пора кое-что выяснить... — он приблизился к компании, помахал рукой и затараторил на итальянском. Себ чуть приблизился, но всё-таки остался в стороне.

Он не понимал итальянский, только вычленил из речи Джима смутно-знакомое «мио рогаццо», прозвучавшее в тот момент, когда он махнул рукой в его сторону.

Остальные отвечали охотно. Похоже, за время путешествия они порядком друг другу надоели и были рады возможности поболтать с кем-то ещё. Себ отошёл к широкой каменной лавочке и поставил на неё свою сумку — рюкзак предпочёл оставить за спиной. Итальянская трескотня очень быстро превратилась в фоновый неразличимый шум.

Мимо изредка проезжали машины. В домах за грязным сквером тускло светились окна. В голове засел этот «рогаццо», которого он точно где-то слышал. Ругательство? «Мио» вроде «мой», а «мой придурок» или что-то подобное — это перебор для любого языка, да? Себ остановился на переводе «друг» и решил, что Джим пояснил компании, что его друг не говорит по-итальянски, и на этом успокоился.

Подбиралась нудная, выворачивающая челюсть зевота.

Хот-дог забылся как сладкий сон. Начался мелкий дождь. Себ поправил куртку и надел капюшон, Джим смешно затряс головой — и его тут же накрыли зонтами туристы. Он обернулся и поманил Себа пальцем.

Пришлось подходить, кивать разведённым изменщикам-клептоманам и бормотать что-

то невнятное, чтобы никакой полиглот не вздумал блистать знанием английского и втягивать его в разговор.

— Устал, детка? — с очень странной заботой в голосе поинтересовался Джим, и Себ напрягся. Что-то во взгляде Джима ему не понравилось. Была в нём какая-то явственно заметная чертовщина. Джим сказал что-то остальным, причём из его слов Себ сумел выхватить незнакомое, но слишком уж выделенное голосом «ил поверино», опять, похоже, касающееся его.

А потом Джим сжал пальцами его плечо и в полшага подошёл совсем близко, почти прижался, начисто игнорируя личное пространство. Себ дёрнулся было — но пальцы вцепились в его руку так жёстко, а смотрел на него Джим так угрожающее, что пришлось выдохнуть и замереть.

Обращаясь к группе, Джим произнёс короткую фразу, из которой Себ вытащил «тими́до» (3) — и скрипнул зубами. Это он перевёл, даже не зная по-итальянски ни слова, кроме «чао».

Значит, скромный?

Ну, ладно, пожалуй, он сумеет воспользоваться мозгом, как советовал Джим, и разгадать, во что с ним играют. Точнее, не с ним, конечно, а с туристами — он так, декорация и реквизит в одном лице.

Себ изобразил на лице улыбку, максимально похожую на оскал, чем вызвал незлой смех остальных. Вспомнилось, что Санта так и не подарил ему право безнаказанно врезать Джиму по лицу. Может, надо было не думать, а писать и сжигать в камине? А что делать, если камина нет или он электрический? На газовой плите пойдёт?

Шизофренические размышления о способах общения с Сантой прервал подъехавший автобус. И только увидев на нём вывеску, Себ сопоставил информацию на билете с картой. Из Рима он доехал до Перуджи как раз для того, чтобы сесть на автобус до Терни (4).

Не отпуская его плеча, Джим завёл его в автобус, скользнул к окну и сказал:

— Три часа сна. Советую воспользоваться.

Выбирая между заведомо бесполезной просьбой ни для каких целей не разыгрывать больше подобных представлений (и важным уточнением, что если бы представление зашло чуть дальше, никакой контракт и никакая рабочая этика Джима бы не спасли он удара в челюсть) и лишними минутами сна, Себ, не колеблясь, выбрал второе. И немедленно отключился.

И вот теперь, уже на следующем автобусе, уже утром они продолжали движение на юг. О еде Джим не заикался, да и вообще, выйдя из автобуса в пустынном ночном Терни, впал в мрачное расположение духа и глубокое молчание, которое соизволил нарушить ради единственной фразы: «Ни звука, Майлс, или я убью тебя».

Себ сразу же отдалился на пару шагов. Разговаривать он всё равно не собирался, но становиться мишенью для срывов дурного настроения не имел никакого желания. Даже при том, что в угрозу верил слабо. Конечно, Джим мог его убить. Как Клауса, например. Мог подложить ему бомбу в хлопушку или подсыпать яд в чай. Но это всё убийства, требующие времени, за которое плохое настроение точно испарится. В рукопашной же шансов у Джима было не больше, чем у трёхмесячного щенка. Оружие нёс Себ. И своего пистолета у Джима не было — разве что совсем уж смешного размера игрушка, которую нужно ещё достать и возвести...

К счастью, сев в очередной автобус, тряский и старый, Джим подобрел, улыбнулся и

уснул. А Себ паялился в газету дедка и по сторонам, игнорировал бурчание в желудке и даже не решался строить предположений, куда они едут и что их там ждёт. Зато обнаружил, что у него спёрли солнечные очки, но даже не расстроился.

Примечания:

1. Это английский размер, соответствующий нашему шестидесятому.

2. У британцев с паспортами забавная история — их можно не получать. Паспорт необходим при пересечении границы, а вот человек, который всю жизнь прожил в своём городе, может так ни разу и не озаботиться получением паспорта.

3. Итальянское «timido» одного происхождения с английским «timid» — «робкий, скромный, застенчивый». «Mio ragazzo» — «мой парень», «il poverino» — «бедняжка».

4. То есть строго в обратную сторону.

Уже стемнело, когда они вышли из автобуса в Генуе, и Джим впервые за весь день заговорил. Пнув камешек на асфальтированном тротуаре, он присвистнул и уточнил: — Сейчас около семи? — Семь двадцать четыре, сэр, — отрапортовал Себ совершенно неживым голосом. Джим поднял глаза от тротуара, посмотрел на Себа и произнёс мягко и как-то удивлённо: — Устал, детка? С чего бы, интересно? Спать уже не хотелось — короткие мгновения дремоты сбили остатки биологических ритмов, организм запустил дополнительные резервы, и сна действительно не было ни в одном глазу. Хотелось есть. Злой и раздражённый Джим позволил ему только раз ухватить упакованный позавчерашний сэндвич, а учитывая, что это был уже второй день на таком пайке, выдержка Себа постепенно таяла. Нет, конечно, он умел долго обходиться без еды. Но одно дело — лежать без неё в укрытии, наблюдая за целью, а другое — мотаться по Европе. — Нет, сэр, — огрызнулся Себ. Джим улыбнулся: — Здесь есть хорошее местечко... Пойдём. Город был, похоже, нетуристический — стоило свернуть с широкой улицы, по которой они приехали, как начались старые лабиринты узких переходов, тоннелей, лестниц и проулков. Окна в основном были закрыты деревянными ставнями, магазинчики прятались за металлическими решётками и плотными жалюзи, уже опущенными. Стены покрывали граффити. Кое-где было трудно пройти из-за возведённых, но заброшенных строительных лесов и гор мусора. Себ шёл, внимательно оглядываясь, забыв про голод и злость. Ловил каждую тень и каждый шорох. В таких местах часто тусуются наркоманы или просто отморозки, и им вполне может приглянуться содержимое рюкзака и сумки Себа или куртка Джима. А он не хотел драться в таком состоянии. Воняло дерьмом, плесенью и солью. Освещения почти не было: фонари стояли, но не работали, и свет пробивался только из щелей в окнах. Джим шёл вперёд, как будто свободно ориентировался в этой дыре. В одном из боковых ответвлений, совсем тёмном и узком, Себ заметил группу — человек пять, с бутылками. Потом они наткнулись на парня в одних шортах, растянувшегося на грязной раздолбанной плитке. И вдруг внезапно улица повернула и упёрлась в массивную каменную стену старой церкви. Стало светлее. Себ втянул носом воздух: вонь утихла, и он начал различать запахи еды, отчего рот наполнился слюной. Они обошли церковь и попали на небольшую освещённую площадь, немного в стороне от которой, на углу пристроился ресторанчик с тусклой вывеской. — Отличная кухня, — сообщил Джим тоном гида, — рекомендую мидии. — Я не слишком-то люблю есть то, что плавает, сэр, — сказал Себ, чтобы немного отвлечься от рези в желудке, — но сейчас согласен на всё. Джим зафыркал, а когда они сели за столик, взял меню и сразу же сделал заказ на двоих, даже не дав Себу вставить слова. Отпустил молодого бойкого официанта. Устроил подбородок на ладонях и посмотрел на Себа с выражением сдержанного любопытства. Официант принёс корзину нарезанного хлеба, и Себ немедленно схватил кусок. Если Джим хочет от него светских манер — обойдётся. Двухдневная голодовка не способствует застольному этикету. Хлеб оказался отличным: мягким внутри и с хрустящей корочкой снаружи. Корзина постепенно пустела. Джим следил с прежним любопытством. И только после четвертого куса спросил: — Голоден? — Странно, что вы — нет... Джим, — пожал плечами подобревший Себ. — Скучно... еда — это скучно. А сейчас у меня как раз есть, о чём подумать. Ни о чём не спросишь? Официант вернулся, и перед Себом появилась большая тарелка каких-то овощей с сыром. Выглядело уныло. — О,

не смотри так, детка... — протянул Джим, мгновенно считав выражение его лица, — продолжение следует. Мне в детстве говорили, что питомцев необходимо кормить, чтобы они служили верно... И не сожрали своего хозяина. Моего дядю съели собаки, знаешь ли, его собственные. Сгрызли его лицо... Себ взял вилку, посмотрел Джиму в глаза и отчётливо подумал: «Иди нахер». Раз уж он так хорошо читает мысли, может, и эту уловит? Джим заулыбался шире, и Себ приступил к салату, надеясь, что босс заодно и догадается, что задавать вопросы с полным ртом сложновато. Догадался. — Некоторые игры бывают опасными. Особенно если кто-то хочет сыграть тобой. Очень удобно иметь карманного изобретателя красивых преступлений, правда? Себ промолчал, и Джим продолжил. — Особенно если хочешь подвинуть с места Елену Кларк. Эти имя Себу ни о чём не говорило, да и салат с хлебом шёл не так плохо, как мог бы, так что он ограничился пожатием плечами. Джим подпёр щеку ладонью. — Не так-то просто меня похитить, знаешь ли... Собственно, невозможно. Но кое-кто решил попробовать. — Тем парням, — напомнил Себ, — почти удалось. Помните? Джим рассмеялся: — Ох, детка. Они только думали, что похищают меня. На самом деле, это был трансфер. С которым ты обошёл не очень-то вежливо. Нет, я не в обиде, — тут же добавил он, — их бы всё равно убили, просто часом позже. Сейчас всё иначе. Себ решил не раскрывать подробнее эту тему, она была неприятной, и вместо этого спросил: — Так вы скрываетесь здесь? Для этого переезды? Тай, Амстердам, автобусы? Запутать следы? Это многое объясняло бы. Джим хохотнул: — Не совсем. Я не скрываюсь. Я сейчас сижу в номере «Коринфии», возле окна. На прицеле меня держит снайпер, и я соглашаюсь со всеми условиями шантажиста... Или, может, уже согласился? Эта разница во времени всё путает. — Не понимаю... — нахмурился Себ. — Мне не нужно скрываться, мне нужно перестать существовать на неделю. Ты думаешь, так много людей знает меня в лицо? — он покачал головой. — Кое-кто убеждён, что всё посчитал правильно. Я преподнесу ему на блюдечке Елену Кларк, Елена — нашу внутреннюю разведку. Разведка — Британию с потрохами. А тот, кто владеет Британией, считай, почти владеет миром. Официант поставил на стол тарелку с сочным стейком, но Себ не притронулся к приборам. Он задумчиво ущипнул переносицу. Нет, все эти игры и интриги Джима его мало волновали. Ему не было дела до всех этих людей, пока они не окажутся у него на прицеле. Он принципиально игнорировал политику. Задуматься его заставило другое. Два вопроса: зачем в это увлекательное путешествие Джим втянул его и почему вдруг решил рассказать о том, что происходит? — Оу... — Джим подался вперёд, — ты не перестаёшь удивлять. Верный вопрос. Себ выдохнул. — Я не задавал вопросов. — «Зачем он мне всё это рассказывает, бла-бла-бла», — кривляясь, озвучил Джим, а Себ порадовался, что он хотя бы не догадался о первом вопросе, — я скажу... Я мог бы использовать тебя вслепую, Себастиан, ты пошёл бы туда, куда я прикажу, и сделал бы всё, что я потребую, верно? Смерив его самым мрачным взглядом из своего арсенала, Себ подвинул поближе стейк и отрезал первый кусок. Оценил прожарку — с кровью. Прожевал. Взглянул за второй. Нет, серьёзно, стейк большой, Себ — голодный, но уже не кидается на еду, так что они могут так сидеть и молчать довольно долго. Соглашаться с очевидным, да ещё и вслух, только чтобы потешить большое самолюбие Джима, Себ не собирался, особенно когда есть мясо, жаждущее его внимания. — Ты ведь сам осознаёшь, что это омерзительно, да? — вдруг уточнил Джим будничным тоном. — Что? — То, что ты ешь. — На войне нет атеистов и вегетарианцев. Вернее, бывают, но недолго. А прожарку вы сами заказывали, — и, чуть-чуть назло боссу, Себ отрезал кусок больше и с удовольствием отправил в рот. Джим

покачал головой и махнул рукой официанту. Что-то заказал, причём от официанта Себ расслышал «вино», от Джима — «но, граци» («нет, спасибо»?) и «салат». Явный прогресс в итальянском. — Есть же скучно, — напомнил он. Джим подмигнул: — На этот вечер ты — моя шоу-программа, дорогой. Так вот... возможно, в ближайшие дни тебе придётся поработать головой, — резко вернулся он к теме, — подумать самому. Тебе для этого пригодится немного информации, не считаешь? — и он замолчал. Себ с некоторой печалью закончил со стейком, глотнул морса, на который сначала и вовсе не обратил внимания, откинулся на низкую спинку дивана и спросил: — Так что мне нужно знать? После еды и думать, и говорить стало легче. Он охватил взглядом ресторанчик — маленький и полупустой. Обратил внимание на всех, кто был одет недостаточно легко и мог бы прятать оружие. Убедился, что у него за спиной стена, а значит, как минимум, к затылку пистолет ему никто не приставит. Джиму принесли салат, он взялся за вилку с ленцой, попробовал траву. Может, если бы он ел мясо, процесс его бы больше веселил? Всё время жевать зелень Себу тоже было бы скучно, пожалуй. Он понимал, что в этих размышлениях нет никакого смысла, но не тормозил их. Они забавляли. — Можешь пока не переживать. У нас около четырнадцати часов, прежде чем они поймут, что ошиблись. И после этого... — он чуть прищурился, как от удовольствия, — будет весело. Я даю нашей Елене Прекрасной три дня на то, чтобы разобраться в ситуации. Как думаешь, Себастиан, сможешь не позволить меня убить на протяжении трёх дней? Если их возьмут в кольцо посреди улицы, например, или подловят в засаде и обезоружат — точно нет. — Сэр... — Себ оставил стакан, выбросил из головы все посторонние мысли и сосредоточился. Мозг немедленно включился и настроился на работу, — зависит от обстоятельств и условий. — Условия, — протянул Джим, — когда они поймут, что ошиблись, они придут за мной. Но кто я такой? Может... — в его речи вдруг просквозил ирландский акцент, веки потяжелели, — я — просто выдумка? Чья-то ширма? Актёр, который мастерски играет роль. Ты ведь сам рассказывал мне, Себастиан, помнишь? «Нет никакого Груффало, я выдумал его». Может, я — мышонок, который придумал большого Груффало за своей спиной, чтобы распугать зверей в лесу? Себ сглотнул. Можно, пожалуйста, обратно злого босса? Или босса, который разыгрывает гея? Ну, пожа-алуйста, он даже подыграть готов, если это нужно, чтобы убрать безумную версию Джима куда-нибудь подальше. Зажмуренные глаза распахнулись, зрачки расширились. — Ты не понимаешь, мой дорогой? Что-то иррациональное, да? — он тонко хихикнул. — Но ты знаешь, кто я такой? Каким-то совершенно бессмысленным, сумасшедшим диалогом Джим пытался завести его в трясину. Себ выровнял дыхание, выпрямил спину, шире развёл плечи и отчеканил: — Я на вас работаю, сэр. По контракту. Остальное меня не касается. Давайте вернёмся к теме, и я попробую что-то сделать, чтобы вы пережили следующие три дня. Джим откинулся на спинку стула и медленно соединил ладони в одиночном хлопке. Растёр шею. Щёлкнул пальцами, подзывая официанта. Расплатился не глядя. Набросил куртку и пошёл к выходу, ничего не говоря. Себ чуть задержался, логично предположив, что без него босс вряд ли уйдёт. Заскочил в туалет, закрылся в кабинку и, прикрыв рюкзак курткой, вставил магазин в «L9A1», судя по гравировке, аргентинский и достаточно старой модификации(1), убедился в надёжности предохранителя и сунул пистолет в во внутренний карман куртки. Не лучший выбор, но лучше уж старенький надёжный «браунинг», чем голые руки. Джим ждал на улице, как будто не сомневался, что Себ задержится. Спрятав руки в карманы, он что-то немелодично насвистывал, но сразу прервался. Безошибочно определил, какой из карманов Себа потяжелел, довольно кивнул. — Сэр... — позвал его Себ, когда они

немного прошли вперёд, — возьмите второй. — И не подумаю. Не люблю пушки. Хреново. Генуя окончательно вымерла. Не осталось даже местной шпаны в тёмных углах. Хотелось верить, что слова Джима про четырнадцать часов — не шутка, потому что отбиваться от... кого бы там ни было на незнакомых пустых улицах — самая дерьмовая идея, какую только можно представить. В идеале, им нужно было укрытие. Чтобы, если вдруг найдут, было, откуда отстреливаться. И, при этом, не безлюдное, чтобы не сработали совсем уж отчаянные приёмы. В идеале, Себ выбрал бы комнату в хостеле на предпоследнем этаже, окнами на море или реку (он не помнил точно, есть ли здесь река). А если внизу будет ещё и людная набережная — вообще отлично. И обязательно, чтобы вход был с той же стороны, которая просматривается из окон. Конечно, всегда останется задняя дверь, но хотя бы одну точку можно будет контролировать. Поделиться этими соображениями с Джимом он не успел — они остановились возле потёртой зелёной двери. Джим нажал на кнопку звонка — и они оказались в обшарпанном отельчике. Чувствовался низкий сезон — старик за стойкой регистрации посмотрел на них почти как на врагов, но мгновенно оттаял, стоило Джиму заговорить с ним по-итальянски. Помахав руками, а потом ещё немного — паспортами, они пришли к соглашению и остались совершенно довольны друг другом. Джим передал Себу один из ключей вместе с фальшивым паспортом и кивнул наверх, на узкую деревянную лестницу, покрытую линялым лысым ковром. «Буонна notte, синьори», — пожелал им старичок в спины. — Мы одни в отеле, — шепнул Джим на втором этаже. — Очень удачно... — Сэр... — Нет. Вот и поговорили, спасибо. Номера оказались рядом, на шестом этаже, под самой крышей. Себ осмотрел оба по очереди, игнорируя обстановку и уделяя особое внимание видам. Не лучший вариант, но и не худший. Улица достаточно узкая, хотя и с проезжей частью (за что, похоже, уже надо сказать «спасибо»). Местная лестница была бы ещё хуже(3). Напротив — жилой дом, главным плюсом которого была этажность. Всего пять этажей, плоская крыша — как раз напротив окон номера, а за ней — ряды таких же низких домов, и только через три квартала — первая шестизэтажка. Померив комнату шагами, Себ провёл носком ботинка грязную черту на полу. Подумав, сдвинул её немного подальше. Снова выглянул в окно. Сделал ещё один замер. Целиком номер не простреливался. Джим, прислонившись к стене, наблюдал, не вмешиваясь. Когда с расстоянием было покончено, Себ принялся за дверь. Она выглядела надёжно только в том случае, если требовалось обороняться от назойливой уборщицы. Крепкий парень плечом её выбьет без проблем, и самодельные преграды не помогут. — Детка, у тебя есть свой номер, иди туда, — протянул Джим, пока Себ раздумывал, что делать с дверью, — что подумает о нас администратор? — Что мы тут бухаем и планируем устроить пьяный дебош, — пробормотал Себ под нос, — или трахаемся. Мне плевать. Убедившись, что кровать не закреплена, он сдвинул её с середины комнаты в угол, шкаф со скрипом переместил так, чтобы он наполовину закрывал дверь. Разгрузил рюкзак, сунул в карман второй пистолет и сменные магазины и принялся за винтовку. В этот раз Джим либо столкнулся с проблемами поставки оружия за границей, либо сэкономил. Складную СВД девяностых годов точно нельзя было назвать лучшим инструментом в жизни Себа. Но, опять же, она предпочтительнее, чем ничего. Позицию Себ оборудовал слева от окна, чтобы видеть и комнаты в доме напротив, и крыши, и улицу (увы, далеко не полностью). — Детка, — позвал его Джим, когда винтовка была собрана и установлена, — мне нужно уединение. Иди к себе. Обычно Себ выполнял приказы без споров. Но в этот раз собирался послушаться. Ему очень хотелось пережить эту авантюру, и было бы круто ещё и сохранить жизнь Джиму. А для этого нужно было держать его рядом,

под присмотром. Учитывая ситуацию, их отношения несколько изменились. На эти три дня они не босс и подчинённый, а гражданский и военный в боевой обстановке. — Ванная, сэр, — ответил он. — Можете там уединиться и даже включить воду, я не буду подслушивать. Джим раздул ноздри, а Себ выпрямился и посмотрел на него с высоты своего роста: — Сэр... вы сами сказали, что я — ваша охрана. Не мешайте работать. Если они выживут, он об этом ещё пожалеет — явственно обещал взгляд Джима. Но если они выживут, это будет не так уж важно. Выдержав долгую паузу, Джим подхватил полегчавший рюкзак и скрылся с ним в ванной. Себ бросил взгляд на наручные часы, убедился, что из обещанный четырнадцати часов у них ещё есть целых тринадцать, сходил в соседний номер за одеялом, пледом и подушками, вернулся обратно, запер за собой дверь, устроился на полу и закрыл глаза. Открыл. Джим и правда включил воду. В коридоре было тихо. В порыве непривычной сентиментальности он достал из кармана подарок Сьюзен, пролистал, страница за страницей, убрал обратно — и мгновенно заснул чутким сном.

Примечания:

(1) Армейский пистолет Browning High Power L9A1 — очень популярный в Британии Европе и Америке пистолет. Разные модификации выпускались с пятидесятых годов. С того же времени состоит на вооружении британской армии в качестве штатного личного пистолета. А в Латинской Америке часто используется как полицейское оружие, в частности, его носят аргентинские полицейские. У этих пистолетов есть специальная гравировка, по которой Себ и узнаёт происхождение пистолета.

(2) Себ считает как британец, но для нас это седьмой этаж)) А дальше по тексту, следовательно, шестой. Потому что первый этаж британцы считают за нулевой.

(3) Как во многих старых прибрежных городах, построенных на холмах и в предгорьях, в Генуе очень много лестниц. Это отдельный вид улиц, можно даже иметь адрес типа «Лестница Святой Марии, 23». Учитывая, что лестницы чаще всего очень узкие, и через них соседи в домах напротив вполне могут здороваться друг с другом за руку, не покидая своих квартир, радость Себа можно понять.

Если бы в этот момент кто-нибудь предложил бы Себу деньги за убийство Джима, ранее известного под фамилией Фоули, он бы сказал: «Не траться, чувак. Я сделаю всё бесплатно». Сутки. Всего, мать вашу, сутки он провёл в одном номере с боссом, и от его нервной системы, прекрасно выдержавшей три войны, сотню с лишним убийств, смерти товарищей и ещё много разного дерьма, остались одни ошмётки.

Если бы Джим не был согласен с планом Себа, он, конечно, приказал бы всё переиграть. Велел бы выбрать другую позицию, сказал бы, что опасности больше нет, сорвался бы с места... Но Джим не спорил, из чего приходилось делать вывод, что он считает решения и поступки Себа правильным. Он отлично осознавал, что лучше ждать в затерянном, никому толком неизвестном номере вшивого отеля с оружием наготове, а не гулять по центральным улицам. И, похоже, его это здорово злило. Или, может, заставляло скучать?

А злой скучающий Джим был опаснее химического оружия. Он разъедал мозг напрямую.

— Мне скучно, детка... — протянул он с кровати. За последние сутки он встал с неё дважды — видимо, даже скука не блокировала позывы мочевого пузыря.

В комнате, конечно, было темно. Себ запретил включать свет, про то, чтобы открыть окна, не шло и речи. Не стоило облегчать кому-то задачу. В прошлый раз на эту жалобу Себ посоветовал пойти в ванную и почитать там газету.

Газету он купил сам, сделав короткую вылазку в соседний магазин за самым необходимым. Сложил Джиму на кровать пачки каких-то чипсов/сухариков, упаковку овощного салата и местную свежую булку с оливками. Ещё прихватил зубную щётку и бритву.

Джим посмотрел на это всё, объявил, что есть не желает, потом покрутил в руках бритву и спросил:

— Ты правда делаешь это каждый день?

— Что?

— Бреешься?

Вообще-то наблюдательность могла бы подсказать Джиму, что нет, не каждый — за время их поездки он успел зарости до чудовищного состояния. В отличие, кстати, от Джима.

Швырнув бритву на пол, Джим сообщил:

— Я удалил волосы на лице лазером, когда мне было двадцать два, — и, понаблюдав за тем, произвело ли его сообщение должный эффект, растянулся на кровати и закрыл глаза.

Себ только головой покачал, но комментировать не стал и вернулся к позиции, прихватив булку. Себе он, конечно, взял несколько разновидностей сэндвичей, но еда лишней не будет.

— Скучно, — повторил Джим в очередной раз.

— Сэр... — отозвался Себ после очень долгой паузы, во время которой вспоминал Тайланд, море, солнце и ощущение покоя, — тогда надо было брать с собой комика, а не снайпера.

Вообще-то в такую поездку надо было брать нормальную охрану. Пару крепких ребят с чёрными поясами по рукопашному превращению чужих мозгов в кашу. И второго снайпера

для надёжности.

— Детка...

Помимо доведения Себа до белого каления Джим занимался ещё чем-то загадочным. В его работе участвовали провода, компьютерная плата из рюкзака и обнаружившийся там же, в скрытом отделении, ноутбук. То и дело Джим принимался мягко шуршать клавишами, мурлыча себе под нос что-то крайне немзыкальное. В такие минуты Себ отдыхал. Но, к сожалению, длились они недолго.

— Ты спросил ту девушку о наркотиках?

Учитывая, что последние три часа Себ наблюдал только за одной девушкой — секретаршей в офисе на втором этаже дома напротив — вопрос до него дошёл не сразу.

Зато когда дошёл, Себ повернулся к Джиму и встретился с ним взглядом — впервые за весь день, и спросил твёрдо:

— Зачем вы это делаете, Джим?

Джим, закинув руки за голову, пялился в потолок. Пожал плечами, не меняя позы.

— Скучно. Спросил?

— Нет.

К счастью, больше ничего на этот счёт Джим узнать не захотел, и Себ вернулся к наблюдению. Через час нужно будет сделать небольшой перерыв. Возможно, Джим справится с наблюдением некоторое время? Не сочтёт это занятие слишком уж скучным? Потому что трое суток без перерыва Себ, конечно, выдержит, но на его реакции и способности соображать скажется это очень плохо.

Как будто угадав его мысли, Джим спросил:

— Как долго ты можешь лежать так?

— Сколько нужно, — отозвался Себ. Но есть шанс, что дня через три-четыре у меня поедет крыша.

— Я бы не смог, — заметил Джим.

Через восемь минут тишины раздалось:

— Скажи, святой мой Себастиан, чем ты занимаешь свой мозг? — сзади послышался шорох, который означал, что Джим сменил позу для лежания. — Ты не читаешь, не смотришь фильмы, ничего не планируешь... Я уверен, в творческих способностях с тобой может соревноваться эта тумбочка, — видимо, от скуки и нежелания следить за собой, у Джима опять прорезался акцент. Себ подумал, что его это бесит, хотя до сих пор к разнообразным акцентам относился весьма лояльно. — Ты не любишь новости, у тебя нет ни одного хобби... Господи, Себастиан, чем ты занимаешь голову? — последнюю фразу Джим протянул с надрывом. — Чем отгоняешь скуку?

И Себ вдруг понял странную вещь, которая сняла раздражение как рукой. Джим не издевался и не выдумывал способы оскорбить его. Он действительно хотел знать. Он задавал вопрос, потому что не знал ответа и хотел получить его. Как... Сьюзен, уверенная, что получит ответ, который поможет ей разобраться с чем-то очень важным..

— Я... — Себу захотелось подобрать такие слова, которые дойдут до Джима и, как знать, помогут ему, — мне редкое бывает скучно. Если приходится долго лежать на позиции, я отвлекаю себя тем, что придумываю, о чём могли бы говорить люди, которых я вижу. Это забавно.

Джим хмыкнул.

— Ещё о Сьюзен думаю. Считаю... мне нравится перемножать большие числа, это

успокаивает.

Тишина в ответ. Потом долгий тяжёлый вздох.

— Я завидовал... всегда завидовал этому. Ваши мозги такие простые... Не обижайся, Басти, — он хихикнул на высокой ноте, — почти все люди такие. Обычные...

Себ не обиделся.

— А о чём вы думаете?

— О следующем ходе, — пробормотал Джим слабо. — Если ты справишься, все звери услышат о Груффало. А оно уже нашло, кого хочет сожрать.

«Никогда больше. Никаких сказок Джиму», — подумал Себ, слушая, как дыхание босса постепенно выравнивается и затихает — как у глубоко спящего.

Ясно. Перерыв не светит.

Себ уже выучил улицу наизусть. И каждую крышу в пределах видимости. Глаза уставали, а сумерки только затрудняли задачу. Чувствовалось, что ещё немного — и концентрация начнёт падать. По закону подлости, отлично проверенному на собственной шкуре, именно в такие моменты и появляется цель.

Крепко зажмурившись, он дал глазам небольшой отдых — а потом снова взял бинокль и прошёлся по местности секторами. Верх, центр, низ. Несовершенство человеческого глаза в том, что именно в фокусе остаются слепые пятна. Хочешь увидеть всё — обязательно смотри выше и ниже цели, тогда периферийное зрение сумеет уловить важную деталь.

«Сунуть в сумку прибор ночного видения. Носить как телефон, всегда с собой», — мелькнула мысль. Ну, или напомнить Джиму, что он не кошка и в темноте видит не лучше, чем любой другой человек. Раз уж босс таскает с собой винтовки, может, будет класть к ним в комплект ещё парочку полезных штук?

В кармане завибрировало.

На улице по-прежнему было чисто, и Себ достал телефон — с явной опаской. И с трудом, почти болезненно сбросил вызов от Сьюзен.

— Нет, — раздалось с кровати.

— Что нет?

— Не пиши сообщение.

Какого чёрта? Откуда он вообще?..

— Твоя дочь подождёт немного... А нас вычислят.

Джим был прав. Себ не был экспертом в области технологий, но понимал, что, при желании и определённых возможностях, засечь телефон можно. Наверное.

Джим снова затих, а Себ убрал телефон в карман и снова пристроился к объективу. Верх, центр, низ, сдвинуться правее. Верх, центр, низ...

Себ не увидел, скорее, зацепил краем глаза какое-то пятно. В густых сумерках было полно обманок и теней, но это пятно появилось только что. Тени на крышах не ползают без причины.

Вернувшись назад на полсектора, Себ снова просканировал местность. Дрожащие облака и луна сильно мешали, но к ним он почти присмотрелся. И всё-таки только что он заметил нечто лишнее.

Он подкрутил оптику, приблизил и прочесал крышу слева направо. И снова поймал что-то только самым уголком глаза.

«Иди сюда», — подумал он. Слух, осязание — всё отключилось. Осталось только зрение, но и его Себ отрубил, закрыв глаза. Сосчитал до десяти, глядя, как расплываются

жёлто-чёрные круги под веками. Открыл — и увидел его: не более чем пятно в тени вентиляционного короба на крыше через квартал. Его единственным отличием была густота — он был темнее прочих теней, и неправильной формы. То, что Себ его заметил, было почти чудом. Либо он только вышел на позицию, либо пошевелился.

Отчаянно захотелось свою «М24» с родным десятикратным прицелом. И снова — прибор ночного видения. Потому что в городской неровной темноте даже на детском расстоянии в двести метров подловить ублюдка было очень непросто. Но всё-таки он попался.

По телу прошла горячая волна. Очень знакомая. Это особое чувство — когда на прицеле другой парень с винтовкой. Не обычная цель, а точно такой же снайпер. В этот раз у Себа было преимущество. Он видел врага — а тот только знал, куда смотреть.

— Ты не можешь, — без тени дремоты в голосе заметил Джим. — Как бы сильно тебе ни хотелось. Ты ведь понимаешь, детка?

— Я не идиот. Нет! Сидите на месте! — попытку Джима встать с относительно безопасной кровати Себ увидел не иначе как затылком. — Он знает, куда стрелять. Не надо ему помогать.

Джим засмеялся, но, судя по скрипу кровати, подниматься передумал.

— Скоро будет интересно... — проговорил Джим. — Ты знаешь, что будет?

Их пойдут ловить. Учитывая обстоятельства, снайпер вряд ли будет стрелять на поражение. Во всяком случае, в Джима, да ещё и через толстое стекло. Снайпер — просто прикрытие для тех, кто скоро вломится в номер и откроет окно.

Твою мать.

— О, да... — протянул Джим, похоже, прочитав мысли Себа в очередной раз, — я ждал, когда ты поймёшь.

— Самая херовая идея в моей жизни, сэр.

— Ты думал о том, почему я взял только тебя... Видишь ли, ты не в счёт. Тебя не знают. Тебя не существует.

Себ больно закусил губу изнутри.

Риск огромный.

— Меня убивать не станут, сам понимаешь... Я — их главная цель, — Джим не приказывал, он уговаривал, и это было бы даже забавно — в другой ситуации.

К сожалению, это действительно могло сработать, несмотря на все риски. И, пожалуй, это был единственный вариант, при котором они вдвоём могли справиться с превосходящими силами противника.

Себ решительно собрал винтовку, сунул в рюкзак. Закинул его на плечо. Взял куртку. Он держался рядом со стеной, чтобы случайно не мелькнуть в прорезях жалюзи. Посмотрел на Джима. Тот сел на кровати, расправил мятую футболку, улыбнулся совершенно сумасшедшей улыбкой и протянул:

— Поиграем, детка... Будь внимателен, — и, повысив голос, добавил: — Ча-о.

— Оставьте себе пистолет?

Он покачал головой, и Себ тихо вышел из номера. Не таясь, вытащил «браунинг» — но в коридоре было пусто, во всяком случае, пока. Что ж, если так посмотреть, он тоже напал бы не в девять вечера, а ночью.

Но всё-таки лезть к главному входу он не стал — аккуратно выбрался из окна в туалете на основном этаже.

Как и накануне, сегодня вечерняя Генуя была пуста и мертва. Погода испортилась, спасибо ей за это. Начал накрапывать совершенно британский дождь. Себ набросил куртку, а рюкзак зажал под мышкой — чтобы не мелькал. Он помнил местоположение снайпера, и шёл так, чтобы не попасть в поле его зрения.

Теперь, в темноте и на улице, он позволял глазам отдыхать, а вот ушам пришло время поработать. План в целом был прост и примитивен, но осложнялся тем, что, во-первых, что бы там ни показывали по телику, снайпер всё-таки не глохнет на позиции, а во-вторых, кто-то помимо снайпера может услышать выстрел.

Поэтому Себ прислушивался.

Если бы вдруг на улице решили запустить салют, это было бы подарком, но почему-то никто этого делать не хотел. Зато вдаль раздавался металлический лязг. Из порта, что ли? Он то затихал, то появлялся снова, просчёту не поддавался, но, кажется, был лучшим вариантом из возможных.

Дом, на крыше которого лежал снайпер, Себ обошёл по широкой дуге, зато потом надел рюкзак и продолжил путь с совершенно непринуждённым видом. Подумаешь, турист.

Генуя, по счастью, была городом старым и не очень богатым. Каких-нибудь пятнадцать минут поисков — и Себ отыскал незапертую дверь в подъезд. Поднялся по узкой чёрной лестнице и свободно выбрался на крышу через пыльный чердак. Сразу же пригнулся, чтобы не маячить на фоне неба. Приморгался. Снял рюкзак — и пополз от трубы к трубе, к самому краю с высоким старинным ограждением. В идеале, конечно, было бы попасть чуть левее, тогда бы и снайпер, и номер, где остался Джим, были бы в расположены на одной прямой. Но чего нет — того нет.

Выждав, пока в порту снова не начнёт гроыхать, Себ быстро собрал винтовку.

Тень вентиляционной шахты прикрывала его достаточно плотно — но едва ли плотнее, чем второго. Действовать требовалось быстро.

Он прицелился.

Снайпер, не отрываясь, следил за закрытым чёрным окном. Хороший знак: если бы внутри зажёгся свет, можно было бы предположить, что за Джимом уже пришли.

Выстрел будет слышен, ничего не поделать. Даже с глушителем звук будет достаточно громким.

Без контрольных, всего один выстрел.

Опять заскрипел металл в порту, что-то огромное задвигали, раздался стук — и Себ нажал на спусковой крючок.

Винтовка косила немного влево. Будь мишень чуть меньше, Себ промазал бы, но голова человека на расстоянии в девяносто метров была весьма крупной целью. Звук выстрела органично встроился в грохот из порта — и затих вместе с ним. Проследив за тем, как снайпер дёрнулся и обмяк, Себ больше не смотрел на него. Собрал винтовку — и покинул крышу тем же путём, каким пришёл.

Это была самая простая часть плана, но её успех всё равно вдохновил. Поднявшись на вторую крышу, Себ опять бросил взгляд на окно: по-прежнему темно.

Снайпер оказался совсем молодым парнем. Себ осторожно откатил тело поближе к вентиляционному коробу, на всякий случай проверил отсутствующий пульс — и лёг на освободившееся место.

Присмотрелся.

Трофейный «Кеппелер» выглядел лучше СВД, но Себ преодолел возникшее искушение поменять оружие и всё-таки собрал ту винтовку, которую уже опробовал. Конечно, она тоже была не пристреляна, но хотя бы с пробным выстрелом справилась. А что накрутили здесь — не угадать.

Он сдвинул чужую винтовку подальше, к телу, достал бинокль и замер. Если теперь его снимет третий снайпер, это будет отличный сценарий чёрной комедии.

Из окна отеля Себ видел всю улицу. Отсюда — только нужные окна и соседние крыши. Если Джиму на голову решат молча надеть мешок — Себ ничего не успеет сделать.

Он скосил глаза на труп — никаких наушников и проводов, к счастью, не наблюдалось. Либо он ждал смс-ку, либо должен был действовать по своей инициативе.

Ничего не происходило.

Близость мёртвого тела коллеги по ремеслу не то, чтобы напрягала — скорее настраивала на философский лад. Парня было жалко. Не то, чтобы Себ жалел о его смерти — скорее о том, что он выбрал эту профессию и связался не с теми людьми, а потому оказался убит. На вид ему было лет двадцать пять-двадцать семь. Как его вообще занесло в криминал? Уже не спросишь. Может, тоже не сумел остаться в армии? Или сбежал за лёгкими деньгами после пары лет в горячих точках?

Дождь постепенно закончился, зато похолодало. Не до минуса, конечно, но градусов до восьми. Себ делал перерывы. Десять минут работы — тридцать секунд отдыха с зажмуренными глазами. Начинала сказываться нехватка сна. Был бы напарник — Себ уже передал бы ему наблюдение и заснул бы, не меняя положения.

«Что, парень, может, присмотришь?» — подумал он мрачно, косясь на труп. Тот, разумеется, остался неподвижен и принимать вахту не спешил.

Себ принялся за перемножения четырёхзначных чисел — сразу, без разгона.

Глаза сами собой не закрывались, но то и дело подёргивались мутной плёнкой. Возможно, стоило с утра купить несколько банок энергетиков. Да, вредно, да, очень вредит рефлексам и бьёт по мозгам, но сейчас помогло бы прогнать сонное отупение.

Четырёхзначные числа не сработали, зато на пятизначных мозг слегка взбодрился. Серия медленных вдохов и резких выдохов закрепила результат, и в глазах прояснилось.

Окно оставалось тёмным.

Если Себ ошибся, то Джим, возможно, уже мёртв.

Успокаивало только одно: он мог бы ошибиться, а Джим — едва ли.

Спустя ещё пять минут за закрытыми жалюзи зажёгся свет. Окно распахнулось, и последние остатки вялости и дремоты пропали.

В комнате было людно — шестеро человек, не считая Джима. Себ быстро оценил каждого. Все вооружены, но иерархия легко угадывается. Тот, кто открыл окно, и ещё трое: рядом с Джимом (в центре комнаты) и у двери — просто охрана. Оставшиеся двое — те, кто стояли у правой стены и разглядывали Джима, — боссы.

Джим выглядел, кажется, совершенно спокойным. Стоял себе, убрав руки за спину, и о чём-то говорил. Охрана нервничала. Боссы потряхивали стволами.

Вот когда пригодилась бы лазерная указка. Просто чтобы дать понять, кто именно ведёт в игре.

Один из боссов указал на дверь. Джим покачал головой, и босс кивнул на окно. Себ увеличил масштаб, во второй раз за сутки жалея об оставшемся дома «Люпольде».

«Давай, двигай», — скорее всего, приказал босс.

«Нет, спасибо», — возразил Джим.

«Тогда мой снайпер прострелит тебе башку», — добавил мотивации босс.

Джим пожал плечами: «На здоровье».

Себ передёрнул тугой жёсткий затвор.

Боссы ещё пригодятся для конструктивного диалога, так что — прости, приятель, не стоило стоять у открытого окна и сверкать в него лысиной. Как мишень в тире.

Уже зная об особенности винтовки, Себ сделал дополнительную поправку, выдохнул, задержал дыхание и выстрелил.

Охранник упал. Босс задёргались, а Джим запрокинул голову вверх и наверняка расхохотался этим своим истеричным высоким смехом.

Пара секунд неразберихи — и ситуация изменилась. Один из боссов схватил Джима за шею, пытаясь спрятаться за ним, как за живым щитом, а второй перевёл пистолет в темноту. Первый прижал пистолет к виску Джима. Тот что-то сказал, нарочито кривляясь.

О чём они говорили, Себ не взялся бы даже предполагать, да и времени на пустые фантазии не оставалось. Если вся компания решит отойти к двери — начнутся проблемы. Себ ведь и сам вчера считал, откуда и насколько простреливается номер.

В этот момент чужую СВД Себ буквально ненавидел. Конечно, первый босс был достаточно крупный, а Джим — мелкий и вертлявый (лучше бы просто мелкий). Но перепады температур и ветер требовали очень аккуратной корректировки, и гарантии, что выстрел в нижнюю часть черепа выйдет хирургически-точным и убьёт сразу, наверняка, блокируя все мышечные рефлексy, у Себа не было.

Босс чуть дёрнулся, немного отступил, прижимая к себе Джима как любимую плюшевую игрушку.

Джим не мог видеть Себа, разумеется, но как будто угадал или почувствовал, что он хочет сделать: перестал кривляться и дёргаться. Чуть наклонил голову, как бы невзначай.

«Спасибо», — подумал Себ, делая выстрел. И потом, уже не колеблясь и не дожидаясь новых поворотов диалога, уложил второго босса.

Осталось трое охранников, дезориентированных и напуганных. Джим дёрнул плечами с нарочитой брезгливостью, расправил футболку. Провёл пальцами по волосам, как будто сильно беспокоился, что ему подпортили причёску.

Себ внимательно прислушался, чтобы убедиться, что никто не крадётсз ади. Но нет — тишина, и только в порту опять загрохотало что-то металлическое и тяжёлое. Интересно, скоро ли на выстрелы и крики вызовут полицию? А главное — скоро ли она приедет?

Охранники оставались в номере, но, очевидно, разговор был окончен. Джим — безоружный, в дурацкой футболке (наверняка мятой) — явно пугал троих здоровенных мужиков. Чёрт их поймёт, о чём они беседовали, но никто не пытался наставить на него пистолет, закрыть окно, спрятаться. Просто стояли и пялились. А Джим что-то достаточно эмоционально говорил. Потом прижал ладонь к губам и помахал, посылая воздушный поцелуй. Развернулся и вышел.

Себ остался на позиции.

Он не знал, чего именно ждёт — чего угодно. Например, кто-то мог решить последовать за Джимом. Кто-то — выглянуть в окно. Но они стояли неподвижно, чего-то ожидая. Может, Джим сказал, что снайпер пристрелит их по одному, если они попытаются шевелиться?

Вторая минута.

Джим позвонит? Или уже пора сворачиваться и искать его на тёмных улицах?

Прошло ровно две минуты с того момента, как за Джимом захлопнулась дверь, и грохнул взрыв. Небольшой мощности, короткий — буквально одна слепящая вспышка, но крыша над номером затряслась, и внутри вспыхнул огонь. Погас свет.

Себ собрал винтовку, затёр возможные следы и отпечатки пальцев, бросил взгляд на мёртвого снайпера и его винтовку — и пополз на чердак.

Вдали уже слышались пожарные сирены, да и полиция должна была всё-таки приехать.

Воздух казался удивительно свежим и чистым. Пыль и песок подошли бы лучше.

Джим нашёлся сам — на половине пути. Он так и остался в одной футболке и выглядел не угрожающе и не опасно, хотя только что взорвал как минимум троих человек, которые не пытались сопротивляться и угрожать ему. И им повезло, что обошлось без лишних жертв.

— Ты был великолепен, детка, — ласково проговорил Джим. Себ выдохнул, переложил телефон и подарок Сьюзен в карманы штанов, запихнул пистолеты в рюкзак, а куртку отдал Джиму. Тот завернулся в неё, утонув в рукавах, и они неторопливо побрели куда-то по лабиринту проулков. Поднялись по лестнице, спустились с другой стороны.

Себ хотел было спросить, зачем был взрыв — но не стал. Сам догадался. Слишком много осталось в номере отпечатков, слишком много увидели охранники. А откуда боеприпасы? Так не зря Джим возился в ванной с проводами, ноутбуком и ещё чёрт поймёшь чем. Скорее всего, всё необходимое Себ перевёз в рюкзаке. Или кто-то доставил Джиму те компоненты, которых не хватало.

— Мне немного мешало оружие, — проворчал Себ. — Не лучший выбор, сэр.

Джим засмеялся самым человеческим своим смехом:

— Какая ты капризная дива. Где же сожаления, дорогой мой?

Себ чувствовал себя настолько вымотанным, что не стал возмущаться. Даже мысленно.

— Я бы их всё равно убил. Они видели вас, видели мою работу.

— А как же мирные жители за стенкой и чудесный фасад девятнадцатого века? — притворно охнул Джим.

— Отель был пуст. И мне плевать на фасады.

Больше всего на свете он хотел в Британию. В свою квартиру. Закрыться на замок, выключить телефон — и спать, спать, спать.

Но Джим предпочитал неторопливую прогулку по Генуе, поэтому Себ брёл рядом, почти не обращая внимания на холод, и благодарил бога за то, что босса не прорывало на разговоры.

Они гуляли, пока не начало медленно светать. В этот момент у Джима звякнул телефон. Он прочитал сообщение — и медленно хищно улыбнулся.

— Мы едем домой, дорогой.

Александр: часть восьмая

Александр никогда не дружил особо с техникой, он был из тех людей, у которых компьютер то и дело сходит с ума и начинает жить своей жизнью. Поэтому, когда экран внезапно почернел, а курсор пропал, Александр торопливо отпустил мышку, снял руку с клавиатуры и замер в ожидании. К счастью, он сохранил документ меньше минуты назад, и с тех пор едва ли написал больше пары предложений, так что — ничего страшного.

Во всяком случае, он себя этим успокаивал.

Какое-то время экран оставался чёрным, а потом слегка посветлел. Александр приготовился к тому, что сейчас на нём появится множество бессмысленных надписей, которые умел расшифровывать только Мэтт. Каким-то образом тот, даже не видя экран, с первых слов Александра разобрался в проблеме и говорил что-то вроде: «Нажми F1, потом Enter, и всё заработает». И главное, это всегда помогало.

Системный блок зажужжал громче, по экрану пошли белые полосы, а Александр потянулся за телефоном, но не успел даже взять его в руку, потому что из колонок раздалось шипение, и следом, на его фоне:

— Камеру включи, придурок! Да поверни ты её!

Что-то мелькнуло, и в черноте проступили мутные очертания пока непонятных предметов. Тот, кто держал камеру, явно был любителем, если не сказать — дилетантом. Различить объект съёмки было не так-то просто. Какой-то длинный коридор, кажется. Впереди силуэт — не то человек, не то машина. Было очень темно, картинка дрожала. Поправив очки, Александр наклонился к монитору.

— Свет включите! — попросил другой голос. — Тут чернота сплошная!

Наверное, это сказал оператор.

Ещё пошипело, и действительно, стало светлее. В объективе возник церковный алтарь. Это явно была католическая церковь, подготовленная к рождественскому богослужению.

— Ну как?

— Порядок.

Люди в кадр не попадали, и почему-то от этого было тревожно. Александр не понимал, что это за видео и как оно появилось на его компьютере, но боялся отвести от него взгляд и что-то упустить.

Ничего не происходило.

А потом раздался вопль. Приглушённый, отдалённый, но совершенно явно наполненный болью и страхом. Через шипение донеслось:

— Нет, не надо, пожалуйста, богом прошу! Я ничего не сделал!

— Нехорошо врать на последней исповеди! Эй, посторонись. Пусти святого отца.

Мимо оператора прошли две фигуры, мутные и тёмные, но оказавшись возле алтаря, они попали в фокус. По спине Александра прошёл холодок, когда он увидел мужчину в криво надетом белом литургическом облачении и с непокрытой головой. Мужчина трясся от ужаса, и его удерживал за плечи громила в чёрной куртке и маске. Священник или человек в костюме священника, кем бы он ни был, тихо завыл, когда громила подсечкой под босые тощие ноги заставил его упасть на колени перед алтарём, но лицом к камере.

— Пожалуйста, я ничего не делал! — прохныкал священник. — Вы не можете! Господь покарает вас...

— Это точно! — хохотнул грубый голос, тот же, который сначала требовал включить камеру. — А пока карает вас. Давай, прикрой камеру пока, тут будет скучно!

Дальше была монтажная склейка, мгновение черноты, и тут же — снова церковь. Только священника обвязали верёвкой прямо поверх облачения. Громилы рядом уже не было, священник остался один, напуганный, рыдающий и, кажется, беззвучно повторяющий слова молитвы. На лице у него появилась кровь и след от удара. Наверное, он сопротивлялся.

Громила появился опять, достал из кармана коробок спичек, чиркнул — и бросил себе под ноги, на ковёр. Обошёл алтарь, уронил спичку за него. Ещё одну — на цветы слева от алтаря.

Уже виднелся дым. Священник кричал, но Александр не слышал ни звука: кто-то выключил микрофон. Наконец, последнюю спичку громила кинул прямо перед священником, проследил, как занимается пламя на ковре — и вышел из кадра. Экран погас.

Перед Александром снова был его документ с набросками к новому сценарию, но даже если сильно постараться, он не смог бы вспомнить, о чём писал. Видео стояло перед глазами, и вместе с тем на него накладывались другие кадры, снятые профессионально, качественно, восемь лет назад.

«Отпускаю грехи твои». Отец Фред был одет точно так же, как этот безымянный мужчина. И Александр уже достаточно знал убийцу, чтобы сомневаться в том, что он остановил казнь после того, как закончил запись.

Стерев слёзы, которые катились по лицу градом, Александр всё-таки дотянулся до телефона и набрал Мэтта.

Компьютер забрали молчаливые агенты в костюмах, а заодно прихватили интернет-модем и телефон Александра. Пообещали вернуть «скоро», но Александр им не поверил.

Совершенно опустошённый, он сидел в гостиной, пил чай, который заварил ему примчавшийся сразу же Мэтт, и пытался прийти в себя.

Елена уже сообщила, что запись — не подделка. И недалеко от Дублина действительно сгорела церковь вместе со священником. Его звали отец Фред. И да... Точно как опасался Александр, этот отец Фред был вынужден переехать в новый приход из-за скандала, связанного с педофилией. Правда, обвинения остались недоказанными.

— Большой ублюдок, — вслух ругался Мэтт над ухом, — что он привязался к твоим фильмам? Чокнутый псих!

— Он мог выбрать Грету, — тихо произнёс Александр, когда чай начал остывать.

— Что? Твою ж...

До сих пор шагавший взад-вперёд по комнате Мэтт упал в кресло и шумно выдохнул.

— Мог ведь, — повторил Александр. — Или Тревора.

Даже от мысли об этом прошибал холодный пот. Но учитывая, что уже сотворил убийца, можно было ожидать худшего. Однако же нет, он не стал убивать детей.

Александр снял очки, потёр слезящиеся глаза и вслух застонал. Даже так это было слишком больно. Даже если этот отец Фред был преступником и подонком, как его экранный двойник, Александр не желал быть причастным к его смерти, тем более — такой страшной.

— Он всё равно маньяк, — пробормотал Мэтт, — но хотя бы не совсем отбитый.

— Нет, — произнёс Александр, — не маньяк. Чем больше я думаю об этом, — а он думал, во всяком случае, мыслительный процесс в его голове шёл даже тогда, когда сам он пребывал в некоем подобии анабиоза, — тем больше уверяюсь в том, что он не маньяк. Он не одержим идеей.

— Разве? Он спёр крест из твоей студии.

— Но ему в голову не пришло взять там же реквизит для сцены сожжения отца Фреда.

— Почему?

Александр не был уверен в ответе, но ему нужно было озвучить зудящую мысль.

— Потому что он знает, что это неважно.

— Не понимаю...

— Я тоже, — согласился Александр, отставляя чашку на стол и сцепляя пальцы в плотный до боли замок, — это просто... Маньяк, затеяв воровать реквизит, продолжил бы это дело. Но он не стал. Рядом с этим же крестом стояли искусственные цветы и вертеп для церкви, дубликаты тех, которые мы сожгли. Он не взял их. Он выбрал церковь даже не близком с тем местом, которое я упоминал в «Отпускаю грехи твои», но убил девушку именно в Оксфорде, на той самой улице, у дверей ратуши.

— И это значит, что?..

Александр поднял взгляд на Мэтта. Тот не понимал, и Александр не винил его. Ему самому эта идея казалась как минимум наполовину бредовой.

— Он понимает мои фильмы. Выделяет важное. Не тупо копирует, например, кульминацию, а находит ключевую смерть, которая переворачивает всё. И детали... Он понял, почему так важен крест.

— Это... хорошо или плохо? — спросил Мэтт. — Ты говорил Елене?

— Ещё нет. Скажу, как только мне вернут... — он хотел сказать: «Телефон», — но не успел, его прервал бодрый рингтон Мэтта.

— Мисс Кларк? — собранным тоном тут же ответил Мэтт. — Что? Да. Я его привезу. Спасибо!

Сбросив вызов, Мэтт поражённо произнёс:

— Убийца Кевина сдался полиции. Поехали...

Не в первый раз Себ испытывал это чувство. Совершенно сюрреалистичное. Вчера ещё ты возился в грязи, крови и дерьме, голодал, глотал пыль, решал, кому жить, а кому умирать, сам мог сдохнуть в любой момент — а сегодня сидишь в чистой уютной гостиной, пьёшь чай из фарфоровой чашки с рисунком, жуёшь домашнее печенье и слушаешь про школьные успехи дочери.

Собственно, это ощущение нереальности происходящего накрывало Себа всякий раз после возвращения домой. И даже при том, что итальянское приключение было очень коротким, Себ никак не мог перестроиться. Осознать, что всё позади. Что самая главная проблема сейчас — это низкие оценки Сьюзен по математике.

— Басти?

Себ сфокусировал взгляд на миссис Кейл и улыбнулся:

— Да, я поговорю с ней... и напишу учительнице, — он всё-таки краем уха уловил её последние слова. Миссис Кейл покачала головой:

— Ощущение, что ты после отпуска ещё больше устал, — она подлила ему чаю и села на диван, чуть в стороне. — Прости, я не хочу лезть в твою жизнь.

— Да нет, — он пожал плечами и глотнул чаю, — всё отлично, правда. Просто... пришлось поработать последние дни, — он выдавил из себя неловкую улыбку. Это было сложно. С Эмили тоже — всегда. И то, что она знала, откуда он возвращается, ничуть не помогало. Он не хотел приносить всё это дерьмо к ней, но никак не мог научиться оставлять за порогом.

— Знаете, — он отставил чашку, — поеду, заберу Сьюзен сам. Позвоните мисс Кларенс, скажите, что она сегодня может отдохнуть.

Миссис Кейл вздохнула, но кивнула:

— Хорошо. Привезёшь её домой или..?

— Или, я думаю. Она, — он провёл пальцами по волосам, чувствуя неловкость из-за своих слов, — немного на меня обижена. Поедем ко мне, обсудим это. И математику, конечно.

Он был рад выйти из дома миссис Кейл — вдохнуть неожиданно прохладный морозный воздух полной грудью, снова остаться в одиночестве. Конечно, он знал по опыту, что через пару-тройку дней это пройдёт. Но Сьюзен не могла ждать столько времени. Прилетев в Британию, он сразу позвонил ей — и она сбросила вызов. Потом снова. И теперь, проспав не неделю, как мечталось, а всего сутки, он чувствовал необходимость поговорить с ней.

Внезапно выпавший ночью снег, разумеется, превратил лондонские дороги в одну бесконечную пробку. Десятиминутная поездка растянулась почти на полчаса. «Форд» полз со скоростью улитки, а Себ восстанавливал душевное равновесие и порядок в голове.

Всё закончилось. Ночная мрачная Генуя, залитая холодным дождём, шесть трупов, взорванный номер, изнывающий от скуки Джим — всё осталось в прошлом. Здесь только Лондон, обычные люди, обычные пробки.

«Я позвоню тебе, детка. Отдыхай», — звякнуло в ушах. Джим исчез в аэропорту так же внезапно, как появился — просто растворился в толпе, даже не забрав поддельный паспорт. Себ убрал его в сейф — на всякий случай.

Горячий душ и удобная кровать казались каким-то извращённым излишеством. И,

несмотря на смертельную усталость, Себ проворочался почти час, прежде чем смог уснуть.

«Да ладно, приятель, — подумал Себ с раздражением, — как будто в первый раз».

Он выехал на парковку возле школы, вышел из машины и сложил руки на груди, приготовившись ждать. До конца уроков оставалось ещё сорок минут.

Ожидание не казалось утомительным. Себ разглядывал здание, с крыши которого меньше полугода назад следил за домом Эмили. Так себе позиция, на самом деле. Только ночью и могла сойти — при свете слишком легко засветиться, здание невысокое. Мелькнула и пропала мысль об Аннет. Ну, не соврал же Джим насчёт наркотиков? Себ попытался вспомнить, видел ли он какие-то отметки от уколов у неё на бёдрах или где-то ещё, но осознал, что не может вообразить хоть сколько-нибудь чёткую картинку. Что там, он и лица-то уже толком не помнил. Очень бы хотелось верить, что Джим ошибся. Аннет казалась ему хорошей девушкой. Но она так поспешно сбежала, а Джим был так уверен в своих словах, что...

— Мистер Майлс! — раздался справа женский голос.

Себ обернулся и увидел соседку миссис Харрис — мать Джулии и Пита. Она шла к нему бодро и энергично, протягивая руку для приветствия.

— Миссис Харрис, — кивнул Себ без особого удовольствия. На рождественском обеде она вела себя не лучшим образом, и Себ не стремился поддерживать это знакомство.

— Сесиль, я же просила, — заулыбалась она, перекидывая через плечо густые чёрные волосы. — Что же, вы сегодня сами забираете Сьюзен?

Себ кивнул, а миссис Харрис, не отпуская его руку, чуть понизила голос, приблизилась и сказала, окутывая густым сладким ароматом духов:

— Я просто восхищаюсь вами. Вы так заботитесь о девочке! Не каждый мужчина стал бы так возиться с ребёнком.

Себ осторожно вытащил свои пальцы из её хватки, отстранился и ответил:

— Она моя дочь, конечно, я забочусь о ней.

Миссис Харрис демонстративно закатила глаза:

— Ох, многие мужчины плохо помнят, в каком классе учатся их дети. О, — она снова сделала полшага вперёд, — вы загорели, Себастиан! Вам очень идёт!

На рождественском обеде он уже имел сомнительное удовольствие общаться с ней в подобном ключе. Но тогда наличие в той же комнате её мужа и соседей несколько остужало пыл. А с этой парковки, чувствовал Себ, ему придётся спасаться бегством. Потому что альтернатива — только оттолкнуть её, грубо осадить, но он сомневался, что сумеет это сделать.

Даже не сказав своё привычное: «Просто Себ, пожалуйста», — он снова немног отодвинулся и сообщил, что погода приятная. Как раз в этот момент шквалистый ветер швырнул ему в лицо горсть мокрого снега, но это не помешало миссис Харрис радостно воскликнуть:

— Прекрасная! Я обожаю снег, а вы?

Быстрый взгляд на часы показал, что освобождение придёт только через десять минут, и это в лучшем случае, а скорее даже через двадцать — пока там детей отпустят с урока, пока Сьюзен оденется.

Решив, что вопрос о погоде может остаться без ответа, Себ промолчал, а миссис Харрис, снова подходя ближе, проговорила:

— Вы, наверное, ужасно устаёте от этой рутины. Работа и ребёнок. Знаете, нам всем

время от времени нужно устраивать себе выходные. Просто отвлекаться от своих дел. Переключаться, — она посмотрела на него внимательно и с явным намёком, а Себ подумал, что его терпение начинает заканчиваться. Но ведь не сумеет он послать ей к чёрту прямым текстом, правда? Себ мысленно прикинул подходящие фразы. И наконец нашёл с ответом:

— Конечно. Думаю, вы с мужем обязательно должны находить время только на себя.

Миссис Харрис удержала лицо, но сделала два шага назад и сделала вид, что заинтересовалась своим телефоном, а Себ выдохнул с облегчением. И спустя минуту двери школы распахнулись, выпуская на волю поток учеников.

Сьюзен он увидел, как только она переступила через порог. Поднял руку, привлекая внимание. Она замерла. Закусила губу, а потом побежала к нему и крепко обняла за шею. Себ прижал её к себе, поцеловал в лоб. Сьюзен вывернулась из его рук и шмыгнула носом, и тут миссис Харрис спросила:

— Вы нас не подвезёте, Себастиан?

— Простите, миссис Харрис, — отозвался Себ, — мы сейчас в центр. Был бы рад.

— Что ж, — она натянуто улыбнулась, — в другой раз.

Себу подумалось, что, скажи он раньше о планах поехать в центр, она попросила бы отвезти её туда.

— Привет, Сьюзен, — прибавила она.

— Здравствуйте, миссис Харрис, — отозвалась Сьюзен, сняла рюкзак и сказала твёрдо: — Папа ненавидит, когда его называют «Себастиан», — и, бросив на Себа искренний невинный взгляд, переспросила: — Да, пап?

— М-да, — протянул Себ и поспешил усадить Сьюзен в машину и отделавшись от соседки коротким прощанием.

Когда они тронулись с места, Сьюзен сморщила нос и фыркнула:

— Она противная, да? Что ей от тебя нужно?

— Думаю... — начал Себ, но не закончил. Потому что правдивый ответ звучал, скорее всего, как «быстрый секс на пару раз, для остроты ощущений», — думаю, я ей нравлюсь. Но это нехорошо.

— Потому что она замужем за мистером Харрисом, да. Он хороший, кстати, — серьёзно отозвалась Сьюзен, — а она — жаба. Только тонкая.

Взвесив все за и против, Себ воздержался от чтения морали на тему того, что обзывать людей жабами нехорошо, и спросил у дочери, как она поживает. Немного помолчав, Сьюзен сказала:

— Я обижена на тебя. Очень сержусь.

— Но ты всё-таки пришла мне на помощь с миссис Харрис. Значит, не так сильно?

— Сильно. Но тебя надо было спасать. Пап, ты же сказал, что я...

— Можешь звонить мне в любое время, — виновато повторил Себ свои же слова, — кроме четырёх утра.

— Я звонила не в четыре, а в восемь вечера. И ты потом не перезвонил.

Себ вздохнул.

— Понимаешь, дорогая, на работе я не всегда могу отвечать на звонки. Я бываю занят.

— Два дня?

— Или неделю. Бывает по-разному. Я хотел поговорить с тобой, но не мог. Ты ведь не можешь разговаривать по телефону на уроке, правда?

— Правда. Ладно, я тебя прощаю.

Сьюзен подвинулась поближе, наклонилась и просунула голову между передними сиденьями. Себ мягко провёл пальцами по её волосам, но сразу же строго велел:

— Сядь ровно.

В правом ряду шли авария за аварией. На скользкой дороге влететь кому-нибудь в зад было проще простого. Когда они объехали очередной затор, сзади раздалось:

— Пап... У тебя есть пистолет? Или шрам?

— Очень неожиданный вопрос, — пробормотал Себ. — Есть и то, и другое, но я не вижу, где связь.

Сьюзен молчала, и в зеркало заднего вида Себ видел, что она опять грызёт ногти, но делать замечание не стал.

— Мне просто нужно понять, — произнесла она минут через пять, когда Себ уже выбрался из пробки и начал думать, где бы им со Сьюзен перекусить, — разобраться.

— Давай попробуем. В чём?

— Ты правда был на войне?

Себ порадовался, что сидит спиной к Сьюзен, а потому не обязательно удерживать невозмутимо-доброжелательное выражение на лице.

— Я же знаю, — продолжила Сьюзен, принявшись обгрызать вторую руку, — взрослые иногда врут детям, потому что дети — маленькие и не всё понимают.

— Я тебе не вру, — отозвался Себ. — И не врал. Максимум, могу сказать не всё, потому что ты и правда не всё пока можешь понять, хотя и большая умница. Сейчас мы продолжим эту тему, только скажи: суп или котлета с картошкой?

Подумав, Сьюзен выбрала котлету, и Себ завернул к небольшой кафешке.

Они в тишине устроились за столиком и сделали заказ, но когда официантка отошла, а Сьюзен принялась барабанить по пластиковому синему столику, Себ сам вернулся к неприятной теме.

Он был бы рад вообще никогда не говорить со Сьюзен о войне. Но понимал, что рано или поздно она может заинтересоваться. И лучше бы дать ей исчерпывающие скучноватые ответы, чем побуждать к дополнительным вопросам и провоцировать лишнее любопытство. Не то, чтобы он всерьёз опасался, что его принцесса вздумает пойти по стопам отца. Но Себу было бы спокойнее, если бы тема войны и оружия вызывала у неё зевоту или отвращение.

— Так почему тебя интересует, если ли у меня... как ты сказала?

— Пистолет или шрам, — она вцепилась пальцами в край и начала ковырять плёнку. Себ осторожно остановил её, задержав руки в своих и поглаживая. Психолог Сьюзен сказала ему: главное, не акцентировать внимание, не обрывать, не высмеивать невроз, останавливать либо напоминанием, либо тактильно, и он старался следовать этому указанию.

— Мы с Эммой и Джулией поспорили, — произнесла Сьюзен, а Себ подумал, что обе Харрис — миссис и мисс — его подбешивают, — Джулия говорит, что война — это всё выдумки. Что... — она чуть прищурилась, явно вспоминая выражения подруги, — так всегда врут, когда папа уходит из семьи. Про войну, космический корабль или экспедицию. Я сказала, она сама врёт. А Эмма решила, что надо найти пистолет или шрам. Она говорит, это называется, — она цокнула языком, — улика. Она это прочитала в книжке.

— Что ж, — сказал Себ медленно, — в некотором роде, правы обе. Действительно, когда родители разводятся, маленьким детям иногда говорят неправду, чтобы объяснить, куда делся отец. Но, — он снова погладил её по руке, — я никуда не пропадал. Я уезжал и

возвращался всегда. Помнишь? — она кивнула. — И действительно, если ты в чём-то сомневаешься, нужно находить подтверждения своей правоты. Или ошибки.

Сьюзен слушала внимательно, широко распахнув глаза. Себ потёр переносицу, надеясь, что таким образом сумеет простимулировать работу мысли.

— Я правда служил в армии и был на войне. У меня есть шрам на животе, слева. Дома покажу. И у меня есть пистолет — это оружие, которое солдат всегда держит при себе на войне. Пистолет пока не покажу, это не игрушка. Захочешь — дам посмотреть, когда тебе исполнится двенадцать.

Сьюзен высвободила руки и сжала их в кулаки.

— Зачем ты был на войне? — спросила она тихо. — Тебя могли там убить.

«Зачем, что я больше ничего не умею делать, только стрелять», — был бы правдивый ответ. Но сейчас пригодились лозунги и агитки, которыми их пичкали на построениях.

— Видишь ли, я не умею лечить людей, учить, что-то изобретать или делать ещё что-то полезное. Но я мог служить нашей стране, — ответил он, произнося по слову, отдельно, — защищать её интересы там, где это необходимо. Я мог умереть, это верно. Мой лучший друг умер там. Но я выжил и теперь здесь.

Когда Сьюзен подняла на него глаза, в них блестели слёзы.

— Не хочу, чтобы ты тоже умер.

— Больше никакой войны, обещаю.

Когда принесли еду, Сьюзен уже успокоилась, развеселилась — и принялась канючить, чтобы ей дали посмотреть пистолет уже сейчас. «Ну, хотя бы половиной глазика!» — протянула она. Себ возразил: «Даже ни одной четвёртой», — и втянул её в увлекательное повторение простых дробей. На одной тридцать второй она раскусила подвох и кинула в него скомканной салфеткой. Себ вернул снаряд прицельно её в нос.

Из кафе они выходили, довольно смеясь.

Джим снова пропал: ни звонков, ни сообщений, ни внезапных появлений в неожиданных местах. А Себ маялся от безделья — и отчаянно заполнял горы свободного времени тренировками, домашними делами и встречами с Греггом и остальными ребятами: Крисом, Полом и новым темнокожим парнем по имени Тодд. Забавно, что двухметрового громилу все трое опытных полицейских оберегали как ребёнка, причём не только и не столько от преступников, сколько друг от друга.

Пола понизили в должности и перевели в другую команду — но, кажется, он немного восстановил веру в себя и смотрел вперёд с оптимизмом. Утверждал, что значок старшего детектива-инспектора ещё к нему вернётся. Про работу он по-прежнему говорил немного, зато то и дело упоминал какую-то девчонку. И Грегг, и Крис утверждали, что чёртов молчун даже имени им так и не назвал. А вот Себу довелось остаться с ним наедине, пока остальные пошли курить, и Пол обмолвился, что зовут её Энди.

Крис всё чаще заговаривал о домике на побережье — утверждал, что устал до смерти. Но Грегг патетически спрашивал его, на кого же он бросит их, несчастных, и Крис, вздыхая, соглашался ещё немного поработать.

Семимильными шагами приближался день рождения Сьюзен. После долгих переговоров с ней самой, миссис Кейл и мисс Кларен Себ всё-таки остановился на компьютере и даже выбрал его. Хотелось верить, что подарок ей понравится. И в то же время Себ не мог не

думать о том, что стоило выдумать что-то получше. Подвыпивший Грег, с которым Себ поделился своими опасениями, философски сообщил, приподнимая бокал:

— Нельзя быть идеальным, старик. Мужем, отцом, полицейским... Стараешься, лезешь из кожи, а потом... — он с силой опустил бокал на стол, расплескав пиво.

Себ, который, вопреки обыкновению, сегодня тоже пил (в последнее время он чаще заказывал что-нибудь безалкогольное — на случай, если Джим вздумает объявиться), грустно салютовал ему своим бокалом. Если так смотреть, то отец из него, похоже, всё-таки лучше, чем из Грега — муж. Или там не в нём проблема? Чужие отношения, конечно, его не касались, но на Грега было тошно смотреть в те минуты, когда он говорил о своём браке.

— Знаешь... — протянул он задумчиво, — мы подумываем о ребёнке. Мне кажется, это то, чего нам не хватает.

— Пф... — помотал головой Себ, — пожалей ребёнка. Это так не работает.

Грег тяжело вздохнул — кажется, и сам был того же мнения, но готов был пойти на поводу у жены.

За это они снова выпили, а Себ, не удержавшись, бросил взгляд на экран телефона. Увы, по-прежнему — ничего.

День рождения Сьюзен пришёлся на выходной. Себ приехал с утра и застал именинницу уже за распаковкой подарков. Компьютер уже дожидался своей очереди в гостиной, как и второй подарок — большая коробка с красками, пастельными мелками, разноцветной бумагой для рисования, кистями и множеством других мелочей, которые помогла выбрать мисс Кларенс.

Сьюзен как раз снимала упаковку с кукольного домика, поглядывая на компьютер с интересом. Конечно, её как обычно раздирали противоречивые желания: начать пользоваться сразу всеми подарками или сначала методично распаковать каждый. И, как обычно, второе победило. Отодвинув домик в сторону, она подошла к монитору и начала осторожно надирать бумагу. Миссис Кейл суежилась рядом, предлагая помощь, но потом вдруг подхватила и унеслась на кухню. Сьюзен, обняв Себа и сразу сказав спасибо за подарок, уточнила:

— Пап, мы можем как-то сказать бабушке, что мне не нравятся куклы?

— Мы попробуем, но не сегодня, — пообещал Себ, и Сьюзен снова занялась обёрткой, довольно улыбаясь. Кинула взгляд в сторону и спросила:

— Это тоже от тебя?

Из-за монитора Сьюзен вытащила коробку сантиметров двадцать пять в длину и около тридцати — в высоту. Обёртка была строгой, серебристой. Лента — изумрудно-зелёной.

— Нет, — произнёс Себ и забрал упаковку.

— А от кого? Пап?

Он взвесил подарок в руке, прислушался, но ничего не заметил. Ощупал края. Больше всего это походило на.... книги?

— Эй, это мой подарок! Пап, что с тобой?

Себ встал, отнёс подарок на стол, поставил и совершенно открыто приложил ухо.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь угадать, что там внутри, — проговорил Себ задумчиво, стараясь, чтобы его волнение не было видно. Можно было бы ещё тряхнуть, но и так чувствовалось, что внутри книги. Сквозь обёртку даже пробивался характерный запах, к которому Себ долго привыкал, когда они с Эмили стали жить вместе. — Знаешь, кое-что проверю, — он взял свёрток под мышку. Скоро буду.

— Пап, ты не объяснил! — донёсся до него обиженный голос, но Себ решил, что разговоры подождут.

Грег на вопрос о рентгене и объяснении, что именно произошло, серьёзно покивал, забрал свёрток и ушёл в здание Скотланд-Ярда. Вернулся через двадцать минут со словами:

— По уму, такие подарочки даже трогать не надо. Как нашёл — сразу метров на десять в сторону и вызываешь полицию, — сказал он. — А то потом мы разбираемся, что это рвануло: газ или подарок.

— Сью нашла его первая, я не успел даже заметить, — несколько виновато сказал Себ, понимая, что друг прав. И что зря он вообще что-то там определить сам пытался. Будь внутри бомба...

— Там просто книги, — продолжил Грег. — Но найдёшь ещё такой подарок — звони хоть ночью, ясно?

— Что-то случилось? — уточнил Себ. Друг выглядел подавленным и уставшим.

— У нас работы полно, не хочу твой труп в списке висяков, — проворчал Грег, потёр виски и прибавил: — Просто будь осторожен, Розочка.

Стоило Себу сесть в машину, как тут же зазвонил телефон. Высветилось: «Номер скрыт».

— Ха, детка, да ты параноик, — сказал в трубку Джим, — странно, что не согнал в дом команду из службы спасения...

— Сэр?

— Дорогой, предметы в свёртке могут тебя напугать, но твоей дочери они не причинят никакого вреда. Я помню о нашем маленьком соглашении.

— Книги. Очень смешно. Зачем?

Снова послышался смех.

— Разве я мог пропустить праздник? Не переживай, я не фея, чтобы обижаться, что меня не позвали на семейный обед, — тон Джима изменился, как будто переключился режим у автомата: — Отдай подарок ребёнку, Себастиан. Не расстраивай меня, — и гудки.

Домой Себ ехал в мрачном расположении духа. Во-первых, предвидел и неудобные вопросы от миссис Кейл, и обиду Сьюзен. А во-вторых, боролся с желанием выкинуть книги в первый же попавшийся мусорный ящик.

«Отдай подарок. Не расстраивай меня».

Да, Себ верил Джиму в том, что эти книги не грозили Сьюзен решительно ничем. Не сама идея отдать их коробила. Ему не хотелось никакой, даже самой призрачной связи между Джимом и Сьюзен. Они должны были оставаться в разных мирах.

Уже подъехав к дому, он снова взял подарок и осторожно надорвал упаковку, вытащил верхний том.

«Гарри Поттер и философский камень», Дж.К. Роулинг.

На картинке был изображён малиновый паровоз и задумчивый мальчик в круглых очках.

Себ открыл книгу и прочитал на форзаце сделанную от руки дарственную надпись: «Милой Сьюзен Майлс в день её рождения. Надеюсь, ты любишь сказки».

Сьюзен в конце концов просила Себа за позаимствованный на время подарок, а собравшиеся гости отвлекли её от этой темы окончательно. Под вечер вымотались все. И Себ, отправившись уложить Сьюзен, сам задремал у неё на кровати, в ногах.

Разбудил его звонок.

Себ проморгался, быстро поцеловал дочь в лоб и вышел из комнаты. На лестничной площадке принял вызов.

— Детка, с добрым утром.

Себ прочистил голос и уточнил:

— Откуда вы знаете, что я спал... сэр?

Он не мог выдать себя голосом — он, чёрт возьми, молчал.

— О, брось... — протянул Джим скучающим тоном, — только когда ты спишь, ты не читаешь сообщений. Поторопись, — и он отключился.

Себ ещё несколько раз моргнул, разгоняя остатки сонливости, и прочитал три сообщения: «У меня, без оружия». «Уже почти пора». «Я начинаю скучать». Себ кинулся вниз.

В этот раз музыка в квартире у Джима играла приглушённо. И ради разнообразия, песня была только одна. Правда, закрыв за собой дверь, Себ почувствовал неприятное ощущение: что музыкант пробрался ему в черепную коробку и поёт оттуда. И, учитывая содержание песни, это было омерзительно. Себ содрогнулся, зажимая одно ухо рукой, но эффект рассеялся не до конца.

Джим рассмеялся и похлопал по свободному месту на диване.

— Садись, детка!

Сегодня босс был в костюме, но без галстука и босиком, да ещё и с мокрыми волосами. Себ покачал головой: кто моет голову в пиджаке?

— Что, не нравится музыка? — спросил Джим вкрадчиво.

— Нет, — честно ответил Себ. — Не понимаю такие песни.

Музыкант продолжал признаваться в любви мёртвому мальчику, а Джим протянул:

— Не понимаешь... Конечно, нет, мой дорогой одноклеточный снайпер.

Себ решил, что лучше быть одноклеточным, чем внезапно начать понимать подобную жуть.

Джим щёлкнул пультом и обрубил песню как раз в тот момент, когда певец начал сомневаться, чей именно труп ему так понравился: мальчика или девочки. И Себ вздохнул с облегчением.

Ещё нажатие — и из-под потолка выехал на длинных подвижных кронштейнах огромный плоский экран. Секунда — и на нём возникло чёрно-белое изображение. Себ нахмурился.

Это была скрытая камера, вне всяких сомнений. Она снимала большое помещение, типа ангара. Часть была завалена каким-то хламом. В середине примерно стояли стулья — десять в два ряда. Кусок стены затянули тканью от пола до потолка. Возле этого участка сгруппировали три больших лампы. Дальний правый угол просматривался хуже всего и, похоже, его занимала какая-то аппаратура. Себ решил, что это похоже на какую-то студию, как он их представлял.

Джим ничего не говорил, и Себ решил обойтись без вопросов. Помещение оставалось пустым.

Через час с четвертью из-под камеры появился мужчина. Закрыв за собой явно большую дверь, он прошёл и почти упал на стул в первом ряду. Оседлал его, повернувшись лицом прямо к камере. Отчётливо произнёс: «Дерьмо!» — так что читалось по губам.

Мужчина был высокого роста. Цвет волос на чёрно-белом изображении не угадать, но точно светлые. На носу у него сидели квадратные очки. Одет он был просто (этот точно в костюме голову не моет) — тёмный свитер, джинсы и кроссовки.

Посидев какое-то время неподвижно, мужчина схватился руками за голову, встал и прошёлся к той части стены, которая была затянута тканью. Раскинул руки, запрокинул голову — и бессильно сгорбился.

Себ, не видя никакого смысла в этой пантомиме, перевёл взгляд на Джима и почувствовал, что по коже ползут мурашки. Лицо босса светилось восторгом. Крылья носа подрагивали, губы были приоткрыты, и Джим то и дело облизывал их, как от нетерпения или возбуждения. Как будто мужчина в студии был для него очень важен.

Какова вероятность, что сейчас они следят за дружкой Джима?

Себ прикинул варианты и решил, что она не так уж и высока. Несмотря на все шуточки и манеры, представить его в отношениях хоть с женщиной, хоть с мужчиной не удавалось.

Мужчина вдруг замер, кинулся к стулу, схватил с него лист бумаги и что-то начал строчить. Джим выключил экран и закрыл глаза ладонью. Провёл рукой по лицу и посмотрел на Себа с какой-то шальной улыбкой. Подмигнул.

— Он великолепен, правда, детка?

— Я ничего не понял, если честно.

Джим ответил негромким смехом:

— Ты и не мог. Даже если бы он решил озвучить свои мысли.

— Потому что я тупой солдафон, ну да, — без тени обиды согласился Себ.

— Не дуйся, — Джим цокнул языком, — никто бы не понял. Кроме меня и, может...

Кроме меня. Что ты думаешь, Себастиан?

Ничего. Себ не думал об этом ровным счётом ничего, потому что — честное слово, какие вообще тут могут быть мысли? Они посидели на диване полтора часа, из которых пятнадцать минут наблюдали за чуваком, который кривляется в какой-то студии, а потом что-то пишет на бумаге.

— Я думаю, это кто-то важный для вас, вот и всё, — сказал он вслух.

— О, детка, не ревнуй, — пропел Джим, Себ фыркнул:

— И не собирался, — он добавил бы ещё кое-что, но всё-таки не решился. Джим сейчас был в хорошем настроении, но всё-таки не стоило рисковать и говорить фамильярности.

— Ну? — Джим улыбнулся.

— Что?

— Заканчивай фразу. Меня бесит то, как мысль бьётся у тебя в голове.

Себ поёжился:

— Сэр, я...

— Да брось, — протянул он. — Ну же, говори. Давай, не ломайся, детка. Хочешь, потом я отвечу на любой твой вопрос?

По глазам Джима было совершенно ясно — не отстанет, а ведь фраза, которая едва не сорвалась у Себа с языка, не казалась уже остроумной.

— Я... — Себ покачал головой, — хотел сказать, что выдохну с облегчением, если вы будете хотя бы время от времени делать перерывы и насиловать чей-нибудь ещё мозг. Ничего умного.

Джим однако захохотал, запрокинув голову. Растёр затылок.

— Ты действительно прелесть, дорогой мой, — сказал он манерно. — Вопрос?

Составлять, что ли, в свободное время список вопросов для этой игры? Потому что придумывать их сходило у Себа не хватало фантазии.

— Не знаю... Вы... у вас были когда-нибудь отношения? С женщиной? Да хоть с кем-то?

— С женщиной... с мужчиной... и с теми, и с другими сразу. Скука!

— Я не про секс.

Улыбка пропала с лица Джима, но выражение лица не сделалось опасным. Скорее задумчивым.

— Видишь ли, Себастиан, — сказал он медленно и серьёзно, — люди вокруг очень глупы, в большинстве своём. Их мысли, страсти, страхи так примитивны. Даже твои, хотя ты, в некотором роде, исключение. То, что ты зовёшь отношениями, это животный инстинкт, помноженный на социальную условность. Вы слипаетесь друг с другом, порождаете потомство, и в конце концов загибаетесь от скуки. Меня это не интересует, —

он отвернулся, вглядываясь в замершую, уснувшую улицу с потухшими вывесками и чёрными молчаливыми окнами. — Самое сексуальное, самое сильное, что есть в жизни...

Джим замолчал, и Себ догадывался, что он так и не договорит. Впрочем, этого и не требовалось. Может, та песня подсказала, а может, выражение лица Джима, но, во всяком случае, Себ был точно уверен в концовке.

Смерть.

Меньше всего Себ ожидал получить в конце февраля приглашение на свадьбу. Однако в очередную пятничную встречу Пол встал, поднял бокал и торжественно объявил, что женится.

— Как её хоть зовут? — спросил Крис с улыбкой, и Пол всё-таки раскрыл свой секрет. Оказалось, молчал он не просто так — Энди тоже работала в Скотланд-Ярде, занималась несовершеннолетними преступниками, и вся компания была с ней немного знакома. После бурных поздравлений Пол раздал всем лично в руки открытки, подписанные твёрдым женским почерком, и объявил, что отказы не рассматриваются. После чего снова тихо засел в углу.

На самом деле, Себ очень хотел бы отказаться, но уже в конце встречи, на выходе, Грег придержал его за плечо и попросил: «Не пропускай, ладно? У Пола это первое хорошее событие за последние месяцев девять». И Себ дал слово, что придёт, если только его срочно не вызовут на работу.

И увы, Джим не оказал ему такой услуги.

В день праздника (к счастью, он не входил в числе тех, кого звали на церковную церемонию) Себ столкнулся с дурацкой проблемой. Начал гладить брюки — и как наяву услышал ехидное: «Твой костюм... Тысяча девятьсот девяносто девятый год?». И вдруг понял, что костюм и правда ужасен, так что отправился в магазин, где, после короткой примерки, выбрал нечто более или менее сносное и не такое древнее. На собственный взгляд, выглядел он в костюме глуповато, но девушка-консультант улыбалась подбадривающее, а не снисходительно, так что, возможно, всё было и не так плохо.

Для празднования Пол выбрал симпатичный двухэтажный отель в Дагенхаме — когда Себ подъехал, празднование уже шло полным ходом. Внутри мелькали сине-красные огни, гудела музыка.

Собралось, наверное, человек пятьдесят.

Он осторожно вошёл и остановился на входе в зал, выглядывая знакомые лица. И конечно, первым увидел Пола с невестой. Энди оказалась пухлой, улыбчивой девчонкой с копной кудряшек, обильно усыпанных мелкими белыми цветочками. Пол рядом с ней почти светился. Они оба разом схватили Себа за руки и энергично пожали.

— Здорово, что пришёл! — искренне произнес Пол, перекрикивая музыку. — Энди, это Себ Майлс.

— Я угадала! Спасибо, что... О, подарок, спасибо! — Энди расцеловала Себа в обе щёки, когда он вручил ей конверт.

— Поздравляю вас обоих, — искренне сказал Себ, глядя на эту немножко неказистую, но такую счастливую пару.

— Напитки, закуски — там, у стола, — быстро сориентировал его Пол, — Грег... — выражение безоблачного счастья на мгновение пропало, — уныло напивается у бара...

— С чего бы?

— С женой поссорился, — пояснила Энди. — Не советую его трогать, пусть напьётся, бедняга, и переночует в отеле.

— Я за ним прослежу, — кивнул Себ.

— О, и ещё... — Пол уже хотел было убежать дальше, увлекаемый своим личным

вихрем, но замер, — тут кое-кто будет рад тебя видеть, — он загадочно подмигнул. Но пояснить, что он имел в виду, ему не дали.

— Dancing Queen! — воскликнула Энди, — обожаю её, пойдём!

Они вылетели на танцпол, вызывая радостные и подбадривающие крики гостей, а Себ остался в некоторой задумчивости: кто именно будет рад его видеть?

Постукивая носком ботинка в такт музыке, Себ огляделся: нашёл мрачного Грега за барной стойкой, обнаружил столы с закусками, и уже собрался было направиться к ним, но так и не сделал шага.

Он её не увидел — едва уловил краем глаза. Медленно обернулся — и тут же поймал её взгляд.

Твою мать.

А ведь мог бы догадаться, если бы думал головой, а не пребывал в сонной прострации последние пару недель!

Что бы изменилось, если бы он знал, что увидит Джоан? Да чёрт его знает, скорее всего — ничего, разве что встреча с ней не оказалась бы ударом под дых.

Засунув поглубже ребяческое желание сделать вид, что он её не заметил, Себ решительно пошёл к ней, разглядывая, несмотря на мерцающий полумрак, с жадностью, улавливая каждую деталь. Она стояла с бокалом шампанского, к которому, похоже, не притрагивалась. И на ней, чёрт её возьми, было платье. Ничего откровенного — синий мешок, но он открывал крепкие ноги ниже колена, обнажал сильные руки и бесстыдно выставлял напоказ одно белое округлое плечо. Она не решилась надеть каблуки. И кажется, постриглась ещё короче.

Себ пожирал её взглядом, не мог оторваться, скользил по фигуре, перескакивал на лицо, отмечая, как блики света играют на её коже, опять опускался вниз. И господи, он хотел бы не только смотреть.

— Себ... — Джоан улыбнулась, к некоторому его облегчению, нервной улыбкой, — не думала, что ты носишь костюмы.

— Не думал, что ты носишь платья, — ответил он. Джоан недовольно дёрнула плечом:

— В жизни больше не надену. Идиотская тряпка. Не смей говорить, что мне идёт.

— Не буду, — пожал он плечами, а губы сами собой растягивались в шальной улыбке. Несколько месяцев, безумная круговерть событий, две недели секса с Аннет на тайском пляже или в бунгало, трупы в Генуе — всё это забывалось, стоило ему снова увидеть Джоан. Он дурел, терялся в пространстве, да ещё и радовался, что пиджак достаточно длинный. Он задержал дыхание, чтобы хотя бы физические признаки возбуждения немного снять, выдохнул и спросил как мог непринуждённо:

— Ты здесь с утра?

— Да, с церкви. Готова убить Пола за эту идею, — впрочем, несмотря на содержание речи, тон её был почти нежным, чувствовалось, что за друга она искренне рада, — а ты только пришёл?

Себ кивнул.

— Счастливчик. Выйдешь со мной? Умру, если не закурю.

Себ и Джоан, художник Хакуми Йоханахару

Обойдя танцующих, они выбрались на балкон, из достаточно объёмной сумки Джоан

вытащила сигарету и зажигалку, сама прикурила, затянулась и довольно выпустила в прохладный воздух облако дыма. Себ вдохнул: он не любил сигаретный дым, но сейчас позволил ему напомнить лёгкие.

— Как Плимут? — спросил он, сглатывая горькую слюну.

— Неплохо, — Джоан кивнула как будто своим мыслям и оперлась на металлическую решётку балкона, — сначала было ужасно, такая дыра. Но там неплохая команда. Найду себе толкового судмедэксперта — и вообще будет здорово. Повышаю раскрываемость...

— Здорово, — с излишним воодушевлением сказал Себ.

Он думал, что костюм заставляет его выглядеть идиотом? Что ж, если так, его внешнее состояние сейчас полностью соответствует внутреннему.

Последний раз настолько беспросветным тупым неудачником он себя чувствовал, кажется, лет десять, даже одиннадцать назад. Он тогда снова, спустя полтора года, увидел Эмили — опять на вечеринке у общих знакомых, но уже под руку с бородатым парнем из Оксфорда.

Разница была в том, что Эмили даже не интересовалась тем парнем, а самому Себу было двадцать четыре, мозгов у него было поменьше, а энергии — побольше, чем сейчас. Да и ситуация немного отличалась. Работа в полиции — не бородатый умник. У работы девушек не уводят.

Джоан продолжала молча курить, глядя на лужайку перед отелем. Себ тоже перевёл туда взгляд, хотя боковым зрением всё равно видел, как Джоан делает одну затяжку за другой.

Вдруг она произнесла тихо и грустно:

— Я слышала про твою бывшую жену, мне очень жаль.

— Мне тоже, — честно сказал Себ, — она была хорошим человеком, то, что случилось... так не должно было быть.

— Что показало расследование?

— Идёт медленно, — равнодушно пожал он плечами, — есть версия, что это был теракт, но доказательств мало.

Вспомнилось, как горели пальцы, когда он одного за другим убивал тех, кто был причастен к падению самолёта. Джоан бы этого не одобрила, уж точно.

Она докурила, затушила сигарету в маленькой пепельнице в углу и обернулась назад, на зал, где «Абба» уже допели, и теперь играло что-то ритмичное и Себу незнакомое.

Себ тоже повернулся и случайно — почти — задел рукой предплечье Джоан. Она вздрогнула, вцепилась пальцами в его ладонь. Музыка, и до того проходившая почти незаметно, где-то на задворках сознания, стихла окончательно. Себ обхватил Джоан за плечи и поцеловал её.

Как будто она и не уезжала. Как будто не было ничего другого. Целовать её было всё так же охрененно, как ему и вспоминалось.

Капли здравого смысла просочились через пелену возбуждения только тогда, когда он почувствовал пальцы Джоан на своём брючном ремне. Глотнув воздуха, он перехватил её руки и прошептал:

— Полегче... Иначе тебе придётся оштрафовать нас обоих за нарушение... общественного порядка.

Джоан смотрела на него мутным взглядом, и Себ подумал, что готов заплатить любой штраф, чтобы только она не останавливалась.

— Весь Скотланд-Ярд пьяный... — пробормотала она хрипло, — а я могу закрыть глаза на маленькое правонарушение.

— Бедный Плимут... Ты ввергнешь его в хаос с таким подходом.

Они оба тяжело дышали. И, откровенно говоря, перспектива продолжить Себу очень нравилась — но всё-таки для секса на открытом балконе он был, во-первых, слишком трезв, а во-вторых, похоже, слишком стар. Быстро сжав руку Джоан и тут же отпустив, он перевесился через перила балкона и посмотрел вверх. Изучил окна. Джоан удивлённо приподняла брови. Себ снова выпрямился, расправил пиджак, откашлялся и сказал серьёзным тоном:

— Знаешь... я совершенно профессионально выбираю укрытия.

Джоан расхохоталась, но Себ строго свёл брови и велел:

— Пошли.

В зале танцевали медленный танец, а в воздухе висел отчётливый спиртной дух. Никто не обратил внимание на очередную парочку, которая куда-то направлялась. Едва выйдя из зала, они взялись за руки. Джоан пробивало на смех, да и Себ чувствовал внутри бурлящий азарт и адреналин. Вкупе с возбуждением смесь выходила адская — била в голову покруче любого алкоголя.

По лестнице для персонала они пробрались наверх, Джоан, объявив, что каждый полицейский обязан уметь это делать, порылась в сумке, достала длинную шпильку и вскрыла замок (Себ подумывал просто его выбить, а потом оплатить ущерб, но так было ещё проще). Они оказались в прохладном тёмном помещении. Себ обежал его торопливым взглядом, убеждаясь, что внутри нет ничего опасного, выдохнул — и снова прижал к себе Джоан, уже не мешая ей возиться с ремнём и пуговицами.

Выругался.

— Что?

— Я как-то не готовился к встрече. Резинок у меня нет.

Джоан хмыкнула — и потянулась за сумкой.

— На кой чёрт ты носишь с собой презервативы? — уточнил он, чувствуя что-то вроде ревности, которая схлынула после нового поцелуя.

— Я ношу всё необходимое, — отозвалась Джоан хрипло.

— Это подсобка. Не хочу, чтобы нас нашли. Так что ни звука, ладно?

— Я умею держать язык за зубами, — заверила она его.

— А вот это лишнее, — пробормотал Себ, поскольку на её язык у него были свои планы.

Но всё-таки в какой-то момент она не выдержала, зашипела, пробормотала почти отчаянно:

— Себа-астиан...

И Себа как будто молнией долбануло. В голове тут же раздалось вкрадчивое: «Святой Себастиан», — и он, согнав наваждение, которому было здесь не место, заткнул ей рот поцелуем.

Да, ему было бы не жалко заплатить любой штраф.

Уже приводя себя в порядок, Джоан вдруг хихикнула — и расхохоталась в голос. Себ лениво спросил:

— В чём дело?

— Себастиан... — протянула она, — сейчас я поняла. Мы в отеле.

Несколько секунд информация доходила до размягчённого сонного мозга. А когда дошла — Себ расхохотался следом, закрывая лицо ладонью. Хуже подростков. Старший детектив-инспектор полиции и опытный военный вдвоём не сумели догадаться, что в отеле можно снять номер, и вместо этого спрятались на чердаке.

— Что ж... — сказал он, отсмеявшись, — это был интересный опыт.

— Весьма, — признала Джоан, и они, убедившись, что не оставили никаких следов, осторожно покинули чердак. Замок Джоан заперла всё той же шпилькой.

В зал идти не хотелось. Конечно, Себ пробыл там от силы минут десять, но Пол его видел, подарок принял — и едва ли хватит. Позже нужно будет забрать Грега и убедиться, что с ним всё в порядке. Но пока он предложил Джоан пройтись, и она согласилась. Он накинул ей на плечи пиджак — чтобы не мёрзла. Самому ему было даже жарковато в рубашке.

У отеля была своя небольшая территория, и они пошли по тропинке мимо тускло-зелёного газона.

— Себастиан... — неловко позвала его Джоан, — просто скажи, что ты сейчас не изменил со мной какой-нибудь хорошей девушке?

— Измены — не мой конёк, — сказал он откровенно, — нет. А ты? — он улыбнулся. — Не изменила, надеюсь, хорошему парню?

— Хорошие парни — не мой конёк, — бодро сообщила Джоан, и Себ возмутился:

— Хочешь сказать, я — плохой парень?

Джоан до сих пор поглядывала на него, а тут вдруг отвернулась, словно очень сильно заинтересовалась травой.

— Мутная история в Афганистане, увольнение с запретом продолжать военную службу. «МорВолд», полгода. Дальше фриланс совершенно непонятного свойства... Кому нужен в телохранителях бывший снайпер? — проговорила она сухо, как будто зачитывала рапорт.

— Ты собирала информацию, — заметил Себ ровно, — могла бы попросить, я бы полное досье прислал. Резюме, список наград и взысканий... — хотелось возмутиться, но, с другой стороны, он её понимал.

— Знаю, звучит...

— Нормально, — кивнул он, — звучит нормально. И я не шучу про резюме. Что до фриланса, но ты удивишься, насколько востребован снайпер. Большие дяди в чёрных пиджаках хотят знать, откуда именно их могут убивать. Я вижу уязвимости, могу подсказать, как переоборудовать фамильное поместье. Да и в обычной охране от меня не так уж мало толку. Что до «МорВорлд», то я этим не горжусь. Мне нужно было куда-то деться, чем-то себя занять, — он продолжал говорить спокойно и неторопливо, даже при том, что предпочёл бы с Джоан обсудить что угодно другое, — а умею я не так уж много. В основном, стрелять, — он пробежался по её списку, — история в Афганистане засекречена, я подписал документ о неразглашении. Могу только сказать, что я делал то, что считал необходимым. Ошибся.

— Прости, — сказала она виновато, — я была бы в ярости, если бы узнала, что кто-то копается в моём прошлом, хотя там мало чего интересного.

Чуть помолчав, Себ заметил:

— Это и правда неприятно, но я подумал... у меня есть дочь, и я предпочёл бы, чтобы

она, когда вырастет, плевала на все неудобства и выясняла, кто этот скользкий тип...

Джоан засмеялась и заверила его, что он совершенно точно не скользкий, и прибавила:

— Всё равно, мне не следовало в это лезть.

— Можешь загладить свою вину.

Она перевела на него вопросительный взгляд.

— Никогда не называй меня Себастианом.

— Почему? — она прищурилась: — Тебе идёт.

— Ощущение, что сейчас меня или вызовут к доске, или начнут ругать, — ответил он.

— Омерзительное чувство.

Это было правдой, просто неполной. Но раньше он именно из-за этого предпочитал сокращать своё имя, так что не считал, что врёт Джоан.

— Договорились. Не буду, пока не решу вызвать тебя к доске, — пообещала Джоан, и они рассмеялись.

Пошатнувшаяся было атмосфера спокойствия и удовлетворения была восстановлена. Правда, стало немного неловко. Если честно, говорить им было не о чем. Ничего не изменилось: она полицейский в Плимуте, а он — наёмный убийца, который работает на психопата. Дело безнадежное.

Потом они пробовали оставшиеся закуски и даже немного танцевали. Себ, пользуясь возможностью обнимать Джоан на людях, топтался на одном месте, а она и вовсе ограничивалась раскачиванием не в такт, но было хорошо.

— Как вы, ребята? — окликнул их Пол, явно вымотанный и слегка навеселе.

— Отлично, — сообщил Себ. Джоан выразительно провела пальцем по горлу и пообещала:

— Никаких больше свадеб.

— Обещаю, больше никаких... с моей стороны, — заверил её Пол, — ну, веселитесь, — снова схватил за руку новоиспечённую жену — и они юркнули в выход для персонала. Кажется, решили уйти, не прощаясь.

Гости расходились. Грег всё ещё сидел у бара. Джоан, перехватив взгляд Себа, покачала головой:

— Я ему говорила, он сумасшедший мазохист.

— Что у них?

— В основном, крики, ссоры, разбитая посуда. Она не любит его работу. А сегодня утром увидел её переписку с каким-то мужиком. Кажется, не впервые.

— Может, он её любит, — без особой уверенности в голосе предположил Себ.

— Это не любовь, а насилие над собой и больная привязанность. Оу... — под их взглядами Грег медленно сполз с высокого стула и пошатнулся. Испытывая почти физическую боль, Себ отпустил Джоан и сказал с сожалением:

— Пойду его поймаю... и отвезу домой. Нечего по отелям шататься.

— Себ! Не домой.

— Значит, к себе.

Грег медленно брёл куда-то в сторону туалета, и Себ понимал, что на разговор с Джоан у него осталось минуты полторы — от силы. А сказать было нечего. Вернее, было два варианта, но один банальный, а второй — сумасшедший.

— Когда ты уезжаешь? — спросил он.

— Завтра утром. Не вздумай меня провожать.

— И не собирался. Завтра я буду вот эту спящую красавицу в чувства приводить, — Грег почти обошёл бар и схватился за стену. — Приеду в воскресенье.

Джоан сверкнула глазами, набрала в грудь воздуха, чтобы сказать решительное «нет» — и выдохнула. Махнула рукой.

— У тебя нет адреса.

— Спящая красавица даст.

Себ быстро коснулся губами губ Джоан — и поспешил к Грегу. Перекинул его руку себе через плечо и медленно повёл к туалету. Грег смотрел прямо перед собой осоловелым пустым взглядом, но потом моргнул несколько раз, помотал головой и выдавил из себя сиплым голосом:

— Мало. Почему я не могу напиться, Себ?

— Мне кажется, более чем достаточно... Эй, ступенька! Ещё одна... Дверь...

— Развожусь, — пообещал Грег писсуару, — завтра.

Писсуар, разумеется, ничего не ответил.

Грег оказался тихим пациентом. Всего раз за время дороги Себу пришлось остановить машину и дать ему поблевать — остальное время он ехал молча и без жалоб. Себ поглядывал на него в зеркало заднего вида и раз за разом клялся, что не станет лезть с непрошенными советами в его брак. Его дело — помочь напившемуся другу прийти в себя и обойтись без осуждающих взглядов в процессе. С остальным Грег разберётся сам.

— Только не домой! — вдруг встрепенулся Грег, когда они свернули с трассы, и забормотал: — Туда нельзя... я сказал, что не приду...

— Едем ко мне. Не переживай, — пообещал Себ

Уснул Грег, в итоге, к половине второго. Себ спустился в свою спальню, без сил повалился на кровать, прикрыл глаза, вспоминая Джоан — и почти не удивился, услышав телефонный звонок.

«Номер скрыт».

— Надеюсь, ты ещё не спишь, дорогой, — прошептал Джим в трубку таким голосом, словно имитировал секс по телефону. Очень, очень дешёвый секс по телефону для повёрнутых на всю голову геев.

— Сэр...

— Играешь с огнём, да? Подружка и приятель со значками, — он хмыкнул. — Играй. Я не возражаю.

Себ не знал, что на это сказать, так что промолчал, а Джим добавил:

— Отдохни, детка. Завтра для тебя будет работа.

С неприятным чувством принятия неизбежного Себ понял, что ни в какой Плимут он в воскресенье не попадёт.

Александр: часть девятая

Александр знал: они все оказались в Скотланд-Ярде, рядом с допросной, где сидел за стеклянной стеной, прозрачной только с одной стороны, возможный убийца, в нарушении всех правил и законов. Однако Елену, похоже, это заботило мало.

Когда Мэтт и Александр подошли к ней, она не сводила взгляда с убийцы за стеклом, а рядом с ней стоял высокий сидящий инспектор. Александру понравилось его лицо — открытое, честное. Он отметил твёрдый подбородок, серые глаза с цепким взглядом и потёртый, далеко не новый костюм. Александр в жизни не взял бы такого играть полицейского — слишком уж стереотипно-хороший парень выйдет в итоге. Впрочем, инспектор мало интересовал его сейчас. И подойдя ближе, Александр взглянул за стекло.

Думая об убийце, Александр не раз пытался представить себе его лицо. И если сначала ему виделся маньяк из старых хорроров, монстр в человеческом облики, то после недавней догадки он стал думать о нём как о гике. Ботаник в толстых очках. Или седой профессор с глазами навывкате. Художник в гавайке. Может, эдакий байронический герой.

Но человек за стеклом был совершенно обычным: офисный работник, парень из Сити или даже из конторы победнее, с окраины Лондона. Достаточно худой, но не тощий, слегка небрит, нервные руки в постоянном движении, глаза бегают из стороны в сторону.

— Детектив-инспектор, — произнесла Елена резко, — это мой брат, Александр Кларк, и его друг — Мэттью Фишер. Старший детектив-инспектор Грег Рассел, с этого момента он ведёт это дело вместе с сотрудниками Агентства.

По лицу детектива-инспектора прошла тень, и Александр решил, что тот не в восторге от всей ситуации: начиная с мутный убийств и заканчивая контролем спецслужб.

— Приятно познакомиться, старший детектив-инспектор, — сказал Александр мягким тоном.

— И мне, — не совсем искренне ответил тот. — Итак, раз мы все собрались, — он нахмурил брови, — начнём.

— Попробуйте надавить на него, детектив-инспектор, — сказала Елена, — он хлипкий, быстро сломается.

Рассел посмотрел ещё более мрачно, но ответил нарочито-вежливо. Александр перевёл его: «Разумеется, так и поступлю, мисс Кларк, спасибо за совет», — как: «Иди нахер и не мешай мне делать мою работу».

Расстегнув пиджак, он зашёл в допросную. Хлопнула тяжёлая металлическая дверь, Елена нажала на кнопку, и через динамик раздался спокойный голос детектива-инспектора.

— Добрый вечер, мистер... — он как будто бы немного заколебался, открыл папку, полистал, — Флэтчер.

— Здравствуйте, — вежливо ответил убийца. — Вы инспектор? Пришли допросить меня?

— Поговорить, мистер Флэтчер. Моя фамилия Рассел, и мне предстоит разобраться в вашем деле. Чаю?

— Благодарю, — устало покачал головой Флэтчер, — я просто устал торчать здесь и ждать.

— Торчать и ждать, — повторил детектив, — если вас осудят за убийство, то минимум на ближайшие десять лет ваша жизнь будет описываться этими двумя словами.

— Знаю, — кивнул Флэтчер.

— Итак, при аресте вы признались, что совершили убийство. Напоминаю, что вы имеете право хранить молчание до суда — всё, что вы скажете, может использоваться против вас. Также вы можете обратиться к солиситору, который займётся подготовкой вашей защиты.

— Да, обращусь, — согласился Флэтчер. — Я может и убийца, но не дурак. Но давайте не будем терять время. Что там? Я признался, что убил Кевина.

— Видите ли, — детектив положил обе ладони на стол, по обе стороны от своей папки, — в этом деле не совсем всё ясно. И я надеюсь, что вы нам проясните несколько моментов.

Флэтчер откинулся на спинку стула, закинул руки за голову и протянул:

— Давайте.

— Зачем вы убили Кевина Спенсера?

Александр прислонился лбом к стеклу. Мистер Флэтчер отвечал на вопросы спокойно, уверенно и твёрдо. Как бездарный актёр, который прекрасно заучил свою роль.

Обратно ехали на машине Елены. Она сама села за руль, проигнорировав робкое предложение Мэтта пустить его.

Елена водила неплохо. Вернее, даже не плохо: она не гоняла, не перестраивалась постоянно в соседний ряд, не подрезала и заранее тормозила перед пешеходными переходами, соблюдала все правила. Но каждый раз, оказываясь с ней в машине. Александр испытывал необъяснимый дискомфорт, настолько сильный, что ещё немного, и он готов был выпрыгнуть из салона и идти дальше пешком. Как ни странно, Мэтт испытывал схожие чувства. Поэтому оба они забирались на заднее сидение «Ягуара» совершенно без охоты.

Елена тронулась с места и сразу перешла на максимально разрешённую скорость. Замелькали огни на набережной. Александр снял очки и сунул в карман. У него разболелась голова. И в то же время он понимал, что не уснёт сейчас — ему нужно было обсудить всё услышанное во время допроса.

Он был уверен, что Елена довезёт Мэтта до дома или до метро, и только после этого они начнут говорить, как обычно, — но ошибся. Выворачивая на Трафальгарскую площадь, она произнесла: — Полная чушь. Спектакль.

— Я тоже так подумал, — сказал Мэтт нетвёрдо. Вообще-то он опасался лишней раз открывать рот в присутствии Елены. — Но с учётом самоговора, при том, как точно он всё описал, его посадят.

— Не обязательно, — ответила Елена. — Самоговор — это важно, но суд не вынесет обвинительный приговор без улик. А их нет, да и не будет, можешь мне поверить.

— Отпечатки?

— Ничего. Ни на теле, ни на кресте нет никаких лишних отпечатков пальцев.

— Фото его машины на камерах? Не мог он нигде не засветиться, пока ехал в Ирландию...

— Фото — это улика, да, — согласилась Елена. — И было бы хорошо его найти. Но вот его отсутствие — не показатель. В итоге все будут уверены, что он убийца, но формально посадить его будет не за что.

— Ты так уверена в этом, — произнёс Александр тихо. — Почему?

— Потому что знаю, как это работает, — отрезала она. — И это будет ещё неплохой

вариант. Хуже, если мы посадим его десять лет, потом он внезапно попадёт под амнистию — и свободен. С кучей денег в кармане. Я знаю такие способы заработка.

— Кто пойдёт на это? — спросил Мэтт с отвращением в голосе. А Александр, вздохнув, слегка подкрутил у реальности звук. Главное он услышал: Елена тоже считает, что мистер Флэтчер просто играет роль.

И где-то в темноте всё равно остаётся убийца, не маньяк, а умный, хитрый, а теперь ещё и, похоже, богатый человек, способный играть не только с чужими жизнями, но и с законом.

— Александр уже озвучивал свою догадку? — спросил Мэтт у Елены. Она покачала головой и Мэтт, убедившись, что Александр не собирается ничего объяснять, сам пересказал идею о том, что убийца понимает смысл фильмов и выделяет в них самое важное.

— Хорошо, — после долгой паузы сказала Елена, — тогда что самое важное в твоём следующем фильме?

— В следующем фильме нет ни одной смерти, — с некоторым облегчением проговорил Александр. — «Чужая мечта», штука не очень позитивная, но в ней никто не погибает.

— Это там девушка сходит с ума? — уточнила Елена.

— Там, — подтвердил Мэтт. — И бегаёт в ночной рубашке по Праге.

— Только это не главное, — заметил Александр негромко. — А ключевая сцена, в которой она пишет автопортрет, никому не может причинить вреда.

После паузы Елена сказала:

— Хорошо. А что следом?

— Короткометражка по Дантову аду, — вздохнул Александр. — Или, если мы говорим о полном метре, «Сирота».

— Лучше уж Дантов ад, — пробормотал Мэтт, и Александр был с ним согласен. Совершенно точно он не хотел бы видеть, как в жизни претворяется сцена, в которой девятилетняя девочка убивает свою мать.

— Почему ты не стал режиссёром детских сказок? — спросил Мэтт в пустоту. — Знаешь, принцессы, драконы... а не всё это дерьмо.

Александр ничего не сказал, а Елена натужно, неестественно и совершенно не в своей манере рассмеялась.

С утра Себ обнаружил на кухне заспанного и виноватого Грега с огромной кружкой крепкого чая без молока.

— Прости за это, Розочка, — пробормотал Грег, салютуя кружкой, — в жизни так дерьмово себя не чувствовал. Что я творил? Помню, как доехали сюда — а дальше чернота.

— Ты был мил и вежлив, — ответил Себ, наливая чаю и вставая к плите — жарить яичницу с беконом на двоих. — Ещё пару раз пообещал развестись, признался в любви моему унитазу и уснул. Как самочувствие?

Грег мрачно покачал головой и скривился — но явно обрёл новые силы, получив тарелку с едой.

— Вот на ком надо было жениться, — сообщил он, берясь за бекон. Себ фыркнул и тоже сел завтракать. Голова казалась тяжёлой и мутной, хотя он вчера не пил. Встреча с Джоан уже казалась почти нереальной, в отличие от позднего звонка Джима. Уже сегодня у него будет работа.

И было не по себе от осознания того, что выполнить эту работу он хочет куда сильнее, чем успеть завтра приехать к женщине, которая сводила его с ума.

— Я видел вас с Джоан вчера. Что у вас творится?

— Что-то вроде: не твоё собачье дело. Кстати... — он улыбнулся, — ты ведь не откажешь мне в небольшой услуге? — Грег скривился, а Себ немедленно добавил: — Мне нужен её плимутский адрес.

Грег нахмурился, и пришлось добавить, что Джоан в курсе и не будет удивлена, когда увидит его у себя на пороге. Только после этого Грег достал из кармана мятого пиджака записную книжку и продиктовал адрес, который Себ записал на салфетке и, на всякий случай, сразу запомнил.

Несмотря на выходной, Грег планировал поехать на работу — кажется, ему просто некуда было себя деть.

— Если что, диван в твоём распоряжении, — сказал Себ, провожая его до такси, — звони и заезжай.

От этих слов Грег несколько приободрился.

А Себ вернулся домой — ждать звонка от Джима.

Странное это было чувство: как будто что-то свербило внутри. Он занимался домашними делами, тренировался, листал каналы на телике, но ни на чём не мог сосредоточиться целиком. Краем сознания он отмечал время, то и дело касался молчащего телефона и почти злился, понимая, что прошёл ещё один час, а звонка всё нет.

Он понимал, что это ненормально.

Но ему нужно было взяться за работу, заняться чем-то... своим.

В девять вечера раздался звонок, и Себ немедленно схватил телефон. Посмотрел на экран — и облегчённо выдохнул, увидев знакомое «Номер скрыт».

— Сэр?

— Отбой, детка, — хрипло выговорил Джим, кажется, с трудом шевеля языком, — отдыхай... — и он отключился, а Себ вскочил на ноги — и едва удержался, чтобы не запустить телефоном в стену в приступе незнакомой ярости.

Медленно сел на диван, уронил голову на руки. Телефон упал на пол, а Себ всё пытался

отдышаться и понять, что происходит.

Что-то ненормальное.

Это просто работа — ничего больше. Ему стабильно платят, даже если весь месяц он сидит дома и плюёт в потолок. Люди не психуют, когда выясняется, что у них появился лишний выходной.

Судя по голосу, Джим опять не в себе — и стоило радоваться, что в этот раз он нашёл другую няньку. Вдвойне стоило радоваться, что на завтра нет никаких заданий, а значит, можно поехать к Джоан — как он и обещал. Как он и хотел.

При мысли о Плимуте что-то как будто сдавило желудок. Рот наполнился горечью. Он не хотел ехать.

— Твою мать, — процедил он вслух. Проверил телефон.

Это дерьмо надо было заканчивать. Работа откладывается — у него ещё один выходной. Это круто. Он собирается провести этот выходной с женщиной, которая ему безумно нравится — это круто вдвойне. Кажется, в восемь тридцать должен быть поезд до Плимута. Разумеется, он поедет.

Вне всяких сомнений.

Себ сумел уснуть — хотя это было и не так просто, как всегда.

Обычно он не видел снов — или, во всяком случае, не запоминал их. Сон всегда приходил легко, приносил отдых, восстанавливал силы — без побочных эффектов. Максимум, что могло привидеться — это очертания изящной женской груди и смутное возбуждение, но даже о них он потом вспоминал с большим трудом.

А в этот раз его подкинуло в постели рано утром. Не разбирая дороги, он рванул в ванную, влез под душ и замер, подставляя спину и плечи потоку воды и отчаянно надеясь, что это поможет смыть недавний кошмар.

Судорожно вздохнув, Себ прижался спиной к кафельной стене, позволяя душевой струе обжигать грудь и живот. Открыл глаза. Руки тряслись.

Он по привычке схватился за переносицу, но тут же принялся тереть горящие глаза. В лёгких не хватало воздуха.

Стоило зажмуриться — и кошмар ожил снова. Так ярко, как ещё никогда в жизни.

Это снова был Ирак. Снова дуэль с другим снайпером. Себ выбрал себе укрытие на предпоследнем этаже полуразрушенного дома. Тот, другой, засел на крыше в трёхстах метрах. Себ знал, где он лежит, но не видел его. Он знал, что если шевельнётся — выдаст себя, поэтому лежал неподвижно, прирастал к дощатому полу. И — точно как в реальности — другой не выдержал первым. Движение было мимолётным, но его хватило для демаскировки. Шевеля только кончиками пальцев, Себ увеличил масштаб и с непривычной резкостью объектив выхватил на фоне жёлтого камня вымазанное в маскировочной краске лицо. Краска посыпалась, и с другой позиции широко улыбнулся Йен.

Конечно, на самом деле его уже не было в это время. Он умер за три месяца до того, в Ираке. Но во сне он лежал на позиции и улыбался, не таясь.

«Ты мог бы его убить, дорогой мой?» — прошептал в наушнике голос Джима.

Себ понимал, что не должен двигаться или говорить. Он должен был только выстрелить — и всё. Но там был не вражеский снайпер, а Йен!

— Ты должен, Себастиан-ан, — промурлыкал Джим, — ты же знаешь правила.

Себ действительно был должен стрелять. Но Йен не был врагом, никак не мог им быть, и он улыбался и махал рукой. Поманил к себе, как будто они были далеко от зоны боевых

действий, и им ничто не угрожало.

— Стреляй, — приказал Джим ледяным тоном.

И Себ выстрелил.

Ещё раз проведя пальцами по глазам, Себ выпрямился и сунул под душ голову. Выкрутил вентель холодной воды, постоял немного — и выбрался, поёживаясь от холода, но зато чувствуя, что оживает.

На кухне он налил себе большую кружку чая — руки уже не тряслись, но во рту всё ещё стояла горечь, а голова казалась тяжёлой и чужой.

Он редко вспоминал Йена. Даже непонятно, с чего вдруг начали чесаться давно зажившие раны. На душе было мерзко. И от самого сна, и от того, что смерть Йена (настоящая, не та, которая привиделась) всплыла в памяти во всех неприятных подробностях, а ещё, как ни смешно, от того, что во сне он выстрелил.

Да, он убеждал себя, что это просто дурацкая фантазия, в которой виноват, наверное, несвежий бекон. Но пальцы зудели, словно он на самом деле нажал на спусковой крючок.

Йен не улыбался перед смертью. Он орал от боли и крыл матом Себа, курдов, Штаты, королеву и военного врача. Обещал встать на ноги и затолкать Себу в зад все его идиотские подбадривания и утешения. «Не дождёшься, придурок, не сдохну я», — было его последними внятными словами. Дальше — только бред, долгая агония и конец. В общем и целом, они оба знали, что это может случиться. С любым из них — или с обоими сразу.

Только теперь перед глазами стояла широкая дурацкая улыбка, отлично различимая через прицел.

Чай и пара сэндвичей позволили Себу слегка взбодриться. Воспоминания о кошмаре подёрнулись плёнкой. Телефон не показывал ни пропущенных звонков, ни смс, и Себ заторможенно принялся собираться.

Плимутский поезд полз, как ему показалось, очень медленно, растягивая три часа пути до бесконечности. Видеть Джоан не хотелось.

Выругавшись себе под нос, чтобы не тревожить пожилую соседку напротив, Себ сжал пальцами виски и крепко зажмурился. Надо было прийти в себя, взбодриться и понять, какого чёрта происходит.

«Завязывай с этим, приятель», — подумал он и взялся за умножение. На четвёртой паре пятизначных чисел в мозгах немного прояснилось. Он сумел осознать, что голоден, понял, где они едут, осознал всю бредовость своего состояния и почти пришёл в себя.

Выходя под дождь на вокзале в Плимуте и перехватывая хот-дог в сомнительного вида палатке, Себ уже чувствовал, что его отпустило. Чем бы ни был этот странный приступ (может, сумасшествие Джима заразно?), он прошёл, оставив после себя только неприятные смутные воспоминания.

Хот-дог окончательно придал бодрости. Даже дождь уже не раздражал. Появилось до этого момента напрочь отсутствовавшее предвкушение свидания с Джоан. Идя к центральной площади, где был шанс поймать такси, Себ даже начал прокручивать в голове приятные моменты предстоящей встречи. Задумался, не купить ли цветов. Но потом мысленно же отправил себя на свалку истории с такими идеями, зашёл в кондитерскую и выбрал пышные свежие булочки с джемом. Представлялось, что им Джоан обрадуется больше, чем бесполезному венуку.

— Тридцать второй дом, сэр, — таксист указал на небольшой опрятный домик с выбеленными стенами. Джоан занимала в нём левую половину, но даже если бы Себ этого

не знал, он легко угадал бы нужную дверь — по совершенно запущенному палисаднику.

Он перепрыгнул две ступеньки и замер, так и не нажав кнопку звонка. Внутри разливалось приятное предвкушение. Он провёл пальцами по волосам, отмечая, что опять пора стричься, и жалея, что не сделал этого вчера. Было бы полезнее, чем сходить с ума перед телевизором. Одёрнул куртку. Обозвал своё волнение подростковым — и всё-таки позвонил.

Сначала за дверью было тихо. Потом раздался истошный вопль, переходящий в затихающее пронзительное кошачье «ма-ау». Что-то грохнуло. Вопль повторился. Глухо зазвучал голос Джоан — но слов разобрать не удалось. И наконец, щёлкнул замок. Себ чуть посторонился — и почувствовал, как губы сами собой растягиваются в улыбке.

Джоан выглядела умилительно — и, разумеется, она убила бы его за эту характеристику, если бы о ней узнала. Не было никаких сомнений, что дверной звонок поднял её с постели. Она щурила заспанные глаза, волосы стояли торчком, делая её похожей на ежа из мультфильма. И, в довершении всего, на неё была просторная толстая фиолетовая пижама. Из штанин на резинке торчали босые изящные ступни.

Позади снова раздался истошный вопль, и между ног Джоан просочилось тощее чёрно-серое животное, напоминавшее скорее персонажа ужастика, нежели кота.

Несколько мгновений Джоан и кот изучали Себа с огромным удивлением. Потом Джоан кашлянула и спросила хриплым спросонья голосом:

— Себ?

— С добрым утром, — хмыкнул он.

— Который час?

— Полдень, — он улыбался всё шире. Джоан скривилась:

— У меня был будильник... Вроде бы. Я не... — она выдохнула и помотала головой, посторонилась: — Заходи. Фредди, исчезни, — она подвинула кота ногой.

Себ вошёл в маленькую тесную прихожую. Джоан закрыла за ним дверь и щёлкнула выключателем. Тут же зажмурилась и тихо застонала. Открыла глаза и сфокусировалась на Себе снова.

— Мне в голову не могло прийти, что ты приедешь, — сказала она тихо, и Себ ощутил некоторую неловкость. Стоило позвонить. Но он не успел уточнить, не сильно ли он нарушает её планы, как она добавила: — Рада тебя видеть. Прости, я...

Он положил коробку с булочками на тумбу для ключей, осторожно взял Джоан за руку, притянул к себе и поцеловал, стискивая пальцами её плечи под мягкой тёплой пижамой.

— Эй... я даже зубы не чистила, — попыталась она сопротивляться, но слишком слабо.

Их привёл в чувство кот, который опять завопил. Джоан отшатнулась назад и рассмеялась.

— Что это за животное? — спросил Себ, снимая куртку и наклоняясь к коту.

У того были огромные зелёные глаза, гигантские уши-локаторы, очень короткая шерсть и костлявые лапы. Встретившись с взглядом с незнакомым ему человеком, кот принялся и издал звук, больше напоминающий карканье.

— Сумасшедший кот. Я не знаю, кем были его предки, но он орёт дурниной, бегают по стенам и ест шпинат. Всё остальное, правда, тоже ест, но шпинат — особенно охотно. Его зовут Фредди.

— Привет, Фредди, — Себ почесал кота за ухом и порадовался, когда тот не вцепился зубами в его руку, — извини, я тебе ничего не принёс. Не думаю, что ты тебе понравятся

булочки с джемом.

— Наверняка понравятся, сожрёт с коробкой, — фыркнула Джоан. — Я... пойду умоюсь и оденусь во что-нибудь нормальное, заходи, располагайся.

И она быстро ретировалась на второй этаж, а Себ, немного подумав, взял кота на руки и прошёл в гостиную. Осмотрелся.

Пожалуй, это была самая необжитая гостиная, которую он видел — включая его собственную. Голые стены, телевизор на тумбе, диван, табурет с чашкой недопитого чая — и всё. На старом линолеуме виднелись продавленности и пятна, по которым легко можно было догадаться, что у прежних владельцев дома здесь стояли шкафы, обеденный стол и стулья.

Себ легко мог представить, как Джоан перебирается сюда, осматривается — и решает, что ей не охота возиться с интерьером дома, где она только спит. Она ведь трудоголик и на рабочем месте проводит куда больше времени. Из гостиной вела дверь на маленькую кухню. Здесь обнаружили невысокий холодильник, отдельная морозилка, микроволновая печь, чайник и электроплита на две конфорки. В раковине невысокой горкой лежали тарелки, рядом стояли чашки.

После непродолжительных поисков Себ нашёл чайные пакетики, молоко и помыл две чашки (ради этого пришлось пересадить на подоконник кота, издавшего невнятное ворчание).

Когда Джоан, с мокрыми волосами и уже значительно более бодрая, заглянула на кухню, Себ как раз проверял, будет ли ли Фредди булку — оказалось, он с удовольствием грыз тесто, но только с ладони. Когда Себ положил кусочек мякиша на подоконник, кот недовольно закричал.

— Себ? — позвала Джоан. — У меня бардак...

Он пожал плечами, вымыл руки и уточнил, заливая чай кипятком:

— Молоко? Сахар?

Было немного странно, но вполне естественно делать чай на этой разгромленной кухне.

— Ничего не надо, — покачала она головой, — просто покрепче...

— Дай угадаю, — Себ посмотрел на мешки у неё под глазами, — надо было варить кофе?

— Он всё равно вчера закончился... — она тряхнула головой, разбрызгивая капли с кончиков волос, — я омерзительная хозяйка, знаю. И у меня нет в гостиной стола, так что...

— Обойдёмся диваном.

Они действительно устроились на диване с чаем и булочками. Кот получил ещё кусок сдобы, проглотил его, заурчал и скрылся за телевизором. Джоан ела булочку с наслаждением, от которого у Себа по позвоночнику бежали мурашки. Ему сейчас было плевать на обшарпанную гостиную, на сумасшедшего кота, на всё — кроме Джоан.

— Ещё раз прости за это всё, — сказала она с некоторым смущением, подняла ноги на диван, устраиваясь в уголке — и тут же попала в ловушку. Себ перехватил её голые ступни и начал осторожно их разминать. Она засмеялась, пытаясь заверить его, что боится щекотки, но делала это совершенно неубедительно.

— Не за что извиняться. Мне всё нравилось бы, даже если бы ты жила в пещере.

Можно сказать, что в этот раз они проявили чудеса здравомыслия — добрались до спальни.

И чёрт её знает, что там было с интерьером — Себ едва разглядел кровать.

Вылезать из постели совершенно не хотелось — и к счастью, они могли себе это позволить. Устроившись в горе подушек, они обнимались и болтали о какой-то ерунде вроде дорог в Плимуте, снега в Лондоне и неудачного брака старины Грега.

— Ты всегда спишь до полудня по выходным? — спросил Себ, прикрывая глаза и чуть крепче обнимая Джоан за талию. Потом, подумав, ещё и уткнулся носом ей в плечо, вдыхая мягкий фруктовый запах её геля для душа.

— Как будто ты — нет, — отозвалась она, потягиваясь.

— Нет. Никогда не понимал этого... Но мне понравилась твоя пижама.

Единственное, что могло заставить его встать — это голод. И именно он напомнил о себе. Оставив Джоан лежать под одеялом, он снова спустился на кухню и достаточно быстро справился с тем, чтобы из яиц, помидоров и ветчины приготовить что-то относительно съедобное на убитой старой сковороде.

— Господи, — пробормотала Джоан, забирая свою тарелку, — Себ, ты идеальный мужчина.

Он засмеялся — вот уж точно нет.

— Серьёзно, — она прожевала кусок поджаренной ветчины и прикрыла глаза от удовольствия, — с тобой есть о чём поговорить, ты хорош в постели, не изменяешь, не спишь до обеда, да ещё и готовишь.

Смех перешёл в ржач.

— Меня пугает такое количество комплиментов. Сразу начинаю искать подвох.

— Никакого подвоха, — Джоан улыбнулась, но как-то немного грустно, — я не понимаю, как вообще вышло, что ты развёлся...

— У меня есть короткий ответ и длинный, — сказал он, доедая остатки омлета, — тебе какой.

Джоан посмотрела внимательно, откинула чёлку и решила:

— Давай честный.

— Они оба честные, — не то, чтобы развод с Эмили был его любимой темой для разговора, но Джоан имела право на этот вопрос, так что никаких проблем он не видел, — мы с Эмили не очень подходили друг другу, — он пожал плечами, отставил тарелку, за неимением тумбочки, на пол, — Эмили хотела мужа рядом, а не чёрт разбери где, в горячих точках. Меня не было по многу месяцев, она всё время ждала, что меня убьют, радовалась моему возвращению, а потом плакала, говорила, что я какой-то чужой. Её это убивало. А меня раздражало, что половину отпуска я должен тратить на то, чтобы её успокаивать, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью. Через три года после свадьбы нас уже связывала только Сьюзен, через шесть лет нам хватило смелости в этом признаться.

— Чего она ожидала от военного? — пробормотала Джоан.

— Мы тогда оба поняли, что либо я уйду из армии, и мы пытаемся построить наш брак заново, либо мы разводимся и не мучаем друг друга и ребёнка. Я не был готов уйти, — он вытер губы тыльной стороной ладони.

— Я бы тоже не оставила службу.

— Тогда не вздумай выйти замуж за гражданского, — Себ снова перебрался к ней поближе и устроил голову у неё на коленях, — это сводит с ума...

— Ты говорил с ней когда-нибудь о своей работе? Рассказывал, что там происходило?

— Шутишь? — нет, рядом с Эмили он вёл себя так, как будто занят чем угодно, кроме войны.

— У меня был парень... он сбежал от меня, когда я вела дело маньяка, проводившегося выкалывать жертвам глаза.

Себ засмеялся.

— Могу представить.

— Кажется, — Джоан подхватила смех, — он сломался, когда на его вопрос о том, как прошёл день, я не выдержала и пожаловалась на отчёт судмедэксперта. Скажи, Себ, как бы ты отреагировал, если бы девушка рассказала тебе о личинках в глазницах?

Он прищурился:

— Я посоветовал бы не варить в этот день рис на ужин. И что, хочешь меня заверить, что безглазые трупы — самое страшное в твоей работе?

Джоан повалилась на подушки, уставилась в потолок и с нарочито-серьёзным выражением лица принялась перечислять варианты — но так и не нашла ничего, что могло бы Себа удивить.

Потом она вдруг осеклась и сказала тихо:

— Самое страшное, это лицо парня, которого я застрелила, — и по тону Себ понял, что она больше не дурачится, — я должна была выстрелить, но я не хотела, чтобы он умер... — она сглотнула, — Знаю, глупый вопрос, но... ты же убивал, да?

— Армейское командование записывает на мой счёт девяносто шесть успешно поражённых целей, — сказал он ровно, чувствуя, как под его щекой сердце Джоан делает короткий пропуск.

— Мне мой один снится иногда... Как ты с этим живёшь?

Себ перевёл взгляд на трещину в потолочной штукатурке. После «МорВорлд» их стало сто семнадцать. А дальше он сбился со счёта.

— Нормально. Просто... на войне ты не можешь думать о целях как о людях. Это противники. У тебя есть приказ, который ты выполняешь.

— Ты помнишь их? Лица, моменты смерти?

— Почти никого. Помню трудные задания, выстрелы в сложных условиях, а цели... Я знаю ребят, которые помнили каждого убитого, и, как бы они ни держались, рано или поздно это их ломало.

Джоан провела пальцами по его волосам, и Себ прикрыл глаза — это было приятно.

— Тот, кого ты застрелила... У тебя ведь не было выбора? Ты должна была стрелять?

— Чтобы спасти себя и всю группу... Я прострелила ему плечо, а у него оказалось слабое сердце. Болевой шок убил его на месте.

— Ты не могла об этом знать, — он нашёл её ладонь, сжал и коснулся губами середины. — Это не убийство. Ты сделала то, что должна была сделать, и ты молодец.

Они немного помолчали, а потом Джоан наклонилась к нему, шепнула:

— Хватит об этом, — и поцеловала.

Себ не был против — в отличие от монстра-кота, который выбрал именно этот момент, чтобы завопить под дверью.

Они расхохотались, Джоан с недовольной гримасой встала и впустила Фредди в комнату. Он немедленно запрыгнул на кровать и басовито заурчал.

— Он голодный? — спросил Себ, почёсывая его под подбородком.

— Он просто наглый, если не пустить — так и будет орать часами. Да, Фредди? —

Джоан потрепала кота за ухом, заставляя его недовольно помотать головой.

— Почему Фредди?

— Голосистый как Меркьюри и когтистый как Крюгер.

Взяв кота на руки, Джоан снова устроилась поудобнее под одеялом, зевнула и призналась:

— Впервые за много лет не хочу понедельник.

— А я не хочу уезжать.

Ему нравилось это ощущение замершего времени: тёплая, даже душноватая спальня, Джоан рядом, даже этот кот, меньше всего на свете похожий на кота.

Конечно, было понятно, что понедельник всё-таки наступит, а Себу лучше бы успеть на последний поезд до Лондона. Но пока можно было притвориться, что за пределами спальни мира вообще не существует.

Однако он существовал.

Звонок телефона оказался слишком резким и совершенно чужеродным. Джоан дёрнулась, потом пробормотала:

— Это твой.

Себ вылез из постели, достал телефон и прочитал неизбежное: «Номер скрыт».

— Я сейчас, — бросил он и вышел из комнаты, притворил дверь и ответил: — Сэр?

— Себастиан... — голос Джима был тихим, хриплым, сорванным, — ты мне нужен... здесь...

— Я в Плимуте, сэр.

— Мне плевать! — взвизгнул Джим, и тут же прошептал: — Прости, детка... не хотел кричать... поезд... Плимут? «Плимут—Лондон», семнадцать пятьдесят две. Ты успеешь... — и он положил трубку. Себ стиснул зубы, чтобы не выругаться вслух.

Он не хотел ехать — и, при этом, отчаянно желал оказаться в Лондоне немедленно. Зачем? Было очевидно, что его ждёт не работа, а ещё одна ночь в роли няньки для сходящего с ума босса, но Себ понимал, что он там нужен. Должен поехать, чтобы...

Что?

Привести Джима в порядок и получить новое задание.

Чтобы уже оставить позади тупое ничегонеделание неделю за неделей. Если ради этого нужно перенести приступ безумия у Джима — что ж, так тому и быть.

Он вернулся в спальню — и Джоан сразу поняла, что его вызывают на работу.

— Понедельник раньше срока, — проворчала она, и Себ порадовался, что ему не нужно перед ней извиняться. Она отлично понимала, что работе плевать, сколько сейчас времени и какой день недели.

— Мне чертовски жаль, — сказал он почти искренне, ещё раз поцеловал Джоан и быстро оделся.

Джоан тоже собралась и пояснила:

— Отвезу тебя на вокзал. Такси ты здесь не поймаешь.

Оказалось, что Джоан неплохо водит подержанную «Хонду», и Себа это почему-то умилило. Хотя, казалось бы, глядя на Джоан, можно было догадаться, что у неё есть своя машина. И разрешение на оружие. И боксёрская груша где-нибудь на чердаке. Но, странная штука, это делало её только более привлекательной в его глазах.

Если бы не капризы Джима, он едва ли сумел бы заставить себя уехать сегодня.

— Когда у тебя выходной? — спросил он, пока Джоан парковалась возле станции.

— Наверное, в субботу.

Они долго целовались на парковке перед станцией, и Себ едва не опоздал, но всё-таки успел купить билет и запрыгнуть в вагон на пару мгновений до того, как двери закрылись.

В квартире Джима снова, как в прошлый раз, было совершенно темно. Но Себ предусмотрительно подсветил стены фонариком и всё-таки нашёл выключатель.

Едва загорелся свет, от дивана донеслось сдавленное шипение, тут же перешедшее в стон, который резко оборвался на высокой ноте.

Себ приморгался и огляделся.

Квартира-комната никогда не была образцом порядка, но сейчас выглядела так, словно в ней проводили тактические учения для отряда штурмовиков: всюду грязь, подпалины на стенах, нагромождения обломков непонятно откуда взявшейся мебели.

Джим лежал на диване, опять почти голый, и закрывал лицо руками. Подойдя чуть поближе, Себ увидел, что его колотит крупная дрожь, а кожа блестит от пота. Как в лихорадке.

— Свет... больно... — простонал он почти неживым голосом, — погаси...

Ещё одна ночь в темноте рядом с безумцем? Чёрт побери, Себ этого не хотел — но был вынужден подчиниться, причём не только потому что это был приказ начальника, но и потому что видел — свет действительно причиняет Джиму огромные страдания.

Едва комната снова погрузилась во мрак, Джим облегчённо выдохнул. Себ с помощью фонарика подобрался к дивану и присел на пол рядом.

В голову лезли странные мысли — темнота заставляла думать о близкой опасности, а пальцы зудели от желания сжать оружие. Если бы призраков этой комнаты можно было разогнать несколькими выстрелами — было бы круто. Но увы, все они лезли из головы Джима.

— Он видел, как всё горит... — пробормотал Джим. — А я видел его лицо. Такой ужас. Такой сладкий страх. Я хотел большего.

Себ поостерёгся задавать лишние вопросы, но не понял вообще ничего.

— Я мог бы заставить. Но ещё рано. Он такой хрупкий. Я хочу, Себастиан... — он захлебнулся словами и добавил что-то на ирландском, — Не спросишь, о ком я?

— О ком вы?

Джим засмеялся.

— Ты не спросил бы, если бы я не предложил... Ты скучаешь по работе, мой дорогой?

Джиму этого лучше было бы не знать, но Себ сомневался, что даже сейчас, в состоянии, близком к полному сумасшествию, Джим не разгадает его ложь, так что сказал:

— Да.

— У тебя чешутся руки. Ты не находишь себе места. Смотришь на телефон, ждёшь звонка или сообщения. Чем ты наслаждаешься, Себастиан?

Себ промолчал, а Джим повторил громче и настойчивее:

— Чем?

— Я не... — Себ помотал головой, сгоняя дремоту, — не понимаю вопроса.

— Ты не любишь убивать, дорогой мой, мы оба это знаем, — в речи снова прорезался ирландский акцент, — этот упоительный момент прекращения жизни... ты даже не видишь. Ты никогда не смотришь на своих жертв дольше нужного, я замечал. Убеждаешься, что попал — и всё. Тогда чем ты наслаждаешься? — он закашлялся и захрипел, резко выдохнул: — Чем?

Кажется, длинная речь его утомила, но Себ не был так наивен, чтобы ожидать, что он забудет вопрос.

— Я отвечу на любой твой вопрос, если скажешь...

Дались ему эти вопросы.

— Я меткий стрелок, — проговорил Себ, немного подумав. — Мне нравятся сложные цели, опасные ситуации. Это...

— О, адреналин...

— И ещё понимание, что я делаю сложную работу. Выполняю приказ.

— Спрашивай...

Себ, наверное, пару минут смотрел в темноту прямо перед собой, а потом всё-таки решился спросить:

— Что с вами?

— Оу... неплохой ход, детка. Неплохой. Мне интересно... У тебя много привязанностей: эта женщина-полицейский, седой инспектор, люди, которые заходят к тебе в гости. Мне интересно, что будет, если я прикажу тебе убить кого-то из них? Скажи мне, дорогой, что ты сделаешь, если я прикажу убить Грегори Рассела?

Твою мать. Себ сжал одну руку в кулак — разжал. Немного помолчал, выравнивая дыхание.

— Вам нет необходимости убивать Грега или кого-то ещё из моих друзей, сэр.

— Но если она появится?

— То это будет последний раз, когда я выполняю ваш приказ... сэр.

— Не бойся, — произнёс Джим серьёзно, — мне нужен мой снайпер. Ты спрашивал, что со мной. Прости, я не могу ответить. Доктора, который готов был поставить мне диагноз, я велел растворить в кислоте по кусочкам, а остальные не вникали в тонкости. Так что я не знаю.

Очаровательно.

— Себастиан? Расскажи мне сказку.

— Я вам лучше телефонный справочник почитаю.

Джим засмеялся, но смех очень быстро оборвался и затих.

— Не надо справочник. Расскажи ещё раз... «Гулял мышонок по лесу...».

Поломанная игрушка Джима Фоули

2005 год

Полупустой лысый Норфолк-сквер, расположенный в паре минут ходьбы от Паддингтонского вокзала, и летом не был туристической достопримечательностью. А в конце сентября и вовсе не представлял ни для кого никакого интереса. В нём, на лавочке, огибавшей единственный толстый каштан, сидел мужчина, к которому мало кто захотел бы приблизиться.

Во-первых, левая сторона его лица была сильно обезображена огнём: кожу покрывали рубцы, шрамы и стяжки, череп был наполовину лысым. Казалось чудом, что при этом он сохранил левый глаз.

Во-вторых, мужчина был калекой — с левой же стороны из-под рукава куртки выглядывал дешёвый протез, который ставят в государственных госпиталях, не слишком заботясь об удобстве.

И наконец, третьей причиной держаться от мужчины подальше было выражение его лица, вернее, той части, по которой можно было считывать эмоции. Мужчина смотрел вокруг себя с откровенной злобой и уже спугнул взглядом парочку студентов, которые хотели пообжиматься за кустами, и старуху с палками для ходьбы.

Мужчину звали Марк Смит, хотя он не помнил, когда в последний раз кто-то называл его по имени.

Когда в сквер свернул и решительно направился в его сторону ещё один посетитель, Марк скрипнул зубами от досады. Он хотел немного побыть один.

Посетитель, между тем, уверенно подошёл к лавочке, остановился в паре футов от Марка, языком перекатил во рту жвачку и спросил:

— Можно?

Голос у него оказался высокий, манерный.

«Педик», — с уверенностью подумал Марк, разглядывая незнакомца. Тот был мелкого роста, под дорогушим пальто на нём была малиновая рубашка. А часы (он немного в этом понимал) стоили больше, чем Марк зарабатывал за год в лучшие времена. А вот кроссовки на нём были светлые, стоптанные и грязные. Это бросилось в глаза и только усилило отвращение.

Не дождавшись ответа, незнакомец сел на лавочку, осторожно провёл холёными пальцами по рыжим волосам, уложенным гелем, будто бы проверяя, что из причёски не выбился ни единый волосок. Прикрыл глаза и сказал в пустоту:

— Афганистан.

— Что? — не понял Марк.

Его собеседник сделал нервное короткое движение — пожал плечами и двинул шей одновременно.

— Афганистан. Снайпер. Они проглядели растяжку. Вам повезло. Тех, кого вы прикрывали... — по-прежнему не глядя на него, незнакомец снова перекатил жвачку в другую сторону, — что ж, вместо них хоронили пустые гробы.

— Вы кто? — хрипло спросил Марк.

— Жена вас бросила. Может, потому что вы изуродованы, а может, боялась, что вы избьёте её до смерти, когда узнаете об измене. Не напрасно боялась. Да, Марк?

Марк сжал единственную руку в кулак и повторил уже громче:

— Вы кто? Что вы прицепились?

Незнакомец как будто и не слышал его. Так и не удостоив его взглядом, он продолжил:

— Армейская пенсия разочаровала. Работы нет и не будет. Эти люди... они смотрят на вас как на невидимку, скользят взглядом мимо. А если замечают, то их тошнит. И вы даже не можете пойти в паб и подраться там, как раньше, потому что, — он улыбнулся, — вы больше не тот сильный и ловкий парень, который может уложить на лопатки любого, да?

Марка начинало потряхивать от злобы. Этот пиджон сидел рядом и трепался о его жизни как о какой-то новости во вшивой газете. Если бы у него были обе руки, он встряхнул бы его прямо за лацканы дорогого пальто.

— Вы думаете броситься под поезд. Не советую. Зачем ломать жизнь мальчишке-машинисту? Для самоубийства есть более весёлые способы.

— Вот оно что. Вам от меня что-то нужно, да? Хер там. Проваливайте.

Незнакомец встал, расправил пальто и велел:

— Идите за мной, Марк, — повернулся и пошёл прочь.

Он как будто ни на одно мгновение не сомневался в том, что изувеченный снайпер последует за ним. И правда, вскоре раздались клацающие неровные шаги. Помимо руки у Марка отсутствовала ещё и левая нога. Он двигался неровно, тяжело, но не отставал.

Они дошли до «Роял Ланкастер Лондон» — дорогой гостиницы почти у самого Гайд-парка. Шестнадцатизэтажная громадина выделялась издалека. Марк такие ненавидел. Всё это стекло, позолота, швейцар на входе гаденький, с улыбочкой. Пол натёртый. Ему казалось, что все, кто был в фойе, включая официанточек и ресепшионистку с приметной грудью, пялятся на него с отвращением. Его должны были остановить на входе, но никто этого не сделал. Вслед за незнакомцем Марк прошёл через просторный холл до лифтов.

Они поднялись на последний этаж, и незнакомец ключом открыл огромный люкс. Марк оглядел его с отвращением, думая, что в этой комнате, наверное, поместится весь его дом.

В центре люкса стояла гигантская кровать. На столе — ведёрко с шампанским. Возле панорамных окон — два кресла. Марк уже подумал было, что наткнулся на извращенца, которому охота потрахаться с уродом, но тут увидел за вторым креслом установленную на сошки СВД с глушителем.

Незнакомец снял пальто, повесил на крючок, оставшись в своей гейской рубашке и тёмных брюках, прошел к креслу и сел, закинув ногу на ногу. Марк мялся у двери.

— Ну же... Инструмент ждёт, — произнёс незнакомец и выразительно указал на винтовку.

Марк сглотнул так шумно, что, наверное, даже в коридоре было слышно.

После госпиталя он ещё ни разу не прикасался к оружию. Своего не было, денег на покупку — тоже. Да и страшно было попробовать снова и понять, что от былой меткости ничего не осталось.

— Хотите меня в тюрьму упечь?

— Это можно было бы сделать проще, — пожал плечами незнакомец. — Хочу, чтобы вы для меня кое-кого убили.

Марк медленно приблизился к винтовке. Протез мешался, так что он почти пять минут опускался на пол и занимал позу если не удобную, то хотя бы терпимую. Потом примеривался к прицелу.

СВД он терпеть не мог. Кусок грубого говна. Но это не значит, что он не мог с её

помощью кого-то убить.

— Кто вам нужен? — спросил он.

— В целом, кто угодно, — хмыкнув, сказал незнакомец. — Давайте, Марк, удивите меня. Убейте кого-нибудь. На свой вкус, — и он достал маленький театральный бинокль.

Прислонив бинокль к глазам, Джим Фоули принялся разглядывать людей в парке. Ему было интересно, кого выберет Марк. В груди что-то сжималось в лёгком предвкушении.

Впрочем, не только выбор, но и процесс убийства заслуживал внимания. Положив бинокль на колени, Джим перевёл взгляд на снайпера и чуть прикусил губу, чтобы лишним звуком не сбить его настрой. Так уж вышло, и не случайно, что сейчас Джиму была видна только правая, не обезображенная половина лица Марка. И надо признать, эта половина заслуживала не меньше внимания, чем левая.

До взрыва Марка, должно быть, называли смазливый. Чувственные губы, пусть даже чуть тонковатые. Густые брови (теперь уже одна, конечно). Каштановые волосы лет десять назад были его гордостью, а сейчас выпадали даже в тех местах, где не было ожогов и шрамов. Пухлый мягкий подбородок. Джим не обманулся бы таким, но на едва вышедших из пубертата девчонок должно было работать потрясающе. С таким подбородком Марк казался добряком.

Но в эту минуту лицо Марка искажала дивная гримаса. Все мышцы были напряжены, рот слегка приоткрылся. Язык нервно метался по зубам, касался то и дело уголков губ. Тело оставалось неподвижным, но на висках выступили капельки пота. Палец поглаживал скобу. Дышал Марк при этом правильно, ровно. Надо же, профессионал.

Джим успел как раз вовремя поднять бинокль, чтобы увидеть, как молодой чернокожий спортсмен, совершавший пробежку по дорожкам парка, падает замертво с пулей в сердце.

Марк не отрывался от прицела, даже чуть подкрутил его, приближая. Выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Чудесно, — протянул Джим.

Марк тяжело поднял голову и посмотрел на него тёмным, затуманенным взглядом. Джим давно не угадывал людей так точно, до мельчайших деталей. Марк не убивал. Он насиловал через прицел и кончал выстрелом, и его потряхивало после этого оргазма.

— Хороший выбор.

— Что вам надо? — хрипло спросил Марк, стискивая винтовку пальцами.

— Сейчас? Завтра? Вообще? Задавай вопросы точнее, мой мальчик.

— Засуньте этого «мальчика» в задницу. Что вам надо от меня?

От относительного спокойствия до ярости разгон — меньше пары секунд, отметил Джим с предвкушением.

— Например, чтобы ты встал и разделся.

Марк действительно начал неловко вставать, но только затем, чтобы нависнуть над креслом Джима и прорычать:

— Я тебе пидор, что ли?

Джим чуть выше поднял голову, отмечая, что это ощущение — когда нечто вроде Марка Смита нависает над тобой, пылая тупой яростью, — достаточно оригинально и интересно.

— Давай подумаем? Гарри Ньюман, Кевин Фостер, Сэм Браун... Не думаю, что они женщины, — спокойно сказал Джим. — Ну же, не ломайся. Когда тебе ещё перепадёт секс, красавчик?

Раз — и рука Марка сжимается на горле Джима. Ничего похожего на заигрывание.

хватка такая, что можно и правда задушить. Тело Джима кашляет, хрипит, у него из глаз текут слёзы, а сам Джим с любопытством рассматривает покрасневшие глаза Марка, выкатывающиеся из орбит.

— Лучше уж никогда, чем стать подстилкой типа вроде тебя.

Как только давление на горло ослабло, Джим перевёл дух, ощупал трахею, подумал, что на коже точно останутся гематомы, и заметил:

— Разве я об этом что-то говорил? Не беспокойся, детка, я не гордый и не ханжа.

Марк за свою жизнь ещё никогда не чувствовал такого желания растоптать и уничтожить кого-то.

После убийства негра в крови ещё гулял азарт, возбуждение, из-за которого у него всегда были проблемы в армии. А здесь не было командования, не было напарника, который выматывал бы дебильными вопросами и советами. Только винтовка, разрешение ей воспользоваться и безучастный зритель. Всё, что нужно.

И тем не менее, того, кто подарил ему это всё, Марк хотел не просто убить, а стереть в порошок. Всё, что он испытывал раньше, просто меркло в сравнении с этим желанием. Ирландский задрот, который бесил его долгих три месяца, бывшая жена, достававшая годами, медсестричка из госпиталя, его последний враг, — все те, кого он привык ненавидеть, вдруг показались просто тенями.

Незнакомец без имени встал, вытащил изо рта жвачку, скатал в комок и положил на стол рядом с шампанским. Потом разделся целиком, осталась только какая-то висюлька на запястье. Он повернулся к Марку и улыбнулся. Марк оглядел его тощее хилое тело и наградил оплеухой — достаточно сильной, чтобы из разбитого носа потекла кровь.

Незнакомец чуть зажмурился, и Марк рявкнул, чтобы он не смел закрывать глаза. Он бы покрошил его на куски и заставил смотреть на процесс.

Джим сдерживал улыбку.

Он не любил боль, никогда. Но в некотором роде она привлекала его. Она напоминала хождение по узкому ломкому краю старой крыши, когда под ботинками крошится шифер, когда каждый шаг может привести в пустоту.

Боль отрезвляла.

За свою жизнь Джим перепробовал многое, но ни стимуляторы, ни секс не заставляли его чувствовать себя настолько свободным.

Он намеренно, насильно заставлял себя чувствовать каждый удар Марка, не просто фиксировать, а осознавать и проживать заломы, укусы, царапины от грязных нестриженных ногтей и от необработанных краёв протеза.

Марк злился.

О, Джим отлично знал, чего он хочет и чего ждёт. Но ему придётся перебиться. Впрочем, если он будет хорошим мальчиком — вернее, плохим мальчиком, учитывая контекст, — то возможно однажды Джим сыграет для него что-то, похожее на страх. Но точно не сегодня. До такого уровня близости они пока не дошли.

Джим смотрел перед собой всё время. То и дело телесные ощущения туманились, как будто уплывали, и тогда Джим ловил ониксовый крест, сжимал его — и снова погружался в пронзительную, острую боль, которую причинял ему Марк.

Кончив, Марк отпихнул его в сторону резко, с рычанием:

— Нежностей не жди. Хочешь — сам о себе позаботься.

Он был весь потный, красный. Уродливо-красивый. Пожалуй, стоит заказать ему

протезы получше, решил Джим. Его нынешние портили всю идею своей дешевизной.

Любезным предложением Марка Джим воспользоваться не захотел, потянулся, встал и подошёл к окну. Сел на подлокотник кресла, даже не думая одеваться. Поболтал ногой. Взял с кресла уже подготовленную пачку фунтов, завёрнутую в плотный файл, и швырнул на кровать.

Марк колебался недолго, развернул, пересчитал и спросил:

— Что мне мешает грохнуть тебя и забрать остальное? И ещё часы и прочее?

Джим улыбнулся, чувствуя, как привычное движение мышц отзывается болью в скулах и подбородке, а кожа, стянутая коркой из крови, щиплет. Конечно, он мог бы привести двадцать аргументов. Например, напомнить, сколько своей ДКН Марк успел оставить в номере. Но вместо этого взял с того же кресла маленький детонатор и предложил:

— Загляни под кровать.

Марк подчинился, хотя это было и непросто. А когда выпрямился, то у него дрожали губы.

— Мы можем проверить, — лениво сказал Джим, — повезёт ли тебе умереть во втором взрыве. Или, может, просто оторвёт оставшиеся конечности?

Бросив детонатор обратно на кресло, Джим спокойно оделся, провёл пальцами по волосам, на которых, конечно, не осталось и намёка на укладку. Очень ровно завязал галстук. Забрал со стола жвачку и снова закинул в рот.

Марк следил за ним, чувствуя, что его потряхивает от всего пережитого. И от соседства с взрывчаткой.

— Все документы на винтовку под кроватью. Будь аккуратным, не задень что-нибудь, — сказал Джим и прибавил ласково: — До встречи, сладкий. Мы ещё увидимся.

Сказка в этот раз не усыпила Джима, а только ввела в какое-то состояние оцепенения. Себ слышал его неровное, прерывистое дыхание, то и дело переходящее в надсадный хрип, и слова застревали в горле. Но он их проталкивал через силу.

— Чего ты боишься, Себастиан? — слабо спросил Джим, когда сказка закончилась.

— Я не знаю.

— Врёшь.

Себ выдохнул. Лучше уж «Очень голодную гусеницу» читать — как продолжение программы — чем опять участвовать в сеансе мозгового изнасилования.

— Я не хочу отвечать на этот вопрос, Джим, — произнёс он ровно. — Он личный.

Джим издал каркающий звук, который, наверное, можно было бы принять за смех, но только при наличии хорошего воображения.

— Вот как мы умеем! Ты становишься интереснее, если зацепить тебя за живое, детка.

— А вы? Вы чего боитесь? — Себ не знал толком, зачем спрашивает. Ему не было интересно. У него вообще было чувство, что чем меньше он узнает о Джиме, тем безопаснее и спокойнее будет жить. Но других вопросов в голову не приходило, а босса надо было отвлечь. Пусть говорит — и тогда, возможно, устанет достаточно, чтобы отрубиться.

— Скуки... Который час? — он вдруг дёрнулся и сел на кровати.

Себ включил подсветку на циферблате и ответил:

— Половина двенадцатого.

— Пора идти. Помоги мне.

Себ встал и протянул руку вникуда, однако Джим цепко схватился за его ладонь и с трудом поднялся. Пошатнулся. Себ схватил его за липкие ледяные плечи и уточнил:

— Может, не стоит?

— Включи свет, детка... Мне нужно одеться, — Джим нервно хихикнул, и Себ подчинился, надеясь, что, пока он ходит включать свет, босс не упадёт и не разобьёт себе голову. Опасения были не напрасны: Джим нервно вскрикнул, когда зажёгся свет, шатаясь, наклонился за помятым костюмом, но не справился с собственным весом и повалился на пол, едва успев выставить руки.

«Да твою мать, серьёзно?» — подумал Себ отчаянно. Ладно, одеть — как ему тащить это тело?

Себ помог Джиму перебраться на диван, сел рядом и попытался установить зрительным контакт. Взгляд Джима бесцельно бегал, губы дрожали. Но всё-таки наконец Джим посмотрел Себу в глаза, и тот сказал мягко:

— Джим, вы не в себе. Вам бы полежать и попытаться уснуть.

Джим долгие несколько секунд, чуть щурясь, выдерживал его взгляд. Потом зажмурился и засмеялся.

— Я в норме, детка... Дай... — он попытался указать на кучу одежды, но жест вышел смазанным.

Точно зная, что ещё пожалеет об этом, Себ собрал одежду и положил рядом с Джимом, который сумел одеться минут за двадцать — почти самостоятельно. Разве что пуговицы застегнуть не смог и шнурки завязать. Себ помогал ему молча, в каком-то автоматическом режиме, не рассуждая.

Конечно, нормально идти Джим не мог — шатался из стороны в сторону, как будто его разбивал частичный паралич. Будь он повыше, вести его было бы проще — а так Себу приходилось сгибаться, чтобы, закинув безвольную руку себе на плечи, вести его, удерживая за подмышки.

— До машины... — прохрипел Джим. — Рядом...

Стоило хотя бы порадоваться, что он лёгкий — особенно в сравнении с Грегом, которого Себ таскал недавно. «Себ Майлс — услуги по транспортировке бессознательных тел в любой кондиции», — подумал он, но признал, что шутка вышла очень слабенькая. Ещё Джиму в плюс перед Грегом можно было отнести запах. Он, конечно, вонял потом, но куда меньше.

В лифте с выбитой лампочкой Джим слегка взбодрился и даже сам начал держаться на ногах, но по дороге к машине всё равно загребал пыль носками модных туфель.

— Карман...

Знал бы Себ заранее — заехал бы за «Фордом» прежде, чем отправляться к Джиму. Не любил он водить этот «Ягуар».

Джима пришлось пристёгивать: упав на пассажирское сиденье спереди, он, кажется, совершенно растерял последние остатки сил и буквально повис на ремне.

— Куда едем?

— К Британскому музею, — через несколько минут скомандовал Джим, и Себ поехал.

Ночью в воскресенье дороги были совершенно пустыми. Джим устроился на сиденье и не то просто затих, не то уснул. Машина шла легко. Себ чувствовал, что напряжение слегка ослабеваает. И тут вспомнилась Джоан.

Глупо до смешного. Он спокойно рассказывал ей сегодня про девяносто шесть убитых своими руками — и не сомневался, что она сможет понять. А спроси она, чем занимался сегодня весь вечер... Он бы не смог ответить. Вернее, не захотел бы. Что-то придумал бы, говорил бы про пункт о неразглашении в контракте, но правды бы не сказал.

Смерти на войне были нормальным явлением. А Джим находился за гранью нормальности. Такой вот постыдный секрет. И не только для Джоан, но и для Сьюзен. Когда-нибудь её вопросы о папиной работе станут более конкретными и настойчивыми. Возможно, однажды его ложь перестанет действовать, но даже ей он скорее расскажет о сотне убитых.

Чтобы заглушить неприятные размышления, Себ повернул колесо громкости, и магнитола тут же наполнила салон какой-то инструментальной музыкой. Себ в ней совершенно не разбирался, но звучало достаточно бодро и красиво, так что он не стал искать радио.

Джим чуть пошевелился, но глаз не открыл, так что, видимо, ему музыка тоже не мешала.

Себ сосредоточился на дороге, выкидывая из головы лишние мысли. Без пробок до Британского музея они долетели за двадцать минут. Джим очнулся за мгновение до того, как Себ сбросил скорость и начал оглядываться в поисках места для парковки.

— На той стороне, — сонным голосом скомандовал Джим, а потом сам отстегнулся и выбрался из машины. Кажется, короткий сон пошёл ему на пользу — он уже держался на ногах и смотрел осмысленным, трезвым взглядом. Улыбнулся, поднимая голову вверх и подставляя лицо редким дождевым каплям.

— Пойдём, детка. Здесь недалеко.

И он, сунув руки в карманы пальто, первым зашагал по узкой, заставленной машинами улице.

После нескольких поворотов они выбрались на широкую Хай Холборн, Джим остановился, повернулся к Себу и спросил с неожиданным участием:

— Ты голоден, дорогой?

До этого вопроса Себ о еде не думал — хватало забот. Но тут осознал, что обед был достаточно давно и особой плотностью не отличался. Ответить он не успел — Джим, как обычно, всё прочитал на его лице и заметил:

— Тебе понравится. Жди здесь, — и, наплевав на сигнал светофора, перешёл на другую сторону улицы.

Себ следил за ним, как если бы он был целью — не выпуская из виду ни на секунду. Он прошёл ещё немного по улице и остановился под козырьком — судя по всему, там был какой-то магазин. Правда, учитывая позднее время, он должен был быть закрыт — но Джима это явно не смущало.

Из-под козырька он отшёл через несколько минут, держа небольшой свёрток в одной руке. Отчётливо запахло едой.

— Один парень уверял меня, что это лучшая шаурма в Лондоне. Тебе должно понравиться, — подмигнул Джим, вручая свёрток Себу. — Надеюсь, ты можешь есть на ходу.

За Джимом следом Себ пошёл совершенно ошарашенный: что это вообще сейчас было? Не найдя ни одного внятного ответа, Себ принялся за шаурму — лучшую там в Лондоне или нет, но горячую, свежую и, определённо, отменную.

Они уверенно двигались в сторону Сити, но Себ даже не пытался угадать, зачем. Может, Джиму просто хочется прогуляться по знакомым местам? А может, где-то на крыше уже заготовлена винтовка? Себ успел расправиться с шаурмой, когда они вышли к Собору Святого Павла. Джим остановился, разглядывая собор, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую. Приблизился к ступеням и, чуть поколебавшись, присел на одну из них — мокрую и наверняка холодную. Кивнул, приглашая присоединиться.

— Я лучше постою. И вам советую.

Джим фыркнул:

— Сумасшедшим не страшна простуда, — и добавил задучливо: — Я люблю это место. Особенно купол. Мне нравится думать о том, чего нет.

Это заявление Себ не прокомментировал никак.

— Здесь в разное время стояло четыре разных собора. Мне нравится их разглядывать. Особенно предпоследний... Каменная громада, склонившаяся перед буйством огня.

Угадав намёк на лондонский пожар, Себ мысленно вывел себе отличную отметку по истории — и подтвердил её, вспомнив год. Он-то думал, что эти знания остались где-то в старшей школе.

— Здесь всё пылало, знаешь... Сердце Лондона в языках пламени, осыпающиеся камни, перекрытия, прогорающие до головёшек, — Джим сощурился с наслаждением. Кажется, мысль о пожаре доставляла ему удовольствие. Открыв глаза, он ухмыльнулся: — Не бойся, я не собираюсь поджигать город. Который час?

— Двенадцать... — Себ глянул на часы, — двадцать три.

— Почти, — он протянул руку. Себ помог ему подняться, и они двинулись в обход собора.

У Себа не было ни одной идеи, куда именно они идут и зачем, но он даже не тратит силы на то, чтобы угадать.

Через несколько минут Джим остановился возле отдельного церковного здания, тоже, похоже, достаточно старого. Себ не помнил, что это за церковь, а вот Джим погладил каменную колокольню с нежностью, опёрся о неё рукой и достал из кармана пальто маленький бинокль, похожий на театральный. Поманил Себа подойти поближе и поднял бинокль, вглядываясь во что-то на другой стороне улицы. Даже без этой сомнительной, особенно в ночных условиях, оптики Себ увидел, как из поворота выходит человек.

Джим нервно облизнул губы, продолжая смотреть на него, а Себу оставалось только прищуриться. Человек попал в свет фонаря, и Себ узнал его. Они с Джимом уже как-то наблюдали за ним — в какой-то студии, с помощью скрытой камеры. И вот, теперь решили посмотреть, как он гуляет ночью.

Шёл мужчина ровно, но тяжело, словно тоже пережил приступ или просто был пьян. Перейдя дорогу в положенном месте, он сел на лавочку возле Собора Святого Павла и, запрокинув голову, посмотрел наверх. К Себу с Джимом он теперь сидел спиной, но кажется, Джима это не смущало.

Мужчина на лавочке не двигался. Джим только изредка глотал ртом воздух. Себ скучал. Так прошло больше часа, а потом на улицу выехал чёрный «Ягуар». Тяжело поднявшись, мужчина оглянулся ещё раз на собор и сел в машину. Когда та скрылась за поворотом, Джим опустил бинокль и закрыл лицо ладонью, а потом вдруг истерично расхохотался.

Когда он успокоился и спрятал бинокль, Себ спросил:

— Кто он?

— Я, — отозвался Джим. — Ну, не смотри с такой ревностью. Тебе достаточно знать, что он — это я. Только, знаешь, чуть более правильный. Однажды... — язык Джима опять начал заплетаться, и конечно, появился акцент, — однажды он меня узнает и уже не сможет забыть. Будет думать обо мне каждую минуту, повторять моё имя, ненавидеть меня каждой клеткой тела и разума. Ох, — он улыбнулся, — не могу дождаться.

— По вашему тону, — слегка осмелев, заметил Себ, — непонятно, вы его хотите... или хотите убить?

Джим засмеялся тихим, неопасным смехом.

— Как ты думаешь, детка?

Как следует поразмышляв, Себ ответил:

— Мне кажется, где-то посередине.

Джим опустил руку в карман, пошарился там и достал клочок бумаги и карандаш. Что-то быстро нацарапал и протянул Себу. На бумажке оказался написан номер телефона.

— Возможно, ты захочешь как-нибудь мне позвонить, — он подмигнул. — Не стесняйся.

На обратной дороге Джим снова уснул, когда снова оказался на любимом диване, махнул рукой:

— Ты свободен, Себастиан. Можешь взять мой автомобиль, если хочешь.

Себ поблагодарил, но про себя подумал, что предпочтёт идти пешком. К счастью, этого не потребовалось — всего через пару кварталов он поймал такси.

Дома на кухонном столе его ждал жёлтый плотный конверт без надписей. Осторожно вскрыв его, Себ достал один билет до Вены, паспорт на имя Стивена Эванса и записку неровным быстрым почерком на жёлтом стикере: «Развлекись там как следует за нас обоих,

детка».

«Мне было тяжело работать над этим фильмом. Смерть Кевина (Кевин Спенсер, актёр, убитый в разгар съёмок. — прим. ред) тяжело ударила по всем нам. Но я чувствовал моральную ответственность за то, чтобы довести дело до конца. Суть романа в том, что вы вынуждены сопереживать не только жертве, но и её мучителю. И мы постарались сохранить это ощущение в фильме, вызвать то же самое психологическое искажение, которого добивался автор первоисточника. Получилось у нас или нет — решайте сами во время просмотра. Что до меня, то я сомневаюсь, что когда-нибудь решусь пересмотреть этот фильм дома, по своей воле».

Комментарий в The Sun

Запершись в лондонской квартире, Александр пытался игнорировать тот факт, что новый фильм всё-таки вышел на экраны. Ему было плохо от этой мысли. Фильм душил его.

А ещё сильнее душило ожидание беды.

Суд над мистером Флэтчером прошёл, того отпустили за недостаточностью улик. А настоящий убийца, ответственный уже за три страшных смерти, до сих пор таился где-то во мраке неизвестности.

Александр начал сниться кошмары.

Тягучие, медленные, они вползали в самые обычные сны, растекались там чернильными пятнами и сводили с ума. Он просыпался среди ночи с колотящимся сердцем и пытался подолгу осознать, что всё в порядке.

Пытался отвлечься.

Например, на Шерон, которая устроила сейчас рыжую голову у него на коленях и жевала попкорн из большой керамической миски. Он погладил её по голове как кошку. Она отставила попкорн, повернулась и замурлыкала. Перехватила его руку и положила себе на грудь.

— О чём думаешь, малыш? — спросила она, убедившись, что он не намерен ничего делать с её грудью.

— О разном, — отозвался он.

Шерон была миленькой, очень. И фактически сама залезла к нему в постель, что можно было считать огромным её достоинством — откровенно говоря, на ухаживания Александр в последние месяцы был не очень-то способен.

— Посмотрим что-нибудь? Обычно ещё недели две после премьеры Александр старался ничего не смотреть: ни своего, ни чужого. Но по отношению к Шерон это было жестоко: заставлять её сидеть без дела в душной квартире. Она, кажется, не была большой любительницей чтения, так что местная библиотека, доставшаяся Александру в наследство вместе с квартирой, не могла её развлечь.

— Что угодно, — кивнул он. — Кроме ужасов и мыльных опер.

Подскочив, Шерон прошла босыми ногами по шерстяному ковру, забавно поджимая пальцы, остановилась возле стеллажа с дисками и заскользила по ним пальчиком. Свободной рукой провела по своему боку, остановилась на бедре, где заканчивалась рубашка. Разумеется, Шерон со второй же ночи в его доме затребовала себе рубашку.

Александр их не носил, но специально на такой случай у него лежало несколько штук.

— «За бортом»? — предложила Шерон. — «Привидение»? «Джо Блэк»?

Александр пожал плечами. Общее направление он уже понял, а детали не особо волновали. В конце концов, он посмотрел все эти ленты как минимум однажды — и точно переживёт повторный просмотр.

Шерон после очень недолгих колебаний остановилась на «Джо Блэке», и Александр решил, что это не худший вариант. Если отключиться от сюжета и сценария, весьма посредственных, то можно просто наслаждаться прекрасной игрой сэра Энтони Хопкинса.

Шерон поставила диск, забрала пульт, уселась обратно на диван, закинула ноги Александру на колени и включила экран телевизора. Но меню DVD не отобразилось. Вместе с этим экран почернел, а из колонок раздался тихий и очень знакомый мотив.

— Что-то не работает... — пробормотала Шерон, но Александр перехватил её руку, не дав нажать на кнопку «Стоп». — Что? — не поняла Шерон, а Александр, шикнув на неё, вслушался.

Музыка стала чуть громче. Господи, сколько времени он мучил композитора, пока аранжировка «Песни юродивого» Мусоргского не зазвучала так, как ему хотелось! А до этого заслушал до дыр, наверное, все варианты исполнений.

— Что это? — почему-то шёпотом спросила Шерон.

— «Сирота», — отозвался Александр, глядя на огромные глаза юной актрисы, снятые крупным планом. — Мой фильм.

Камера отъехала и показала именно то, что должна была. Девочка стоит на крыльце, держит в руках мультяшный, нарисованный меч, с которого капает настоящая кровь. Наезд девочке за плечо. В коридоре, раскинувшись, лежит рисованная старуха-ведьма с настоящими мёртвыми глазами.

Вырвав пульт из рук Шерон, Александр попытался выключить телевизор, но ничего не произошло. Он не отреагировал на нажатие кнопки.

— Как на диске оказался твой фильм? Я не понимаю, малыш...

Александр вскочил. Он чувствовал, что просто не выдержит вида того, как мультяшки пропадают, открывая всю неприглядную правду. Не доверяя больше кнопкам, он выдернул вилку телевизора из розетки.

И экран погас.

Шерон продолжала о чём-то спрашивать, что-то уточнять, но его это не интересовало. Он должен был позвонить Елене и сказать ей, что всё-таки не Дантов ад.

В Вене Себ уже был. Эмили вытащила его в Австрию на медовый месяц. Точнее, на медовую неделю. Воспоминания были смутными, но приятными: он бы провёл большую часть времени в номере, но, чтобы порадовать жену, бродил с ней по музеям и замкам, на вид очень похожим один на другой, и слушал краем уха экскурсоводов. Зато после музеев они пили светлое лёгкое пиво, пробовали местный шоколадный торт. Эмили пыталась научить Себа немецкому — и они вместе едва ли не валились с ног от смеха, когда он пытался за ней повторять. Та Вена была солнечной и дружелюбной.

Прилетел Себ совершенно в другую: дождливую, серую и мрачную.

Его встретили сразу после зоны таможенного досмотра. Высокий сутулый человек, совершенно невзрачный, подошёл и спросил, он ли Стивен Эванс, который забронировал номер на Шпигельгассе, 13.

Бронировал ли он номер, Себ не знал, но согласно кивнул. Встречающий улыбнулся кончиками губ, представился Лукасом Бауэром и предложил следовать за ним, задавая дежурные вопросы про комфорт перелёта и погоду в Лондоне.

Себ отвечал коротко, разглядывал Бауэра, морщился от его акцента и посматривал по сторонам.

Возле аэропорта их уже ждал автомобиль — к счастью, не «Ягуар», а всего-навсего новенький «Ауди». Что бы ни предстояло делать, Себ предпочитал машину, на которую не оборачиваются на улице. Бауэр сел за руль, убедился, что Себ не забыл пристегнуться, тронулся и спросил, какие у Себа планы.

— Я... — он нахмурился, понятия не имея, что именно можно говорить этому парню, — пока точно не знаю.

Бауэр улыбнулся уже теплее, чем в аэропорту:

— Сбежали от жены на пару дней, сказав, что в командировку? — и засмеялся, как будто удачно пошутил, — Тогда не буду вам рекомендовать музеи. Тоска смертная, смотреть на все эти платья и тарелки, пусть даже и золотые. Вам бы на пляж, но не в то время приехали. Обязательно зайдите в пивнушку, я вам попозже адресок напишу. Отличное пиво, а не ваша английская моча.

Себ молча кивнул, не кидаясь на защиту родины. Бауэр его чем-то неуловимым напрягал, и он сидел, настороженно осматривая то салон автомобиля, то дорогу, ожидая, что обязательно что-то произойдёт.

Но они просто ехали сначала по пригороду, потом по самой Вене. Бауэр болтал о туристических и не очень туристических достопримечательностях, рассуждал о лучшем сорте пива, предлагал телефоны «девочек» и вообще, вёл себя как назойливый гид, а не тот, кто должен был снабдить его инструкциями от Джима. Ладно, в аэропорту — можно было бы придерживаться этой роли, чтобы не привлечь нежелательного внимания. Но на кой чёрт эта конспирация в машине?

Внутри заворчалось неприятное опасение, что Джим устроил такой розыгрыш в отместку за что-то. И только наличие фальшивого паспорта успокаивало: слишком много мороки для шутки.

Когда они выехали на набережную Дуная, Себ начал смутно припоминать места, а Бауэр воскликнул:

— Так вы же рыбак! Совсем забыл. Ваши снасти уже ждут вас в комнатах, не переживайте.

Снасти. От таможенников винтовку таким способом не спрячешь. А вот от посторонних глаз, не снабжённых рентгеном, без проблем.

— Уже решили, куда поедете? Каумберг совсем рядом, но там вечно полно народу, не продохнуть. Я в прошлом году в Альпы ездил, на Эральфузее, вот где хорошо было... — и дальше он болтал про рыбалку. Себ что-то поддакивал, но не очень осмысленное — удочку он в последний раз держал в руках лет в двенадцать. Рыбная ловля нравилась ему ещё меньше, чем охота.

Проехав немного по широкой и явно туристической улице, они свернули — и Бауэр затормозил, торжественно объявив:

— Вот, и прибыли. Пойдёмте, герр Эванс, покажу вам комнаты и больше не буду надоедать своей болтовнёй.

— Что вы, — пробормотал Себ на автомате, — ваши рассказы очень увлекательны и полезны. В пивную я обязательно загляну. Спасибо за советы. И за снасти, конечно.

Комнаты, вернее, полноценная квартира со спальней, гостиной и кухонным уголком, выглядели не очень современно, но зато добротно. Старая потёртая деревянная мебель, деревянные же крепкие оконные рамы, паркет, застеленный в спальне ковром. Особенно порадовал пятый — последний — этаж и то, что окна выходили на задний двор. Он выглянул на улицу и присмотрел совсем рядом пожарную лестницу. Не то, чтобы он планировал побег через крышу, но было приятно иметь эту возможность.

В углу гостиной стояли многочисленные чёрные водонепроницаемые чехлы с рыболовной символикой.

— Как видите, всё доставили. Ну, наслаждайтесь отдыхом. Ключи от машины, пожалуйста, и от квартиры, — он выложил ключи на тумбу в прихожей, мой номер на холодильнике прикреплён, обращайтесь по любому вопросу.

— Спасибо, мистер Бауэр, — сказал Себ и тихо выдохнул, когда австриец ушёл. Он запер за ним дверь, опустил в гостиной шторы, зажёл свет и только после этого подошёл к чехлам.

В первых трёх действительно были удочки. В четвёртом — плотно запечатанном — лежала разобранная «М-24». В широкой сумке — родной «Люпольд», какие-то крючки и поплавки и старенькая «Нокиа». Что характерно, прибора ночного видения всё равно не было.

Себ включил телефон, и он, загрузившись, сообщил, что поступило пять новых сообщений.

Ощущая себя героем подросткового шпионского романа, Себ зашёл с телефоном в ванную, включил воду, убрал громкость до минимума и только после этого запустил первое сообщение.

«Привет, детка. Всё получил, всё разобрал? Не сердись, ночью тебе в этот раз работать не придётся, — Джим хмыкнул, — ты ведь слушаешь это в ванной, да? Ты прелесть».

Короткий писк означал, что сообщение закончилось, и Себ сдержал желание разбить телефон о кафель. Посмотрел на дату и время отправки: вчерашний вечер. Как Джим мог знать про ванную?

Взял себя в руки и включил второе.

«Ладно, дорогой, лирику оставим на потом. К делу. Завтра в девять утра у моего клиента

Дика важная встреча. Адрес придёт смс-кой чуть позже. Дика хотят убить, причём сделать это публично и нагло, — Джим кашлянул, чем-то заскрипел, зашуршал, — прости, отвлёкся. Конечно, мы все знаем, что наш старина Дикки — редкостная мразь, но он нам ещё пригодится. Кто иначе будет присылать тебе твои любимые игрушки?»

Писк, конец сообщения.

«Конечно, Дик не ходит без охраны. Но ему нельзя открывать огонь в центре Вены, он всё-таки честный бизнесмен. Будут проблемы, лишнее внимание. Мне нужно, чтобы ты убрал убийц. Всех троих, прямо на месте, быстро и аккуратно. Справишься?»

Конец сообщения.

«Место для засады ищи сам, я в смс-ках набросаю идеи, но придётся проверять. Мне бы хотелось, чтобы ты ушёл оттуда целым и невредимым, так что не жмись к ним».

Осталось одно:

«Во внутреннем кармане сумки должен лежать адрес стрельбища и контакты владельца. Там же — всё, что нужно для связи. И лицензия, конечно. Дик аккуратен со своим товаром. Можешь съездить сегодня, проверить игрушку, — тишина, шуршание, — обратный билет пришло попозже. Пиши в случае любых трудностей. Хорошо проведи время, дорогой, — знакомое фырканье, — Скуча-аю!»

И дальше посыпались смс с уточнениями.

Себ выключил воду и вернулся в гостиную: действительно, в потайном кармане обнаружили все необходимые документы. На стрельбище, если только он правильно разобрал этот чёртов акцент, его ждали с распростёртыми объятиями и в любое время. Прикинув дорогу по карте, которая тоже нашлась в сумке, Себ сообщил, что приедет через три часа.

Если уж была такая возможность, он предпочитал сначала пообедать, а потом браться за работу.

В целом, это была рутина: пристрелять винтовку (насколько возможно на стрельбище с максимальной дистанцией в триста пятьдесят метров), ещё раз перекусить и, оставив «Ауди» на парковке в нужном районе, пойти проверять адреса.

Вокруг было достаточно туристов, и Себ неплохо, как ему казалось, с ними сливался. Разве что фотоаппарата не хватало, но возле кафе «Ландтман» — предполагаемого места встречи «Дика» непонятно с кем, — он остановился, достал телефон, включил слабенькую камеру и сделал пару снимков.

И вдруг замер.

Опустил телефон.

Конечно, кафе выглядело иначе. Открытая веранда была почти пустой, не считая одного столика. Цветы убрали. Зонтики не радовали белизной, а запылились и испачкались за зимний сезон. И солнце — не было того солнца. Но в остальном это место ничуть не изменилось.

Почему из всей поездки Себ так хорошо запомнил именно это кафе? Он не знал. Но он помнил до мелочей, как они с Эмили заходили сюда, выбирали столик — чуть левее от центра большой полукруглой веранды, — читали меню... Он помнил бирюзовое платье на Эмили. Она ругалась, что юбка слишком широкая и мешается, а Себ сообщал, что зато эта юбка отлично подчёркивает её чудесные ножки.

Он моргнул, сбрасывая наваждение. Убрал телефон — и повернулся к кафе спиной. В общем и целом, место было неплохим. Открытая площадь, всего одно здание, которое могло

бы перекрыть обзор, и, при этом, много точек, откуда оно не будет мешать.

«Не жмись к ним». Джим обычно либо указывал конкретную позицию, либо полностью доверял профессионализму Себа. Но в этот раз почему-то решил дать совет.

Почесав в затылке, Себ неторопливо пошёл к широкой улице, на которой и предстояло искать подходящее место. Проблема заключалась в том, что это был самый центр города. Дворцы, музеи правительственные здания. Наверняка где-нибудь и камеры стоят.

Он ходил вдоль домов, рассматривал метки сигнализаций. Отходить больше, чем на пятьсот метров, в условиях города — плохая идея. Слишком много помех.

Ещё мешала городская застройка — вся выровненная как по линейке. Без возвышений. Выделялись только шпили церквей.

Шпили.

И башни.

Себ мысленно выписал себе диагноз «клиническое сумасшествие» и прошел между домами. Первая церковь была в трехстах метрах от цели. Вторая — примерно в шестистах. Обе — с высокими колокольнями. Обе не переполненные туристами.

Учитывая высоту башен, можно увеличить расстояние — наблюдать будет всё равно удобно.

Себ достал телефон, набрал в сообщении адрес церкви и приписал: «Мне нужен проход в башню. На верхнем этаже вижу служебное помещение. Есть возможность?».

«3:45 после полуночи. Парень в жёлтой кепке», — пришёл ответ через долгие двадцать минут.

Джим умел устраивать дела.

Готовя лёжку в темноте душной пыльной башни, Себ размышлял над совершенно бесполезным с практической точки зрения вопросом: кто всё-таки такой Джим и чем конкретно занимается? Да, он сказал тогда в Тае, что создаёт преступления. Но какой в этом смысл? Ещё он говорил, что не управляет мафией, но в это верилось слабо — у Джима было пугающе много ресурсов. Италия, теперь вот Австрия, не говоря уже о Британии — Джим заходил туда, куда хотел, и получал то, что ему было нужно. Даже вот, кажется, мог давить на Скотланд-Ярд — если, конечно, Пола действительно не случайно отстранили от расследования взрыва в фирме Джима. Кем вообще нужно быть, чтобы иметь такие возможности? При этом он ведь не скрывался, гулял, не пряча лицо, по центру Лондона, ездил без охраны.

А все эти люди? Парень в жёлтой кепке, который пообещал ему крутые впечатления. Мистер Бауэр с болтовнёй о пиве и рыбалке. Они имели какое-то отношение к Джиму или им просто платили за услуги и молчание?

Установив винтовку и заняв позицию, Себ, впрочем, выкинул лишние мысли из головы. У него было время немного отдохнуть, и он собирался им воспользоваться.

В ммс от Джима упали фотографии с подписями: «Наш дорогой Дик», «Цель №1», «Цель №2» и «Цель №3».

Лаконично. Впереди было ещё пять часов ожидания.

«Дорогого Дика» было нельзя не узнать — даже без всяких фоток. Себ видел таких парней: казалось бы, ничего из себя не представляют, над ремнём пузо намечается, залысины пробиваются, джинсы как из секунда. Только рядом — шикарная высоченная

блондинка с короткой стрижкой, которая не сводит с него глаз, а чуть в стороне — двое крепких ребят в одинаковых костюмах, с микрофонами в ушах и со стволами в карманах. После полугода в «МорВорлд» Себ отлично представлял, чем такой «Дик» занимается и какими суммами ворочает.

«Дик» через ступеньку вскочил на веранду, подал руку своей блондинке и широким жестом предложил выбрать столик.

Блондинка указала пальцем — и у Себа что-то неприятно булькнуло в желудке. Они сели за их с Эмили столик. Блондинка — на место Эмили. «Дик» — на место Себа.

Охрана немного отошла по знаку босса. Официант принёс меню, но блондинка сделала заказ, даже не глядя в него. Себ подумал, что она заказала шампанское. И клубнику. Да, банально, но, в конце концов, она и сама была очень стереотипной. Она закинула ногу на ногу и плотнее закуталась в полосатую шубку.

«Дик» меню всё-таки просмотрел и тоже сделал заказ.

Площадь была почти пустой. Редкие машины, ещё более редкие прохожие. Себ проверял каждого, кто приближался к кафе на сто пятьдесят метров.

Ещё повезло, что не было дождя — зато гулял порывистый ветер, из-за которого то и дело приходилось пересчитывать поправки.

Блондинке действительно принесли шампанское, но не с клубникой, а с чем-то не очень внятным на блюде — не то пирожное, не то торт. В бинокль было не рассмотреть. «Дик» пил кофе.

Джим говорил, что это будет важная встреча, но больше никто к ним не присоединялся. Может, встреча с блондинкой? Свидание?

Чёрт, Себ не мог толком разобраться, почему эта мысль ему неприятна. Наверное, потому что Эмили всегда для него была олицетворением мирной жизни, и когда его работа соприкасалась с ней, это казалось чем-то диким. Как в тот вечер, когда Себ следил за её домом с крыши, опасаясь выкрутасов Джима. Или как в тот день, когда они болтали по телефону, и она слышала в трубке выстрелы.

Охрана «Дика» откровенно скучала. Впрочем, оба телохранителя стояли так, что легко защитили бы своего босса от нападения с улицы. По сути, Себ был здесь не нужен — эти парни справились бы своей работой, он не сомневался.

Интересно, зачем тогда Джим отправил его? В голову пришла мысль, что, возможно, он хочет, чтобы «Дик» был ему должен.

Какая разница.

Свою первую цель Себ увидел в сквере. Мужчина. Можно было бы принять за туриста, но явно напряжён. Себ быстро сверился с фотографией, и вовремя — мужчина натянул капюшон и убрал руки в карманы. Остановился возле скамейки и повернулся к кафе спиной. Одиннадцать часов, шестьсот метров (1).

Ветер стих. Первую цель можно было бы снять прямо сейчас, но Себ предпочитал дожидаться всех троих. Будет неловко, если из-за поднявшейся паники кто-то успеет сбежать.

Через десять минут, когда блондинка закончила с шампанским и тоже получила чашку кофе, появилась и вторая цель — женщина в хиджабе с плотно прижатыми локтями и в очень большой куртке вывернула из-за домов. Тоже остановилась, как будто что-то искала в сумке. Десять часов, четыреста... Себ взял бинокль и проверил: четыреста пятьдесят метров.

Оставался ещё один, и Себ спокойно ждал его. «Дик» с блондинкой никуда не спешили, смеялись и болтали. Время от времени «Дик» брал свою спутницу за руку, она откидывала

голову назад и смеялась, кутаясь в шубу.

И наконец, когда поднялся очередной порыв ветра, прямо из-за кафе вышла третья цель: мальчишка лет двадцати, с тощей шеей и с длинным бумажным свёртком в руках.

Это не наёмники — понял Себ. Это мстители, искатели справедливости. «Дик» — торговец оружием, причём, надо отметить, прекрасным оружием, — был, как они считали, виновником смерти их близких.

Твою мать, не надо было обладать аналитическим гением Джима, чтобы угадать: мужчина в куртке потерял сына, женщина — тоже сына или мужа, а мальчишка — отца или брата.

Расстояние было не настолько большим, чтобы смазать лица и их выражения.

Все трое были знакомы и давно готовились. Убедившись, что каждый занял свою позицию, они стояли и переглядывались, как бездарные заговорщики.

Охрана «Дика» напряглась.

Себ ждал. Судя по расстоянию, мужчина из сквера должен был нанести первый удар. У него наверняка с собой был пистолет, но, чтобы использовать его, придётся подойти поближе. И он медленно пошёл к кафе. Женщина должна будет стрелять второй — на случай, если мужчина промахнётся. А мальчишка... Он мечтал внести свою лепту, но, скорее, он был подстраховкой.

Они не планировали бежать и скрываться.

Лучше бы они скинулись на снайпера.

Себ выдохнул.

Мужчина достал пистолет. Часы под Себом забили. Вибрация отдалась в зубы, уши заложило. Он задержал дыхание и выстрелил, не слыша ни хода затвора, ни самого выстрела.

Мужчина упал без движения, а значит, вибрация не помешала попасть в сердце.

Четвёртый удар часов — Себ выстрелил в женщину. Чисто, сразу насмерть. Охрана Дика повытаскивала пистолеты, в кафе началась паника, на площади беззвучно визжали люди.

Мальчишка безвольно опустил свой свёрток. Себ нацелился на него. Прикусил язык. Подумал: «Беги, идиот. Я скажу, что не успел...»

Конечно, мальчишка и не думал бежать. Приоткрыв рот, он смотрел на то, что творилось на площади.

Часы проббили в восьмой раз. На девятом Себ нажал на спусковой крючок — и ещё до того, как мальчишка забился в агонии, понял, что на два сантиметра промазал. Мальчишка нелепо раскинулся на проезжей части, дёргался, бился и наверняка истошно орал.

С десятым ударом Себ попал в голову. В этот раз — удачно.

Башня всё ещё гудела, а может, это у Себа в голове поселился колокольный звон, а гул — в костях и жилах.

Себ продолжал лежать неподвижно, почти не чувствуя тела и почти не имея ни одной мысли, долгие часы. Следить за площадью в прицел или в бинокль не хотелось — он тупо пялился в щель, но, с такого расстояния, видел только точки. И край неба.

Он не знал, когда ушли «Дик» с блондинкой и понял ли хоть кто-то из сторонних зрителей, что здесь планировалось покушение. Ему было плевать.

Только когда стемнело, он вяло собрал винтовку, подобрал гильзы, затёр следы и встал на деревянные ноги.

К половине второго ночи за ним пришёл вчерашний провожатый в жёлтой кепке и

принялся болтать об «этом кошмарном» тройном убийстве, вставляя то и дело в свой рассказ фразы типа «и тут грохнуло!» или «а он такой». У Себа ломило виски и чесались кулаки. Но он держал себя в руках, кивал и даже сумел вежливо попрощаться.

Его не искали.

А к тому моменту, когда эксперты вычислят точный угол вхождения пули и найдут место лёжки, искать станет некого.

В квартире на столе Себа ждал обратный билет до Лондона на утро. Он убрал его в карман куртки. Разделся, следуя привычному ритуалу. Принял душ. Тупо и совершенно безэмоционально подумал о том, что голоден. Медленно опустился в кровать на чистую белоснежную простыню — и с размаху ударил кулаком по соседней подушке. Заскрипел зубами, удерживая вой. Ударил подушку ещё раз.

Уткнувшись лбом в колени, он обхватил затылок руками и крепко зажмурился: пятнами перед глазами мелькало лицо мальчишки. Во рту стоял мерзостный солёно-горький привкус.

Всего третий раз в жизни, и, мать твою, в худший из возможных моментов. Если уж так надо было промазать... то в первый выстрел. Мужик знал, на что идёт, держал оружие в руках, готов был убить. Тот, кто готов убить, должен быть готов и умереть.

А этот безымянный пацан, едва вышедший из школьного возраста, нихера не знал. Стоял, разевал рот как рыба. Идеальная, чёрт-подери-твои-кривые-руки-Майлс, мишень! Лучше, чем в тире. Когда зазвонил телефон, Себ с трудом сдержался, чтобы не расколотить его. Нужно было хоть куда-то сбросить злость на самого себя.

«Номер скрыт».

«Пошёл ты, Джим. Я сплю», — подумал Себ отчётливо, вскочил на ноги и быстро оделся, отлично осознавая, что в этой ситуации меньше всего на свете виноват Джим. Телефон продолжал вибрировать, но он оставил его лежать на тумбочке. Нужно было пройтись.

Это был редкий случай, когда Себ предпочёл бы не цивилизованную Европу, а какой-нибудь Каир. Чтобы, едва уходишь с освещённых улиц, в кровь выплескивался бы адреналин.

Но в Вене полиция не зря ела свой хлеб, и даже в не слишком-то светлых проулках было тихо и спокойно. Сначала Себ почти бежал. Потом замедлил шаг, пытаюсь выровнять дыхание и почему-то не преуспевая в этом. И наконец, завернул в какую-то пивную. Он бы не заметил её, если бы над дверью не висели фонари.

Среди всех способов снять стресс в личном рейтинге Себа худшим значился алкоголь. На втором с конца месте располагался секс непонятно с кем. К сожалению, в этом рейтинге было очень много последних мест и ни одного — первого. Собственно, призовые вообще отсутствовали. Лучший способ расслабиться — изначально не напрягаться.

Поэтому он уверенно пошёл с конца списка и заказал пинту пива, отсев за столик в углу, чтобы не провоцировать бармена на разговор.

— Мы через полтора часа закрывается, — только сообщил ему бармен. — А кухня — через полчаса.

— Ладно, — кивнул Себ, отпил пива и уставился в окно.

Совершенно бессмысленное занятие — всё равно нихера не видно. Пиво шло как вода. И вкуса он почти не ощущал.

Только когда к четвёртой пинте дал знать мочевой пузырь, Себ поднялся — и пошатнулся, с трудом удерживая равновесие.

Его тошнило от самого себя.

После туалета стало немного легче, но теперь чувствовалось, что слегка кружится голова. Отодвинув недопитую кружку, Себ опёрся лбом о ладонь и зажмурился.

Во внутреннем кармане что-то мягко зажужжало, и уже без прежнего раздражения Себ понял, что второй телефон — с смс-ками и голосовыми сообщениями — он не выложил.

— Как себя чувствуешь, детка? — мягко спросил Джим.

— Нормально, сэр, — отчеканил Себ, — задание...

— Я не о задании, Себ, — по голосу было слышно, что Джим улыбается, — иначе я бы так и спросил. Ну же, детка. Отвечай на вопрос, который я задал.

— Нормально, сэр, — повторил Себ тихо и не очень-то уверенно. Что там Джим, он сам себе не поверил бы. И действительно, Джим фыркнул.

— Знаешь, что мне нравится в тебе, Себастиан?

Нет. Себ не знал и знать не хотел.

— Не знаешь... Ты, мой дорогой, совершенная головоломка. В которой нет смысла. Этим она и привлекательна. Чёрные по обеим сторонам доски. Весь зелёный кубик Рубика. Квадратные кусочки белого пазла.

От этой околесицы Себ невольно хмыкнул и сказал:

— В этом действительно нет никакого смысла, сэр.

— Обычную головоломку можно решить. Любую.

— Сэр... — странно, но от этого идиотского разговора на душе становилось чуть менее паршиво, — я, конечно, тупой, особенно в сравнении с вами. Но может, это просто не головоломка?

Джим залился смехом:

— Наоборот. Это совершенная головоломка. Когда смысла нет, его приходится создавать, — он замолчал и добавил уже серьёзно: — Тебе надо поспать, детка. Завтра самолёт.

Себ пьяно засмеялся, сжимая пальцами переносицу до боли. Вот только советов от Джима о том, во сколько ложиться спать, ему не хватало. «Да, мамочка, уже иду чистить зубы», — подумал он, но вслух не сказал. Джим повторил:

— Надо поспать. Давай, Себастиан, поднимайся. Машина уже ждёт.

Себ выглянул в окно — и действительно увидел знакомую «Ауди». Герр Бауэр опустил стекло, высунулся и помахал ему.

Джим уже отключился, и не услышал от Себа красочного пожелания пойти в задницу со своей опекой. Но идти пешком, игнорируя автомобиль, было бы глупостью и ребячеством.

Уже в квартире, после второго душа, Себ лёг на кровать. Помотал головой, разгоняя неприятный туман, взял свой телефон, удалил пропущенный вызов, нашёл номер Джима и, отлично понимая, что завтра пожалеет об этом больше, чем если бы всю ночь названивал какой-нибудь бывшей подружке, набрал сообщение: «Головоломка в коробке. Доброй ночи, сэр».

И сразу отрубился, проваливаясь в бессвязную, но уютную черноту.

Примечание:

(1) Себ использует систему ориентирования, которую применяют чаще всего лётчики и снайперы, но иногда используют и военные других подразделений. Расположение целей указывается по часовому кругу, в центре которого — сам стрелок или тот, кому отдаются указания. Соответственно, то, что находится прямо перед ним — это двенадцать часов,

позади — шесть, справа — три часа, слева — девять. И остальные деления мысленно размечаются. Например, «цель на два часа» означает, что она находится спереди и немного справа. Это удобно, так как не всегда есть возможность быстро сориентироваться по сторонам света, а «слева» и «справа» — понятия слишком расплывчатые. У лётчиков ещё есть второй циферблат — вертикальный, и добавляются понятия вроде «на два часа снизу».

Джоан стянула шапку и растрепала волосы. Зажмурилась, наслаждаясь солнцем. Себ улыбнулся, глядя на неё. Они редко выбирались на прогулку: во время редких и недолгих встреч важнее было успеть хоть немного насытиться друг другом. Но в этот раз женская физиология заставила поменять обычную программу. И, если честно, Себ был этому рад. После Вены всё ещё было тошно, да и вчерашнее похмелье напоминало о себе редкими приливами головной боли. Так что они неторопливо брели по пустому мокрому парку.

— Ты был за границей? — спросила Джоан, носком берца поддевая камешек.

— Как ты узнала? — он не упоминал о своей командировке.

— По гудку. Хотела позвонить, но услышала роуминг и решила не отвлекать.

— Работа, — пожал плечами Себ, — прости, не могу рассказать подробнее.

— Даже не скажешь, откуда ты не привёз мне магнетик? — рассмеялась она.

— У тебя нет места для магнетиков, — фыркнул Себ, — но в следующий раз обязательно прихвачу. Я был в Мюнхене. И это даже больше деталей, чем я имею право сообщать.

— Да я и не прошу, — она пожала плечами, — понимаю, что такое конфиденциальная информация.

Разговор не клеился. Джоан явно устала после работы, а Себ вообще ни с кем не хотел говорить. Вернее, если уж совсем честно, он не отказался бы от возможности бы сказать кому-нибудь: «Слушай, чувак, я позавчера крупно облажался, промазал по простейшей цели, заставил молоденького паренька орать от боли. И мне теперь херово. Я попытался напиться в одиночестве австрийским пивом, но лучше не стало». Но — некому. Не с Джимом же болтать, в самом деле. А приятеля, который тоже работал бы за гранью закона и мог бы поддержать такой разговор, у него не было. Впрочем, он неплохо себя знал и не сомневался — ещё пара дней, и хандра выветрится окончательно. Промах уйдёт куда-то в историю, в память и больше не будет напоминать о себе. Надо только немного подождать.

— Знаешь, у меня всё очень плохо с эмпатией и прочими штуками в этом духе, — проговорила Джоан задумчиво, — но даже я вижу, что ты слегка не в себе. Что-то случилось?

— Нет, — он покачал головой, — небольшие рабочие проблемы. И устал.

Джоан чуть сбилась с шага, погладила его по спине, между лопаток, и неловко обхватила за талию. Себ положил ей руку на плечо, прижал к себе немного теснее. Это вышло очень неудобно, но тепло. Так можно было идти, не пытаясь придумать, что сказать: как будто физический контакт снимал всякую необходимость в словах.

— Меня в отпуск отправляют через две недели, — вдруг произнесла Джоан задумчиво.

— Это хорошо? — уточнил Себ. Вопрос был оправдан: он знал, насколько Джоан любит свою работу.

— Наверное, — она улыбнулась. — Давно не была в отпуске.

— Какие планы? Море? Пляж?

Джоан помолчала немного, а потом спросила осторожно:

— Пригласишь в гости?

Себ почувствовал, как что-то тёплое прошло по позвоночнику и тут же дрожью отдалось под рёбрами. С одной стороны, он хотел услышать этот вопрос. Сам только что

думал о том, как круто будет засыпать с Джоан в одной постели, не поглядывая на часы и не считая время до отправления поезда. С другой, пустить её к себе домой было настоящим риском.

Чёрт, а встречаться с ней риском не было, что ли? И послав сомнения куда подальше, он ответил:

— С радостью, если ты променяешь курорт на мою берлогу.

Они договорились, что в первую же субботу отпуска Джоан приедет к нему — и Себ ждал этого момента предвкушением.

У Сьюзен намечалась личная драма. По секрету она рассказала Себу, что влюбилась в одноклассника — и долго уточняла, не смешно ли это.

Себ, выдерживая каменное выражение на лице, заверил её, что нет — наоборот, прекрасно. И теперь при каждой встрече и во время каждого звонка она делилась подробностями общения с мальчиком по имени Стюарт: как он отвечал на уроке, куда бросил мяч на спортивной тренировке и как долго говорил с Джулией.

Себ выслушивал внимательно, поддерживал и подбадривал. Конечно, было непросто уложить в голове, что его дочь уже может влюбляться. Но он напоминал себе, как в шесть лет влюбился в девочку из параллельного класса: всё, что он о ней теперь мог сказать, правда, это что у неё были две чёрные косички и дырка вместо переднего верхнего зуба. Но в шесть лет Себ был уверен, что это самое сильное чувство в его жизни. А когда ему удалось подержать её за руку, он, кажется, чуть не умер от счастья.

Однако, забрав Сьюзен в очередной раз из школы, Себ впервые за месяц не услышал ни слова о Стюарте. Сьюзен села в машину с задумчивым выражением лица и почти безэмоционально сообщила, что её приглашают в театральный кружок.

— Бабушка думает, мне понравится.

— А ты сама?

— У меня рисование. Миссис Дональд обещала, что весной мы пойдём рисовать пейзаж. Это называется «пленэр». Если я буду пропускать, она меня туда не возьмёт, — пояснила Сьюзен мрачно. — Но бабушка расстроится, если я не пойду в театр.

— Если бабушка любит театр, — сказал Себ, заставляя себя следить за дорогой и не оглядываться на Сьюзен, — она может заняться им сама. Иди, если хочешь этого сама.

— А ты чем занимался в школе?

— Я был не очень хорошим учеником, так что с меня пример лучше не бери, — он улыбнулся.

Сьюзен какое-то время молчала, потом сказала:

— Мама играла в театре. И меня водила. А мне там страшно. Не люблю, когда все плятятся. Пап... можно как-нибудь сделать, чтобы мама вернулась? Хоть как-то?

Себ чуть крепче сжал руль. Господи, как дорого он дал бы, чтобы Сьюзен не чувствовала этой боли. К сожалению, они могли только проходить через неё вместе.

— Мне жаль, дорогая, — сказал он, тоже тихо, — но это невозможно. Смерть нельзя отменить.

Сьюзен начала ковырять обшивку сиденья.

— Почему?

Себу очень был нужен умный двойник. Кто-то, кому Сьюзен так же доверяла бы, и у

кого хватало бы мозгов на ответы на такие вопросы: простые, но с трудом осознаваемые. Если честно, ему нужна была Эмили. Но её, как он сам только что сказал, вернуть не было возможности, а отвечать требовалось здесь и сейчас, а не после пары часов в «Гугле».

— Это сложный вопрос, — сказал он, — когда человек жив, у него работает тело: мозг, сердце, все органы. Иногда тяжёлая болезнь или очень-очень сильные травмы повреждают органы настолько, что они перестают работать. Чаще всего, если повреждения не очень серьёзные, врачи могут спасти человека. Так работает медицина. Но иногда повреждений слишком много или они слишком тяжёлые. И тело просто перестаёт работать. Это уже нельзя изменить.

— Что... — тихо спросила Сьюзен, — какой орган перестал работать у неё?

Этого Сьюзен точно знать не стоило, учитывая, что Эмили собирали по частям — и собрали далеко не полностью.

— Я не знаю. Много разных органов.

— Ей было больно? — глаза у Сьюзен повлажнели, на щеки уже потекли первые слезинки, и, если бы они не ехали по трассе, где нельзя было останавливаться, Себ свернул бы с дороги, включил бы аварийку и обнял её покрепче.

— Я думаю, нет. Всё произошло быстро, — сказал он честно.

Сьюзен глубоко задумалась, но когда они доехали до пиццерии, где договорили поесть, слегка взбодрилась и вдруг заявила, усаживаясь за столик и сама открывая коробку с пиццей:

— Я перестала дружить с Джулией! — она схватила первый кусок.

— Вот как, — у Себа после всех этих разговоров аппетита не было, но он тоже взял себе кусок и даже начал его жевать, хотя по вкусу он напоминал картон, — почему, расскажешь?

— Она гад...

— Только не с набитым ртом!

Сью прожевала, состроила недовольную рожицу и повторила:

— Она гадкая, вот почему! Она всё время говорит о тебе что-то плохое. Даже Эмма стала на неё сердиться, а я ей пообещала, что разобью ей нос. И она будет страшная, и никто её не будет любить.

Фразу: «Девочки не дерутся», — Себ поймал на самом кончике языка, вспомнив Джоан. И восторженное сообщение Грега о том, что она может раскатать Пола по тренажёрному залу. Джоан бы уж точно поспорила с утверждением о том, что девочки не дерутся.

Вместо этого он сказал:

— В приличном обществе драться не принято. За что именно ты угрожала ей разбить нос?

— Она не приличное общество. И она сказала, что ты меня бросишь, — с некоторым вызовом ответила Сьюзен. Кажется, у миссис Сесиль Харрис проблемы с головой, потому что придумать, откуда ещё Джулия это притаскивает, Себ решительно не мог.

— Не брошу, сама знаешь. Я... — он выдохнул и взялся за второй кусок пиццы, уже более вкусный, — я рад, что ты решила не дружить с Джулией. Я боюсь, её мама, миссис Харрис, сильно обижена на меня, вот и говорит дочери такие вещи. А Джулия повторяет, не думая.

Сьюзен фыркнула:

— Пусть и дружит со своей мамой и со своим дурацким Стюартом. А я теперь дружу с Эльзой и Крисом. Крис, конечно, противный, потому что мальчишка, но они с Эльзой такие

похожие, и всегда ходят вместе. Круто?

Преодолев эти два витка непростых разговоров, Себ чувствовал себя спортсменом после сложной дистанции. Но, похоже, он не совсем облажался.

Себ сложил винтовку, пожал руку парню со стрельбища и пошёл к выходу. Джим опять решил устроить перерыв в работе, и Себ опять маялся вынужденным бездельем. Но похоже, он немного начинал привыкать к нему. Было проще отсиживаться на скамейке запасных, зная, что тебя рано или поздно точно выпустят в игру — а Джим это делал пусть не очень часто, но стабильно.

Более или менее Себ наладил гражданскую жизнь: встречался по пятницам с полицейскими в «Зелёном человеке», ездил хотя бы раз в неделю в Плимут, урывая часы, чтобы побыть с Джоан, забирал Сьюзен из школы по вторникам и брал её к себе на весь день по воскресеньям, звонил родителям после шести каждый четверг. А остальное время посвящал либо телевизору, либо тренировкам.

Отстреляв сотню патронов, он чувствовал удовлетворение и очень хотел, закинув винтовку домой, сходить куда-нибудь поесть — до стрельбы он отработал двухчасовую полноценную тренировку, и желудок настойчиво требовал подкинуть в него каких-нибудь калорий.

Он открыл дверь, ведущую из небольшого пропускного пункта на улицу, и почти столкнулся с другим посетителем. Посторонился — и тут же встретился с посетителем взглядом.

Твою. Мать.

Если бы не зелёные глаза со знакомым прищуром, и не густая чёрная бровь, Себ не узнал бы этого человека. Он выглядел так, словно его прожевали и выплюнули — и очевидно, так и было. Война хорошо поработала челюстями. Вся левая сторона лица и шеи была изуродована, кожа покрылась рубцами и стяжками, нос частично сплавился со щекой, волос почти не осталось, ушная раковина отсутствовала. Из-под куртки с левой же стороны выглядывал металлический протез с подвижными пальцами.

— Трудновато узнать? — хриплым, каркающим голосом сказал он. — Знаю.

— Моментально узнал, — среагировал Себ, — что-то изменилось, разве?

— Ублюдок, — без особой злобы ответил Марк Смит, протянул здоровую руку и сдвинул ладонь Себа так, словно мечтал сломать.

— Что, бровь по-прежнему заклеиваешь скотчем? — спросил Себ, когда его рука оказалась на свободе.

— Ублюдок, — повторил Марк. Над его густыми бровями которые иногда даже мешали целиться, не ржал только ленивый. — Постреливаешь иногда?

— Пытаюсь не растерять форму, типа того, — отозвался Себ, стараясь не смотреть на Марка слишком пристально, но к чертям проваливая эту задачу. — Тоже решил пострелять?

— Если бы. Какой-то урод попросил дать ему пару уроков. Аванс кинул жирный, так что...

У Марка звякнул телефон в кармане. Прочитав сообщение, он грязно выругался и гаркнул:

— Вот мудака! Он меня кинул!

— Во всяком случае, аванс при тебе, — заметил Себ. Ему требовался повод свалить, и

то, что Марку теперь не имело смысла идти на стрельбище, было очень некстати.

Себ не хотел общаться с Марком Смитом. И видеть его не хотел. Но у Марка было на этот счёт другое мнение. Хлопнув Себа по плечу здоровой рукой, он спросил:

— Что, угостишь пивом старого товарища?

Себ бросил взгляд на машину. Потом на Марка. Наверное, будь Марк целым и здоровым, Себ послал бы его. И сказал бы честно, что единственное, чем он хочет его угостить, это пара хороших ударов. Но Марк-калека уже не вызывал прежней злости, и Себ кивнул, жестом указывая на автомобиль.

Марк расселся на пассажирском сидении спереди, пристроил чехол с винтовкой между ног (пока они шли до парковки, Себ понял, что левая нога у бывшего напарника тоже отсутствует) и спросил:

— Что, как устроился?

— Сойдёт, — Себ завёл мотор, — в охране, ничего особенного. А ты?

— Пф-ф, — выдохнул Марк сквозь зубы и начал рассказывать. Подробно, много, с отчаянной ненавистью в голосе, постукивая здоровыми пальцами по протезу. Про телик, который он засмотрел до одурения, про соседскую собаку, с которой гуляет.

— Жена, сам понимаешь, быстро сделала ноги от такой красоты, — сказал он с вызовом, — без неё лучше, на мозги никто не какает. А твоя как? Ты вроде развёлся...

— Развёлся, — сухо сказал Себ. Откровенничать с Марком не хотелось.

— Правильно. Бабы — они либо дуры, либо суки.

Это заявление Себ оставил без комментариев и, прикинув маршрут, направился к ближайшему пабу.

— Вот штука, — продолжил Марк, перескакивая с темы на тему, — я думал, Себа Майлса вернут из Афганистана в коробочке. Как ты ушёл?

— Так вышло. Что с тобой случилось?

— Так вышло, — хохотнул Марк. — И вообще, мне всяко лучше, тем тому парню, Оуэну, помнишь? В отличие от него, я хоть наполовину, но мужик, — и он заржал. — А ты... темнишь, приятель. Сам бы ты не ушёл, я тебя знаю.

Себ пожал плечами, сворачивая к пабу.

— Ладно, чёрт с тобой, — махнул рукой Марк, когда они заняли столик. Себ заказал Марку пива и закусок, а себе взял жареную свинину с картошкой и сок. — Что, не пьёшь за рулём? — прокомментировал Марк. — Не изменился. Как же, в правилах же написано, что нельзя.

— Написано, — согласился Себ.

Марк был третьим напарником Себа. И худшим. Они прослужили вместе пять месяцев. А постаравшись, Себ мог бы вспомнить срок точно, до дня и часа. После Йена с Себом работал неплохой парень, толковый. Не Йен, совсем, но во всяком случае сносный. К сожалению, у него что-то случилось не то с матерью, не то с женой, он уволился из армии.

А потом пришёл Марк: с дурацкими шутками, мерзкой манерой называть женщин «тёлками» или «бабами», регулярными опозданиями и наплевательским отношением к инструкции. И это не считая того, что он творил в свободное время. Пару раз Себ прикладывал титанические усилия, чтобы не разбить ему лицо, и раз десять — чтобы не написать жалобу. Когда Джим говорил о парнях, которые получают удовольствие от убийства, он описывал кого-то вроде Марка.

Принесли еду. Марк накинулся на неё с жадностью, как будто голодал. И продолжал

говорить — много и обо всём, меняя тему за темой. Он спешил сказать как можно больше — словно вообще отвык разговаривать с людьми.

Себ его слушал, ел и думал о том, что должен жалеть его, сочувствовать — в конце концов, он сам мог оказаться на его месте. Там никто застрахован не был. Но не мог выдать из себя даже каплю участия. Мерзкая такая мыслишка проскальзывала: Марк заслужил.

Когда с обедом было покончено, Марк заказал ещё пива. Себ расплатился, и Марк, сощурившись, протянул:

— Всё? Домой?

— Мне ещё надо увидеться с дочерью, — сказал Себ, беззастенчиво соврав, — рад был тебя видеть.

— Ага, — без особой веры в голосе ответил Марк.

— Будет время, посидим с пивом, — Себ, наступив себе на горло, написал номер на салфетке.

Смяв бумажку, Марк сунул её в карман, но совершенно без удовольствия. Впрочем, его дело — искать этого общества Себ точно не стал бы.

— Бывай... — сказала Марк медленно, — Себ Майлс.

Возможно, просто с отображением эмоций на изуродованном лице Марка были проблемы, но Себу показалось, что он скривился в каком-то очень злом оскале. Как бы то ни было, оставив Марка в пабе и садясь за руль, он почувствовал себя так, словно из духоты вышел на свежий воздух. Без Марка — без всяких метафор — дышалось куда легче.

Возвращаться домой и сидеть перед телевизором внезапно расхотелось, и Себ решил закинуть винтовку домой и прогуляться по городу.

Впереди на полупустой трассе стоял человек, выкинув вперёд руку. Таких пассажиров Себ не брал — но стоило ему подъехать ближе, как он сбросил скорость, свернул на обочину и остановился.

— Спасибо, что подхватил, детка. Нам по пути, — объявил Джим, аккуратно пристёгиваясь и тут же принохиваясь. — Чем это несёт? Ах, да... — он улыбнулся, — смертью.

— Здравствуйте, сэр, — отозвался Себ, мысленно отметив, что Джима очень сложно даже просто узнать, когда он снимает свои костюмы и одевается в обычную одежду. Сейчас, в куртке, джинсах и кепке, он выглядел настолько обычно и неприметно, что это даже удивляло.

— Заскучал, детка? — улыбнулся Джим. — Ну, не переживай. У меня есть для тебя работа. Готов?

Себ кивнул, ощущая лёгкий азарт, а Джим заулыбался.

— Чудно. Матчам. Хаттон-Гарденс, три. Там есть больница, у неё удобная крыша и... у тебя в неё пропуск.

В отсек для ключей упал широкий бейдж.

— Твоя цель вернётся домой часа через три. Ты как раз успеешь устроиться, — Джим выдохнул и издал звук, полный удовлетворения от жизни. — Спросишь, кто цель?

— Кто цель? — безэмоционально повторил Себ. — Я могу каждый раз спрашивать, сэр, но ведь вы и так скажете. Иначе задание не имеет смысла.

Джим довольно засмеялся:

— Настоящая отповедь, прекрасно, детка. Думаю, цель будет тебе небезынтересна. В

этом убийстве будет для тебя... кое-что личное.

В Хаттон-Гарденсе, во всяком случае, не жил никто, кем Себ мог бы дорожить, поэтому он выслушал тираду Джима спокойно. Раз босс захотел устроить тайну на пустом месте — пусть. Его дело.

Кажется, Джим понял, что никакой интересной реакции не будет, вздохнул и сказал:

— Убьёшь своего бывшего напарника, детка?

Себ, не сбавляя скорости, повернул голову к Джиму. Изучил лицо босса, лучащееся искренней радостью. Снова сосредоточился на дороге. Вот значит, как. Он-то думал, что встретился с Марком случайно. А теперь выходило, что нет. Этот клиент Марка, который заплатил щедрый аванс и отменил урок минут за десять до начала — не Джим ли его зовут? А может, это просто паранойя. Как бы там ни было, Себ ответил:

— Убью, сэр. Если нужно.

— Очень нужно, детка... Марк Смит... — Джим сделал паузу, будто пробуя имя на вкус, — мне порядком надоел.

И он резко выкрутил колесо громкости, заполняя салон машины визгом каких-то рокеров.

Больница оказалась всего на два этажа выше остальных домов, и обзор давала не то, чтобы отличный. Но Себу хватало. С шершавой и неудобной коньковой крыши он следил за пока тёмными окнами нужного дома.

Марк уже вернулся — Себ видел, как он поднимался по ступеням и долго возился с замком, удерживая протезом чехол с винтовкой, захлопнул за собой дверь — и затих где-то в доме.

Постепенно стемнело. Себ взял бинокль ночного видения, и успел заметить, как приоткрылось одно из окон.

Рядом беззвучно завибрировал телефон, высветилось привычное «Номер скрыт», и Себ ответил на звонок, не выпуская бинокль из рук. Пока он видел только часть комнаты сквозь лёгкие полупрозрачные шторы.

— А, тебя он тоже приучил к этому, — вдруг послышался чужой голос. Себу потребовалось несколько мгновений, чтобы узнать его, а Марк продолжил: — Видишь скрытый номер — и сердце стучать начинает сильнее, да?

Немного приблизив изображение, Себ сумел заметить в комнате небольшой отсвет — возможно, как раз от экрана телефона.

— Мне интересно, школа, больница или та сраная многоэтажка? Я бы взял школу, влезть легко, — продолжи Марк, — а ты, наверное, полез в многоэтажку. Не помашешь товарищу рукой?

Вместо ответа Себ убрал яркость экрана до нуля и, не двигаясь, обежал взглядом свою позицию. Чтобы снять цель — хорошая. Чтобы прятаться от другого снайпера — так себе.

— Ты меня тоже не видишь, — продолжил Марк. Себ снова поднял бинокль и всмотрелся в него. Через зеленоватый фильтр можно было различить мебель в комнате — край стола, узкий шкаф в глубине, тумбочку, заваленную каким-то мусором. — Только комнату, я думаю. Сам виноват, сам спалился. Что, Майлс, не сказал он тебе, что цель кусается?

Уточнять, кто именно, не требовалось. Оговорка Джима и слова Марка давали отличную картину. Он работал на Джима. Был ли он тем снайпером, который сломался?

Марку было хуже. Он находился ниже, у него не было одной руки и, скорее всего, отсутствовал прибор ночного видения. И спустя минуту Себ заметил его. Буквально самый край одежды, но этого хватило, чтобы определить всю позицию. Мусор на тумбочке, конечно, скрывал его, но не мог послужить помехой для пули.

— Знаешь, что у меня тут? — спросил Марк после паузы. — Чёртова СВД. Всё, что он мне оставил.

Жестоко. Марк как раз-таки терпеть не мог винтовку Драгунова.

— Майлс? Ты же меня засёк, да?

Себ промолчал опять. Он снял предохранитель и передёрнул затвор, но так и не положил палец на крючок. Было странно, дико целиться в Марка. Да, он был ублюдком каких поискать, но всё-таки своим. А своих защищают. Раньше Марка он прикрывал бы ценой собственной жизни, даже при том, что с трудом его переносил.

— Ты не бойся, — Марк хмыкнул, — следы этого звонка он всё равно подотрёт. Умеет, сукин сын. Скажи, Себ, святоша, как ты в это вляпался, а? — в голосе Марка послышалось

злорадство. — Ты же такой чистенький у нас.

Себ прикладывал усилия, чтобы не зажмуриться. Это было очень страшно — видеть в прицел человека, который разговаривает с тобой прямо сейчас.

— Мне от этого, может, легче становится, — хмыкнул Марк. — Не я один по уши в дерьме.

Сделав над собой огромное усилие, Себ переложил палец на скобу. Марк, помолчав, сказал негромко:

— Дерьмово у меня вышло. Ты помнишь того рыжего? Я даже имя забыл, а лицо помню. Веснушки дебилные, волосы эти, плечи худые. Акцент... с девяносто седьмого ненавижу ирландцев.

Да, Себ помнил этого парня. И звали его Билл, кстати. Хороший мальчик, плохой солдат. Марк прицепился к нему. Не давал прохода. И плевать ему было на окрики товарищей и на приказы старших.

Потом они все думали, что сами виноваты. Надо было не языками трепать, а двинуть Марку пару раз, чтобы запомнил. Только поздновато сообразили. Билл повесился в туалете, не откачали.

— Я ведь его за двести метров чуял, — проговорил Марк с горечью. — Уже потом думал: может, я на него запал? Молчи, хер с тобой. Он... ну, ты понимаешь, о ком я, тоже меня бесил сначала. Я думал, убить хочу, рвать на куски, а когда он меня прогнал, я чуть не сдох сам.

Неужели о Джиме речь? Себ не был уверен. Ему вообще не нужно было этого всегда слушать. Есть приказ, есть цель.

Но он медлил.

— Минутка ещё, — вдруг сказал Марк и вдруг выпрямился во весь рост, удерживая винтовку в руках. Отложил её на стол, сам подошёл к подоконнику и открыл окно целиком. Выглянул. — Чего тебе жизнь усложнять. Ещё промажешь. А я, Себ, боли боюсь. Раньше не боялся, а после этого, ну, сам понимаешь, стал ссыклом. Так что ты... того, если надо кружок на груди нарисовать, не стесняйся, скажи. Я нарисую, лишь бы ты не промазал.

Он с наслаждением вдохнул воздух, зажал телефон левым плечом и, держась правой рукой за раму, высунул голову наружу.

— Минутка, старик.

Себ коснулся пальцем спускового крючка.

— Я жалею о том парне. И о нём, сам знаешь, жалею, даже ещё больше, наверное. О матери немного. И о ноге. Рука — хер с ней, а вот бегать я любил. Себ... вот ты мне скажи, — он оскалился в темноту, — ты меня ненавидел? У тебя по роже ничего не видно, но я догадывался. Как же, где ты, такой душка, и где я, мразь конченная. Так? Может, и за дело. А может, ты просто сраный моралист, — он рассмеялся, поднял раму ещё выше, сел на подоконник и запрокинул голову, чтобы продолжать видеть ночное небо.

Не угадать, о чём он думал, но Себу хотелось бы верить, что движение облаков или что-то в этом роде увлекло его. Не нарушая затянувшегося молчания, Себ выстрелил. Звук выстрела удвоился: сначала прозвучал в реальности, а потом повторился в трубке. Марк безвольно упал назад, в комнату, зацепив, но не оборвав шторы.

По телефону слышался шум падения, глухой стук об пол — и тишина.

Себ сбросил вызов и уткнулся лбом в мокрое от пота ложе.

Выстрел всполошил тихий район, но кажется, обыватели быстро решили, что это

лопнуло колесо или мальчишки кинули петарду — как повывисывались из своих домов, так и убрались обратно.

Дождавшись, пока снова не воцарится покой, Себ спустился с крыши и вышел за территорию. Возле калитки остановилось такси. Стекло опустилось, и Джим в дурацкой клетчатой кепке спросил:

— Кэб, сэр?

Себ упал на переднее сидение, убрал футляр с винтовкой назад, пристегнулся и закрыл глаза. Открыл. Джим тронулся и сказал:

— Не беспокойся, детка. Полиция не найдёт даже намёка на этот звонок. Никакой связи между вами.

— Откуда вы знаете про звонок?

Джим невнятно повёл плечом, как будто отвечать на такой банальный вопрос ему было скучно. Хотя, если у Марка был тоже скрытый номер, то, может, Джим вообще его телефон контролировал? А если и нет, что ему стоит отследить один звонок.

Какое-то время они ехали молча, а потом Себ не выдержал и спросил — ровно и спокойно, хотя злость рвалась наружу, клокотала где-то под рёбрами:

— Зачем это нужно, сэр? Каждое ваше задание... — он шумно выдохнул через нос, — как грёбаная проверка. Что я должен доказать?

Марк ведь точно знал, что его будут убивать. Знал кто, как и когда. Вряд ли ему об этом поведали чайнки в чашке.

Джим засмеялся:

— Детка... ты не понимаешь, — он чуть прикрыл глаза, не сбавляя скорости: — Скажи, как сам сам считаешь, зачем я это делаю?

«Это» — что именно? Как-то Себ сумел угадать, что Джим спрашивает про всю свою деятельность.

— Зачем и все, я думаю, сэр. Деньги, власть, адреналин.

Джим снова соизволил открыть глаза и уделить внимание дороге.

— В течение получаса я могу получить доступ к пятнадцати миллионам банковских счетов, — заметил он, — переведя с каждого по одному фунту, я стану богаче на пятнадцать миллионов, при этом никто не обратится в полицию. Что такое фунт? Его могли списать за обслуживание. Он мог уйти на погашение кредита. Может, его заплатили за вчерашний кофе, кто помнит такие мелочи? Про фунт легко забыть... — Джим говорил достаточно торопливо, глаза у него блестели. — Это что касается денег. Власть? Я могу шантажировать королевскую семью, играю на нервах Елены Кларк, если захочу, одним звонком устрою знатный переполох в Доме на реке. Если мне взбредёт в голову, послезавтра я стану королём мира.

Вот забавно. Если бы Себ услышал подобную тираду от кого-то ещё, он смеялся бы до колик, насколько она звучала театрально и пафосно. А когда говорил Джим, мурашки шли по коже.

— И что ты сказал ещё? Адреналин? Он появляется, когда боишься разоблачения. Смерти. Боли. Как считаешь, Себа-астиан, — он повернулся к нему и почти замурлыкал, долго растягивая согласные, — я боюсь боли?

— Значит... — вместо ответа, сказал Себ, — всё это — средство от скуки?

— Это искусство. Единственное, ради чего имеет смысл жить.

Джим вдруг притормозил на обочине, заглушил двигатель и посмотрел Себу в глаза.

Мягко улыбнулся и спросил с заботой:

— Тебе было сложно его убить, дорогой? Когда он с тобой разговаривал?

Себ выдержал этот взгляд, хотя соблазн отвернуться был велик.

— Непросто, — признался он медленно, — но я не колебался. Кроме того, я не убивал его, Джим. Его убили вы.

Улыбка Джима стала шире, а взгляд — страшнее. Что-то менялось в его глазах, отчего он становился похож на маньяков из кино.

— Ты так держишься за веру, Себастиан, что ты — просто инструмент. К этому сложно привыкнуть. Это так волнительно, — растянув губы ещё шире, Джим совершенно отчётливо показал кривоватые клыки. Себ продолжал сидеть ровно и смотреть на него, не мигая и не пытаясь отвести взгляд. Он не собирался позволить себя запугать. Ни за что, мистер Психопат. Не дождётесь.

— Ты думал о том, что можешь погибнуть так же, детка?

— Нет.

Джим раздул ноздри, разомкнул зубы, как будто действительно собирался вцепиться Себу в горло. Как раз это Себа и не пугало. Даже если Джим впадёт в ярость (с психами такое бывает), Себ не сомневался, что скрутит его. И возможно, что-нибудь случайно сломает в процессе. Тогда и будет ясно, боится ли босс боли на самом деле.

— Почему? Чем ты отличаешься от Марка?

— Я не говорил, что я не могу так же погибнуть. Я говорил, что не думал об этом.

Джим чуть отклонился назад, облокотился локтем о руль и как будто слегка смягчился.

— Хочешь, я пообещаю тебе кое-что, дорогой?

Вообще-то Себ хотел домой. И оказаться подальше от Джима, раз уж он в таком странном настроении. И помыться, потому что лицо Марка в последнюю секунду перед выстрелом нет-нет да и всплывало перед глазами.

— Я не убью тебя, дорогой мой Святой Себастиан, — тихо сказал Джим, протянул руку и пальцем провёл по щеке Себа.

Себ дёрнулся в сторону, странное наваждение немедленно рассеялось. Джим заливисто рассмеялся, а Себ рявкнул:

— Сэр!

— Что, детка?

Взяв себя в руки, он повторил, тише, но с нажимом и отдельно:

— Сэр! Не трогайте меня, — мотнул головой, сгоняя неприятное ощущение от прикосновения: — Я выполняю ваши задания, даже безумные. Слушаю бред, в котором понимаю от силы два слова из десяти. Еду куда надо, не задавая вопросов, как это прописано в моём контракте. Это всё.

Джим отсмеялся, запрокинув голову, и спросил:

— А если я доплачу тебе ещё треть твоего оклада?

— Засуньте себе её в задницу, сэр, — Себ отвернулся, хотя сквозь лобовое стекло, учитывая выключенные фары, не видно было ничего.

— Видел бы ты своё лицо, мой Святой Себастиан, — всё ещё фыркая, протянул Джим и, слава господу, завёл мотор.

Себ проснулся посреди ночи, сел на кровати рывком. Прислушался. Всё было тихо, но

что-то его разбудило, как сигнал тревоги. Даже не думая включить лампу, Себ внимательно оглядел тёмную комнату, твердя мысленно, что это уж точно паранойя и пора заглянуть к врачу.

Где-то вдалеке проехала машина, и снова наступила тишина. Тени лежали на своих местах, неподвижные, как и положено.

Если бы он не искал, то ни за что не заметил бы отличия. Тень от шкафа казалась плотнее прочих, хотя стояла возле окна и, несмотря на плотные шторы, должна была слегка бледнеть в свете уличного фонаря.

Но именно там, у шкафа, скопилась чернота.

Если бы хотели убить — уже это сделали бы. Оружие в сейфе, не добраться. В отличие от парочки знакомых военных, Себ не держал пистолет в тумбочке возле кровати и не спал с ножом под подушкой.

Возможно, ему просто кажется? Отголосок дурного мутного сна? Детский страх, что в темноте живёт чудовище?

Вот только Себ никогда, даже в раннем детстве, не боялся темноты. Он и сейчас не чувствовал страха, только нервы были напряжены.

Зажмурившись, чтобы избежать резкого удара по глазам, он зажжёт ночник.

К шкафу, прислонившись, стоял Джим.

Себ проморгался, поднялся с кровати и уставился на босса. Они расстались позавчера вечером. И надо сказать, выглядел тогда Джим куда лучше. Сейчас он стоял с трудом, привалившись к шкафу. Его глаза с трудом фокусировались. По лицу градом лил пот, волосы намокли и липли ко лбу и вискам.

— Себастиан... — слабо позвал Джим, и Себ почувствовал трусливое желание сбежать из собственного дома.

Он не хотел очередной приступ! Не хотел быть нянькой! Но выбора ему не оставили.

— Сэр... — Себ спросил бы, какого чёрта Джим забыл у него дома, но понимал, что от этого вопроса не будет никакого смысла. В таком состоянии Джим с трудом ворочал языком, чтобы сказать необходимое.

Пошатнувшись, Джим выпрямился и побледнел ещё сильнее, хотя казалось бы, что сильнее уже некуда.

— Я боюсь их, Себастиан... — пробормотал Джим.

— Кого, сэр? — спросил Себ аккуратно, но Джим его не услышал.

— Они меня пытались запереть... Я устал, Себастиан...

Себ подошёл на пару шагов и взгляделся в лицо босса. Зрачки у него были расширены, а в глазах стояли слёзы.

Себ желал бы оказываться от Джима подальше во время этих приступов, но раз уж так вышло, что он был рядом, он просто не мог забить и ничего не делать.

— Джим, — мягко сказал Себ, — вам бы прилечь.

Джим вяло кивнул, снова ухватившись за шкаф, а Себ быстро заправил постель, накрыл пледом и повторил:

— Тебе бы прилечь.

Джим, кажется, просто не понял его. Он закрыл глаза, из-под век заструились слёзы, но, похоже, это была чисто физиологическая реакция, потому что они ничем не сопровождалась: ни сбитым дыханием, ни всхлипами.

«Чёрт тебя дери», — мысленно выругавшись, Себ взял Джим за плечо и повёл к

кровати.

Он пошёл как кукла.

Послушно сел. Совершенно безвольно лёг. Себ расстегнул на нём объёмную кожаную куртку — и выругался уже вслух.

Поверх белой футболки с надписью «Хочу вырваться на свободу» в районе левого плеча расплзлось кровавое пятно. При этом на ткани никаких повреждений не было.

Понадеявшись, что Джим не отбросит копыта и не сотворит что-нибудь невообразимое за минуту, Себ (как был, босиком) метнулся на кухню, вымыл руки, взял ножницы и аптечку. Джим, к счастью, даже не пошевелился.

Заполняя эфир в голове одним единственным «твою мать» с разными интонациями, Себ разрезал футболку и сплотнул с некоторым облегчением. О Джиме кто-то уже позаботился — под футболкой обнаружилась повязка. Только бинты пропитались кровью насквозь.

— Джим... — позвал Себ. Джим открыл глаза. — У тебя есть знакомый врач? — спросил он медленно, отдельно и доброжелательно. Что-то подсказывало, что в скорую звонить не стоит.

— Я боюсь их, Басти, — прошептал Джим беззвучно: слова угадывались только по движению губ.

— Да, я знаю, — чётко ответил Себ, — но послушай, Джим... Джим, смотри на меня.

Он подчинился, широко и испуганно распахнув глаза.

— У тебя идёт кровь. Я могу срезать бинты и попытаться наложить новую повязку, но... Джим, смотри на меня, не закрывай глаза! Но я очень херовый доктор, понимаешь?

Джим растянул губы в улыбке и всё-таки закрыл глаза. Дерьмо.

К счастью, у Себа была отлично собранная аптечка. За всю гражданскую жизнь он пользовался ей от силы раза три, но обновлял, пополнял и проверял исправно. Так что, можно сказать, Джиму повезло.

Себ обработал руки антисептиком, им же обильно полил ножницы и разрезал бинты. Учитывая, что где-то кровь начала подсыхать коркой, должно было быть больно, но Джим не дёргался и продолжал улыбаться.

— Джим, — позвал его Себ, — как тебя ранили? — он промолчал, и тогда Себ предложил: — Говори о чём угодно. Но не молчи и не закрывай глаза, ясно?

Издав слабый стон, Джим чуть приоткрыл один глаз и сказал ровным, но слабым голосом:

— Я ненавижу врачей. А ты?

— Они жизнь спасают. Вам вот кто-то спас.

Рана выглядела неплохо: аккуратно зашитая, почти чистая, не считая свежей крови из-под швов. Гнилью не воняло. Как он вообще успел её получить за эти полтора дня?

— Почему вы ненавидите врачей? — Себ принялся салфетками убирать кровь и задал первый вопрос, который пришёл ему в голову. На самом деле, ему было плевать, о чем именно говорить, просто не хотелось тратить время на постоянные проверки, не потерял ли Джим сознание.

— Ненавижу... И священников. Однажды я сжёг святого отца, представляешь? — Джим слабо засмеялся, и Себ осторожно надавил ему ладонью на грудь, чтобы не дёргался.

— Нет, — ответил он. — Не представляю.

Кровь продолжала сочиться, хотя и не слишком сильно. Чтобы бинты так пропитались, Джим должен был ходить с несколько часов, ещё нагружая руку. Хотя он же левша. И с него

стало бы забить на рану, продолжая пользоваться рукой как обычно.

Себ присыпал шов антисептическим порошком и ощупал плечо сзади. Во всяком случае, ранение не было сквозным, а значит, одной заботой меньше.

— Он так этого боялся, — несвязно продолжил Джим, — ты знаешь, как пахнет горелое человеческое мясо?

— Знаю. Мерзко, как и любое другое.

Да, ясное дело, разговора о цветочках и бабочках можно было не ждать.

— Иногда я хочу его уничтожить раньше времени, — признался Джим. Себ издал мычание, которое могло бы означать и согласие и полное внимание к происходящему. — не убить, пойми, это было бы скучно. Уничтожить. Тогда мы стали бы близнецами. Мы так похожи. А стали бы одинаковыми.

— Тогда я мигрирую с этой планеты, — повязка ложилась достаточно легко, но Себ осознавал, что это временная мера. И если начнётся инфекция, потребуется нормальный хирург.

Продолжая общаться с собственными мыслями, Джим, однако, выпил антибиотик, осушил полный стакан воды и расслабленно закрыл глаза.

Себ до конца стянул с него куртку, снял ботинки, пододвинул к кровати стул, погасил свет и сел дежурить. Возможно, кровь остановится, Джим начнёт нормально соображать и сможет позвонить своему врачу. Кто-то же оперировал его после ранения.

Ещё он надеялся, что Джим уснёт, но, разумеется, напрасно. Наоборот, в темноте он как будто оживился, речь стала чётче, а дыхание — ровнее.

— Себастиан, — позвал он, — иногда я хочу всё бросить.

Себ прикрыл глаза и откинулся на спинку стула. Он совершенно не понимал, о чём говорит Джим, да и не старался вникнуть: просто слушал фоном. В какой-то момент Джим осёкся на полуслове и хмыкнул:

— Я говорю с мебелью.

— Я всё равно не понимаю добрых две трети.

— Хорошо, мой дорогой, — Джим кашлянул, — я расскажу тебе сказку, которую ты способен понять. Хочешь сказку?

У Себа был однозначный ответ: «Нет».

— Правильно боишься... Она страшная. Но я её люблю. Слушай, детка.

И наступила тишина, в которой едва-едва различалось дыхание Джима. Себ вслушивался в него, надеясь, что до утра этот звук не поменяется и ничем не нарушится.

Однако спустя долгих десять минут Джим заговорил мрачным зловещим голосом, как будто пугал детей:

— Однажды в деревне белых мышек родился чёрный мышонок. Он был единственной чёрной мышкой, и все приходили в ужас, когда видели его. Мышонок рос, но никто с ним не играл. Ему не давали лишнего кусочка сыра, в него кидались песком. Он оскорблял весь род белых мышей, — Джим притворно и сочувственно вздохнул, — о если бы мышонка спросили, хочет ли он стать белым, он бы отказался. Знаешь, почему?

— Нет, сэр.

Это был, похоже, правильный ответ.

— Потому что в глубине души он гордился своей блестящей чёрной шкуркой. Он знал, что особенный. Кроме того, он был самым ловким и умным во всей деревне. Он дурачил котов и обходил ловушки. У него всегда был сыр.

Джим сделал паузу, переводя дыхание. Себ потянулся и проверил повязку, а Джим вздрогнул всем телом и вскрикнул — но тут же засмеялся.

Бинты сверху пока были сухими. Себ снова откинулся на спинку стула.

— Как-то раз один толстый и старый мышиный дед решил, что чёрного мышонка нужно перевоспитать. Он заманил его в свою нору и попытался окунуть в банку с белой краской. Но чёрный мышонок был хитрым и выскользнул из его норы. Только он оказался недостаточно проворным, и мышиный дед успел яростно клацнуть зубами. И отгрызть мышонку хвост. Это было больно, — от сказочного тона не осталось и намёка, голос Джима звучал глухо, — как будто все жилы вытянули разом, проткнули насквозь раскалённым прутком, а потом огрели кнутом по позвоночнику.

По позвоночнику самого Себа пробежала дрожь. Многовато мучений для одного отгрызенного хвоста. Очень мало это походило на сказку.

Джим хмыкнул и продолжил снова, уже легко:

— Да, мышонок был в отчаянии. И он решил отомстить. Днём, когда все мыши спали в своих постелях, он подождёт дом мышиноного деда, отбежал в сторону, вскочил на камешек и заглянул в окно. Огонь разбудил деда, но было уже поздно. Нора горела, все двери были закрыты. И что же увидел чёрный мышонок? С белого мышиноного деда облезала белая краска. И он был чёрный. Только шкура у него была не гладкая, а в струпьях и язвах, — он перевёл дух. — Когда от мышиноного деда остались только кости, мышонок навсегда ушёл из мышиноной деревни Вот и сказке конец.

Джим, кажется, устал.

— Я проверю бинты? — в этот раз предупредил Себ и, дождавшись утвердительного мычания, убедился, что крови по-прежнему нет. — Не думайте о сказках и мышах, Джим. Вам бы поспать.

— Не уходи, — не попросил, а приказал Джим.

— Есть, сэр, — отозвался Себ. Он и так не собирался сдвигаться с места.

Джим действительно заснул, а Себ сидел без движения и всё прокручивал в голове странную сказку. Наверняка Джим сочинил её сам, откуда бы ещё взяться этой жути? Но зачем? Казалось, он не заметил какой-то важной детали, которая могла бы поставить всё по местам. Видимо, Джим прав, называя его туповатым. Этот ребус Себ точно не мог решить. И, если честно, не хотел.

Александр: часть одиннадцатая

Он сделал это.

Чёртов большой убудок, он действительно, без шуток и игр, сделал это каким-то немислимым образом. Десятилетняя Кэтлин Смайт была найдена на крыльце дома в пригороде Манчестера с окровавленным ножом в руках, за спиной лежала её... нет, всё-таки не мачеха, а тётя-опекун. Но какая, в сущности, разница?

Разумеется, девочка была в ступоре. С ней теперь работали психологи и полиция. А Александр смотрел фотографии, которые передала ему Елена, и судорожно рыдал. Шерон, к счастью, увёл Мэтт. Александр не готов был сейчас её видеть. Собственно — вообще видеть кого бы то ни было. Он даже Мэтта попросил уйти.

Человеческое общество было для него невыносимым. Ему нужно было остаться наедине с собой, со своими мыслями и с этим ужасом. Взглянуть ему в глаза, пропустить его через себя — иначе, он чувствовал, ужас его уничтожит.

Его словно бы преследовал дьявол. Он пробирался в его мысли, растворялся в темноте, всегда держался позади, но так, чтобы можно было уловить его присутствие, заметить краем глаза. А обернёшься — ничего. Он влезал в его файлы, хозяйничал на его студии. А теперь вот свёл с ума девочку. Заставил её совершить убийство, чтобы разыграть сцену из чёртового фильма!

Вскрикнув, Александр подскочил и выронил фотографии, вцепился пальцами в волосы, закричал зубами — и бессильно стёк обратно в кресло.

Фотографии подбирать не стал. У него закончились и слёзы, и силы, он не мог больше видеть эти картины. Но ничего не в силах был поделать с тем, что они отпечатались у него на сетчатке и мелькали всякий раз, когда он моргал.

Дьявола не существует. Во всяком случае, такого — с изящным гамашом на копыте, льстивой улыбочкой и ворохом соблазнов. И библейского чудовища — тоже. И за плечом в пустом кабинете — никого, даже если кажется иначе.

Очень медленно он обернулся, посмотрел на ряды книжных полок — и снова повернулся к столу. Погладил Мишель по глянцевой зелёной голове, подвинул к себе лист бумаги, взял карандаш и набросал глаза. Он не рисовал кого-то конкретного, просто шёл на поводу у воображения, но ничуть не удивился, когда оказалось, что прищур у глаз недобрый. Достраивая голову, он обозначил линию челюсти, вывел тонкие бледные губы, подстриховал волосы — и с отвращением смахнул рисунок на пол. Его воображение породило какого-то стереотипного злодея, хоть сейчас во второсортное кино забирай. Или даже в комикс. Дешёвка. Реальность обычно сложнее. И если в реальности не остановить этого безумца — он продолжит убивать, не важно, сам или чужими руками. А остановить его никто не может, потому что полиция и Агентство по борьбе с серьёзной организованной преступностью, а также Ми5 и лично Елена уже больше полугода не в состоянии не то, что найти его, но даже зацепиться за какой-нибудь незначительный след.

Взяв новый лист, Александр написал размашисто: «Досье». Так он прописывал обычных своих персонажей. Первой строчкой — возраст. Потёр подбородок карандашом. Убийца действительно демонстрировал очень глубокое понимание его фильмов. В двадцать лет понять такое... не то, чтобы невозможно, но очень сложно. Нужен жизненный опыт, начитанность и насмотренность. Он написал: «40+». Оставил прочерки в графах

«национальность» и «привычки», а потом начал набрасывать по всей поверхности листа отдельные слова.

«Странный». Убийца, который помешался на интеллектуальных триллерах, не может быть душой компании.

«Криминальный авторитет». Потому что у него хватает денег и влияния, чтобы проворачивать всё это. И он нашёл мистера Флэтчера, готового сесть в тюрьму за убийство, которое не совершал. Не говоря уже о других убийцах, например, о снайпере, который застрелил девушку в Оксфорде, или о тех парнях, которые сожгли пастора.

«Интеллектуал». А точнее, даже умник. Считает себя умнее всех окружающих, смотрит на остальных свысока. Играет жизнями людей, ни во что не ставит их.

«Психопат?». За это Александр не поручился бы. В мире достаточно людей, который проходят без проблем все психологические тесты, но при этом творят такое, что кровь стынет в жилах. Однако если углубиться в терминологию и заменить потенциальную психопатию потенциальной социопатией, можно попасть в точку. Социопатия отлично сочетается с высоким интеллектом и полным равнодушием к чужой боли.

«Разбирается в технике». Или, по крайней мере, на него работает какой-то айти-гений. Ни в компьютере, ни в телевизоре лучшие специалисты Елены не нашли ни следа постороннего вмешательства. А, как объяснил Мэтт, это практически невозможно.

«Заинтересован лично во мне». В современном мире хватает мощных режиссёров, в том числе и тех, которые снимают кровавые и эффектные фильмы с серьёзной смысловой нагрузкой. Но почему-то убийца выбрал не Гая Ричи, не Тарантино, не Вильнёва и не кого-то ещё. Можно было бы сказать, что выбор случаен, если бы не глубина понимания и погружения в каждый фильм. Об этом было страшно даже думать, но Александр заставлял себя признать главное: убийца был его фанатом.

«Хочет быть услышанным». Написав это, Александр задумчиво постучал карандашом по бумаге, оставляя серые точки возле слова «услышанным». Но убийца — не банальный маньяк. Он не жаждет признания как такового, не стремится быть пойманным, он хочет, чтобы его услышал конкретный человек. Возможно, он даже не получает удовольствия от самих убийств. Странная идея мелькнула у Александра в голове: ему подумалось, что убийца может даже не присутствовать при всех этих убийствах. Или наблюдать за ними на расстоянии. Он... режиссирует убийства.

«Режиссёр-постановщик — Смерть» — так называлась «Жертва нового бога» в черновом варианте. Фильм о человеке, который режиссирует жертвоприношения. Но там всё было завязано на деньги, на выполнение очень дорогого заказа на убийство нескольких человек.

Отложив карандаш, Александр включил компьютер, спокойно подождал, пока он загрузится, нашёл свою папку со сценарием «Жертвы» и открыл в ней папку «Материалы». По одной развернул отсканированные газетные статьи об убийствах-жертвоприношениях. Закрыв всё.

«Жертва нового бога», конечно, была фантазией. Но эта фантазия базировалась на реальных событиях, в чудовищных жертвоприношениях Александр черпал вдохновение для этой картины. И он так и не вывел на экран главного героя. Тот остался тенью, мистером Смертью, ушёл безнаказанным, потому что был слишком умён, чтобы попасться в руки полиции. Работая над сценарием, Александр даже не задумывался о том, что эти жертвоприношения действительно могли быть срежиссированы одним человеком — это

была просто творческая гипотеза.

Как творец, Александр любил всех своих персонажей, в том числе уродов и ублюдков. Но мистер Смерть входил в числе особых любимцев. Александру нравилось, раскинувшись на широкой пустой кровати, смотреть в потолок и представлять себе его мальчишеское улыбочное лицо. Видеть, как гибкие пальцы пробегают по крапивной верёвке, как раздуваются хищные ноздри, почуявшие горьковатый запах — это было наслаждение. Раз за разом он прокручивал в голове его слова: «Как ты считаешь, друг мой, кельты использовали капрон?». Этой фразы в фильме не было, но Александр любил её. И то, как бледнел подчинённый, едва не испортивший всю красоту задумки дешёвой капроновой верёвкой из ближайшего супермаркета.

Помотав головой, Александр сфокусировал взгляд на своём листе, так и оставшемся на половину пустым. Всё, что он сейчас обдумал, могло быть бредом, попыткой вывести красивый сценарий. И в то же самое время оно могло быть правдой. За этими убийствами действительно мог стоять его мистер Смерть.

Что такое полночи на стуле по сравнению с тремя сутками в лёжке? Вообще пустяк. Себ просидел до утра неподвижно, только дважды ещё проверял бинты. Джим лежал как мёртвый, не шевелился, не дёргался, и, чтобы убедиться, что он в порядке, приходилось напрягать слух и улавливать почти беззвучное дыхание.

Будильник на половину седьмого прозвонил неожиданно и заставил Джима подскочить на постели с испуганным видом. Себ выключил будильник, отдёргнул шторы и бросил взгляд на бинты: выступило несколько пятен, надо будет поменять.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Джим слабо опустил обратно на кровать и театрально застонал (уж что-то, а стон боли от кривляний Себ мог отличить).

— Я приготовлю завтрак, сэр. Не дёргайтесь, пожалуйста, если разойдутся швы, я вряд ли смогу вам помочь.

И Себ вышел из комнаты. Он много о чём думал этой ночью. И у него скопился ворох вопросов, которые, однако, он едва ли стал бы задавать. Если честно, он даже не был уверен, что хочет их задать: далеко не всегда знание идёт на пользу.

Зачем Джим пришёл к нему? Зачем рассказывал свою жутковатую сказку? Хорошо, допустим, Джим и правда ему доверяет. Он сбежал от своего врача или ещё откуда-то, где его зашили и привели в порядок после ранения, пробрался к Себу в дом, потому что, как уже выяснялось раньше, в некотором извращённом виде доверяет ему. А потом боль и кровопотеря усилили приступ, и он бредил.

Или нет?

В случае с Джимом отличить бред от заумного разговора не всегда было просто. Разве что ирландского акцента во время сказки про чёрную мышку почти не было слышно. И слова не повисали в воздухе и не прерывались длинными бессмысленными паузами, как это обычно у него бывало во время приступов.

Себ выставил на плиту две сковороды, высыпал в одну бекон, в другую — бобы, и принялся всё обжаривать.

Закипал чайник.

Нет, что сказка была не просто сказкой, Себ понял сразу. Но ему больше нравилось думать, что она порождена бредом больного рассудка, чем заниматься трактовкой. Иначе выходило совсем не весело.

На бекон и бобы Себ насыпал резаные помидоры и лук, залил всё яйцами (понадеявшись, что вегетарианство Джима имеет какие-то разумные пределы), принялся перемешивать, а в голове всё крутилась история мышонка.

Чёрный мышонок в городе белых мышей... Не стоило читать ему «Груффало». Чудовищная была идея.

А если задуматься об истории этого чёрного мышонка, то выходило совсем погано. Чёрт возьми.

Чёрный мышонок с отгрызённым хвостом. В городе белых, лицемерно-правильных мышек. И старый мышиный дед в стружьях.

Себ готов был заплатить очень дорого за гарантию того, что эта сказка была просто странной фантазией.

«Нафиг это всё», — подумал Себ решительно. Не хватало ещё забивать себе этим голову. Так недолго до того, чтобы начать жалеть Джима, опекать его и вообще забыть о том, что он опасный сукин сын. И в этот момент на кухню вышел Джим. Конечно, приватность была не для него, поэтому он вытащил из шкафа зелёную футболку, которая скрыла бинты и повисла как на вешалке. А вот если бы спросил, Себ дал бы другую — размера на три поменьше.

— Оу, — протянул Джим, осматриваясь и чуть щуря глаза, — мне стоило остаться в спальне, и я дождался бы завтрака в постель, дорогой?

Себ смерил его мрачным взглядом, вывалил яйца с бобами на тарелку, положил рядом два тоста и поставил на стол.

— Ну, не дуйся, — протянул Джим. Однозначно, ему стало лучше.

Себ расположился напротив со своим завтраком, кивнул на подставку с приборами и принялся за еду. Джим разглядывал яйца со смесью удивления, отвращения и любопытства. Примерно как сам Себ, будучи голодным, смотрел бы на жареных тараканов.

— Ты запомнил, что я не ем мяса, — наконец, сказал Джим, — я тронут.

— И что есть — это скучно, да, — кивнул Себ. — Но вы потеряли много крови, так что лучше всё-таки...

— Ох, — Джим закатил глаза, — не будь нудным, — но вилку взял и даже начал вяло жевать. Себ промолчал. Ему хватало того, что нужно воспитывать Сьюзен. А если Джим вдруг захочет умереть от голода — это его проблемы, пусть только зарплату за месяц перечислит.

Несмотря на то, что никакого энтузиазма на лице Джима не наблюдалось, он всё-таки доел свой завтрак, встал и объявил:

— Увидимся в десять на северном выходе из метро «Эджвар-роад», дорогой.

— Сэр, у вас рука прострелена.

Джим смерил его удивлённым взглядом.

— Я заметил. Не думай о ней. И не опаздывай, детка. Нет, оружие не нужно. Я прихвачу тебе кое-что.

И Джим, даже не позаботившись о том, чтобы забрать куртку, покинул квартиру Себа. Отлично: теперь он может сыграть в лотерею и слечь в постель либо с простудой, либо с кровопотерей. И будет круто, если не с тем и другим сразу.

Джоан позвонила в четыре — напомнить, что приезжает завтра. Себ подумал, что повезёт, если Джим не устроит ему путешествие на недельку. Сказал честно:

— Очень жду тебя. И надеюсь, моё начальство не выдернет меня куда-нибудь в ночи.

— Созвонимся, — с ясно слышимой улыбкой в голосе пообещала Джоан. — Если что, меня Пол приютит на день.

Ещё до её звонка Себ привёл в порядок квартиру: отмыл всё, что можно было, убедился, что вещи убраны в шкаф, набросил старый плед на сейф, чтобы не привлекал внимания, и купил овощей кусок свинины, из которой можно будет сделать обед. Теперь он осмотрелся снова, подумав, расчистил половину полок в шкафу, поменял постельное бельё, вывесил в ванной второе полотенце и достал нераспакованную зубную щётку. Просто на всякий случай — пусть будет.

Нельзя сказать, что он переживал перед приездом Джоан. Скорее, это было лёгкое

радостное возбуждение, на которое причудливым образом наслаивалось предвкушение задания от Джима.

В десять на выходе из «Эджвар-роад» было пустынно, и Себ сразу увидел Джима — он стоял под фонарём и о чём-то достаточно мирно переговаривался с бездомным мигрантом. Себ чуть сбавил шаг, чтобы понаблюдать за этим диалогом. Джим, сделав рукой небрежный жест, сунул руку в карман и уронил в ладонь бездомного какую-то купюру. Потом чуть наклонил головой — и бездомного как ветром сдуло. Джим увидел Себа, улыбнулся и кивнул, требуя следовать за собой.

Какое-то время они молча шли по Эджвар-роад, потом Джим спросил:

— Мне интересно, детка, это правда, что снайперы не любят стрелять из пистолетов?

— Чаще всего да, — отозвался Себ. Сам он не просто не любил, он ненавидел пистолеты. И ситуации, когда их приходится применять.

— Какая разница, — задумчиво протянул Джим, — откуда выпускать пулю?

— Большая. Как между стейком хорошей прожарки и куском сырого мяса. Не знаю, как объяснить ещё... Пистолет — это грязно.

— Ты убил тех албанцев, помнишь?

Ещё бы. Странное похищение, которое и вовсе не похищение, никогда и не забывалось.

— Я спасал наши с вами шкуры. Это другое. У каждого солдата есть пистолет, потому что иногда наступает ситуация, когда вариантов нет.

— Как любопытно.

Джим замолчал и задумался о чём-то, на лице у него появилась странная улыбка. В тишине они прошли несколько кварталов, и наконец, Джим поднялся по ступеням узкого крыльца жилого дома, своим ключом открыл дверь. Они вошли внутрь.

Дом был старый, с узкой скрипучей лестницей, хотя и (Себ не сомневался) отнюдь не дешёвый.

Хотя они и не зажгли свет, не было похоже, что они скрываются. Джим уверенно взбежал на четвёртый этаж, остановился на лестничной клетке и задумался, словно бы выбирая между двумя одинаковыми белыми дверями квартир. Выбрал левую, легко открыл замок.

Квартира, как подумал Себ, должна была бы принадлежать девушке. Молодой и современной.

От фонарей на улице шло достаточно света, так что Себ смог осмотреться.

Не считая закутка ванной, здесь не было никаких перегородок. Стены одной достаточно просторной комнаты были разноцветными: две розовые, одна зелёная и одна, там, где окно, белая. Кровать — за ширмой. Почти посередине — круглый голубой диван с кучей подушек. Маленький кухонный уголок.

Джим, пожав плечами, уверенно подошёл к окну и сел на подоконник. Позвал:

— Иди сюда, дорогой.

Похоже, работы сегодня не будет. Себ тоже присел на подоконник и выглянул в окно. Внизу не происходило ничего примечательного — немногочисленные люди спешили по своим делам.

— Как ваше плечо? — спросил Себ негромко.

Джим скривился и ничего не ответил. Видимо, не так уж и плохо, решил Себ. Минут через десять Джим достал наушники (почему-то провода были разных цветов), заткнул уши и закрыл глаза. Себ продолжил ждать.

Прошло два часа. Люди почти перестали ходить под окнами. Начал закрываться китайский ресторан в доме напротив. Опустил шторы киоск с хот-догами. По улице прошла женщина в длинном розовом пальто, зашла на то же крыльцо. Себ напрягся, хотя и понимал, что опасения излишни. Джим умел просчитывать ситуации, и конечно, он не полез бы в квартиру, в которую в любой момент может вернуться владелец.

Женщина пропала из виду. В подъезде шпук восемь квартир. Может, шесть, если где-то есть двухэтажные. Шанс, что женщина пойдёт именно к ним, крайне мал.

Джим вытащил наушники, и они остались болтаться, перекинутае через ворот светлой рубашки.

Внизу слышались шаги по скрипучей лестнице. Джим приложил палец к губам. Себ считал пролёты. Вот женщина поднялась на первый этаж. Теперь на второй. Снова скрип.

Что, если Джим ошибся? Может же он просчитаться хоть раз? Тогда им придётся валить. Четвёртый этаж. Допустим, сам Себ сумеет спуститься, благо, фасад изобиловал архитектурными излишествами. Джим гарантировано слетит вниз и разобьётся. Не издавая ни звука, Себ коснулся плеча Джима. Тот наклонил голову и слабо улыбнулся.

Ладно.

Женщина поднялась на четвёртый этаж, и Себ подумал, что она, может, живёт в квартире напротив. И пребывал в плену этой сладкой мечты целых секунд десять.

«У Джима всё под контролем», — подумал Себ твёрдо. Может, они вообще специально ждут эту женщину? Она вполне может быть каким-нибудь агентом Джима, работать на него.

В любом случае, бежать уже было поздно. Раздалось звяканье ключей, щёлкнул замок. Щёлкнул выключатель, Себ зажмурился, чтобы свет не ударил по глазам, но быстро приморгался, а женщина тоненько вскрикнула.

— Не волнуйтесь, — проговорил Джим тоном психиатра, обращаясь к буйному пациенту. — Закройте дверь.

Женщина подчинилась. Она действительно оказалась молодой и красивой. У неё была короткая стрижка — но не как у Джоан, а какая-то явно сложная. В светлых волосах виднелись цветные пряди. И она была покрашена, не вульгарно, но как-то очень нарочито. Облегающее пальто подчёркивало её худобу.

— Это частная собственность, — произнесла женщина высоким звонким голосом. — И вам лучше уйти отсюда побыстрее, пока не приехала полиция.

Себ видел, что она испугана (и отлично понимал, почему), но не мог не отметить, что держится она превосходно.

— Не переживайте, милая мисс Перси, — удивительно ласковым тоном сказал Джим, — у нас с вами, в конце концов, есть общий знакомый.

Взгляд мисс Перси оставался испуганным, поза — напряжённой, она спросила:

— Кто?

— Да, — проговорил Джим, — всё не так плохо, как я боялся. Александр Кларк очень сожалеет о вашем... разногласии.

Мисс Перси сделала полшага вперёд, и дверь захлопнулась у неё за спиной. Женщина вздрогнула всем телом.

— Сомневаюсь, — сказала она, — что Александр отправил вас двоих решать наши проблемы. Даже если так, я не желаю с вами беседовать. Покиньте мой дом!

На несколько мгновений Себ подумал, что именно так они и сделают. Было в лице

Джима что-то обнадеживающее.

— Мы уйдём, конечно, — согласился Джим после паузы. — Только я решу один вопрос.

Себ смотрел на эту женщину и утешал себя только одной мыслью: что бы ни было там, какие бы вопросы ни решил задать ей Джим, она останется невредимой. По крайней мере, сегодня. Иначе Себ был бы сейчас не здесь, а где-то в доме напротив, в винтовкой.

— Какой ваш любимый фильм, мисс Перси?

Себ видел, что она осторожно спускает сумочку с плеча. Почти наверняка у неё там был телефон. Или перцовый баллончик. Но и то, и другое ещё нужно было достать.

— Фильм?

— Его.

Джим медленно обходил её по кругу, а Себ продолжал стоять столбом, не понимая, что происходит и зачем он здесь. Собственная роль в этом разговоре оставалась для него совершенно неясной, поэтому он вёл себя как телохранитель на деловой встрече.

— «Жертва новому богу», — уверенно ответила она. — А ваш?

— Я люблю все, — улыбнулся Джим и начал двигаться обратно к Себу. — Но сегодня с удовольствием пересмотрел «Первый поцелуй Судного дня». Подойдите сюда, мисс Перси, и перестаньте тянуться к сумке, — вдруг резко потребовал он. — Вы не успеете набрать номер, и мы с вами отлично это знаем. Как знаем и то, что... — он покачал головой, — нет смысла кричать. Эти соседи на третьем этаже такие шумные. Все привыкли, что здесь кто-то кричит.

Впервые плечи мисс Перси дрогнули. Она сглотнула и спросила:

— Что вам нужно? Александр? Я не вижусь с ним. Мой отец...

— Мисс Перси... — пропел Джим, — если бы мне нужен был ваш отец, я бы просто напомнил ему про того мальчика на Белгрейв-роад.

— Значит, Александр, — кивнула она. — Я знаю, получится ли у вас шантажировать его. Мы действительно в ссоре.

— Я знаю, — просто сказал Джим. — Узнаёшь, дорогой?

Джим вдруг достал из кармана какой-то свёрток и протянул Себу. Он узнал свою зелёную футболку. Развернул её — и почувствовал, как холодеют пальцы.

— Прости, позаимствовал с утра. Решил сделать сюрприз.

Значит, не показалось. Себ держал в руках свой собственный пистолет — SIG Sauer восьмьдесят пятого года. Заряженный. Господи, кто носит заряженное оружие в кармане?

Себ медленно перевёл взгляд на Джима. У того блестели глаза.

— Подойдите поближе, мисс Перси, познакомьтесь с моим другом, — пропел Джим, обойдя Себа сзади и положив ладонь ему на плечо.

«Давай, скажи, что это чёртова идиотская шутка», — подумал Себ. Джим просто не мог так поступить с ним. И с мисс Перси тоже. Если ему нужно убить её — ладно, пусть отдаст приказ. И Себ придёт с винтовкой, сделает аккуратный выстрел.

— Вглядитесь в его лицо, — попросил Джим, и мисс Перси действительно подошла чуть ближе. Теперь их разделяло каких-нибудь пять метров. — Это Себастиан Майлс, — сказал Джим, а у Себа по спине потекла капелька пота, — вам предстоит познакомиться с ним очень близко...

Джиму не требовалось больше ничего говорить. Себу казалось, что он со стороны должен выглядеть ещё более напуганным, чем несчастная мисс Перси. Пистолет жёг кожу

сквозь футболку. Это было оружие самозащиты. Не убийства. И Джим отлично это знал. Они обсудили это два часа назад.

— Мистер Майлс собирается убить вас, — прошептал Джим.

Его возбуждённое дыхание раздавалось позади. А Себ не мог говорить. И дышать.

Нет, он не собирался. Не сегодня и не так. Но у него теперь не было выбора. Просто не было, мать его, выбора, никаких шансов. Либо мисс Перси сейчас ляжет с дыркой в черепе, либо завтра сам Себ сядет за решётку.

— Убей её для меня, дорогой, — шепнул Джим, — пожа-алуйста.

Себ неторопливо направил пистолет на мисс Перси. Она отшатнулась с выражением ужаса на лице, открыла рот, но вопль о помощи так и застрял у неё в горле, только булькнул невнятно.

Ещё никогда выстрел не казался Себу таким оглушительным. А звук падения тела сотряс, похоже, весь дом. Воздуха всё так же не было.

Джим снял руку с плеча Себа, подошёл к телу мисс Перси, опустился на колени рядом. Мягко обвел пальцем входное отверстие во лбу и обернулся к Себу. На его губах играла улыбка, и она завершила дело.

Вместо судорожного отчаянного вздоха из лёгких Себа вырвался больной хрип. Пальцы сжались в кулаки. Перед глазами стояло красное марево. Если бы Джим сказал хоть слово, — «Господи, — молился Себ, — одно чёртово слово» — от остатков самообладания Себа не осталось бы и следа. Он почти видел, как стискивает тощую шею босса, давит, пока не выдавит испуганного сипения, потом отпускает пальцы — и Джим кулем валится на пол.

Но Джим молчал. Смотрел с торжеством в глазах, но, кажется, даже не дышал. На выстрел должен бы уже сбежаться ведь дом. Наплевать. Себ глотнул воздух, похожий на песок, и пошатнулся, хватаясь за стену.

— Детка... — с нежностью пропел Джим, выпрямляясь, и Себ не выдержал. Очень осторожно, как бомбу, положил пистолет на подоконник, носком ботинка отшвырнул в сторону футболку, в два шага сократил расстояние и резко толкнул босса в грудь. Джим безвольно пошатнулся и отлетел к стене, улыбнулся. С размаху Себ долбанул кулаком по стене совсем рядом с его головой, испытывая острое наслаждение от хлынувшей от запястья вверх боли.

Джим запрокинул голову, сощурился, вглядываясь Себу в глаза.

Себа трясло. Будь Джим кем-то другим...

Очень медленно Себ коснулся пальцами беззащитного горла. В глубине глаз Джима засветилось что-то совершенно незнакомое, и это был не страх. Себа замутило. Он не мог ударить Джима — потому что он мельче и слабее физически, потому что у него прострелено плечо, и потому что он...

Джим, что ли?

А ещё Себ мог бы, чёрт подери, предположить, что однажды псих поведёт себя в точности как положено психу. Если уж кто-то и заслужил пару крепких затрещин — так это он сам. Воздуха всё ещё не было, перед глазами мелькали круги, и лицо Джима то и дело оказывалось в слепом пятне.

— Ты выстрелил, дорогой, — прошептал Джим, и его глаза светились восторгом. А Себ чувствовал, что у него нехер ломается что-то не то в голове, не то в желудке.

Задыхаясь, Себ прохрипел:

— У вас больше нет снайпера, сэр, — накинул капюшон куртки и пошёл прочь.

Сколько времени человек может не дышать?

Его могли увидеть. Даже арестовать. Боже, это было бы благом.

Он шагнул как на плацу, в позвоночник, похоже, вбили стальной прут, который сломался строго пополам, стоило Себу выйти наружу.

Его скрючило, из горла вырвался чужой непонятный звук, кислород наполнил горящие лёгкие и показался ядовитым.

Чёрт. Не в мисс Перси же дело! Или в ней? Нет...

Себ готов был убить её. Просто не так, как его вынудил Джим.

Себ хотел бы побежать, исчезнуть как можно дальше с этой улицы и с глаз Джима (а он смотрел в окно, в этом не было никаких сомнений, Себ чувствовал его взгляд затылком). Но вместо этого он пошёл — медленно, едва переставляя ноги, как пьяный. Ни на что другое не хватало сил.

В голове мутилось. Вокруг был Лондон — и Кэмп Бастион. Потом Катар. Широкие улицы плыли в глазах, причудливо меняя форму. Здания осыпались как после авиаударов. Асфальт трескался под ногами, превращался в пыль и бетон, и их заливала кровь мисс Перси. Себ хорошо помнил цвет и запах горячего песка, пропитанного кровью. Только в этот раз она была непривычно свежей.

Боже правый, не первый труп на руках. И не первый, кого Себ застрелил вот так, с нескольких метров, видя в глазах ужас. Но никогда ещё не было так дерьмово. Эта смерть была другой. Себ слышал дыхание мисс Перси, звук падения мёртвого тела. Ещё метр — и кровь её попала бы ему на лицо. Это был не заказ, не работа, не защита своей жизни, а именно то, о чём говорил Джим. Омерзительная близость с жертвой. К которой его принудил Джим.

Желудок сжимался, а зубы ломило от ненависти. Он мог вторым выстрелом разбрызгать мозги уже бывшего босса по дешёвому ковру. Он мог проломить его череп. И видит бог, он сделает это, если Джим Фоули попадётся ему на пути.

Всё ещё не видя, куда идёт, почти ослепнув, Себ вспоминал раз за разом: «Возьми пистолет». «Снайперы не любят стрелять из пистолетов, да?» «Мистер Майлс собирается вас убить».

Эти слова высоким нервным голосом Джима как будто зациклились у Себа в мозгу. Песня на вечном репите.

Этот выстрел... Не был просто работой. Джим хотел именно этого: увидеть, как Себ убивает вблизи. «У меня был снайпер... он сломался». Теперь таких два. Или больше? Себ чувствовал себя именно что сломанным.

«Наслаждайся», — выдохнул Себ, резко зажмуриваясь — и тут же открывая глаза.

Бормотание Джима в голове как будто слегка затихло. Зрение прояснилось.

Улицы вокруг были незнакомыми. Какие-то трущобы, пустые к тому же. Себ бросил взгляд на часы. Половина третьего ночи. За это время он мог пойти куда угодно, хоть на другой конец города.

Рядом — за углом — раздался гогот, и Себ почувствовал, как в груди сначала что-то сжимается, а потом по всему телу растекается жар возбуждения. Он даже радовался, что пистолет остался валяться на Лейнстер-Гарденс, а нож он с собой по городу не носил.

Отлично. После удара по стене рука всё ещё ныла, но это был такой пустяк по сравнению с яростью, туманившей сознание.

Компания — четверо парней — вывернули на улицу, где стоял Себ. Кажется, их

привлекал ночной клуб на другой стороне. Они все были поддатые, а может, и под кайфом.

Себ распрямил плечи.

Нет, он не будет нарываться на драку. Он ведь не сумасшедший. Он просто... встретился взглядом с одним из четверых. Человек, который не ищет проблем, отвёл бы глаза и чуть отошёл бы в сторону, чтобы не привлекать лишнего внимания. Себ этого не сделал: потому что не мог или потому что не хотел?

Разумеется, его заметили. Смех и невнятная болтовня чуть стихла — и зазвучала громче. Себ рассматривал их с ног до головы, примериваясь и предвкушая. Здоровяк с дредами будет первым. Таким кулаком можно и голову проломить, лучше убрать его сразу. Щуплый в гейской розовой майке, скорее всего, вообще не рискнёт напасть, будет прыгать вокруг и тявкать. Оставшиеся двое — среднего роста, но крепкие. Основная проблема. Как бы предчувствуя удар, зачесалась правая скула.

Он не спятил!

Провоцировать уличную драку с обдолбанными придурками? Нет, он этого не сделает. Но пока здравый смысл повторял это, как какую-то мантру, что-то в сознании Себа продолжало анализировать и планировать. Не забыть, что справа урна. Пробитые головы им здесь не нужны. На другой стороне узкой улицы — машина, заденут — поднимется вой сигнализации, прибежит владелец — лишний шум и лишние люди. Ещё из клуба могут выскочить: разнимать или помочь любой из сторон. Чем быстрее всё закончится, тем лучше.

Время ползло тягуче-медленно. Наконец, спустя вечность, мелкий свистнул и устался Себу в глаза.

«Попаду в полицию — Грег меня убьёт», — с шальной весёлостью подумал Себ. Какая-то доля здравого смысла ещё оставалась при нём, хотя перед глазами снова начала стелиться красная пелена. Он понимал, ещё может отойти и не нарываться. Этим парням не нужна драка, они поржут, тыкнут в него пальцами пару раз — и пойдут в свой клуб. Или ещё куда-то.

«Зато мне нужна», — поймал Себ безумную мысль. В ушах зашумело.

Парни остановились. Себ сделал полшага вбок, чтобы стена дома была за спиной, и улыбнулся. У мелкого были чёрные коротко стриженные волосы и уставшие большие глаза с полопавшимися капиллярами. Он оскалился в ответ, и Себ заметил кривые нижние зубы. Жаркая волна адреналина, казалось, схлынувшего, снова прошла по телу. Мышцы закаменели. Заломило в затылке.

— Что лыбишься? — спросил здоровяк. Тот, кто был справа от него, в косухе и бритый наголо, буркнул:

— Забей, пошли.

— Пусть скажет, чего лыбится.

Себ молчал, продолжая разглядывать всех поочерёдно.

— Слышь, может, он на нашего Джимми запал? — грохнул хохот, а Джимми — в дурацкой майке и с кривыми зубами, — расхохотался громче всех, и Себу послышались в чужом голосе знакомые безумные нотки. И здравый смысл позорно бежал.

Он что-то ответил — невнятное, бездумное, — и ощутил сладостный, долгожданный толчок в грудь. Здоровяк просто хотел отшвырнуть его с дороги, но прогадал. Себ чуть пошатнулся — и ответил прицельным ударом в челюсть снизу. Здоровяк рухнул, мелкий взвизгнул и отскочил, а двое оставшихся накинулись на Себа как собаки.

Он ушёл вправо. Рост давал преимущество, пока он держал их на расстоянии. В ушах бешено стучал пульс. У левого и волосатого пошла носом кровь (когда успел разбить?) Смазанный удар по плечу Себ почти не почувствовал, если боль и была, она придавала сил.

Мелкий Джимми что-то кричал, волосатый ругался, а бритый пыхтел при каждом шаге. Подсечкой под колено Себ свалил его, но пошатнулся сам, а потом что-то яростно вцепилось ему в волосы. Он ударил локтем не думая, раздался совершенно бабский визг, волосатый накинута справа и дёрнул за руку.

Боль прошла от запястья к плечу, Себ задохнулся — и полетел лицом на грязный заплёванный тротуар — и понял, что встать ему уже не дадут. Попытался опрокинуть волосатого. Джимми извернулся и с силой ударил в пах.

Мать твою.

Зрение пропало вместе со слухом, дыханием и осязанием, а стоило последнему слегка вернуться, как Себ почувствовал новые удары: спина, плечи, ноги. Сам не понимая, когда, он успел скорчиться, закрывая головы руками и защищая живот, поэтому его просто пинали — с хохотом и руганью, которую он не мог даже разобрать.

«Убей его для меня, дорогой, — шепнул Джим. — Убей его, Святой Себастиан». Это было больнее, чем удары. Чёртов Джим выворачивал его мозги наизнанку, кромсал их в лоскуты, и в сравнении с этим пинки шпаны были комариными укусами.

Кто-то трогал его. Переворачивал. Щупал. Не было сил шевелиться.

Осколок распорол живот, и Себ зашёлся в беззвучном крике боли. Он орал бы во всё горло, но почему-то не работали связки.

Глаза обожгло вспышкой.

«Не вздумай загнуться, старик», — велел Йен. Себ попытался вдохнуть, но только наглотался пепла. Сплюнул чёрную слюну и жестом показал Йену, куда ему надо убираться.

«Не переживай, — пробормотал Йен бодро, хотя его взгляд у него был панический, — зато ты очень быстро доберёшься до больницы. Может, целый вертолёт пришлют для твоей тощей задницы». Себу было страшно и смешно. Он понимал, что сдохнет, но рядом был Йен, чёрт его дери. С дурацкими обрывками самых несмешных в мире анекдотов. Так что не страшно. Он судорожно сжал его руку — широкую, с мозолями, закашлялся. Йен улыбнулся.

Себ не видел его.

Вообще ничего не видел.

Становилось холодно.

Почему холодно? В Ираке было жарко. Только он не в Ираке, а в Британии. В Лондоне. Валяется где-то на улице.

— Йен... — прохрипел он.

Мёртв уже как шесть лет.

Осколок?

Вытащен из живота семь с половиной лет назад, шрам давно не болит и даже не зудит. Зато вся спина отбита. А дышать тяжело, потому что он разбил нос о тротуарную плитку. И потому что лежит лицом вниз.

Он пошевелился.

Вроде бы всё двигалось. Руки-ноги целы, разве что правое запястье ноет и плечи тянет. Спина, похоже, превратилась в один синяк. Голова дурная.

С трудом, кряхтя, как старик, Себ приподнялся и сел, прислонившись спиной к стене. Вытер рукавом нос: кровь уже не лилась и начала подсыхать. Ощупал хрящ: вроде не перелом, хотя опухоль может и позднее появиться.

Мир не шатался. Немного посидев и переведя дух, Себ сумел встать на ноги. Помотал головой: она хоть и гудела, вроде бы начала соображать.

Что ж, он ввязался в тупую уличную драку и самым идиотским образом её проиграл. Достойное завершение этой ночи.

Бросил взгляд на часы — вернее, на то место, где они должны были быть. Сняли.

Телефона в кармане тоже не обнаружилось. И пачки наличных. И главное... У Себа заболело в груди, когда он понял, что при нём нет разрисованного фотоальбома — подарка Сьюзен на Рождество.

Он лежал вместе с деньгами, в одном внутреннем кармане, его, видно, прихватили на всякий случай, может, даже не заглянули внутрь сразу.

Себ застонал вслух, стискивая зубы. И вдруг заметил посреди улицы кожаную обложку.

Парни забрали фотоальбом — но он им оказался не нужен. Себ осторожно поднял его, отряхнул, открыл на первой странице — и торопливо закрыл. Смотреть на Сьюзен, даже сфотографированную, он сейчас не мог.

Фотоальбом вернулся в карман, и остальные потери показались ерундой. Телефон? Часы? Не жалко.

Себу казалось, что его прожевали и выплюнули. И дело было не в синяках, не в разбитом лице и не в ссадинах на костяшках пальцев.

Драка, какой бы позорной она ни была, сделала своё дело. Он, кажется, снова мог соображать. Реальность больше не путалась.

От этого становилось ещё паршивее. Стоило мозгу начать работать, как воспоминания о вечере и ночи вернулись. Только теперь не было благословенного адреналина, который давал такое восхитительное забытие. Не было и ярости.

Он застрелил безоружного человека с расстояния в три метра метра, потому что Джиму захотелось поиграть.

Что било больнее: воспоминание об убийстве или выходка Джима? Себ не настолько погряз в самообмане, чтобы сомневаться в ответе.

Он точно знал, что имеет дело с психом. Каждую минуту, каждой фразой и каждым жестом Джим подтверждал это. Но ведь Себу это нравилось.

Задания, странные разговоры, в которых он не понимал и половины, какое-то...

Он приложил серьёзное усилие, чтобы заставить себя в этом признаться: было какое-то особое чувство избранности. Гордость от того, что такой сумасшедший и непонятный Джим считает его достойным доверия.

Себ привалился всё к той же стене, прокручивая в голове разговоры с Джимом, при этом понимая, что этим нарочно ковыряет рану. Как было бы офигенно круто сказать, что он не ожидал ничего подобного, не знал, во что ввязывается.

Куда там.

Знал. Боялся его нездоровых фантазий, ненавидел его приступы — но оставался рядом. Почему, спрашивается?

Он закашлялся — лёгкие пережимало от этого вопроса. Потому что прав был Йен, он придурок, и всё. Ему нравились эти бесконечные русские гонки, которые устраивал ему Джим. Только оказалось, что рельсы обрываются в конце.

Клуб напротив уже закрылся. Улица была совершенно пустой.

Себ отошёл от спасительной стены, наплевав на боль в мышцах, и пошёл вперёд, ища название улицы и номер района.

Только после трёх поворотов ему повезло отыскать нужную табличку и сообразить, что он забрёл на северо-восток, далеко за пределы кольцевой линии.

Уже рассвело, когда Себ нашёл нужное направление и поплёлся к дому. У него не было денег на такси или на метро. А даже если бы были — он не захотел бы оказаться среди людей. Возле чужой запаркованной машины он остановился, заглянул в боковое зеркало и стер с лица кровь, чтобы не привлекать внимания.

Идти было нетрудно, просто усталость накатывала волнами.

Редкие прохожие, которые начали появляться на дорогах, поглядывали на него неодобрительно. Он был в грязи, куртка на плече порвалась. В какой-то момент он понял, что силы иссякли, и присел на автобусной остановке, на узкой неудобной лавочке. Молодая женщина в строгом костюме тут же встала и отошла: ей было неуютно находиться рядом.

Себ решил, что прикроет глаза на пару минут, но когда открыл их, женщины уже не было, а на проезжей части за спиной прибавилось машин.

Седая сухощавая дама в парадной шляпке подошла к Себу и окликнула его. Он вяло сфокусировал на ней взгляд.

— Вам нехорошо, сэр? — произнесла она заботливо. — Что с вами?

Это участие чужого человека тронуло. Себ улыбнулся, покачал головой и ответил, с трудом ворочая языком:

— Спасибо, мэм, всё в порядке.

— Может, позвонить вашим близким?

От ответил отказом, дама вздохнула — и с явным сомнением пошла к своему автобусу, то и дело оглядываясь.

Себ встал, кивнул ей на прощанье — и понял, что может идти дальше. Он уже примерно помнил места и не терялся в направлении: просто переставлял ноги, нарочно сделав крюк минут на двадцать, чтобы обойти стороной Сити. Бизнес-центры угнетали даже на расстоянии.

Мысли отключились, слава богу. Врубился автопилот, который отвечал за то, чтобы шаги были ровными, чтобы тело не шаталось, а глаза успевали смотреть по сторонам на переходе.

Городские часы показали десять, когда Себ очнулся и понял, что уже прошёл мимо Вестминстера. До дома оставалось совсем немного, и от осознания этого даже шаг ускорился.

Он повернул на свою Слоун-стрит, прошёл немного — и замер в пятидесяти метрах от входной двери. На ступеньках стояла Джоан.

В первую минуту Себ почувствовал странный порыв куда-то сбежать, но подавил его. Ещё раз потёр лицо рукавом и приблизился. Джоан обернулась и охнула. Быстро соскочила на тротуар, замерла возле Себа и (изумительная женщина!) не задала ни единого дурацкого вопроса, только уточнила:

— Ключи при себе?

Себ машинально сунул руку в карман штанов и с удивлением нащупал брелок. Видимо, парням хватило часов и содержимого куртки. Он достал ключи и протянул Джоан.

Она открыла замок, распахнула дверь и посторонилась, пропуская его внутрь. До кровати Себ не дошёл — стёк по стене в коридоре. Джоан включила свет, наклонилась, коснулась пальцем его щеки и спросила:

— Аптечка?

— Кухня. Слева. Шкаф.

И даже эти слова выговорить было подвигом.

Джоан вернулась почти сразу с аптечным ящиком и стаканом воды. Пил Себ жадно. Стакана явно было мало, но на то, чтобы попросить ещё, сил тоже не было. Он вообще не хотел шевелиться. Да и не мог.

Но Джоан не оставила его в покое, о чём он отчаянно мечтал. Она принялась (и той частью сознания, которая продолжала пока работать, Себ отметил, что весьма ловко) его раздевать. Начала с куртки, долго провозилась с ботинками. Футболку просто порезала. Чтобы снять штаны, заставила его привстать — но он почти сразу упал обратно.

— Знал бы ты, как от тебя воняет, — пробормотала она, быстро проведя рукой по волосам.

Принюхиваться было лень. Хотя запах спирта он всё-таки учуял.

— Сейчас я обработаю ссадины, — сказала Джоан, начиная протирать его лицо ватным тампоном, отчего кожу защипало, — потом мы пойдём в душ. И после этого посмотрим, что тут ещё можно сделать. Идёт?

В другой ситуации Себа повеселило бы это. Совсем недавно он так же, как с ребёнком, говорил с раненым Джимом. А теперь сам сидит в той же квартире, с трудом соображая, что происходит, и вслушивается в чужой успокаивающий голос. Но сейчас ему было не весело от этого сравнения, а тяжело и мерзко. Хотелось рявкнуть на Джоан, чтобы прекратила возиться с ним.

— Маленькое усилие, — она профессионально закинула его руку себе на плечо и потянула вверх, — давай... — он сумел встать, понимая, что давит на неё почти что всем весом.

Вода сначала показалась обжигающе-горячей, но потом вдруг принесла громадное облегчение.

Джоан стояла возле ванны, держала душ, забрала у Себа из рук мочалку. Надавила на плечи, заставляя сесть.

Это было унинительно — и в то же самое время, совершенно прекрасно.

Последнее, что Себ запомнил — это как он падает на кровать, а Джоан переворачивает его на живот и начинает растирать спину едкой мазью от синяков. Потом — чернота.

Воняло горелым. Не слишком сильно, на самом деле. Можно было бы и потерпеть. Но увы, этот запах заставил мозг заработать, пусть и со скрипом. Себ понял, что лежит голым на животе в кровати (кажется, в своей). Укрыт одеялом. Осознал, что у него чертовски болят мышцы, а кожа на лице кажется стянутой, как под какой-то коркой. Стоило приоткрыть глаза и чуть повернуть голову, как он убедился, что комната действительно его, горит ночник, а за окном уже ночь.

Воспоминания о вчерашнем (или сегодняшнем? что со временем — непонятно) вернулись резко, и Себ, только попытавшийся подняться, со стоном упал обратно и уткнулся лицом в подушку.

— Проснулся? — раздался рядом голос Джоан.

— Угу, — буркнул он невнятно. На язык просились исключительно ругательства, причём цветистые и разнообразные. Было мерзко, больно и стыдно. Последнее — особенно сильно.

Какого хера он устроил? Память тут же подсказала, и Себ застонал снова. Стиснул зубы — и всё-таки перевернулся и сел на постели.

Джоан обнаружилась в углу комнаты, у шкафа: она сидела на стуле, закинув ногу на ногу, и пила чай из большой пивной кружки. Себ протёр глаза и надавил на них с силой, до цветных пятен. Выдохнул — и снова посмотрел на Джоан.

— Спасибо, — сказал он, немного подумав, — и прости.

Джоан пожала плечами:

— Не за что. Фигня, — она поставила кружку на пол и перебралась на кровать, в ноги. Растрепала еще более всклокоченные, чем обычно, волосы. — Но выглядел ты на редкость дерьмово. Да и сейчас не лучше, если честно.

Себ потрогал лицо: да, нос не сломан, просто разбит, на правой щеке — синяк, левая бровь и вся скула с той же стороны — в мелких ссадинах. Правильно, это он на тротуар падал.

— Лицо ещё ладно... — покачала головой Джоан, — а вот спина расписана совершенно художественно. Слушай, — она прочистила горло, — я сожгла наш ужин, но в соседнем магазине нашла макаронный салат. Вроде свежий. Будешь?

От этих слов желудок Себа сжался и заболел, намекая, что ему пойдёт даже не очень свежий макаронный салат — как и любая другая еда.

— Ясно. Лежи пока...

Джоан ушла на кухню, а Себ, вместо того, чтобы следовать её совету, натянул домашние штаны и отправился в ванную. Джоан не соврала: выглядел он отвратительно, причём не требовалось быть гением, чтобы догадаться о произошедшем. Он выглядел точно так, словно его избili в уличной драке. И похоже, после макаронного салата его ожидает несколько вопросов.

Плеснув водой в лицо, Себ скривился: щипало.

Он не хотел, чтобы Джоан была здесь и видела его. Да, он действительно был благодарен за помощь. Если бы не она, он спал бы на полу в коридоре: просто не дошёл бы дальше. Не говоря уже о том, что она обработала все ссадины: быстро, молча, без сомнений и осуждения. Но когда он полностью придёт в себя, умница-Джоан начнёт задавать вопросы. И, откровенно говоря, он предпочёл бы проснуться в коридоре, грязный и с засохшей кровью на лице, но один. Он не хотел обсуждать произошедшее. Ни с кем.

Выключив воду, Себ вернулся в спальню — и тут же получил горячую тарелку с разогретым салатом. Божественно вкусная еда. Он ел медленно, чтобы избежать тошноты, и наслаждался каждой ложкой. Это было восхитительно.

Джоан, снова пристроившись на кровати, поглядывала на него с явным сомнением.

— Не бойся, — хмыкнул он, надеясь, что голос звучит непринуждённо, — не отравлюсь. Чего я только не ел в своей жизни.

— Скажешь, армейский паёк был хуже?

— Нет, он как раз ничего. А вот суп на тухлом бараньем жире... — Джоан смешно сморщила нос. Себ отставил тарелку и удовлетворенно откинулся на подушку. Жизнь стала значительно лучше, чем пять минут назад.

А Джоан снова нахмурилась и спросила:

— Что произошло?

Себ выдержал её внимательный обеспокоенный взгляд и ответил ровно:

— Неудачный день. Подрался. Ничего страшного.

Он не мог и не хотел обсуждать всё, что было до драки и что, в конце концов, привело к ней. Он предпочёл бы даже не думать об этом.

— Тебя избили, — отозвалась Джоан, и тон её голоса Себ мысленно охарактеризовал как «полицейский», — отобрали, если я правильно понимаю, телефон и бумажник. А учитывая, в каком состоянии ты пришёл домой... — она поджала губы, — тебя бросили где-то, где никто не сумел оказать тебе помощь. Я что-то упускаю?

От этих слов в груди у Себа заворочалась злоба. Почти как вчера (сегодня?), только слабее.

— Ничего не произошло, — отрезал Себ.

— Тебя избили! — она повысила голос. — И будет здорово, если вместо того, чтобы изображать героя, ты скажешь хотя бы, где это произошло. А Пол и ребята...

— Не надо! — выдохнул Себ, хотя ему, боже правый, впервые за долгое время действительно хотелось повысить голос. — Джоан, спасибо за помощь и заботу, — он встал и пошёл к шкафу. Сидеть полуголым стало некомфортно, — но я знаю, как позвонить в полицию. Телефон Пола у меня тоже есть. И Грега. Если бы я хотел...

Джоан тоже встала и вскинула голову.

— Покрываешь преступление?

Себ натянул футболку, чувствуя странный дискомфорт от этого привычного действия. Хотелось разбить шкаф. Или это от слов Джоан?

— Нет, не покрываю, — сказал он, — преступления не было. Я сам влез в драку, сам получил. Никто не виноват, так что...

— Себастиан!

— Не надо! — рявкнул он, сам дёрнувшись от своего крика, и тут же прибавил виновато: — Прости, нервы ни к чёрту. Просто не надо называть меня так, идёт?

Джоан покачала головой. Себ слушал, как колотится его сердце. Джоан смотрела без обиды, но очень настороженно. Он чувствовал свою вину перед ней: и за крик, и за злость. Она ведь старалась сделать так, как будет лучше для него. Заботилась.

— Прости, пожалуйста... — он подошёл и осторожно положил руки ей на плечи, — я ненавижу своё полное имя. Не могу его слышать.

«Святой Себастиан», — прошептал Джим где-то у него в голове, и Себ зажмурился на мгновение.

— Хочешь, называй Басти. Это... — он отвёл взгляд, — домашний вариант. Для близких.

— Я польщена, — фыркнула Джоан, Себ помотал головой, пытаясь вытряхнуть оттуда Джима, и поцеловал Джоан. Впервые, кажется, за всё время их знакомства в поцелуе не было ни капли желания. Только нежность.

Он не имел права на Джоан, но она была у него. Он прижал её к себе крепче, аккуратно пригладил волосы, вглядываясь в её большие тёмные глаза. Она отвечала на поцелуй с неожиданной робостью. В какой-то момент Себ прервал поцелуй и просто прижался щекой к её щеке, уронил голову ей на плечо. Кашлянул, пытаясь вытолкнуть из лёгких мерзкий ком, и прошептал невнятно:

— Я слабак...

Джоан погладила его по спине, потом по голове.

— Нет, — шепнула, — ты не слабак, Басти. Я точно знаю.

Он кашлянул снова. Этот ком — он угадал — собрался из воспоминаний. Там был полный набор: шёпот Джима, вспышка света, лицо мисс Перси за мгновение до смерти, выстрел, разбитые о стену костяшки пальцев. И конечно, короткий момент, когда он держал

Джима за горло.

— Я думал... смогу, — он говорил с собой, а не с Джоан, но именно её поглаживания и её запах заставляли его подбирать и выговаривать слова, — безумные игры... Думаешь, не знал? — нервно хохотнул и тут же больно прикусил губу, — Думал, со мной точно...

«У меня был снайпер. Он сломался», — вот что скажет Джим однажды кому-то другому.

— Он знал, куда надо... Чёрт.

Себ стиснул зубы. Собственное дурацкое несвязное бормотание напоминало бред.

— Тш-ш, — Джоан обняла его крепче, но не стала утешать или говорить, что всё пройдёт.

Как-то незаметно они перебрались обратно на кровать, но не расцепили объятия. Себ устроил голову у Джоан на груди и замолчал.

«Знаешь, дорогая, вчера я убил человека и несколько этим расстроен», — подумалось нервно. О таком не говорят любимой женщине. Особенно если она полицейский.

— Я потерялся во времени, — сказал он слабо.

— Я поняла. Позвонила тебе сегодня утром, ты не взял трубку. Решила... — Джоан поёрзала, устраиваясь поудобнее, — что тебя с утра дёрнули на работу, но уже всё равно села в поезд.

«Сегодня утром». Хорошая новость: он не сутки проспал.

— Набрала ещё раз, в Лондоне, но абонент был недоступен. И я решила поехать в Лондон. Кинула пока вещи у Пола.

— Надо их забрать, — сказал Себ, переворачиваясь на спину и раскидывая руки в сторону. — Ты обещала провести отпуск у меня. И прости... что он так начался.

Джоан улыбалась.

— Я заберу. Но завалиться к тебе без предупреждения с дорожной сумкой не рискнула.

— Зря. Ты можешь заваливаться ко мне с чем угодно и в любое время.

Джоан засмеялась:

— Не надо такое говорить полицейскому. А то я ведь и с обыском могу...

Себ подхватил её смех, хотя ему было не очень весело. Ладно обыск, на всё оружие у него есть лицензии. Но, например, смыв с рук создаст пару проблем. Вчера он был без перчаток.

— Хотите меня обыскать, мэм? — уточнил он. — Что у вас там в программе, личный досмотр?

— М... — протянула Джоан, — звучит заманчиво... — она покачала головой и фыркнула: — А есть смысл?

Они продолжили веселиться вместе. Конечно, Джоан была права. После мощного всплеска адреналина, драки и... всего прочего о сексе даже думать не хотелось, так что перспективы личного досмотра заманчивыми были только на словах. Зато разговор отвлёк от неприятных мыслей и слегка взбодрил.

К двум часам ночи они выползли на кухню, потому что оба смертельно проголодались. Джоан действительно сожгла свинину, но не добралась до рыбного фарша. И ничего не сделала овощам. Так что Себ взялся за приготовление ужина, а Джоан устроилась возле стола со своей пивной кружкой чая. Призналась:

— Ненавижу маленькие чашки.

— У меня где-то стоит сувенирная, на литр. Я найду, — пообещал Себ.

Он был в странном состоянии, но достаточно приятном: такая сонная вялость. Голова почти не работала. Руки двигались сами по себе, выполняя привычные действия. Что-то, пожалуй, есть общего между приготовлением котлет и сбором винтовки.

— Я с сегодняшнего дня безработный, — сказал Себ в какой-то момент, не оборачиваясь и делая вид, что занят салатом, хотя он уже был готов.

Эмили ненавидела английскую манеру готовить салаты, и с начала их совместной жизни Себ всегда резал овощи крупно, а зелень рвал руками. Лично для него никакой разницы не было, но ей было приятно — и он привык.

— Уволили? — спросила Джоан после долгой паузы.

— Сам ушёл.

Уточнить, почему, она не стала.

Они болтали, в основном, о ерунде — о том, чем займутся завтра, раз уж у Себа нет работы, а у Джоан выдался отпуск. Обсуждали Грега и Пола. Перебирали модели телефонов — Себу нужен был новый взамен украденного.

Прошлой ночи как будто не стало — её вычеркнули. А Джима вовсе никогда не существовало.

Александр: двенадцатая часть

Разговаривать с Еленой пришлось опять в её кабинете. Она, несколько раз извинившись, снова уставилась в экран своего ноутбука. Что именно такое срочное она читала, Александр не знал, только видел, как быстро двигаются её глаза, скользя по строчкам.

— Говори, пожалуйста, — попросила она в конце концов. — Я читаю, но мои уши полностью в твоём распоряжении.

— Мне бы мозг ещё к ушам. Пять минут, это важно.

Вздохнув, она мягким движением закрыла крышку ноутбука, подняла на Александра красные уставшие глаза и кивнула.

А потом, когда Александр договорил, со вздохом резюмировала:

— То есть ты предполагаешь, что наш убийца — автор серии жертвоприношений, которого задело... или которому наоборот, польстило, что ты вывел его в качестве героя в своём фильме. Автор тех самых жертвоприношений, которые все... — она сложила ладони домиком, — считают раскрытыми и которые, по официальной версии, совершены разными людьми с разными мотивами.

— Как-то так. Я понимаю, это не версия...

— Это отличная версия. И она многое объясняла бы... Беда в том, что жертвоприношениями занимались разные структуры. И прежде чем были найдены виновные, спецслужбы восьми стран, включая Британию, расследовали их со всей тщательностью. И представь себе, все они искали одного организатора или заказчика, общий почерк.

— Не нашли, — сказал Александр медленно, — потому что его не было — или потому что он оказался слишком умён?

После долгого молчания Елена оперлась лбом о руки и тихо ответила:

— Не знаю. Это всё сводит меня с ума. Когда мы найдём ублюдка... у нас с ним выйдет неприятный разговор. И я прослежу, чтобы потом он сгнил в какой-нибудь дыре. Прости, дорогой, — она подняла голову и постаралась улыбнуться, — у меня безумно много работы. Спасибо, что рассказал о своих подозрениях, я не знаю, поможет ли это нам — но распоряжусь поднять все материалы по тем делам, допросить всех обвинённых. Проверю счета судей и присяжных — возможно, они были подкуплены. Сделаю всё, что в моих силах.

Это был тонкий намёк на то, что ему пора идти — и Александр не стал делать вид, что не понял его.

Время было садиться за новый фильм. Просматривать сценарии, которые подобрала Кристин, крутить свои идеи. Но Александр не делал этого — чувствовал, что нет ни вдохновения, ни сил.

Вместо этого сразу после разговора с Еленой он позвонил сначала Шерон, а потом Мэтту, и предложил немедленно отправиться в Дербишир. Возле деревушки Вулей Мур располагался дом, который формально принадлежал деду Александра, но по факту всегда стоял пустым. Сторож присматривал за ним, проветривал или протапливал комнаты, когда было нужно, и время от времени кто-то из членов семьи сбегал туда.

Это было именно то, что нужно. Каких-нибудь три часа пути — и они окажутся далеко от Лондона и его демонов. Александр верил, что в Озёрном крае сможет вдохнуть полной

грудью, освежить голову, избавиться от иррациональных страхов. И возможно, он сумеет сделать ещё несколько предположений о личности... мистера Смерти. Господи, зачем он тогда дал ему такое пафосное имя?

Александр проснулся от резкого громкого удара совсем рядом. Поднял тяжёлую со сна голову, осмотрелся и сфокусировал мутный взгляд на распахнутой двери и на Мэтте, застывшем в проёме в одних трусах.

— Мэтт?

Тот ничего не смог выговорить. Александр надел очки и увидел, что губы у друга трясутся, а лицо искажает совершенно незнакомая гримаса ужаса.

— В чём дело?

— М... — выдавил из себя Мэтт, мотнул головой, зажал рукой рот, а вдруг согнулся пополам, его вырвало на светлый паркет.

Александр подскочил, борясь с собственными рвотными позывами, приобнял Мэтта за плечи, чувствуя, что того колотит, и повторил:

— В чём дело?

Вытирая рот, Мэтт выпрямился, сглотнул. Александр сообразил налить ему воды, и он осушил стакан в два больших глотка. Выдохнул и сказал высоким нервным голосом:

— Шерон у меня в постели. М...

Глупость, Господи, какая глупость, но первое, что подумал Александр, это: «Неправильно!». Ещё прежде ужаса испытал колкое горькое разочарование. И только потом сумел осознать это, уместить в голове: Шерон в постели Мэтта. Мёртвая. Точно как в картине «Пять мёртвых любовниц», наверняка, можно даже не проверять. Видит бог, Александр и не хотел проверять.

Мэтт сел на пол, привалился спиной к стене и спрятал лицо в ладонях, а Александр удивительно твёрдыми пальцами набрал номер Елены. Потом сел рядом с Мэттом, закрыл глаза — и снова подумал не о том, что Шерон погибла, не о том, как кто-то зашёл в этот тихий светлый дом и совершил в нём грязное убийство, а об этом «неправильно!».

В «Мёртвых любовницах» было несколько страшных смертей, но только одна действительно значимая, последняя, когда герой вышибает себе мозги, чтобы присоединиться к женщинам, которых любит. А не эта... пошлая и примитивная.

Убийца ошибся. Мистер Смерть просчитался, пропустил всю суть такого простого фильма, который даже не обладал особой глубиной.

Держась за руки, Себ и Джоан направились обратно в спальню. И — как будто что-то лопнуло — от уюта и спокойствия не осталось и следа. Себ резко дёрнул Джоан за руку, пытаясь закрыть её собой.

— Эй!

— Тихо!

Он оглядывался. В комнате спрятаться было негде. И она была пуста. Но что-то его насторожило, заставило проснуться все инстинкты. Себ зажмурился, открыл глаза — и по секторам осмотрел спальню. Как на задании: верх — центр — низ, переместиться вправо, повторить. И нашёл то, что искал: чуть иначе задёрнутые шторы, а главное — маленький свёрток в серебряной бумаге на прикроватной тумбочке.

Сердце пропустило удар.

— В чём дело? — напряжённо спросила Джоан.

— Стой... — велел он, подходя к тумбочке, наклонился.

Свёрток был совсем небольшим: коробка в ладонь длиной, тонкая.

— Себ?

— Просто постой там, — он присел на корточки, изучая коробку. Прислушался, но рядом тикал будильник. Он передал его Джоан и вернулся. Коробка не издавала никаких звуков.

— Басти? Что там?

— Я не знаю... — честно признался он. Не выдержав, Джоан подошла к нему и тоже присела. Нахмурилась:

— Откуда она? Её здесь не было, это точно.

— Кто-то влез, — спокойно сообщил Себ, — поставил её и вылез через окно.

«И специально задвинул шторы не так, как нужно, чтобы я это заметил». Не было сомнений, что если бы отправитель пожелал спрятать коробочку, Себ ни за что не нашёл бы её.

— Весёленькая у тебя жизнь, — пробормотала Джоан, — отойди-ка отсюда. Позвоню Полу, пусть пришёл ребят.

Себ не собирался возражать, но Джоан не успела даже достать телефон: из коробки раздался звук, очень знакомый Себу. Это был его рингтон.

Проигнорировав предупреждающий окрик Джоан, Себ сорвал обёртку, открыл маленькую чёрную коробочку и вытащил оттуда собственный телефон. Он тут же умолк — а на экране высветился пропущенный вызов со скрытого номера.

Вся вчерашняя злость ожила заново. Выдохнув через нос, Себ швырнул телефон на пол, схватил стул и шарахнул ножкой по корпусу.

— Себ!

Ещё удар — и телефон треснул и погас. Себ присел на кровать и подтолкнул телефон босой ногой.

Значит, Джим не позволит ему просто так уйти в отставку.

Вздыхнув, Себ опустился на кровать. Джоан немного поколебалась, но села рядом.

Они, наверное, с полчаса так просидели — молча и неподвижно. Себ смотрел перед собой, но ничего не видел. Вернее, видел, но точно не комнату и не раздолбанный телефон,

не коробку и не смятую серебристую обёртку. Перед глазами плавало лицо Джима.

Плечом он чувствовал тепло тела Джоан.

Ему было страшно. Что-то совершенно животное, дикое сдавливало кишки, выкручивало внутренности чуть ли не до рвоты.

И боялся он уже не за себя.

Схватить паспорт и наличку, забрать Сьюзен и сбежать — куда угодно, лишь бы спрятать дочь. Себ понимал, что это не поможет. Джим перемещался по миру совершенно свободно. В какую страну ни ткни — не угадаешь, есть ли там его люди. А кроме того (и самое мерзкое, что Джим это знал), Себ боялся не только за Сьюзен. Родители, Джоан, даже Грег. Любого из них Джим достанет без труда.

— Насколько всё хреново по десятибалльной шкале? — вдруг спросила Джоан. — Где один — это лёгкие расходы, а десять — необходимость попасть в программу защиты свидетелей.

Себ фыркнул, но слегка нервно. Вообще-то одиннадцать. Или пятнадцать. Потому что никакая программа не защитит всех, кто ему дорог. И это даже если отбросить мысль о том, что Джим, если захочет, из-под земли достанет того, кто ему нужен.

— Ясно, — как-то по-своему трактовала его молчание Джоан. Встала, прошлась по комнате и остановилась, сложив руки на груди. — Давай ты расскажешь, в чём дело, и мы попытаемся что-то придумать?

Моргнув несколько раз, Себ сумел сконцентрировать взгляд на Джоан. Она выглядела решительно и была совершенно уверена если не в себе, то в силе структуры, которая стоит за ней. Что-то подобное Себ и сам ощущал, пока служил в армии.

Сжав переносицу, он тут же поморщился от боли и сказал:

— Нечего рассказывать. Давай просто...

— Давай тогда я расскажу, — жёстко оборвала его Джоан. — Ты работал на какого-то бизнесмена или политика. Всё по закону, по документам, никаких проблем. Потом заподозрил, что занимается он чем-то не совсем чистым. А вчера... — она посмотрела Себу прямо в глаза, — на очередной деловой встрече или... что там ещё было, что-то пошло не так, — она понизила голос, он зазвучал чуть менее уверенно, — не знаю... нечистая сделка, наркотрафик, да что угодно. Тебя заставили сделать то, чего ты никогда не сделал бы по своей воле. После... скажем, сделки, ты объявил, что увольняешься и не участвуешь в этом. Тебя избили, а теперь вот... телефон прислали. Это же намёк, что никуда ты не денешься, да?

Себ не мог больше выдерживать взгляд Джоан и сделал вид, что снова изучает телефон на полу. Джоан подошла ближе, присела на корточки и заглянула ему в лицо снизу вверх:

— Ты в этом не виноват, Басти... Что именно это было?

«Всё точно так, как ты сказала... Только я убивал людей на расстоянии, а вчера убил почти в упор».

— Нет... — он помотал головой. Ему нечего было сказать. Подтвердить её версию — и жить с этим враньём, позволить ей гоняться за неведомыми преступниками. Опровергнуть — и тогда какое объяснение давать всему случившемуся?

Чёрт, как же сильно он ненавидел врать близким людям.

— Ты, — он попытался улыбнуться, — немного всё драматизируешь.

Джоан вопросительно подняла брови. Себ тоже встал, опустил руки по швам, чтобы случайно не выдать волнения, и проговорил с убеждённой уверенностью, которой совершенно не

чувствовал:

— Всё не так. Без криминала, наркотиков и чего-то в этом роде, — он сжал кулаки. — Нормальная фирма. Дело в другом. Понимаешь, мой босс... — Джоан смотрела так пристально, как будто хотела прочесть мысли, — не совсем нормальный человек. Если точнее, псих полный. Я это знал с самого начала, — вдруг Себ почувствовал, что почти не нервничает. Теперь говорить было совсем легко: — Но продолжал на него работать. Пожалуй... меня это даже забавляло. Я думал, мы ладим. Он доводил меня время от времени, но... — он резко вдохнул через нос, получился звук, похожий на шмыганье, — сам это знал, даже удвоил мой оклад — за то, что я вынужден слушать его дурацкие шуточки.

Джоан слегка улыбнулась.

— А вчера он решил развлечься.

И лёгкость пропала. Ноздри Джоан раздулись, а Себ буквально силой продолжал выговаривать слова тяжёлым деревянным языком:

— Заставил меня... — да чтоб! ложь давалась с огромным трудом, — ввязаться в драку, хотя смысла никакого не было. Я сказал, что с меня хватит. Он ушёл. Потом... я не помню, отключился, кто-то забрал телефон и бумажник.

Последние слова Себ адресовал подбородку Джоан.

— Этот телефон...

Себ взглянул на него с неприязнью.

— Мой. Наверняка его забрал босс. Бывший уже. Подкинул... он любит такие штуки. Однажды вообще ко мне ночью в комнату пробрался...

Джоан выдохнула:

— Ты испугался, когда увидел телефон...

Себ нашёл мужество снова посмотреть на неё и сказать:

— Я разозлился, очень, — снова улыбнулся, — просто... не хочу, чтобы он донимал меня. А он будет. Все нервы вытянет.

Подойдя к Джоан, он приобнял её за плечи, осторожно поцеловал и повторил, уже твёрдо:

— Понимаю, после твоих маньяков легко начать видеть криминал где угодно. Но не в этот раз. Я просто истеричка.

Джоан засмеялась — и тут же скосила глаза на разбитый телефон. Себ выругался, собрал осколки корпуса и выбросил всё в мусорку, вместе с сим-картой. Завтра он её просто заблокирует.

Они уже улеглись в постель, Себ устроился на боку, чтобы не тревожить лишней раз спину, а Джоан крутилась. Потом позвала:

— Басти?

— М? — глаза он уже закрыл, да и языком ворочать было лень. Хотелось спать. Страшно.

— Ты скажешь, если у тебя будут проблемы?

— Угу.

Джоан вытянулась рядом. Себ обхватил её одной рукой, уткнулся носом куда-то в ухо — и мгновенно уснул.

Утром Себ проснулся один. На тумбочке его ждала записка: Джоан сообщала, что

поехала к Полу за вещами и скоро вернётся.

Спина и лицо всё ещё болели. К тому же, дала о себе знать правая рука — похоже, он потянул запястье, что было плохой новостью. А в груди ощущалось что-то тяжёлое, и долго размышлять, что это такое, не пришлось.

Ему всё ещё было страшно. Только за ночь этот страх трансформировался из неопределённого в совершенно конкретный.

Теперь, на совершенно чистую голову да ещё и в одиночестве, Себ мог в полной мере осознать, что произошло и что он натворил. В какой момент всё полетело к чертям?

В тот момент, когда мисс Перси вошла в комнату? Раньше, когда Джиму в голову взбрела эта ублюбочная выходка?

Да ладно, знал Себ отлично ответ на этот вопрос. В тот момент, когда, посмотрев на психа-Фоули, он всё-таки подписал контракт.

Сам влез в это дерьмо, а вот кому придётся разгребать...

Обхватив затылок руками, Себ ткнулся лбом в колени и крепко сжал зубы, зажмурился, напряг разом все мышцы. Выпрямился и глубоко вздохнул. Страх отступил.

Джим явно не простит ему ухода. Что он будет делать? Либо мстить за обиду, либо изводить в своей особой манере. И в том, и в другом случае самые близкие Себу люди могут попасть под удар.

Какой-то глубинный инстинкт требовал, как накануне, схватить Сьюзен, Джоан и миссис Кейл в придачу, отвезти из всех в дом к родителям и охранять его. Бродить по периметру как сторожевой пёс. Отстреливать чужаков. Но здравый смысл подсказывал, что затея это хреновая. Не сможет он их охранять всю жизнь.

Чтобы они были в безопасности...

На язык просились только ругательства. Потому что тем вечером вместо драматичного откладывания пистолета на подоконник надо было пускать Джиму пулю в лоб. Потом зачищать следы, как умеет. И молиться, чтобы полиция ничего не нашла. И тогда его близкие были бы действительно в безопасности.

А так он, выходит, подёргал за усы голодного психованного тигра. Прекрасная идея.

Вот только (и да, Себ мог это признать, хотя было мерзко) едва ли он действительно сумел бы застрелить Джима. Он не желал его видеть — но не хотел убивать. Как ни крути, Джим был своим. Себ привык защищать его, в некотором роде даже заботиться о нём.

Правда, уверенности в том, что Джим это способен оценить, у Себа не было.

В размышлениях Себ занимался рутинными делами. Приготовил завтрак. Убрался. Даже не забыл сломать пополам старую симку и убедиться, что телефон не подаёт никаких признаков жизни.

Джоан всё не было, и Себ вышел до магазина связи — за новым мобильником. Мелькнула было мысль прихватить один из поддельных паспортов. Джима это, возможно, немного собьёт с толку, когда он будет искать его новый номер. Может, повеселит или разозлит во всяком случае, отвлечёт от Джоан или Грега (о том, что он может попытаться навредить Сьюзен, Себ сейчас пытался не думать). Но в итоге от этой идеи он отказался — Джоан тоже может решить проверить, кому принадлежит его новый номер.

Что делать дальше, Себ не знал.

Разве что прихватить винтовку и поехать на Клармонт-клоуз — выслеживать Джима. Себ почесал в затылке. В принципе, не худший вариант. Выследить Джима, взять на прицел, позвонить. Пригрозить.

«Да хер там», — подытожил он мрачно.

Себ сомневался, что сможет напугать Джима. Тем более смертью. Зато сможет удивить. Если Джиму не будет скучно — он не станет тратить время на других людей. Предпочтёт (во всяком случае, можно было на это надеяться) выносить мозг самому Себу. И возможно, они сумеет до чего-то договориться.

Новый телефон зазвонил непривычным рингтоном.

«Номер скрыт».

А ведь и пятнадцати минут не прошло, как Себ вышел из магазина. Он ответил и услышал в трубке тихий жутковатый смех, совершенно непохожий на то, как Джим смеялся обычно. В нём не было даже безумной весёлости, этих знакомых визгливых ноток.

— Здравствуй, Себастиан Майлс, — произнёс Джим.

Себ промолчал. Такой тон у Джима он слышал всего несколько раз, и тогда Джим говорил не с ним. Твою мать, он не понимал, как Джим это делает, но от его голоса становилось куда страшнее, чем под обстрелом.

«Когда я расстраиваюсь, происходит бум», — так, кажется, он говорил.

— Правильно молчишь... — прошипел Джим. — Мальчик вёл себя плохо. Очень плохо. Его нужно наказать. Как ты думаешь, высокоморальный мистер Майлс, как дела сейчас у мисс Джоан Вуд? Всё ли в порядке?

Себ зажмурился так, что в ушах зазвенело.

— Не нужна ли ей помощь? — продолжил Джим. — Подумай над этим, Майлс, пока есть возможность.

Пошли гудки, а Себ до боли закусил губу. По памяти набрал номер Джоан — и конечно, совершенно не удивился, услышав, что абонент недоступен.

Она поехала к Полу. Значит — к нему первым делом. У Себа не было его номера, но адрес легко выяснить у Грега. И его же можно попросить помочь с поисками, даже ничего не объясняя. Грег — нормальный мужик, он поймёт.

Себ круто развернулся и пошёл к дому: за оружием. И замер посреди тротуара. Джим ведь этого хотел, да? Заставить его побежать за Джоан немедленно.

Зачем?

Очень ярко перед глазами встала картинка: как Джоан падает замертво, убитая неизвестным снайпером, стоит только Себу найти её. Джиму ведь плевать на неё. Он хочет наказать Себа, а это будет страшным наказанием.

Он продолжил идти к дому, но уже медленнее и без капли уверенности в том, что собирается делать.

Ясно было только то, что играть по правилам Джима он не будет. «Не дождёшься», — подумал Себ зло. Вытащил телефон, позвонил Грегу и без приветствий спросил:

— Можешь набрать Пола?

А потом коротко обрисовал ситуацию, убрав из неё весь криминал: Джоан уехала к Полу, не отвечает на звонки. Самого Себа, вот незадача, дёрнули на работу немедленно. А он переживает.

— Без проблем, найду её, — отозвался Грег, — хотя за кого я бы не переживал, так это за Джоан, — даже по голосу было слышно, что он улыбнулся. — Но кстати, я рад, что вы опять вместе.

Себ механически ответил что-то несвязное и положил трубку.

Пистолет, оставшийся в квартире мисс Перси, сейчас бы пригодился. У Себа не было

дома арсенала (а может, стоило бы завести). Собственно, оставалась только винтовка и один дурацкий подарок Йена. С винтовкой было бы спокойнее. Только вот Джим уверен, что Себ выберет именно это оружие, если решит что-то сделать. В конце концов, он ведь видел, насколько неприятно было Себу стрелять с близкого расстояния. Мог ли он к этому готовиться? Вспомнив квартиру Джим, Себ понял, что даже не может гарантировать, что стёкла в окнах там не пуленепробиваемые. И это не говоря уже о том, что Джим любит опускать очень плотные шторы, через которые не будет видно ничего .

Себ ненавидел ближний бой, это правда. Его всё ещё тошнило от мыслей о мисс Перси. Но в этот раз на кону стояла не прихоть психа, а жизнь Джоан и, потенциально, благополучие и безопасность Сьюзен.

Он всё-таки вытащил футляр с «М-24» и закинул на плечо — на всякий случай, просто потому что так было спокойнее. Убрал в карман армейский нож. А потом достал из самой глубины доисторический «Велрод» и патроны к нему. Он в жизни не стрелял из него, вообще не понимал этой страсти к отжившему своё устаревшему оружию. Но хранил на память. Кто бы мог подумать, что пригодится?

Немного поколебавшись, Себ положил в сейф новый телефон. Джим, кажется, умеет отслеживать людей с помощью телефонов. Не стоило давать ему лишние козыри.

Машину Себ бросил за два квартала и до дома номер тринадцать дошёл пешком. Из открытых окон раздавались голоса, смех. «Ягуар» стоял рядом с переполненными мусорными баками. Дверь подъезда была слегка приоткрыта, и оттуда высовывался рыжий кот.

Себ расстегнул куртку, чтобы легче было при необходимости достать пистолет из внутреннего кармана, и вошёл в дом, спугнув кота.

Поднялся на верхний этаж. Прислушался.

Если сильно напрячься, можно было различить какие-то невнятные ритмы за дверью. Себ почти не сомневался, что Джим по обыкновению полулежит на диване и слушает музыкальную мешанину.

Он внимательно осмотрел дверь и стены лестничной клетки. Камер видно не было, так что оставался маленький шанс застать Джима врасплох.

Если он ошибся, станет трупом. И повезёт, если он один.

Себ резко дёрнул ручку, закрываясь толстой дверью как щитом, и тут же подъезд заполнился безумной смесью звуков. Слотнув, как будто у него в самолёте заложило уши, Себ сумел разделить две песни. Первая была знакома: «Грешника» Нины Симон знал даже он. Зато вторая, которая звучала чуть тише, но была куда жёстче и злее по ритму, никакого узнавания не вызывала. Слушать времени не было.

Не таясь, Себ достал пистолет и вошел в квартиру. Джим уже не лежал, а стоял возле дивана, вскинув голову, и улыбался.

Хриплый надтреснутый голос во второй песне сообщил, что его изнасиловал собственный отец. Грешник из первой добежал до кипящей реки. Джим нажал кнопку на пульте, и музыка оборвалась — вся.

— Ну надо же, — протянул Джим, бросая пульт на диван.

Себ закрыл за собой дверь, повернул ручку замка. Джим не думал защищаться, вообще не шевелился.

«Мистер Майлс собирается вас убить».

Как будто угадав, о чём именно вспомнил Себ, Джим заулыбался шире и довольнее. Страх, злость — все эмоции отступили. Себ сунул пистолет обратно в куртку и подошёл к Джиму совсем близко.

Подумал: «Всё как ты любишь».

Схватив босса за предплечья, Себ сделал подсечку под тощие колени и опрокинул на спину, как следует приложив затылком об пол. Плевать. Сел сверху, чтобы не дёргался. Крепче сжал пальцы, с определённым удовольствием чувствуя, что ещё немного — и он может просто сломать ему кости. Джим вздрогнул и высоко тонко захохотал.

— О, детка, сколько страсти! Предпочитаешь быть сверху?

— Что. С Джоан? — медленно и отдельно спросил Себ. Придавил пальцы Джима коленями, обшарил его пиджак, достал телефон и отбросил в сторону — на всякий случай. Снова перехватился поудобнее.

Джим оскалился:

— Это ты должен был выяснить.

— Неправильный ответ, Джим.

В глазах бывшего босса мелькнуло искреннее удовлетворение. Он попытался пошевелиться, но не преуспел. Облизнул губы и спросил мягко:

— Ты хочешь меня убить, Себастиан?

Поёрзал. Себ почувствовал, что съеденный завтрак просится наружу, но подавил рвотный позыв. Он, в конце концов, умел мириться с разным дерьмом: взрывы, кровища, кишки наружу... Подумаешь, тут у какого-то сумасшедшего стоит на мысль о собственной смерти. Ерунда.

Себ разглядывал его чёрные расширенные зрачки и понимал, что не хочет убивать. Не доставит ему такого удовольствия.

— Нет, — сказал он вслух, — тебя это не испугает. Ты же помешанный на смерти псих.

Кажется, Джим воспринял это как комплимент.

— И что ты сделаешь, мой дорогой? — промурлыкал Джим омерзительно-сладко.

Об этом Себ не думал. Даже и не пытался. Планировать что-то с Джимом? Нет спасибо. Зато сейчас совершенно точно знал, что нужно говорить.

— Я тебя покалечу, — проговорил он негромко. — Прострелю нахер суставы и порежу трахею, а потом окажу первую помощь, чтобы ты точно выжил.

Глаза Джима потемнели, зрачки стали ещё больше, рот чуть приоткрылся.

— И что ты получишь?

— Обрубок, — рыкнул Себ. — Немой бесполезный обрубок, который даже помочиться без посторонней помощи не может. Я такое видел.

Он говорил с трудом, грудь пережимало, воздуха не хватало, но — не важно. Ради Джоан Себ готов был об этом сказать. А ради Сьюзен... Сделать.

Что потом будет с ним самим — Себ не знал. Возможно, они с Джимом займут в сумасшедшем доме соседние палаты. Или он пойдёт к Грегу и попросит надеть на него наручники.

Скорее всего, Джим это знал, но уже не улыбался.

— Кто бы мог подумать... — проговорил он, — мой милый мазохист, какие, оказывается, у тебя бывают дивные фантазии. Впрочем... — Джим оскалился, показывая кривоватые зубы, — тебе это не нравится, правда? Нет... — он хмыкнул, — для тебя это будет пытка. Сделав что-то подобное, ты сломаешься. Так ведь? Ох, детка... — Джим зажмурился, — это было великолепно.

Себ стиснул зубы и повторил свой вопрос:

— Что с Джоан!?

Джим открыл глаза и приподнял брови. С удивлением, совершенно искренним, сказал:

— Ничего.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего! — он опять засмеялся, в этот раз — совершенно искренне и счастливо. — Детка, я ведь сказал — проверь, как она. Вдруг попала в неприятности? Небольшая авария. Разбила телефон, испачкала одежду.

Себ нахмурил брови.

— Ты решил, что я ей угрожаю? — Джим немного прищурился. — Ну ла-адно, я и хотел, чтобы ты так подумал. Решил... будет весело смотреть, как ты бегаешь, боишься. Но ты меня действительно удивил.

Какого чёрта?

— Откуда мне знать...

— Что я не вру? Возьми мой телефон и набери своего дорогого Грегори, думаю, он уже её нашёл. Или того грустного пёсика Пола? Кто из них ищет даму в беде, раз уж сам ты здесь?

Говорить, что оба, Себ не стал.

— Позвони и спроси. Ну же!

Убедившись, что Джим не пытается вырваться, Себ взял телефон. Набрал номер Грега. Тот снял трубку через два гудка. Узнал Себа и радостно отрапортовал:

— Мы тут с Джоан и Полом. Она ворчит, что ты поднял на уши половину Ярда.

— Она в порядке?

Послышался скрип, и Джоан сама сказала:

— Придурок на велосипеде сбил меня с ног, а так — в полном. Где ты? У тебя всё хорошо?

— Да... — пробормотал Себ, — да.

Джим, конечно, слышал каждое слово.

Пообещав скоро вернуться домой, Себ положил трубку и мрачно сказал, уже, впрочем, не чувствуя прежней решимости:

— Где гарантии, что там не было снайпера? Подрывника?

Джим покачал головой и заметил:

— Никаких гарантий, — ирландский акцент появился внезапно, — Но ты знаешь, что никого там не было и не будет. Ведь знаешь, mo daog? — дальше Джим забормотал что-то совершенно невнятное по-ирландски.

Опять закрыл глаза, но уже не от удовольствия, а бессильно, устало. Преодолевая явно заметное сопротивление всего тела, сглотнул и перешёл на английский:

— Я заигрался, детка... Когда ты ушёл, я хотел тебя убить. Знаешь как?

Себ изо всех сил вслушивался в его речь, стараясь разбирать каждое слово.

— Я нанял бы нескольких снайперов. Обязательно с Дальнего Востока, из Афганистана, например. Чтобы были хитрые, злобные и готовые на всё за деньги. Потом я нашёл бы людей, которые вкололи бы тебе наркотик. Есть такие... парализаторы. Ты всё понимаешь, всё чувствуешь, но не можешь шевельнуться.

Безо всяких наркотиков Себ чувствовал, как тело каменеет, а рот наполняется вязкой горькой слюной.

— Потом я бы раздел тебя... Ох, не я, конечно. Не люблю работать руками сам. Тебя бы привезли к ступеням Собора Святого Павла. Ты вспомнил бы мой рассказ о пожаре и боялся бы огня... А потом раздался бы первый выстрел. Второй... Третий... Руки, ноги, плечи, бёдра. Без грубости, я велел бы стрелять мелким калибром. Пули проходили бы насквозь через плоть. Много крови. В какой-то момент пуля попала бы в живот. Потом в грудь, справа. Ты бы медленно истекал кровью, мой Святой Себастиан, ждал бы смертельного выстрела... Но его бы не последовало. Я следил бы за тем, как из тебя вытекает жизнь. Вот только бога нет, поэтому никакое чудо не спасло бы тебя. Может... в самом конце я бы подошёл к тебе.

Вздрогнув, он заглянул Себу в глаза и спросил почти робко:

— Ты знаешь, почему я этого не сделал?

Вместо ответа Себ медленно повёл головой из стороны в сторону.

— Я представил эту сцену до мельчайших деталей, детка, и понял... Что в тот момент,

когда я поймаю твой последний взгляд, я испытаю очень сильное разочарование. Простой эксперимент показал... — Джим отвернулся в сторону, — что ты мне нужен, то даог.

— Что это значит? Это... слово?

— «Мой дорогой», — отозвался Джим. — Моя мать ненавидела английский, мы с ней говорили только по-ирландски. Этот язык... Я слышу его внутри головы всякий раз... Мне хочется поговорить с этим голосом или вырвать из собственного черепа. Он он просто бубнит или поёт... Я не могу его остановить, и он поёт колыбельную. «Спи спокойно, дитя... Но почему, дитя моё, если ты спишь в колыбели, почему я вижу тебя распростёртым в соломе?» Ты ошибся, Себастиан, — сказал он вдруг совсем другим тоном, с горечью, — ты мог просто пригрозить мне смертью. Да, было бы не так эротично, но...

В странном состоянии, близком к шоку, Себ подумал, что у него выработался особый навык: понимать этот чудовищный акцент, разбирать отдельные слова в бреде Джима.

— Я не боюсь смерти. Я боюсь... несвоевременной смерти. Умереть здесь, от твоей руки? Он бы не видел, не узнал. В этом не было бы смысла, понимаешь?

— Нет, — сказал Себ мрачно, — совершенно.

Из горла Джима вырвался невнятный звук, какой-то булькающий хрип.

— Как всегда, детка. Не важно. Себастиан? — Джим попытался открыть глаза, но лучше бы не делал этого: взгляд был мутным, потерянным, совершенно больным.

— Что?

— Ты хочешь, чтобы я попросил прощения?

Себ не знал, как это работает и почему. Он держал Джима прижатым к грязному заваленному хламом полу. Он был вооружён и мог сделать что угодно. Но не чувствовал при этом никакой власти. Джим оставался боссом даже сейчас.

— Хочешь?

Он хотел уйти. Развернуться и уйти к чёрту. Набраться в ближайшем баре до того состояния, когда его можно будет расстреливать в любом виде и позах.

— Прости, Себастиан, — прошептал Джим, — я перегнул палку. Мне так... — он кашлянул, поперхнулся, — хотелось увидеть, как ты теряешь самообладание.

— Увидели?

— Да, — выдохнул он беззвучно. — Детка?

Себ встал. Джим остался лежать на полу и показался вдруг очень жалким и несчастным.

— Я устал от этой чёртовой проверки на прочность, — сказал Себ. — Не могу. Считайте, что поломали. Всё.

— Нет... Нет, Себастиан, ты не сломан. Ты такой целый... — Джим застонал как от боли. — Почему?

— Что — почему?

Даже говори Джим на чистейшем английском, это не помогло бы.

— Скажи, почему ты целый? А я отвечу на любой твой вопрос.

С большим трудом Джим приподнялся на локте, повернулся и привалился спиной к дивану.

Себ, тяжело вздохнув, тоже опустился на пол.

— Я бы сказал. Но я смысла вопроса не понимаю.

Джим хохотнул.

— Понимаешь. Ну же... Ответь мне, детка.

Глядя на Джима — действительно как будто поломанного, едва справляющегося со своим приступом, мокрого от пота и жалкого, Себ, кажется, и правда понял. Но всё равно не знал, что надо говорить.

— Я не знаю. Может... — он пожал плечами, — воспитывали правильно.

Теперь Джим смотрел на него очень внимательно. Себ чувствовал себя неуютно, но продолжал:

— Я правда не знаю, — он прочистил горло, — думаю, дело в моих родителях. Может, в школе ещё, хотя она была так себе. Просто всё было, ну, знаете, нормально.

Джим грустно улыбнулся и велел:

— Теперь спрашивай ты.

В этот раз у Себа был один вопрос, даже сочинять ничего не пришлось. Правда, он не думал, что появится желание или возможность его задать. Только вот формулировка вопроса звучала грубовато. Что-то вроде: «Какого чёрта вы вообще творите? Что вам нужно в итоге?»

Он открыл рот — закрыл, зная, что выглядит глупо. Потёр переносицу, снова забыв о разбитом носе. И спросил совсем другое:

— Вы ведь не дадите мне уйти, да?

Голова Джима упала на грудь. Раздался тяжёлый вздох.

Потом Джим всё-таки выпрямился. Глаза у него покраснели, веки опухли.

— Ты не можешь меня бросить! — прошептал он. — Я ведь попросил прощения.

— Это не так работает.

Хмыкнув, Джим признался:

— Я знаю. Я изучал психологию и психиатрию, все эти нюансы, смыслы. Механизмы поведения и реакций обычных людей достаточно просты. Я мог бы парой фраз заставить тебя раскаяться в том, что ты меня хочешь бросить, — от ирландского акцента не осталось и следа, как и от заторможенности в речи. Теперь Джим говорил нормально, разве что устало и слегка разочарованно. — Ты ведь ангел, Себастиан, и твои белые крылья не темнеют от крови. Посмотри на меня! — он повысил голос, и Себ был вынужден поймать его взгляд даже против своего желания. — Жалость, ответственность, сочувствие — ты не можешь их отбросить, даже если захочешь. Ты в некотором роде похож на дока, только лучше, — знать бы ещё, кто этот док, — Я точно знаю, что рассказать тебе, чтобы ты никуда не ушёл. Но я не буду, — с явным трудом Джим, опираясь на диван, поднялся на ноги. Пошатнулся. Одёрнул пиджак. Расположился на диване.

Себ остался сидеть на полу. Джим в своём репертуаре. Разве что в этот раз сеанс изнасилования в мозг был особенно жёстким. Казалось, Себа вывернули наизнанку и свернули обратно, но как-то кривовато. В голове была полная каша.

— Если ты решишь уйти, я оставлю тебя в покое, — ровно и безжизненно сказал Джим. — И всех этих людей, которыми ты дорожишь, тоже. Но я хочу, чтобы ты остался, — немного помолчав, он вдруг попросил: — Остайся, Себастиан! — и протянул совершенно несерьёзно, высоко: — Пожа-алуйста!

Себ нервно засмеялся и уткнулся лицом в ладони. Надавил на глазные яблоки.

— Ты мне так нужен, Себастиан. Мой Святой Себастиан. Мой снайпер.

Надо было не глаза закрывать, а уши. Надо было встать и уйти, чёрт возьми, прямо сейчас.

Но казалось, что он прирос к этому полу.

Ради Сьюзен, Джоан... да ради самого себя, раз уж на то пошло, он должен был уйти.

— Я больше не сделаю тебе больно, дорогой, — совсем-совсем тихо добавил Джим.

Себ опустил руки, встал. Мышцы подрагивали.

— Мне нужно две недели, — сказал он быстро, — отдохнуть, подлечиться и подумать.

Джим засмеялся:

— Они твои. Я буду скучать.

— Я не сказал, что вернусь, — огрызнулся Себ.

— Тогда я буду ждать следующей встречи, детка, — пообещал Джим. — Отдыхай. И не бойся за своих... как ты их там называешь? Я не буду ломать твои игрушки.

Себ вышел из квартиры Джима строевым шагом. Но видит бог, ему отчаянно хотелось припустить со всех ног. И неизвестно, от кого так сильно хотелось убежать: от Джима или от себя.

Правдивая сказка про чёрного мышонка

Лёжа на спине, Джим отчётливо ощущал трение ткани о кожу. Это было почти больно, но ещё не совсем, на самой грани. Что-то даже сродни удовольствию. Если бы затянуть галстук чуть туже, чтобы он впился сильнее...

Преодолев это искушение, Джим слабой рукой нащупал узел и ослабил его. Потянул. Развязал совсем. Галстук выскользнул из пальцев. Джим расстегнул пиджак и справился с двумя пуговицами рубашки, но на этом его силы иссякли. Рука повисла безжизненной плетью. Ничего, пара минут — и он одолеет остальной culaith... как по-английски? остальную одежду, костюм.

Он говорил одинаково свободно на английском и на ирландском. Но иногда голос в его голове как будто забывал английский, и тогда приходилось непросто. Слова не желали всплывать, не подбирались, путались. Голос затягивал свою колыбельную, и всё остальное теряло смысл.

Джим зажмурился немного сильнее, и под веками заплясали языки пламени.

Они плясали на дубовой кафедре, с которой преподобный Эндрю Уорд говорил о спасении души. Сначала незаметно, а потом всё сильнее они разгорались, пожирая дерево, и наконец первый раз, осторожно, на пробу облизывали облачение святого отца. Тот каменел. Ткань вспыхивала, и тут же огонь вгрызался в кожу, воспалял волосы. Святой отец превращался в факел и издавал крик. О, что это был за звук! Высокий, истошный, полный боли, он был лучше и слаще любой музыки. Такой же сладкий, как запах горячей плоти.

Следом за святым отцом пылать начинала церковь. Вместе со всеми прихожанами она занималась огнём и в конце концов обрушивалась на них. Оставался только слабый серый дымок над братской могилой.

Джим подходил к этой груде обломков и головёшек, мягко проводил рукой по горячим камням и чувствовал свободу. От неё кружилась голова.

На самом деле, голова кружилась от духоты. В церкви всегда было душно и холодно. А жёсткий тычок под рёбра напоминал, что отец не сгорел, а жив, сидит рядом на узкой скамье и заметил, как Джим отвлёкся от проповеди.

Это единственное в жизни, что он замечал. И ещё бутылку.

Пальцы снова стали ощущаться как свои, и Джим справился с пуговицами рубашки. И следом, воодушевлённый этим маленьким успехом, расстегнул ремень. Левая рука опять упала, зато он сумел слегка почувствовать правую и ей несколько неловко разобраться с брючной пуговицей и ширинкой. Ещё бы теперь стянуть ботинки — и выйдет неплохо.

Преподобный Эндрю Уорд не сгорел. Не дожил немного до жаркой, даже пламенной встречи, и где-то в глубине души Джим всегда жалел об этом. У него были хорошие мальчики, который смогли бы как следует развлечь старика. Перед тем, как ощутить могильный холод, всякий будет рад согреться, правда?

Но в мыслях Джим сжигал его неоднократно. И спасибо дорогому Александру, он подарил ему прекрасную сцену сожжения. Там сгорел другой. Но глядя на запись, Джим не мог не видеть на месте главного актёра этого шоу преподобного Уорда. Это давало некоторое удовлетворение.

Колыбельная в голове стала громче. Краем сознания Джим отмечал, что в ней нет никакого смысла — все слова оказались перепутаны местами, а мелодия пропала вовсе, но

голосу было плевать, и Джим его не перебивал.

У него была задача поважнее.

Требовалось избавиться от носков, которые постепенно сдавливали щиколотки.

Только ноги были чертовски далеко.

Холодные чужие пальцы прошлись от пальцев левой ступни по подъёму вверх.

Подцепили резинку — и исчезли.

Он был почти хорош, тот злой колючий мальчик. Как-то раз Джим даже нарисовал Марка в Гефсиманском саду, нагого, ковьяляющего от римской стражи на своём протезе.

Марк сидел бы сейчас на табурете возле дивана и делал бы вид, что ему неудобно управляться с одеждой одной рукой.

Как бы не так.

Одной правой он умел делать побольше, чем многие другие — двумя.

Он бы кривился, ругался, но снял бы дурацкие носки вместе с ботинками. Раздел бы его полностью. Назвал бы ублюдком.

О, Джим никогда не обманывался. Его мальчик ненавидел его. Просто ненавидел так сильно, что почти любил. Не хотел жить без него.

Джим его заставил. За все оскорбления, за все укусы, за синяки на запястьях, ссадины, разрывы и вывихи он подарил ему долгие два года жизни.

Ему понравилось, как он умер.

Сначала Джим думал, что спешить не стоит. Можно было бы растянуть удовольствие. Но в итоге тот один выстрел оказался ярче и сильнее любых игр.

Пламя перед глазами чуть поутихло, и это было хорошим знаком. Вяло и слабо Джим подцепил носком одного ботинка задник другого и стащил его. По груди потёк липкий ядовитый пот. Он оставлял на коже глубокие бороздки, скапливался в язвах, которые, подсыхая, отваливались струпьями. Капли выступили и на лбу.

Сигюн нет, а змея — внутри него, она сочится ядом, который не собрать в чашу.

Остро, горячо, больно до онемения.

Театр он не сжигал, а мысленно минировал. Столько уголков, столько хлипких конструкций. Джим представлял, где заложил бы взрывчатку, где поместил бы растяжки. И на сколько метров стоило бы отойти, прежде чем нажать на кнопку детонатора.

Странно. Преподобного Эндрю Уорда Джим ненавидел пламенно.

А Уолли любил.

Эта любовь пришла, когда он увидел в глазах Уолли чудное, дивное осознание смерти. Ужас, надежда, отвращение, страх, отчаяние... Джим называл эмоции, которые видел, вслух. Так их было легче понять.

Уолли любил говорить: «Давай я покажу тебе влюблённую Джульетту, малыш». Это было бы смешно до колик, если бы из-под его брюха, лысины и морщин на самом деле не показывалась тринадцатилетняя девчонка.

Уолли был мелким, жалким человечешкой, когда ему доводилось становиться собой. Его бормотание, потные руки, бестолковые вопросы: «Тебе же приятно, Джимми?», — вызывали презрение и смех.

Но Джим любил его игру, особенно там, в полутёмной камерке осветителей. И Джим навсегда сохранил в памяти его последний спектакль, посвящённый ему одному. О, как он играл, когда верил, что может выиграть себе жизнь.

Яд, видимо, испарился, и пока змея не нацедила новую порцию, Джим избавился от

второго ботинка и носков. Ступни тут же обожгло холодом, который, однако, принёс облегчение. Осталось всего ничего: брюки, трусы, рукава рубашки.

Но Джим уже понимал, что не успеет.

На смену жару постепенно приходил холод, тело немело. Рука застыла, неудобно подвёрнутая. И её теперь не сдвинуть.

Жалкий, слабый, глупый, омерзительный Джим.

Он чувствовал вонь собственного тела.

Фиксировал с предельной ясностью собственную беспомощность.

Если бы кто-то сейчас приставил пистолет к его виску, он не смог бы даже поблагодарить за оказанную услугу.

«Что скажешь, дорогой мой, избавишь мир от зла?» Мысль о том, как Александр дрожащими руками сжимает пистолет, как медленно, неуверенно нажимает на спусковой крючок, отдалась волной возбуждения. Но тело не отреагировало: временно оно стало тем, чем и являлось по сути своей, то есть бессмысленным куском мёртвого мяса. Репетиция смерти.

Александр отшатнулся бы в ужасе, увидев его труп. Уронил бы пистолет, даже заплакал бы, наверное. Потом ему снились бы кошмары. Навязчивые видения не оставляли бы его даже днём. Они сводили бы его с ума.

Да, это бы их сблизило.

Джиму было пусто и одиноко.

Голос в голове замолчал, и без него стало куда хуже, чем с ним.

Джим знал, что его глаза плачут.

Мир вокруг начал расти. Джим не видел его, но чувствовал, что стены делаются выше, диван — больше. Потолок исчез где-то за облаками, и Джим стал чуть больше песчинки. Может, не мир растёт, а он уменьшается? С логической точки зрения это было бы правильнее. Не увеличивать всё ради него, а уменьшить только его.

Часть сознания Джима оставалась почти что трезвой, и он мог думать о том, что это скоро пройдёт. Несколько долгих, утомительных часов, и всё пройдёт. Как проходило всегда.

Впервые приступ застал его в театре. Ночью. Когда Уолли впервые ушёл.

Однажды наступит последний приступ. Джим надеялся, что сможет понять, когда это произойдёт. После него уже ничего не будет: ни игр, ни планов, ни самого Джима. Он уменьшится до размера пылинки, его сметут и выбросят.

Брехня.

На самом деле Джим надеялся, что не успеет до него дожить.

Тело ещё не слушалось, но вернулся слух.

И Джим сумел расслышать чужое дыхание, медленное, ровное. Ни задержек, ни сбоев. Хоть вместо таймера используй. Вдох-два-три-четыре, выдох-два-три-четыре. Вдох...

— Расскажи мне... — губы дрогнули, но из горла не вырвалось ни звука.

Он сумеет.

Сейчас или пару вечностей спустя точно сумеет.

— Расскажи...

Джим устал. Так страшно устал. Заснуть бы, но сон не придёт. Ещё не сейчас. Рано даже мечтать.

— Расскажи мне сказку, Святой Себастиан, — пробормотал он.

Дыхание замедлилось, сбился ритм. Раздался глубокий, медленный вздох. Обречённость, лёгкое раздражение, покорность. Ни капли ненависти.

Джим проверял: ненависти в нём просто не было, никогда.

— Про что сказку? — спросил Себастиан покорно.

Если бы Джим мог, он зажмурился бы сильнее от удовольствия. По обострённому слуху — единственному чувству, вернувшемуся к нему, — баритон Себастиана прошёлся как широкая тёплая мягкая влажная кисть по голой спине. До воображаемых мурашек.

В принципе, он мог бы начать зачитывать телефонный справочник, как однажды грозился. Это было бы всё равно великолепно.

— Расскажи сказку, — повторил Джим.

Ещё один глубокий вздох. И Себастиан проговорил тихо, осторожно, заполняя голосом всё уплывающее сознание Джима:

— Гулял мышонок по лесу...

В Карлайле редко бывало жарко. Вот и сейчас, несмотря на май, стояла прохладная погода. Что не мешало Себу уже час как сидеть на веранде в плетёном кресле, закинув ноги на низкий столик, пить остывший чай и почти бездумно смотреть вверх живой изгороди на зелёные поля.

Все уши.

Папа увёл Джоан стрелять грачей — по его словам, они так расплодились, что местным разрешили всесезонный отстрел на этот год. Сьюзен, уставшая от долгой дороги и новых впечатлений, заснула сразу после ланча. Мама на кухне возилась с обедом.

Впервые за два дня Себ остался полностью предоставлен своим мыслям. Господи, как будто в них было хоть что-нибудь хорошее.

Он сорвался к родителям неожиданно, без всякого плана. Выдернул из школы Сьюзен, слегка напугал своим порывом Джоан (и, заодно, рассмешил, она даже не удержалась от шутки о том, как стремительно развиваются их отношения, раз уж дело дошло до знакомства с родителями). Просто понял, что не может оставаться в Лондоне, в одном городе с Джимом. Ему нужно было сбежать куда угодно — и почему-то первым делом в голову пришла мысль о Карлайле.

Ему требовался перерыв. Те самые две недели отсрочки, которые он получил, нужно было использовать с толком.

Знакомство Сьюзен и Джоан, из-за которого он должен был бы переживать, прошло как в тумане.

Родители были и удивлены, и рады приезду. Их встречали объятиями, восклицаниями, множеством сумбурных вопросов, тут же усадили за поздний ланч, и Себ на автопилоте улыбался, поддерживая разговор, сути которого не улавливал. Когда наконец все разошлись, Себ остался на веранде тупо смотреть в пустоту.

Где-то в голове поселился Джим, но даже его Себ почти не слышал. Разве что изредка улавливал: «Ты бы медленно истекал кровью, мой Святой Себастиан, ждал бы смертельного выстрела... Но его бы не последовало». Ему было страшно, когда Джим говорил об этом, и не потому что он боялся смерти или претворения этой фантазии в жизнь.

Сзади скрипнула дверь. Себ узнал шаги, поэтому не стал оборачиваться. На плечи опустился тёплый плед. Подтянув его, Себ закутался и пробормотал:

— Спасибо.

Мама села в соседнее кресло и попросила:

— Убери ноги со стола, дорогой. От папы это ужасная привычка.

— Я потом приберусь. И стол помою.

Шевелиться не хотелось даже ради маминой просьбы.

Раздался тяжёлый вздох с намёком: «За что мне эти двое?»

— Тебе помочь? — спросил Себ через пару минут молчания.

— Не надо, там всё уже готово, — ответила мама и спросила с искренней заботой: — Как ты, Басти?

— Нормально, — выдавил он стандартный ответ, точно зная, что маму он не убедит. Но ему не хотелось сейчас расспросов. Просто ещё немного посидеть здесь, в тишине.

— Джоан — замечательная девушка.

— Ты разговаривала с ней час за ланчем, маловато для выводов, — фыркнул Себ, слегка расслабившись. Раз уж так надо говорить, то лучше о Джоан. — Но да, она замечательная.

— Только вот совсем не в твоём вкусе.

Себ хмыкнул:

— Наверное, мне виднее.

— С десяти лет ты выбирал девочек умных, но скромных, домашних и обязательно красивых, — уверенно заметила мама, впрочем, явно в шутку.

— Да уж, школьная подружка — отличный показатель.

— Или восемь? Если вы будете жить вместе, Джоан скрутит тебя в бараний рог, дорогой.

Себ лениво прикрыл глаза и кивнул.

— Ладно.

— Пожалуй, ты прав. Она умница, так что тебе это не навредит.

— Ты только что сказала, что мне пойдёт быть подкаблучником. Спасибо, мама, — сказал он, слегка улыбнувшись. — И нет...

— Что нет?

— Даже не вздумай сказать, что так оно и есть.

— Хочешь — не буду.

Если зажмуриться, то очень легко было представить, что он только что вернулся из школы. Папа на работе, и они с мамой сидят на этой веранде, пьют чай и болтают. И самая большая проблема на свете — это низкий балл за сочинение, в котором было много ошибок и никакого смысла, поскольку книгу, о которой нужно было писать, Себ не прочёл: скучная и про любовь.

— Когда ты родился, — произнесла мама задумчиво, — я чувствовала себя ужасной матерью. Ни с чем не справлялась. И всё утешалась тем, что ты немного подрастёшь — и проблем станет меньше.

Да, Себ так тоже думал, держа в руках орущее одеяло по имени Сьюзен. Поэтому покачал головой и сказал:

— Не сработало.

— О, ты это уже выяснил? Я осознала попозже, к твоим, наверное, одиннадцати. А хуже всего становится, когда дети вырастают и уже не рассказывают про свои проблемы.

Приоткрыв глаза, Себ повернул голову и сказал спокойно:

— У меня нет никаких проблем, если ты об этом. Я просто заработался, устал. И всё.

Протянув руку, мама коснулась его пальцев. Погладила.

— Я не спрашиваю, Басти. Просто рада, что ты приехал.

Мама снова откинулась в кресле.

— Я тоже рад, — невнятно ответил он. И не сопротивлялся, когда спустя полчаса мама встала и обняла его сзади, поцеловала в макушку. Обычно он старался избегать такого рода нежностей, но никогда не скрывал, во всяком случае, от самого себя, что ему они были очень приятны.

Полминуты или даже меньше длилось каждый раз это странное чувство — что его хрупкая невысокая мама снова, как в детстве, может его защитить от всего мира. Потом оно всегда проходило, оставляя лёгкое смущение. Это он был тем, кто должен защищать и её, и папу. Теперь уже — он. Но пока, на эти короткие секунды, он полностью расслабился. И даже Джим в голове вежливо заткнулся.

Мамина рука зарылась в волосы, и Себ закрыл глаза. Потом открыл их и проворчал:
— Ну, хватит, — и объятия распались.

— ...точная и твёрдая рука! — папа довольно засмеялся, откидываясь на спинку стула.

Себ слушал не то, чтобы вполуха, а как будто сильно издалека. Вслушивался, прикладывал усилия, но всё равно то и дело терял нить повествования. Словно помехи какие-то шли, хотя папа сидел в метре от него.

Заставив себя осознать последнюю фразу, Себ на всякий случай сообщил, что в способностях Джоан никогда и не сомневался. Джоан смутилась и пробурчала:

— Случайно вышло.

— Пятнадцать грачей за два часа! — повторил папа.

А, вот о чём речь. Охота, действительно. Джоан с папой вернулись в сумерках, заляпанные грязью, румяные и очень довольные, по всей видимости, и всем происходящим, и обществом друг друга.

— Нет, конечно, рекордсмен у нас Басти, — продолжил папа, — но он в принципе бьёт без промаха.

— Я не в счёт, не участвую в охоте, — заметил Себ.

— Участвовал, пока не стал таким занудой, — папа с притворным недовольством на лице отвернулся, а мама велела:

— Басти, дорогой, отставь-ка от отца бренди.

— Папа, почему ты стал занудой? — тут же подхватила интересную тему Сьюзен.

Себ не понимал, что с ним не так. Вроде бы и спать не хотелось. Прикусив щёку, он слегка взбодрился и ответил:

— Я не стал.

— А дедушка сказал, что стал... — она хитро прищурилась, похоже, отлично зная, что загнала его в ловушку. — Кажется, кто-то из вас что-то недоговаривает, — и она первая рассмеялась.

— Стал-стал. Я тебе потом покажу его мишени, — подмигнул ей папа.

— Не говори, что ты их хранишь, — пробормотал он, прикладывая серьёзные усилия к тому, чтобы выговорить простую фразу. Может, пойти поспать? В конце концов, стресс и драка — неплохое испытание для организма. Может, он простыл, пока валялся на тротуаре?

Сьюзен сморщила нос и хотела было спросить ещё о чём-то, но Себ понял, что не способен сейчас внятно объяснить, чем ему не нравится отстрел грачей и почему он против демонстрации мишеней, так что спросил, чем они с бабушкой занимались до обеда. Оказалось — гуляли по деревне. А завтра Сьюзен собиралась обязательно вернуться к какому-то дому с альбомом и карандашами — зарисовать.

— Это будет пока эскиз, — строго пояснила она, и Себ кивнул.

Папа продолжал негромко хвалить Джоан за меткость и пытаться её вопросами о работе. Себ подумал, что надо бы прийти ей на помощь, но потом заметил, что она не выглядит напряжённой, и оставил всё как есть.

Мама вернулась с блюдом, наполненным жареной картошкой, и тоже включилась в обсуждение рисунков. От Себа требовалось только изредка кивать головой, что он и делал, в основном, с переменным успехом.

Когда с обедом было покончено, мама под папино недовольное ворчание объявила, что

пришло время сыграть в «Скрэббл». Сьюзен оживилась, а Себ ощутил совершенно непривычное раздражение. Чёрт, не хотел он ни во что играть! Он хотел...

Впрочем, внятно выразить, чем бы ему хотелось заняться, он не смог бы, поэтому без возражений пошёл за коробкой.

И похоже, это была его худшая партия, несмотря на то, что Сьюзен, забравшись к нему на колени, достаточно активно участвовала в составлении слов. Подумалось, что когда они последний раз играли в «Скрэббл» в этом доме, Сьюзен ещё не до конца умела читать и пугала буквы и сидела на коленях у Эмили.

Первенство уверенно оспаривали между собой мама и Джоан. Сьюзен бурчала что-то неразборчивое и надувала губы, но потом снова начинала шептать Себу на ухо свои идеи. Он улыбался слегка рассеянно, осознавая, что за всё время игры самостоятельно собрал только слова «диван», «оптика» и «автомобиль», что явно не тянуло на достижение.

Как раз когда Сьюзен выкладывала «автомобиль» по его подсказке, Себ подумал о том, что Джим был бы великолепен в этой игре. Вот уж кто точно мастер выбирать слова. Наверняка ему не составит труда выдумать что-то заумное. И только поймав себя на этой мысли, он почувствовал, как его прошиб холодный пот. Как будто всего одно мысленное упоминание имени Джима разрушило уют семейного вечера, встряхнуло, оживило.

— Басти, всё в порядке?

— Папа думает! — вступилась за него Сьюзен.

— Да, — кивнул он, выдавливая достаточно натуральную, как ему показалось, улыбку.

— Сьюзен, что скажешь насчёт «акустики»?

— А что это значит? — уточнила она, сразу же начиная собирать слово.

— Наука о звуке, — улыбнувшись, подсказала Джоан в тот момент, когда Себ осторожно забрал у Сьюзен из рук лишнюю «к». Она бросила на Джоан задумчивый взгляд и кивнула:

— Запомню.

Закончили только после второго раунда, когда Сьюзен начала уже неприкрыто зевать. Себ посмотрел на Джоан, которой явно сегодня не хватило его внимания, но решил, что она сможет подождать ещё немного. Сначала дочь. На самом деле, он переживал, как она будет чувствовать себя в этом доме, где впервые оказалась без Эмили. Но кажется, всё было хорошо. Во всяком случае, она выглядела довольной, была рада видеть бабушку с дедушкой, и в глазах не блестели слёзы, даже сдерживаемые.

Себ дождался, пока она примет душ и почистит зубы, укрыл её одеялом, присел на край кровати и спросил:

— Тебе почитать?

Сью помотала головой, протянула руку и погладила его по щеке. Тихо спросила:

— Кто тебя побил?

Себ улыбнулся тому, насколько заботливо и сочувственно прозвучал этот вопрос.

— Точно не знаю. Но я дал им сдачи.

— Драться нехорошо, ты говорил.

— Ты права, — кивнул он, встал, погасил верхний свет, оставляя только ночник, снова сел на кровать и повторил: — Ты права.

Последние дни он совсем забросил Сью. И пусть раньше он оставлял её на значительно более долгий срок, сейчас всё было иначе. У неё больше не было Эмили — только он. А он пропал, занимаясь своими делами.

— Пап... — позвала она, — у тебя и Джоан теперь будут дети?

— Что? — переспросил он. Сьюзен наморщила лоб.

— Ты ведь её любишь, да? Как маму? Значит, у вас будет ребёнок?

Очень медленно Себ закрыл глаза. Господи, неужели ко всему прочему, что произошло на этой неделе, должен добавиться разговор о причинах появления детей на свет с восьмилетней дочерью? И состояться он действительно должен именно в тот момент, когда Себ с трудом осознаёт, кто он и как его зовут? Очевидно, да.

— Мама говорила... — почти беззвучно произнесла Сьюзен, — когда взрослые любят друг друга, у них происходит секс, и от этого бывают дети.

— Угу, — подтвердил Себ невнятно. Потом сделал над собой волевое усилие и сказал: — Бывают. Но это не обязательно. Взрослые... могут принимать решение, хотят ли они иметь детей.

Сью продолжала смотреть на него выжидательно, и Себ продолжил серьёзно:

— Я не думаю, что у меня будут ещё дети, кроме тебя, Сьюзен. Мне это не нужно.

Кажется, впервые в жизни Себ не мог понять, какие именно эмоции испытывает Сьюзен. Что-то её беспокоило, но она не могла это ни выразить словами, ни даже осознать. И увы, сегодня Себ ей был не помощник. Несколько мгновений спустя Сью потянулась к нему обеими руками и крепко обняла за шею. Себ прижал её к себе. Погладил по голове. Уложил обратно в постель.

Снова завернувшись в одеяло и зевнув, Сьюзен вдруг заявила:

— Джоан хорошая. Ты можешь в неё влюбляться, я не против.

— Ну, спасибо, — рассмеялся Себ, хотя, на самом деле, был рад услышать эти слова.

Убедившись, что Сьюзен уснула, Себ быстро навернул в душ и отправился в свою старую комнату, к Джоан.

Она ждала его, сидя на кровати в одной футболке и печатая что-то на ноутбуке. Себ закрыл за собой дверь, задвинул щеколду, которую сам когда-то врезал, отстаивая независимость и право на личное пространство, и спросил:

— Что делаешь?

Джоан подняла вверх палец, прося не мешать. Кажется, работала. Минут через пять она закрыла крышку ноутбука и сказала:

— Прости. Парни попросили взглянуть на улики...

— Тебя не утомили мои родители?

Она покачала головой:

— Ничуть, они отличные. Такие активные... Моих не заставишь играть в «Скрэббл» или охотиться, — отложив ноутбук на пол, Джоан растянулась на кровати, оглядела комнату.

Себ всё обещал маме здесь разобраться, но у него никак не доходили руки. Поэтому, не считая мелочей, вся обстановка сохранилась с его восемнадцати лет. Даже плакат с девушкой в бикини остался над кроватью.

— Смотрю и пытаюсь представить, каким ты был в школе.

— Ужасным, — заверил её Себ, устраиваясь рядом. — Особенно в старшей.

Джоан хихикнула совершенно нехарактерным образом. Повернулась, подпёрла рукой подбородок и уточнила:

— Пил? Курил? Тискал девчонок?

— Пить и курить пробовал. А что до девчонок... ты представляешь, каково это — попытаться потискать кого-то в городе, где все друг друга знают? — он покачал головой. —

А ты? Какой была ты?

— Ну, — Джоан пожала плечами, — я носила косу до середины спины, посещала церковь и мечтала стать полицейским.

— Не могу представить тебя с косой.

Себ мягко провёл рукой по её слегка отросшим после последней стрижки волосам. Потянулся поцеловать — и остановился в нескольких сантиметрах. Закрыв глаза. Джоан сама преодолела оставшееся расстояние, Себ почувствовал её тёплое дыхание, губы на своих губах — и отстранился.

— Прости, — пробормотал он, — кажется, я ещё не пришёл в себя. Безумно хочу спать.

Джоан улыбнулась и кивнула.

Но, устроившись рядом с ней под лёгким одеялом, Себ очень долго лежал неподвижно и смотрел в потолок. Никаких толковых мыслей в голове не было. Разве что лёгкая надежда, что завтра и правда появятся симптомы простуды. Тогда он будет пить чай с мёдом, наденет тёплый свитер и сможет с уверенностью сказать, что через пару дней всё пройдёт.

— Себастиан!

Себ едва успел услышать своё имя, осознать, что зовут именно его, как прогремел взрыв. По глазам полоснуло огнём, бок обожгло болью, лёгкие наполнились песком и дымом — и он проснулся, хватаясь за старый шрам.

Конечно, шрам не болел. Это ведь была просто полоска грубо сшитой кожи, там и болеть-то нечему, всё давно зажило.

Выдохнув, Себ поднялся на локте и потянулся за будильником, но его не было на тумбочке.

Ну, да. Он же в доме родителей.

— Себастиан?

Возле окна стоял Джим. На ночь Себ не до конца, похоже, задёрнул занавески, и теперь фигура ночного гостя подсвечивалась не то луной, не то фонарём.

Себ сглотнул и поднялся с кровати.

— Ты скучал по мне, Себастиан? — почти беззвучно спросил Джим. Себ помотал головой. Джим улыбнулся:

— Ты скучал. Я польщён, мой дорогой.

Себ хотел сказать, что это не так, напомнить про две недели, велеть ему убираться к чёрту, но не мог. Горло пережало, он онемел. Открывал рот, но не мог выдать ни звука. Тело тоже парализовало. Джим запрокинул голову и засмеялся. Чем сильнее Себ пытался скинуть непонятный паралич, тем громче он хохотал.

И вдруг, всё прекратилось.

Себ открыл глаза, жадно глотнул воздух — и тихо выдохнул.

Протёр глаза.

Джоан заворочалась рядом, что-то пробормотала и подтянула одеяло повыше. Просто очень дерьмовый сон. Кошмар в кошмаре — комбо. Он, похоже, бьёт собственные рекорды.

Наручные часы показывали половину шестого, и Себ решил больше не рисковать и не пытаться уснуть на оставшийся час, а встал и оделся. Джоан этого даже не заметила. Себ всего несколько раз ночевал у неё, но уже узнал, что с утра у неё над ухом можно греметь чем угодно — она не проснётся, пока не услышит будильник. Ну, или пока чудовищный кот

Фредди не начнёт грызть её за волосы.

В доме было тихо — все спали. И, если честно, Себ был этому рад. Ему было бы неплохо немного побыть одному и попытаться навести порядок в голове. В последнее время там творилась какая-то чертовщина, которую он не понимал.

«Зато откуда она взялась — гадать не надо», — раздражённо подумал он.

Ему нужно было отвлечься. Нужно было... взгляд упал на мамину кулинарную книгу.

Понятные действия по чётким и внятным инструкциям всегда успокаивали, так что Себ оценил критическим взглядом содержимое холодильника и взялся готовить сконы. Как раз на соседних страницах было два рецепта: с беконом и зеленью и с яблоком. Себ нацепил мамин фартук.

В голове, правда, и не думало проясняться. Приснившийся хохот вспоминался острее и болезненней, чем взрыв.

Сумасшествие, должно быть, заразно.

Ещё никогда в жизни отметка в рецепте: «Руками размять сливочное масло в мелкую крошку», — не приходилась так кстати. Себ не без удовольствия вымещал на несчастном куске масла своё недовольство. Но увы, оно не слишком-то сопротивлялось.

«Себастиан?»

Скрипнув зубами, Себ вымыл руки от масла, замешал тесто и раскатал его. Криво. Рука дрогнула, и вышло криво, так что, скрипнув зубами, Себ снова скатал тесто в шар и прокатил скалкой. Взял стакан, присыпал края мукой и принялся нарезать ровные кружки, жалея, что эта задача слишком проста.

Он был зол, очень сильно. И на Джима, конечно, тоже, но главное — на самого себя.

Какого чёрта он ведётся на это, как мальчишка? Ему пятнадцать или скоро тридцать пять? Никогда в жизни ничто так сильно не выводило его из состояния равновесия. Наоборот, невозмутимость, которую, кстати, Йен называл «пришибленностью», была его сильной стороной. Безупречную выдержку Себа Майлса отмечало даже армейское начальство.

Духовка уже грелась. Себ как раз нарезал и выложил на противень сконы с беконом и взялся за яблочные, когда кухонная дверь скрипнула.

Обернувшись, он с огромным удивлением увидел Джоан. Её слегка пошатывало, она не могла сдержать зевков, но за каким-то чёртом проснулась в совершенно нехарактерную для неё рань.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Себ, даже отвлекаясь на мгновение от своих невесёлых размышлений.

— Не зна-а-аю, — ответила она, не переставая зевать, потёрла глаза и заметила будущие сконы. Подняла брови.

Себ вместо ответа сунул первый противень в духовку и начал вырезать яблочные сконы, заполняя второй. Закончив, неторопливо помыл руки и принялся варить Джоан кофе. Она забралась с ногами на диванчик, обхватила руками колени и следила за его действиями. Забрала горячую кружку, поблагодарила и заметила:

— Ты можешь рассказать.

Себ должен был бы ожидать чего-то в этом роде, если бы хоть немного раскинул мозгами. Ему не хватило сил на то, чтобы притвориться, что всё в порядке. И Джоан видела, насколько он разбит — должна была.

— Что бы это ни было, — добавила Джоан. — Что угодно.

Не совсем. Себ знал, что никогда не сможет рассказать ей про Джима и про убийство мисс Перси. И главное, он никогда не сможет кому-то признаться в том, что хочет вернуться. Несмотря на всё дерьмо, несмотря на то, что эта история чуть не поломала его, он где-то в глубине души хотел вернуться обратно. Или, если говорить точнее, в прошлое — туда, где никакого пистолетного выстрела не было вовсе.

— Ты знаешь, — сказал он неожиданно для самого себя, — моя работа — это один бесконечный психологический стресс-тест. И мне надо бы ненавидеть её. Но на деле это...

— Затягивает, — тихо закончила за него Джоан. — Ты устаешь, просыпаешься по выходным разбитым, у тебя дёргается глаз, но тебя приводит в ужас мысль о том, чтобы бросить всё к чертям.

— В точку. Раньше так было с армией.

Чай уже заварился, посуда была вымыта, стол прибран, но Себ всё стоял к Джоан спиной, делая вид, что занят. Говорить, глядя в стену, было проще.

— Ты хотел вернуться?

— Каждый раз. Знаю, как это звучит, но я обожаю эту работу.

Вообще-то ему надо было заткнуться, но он не мог. Джоан молчала, и это было какое-то очень правильное молчание, которому хотелось довериться. Укладывая миски в посудомоечную машину, Себ добавил:

— Я не мог её бросить даже ради жены и ребёнка.

— Я бы тоже не смогла оставить полицию.

Себ обернулся и впервые встретился с Джоан взглядом. На выпуская из рук огромную кружку, она смотрела на него внимательно, пристально, но без капли осуждения.

— Как-то раз, — проговорил Себ задумчиво, — я вернулся с очередной миссии. Приехал домой, мы с Эмили тогда ещё не разошлись. Она меня встретила... всё как всегда. А потом из комнаты вышла Сьюзен. Ей было тогда полтора года. Когда я уезжал, она делала первые шаги, а тут шла совершенно самостоятельно и легко. И у неё отросли волосы. Я удивился этому, потянулся к ней, чтобы взять на руки, а она вдруг заревела и спряталась за Эмили. Только через пару минут я понял, что случилось, — Себ кашлянул, — понимаешь, она не узнала меня. Папа на фотографии и живой я никак не соотносились для неё между собой, она смотрела на меня как на чужого человека и боялась. До сих пор это одно из самых страшных моих воспоминаний, правда. Но через месяц я собрал сумки и вернулся в Афганистан.

Джоан молчала очень долго, но Себ понял, что она не осуждает его, а примеряет эту ситуацию на себя. И действительно, она произнесла:

— Хорошо, что у меня нет детей. Они бы толком не видели меня. А у тебя растёт замечательная дочь. Правда, она классная.

Себ улыбнулся и признался:

— Никогда не знакомил её ни с одной женщиной. Если честно, даже не говорил о ней.

— Себ Майлс и образец доверительных отношений, — рассмеялась Джоан, отставила кружку, подошла к нему, обняла и шепнула на ухо: — Ты можешь доверить мне.

— Спасибо, — отозвался Себ и понял, что за время этого разговора Джим пропал из его головы.

— И пожалуйста, — она чуть отстранилась, — что бы это ни было, разберись с этим, ладно? — и она одним пальцем нажала на его лоб. — И если нужно будет обсудить или записать это — скажи.

— Разберусь.

— А у меня там ещё пара снов не досмотрены, — и она действительно пошла к выходу из кухни. Себ остановил её окликом:

— Джоан! — она обернулась, и он сказал искренне: — Ты восхитительная женщина. Я тебе говорил?

— Не помню такого, — рассмеялась она, снова зевнула и ушла.

Себ вытащил из духовки scones, разложил их на блюда, поставил на плиту кастрюлю и занялся кашей. Как ни странно, ему полегчало от этого разговора. Если не бегать от правды, то всё становилось проще. Он готов сдохнуть без работы. И особенно — без работы от Джима, всегда неожиданной и зачастую сложной. Он взял две недели, но этот отпуск не шёл ему на пользу, вот в чём дело. Он хотел бы, чтобы не было той истории с мисс Перси. Тогда можно было бы наслаждаться отдыхом, поглядывая на телефон, ожидая звонка, который к чёртям весь этот отдых разрушит.

Но Джим безумен, нестабилен и просто опасен. Поэтому здравый смысл требовал принять однозначное решение. Никакого Джима. В Лондоне он встретится с ним последний раз и скажет, что договору конец. Потом найдёт себе другую работу. А до этого поднимет свою задницу, извинится перед Джоан, снова начнёт внимательно слушать, что рассказывает Сьюзен, и попытается не разрушить всё самое важное из-за прихоти психопата. «Добро пожаловать обратно в нормальную жизнь, приятель», — сказал он себе. И в этот момент в доме послышались шаги и голоса.

Семья вставала, и Себ был рад возможности удивить их завтраком.

Александр: тринадцатая часть

На студии было пусто, тихо и темно, не считая одной лампы, которую Александр оставил себе. Сидя перед натянутым хромакеем, он смотрел сквозь него. На зелёном фоне привычно расцветали образы, только не фоны и не графика, а воспоминания.

Он вспоминал, как выглядели декорации его седьмого полнометражного фильма. Не то, чтобы это требовало особенных усилий. С «Сыном своего отца» они возились почти два года, это была самая сложная, трудозатратная и, откровенно говоря, неприятная работа в фильмографии Александра. Публика приняла картину очень тепло, но Александр ненавидел её всеми фибрами души: дурная, пустая поделка, скучная бессмыслица. Если бы не финансовые обязательства, он и вовсе не пустил бы её в прокат.

Попробовал бы мистер Смерть отыскать в этом фильме убийство с глубоким смыслом! Его ждал бы второй провал, потому что глубокого смысла там вообще не было, ни в смертях, ни в жизни.

Зато там была красивая картинка. Викторианская Англия, свет рожковых светильников, который оказалось очень сложно достоверно воспроизвести на экране, тонкие бледные как будто чахоточные женщины, андрогинные мужчины в корсетах, лакированные кареты, забрызганные грязью до середины дворец. Александр играл в историю Джека Потрошителя — и, очевидно, проиграл.

И всё-таки, если мистер Смерть последователен, а пока он не сделал ничего, чтобы дать повод в этом сомневаться, то он не пропустит «Сына». И поскольку убийство на весь фильм одно, выбирать ему не придётся.

Где-то на пустом чердаке найдут труп с перерезанным горлом. Это будет тело светловолосой молодой женщины. Перед смертью её задушат шёлковым шнурком, а потом тщательно и с медицинской точностью вырежут внутренние органы, отрежут груди, изувечат лицо. А учитывая, что пустых чердаков в одном только Лондоне можно найти бессчётное число, даже всех сил Елены не хватит, чтобы поймать убийцу на месте преступления.

Какая-то женщина лишится жизни, потому что режиссёр Александр Кларк решил снять фильм.

От этого тошнило.

После убийства Шерон Александр перестал спать. То есть он мог отрубиться под действием снотворного, выписанного семейным врачом, или, после пяти-шести часов бессмысленного ворочания в постели провалиться в полудрёму. Но ни первый, ни второй вариант не помогали.

Он не любил Шерон. Если честно, за два месяца их сомнительных отношений он и узнать-то её толком не успел. Но он позвал её в свой дом. И она пришла — живая, смешливая. Она ела барбекю, которое приготовил Мэтт, запачкалась соусом, полезла целоваться. Они занимались сексом за четыре часа до того, как её убили.

Полиция нашла убийцу за два дня. Даже искать долго не пришлось — следы чётко указывали сумасшедшего парня из соседней деревни. В доме, конечно, была сигнализация, но в ночь убийства кто-то оставил окно на первом этаже открытым. Ни Александр, ни Мэтт не открывали его, но, как верно сказал очередной уставший детектив, его могла открыть сама Шерон. Да и слова Мэтта с Александром нельзя было считать однозначно достоверными — все они пили вино вечером, все были расслаблены и спокойны.

У убийцы была диагностированная шизофрения. Он объяснил, что Джекки-в-ушах сказал ему пойти в голубой дом, убить рыжую ведьму и положить её в постель к мужчине. И конечно, он не испытывал ни угрызений совести, ни раскаяния — только спокойную удовлетворённость тем, что сделал. Его ждал суд и, почти наверняка, пожизненное принудительное лечение. И это никак не помогало.

Мистер Смерть проникал в дома, в компьютеры, в чужие умы. И он лишил Александра сна. Даже тогда, когда ему удавалось погрузиться в дремоту, он продолжал думать о настоящем убийце, голос мистера Смерти звал его откуда-то издалека.

Лист бумаги, посвящённый ему, покрылся множеством записей и разросся до формата А3. Каждый день по несколько часов Александр проводил перед ним, пытаясь добавить к психологическому портрету хотя бы пару лишних штрихов. Скорее всего, в возрасте за сорок пять. Из тех, кто сделал себя сам, разумеется. Скорее всего, родился и вырос в каком-нибудь нищем рабочем городке, где единственная угольная фабрика давно не работает. Преступления всегда были для него искусством, но начинал он с грубого ремесла, зарабатывал на жизнь убийствами. Но теперь он может позволить себе не работать ради денег, и убивает из удовольствия.

Александр был почти уверен, что мистер Смерть не появляется на местах преступлений лично, во всяком случае, сейчас, когда можете себе это позволить. Убийство нравится ему как идея, как яркий живой образ, фантазия. Когда же оно происходит, мистер Смерть чувствует разочарование и усталость.

Господи, насколько было бы легче, будь он маньяком, одержимым идеей — тогда Елена давно вычислила бы его. Но он умный, образованный художник с утончённым вкусом и, похоже, безграничными возможностями. Впору подумать, что Александр и правда разозлил дьявола!

Должно быть что-то, что остановит его, в конце концов!

Подумав об этом, Александр застонал вслух и уткнулся лицом в ладони, с силой нажимая на глазные яблоки. За всё прошедшее с первого убийства время они не нашли ничего! И нет никакой надежды, что мистер Смерть остановится на середине списка. Тогда сколько ещё убийств предстоит? Александр мог посчитать точно, но его затошнило от попытки.

С того момента, как десятилетняя Кэтлин Смайт убила ножом свою тётю, Александр знал, как остановить мистера Смерть. Но трусость и малодушие не позволили ему это сделать. Результат: убитая Шерон, Мэтт, уже месяц посещающий психотерапевта, и сам Александр, забывший, когда в последний раз нормально спал. Если завтра произойдёт новое убийство, его причиной будет то, что Александр не решился действовать.

Себ долго собирался с духом, прежде чем набрать номер. Собственно, почти сутки — с того самого момента, как посадил Джоан на поезд до Плимута. Они хорошо провели эту неделю — и в Карлайле, и в Лондоне. Много смеялись, много гуляли, а в один из дней просто не вылезали из постели, чередуя секс с просмотром фильмов и болтовнёй под пиццу.

Но дальше прятать голову в песок не было смысла.

Воспроизведя в памяти лицо Джоан, Себ решительно нажал на клавишу вызова, хотя и не смог удержать малодушную мысль: ведь может же Джим просто не снять трубку?

Размечтался. Через три гудка раздался шорох и затем голос:

— Я и не ждал твоего звонка, детка.

— Добрый день, сэр, — формально произнёс Себ, — надеюсь, я не...

— Не отвлекаешь меня ни от чего важного, бла-бла-бла, — судя по тону, Джим закатил глаза. — Чего ты хочешь?

«Надо было писать сообщение», — запоздало сообразил Себ. С другой стороны, Джим мог и сам перезвонить.

— Сэр, мы не могли бы встретиться? Мне хватило недели, чтобы всё обдумать и принять решение.

Джим хмыкнул:

— Могли бы.

— И сэр, — добавил Себ твёрдо, — в последние две наших встречи я... применял к вам физическую силу. Если для вас это возможно, я предпочёл бы поговорить в людном месте.

Послышался смех:

— Боишься меня убить? — сделал паузу и добавил с нажимом: — Или боишься, что я убью тебя, дорогой?

— Первое, сэр.

Помолчав, Джим спросил:

— Почему?

И, ради разнообразия, у Себа был для него ответ:

— Если вы захотите меня убить, вы это сделаете где угодно.

Джим расхохотался искренне и очень довольным. Потом успокоился и сказал:

— Как пожелаешь, детка. Сегодня в шесть, я пришлю адрес, — и он отключился.

Себ ещё не успел стереть непонятно откуда взявшуюся испарину со лба, как пришла смс с адресом.

Джим выбрал небольшой и недорогой ресторанчик итальянской кухни в сотне метров от Пиккадилли. Себ пришёл на десять минут раньше, но, по факту, опоздал — Джим уже был на месте. Сидел возле окна, потягивал оранжевый сок через трубочку и выглядел предельно нормальным. Обычный офисный работник в хорошем костюме решил отдохнуть после тяжёлого дня. На столе перед ним стояла большая свеча.

Себ подавил явно нервное желание пригладить волосы (учитывая, что он подстриг их сегодня машинкой, приглаживать было особо и нечего), сглотнул неприятный ком в горле и напомнил себе, что, если очень захочет, просто придушит сукиного сына голыми руками. Прямо на людях.

Джим поднял глаза, увидел Себа и улыбнулся — опять же, нормальной улыбкой.

Приглашающе махнул рукой.

Себ не торопился: внимательно осмотрел зал, пока ещё достаточно пустой, лестницу на первый этаж, небольшую барную стойку. И двинулся к Джиму прежде, чем официантка спросила его, заказан ли столик.

— Здравствуйте, сэр, — произнёс он, чувствуя напряжение в мышцах. Да, он слегка опасался того, как пройдёт эта встреча. Надо было быть сумасшедшим, чтобы не бояться Джима вовсе.

Скинув куртку, в которой всё равно не было пистолета (только армейский нож), Себ устроился напротив. Джим заметил задумчиво:

— Да ты на нервах, детка.

— Нет, сэр, — соврал Себ и, чтобы отвлечься, принялся разглядывать часы босса. Как ни странно, не «Роллекс», не золотые. Вообще, если подумать, дорогими у Джима были только костюмы и машина.

— О чём ты думаешь, детка? — промурлыкал Джим. — Ну же, скажи.

Себ встретился с ним взглядом и ответил честно:

— О том, куда вы деваете деньги, сэр.

Джим развеселился.

— Во всяком случае, я их не сжигаю. Хотя мог бы. Если бы его хоть немного интересовали деньги, не сомневайся, я собрал бы очень большой костёр из пятидесятифунтовых купюр, — выждав немного, он разочарованно сообщил в пустоту: — Ты не узнаёшь даже комикс, прискорбно, — и, посмотрев на свечу как-то устало, прибавил: — Я специально попросил зажечь. Теперь эта болгарская девочка думает, что у нас свидание.

Себ не собирался на это реагировать, только пожал плечами. «Болгарская девочка», официантка, принесла блюдо с сыром и ветчиной. Поставила перед Себом кружку пива, шустро убежала, а Джим слабо улыбнулся и сказал:

— Значит, ты всё решил? Мне жаль... — он как будто без сил запрокинул голову назад. Выпрямился. — Ты можешь не бояться, Себастиан. Я обещал. Все твои игрушки... ох прости, — он пожал плечами, — все твои люди будут в безопасности. И ты.

Это было именно то, что Себ хотел услышать. Только в желудке почему-то появился тяжёлый неприятный ком. Всё, что требовалось теперь, это встать и уйти, но Себ не двигался. В конце концов, Джим выглядел таким потерянным и слабым. Что, если его одолеет приступ безумия? Не бросать же его в ресторане.

— Знаешь, — проговорил Джим тихо, но на чистейшем английском, без намёка на ирландский акцент, — мне будет не хватать тебя, Святой Себастиан. Не только как снайпера, хотя... — он обнажил зубы в ненормальный ухмылке, — то, как чётко ложатся твои пули в цели, весьма возбуждает.

Если Джим хотел его этим задеть (а он хотел, разумеется), то просчитался. Себ кинул в рот кусок сыра того сыра, на котором не было следов плесени, прожевал, не чувствуя вкуса, и ничего не сказал.

— Но я буду скучать по другому. Ты знаешь, Себастиан, — Джим закрыл глаза, — раньше мне помогал Френсис. Ещё был Хьюго. Марк. Потом Клаус... — голос стал ещё тише, Себ привычно напряг слух, — знаешь, чем ты отличаешься от них?

Себ промолчал, и Джим продолжил:

— Ты не безумен. Френсис — больной ублюдок, помешанный на боли. И это я говорю, заметь. Хьюго — пироман. Фред, милейший доктор Дарелл, тихий некрофил. Клаус... —

Джим сглотнул, как будто воспоминания о нём были тяжёлыми, — солдафон и тупица, — он скривился от отвращения, — а твой приятель Марк... — Джим замер на середине фразы, уронил тяжёлую голову на грудь, — очаровательный садист.

— Чудная компания, — пробормотал Себ.

Всё, на этом — точно хватит. Встать, забрать куртку, выйти из ресторана. Ком в желудке шевелился, вызывая изжогу.

Себ не шелохнулся.

— Эти приступы, — Джим ещё сидел ровно, но, похоже, давалось ему это непросто, — выматывают меня, Себастиан. Я знаю, что ещё немного, и наконец-то... — вдруг он открыл глаза и поднял голову. Взгляд сделался цепким. — Давай, — сказал Джим резко, — задавай напоследок свой вопрос. Я... — он усмехнулся, — тебе его дарю.

Себ выдержал этот взгляд, даже не моргнув. Голова очистилась. В теле появилась лёгкость — как перед боем. Не было смысла бояться или что-то планировать. Только, жаль, винтовки в руках не было. Он предпочёл бы стрелять, а не говорить. Но вопрос задал:

— Чем вы больны, сэр? Почему вы такой?

Джим прищурился и медленно проговорил:

— Думаю, многое было predetermined до моего рождения. Генетика. Ошибка. А потом — огонь. Всё в огне. Я не видел её, Себастиан. Мне только рассказали. Но я знал, как бомба разрывает тело.

Твою мать.

— Представлял себе это в деталях. Я был умным мальчиком. Начитанным. Ещё церковь, — взгляд Джима соскользнул в сторону, мазнул по поверхности стола и сосредоточился на пламени свечи, — исповедь в грехах. Очищение. Дьявол оставит меня... Дьявола не существует. Есть только я.

Последние слова прозвучали совсем невнятно. И вдруг, встряхнувшись, Джим сказал с лёгкостью, насмешливо:

— Я не понимаю одного, Себастиан.

— Чего, сэр? — спросил Себ, чувствуя, что хочет не просто уйти, а сбежать ко всем чертям.

— Как ты мог дожить до тридцати пяти лет...

— Мне ещё нет тридцати пяти, — ляпнул он и тут же пожалел об этом. Джим фыркнул:

— Как ты мог дожить до тридцати четырёх лет, десяти месяцев и одиннадцати дней, если тебе так больше нравится, оставшись таким... — он задумался, выбирая слово, — невинным.

Абсурд. Иначе и не скажешь. Пожалуй, ещё никогда в жизни Себ не был так благодарен армейской выучке, как в эту секунду, потому что ему удалось воспринять эту чушь с каменным лицом. И даже заметить ровно:

— Вас неверно информировали, сэр.

Джим беззвучно засмеялся, плечи у него застрялись, голова дёрнулась. Себ понимал, что его провоцируют, и поэтому смог промолчать. Окей, если Джиму хочется так думать — не проблема. Он не станет хвастаться ни количеством женщин, ни количеством убийств на своём счету.

Прекратив смеяться, Джим снова стал серьёзным, к нему вернулась слабость. Чуть опустив веки, он прошептал:

— Ты не просто не испачкался. Ты даже не видишь грязи. Иди, Себастиан Майлс.

И, окончательно обессилив, Джим уронил голову на руки.

«Подъём», — скомандовал Себ, но остался сидеть. Джим выглядел больным и жалким. Откровенно говоря, он выглядел как человек, которому требуется помощь. Где-то в голове упорно стучали обрывки его несвязных рассказов, и та картина, в которую они складывались, вызывала ужас.

Вспомнился маленький чёрный мышонок, которому отрубили хвост — один посреди города равнодушных белых мышей. Все предположения, от которых Себ тогда отмахнулся, теперь получили подтверждение. Дерьмо.

— Сэр... — позвал Себ. Джим не шелохнулся. — Джим?

Оглядевшись, Себ поймал вопросительный взгляд официантки и покачал головой, говоря, что всё хорошо и помощь не требуется. Поднялся, подошёл к Джиму, наклонился и снова позвал по имени.

С большим трудом он приподнял голову, сфокусировал мутный взгляд и слабо сказал:

— Уходи. Ты ведь не сможешь помогать мне каждый раз?

Десятью минутами позже, сгружая Джима на переднее сиденье «Форда», Себ отметил что разнообразные ругательства закончились, даже шотландская матерщина Йена, и в голове стало совершенно пусто.

Джим молчал, видимо, слишком вымотанный приступом, чтобы что-то говорить. И это радовало. Кажется, он проспал всю дорогу и с трудом открыл глаза, только когда Себ запарковался возле дома тринадцать.

Лифт не работал.

Джим едва держался на ногах, и Себ тащил его почти что на спине, всерьёз подумывая о том, что было бы проще закинуть на плечо как мешок.

Возле двери Джим зашевелился и буркнул:

— Справа...

В правом кармане пиджака действительно нашёлся брелок, но без ключей, с пластиковой прямоугольной пластиной, на которой выступала на миллиметр чёрная кнопка. Себ нажал её, дверной замок щёлкнул. С облегчением Себ дотащил Джима до дивана и уложил. И вот, на этом — всё.

Закрыв дверь, он стянул с бывшего босса ботинки, снял пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки. Выдохнул. Расчистил немного места возле дивана. Нашёл на подлокотнике пульт и погасил свет. Сел на пол и закрыл глаза, вслушиваясь в знакомое неровное дыхание.

Завтра.

Завтра Джим придёт в себя, и в этой истории можно будет поставить точку. А пока оставалось радоваться, что не нужно рассказывать сказку.

Себ резко открыл глаза и с большим трудом сохранил неподвижность, хотя кулак уже сжался. Джим нависал над ним, пристально вглядываясь в его лицо. Он не вставал с дивана, просто приподнялся на локте, поэтому Себ и не проснулся раньше. Выдохнув и подождав, пока пульс придёт в норму, Себ сказал медленно:

— Однажды я действительно могу вас убить, сэр. Не надо меня специально пугать.

Джим улыбнулся — светло и совершенно не безумно.

— Я и не хотел, — произнёс он кротко. — Но ты не похож на себя, когда спишь. Мне

стало интересно.

С несколько деланным кряхтением Себ поднялся на ноги и потёр поясницу. Сон в такой позе — плохая идея в его почтенном возрасте. Сделав несколько наклонов, он спросил:

— Что значит: «я не похож на себя, когда сплю»? В этом вообще есть смысл?

— Конечно, — свесив с дивана босые ноги, Джим тут же зябко поджал пальцы, охнул: — Холодно!

— Не особо, — буркнул Себ. В конце концов, ему лучше знать. Он просидел на этом полу всю ночь.

— Знаешь, — сообщил Джим, всё-таки вставая, — обычно люди во сне выглядят очень глупо. А ты... — он хмыкнул, — производишь куда более грозное впечатление. Забавно, да? Не вздумай никуда уйти, — велел он и пошёлёпал, переступая через груды мусора, в сторону потайной двери, — в ближайшие полчаса.

Себ хотел было послать его к чёрту, но Джим уже скрылся за дверью. И Себ устроился на диване. Полчаса. Маленькая скидка. Совершенно бессильно Себ закрыл глаза. Чёртова дерьмовая ложь. Его вообще здесь быть не должно. Он всё взвесил и принял решение. И, на минутку, это решение подразумевало, что он посылает Джима самым дальним из известных маршрутов. Потому что Джим — это одна большая проблема. А он, Себ Майлс, не психотерапевт и тем более не психиатр, который тут явно требуется, он не может возиться с сумасшедшим нестабильным парнем, который сегодня слушает параллельно джаз и тяжёлый рок, а завтра взрывает отель. Более того, он не священник, чтобы наставлять Джима на путь истинный. И не сиделка. Он снайпер.

«Я снайпер», — повторил он, беззвучно шевеля губами.

Он получает задание, находит цель, стреляет и уходит. Вот что входит в список его компетенций. А не возня с Ганнибалом Лектером наших дней. Как-то внезапно в памяти всплыл кадр с Хопкинсом в наморднике, и воображение быстро нацепило такой же аксессуар на Джима. Себ зажмурился сильнее, и цветные пятна разрушили удивительно неприятную картину.

С утра Джим был другим. Вчера безумие ощущалось в каждом слове и в каждом взгляде. Себ уже научился его узнавать сходу. А сегодня — ни намёка. Но надолго ли это? Можно было ставить пенс против фунта, что отнюдь нет. Так какого чёрта он тут делает? Чего ждёт? Дела окончены. Джим дал слово оставить его и его близких в покое, и слово он, кажется, держит исправно. Конец истории.

Себ не шелохнулся, точно так же, как накануне в ресторане он и не думал двигаться с места, хотя даже в разговоре с самим собой признавал, что сделать это необходимо.

Ему было жалко Джима. Наверное, не развлекайся тот в промежутках между приступами многочисленными убийствами и торговлей наркотиками, эта жалость была бы сильнее, но...

Себ оборвал эту мысль именно там, где требовалось. Вернулся к ней. Покрутил так и эдак. И выбросил.

Потому что правда заключалась в том, что людей, страдающих от приступов каких-то там болезней, на свете очень много. А Джим — один. Себ, пожалуй, признавал у себя лёгкий комплекс диснеевской принцессы, но его никогда не тянуло безвозмездно и самоотверженно помогать всем страждущим без разбора. И в Джиме самым классным были его трезвые, здоровые периоды. Его задания были чёртовой наркотой, и Себ даже разобрать внятно не мог, почему.

Раздался тихий скрип, и Себ тут же открыл глаза. Джим вышел из потайной двери взъерошенный, с мокрыми волосами и в свежей одежде. Помахал рукой. Поднял вверх указательный палец, к чему-то прислушиваясь, кивнул — и велел:

— Детка, выйди к лифту на минутку.

Без вопросов Себ подчинился. На лестничной площадке стоял парнишка с большим бумажным пакетом и подставкой с двумя стаканчиками кофе. Сунув их Себу в руки, он тут же побежал прочь, а Себ вернулся в квартиру, слегка удивлённый.

— О, вот и завтрак, — Джим уже расположился на любимом диване, но с краю. И похлопал рядом с собой, приглашая Себа садиться.

В пакете были тёплые круассаны. Кофе оказался чёрным и крепким. Себ завтракал молча, почти наслаждаясь полной тишиной и пустотой в голове. Ладно, понятно, что Джим заказал эту еду, пока принимал душ. Но сама картина, как он довольно жуёт круассан с джемом, выглядела крайне неестественно. И чем осмыслить её — проще было очистить эфир.

— Прости, что задержал на ночь, детка, — сказал Джим, бросив на пол стаканчик и вытерев пальцы салфеткой.

Себ пожал плечами. Во-первых, у него ещё оставался один круассан в пакете, и он предпочёл бы заняться им, а во-вторых, он всё равно не знал, что отвечать.

— Я знаю, почему ты уходишь, Себастиан, — Джим встал, обошёл диван и присел на узкий подоконник. Себ повернулся, чтобы не упускать его из виду. — Ты думаешь, что я заставлю тебя страдать.

Он не формулировал это именно так, но в целом — да, пожалуй.

— Убивать кого-то, кто тебе небезразличен. Делать что-то неприятное, как тогда, с мисс Перси.

В точку.

Обернувшись, Джим встретился с Себом взглядом и сказал тихо:

— Но я не буду. Я не хочу отпускать тебя, Себастиан, ты мне нужен!

Себ опустил глаза. Голос Джима звучал странно высоко, неестественно, но в нём не слышалось безумия, только что-то вроде... страха?

Тяжело выдохнув, Джим продолжил тише:

— У меня больше нет корпорации, знаешь. Менеджеров. Я почти невидимка. Но мне так нужен мой снайпер.

Себ встал, отряхнул руки и провёл пальцами по волосам, почти царапая кожу головы ногтями. Обошёл диван, тоже сел на подоконник и проговорил осторожно:

— Сэр...

— Джим! — нервно выкрикнул он, шмыгнув носом и повторил: — Джим. Пожалуйста.

— Джим, — согласно кивнул Себ, — я устал от ваших безумных игрищ с моей головой. Вы не можете... — он ущипнул себя за переносицу, — мисс Перси была пределом. Понимаете?

Джим смотрел на него внимательно, но по-прежнему без злобы.

— Объясни мне, — прошептал он, — расскажи, как это было.

Можно было бы счесть это изошрённым издевательством. Но Себ ответил спокойно:

— Мы работали с вами полгода... Джим, — он не знал точно, зачем объясняет, но раз уж у них выдался мирный разговор, он считал нужным это сделать. — Я не провалил ни одного задания. И я не раз говорил вам о том, как сильно я не люблю ближний бой. И всё-

так вы вынудили меня стрелять, хотя в этом не было никакой необходимости. Вы заставили меня делать то, что я ненавижу, просто ради развлечения.

— Ты убил, — почти беззвучно сказал Джим, — тех двоих албанцев.

— Они убили бы нас с вами. Это была самооборона, — повысил голос Себ, — а мисс Перси вы заставили пристрелить для своего веселья. Чувствуете разницу?

Вдруг по глазам Джима он прочитал: не чувствует.

— Я разозлился, — медленно продолжил Себ, — это была подстава. Я не работаю с людьми, которые подставляют меня.

— Детка, я хотел знать, — нежно произнёс Джим, — всё ли ты сделаешь для меня, — и он опустил голову на грудь с видом полного раскаяния. Слабо шепнул: — Ты ведь тоже хочешь остаться, правда? Хочешь ударить меня?

Нет, уже нет.

— Мне сложно с обычными людьми, — признался Джим задумчиво, — ваши эмоции утомляют. И заводят. Когда мне было двенадцать, я, — он хмыкнул, — решил заработать немного карманных денег. Пошёл в театр.

— Вас взяли?

— Пф, — он рассмеялся, — конечно нет. Не актёром. Я был помощником осветителя, таскал лампы, монтировал софиты, намывал линзы.

Подняв голову, Джим снова смотрел Себу в глаза, но в этот раз выдерживать его взгляд было очень легко. Себ улыбнулся. Ему сложно было представить Джима ребёнком (а после вчерашних откровений — ещё и страшно, но об этом лучше было не думать).

— Мне так нравилось смотреть на них... Старая пьющая сука выходила на сцену и играла застенчивую девчонку. И если не присматриваться к гриму, то ей можно было поверить, так натурально она хихикала, болтала чепуху и смущалась. Я тогда тоже мечтал сыграть, — он повёл плечами, — Гамлета, принца Датского. Или Яго. Или Эрнста, например. А может, Хиггинса?

Себ вздохнул. Он достаточно устал, спал на полу в неудобной позе и почти сломал себе голову, пытаясь понять, что делать. Вспоминать происхождение явно литературных имён (ладно, конечно, Гамлета он знал, да и Яго точно был откуда-то из Шекспира) не хотелось.

— Да, детка, — Джим развеселился, — в другой вселенной из тебя вышла бы недурная Элиза (1).

Себ машинально кивнул. Джим засмеялся и замолчал. Нить разговора явно потерялась. И, почувствовав это, Джим вдруг сказал резко:

— Плюс двадцать пять процентов к твоей зарплате.

Себ смотрел на него очень долго. Наверное, целую минуту. А потом совсем невесело рассмеялся. Господи, всё, что ему было нужно, это билет из дурдома на волю.

— Нет, сэр, спасибо. И если это всё...

Он встал.

— Я знал, что ты так скажешь, — заметил Джим. — Просто хотел проверить... С тобой непросто, мой дорогой. И всё-таки мне есть, что тебе предложить.

Нужно было уйти.

В который раз за последние двенадцать часов он говорит себе об этом? Себ сбился со счёта.

— Что-то, что ты примешь.

«Кругом, шагом — марш нахрен отсюда!» — рявкнул Себ мысленно, но команда не

возымела никакого действия.

— Дэвида Блинча.

«Ублюдок», — подумал Себ, но не со злостью, а даже с каким-то восхищением. Не тонко, не изящно, но как же эффектно. Голову Блинча, виновного в смерти Эмили, он действительно хотел. Не думал об этом, но где-то глубоко внутри всегда держал мысль о том, что тот ещё жив и не присоединился к своим товарищам по теракту. Джим, наверное, берёт это предложение как козырь.

— Вы всё равно его однажды убьёте, — ответил Себ. — Пусть и не моими руками.

Внутри что-то как будто отпустило. Напряжение сошло на нет. Себ смотрел на Джима, сжавшегося на подоконнике, и не чувствовал ни страха, ни растерянности. Разве что сожаление. Потому что с Джимом и правда было интересно. Со всеми его странностями он был почти что инопланетянином, только зубастым и очень ядовитым.

— Был рад знакомству, сэр, — произнёс Себ твёрдо, но попроситься не успел. Джим вдруг выдохнул:

— Ещё кое-что... — на его лице снова появилась улыбка, совершенно непонятная. — Что-то, что я могу предложить тебе. Возможно, могу, — он посмотрел на Себа почти заискивающе. — Ты надёжный, Себастиан. Ты не предашь меня... — он нервно облизнул губы и неуверенно протянул руку.

Себ нахмурился. Ладонь чуть подрагивала. Джим не отводил взгляда.

— Ты можешь работать на меня или нет. Но я прошу тебя... — кажется, ему было тяжело говорить, но даже при всём желании Себ не мог ему помочь, потому что он вообще не понимал, какого хера происходит: — Быть моим другом, Себастиан.

— Вы ведь понимаете, что это так не работает, да?

— Нет. Почему нет? — Джим подмигнул ему.

Потому что ни о какой дружбе речь тут идти вообще не могла. Джим уже сказал и даже повторил: он хотел себе няньку и снайпера. Зачем ему друг? Он вообще понимает, что это значит? Уверенности у Себа не было.

Ладонь подрагивала на весу. Себ выдохнул.

Он мог послать к чёрту увеличенный оклад. Отказаться от мести. Но повернуться спиной к человеку, который протягивает руку и просит быть его другом, так отчаянно, так неуверенно — никак. И чёртов Джим отлично знал это.

Преодолевая какое-то внутреннее сопротивление и приминая шотландскую матершину, Себ пожал ладонь Джима. Она оказалась очень маленькой, почти женской, и совершенно сухой.

«Я об этом чертовски пожалею», — внятно подумал он и сказал:

— Я продолжу свою работу.

Джим довольно улыбнулся, а Себ добавил:

— Но моя угроза остаётся в силе. Как и ваше обещание...

— Не трогать твои игрушки, да-да, дорогой.

Кажется, сейчас Джим был готов согласиться на многое. Его рука всё ещё оставалась в руке Себа. И он достаточно успешно боролся с искушением сильнее сжать пальцы.

— И двадцать пять процентов к зарплате.

Джим расхохотался и разорвал рукопожатие. Откинулся назад, прислоняясь к стеклу. Смерил Себа внимательным взглядом.

— Пусть так. Но ты зовёшь меня Джимом. Мы ведь друзья?

Твою мать.

Себ чувствовал, что влип очень по-крупному, но почему-то ему тоже хотелось улыбаться.

— Чёрт с вами... Джим.

— Иди, дорогой, — мягко сказал он. — Отдохни. Скоро у тебя будет работа.

Примечание:

(1) Речь идёт об Элизе Дулитл, главной героине пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Упомянутый ранее Хиггинс — тоже оттуда. Говоря, что из Себа вышла бы недурная Элиза, Джим намекает, что мог бы, в других обстоятельствах, заняться им всерьёз и превратить из солдафона в образованного человека. Хотя, если бы Себ читал «Пигмалиона», он вполне мог бы ответить, что Джиму самому требуется помощь — например, чтобы избавиться от ужасного ирландского акцента. Но Себ не читал или основательно забыл прочитанное, так что просто хлопает глазами.

Себу нужна была Эмили. Отчаянно и прямо сейчас. Он, кажется, всего второй раз в жизни чувствовал себя настолько отвратительным отцом. Напрягал память, копался в бумагах. Не может быть, чтобы они с Эмили ни разу не обсуждали болезни Сьюзен. Должна же она была говорить ему о том, что дочь, например, простыла? И упоминать своего врача?

Но кажется, она этого не делала, а Себ не стремился задавать лишние вопросы. И теперь, когда у Сьюзен поднялась высокая температура и явно началась ангина, он понятия не имел, куда бежать и что делать. О том, чтобы тащить её в приёмный кабинет (1), не было и речи.

Не с температурой за тридцать восемь.

Мисс Кларенс, которая, наверное, могла бы знать, к какому частному врачу обращалась Эмили, как назло уже неделю была в отпуске за границей и не брала трубку. Миссис Кейл разводила руками и, немного посуетившись, дала парацетамол.

А Себ сходил с ума от осознания своей бесполезности. Он с утра замучил «Гугл» запросами, но так никому из врачей и не позвонил: просто не знал, как выбрать хорошего, а доверять Сьюзен абы кому не мог.

В конце концов, миссис Кейл кинулась к соседке Эмили — миссис Бейкер. Возможно, у неё был свой врач, которого она смогла бы посоветовать.

— Сьюзен, — позвал её Себ. Она посмотрела совершенно несчастными глазами. У Себа просто язык не повернулся спросить, какого доктора вызывала Эмили. — Почитать тебе?

Сью слегка оживилась и покивала головой: говорить ей было больно. Указала пальцем на книжку, лежащую на столе. Себ закатил глаза. Сьюзен состроила умильную жалобную мордочку.

— Может, сказку? Нет? «Робинзона Крузо»? «Остров сокровищ»? — Сьюзен заулыбалась, продолжая решительно мотать головой. Себ вздохнул: — Только потому что ты болеешь, ясно?

«Гарри Поттер и Тайная Комната» был заложен примерно на середине широкой полоской розовой бумаги, разрисованной блестящими маленькими шариками с крыльями.

— От звёздочек, — прохрипела Сьюзен слабо, и Себ принялся читать: — «Спустя часа два Гарри проснулся в кромешной тьме: руку словно начинили острыми черепками. Но разбудила его не только боль...»

К счастью, Себ давно выработал навык читать вслух, почти не задумываясь о смысле того, что он читает. Сьюзен то улыбалась, то морщила нос, то пыталась охать, но тут же хваталась за воспалённое горло. Тогда Себ подсовывал её горячий сладкий чай, который подливал из термоса.

Через пару глав, впрочем, Сьюзен начала зевать, а вскоре и вовсе заснула: вовремя, потому что малоосмысленная книга постепенно становилась вовсе бессмысленной.

Миссис Кейл вернулась от миссис Бейкер с сообщением, что их семейный врач как раз уехал в отпуск, а замещает его совершенно бестолковая девица. К миссис Харрис за советом решили не обращаться.

— Знаешь, — тихо сказала миссис Кейл, когда они вышли из комнаты Сьюзен, — я, пожалуй, позвоню своему доктору из Карлайла, спрошу совета. И через пару дней, как у неё

спадёт температура, свожу её на приём. Тут близко, не страшно, — покачал головой, миссис Кейл осторожно коснулась плеча Себа и сказала: — Не переживай так, Басти, это просто ангина.

— Почему у неё ангина? — совершенно беспомощно и, как ему самому показалось, с детской обидой спросил Себ.

Миссис Кейл развела руками и пошла вниз, позвав его:

— Пойдём, Басти, сделаю тебе чай. И от обеда ты, думаю, не откажешься, да?

После обеда (Сьюзен всё ещё спала) Себ заперся в гостевой спальне и позвонил маме. Она, вопреки его опасениям, ни смеяться, ни ругаться не стала, посоветовала, чем полоскать горло, и предложила не глупить и вызвать любого врача, который выпишет антибиотик. И заявила:

— У твоей дочери иммунитет как у вас с отцом, через неделю она будет ныть, что хочет в школу, а через две — забудет об этой болезни. Правда, до этого перевернёт дом вверх дном. Помнишь, как ты болел в детстве?

Себ засмеялся:

— Не напоминай.

Болел он редко, не слишком тяжело, и больше всего страдал от того, что его запирали в четырёх стенах.

— И Сьюзен такая же, я сидела с ней как-то, помнишь?

Если честно, он не помнил. Наверное, в это время он был не в Британии, и за это теперь было стыдно.

Стоило завершить разговор с мамой, как раздался дверной звонок.

В коридоре миссис Кейл, явно растерянная, стояла и не пускала в дом высокого седого индуса.

— А, мистер Майлс! — с едва уловимым, но приятным акцентом произнёс индус и улыбнулся.

Себ мягко отодвинул миссис Кейл и шепнул ей, чтобы поднялась и проверила Сьюзен. Миссис Кейл бросила на индуса неприязненный взгляд и ушла, а Себ спросил:

— Что вам нужно, сэр?

Индус снова улыбнулся, демонстрируя белоснежные ровные зубы — работу неплохого стоматолога.

— Посмотреть вашу дочку. У неё ведь ангина. О, не переживайте, мистер Мюррей не зря мне доверяет.

— Мистер Мюррей? — переспросил Себ, совершенно сбитый с толку. В общем и целом, всего один человек из числа его знакомых мог выкинуть такой номер и прислать своего врача без просьб и предупреждений. И с него стало бы называться мистером Мюрреем.

— Я доктор Дарелл, — индус протянул руку, — мистер Мюррей позвонил мне час назад и попросил приехать срочно.

Фамилия «Дарелл» показалась смутно знакомой, но где он её слышал, Себ вспомнить не сумел и сказал резко:

— Откровенно говоря, мистер Мюррей не удосужился предупредить меня о вашем приезде.

Индус заулыбался шире, потом слегка засмеялся:

— О, мистер Майлс, как давно вы на него работаете?

— Чуть меньше года, — неуверенно сказал Себ.

— А я — девятый год. И могу сказать вам, что он редко предупреждает о своих решениях.

Да, это звучало очень похоже на Джима. И потому улыбчивый доктор Дарелл покатится к чёрту. Все эти разговоры про дружбу — одно. А пустить кого-то из людей Джима к Сьюзен — совсем другое. Только через его труп.

— Простите, доктор, — сказал Себ твёрдо, — я благодарен вам за приезд и мистери... Мюррею за заботу, однако в вашей помощи не нуждаюсь.

Доктор вздохнул:

— Я понимаю вас, мистер Майлс. Мистер Мюррей умеет наводить жути, но сейчас он просто заботится о вас. А ещё это в некотором роде извинение, как я понял.

— Извинение?

— Это же вы ему оказывали помощь, когда он сбежал из-под моего наблюдения с простреленным плечом? Гениальный, но иногда совершенно безмозглый мальчик... И потом вы за ним присматривали, да? Он это ценит. Насколько может ценить что-то, лёжа сейчас с высокой температурой.

Про ранение Джима Себ почти забыл, а ведь оно было недавно, чуть больше недели назад.

— Всё-таки началось воспаление?

— Разумеется. Если кто-то, получив в плечо пулю, сбежит и порвёт свежие швы, а потом не скажет об этом своему доктору в течение недели, разумеется начнётся воспаление, — Дарелл говорил о Джиме странно, как о любимом племяннике: строго, с лёгким ворчанием в голосе, но, в то же время, очень тепло. — Вы возились с ним, мистер Майлс, — продолжил Дарелл, — оказали ему врачебную помощь. А теперь, когда вам это нужно, он оказывает врачебную помощь вам. Как может, то есть моими руками. Сам он, поверьте, не способен даже бинт наложить.

— Только не говорите, что он боится крови, не поверю, — пробормотал Себ. Дарелл хмыкнул:

— Что вы. Кровь его волнует и возбуждает.

Выдохнув, Себ посторонился и сказал:

— Я не оставлю вас со Сьюзен и на минуту, доктор Дарелл. А когда мистер Мюррей поправится...

— Вы скажете ему всё, что думаете, — улыбнулся доктор. — Где у вас тут можно помыть руки?

Себ не отказался бы уличить доктора в некомпетентности и вышвырнуть за дверь, но так и не смог найти повода. Сьюзен от доктора была в восторге, его рекомендации, начавшиеся со слов: «Никакого горячего чая!», — мамина подруга назвала очень грамотными, а миссис Кейл осторожно попросила его номер, чтобы обратиться в случае осложнений.

Приходилось признать, что помощь Джима, пусть и совершенно неуместная, оказалась очень качественной.

Оставался только один вопрос: на кой чёрт он на самом деле решил её оказать, если отбросить безумную версию Дарелла? Хотя нет, ещё второй: какого чёрта творится с самим Себом, раз он решился эту помощь принять?

Сьюзен шла на поправку и действительно, как предсказывала мама, начинала понемногу беситься от скуки. Причём делала она это строго в духе Себа, то есть нарочно игнорировала домашние правила и испытывала терпение взрослых на прочность. Миссис Кейл то ругалась и раздавала наказания, то хваталась за сердце. Себ, который на время её болезни перебрался к ним жить, гордился своей выдержкой ровно до того момента, пока Сьюзен не закатила ему лично истерику по поводу того, что не желает ложиться спать, а её, бедную и больную, все заставляют. После этого выдержка пошла трещинами и развалилась, Себ, чуть повысив голос, объявил, что компьютер отправляется под арест на три дня. Потом подумал, что наказание неэффективное и приведёт только к большим проблемам, потому что Сьюзен лишится ещё и одного средства времяпрепровождения, и добавил, категорически пресекая попытки зануть:

— И с завтрашнего дня начинаешь делать уроки. Все. Позвонишь Эмме, Эльзе или Крису и выяснишь.

Рыдать над несправедливостью мира Себ оставил дочь в одиночестве, чувствуя себя при этом искренне виноватым. Сам же понимает, что ей тяжело и скучно, что хочется погулять и встретиться с друзьями, но самочувствие пока не позволяет. Так чего злиться? Она ведь не виновата. Но потом одёрнул себя. В жизни не всегда получаешь то, что хочешь, и закатывать безобразные истерики из-за этого, увы, нельзя.

На следующий день после этой ссоры, надо сказать, Сьюзен сама пришла просить прощения и обниматься. Себ тоже извинился, но только за резкий тон, и наказания не отменил — к счастью, этого Сьюзен и не ждала. Она ушла делать уроки, а Себ расположился в гостиной перед телевизором, когда раздался дверной звонок.

Миссис Кейл ушла по магазинам всего полчаса назад, взяв ключи, а больше Себ никого не ждал, поэтому дверь открывал несколько настороженно. На пороге обнаружился не попрошайка и даже не сменившая гнев на милость миссис Харрис, чего можно было бы ожидать, а доктор Дарелл.

— Я без предупреждения, мистер Майлс, — широко улыбнулся он, — но мне сказали, вы дома.

Чуть поколебавшись, Себ молча посторонился. Доктор снял светлый плащ, повесил на крючок глупую кепи, тщательно вытер ноги о коврик и спросил:

— Можно я войду?

Вместо ответа Себ кивнул в сторону гостиной.

Доктор вёл себя отлично. Вошёл в комнату, сел на край дивана, не проявляя неуместного любопытства, сложил руки на коленях, как старый школьник. Себ выключил телевизор, вернулся в кресло и наконец спросил:

— Зачем вы пришли?

«Мне сказали, что вы дома». Себ готов был с одного раза угадать источник информации. Джим, которого всё-таки уложили на больничную койку, развлекается лёгким шпионажем от скуки. Но даже если так, это не объясняло, что доктор забыл у него дома.

Дарелл смотрел на Себа мягко, внимательно и с искренней доброжелательностью во взгляде. Себу от этого становилось неудобно, потому что отвечать он мог только подозрительным прищуром.

— Да, я понимаю, — наконец, сказал Дарелл, — мой визит вышел неожиданным. Простите, мистер Майлс, но мистер Мюррей не дал мне вашего номера, иначе я бы позвонил.

— Доктор Дарелл, — проговорил Себ достаточно официальным тоном, — зачем вы пришли? Если к Сьюзен...

— Ох, я уверен, милая леди чувствует себя превосходно и как следует уже вытрепала вам нервы, — он улыбнулся, — впрочем, конечно, я собирался осмотреть её, раз уж оказался здесь. Но, откровенно говоря, мне нужно было с вами побеседовать.

— О чём?

Улыбка Дарелла стала ещё шире, хотя, казалось бы, куда уж.

— О мистере Мюррее, конечно. Правда, я не удивлюсь, если окажется, что вы знаете его под совсем другим именем. Он любит менять имена.

Себ скрипнул зубами.

Сначала подумалось, что это проверка от Джима: захочет ли Себ поговорить с посторонним человеком о его делах. Потом — что это настоящее искушение, обменяться хотя бы парой фраз с человеком, который тоже знает, как Джим умеет выворачивать мозги и душу наизнанку. Зачесалась переносица, но Себ не шевельнул и пальцем, продолжая разглядывать доктора.

— Мне не о чем говорить, доктор Дарелл. Я не обсуждаю дела мистера Мюррея. Не надеюсь, что ему лучше.

Видит бог, этот ответ дался не так просто, как хотелось бы. Верность и умение молчать были, на взгляд Себа, обязательными качествами в его деле. Но как же отчаянно вертелся на языке вопрос: «Как вы умудрились проработать с ним девять лет и не съехать с катушек?»

Доктор покачал головой:

— Кажется, я понимаю, почему он так вами дорожит. Не бойтесь, мистер Майлс, я не буду выведывать его тайны, поверьте, мне их хватает. Всё, что мне нужно знать, это о чём он говорил во время последнего приступа.

О, да. Пересказать безумную сказку про чёрного мышонка в белом городе и попросить в следующий раз следить за гениально-безумным пациентом внимательнее — Себу хотелось это сделать до ломоты в затылке. Но он не мог.

Дерьмо.

— Доктор, — Себ встал, — скоро вернётся моя тёща, она наверняка замучает вас вопросами о своих суставах. Думаю, вам стоит осмотреть Сьюзен и...

Себу показалось, что доктор не расстроился и не обиделся.

— Я понял ваш тонкий намёк, мистер Майлс, — он подмигнул, — тогда, пожалуй, и правда загляну к юной леди и поеду обратно. Как бы там без меня мистер Мюррей не устроил взрыв. Знаете, нет ничего хуже больных, которые идут на поправку. Ох уж эта кипучая энергия...

Себ против воли хмыкнул — это описание очень походило на Сьюзен.

Больше доктор, к счастью, не появлялся.

Примечание:

(1)

линия справка о британской медицине. Она для нас очень непривычная. Если вы заболели, то у вас есть два варианта. Первый: вы идёте на прием к врачу общей практики GR (General Practitioner), сидите в общей очереди с детьми, беременными женщинами, пенсионерами и т.д. GR вас осматривает, выписывает парацетамол, аскорбинку и отправляет долечиваться дома (с большой вероятностью, при переломе тоже выпишут парацетамол,

поскольку британские врачи уверены в его волшебной силе). Если температура/защемление в позвоночнике/головная боль/ангина после пяти дней приема волшебного средства не прошли, вы снова идёте к GR, и он выписывает направление к специалисту. Вы ждёте неделю-две-три и попадаете к вожделенному хирургу или лору.

Если болит уж очень сильно, например, у вас сломана рука или проломлен череп, можете обратиться сразу в пункт скорой помощи A&E (accident&emergency). Там вы тоже посидите в общей очереди пару часов, но если медсестра сочтёт ваш случай тяжёлым, то лечение вы получите быстро. Возможно, в стационаре. Гарантировано с применением новейшего качественного оборудования и на высоком уровне. Если не сочтёт, отправит домой и к GR.

Настоящая скорая помощь выезжает только тогда, когда есть угроза жизни (если вдруг вы вызвали скорую в ситуации, когда и сами могли бы дойти до пункта A&E, то вам выпишут штраф). Зато в действительно тяжёлом случае за вами даже вертолёт могут послать, положат в больницу и сделают все необходимые операции, причём за государственный счёт. А, да, по рецептам, которые вам выписал GR, вы получаете лекарства бесплатно. Платите только фиксированную сумму (а для льготников этой платы нет вовсе) в 7,62 фунта за обработку рецепта, и в аптеке вам выдают все лекарства, не важно, какова их настоящая рыночная стоимость.

И подчеркну: кроме скорой, никакие врачи из государственных клиник никогда не приходят к пациентам на дом.

Второй вариант: платная медицина. Дорогая и не факт, что качественная. Клиник очень много, угадать, где попадётся нормальный врач, достаточно сложно. Чаще всего у каждого человека с нормальной зарплатой в итоге появляется один платный GR, который ведёт его и всю семью, знает истории болезни, выписывает направление к проверенным и хорошим специалистам (к специалисту без направления от GR вы не попадёте даже за деньги). И частный GR уже приходит домой, смотрит горло, слушает дыхание и так далее, по знакомой нам всем схеме.

Вот только у Себа как у военного была особая страховка. Ему о качественной медицине даже думать было не нужно (а учитывая его железное здоровье, он у врачей бывал раз пять в жизни, я думаю. И с ранением как-то месяц провалялся в больнице). Пока они с Эмили были женаты, она и Сьюзен тоже пользовались специальными клиниками по этой военной страховке. После развода Эмили наверняка нашла хорошего врача, который вёл Сьюзен. Но Себ не знает, где его искать, а вызывать непонятно кого — откровенно страшно. Можно нарваться на мошенников. С развитием интернета стало проще — обо всех есть отзывы. Но в 2009 году всё ещё было не так радужно, как в 2021-ом.

Джим пропал. Вернее, он присылал задания, но только в смс и по почте, но не звонил и не появлялся сам. Да и задания были из разряда рутины: лежать с винтовкой и лазерным прицелом и смотреть издалека на переговоры незнакомых людей. И только в один раз из трёх Себу пришлось использовать лазер.

Он не скучал по Джиму — отнюдь нет. Ему была отчаянно нужна передышка, и он испытывал облегчение всякий раз, когда отвечал на вызовы от кого-то кроме «скрытого номера». Иногда паранойя давала о себе знать, и он начинал озираться по сторонам, не то надеясь, не то опасаясь увидеть в толпе знакомую фигуру. И дважды за последние полтора месяца он просыпался среди ночи — рывком, с колотящимся сердцем. Но оба раза тревога была ложной: Джим (раненый или здоровый) не выглядывал из теней.

Лето выдалось жарким. К концу июня зной разогнал из города всех, кто мог позволить себе уехать. Даже поток туристов схлынул. Себ, которому тридцатиградусная жара была нипочём, много гулял. Иногда выводил в парки или к воде Сьюзен, но чаще бродил в одиночестве, ни о чём особо не думая или прокручивая в голове бытовые вопросы: списки покупок, планы на «Диснейленд», который он неосторожно пообещал Сьюзен, детали последнего задания.

Его преследовало странное чувство: время как будто остановилось. И как бы ни хотел он придумать другое объяснение, по всему выходило, что остановилось оно с исчезновением Джима. Не то, чтобы Себ был от этого в восторге — но ничего поделать не мог. Потому что при мысли о том, как можно разнообразить дни, в голову лезли только какие-то самоубийственные авантюры. И их он отбрасывал решительно. Себ Майлс никогда не был адреналиновым наркоманом. И не станет им. Так что оставалось только увеличивать нагрузки на тренировках, чаще ездить на стрельбище, уделять внимание Сьюзен и проводить больше времени с Джоан — когда у неё была такая возможность.

В лёгком оцепенении он даже не заметил, как наступило пятнадцатое июля — и сильно удивился, проснувшись в шесть утра от телефонного звонка.

— Папочка, прости, что разбудила! — тут же протараторила Сьюзен. Себ протёр глаза. — Но я хотела быть первой! С днём рождения!

Взглянув на экран телефона, Себ нашёл дату и мысленно выругался. Такого с ним даже в армии не случалось.

— Спасибо, дорогая, — ответил он чуть хрипло спросонья и улыбнулся, слушая пожелания от дочери.

— Пап, мы с бабушкой подготовили подарок!

— И я обязательно приеду, чтобы ты могла мне его вручить, — пообещал он.

Вообще-то он любил свой день рождения. Меньше, чем, скажем, Рождество, но точно не относил себя к людям, которые с презрением сообщают, что они ненавидят этот праздник и никогда его не отмечают. Даже тогда, когда пятнадцатого июля он большую часть дня пролежал в укрытии в двадцати километрах от иракской деревни, вернувшись в лагерь, он нашёл в себе силы вечером собрать народ и выпить. А в этом году — забыл.

Следом за Сьюзен позвонила мама, и сразу после неё — Грег. Судя по голосу, он куда-то быстро шёл. Вот так: сидячая работа, курение, и пожалуйста — одышка к тридцати шести.

— Здорово, старик, — сказал он, отдуваясь, — что, вечером занят? Давай встретимся в пабе с ребятами? Все хотят тебя поздравить.

— И завтра доблестный Скотланд-Ярд опустеет, потому что лучшие полицейские слягут с похмельем? — хмыкнул Себ, но, конечно, не стал отказываться.

Было приятно, что Грег вспомнил, да ещё и предложил отметить.

— Если что... — чуть замявшись, прибавил Грег, — Джоан мы уже позвали. Они с Полом поспорили, что ты точно забудешь и ничего не станешь устраивать.

Себ рассмеялся и уточнял:

— И кто выиграл?

Учитывая его состояние в последнее время, Джоан вполне могла предположить, что он забыл обо всём на свете, включая свой же день рождения.

— Пол. Джоан была уверена, что ты ни о чём не забываешь.

— Я возьму ей проигрыш, — серьёзно пообещал Себ. — Лестно, когда в тебя верит такая женщина!

Он сам встретил Джоан на вокзале. И, последовав её предусмотрительному совету, поставил машину на стоянке, чтобы не изображать из себя трезвенника весь вечер.

Джоан выглядела встрёпанной, но довольной. Они наконец-то нашли чувака, который месяц назад обнёс крупнейший в Плимуте ювелирный магазин, и при нём осталась большая часть украшений.

— И тебя отпустили в разгар отчётности?

Джоан подмигнула и шёпотом сказала:

— Конечно нет. Я сбежала, — и зафыркала. Правду сказала или нет — было совершенно непонятно, но Себ приобнял её за плечи и подумал, что, кажется, не очень хочет в паб. Появились другие идеи.

— Даже не думай, — точно угадала ход его мыслей Джоан. — Мне надо отдать Полу двадцатку. И нам всем — спеть тебе хором песенку.

— Упаси меня господь от пения Пола с Грегом, — пробормотал Себ.

Но оказалось, что молиться надо было о другом.

Их с Джоан уже ждали, причём почти в полном составе — не хватало только Энди (и Пол многозначительно намекнул, что она не пришла по состоянию здоровья. Но он пока не готов рассказывать подробнее — сами понимаете...). Отлично всё понимая, они кинулись его поздравлять, причём громче всех радовались Грег и Крис. Здоровяк-Тодд всё ещё не до конца освоился в их компании, но тоже пробормотал поздравления, а Пол, заняв любимое место в углу, быстро перевёл стрелки:

— Эй, у нас тут именинник!

В общем, «С днём рождения тебя» ему всё-таки спели.

Кажется, это был один из лучших дней рождения Себа. Под пиво и острые куриные крылышки барбекю они болтали о буднях работы столичной и плимутской полиции. Джоан хвасталась своим вором, Грег рассказывал о страшном деле — десятилетняя девочка зарезала свою тётю-опекуншу. Там, конечно, всё было максимально понятно, но начальство всё равно требовало провести тщательное расследование.

— Мы все были бы рады найти какого-нибудь козла, — добавил Грег, — который её подговорил на это. Стало бы легче.

— Хорош, — произнёс Пол, — всё, закончили восхитительные истории. Давайте, кому есть что сказать без трупов?

Все рассмеялись, заказали ещё пива, а когда выпили, Крис негромко сказал:

— Я точно решил, ребята.

Все затихли. Пол выругался.

— Может, ко мне пойдёшь? — робко спросила Джоан. — У нас поспокойнее, ребята хорошие.

— Не-не-не, — покачал Крис головой, — у меня пенсия, домик, собака. Устал я, ребята.

Себ не работал с Крисом ни дня, но он отлично понимал, что чувствовали остальные. Когда кто-то уходит из команды, это всегда потеря. Вроде умом понимаешь, что он жив, здоров и просто занят чем-то другим, но кажется, что умер. Оборачиваешься, зовёшь по привычке — и осекаешься на полуслове, потому что теперь на его месте какой-то новый парень. Потом он тоже станет своим, но сначала — больно.

— Через полгода забудете, как меня звали, — улыбнулся Крис.

— Сам знаешь, что нет, — серьёзно сказал Грег, и тут же, тряхнув головой, заметил: — Эй, у нас праздник. Хватит траур разводить. Ты, Крис... учти, тебя пока никто не отпускал, — он почесал подбородок, выпил ещё пива и посмотрел на Себа как-то слишком пристально.

Себ напрягся. Было очевидно, что друг решил во что бы то ни стало взбодрить своих приунывших коллег, да и Себа заодно. И по прошлому опыту можно было предположить, что в средствах он стесняться не будет. Что-то для себя решив, Грег спросил:

— Скажи, Джоан, а Себ рассказывал тебе, как проспорил нам с парнями торт?

О, нет...

— Не вздумай, — угрожающе произнёс Себ.

— Торт? — приподняла брови Джоан. — Ни словом не упоминал.

— А как его звала вся группа ещё недели три?

— Грег... — Себ кашлянул, — напоминаю, что я на протяжении одиннадцати лет бывал в горячих точках. Ну, знаешь, нестабильная психика, нервные срывы. Я могу случайно заехать тебе по лицу кулаком.

— Я напомню, — Грег широко улыбнулся, — что нападение на офицера полиции — это уголовное преступление.

— Кроме того, — заметила Джоан, — чтобы врезать Грегу, тебе придётся вырваться из моего захвата, Басти. Давай историю про торт, Грег. Я его подержу.

И действительно, встала, зашла за спинку стула и обняла Себа за шею — нежно, но очень крепко.

— Жги, Грег, — велел Пол, разваливаясь на диване, — у меня ещё есть поп-корн, — и подхватил одно из последних остывших крылышек, которые ни в кого больше не влезли.

— Давай, — выдохнул Себ, — я ведь не чувствую никакой неловкости. Не стесняйся.

Конечно, у каждого есть истории о том, как он что-то учудил по пьяни. Но, вспоминая свою, Себ до сих пор чувствовал, как его окатывает волной стыда. Чёрт, это был тот случай, когда надо было убивать свидетелей. Интересно (эта мысль мелькнула внезапно и обожгла, заставив на пару мгновений забыть о рассказе Грега), есть ли подобная история у Джима? И остались ли свидетели, способные её поведать?

— Это был, кажется, третий модуль полицейских курсов. Мы отмечали его закрытие и слегка перепили.

— Ужрались как свиньи, — мрачно заметил Себ. Джоан поцеловала его в висок.

— Именно так, — педантично кивнул Грег, — и поспорили о самостоятельной жизни.

Себ, кажется, заявил, что в готовке не может быть ничего сложного, если следовать рецепту. Так?

Да кто ж его знает? Себ очень смутно помнил, как всё началось. И совершенно не мог сказать, чем всё закончилось.

— В общем, было решено, что раз Себ самый умный, то должен это доказать. Мы поспорили, что он испечёт торт. Кремовый, — Грег неприлично хрюкнул, — с розочками.

Совершенно бессильно Себ закрыл лицо ладонью.

— Разумеется, печь его он должен был при всех. На продукты скинулись. Рецепт притащил... кто? Гарри?

— А не Дерек?

— Не важно. Но рецепт нашли. Мы устроились в партере — ясное дело, с выпивкой. А Себ объявил, что никто не готовит на пьяную голову, и потягивал чай.

Крис, Тодд и Пол откровенно веселились. Грег наслаждался ролью рассказчика, Джоан фыркала Себу на ухо. И только Себ всерьёз подумывал о том, как бы провалиться под землю — даже при том, что понимал: это и правда смешно.

— Всё шло великолепно, пока дело не дошло до украшения. Представьте себе: великолепный торт. Остывающий розовый крем. И восемь голодных и пьяных студентов.

— Это была диверсия, — заметил Себ.

— Это было милосердие, — Грег кивнул, обращаясь к Джоан, — пока крем остывал, мы над ним сжалились и налили выпить. Кто ж знал...

Налили ему от души: пива с водкой. На голодный желудок алкоголь подействовал сразу же, и Себ — это он ещё помнил, — решил, что должен создать совершенную кремовую розочку.

— Мы оттаскивали его от нашего обеда все вместе, — добавил Грег. — Но он дрался как чёрт и кричал, что розочка ещё не достаточно прекрасна. Помял такой торт! Но... — Грег вздохнул, — мы засчитали ему победу. Это был великолепный торт. И на нём было очень много... розочек.

Джоан расхохоталась и спросила:

— И звали тебя ещё пару недель... Розочкой?

— Курсантом Розочкой, — вздохнул Себ.

Теперь уже ржали все, и даже сам Себ. Тогда он ещё думал пойти в полицию и содрогался от перспективы остаться Курсантом Розочкой навечно.

За такое нужно было ещё выпить. Себ обернулся — и замер.

Весёлость как рукой сняло. За барной стойкой сидел Джим со стаканом сока в руках. Он не смотрел на Себа и вообще, кажется, всё внимание уделял своей спутнице — фигуристой и слишком броско одетой блондинке. Но Себ не сомневался — Джим отлично его видел. Он выглядел очень непривычно. И дело было не в одежде — к тому, как Джим меняет костюмы на растянутые футболки, Себ уже привык. Но вот выражение его лица — такого он ещё не видел. Джим был полностью увлечён своей блондинкой, слушал её, рассматривал почти с нежностью. Иди речь о ком-то другом — Себ сказал бы, что парень если не влюблён, то уж точно мечтает о продолжении вечера. Но это был чёртов Джим. В этом чёртовом пабе. Именно сегодня. В такие случайности Себ отказывался верить.

Просто сидеть за столом с друзьями Себ не мог. Он извинился и вышел в туалет, по дороге бросив ещё один взгляд на Джима. Тот даже не повернул голову, полностью поглощённый речью своей блондинки. На его губах — теперь Себ смог разглядеть — играла

очень нежная улыбка. Свободной рукой он слегка поглаживал запястье девушки.

В туалете Себ пустил холодную воду и опёрся руками на умывальник. Его потряхивало. Хотелось бы сказать, что это пиво действует, но нет — выпил он явно недостаточно, чтобы почувствовать хоть какой-то эффект. В зеркале он увидел, как открылась дверь — и тут же встретился взглядом с Джимом. Тот подошёл, встал возле соседней раковины и улыбнулся, глядя в отражение.

— Ох, детка, какая милая сцена ревности.

— Никакой ревности, сэр... Джим.

Босс покачал головой и спросил:

— Хочешь, убьёшь её сегодня? Я думал об автокатастрофе, но у тебя ведь день рождения...

Против воли Себ хмыкнул и уточнил:

— Это приказ или предложение?

— Предложение.

— Тогда откажусь. Я сегодня, знаете ли, слегка выпил. Нет! — он быстро мотнул головой, — пожалуйста, не говорите, сколько и чего.

Джим, похоже, именно это и собирался сказать, но покладисто пожал плечами.

— Ладно. Веселись, мой дорогой. Подарок ждёт тебя дома.

Джим вышел, а Себ умылся ледяной водой, встряхнулся и выругался. Он собирался поехать домой вместе с Джоан. Но учитывая, что там ждёт подарок Джима, это очень дерьмовая идея.

Когда он вернулся к столу, ребята уже снова говорили о работе — вернее, жарко спорили о каком-то деле, но тут же прервались. Себ положил руку на плечо Джоан и сказал:

— Вы меня можете убить.

Поморщились все, но с искренним сочувствием. Грег спросил:

— Работа?

— Только что вызвали. Я ненадолго, думаю, пара часов. Джоан...

У него был только один комплект ключей, и он требовался, чтобы попасть домой и убедиться, что подарок Джима не взрывается и не гарантирует тюремный срок. Но если бы он ехал на задание, то в первую очередь оставил бы ключи Джоан — вдруг задержится?

— Надо переодеться? — предположила она, тут же выручив его из затруднительного положения. — Не парься, мы с ребятами ещё часа два точно просидим, потом пока Салли отвезём, пока Криса...

— Если что, — тут же сказал Пол, — переночуешь у нас, Энди будет рада с тобой увидеться.

— Вы лучшие. Я позвоню тебе, — пробормотал Себ, поцеловал Джоан, схватил куртку и поспешил уйти.

Дома было темно, тихо и спокойно. Как всегда. Постепенно зажёг во всех комнатах свет. Ничего. Разве что...

Это была буквально одна мелкая деталь. Если бы что-то передвинули на кухне или в ванной, Себ, наверное, не заметил бы этого. Но в комнате, где стоял сейф, он знал расположение каждого клочка бумаги. И точно помнил, что стул был у окна, а не рядом с сейфом.

На всякий случай Себ приложил ухо к дверце, пожалев, что у него нет стетоскопа, но ничего не услышал. Очень медленно, прислушиваясь к скрипу механизма, отпер замок. И почувствовал, как на лице появляется дурацкая улыбка.

Рядом со старой «М-24» лежал точно такой же новенький чехол. Открыв его, Себ нашёл винтовку — полностью идентичную его собственной, только новую, съёмный прицел «Марк-4» и прибор ночного видения. Под коробкой с прицелом лежала обычная открытка с фотографией Тауэра и подписью: «Играй с удовольствием ххх». Себ покрутил открытку так и эдак и отложил (почерк подтверждал наблюдение, что Джим — левша).

В кармашке чехла обнаружилась лицензия. И даже после сорока минут внимательной сверки Себ не смог найти отличий от его собственной лицензии на оружие. Она была не просто хорошо сделанной, а настоящей.

Убрав винтовку в сейф, Себ набрал по памяти номер и не удивился, что Джим ответил сразу.

— Понравилось? — нежно спросил он.

— Да, — честно сказал Себ, — очень. Спасибо, Джим.

— Всё начнётся очень скоро, — непонятно пообещал Джим. — Я не могу дождаться... — и отключился.

Уже позднее, лёжа в постели рядом с Джоан, Себ снова прокручивал события вечера. Сначала отличный вечер в компании полицейских, потом неожиданный подарок и наконец, достаточно угрожающее обещание о начале чего-то.

— Басти?

Себ с некоторым трудом сфокусировал взгляд на Джоан. Она тоже и не думала засыпать, а теперь приподнялась на локте и выглядела задумчивой. Между бровей пролегла складка.

— Что?

— У тебя ведь нет второго телефона?

— Нет, — он тоже наморщил лоб, — а что?

Джоан прикусила нижнюю губу.

— Ты носишь телефон в кармане куртки. Всегда. И сегодня, когда ты пошёл в туалет, твой телефон остался у тебя в куртке. Я... — она смотрела как будто не на самого Себа, а сквозь него, — видела, как ты проверял его, когда одевался в пабе.

Себ не понимал, о чём речь.

— И? — переспросил он.

— Как тебя вызвали на работу?

— Я не... — и тут до него дошло, о чём она, — а, я понял. Ты можешь громко смеяться, но я встретил одного из своих начальников в туалете. Он попросил подъехать к шефу, — Себ улыбнулся, — там был личный вопрос с сигнализацией, не совсем дело фирмы, но сама понимаешь, от таких просьб не отказываются.

Ложь сорвалась с языка легко и естественно. Морщинка между бровей Джоан слегка разгладилась, но не исчезла. И Себ спросил, хотя ему не хотелось поднимать эту тему:

— Что-то не так?

— Нет, — она окончательно расслабилась и улыбнулась, — я, похоже, немного переработала, — потянулась к его губам. Себ с удовольствием ответил на поцелуй.

Они со Сьюзен сидели в зале ожидания в Хитроу и играли в «Висельника», ожидая посадки на самолёт до Парижа. С работой и выкрутасами Джима на Сьюзен у Себа оставалось не так уж много времени и сил, и провести несколько дней только с ней будет круто. Во всяком случае, он так считал до тех пор, пока она не загадала ему какую-то совершенную околесицу и не начала угрожать повешением.

— Уже одна рука! — довольно сообщила Сью, действительно подрисовывая конечность его человечку.

— Да я заметил, — буркнул он, но, конечно, недовольство было притворным. — Когда это мы перешли на новый уровень сложности?

Сьюзен засмеялась и радостно сцепила пальцы в замок. Похоже, ей не терпелось дать ему подсказку, но, в то же время, хотелось победить.

— Ладно, «t». Там точно должна быть «t», — объявил он. Сьюзен скривилась и вписала букву. — Может, «h»?

— Нет! — человек обзавёлся второй рукой. Себ критическим взглядом окинул имеющиеся буквы, тяжело вздохнул и признался:

— У меня ничего не складывается.

— Ну, подумай ещё! Пожа-а-алуйста! — Сьюзен сложила руки в молитвенном жесте и состроила настолько жалобные глазки, что Себ был вынужден подчиниться. Ценой одного промаха он добавил в слово букву «s» — и рассмеялся в голос.

— Смартфон?

— Точно!

Вздохнув, Себ отобрал у дочери ручку и над недоразгаданным ребусом написал слово правильно. Обвёл ошибку и легонько щёлкнул Сьюзен по лбу. Она надулась.

— Стирай моего человечка. Писать с ошибками нельзя.

— Так нечестно! Я просто забыла, — для вида возмутилась она, но послушно стёрла свою жертву, отложила блокнот в сторону и пристроилась у Себа под рукой. Он провёл пальцами по её волосам и признался:

— Я до сих пор иногда ляпаю ошибки. Пожалуйста, не подражай мне в этом, учи правила как следует.

— Ладно, — серьёзно сказала Сьюзен и ещё теснее прижалась к нему. И быстро переключилась на предстоящую поездку.

Как-то неожиданно выяснилось, что в Париже Сьюзен интересен не только парк аттракционов, как думал Себ. Оказалось, что ей обязательно нужно посмотреть на дворец короля из «Трёх мушкетёров» и забраться на Эйфелеву башню (потому что про неё рассказывали в школе близнецы Эльза и Крис). Ещё вспомнился Нотр-Дам-де-Пари из мультфильма, про который была ещё и какая-то книга, которую Сьюзен прихватила с собой в поездку. В общем, программа должна была выйти насыщенной.

Себ не возражал. Пока помимо билетов в один конец он оплатил только отель недалеко от Дисней Вилладж на две ночи и аренду машины на десять дней, так что они могли менять маршрут поездки так, как им вздумается. До конца каникул Сьюзен оставалось почти две недели, а самого Себа Джим отпустил с расплывчатой формулировкой: «Ты узнаешь, когда понадобишься мне в Лондоне».

Перед посадкой в самолёт Себ принялся отвлекать Сьюзен всеми доступными способами. Лучше всего сработала жалоба на то, что он совершенно не помнит, что там происходило с мушкетёрами — Сьюзен принялась пересказывать ему книжку с присущими ей аккуратностью и вниманием к деталям.

О том, что лететь на самолёте не страшно, они говорили не раз. И накануне вечером Себ снова повторил, что ничего не случится, и Сьюзен даже заразилась лёгким предвкушением, особенно когда он пообещал ей показать изнанку облаков.

Но всё-таки Себ переживал из-за её реакции. Кажется, напрасно.

Конечно, можно было поехать на поезде или на машине через тоннель — собственно, миссис Кейл настаивала именно на этом варианте, — но Себ был уверен, что чем раньше Сьюзен сядет в самолёт и убедится, что ничего опасного в нём нет, тем лучше. Пусть, если нужно, она поплачет сейчас, когда он рядом и сможет её утешить, чем в двадцать лет отказывается от студенческих поездок и путешествий с друзьями, потому что боится летать.

Плакать Сью не собиралась, но свой пересказ забросила на полпути и принялась оглядываться. Потом с замороженным лицом слушала стюардессу, которая объясняла правила безопасности и показывала, как надевать кислородную маску. И, наконец, прилипла к окну и только изредка отвлекалась от него, чтобы спросить, как работает самолёт или уточнить, что это они пролетают.

Себ в окне ничего интересного не находил, так что позволил мыслям течь лениво и несвязно. То и дело в голове всплывали лица, обрывки разговоров, мелкие бытовые сценки. Последняя встреча с Джоан — до того, как её поглотило очередное расследование, — была чудесной. Последнее задание от Джима было странным. Провожая Криса на пенсию, они с ребятами из Ярда напились так, что на следующей утро Себ вспомнил истинную сущность похмелья.

Прокручивая в голове эти пустые, но приятные воспоминания, Себ следил за тем, что происходило вокруг, в самолёте, а потому достаточно быстро заметил, что его соседка справа кидает на него задумчивые взгляды.

Поймав третий или четвёртый такой взгляд, Себ боковым зрением рассмотрел её повнимательнее. Красивая женщина. Безо всяких скидок и условностей, без «но» — просто объективно красивая, хоть фотографию на стенку вешай и любуйся потом. Фигуру не разглядеть, но лицо тонкое, очень фактурное. Тёмные волосы собраны, губы накрашены. Даже забавно, что он её сразу не заметил (шутка про старость, кажется, становится всё более актуальной). Впрочем, на кой чёрт она ему сдалась? Изменять любимой женщине он не то, что не собирался, он физически не мог — доказано. С Эмили когда-то было также: разве что красоток он всё-таки видел и оценивал. Но не иначе как произведения искусства.

Он повернул было голову к Сьюзен и тут услышал негромкое:

— Летите отдыхать?

Голос женщине очень подходил — оказался достаточно низким, но, пожалуй, немного излишне томным. Промолчать было бы грубо, так что он ответил:

— Да.

Женщина чуть прищурилась. Себ вздохнул.

Общаться с попутчицей он не желал, молчать в ответ на такой требовательный взгляд было бы верхом неприличия, но и спрашивать её о планах было бы неразумно. Так что он просто улыбнулся и пожал плечами.

Женщина поставила локоть на их общий подлокотник и коснулась пальцем уголка губ.

Себ задумчиво почесал ухо и подумал, что этот интерес его чем-то напрягает.

Во-первых, говоря откровенно, женщина была явно не из его лиги. Слишком красивая, слишком дорого одета и слишком хорошо знает о своих достоинствах, чтобы положить глаз на простого парня вроде него. В другой ситуации он решил бы, что она рассчитывает на необременительное приключение, которое могло бы завершиться быстрым сексом в туалете. Но наличие у него под боком Сьюзен, кажется, отметало этот вариант.

«Во-вторых» формулировалось сложнее и лежало где-то в области интуиции. От этой красивой женщины хотелось свалить куда-нибудь подальше. Она не вызывала никакой, даже самой примитивной физиологической реакции.

— Париж ужасен в это время года, — произнесла она мягко и как бы невзначай облизнула губы. — Вы так не думаете?

И Себ решил, что предпочитает остаться в её памяти грубияном, нежели вступать в диалог, поэтому сказал:

— Нет, — и повернулся к Сьюзен всем корпусом — как раз вовремя, чтобы заметить, что она уже не так сильно увлечена пейзажем за окном и внимательно прислушивается к разговору.

К счастью, перелёт был очень коротким, и вскоре они с непонятной попугачицей разошлись к разным выходам из самолёта. Сьюзен выглядела задумчивой, почти не вертела головой по сторонам.

А после паспортного контроля, пока по шумному аэропорту они пробирались к выходу на улицу, к пункту проката автомобилей, спросила:

— Пап, почему ты был груб с той женщиной?

Себ был почти готов к этому вопросу и даже смог сочинить достаточно внятный ответ, доступный пониманию восьмилетнего ребёнка.

— Она навязывала мне беседу, когда я совершенно не хотел с ней разговаривать. Я ведь встречаюсь с Джоан, было бы некрасиво с моей стороны знакомиться с другими женщинами.

Сьюзен наморщила лоб, как будто что-то у неё не сходилось.

— Ты ей понравился, — заявила она чуть ревниво.

— Не знаю, — он пожал плечами.

— Я знаю. Она на тебя так смотрела... как мисс Харрис. Как будто хотела съесть. Это противно.

— Тем не менее, мне не следовало грубить ей, — заметил Себ и попытался сменить тему, но не тут-то было. Сьюзен, когда её что-то интересовало, становилась достаточно цепкой.

— Она не стала бы так на тебя смотреть, если бы у тебя было кольцо, — наконец, сообщила Сьюзен. — Тебе надо жениться на Джоан.

Себ приложил немало усилий, чтобы скрыть улыбку, а потом они вышли из аэропорта под жаркое солнце в безоблачном небе, и всё забылось.

Этот отпуск имел все шансы стать превосходным. Им повезло с машиной: агент не зря нахваливал «Меган» прошлого года, он оказался просторным, удобным и каким-то очень дружелюбным. Повезло с отелем: бывший старый особняк, располагавшийся в семи километрах от Дисней Вилладж, порадовал Себа чистотой в обеих комнатах номера и огромной плазмой на стене, а Сьюзен — большими деревянными дверьми, которые она в одиночку даже открыть не могла и которые вызывали у неё совершенно искренний восторг.

Им даже повезло с администратором на ресепшене: строгая пожилая женщина умилилась, когда Сьюзен заговорила с ней на неловком школьном французском, подобрела и надавала им множество советов о том, где поесть и куда сходить вечером, после «Диснейленда».

Утром Сьюзен подскочила даже раньше, чем у Себа сработал внутренний будильник: проснулся он от её осторожных шагов за стеной.

— Ой, я тебя разбудила? — тут же спросила она виновато, когда Себ, постучавшись, вошёл. — Я тихонько сидела.

Действительно, она устроилась на кровати, но уже с книжкой. Похоже, именно за ней и вставала.

— Я сам проснулся, — улыбнулся он.

— Ты всегда просыпаешься, если я встаю, — заметила она. — Я давно знаю. Как у тебя выходит?

Себ пожал плечами. В шесть утра фантазия работала плохо, а знать правду, — что папа спит чутко ещё с Ирландии, — Сьюзен точно было не нужно.

— Хочешь ещё почитать или пойдём завтракать и занимать очередь? — спросил он.

— Завтракать, — Сью захлопнула книжку, и Себ заметил, что это уже не навязший на зубах «Гарри Поттер», с которым она не расставалась несколько месяцев, а тот самый «Нотр-Дам-де-Пари» в старой серой обложке.

— О чём книга?

— Про... — Сьюзен нахмурилась, словно ей было сложно ответить на вопрос, — пока не совсем понятно, но не про то, что в мультике. Тут тоже есть горбун Квазимодо, но никаких живых горгулий. Хотя, знаешь, мне кажется, он думает, что они живые. А Фролло — священник. И не злой, а несчастный. А ещё тут есть город нищих.

Себ почесал в затылке и уже хотел было уточнить, не рановато ли ей читать подобное, но Сьюзен, будто угадав его сомнения, пояснила:

— Мне бабушка дала. Ну, вторая бабушка.

Себ хмыкнул: значит, привезла с собой из Карлайла. Что ж, мама плохого не посоветует.

— Она сказала, что ты терпеть не мог читать в детстве, — добавила она. — Почему?

— Глупый был. Давай, пять минут на сборы, коса — и пойдём.

— Две косы! — потребовала Сьюзен.

Да хоть четыре.

Себ редко заплетал ей волосы: к счастью, обычно рядом была миссис Кейл или мисс Кларенс, но, конечно, умел это делать. В последнее время волосы у Сьюзен стали меняться. Казались на ощупь чуть более плотными, чуть проще собирались в косы. Расчёсывая её, он вдруг вспомнил, что прошлым летом она была другой. Не только внешне — конечно, ясное дело, что все дети растут, — она по-другому говорила, думала, читала сказки, а не толстые взрослые книги.

— Пап?

Он пробурчал что-то невнятное и продолжил плести, выкидывая из головы лишние мысли.

— Сама будешь учиться собирать волосы, — объявил он, закончив со второй косой. Сью недовольно скривилась, но Себ сделал вид, что не заметил. И также проигнорировал намёк на то, что ей не хочется надевать шляпу.

Конечно, они всё-таки провозились долго: пока завтракали, пока шли пешком от начала

деревни по широким улицам, засаженным обожжёнными жёлтыми деревьями, пока Сьюзен серьёзно фотографировала замок издали — перед кассами собралась очередь. От густой разношёрстной толпы рябило в глазах. Себ надвинул кепку на глаза, чтобы солнце не слепило, положил руку Сью на плечо и спросил:

— Готова стоять? С полчаса мы тут проторчим, это я обещаю.

— Готова! — с энтузиазмом откликнулась она.

Шум, ростовые куклы Микки-Маусов, шары и вид на игрушечный замок ей явно нравились.

На непонятную угрозу Себ среагировал мгновенно, больше телом, чем мозгами. Сначала он заломил кому-то запястье, и только потом понял, что парень шарился в кармане его ветровки.

Началась суматоха. Какая-то мамочка с воплем оттащила от них детей, кто-то выругался. Вокруг тут же образовалась зона отчуждения. Сьюзен рядом потерянно охнула, местная охрана уже неслась на помощь, а Себ слушал, как выравнивается пульс, и смотрел на воришку. Парень лет пятнадцати, пожалуй. Идиот. Малолетний чёртов недоумок. И всхлипывал без остановки:

— *Laissez-moi, laissez-moi! S'il vous plaît, laissez-moi passer, je n'ai voulu rien de mal!* (Пустите-пустите! Пожалуйста, пустите, я ничего плохого не хотел! — фр.)

Себ очень плохо понимал французский, но что он не виноват и вообще ничего не делал — догадался. Даже поверил бы, если бы не поймал за руку — в прямом смысле слова. Сьюзен держалась умницей. Молчала, только смотрела расширившимися глазами, явно не понимая, что случилось.

Чёрт. Лучше бы пусть этот придурок украл бумажник, чем так её перепугать.

— Сьюзен, — не отпуская вора, Себ посмотрел на неё, — всё хорошо, не переживай. Это парень залез мне в карман, но я его поймал.

Их окружили трое местных секьюрити. Не полиция, конечно, обычный чоп. Но, надо отдать должное, все молодые, подтянутые и улыбчивые.

— Можете отпустить его, месье, — сказал один из них по-английски с сильным грассирующим акцентом, — сейчас вызовем полицию.

Да твою ж мать. Вот именно полиции им не хватало.

— Что произошло? — спросил второй и обратился к Сьюзен: — Эй, малышка, не напугалась?

— Нет, — уверенно ответила Сью, но прижалась к Себу очень крепко.

Парня Себ отпустил — впрочем, тот и не думал убегать, только жалобно растирал глаза кулаками.

В двух словах Себ объяснил, в чём дело, и добавил:

— По факту, он ничего у меня не украл. Не ношу ничего во внешних карманах.

— Надо оформлять. Тут такой швали... простите, мадемуазель, — первый подмигнул чуть покрасневшей Сьюзен, — много ходит. Сейчас вызовем полицию. Это буквально несколько минут.

Про французскую полицию Себ слышал много, и ровным счётом ничего хорошего. Но, похоже, бригада была где-то совсем рядом, потому что не прошло и пяти минут, за время которых воришка успел ещё раз десять повторить своё: «*Je n'ai voulu rien de mal*», как к ним подошли трое парней в форме.

Один сразу же увёл парня к машине, а оставшимся Себ снова повторил свою историю,

показал документы и выразил надежду, что их отпустят на аттракционы, а не потащат в отделение. Потому что писать заявление он не собирается. Пока младший записывал информацию на бланке, старший, присев на корточки, на достаточно корявом английском болтал со Сьюзен. Потом выпрямился, улыбнулся белозубой улыбкой и сказал:

— Vous avez une fille charmante, monsieur Myles. Quel âge a-t-elle? (У вас очаровательная дочка, мистер Майлс. Сколько ей лет? — фр.) — потом сообразил, что Себ всё время говорил по-английски, поморщился, но Себ покачал головой и спросил у Сьюзен:

— Сама ответишь?

Его смутных воспоминаний о французском хватало на то, чтобы угадать смысл вопроса, но точно не на ответ.

— J'ai neuf ans (Мне девять. — фр.), — уже совершенно без страха, словно бы забыв о недавнем приключении, ответила Сьюзен.

Полицейский галантно поцеловал ей ручку, заставив засмущаться. И их наконец-то отпустили. Можно было держать пари, что воришке вломят от души и отпустят.

Едва полиция ушла, Себ тоже присел перед Сьюзен, но спросить ни о чём не успел. Она его опередила:

— Это было круто, пап!

— Не испугалась?

Сглотнув, она сказала:

— Немножко, сначала. Но это всё равно было круто, как ты его поймал. Только... — она в задумчивости дёрнула себя за кончик косы, — что ему теперь сделают?

Себ поднялся и решил, что кратким ответом тут не отделаться.

— Видишь ли, — сказал он, — фактически, он преступник. Нельзя лазить в карманы к другим людям. Он хотел у меня что-то украсть. Но чтобы его арестовали и наказали, я должен был написать заявление. Я не стал.

— Почему?

— Потому что он только хотел меня обокрасть, но ничего не взял. И потому что решил дать ему шанс, он ещё совсем мальчишка.

— Не совсем, — раздался позади знакомый голос, и Себ вдруг подумал, что удивлён, но не шокирован. В конце концов, день уже не задался. Подумаешь, ещё одна новость. Обернувшись, он увидел Джима совсем рядом — и едва сдержал хохот.

Джим явно уловил насмешку в его глазах, расправил складку на розовой свободной футболке с Минни Маус и чуть приподнял подбородок. Похоже, он гордился своим внешним видом, старательно его подбирал. Даже наушники, которые свисали из-под футболки, были белыми.

— Вашему мальчику побольше, чем мне, — продолжил Джим. — Фактура удачная, как раз для его ремесла. Но то, что он решился обокрасть тебя... То есть, — Джим приподнял брови, — вас, мистер Майлс, говорит о том, что он стареет и впадает в маразм.

Себ должен был бы испугаться или хотя бы разозлиться. Но, похоже, лимит переживаний на тему Джима у него закончился. Он смотрел на босса в этой дурацкой футболке в двухстах метрах от касс «Диснейленда», совсем рядом со Сьюзен — и не испытывал вообще никаких эмоций.

— Не желаешь меня представить?

— А я вас знаю, — вдруг сказала Сьюзен. — Вы мистер Фоули. Вы приходили к папе.

Джим перевёл на неё взгляд, и Себ напрягся. Потому что выглядело это так, словно

Джим только что по-настоящему её заметил.

— Точно, мисс Майлс.

— Мистер Фоули... — начал Себ, а Сьюзен вставила:

— Вы ещё папу называли: «Себастиан». Он терпеть не может, когда его так зовут. Да, пап?

Твою... Себ надеялся, что Сьюзен вообще забыла о существовании Джима. В конце концов, она видела его минуты две. Как правила грамматики учить — не запоминаются. А как сохранить в памяти коротенький и ничего не значащий эпизод — так пожалуйста.

— Мне твой папа разрешил его так называть, — мягко сказал Джим. — Знаешь, друзья так иногда делают. Да, Себастиан?

— Я счастлив, что мы с мистером Фоули случайно встретились в Париже, — сказал Себ медленно и отдельно, с нажимом, — но я уверен, что у него полно других дел. Сьюзен...

— Никаких... Себастиан. Разве что вручить вам билеты. Вы же не хотите стоять в этой ужасной очереди?

И он вытащил из кармана узких потёртых джинсов три билета в «Диснейленд».

Лучше бы это была путёвка в дурдом.

Себ обычно не страдал приступами странных фантазий, но сейчас всерьёз мечтал проснуться. В конце концов, за последнее время ему несколько раз снились очень реалистичные сны. Почему бы не предположить, что это — просто очередной кошмар? Вот только у кошмаров были закономерности. Так или иначе Себ обязательно видел Ирак и Йена: живого и гогочущего над очередной шуткой или умирающего, не важно.

А в «Диснейленде» этого не было. Кровь не начинала просачиваться через асфальт, и Йен не выглядывал откуда-нибудь из-за павильона Индианы Джонса.

Это была реальность: сумасшедшая и очень неудобная. Причём он даже не мог внятно объяснить, что не так.

Вокруг были просто аттракционы. Толпы детей и взрослых. Орала музыка, слышался смех, изредка — раздражающее хныканье.

Сьюзен держалась рядом и достаточно скромно, вопреки ожиданиям Себа. Не то эпизод с вором её так задел, не то Джим смутил.

У входа Себ раздобыл большую карту, которую Сьюзен тут же захватила и изучила с жадностью. Решительно отвергла идею заглянуть в «Страну Фантазий», объяснив, что она уже не маленькая и в сказки не верит, и с трудом оторвалась от «Пиратского галеона» и хижины Робинзона Крузо.

Джим вёл себя удивительно тихо. Не называл Себа «деткой», не заговаривался, не отпускал сомнительных комментариев. Он и правда превратился в обычного туриста. Но он был рядом — и это напрягало. Заставляло чувствовать себя так, словно он разгуливает по городу, держа под мышкой ядерную боеголовку. Бросив взгляд на Джима, Себ мысленно прибавил: «Ядерную боеголовку, выкрашенную в розовый цвет».

Джим купил всем по мороженому, при этом перекинувшись с продавщицей парой слов, после чего Сьюзен, как следует собравшись с духом, выдавила из себя:

— J'apprends français à l'école, — закусила губу, — и если можно... то есть... Est-ce que je peux parler français avec vous (Я учу французский в школе, можно я буду говорить с вам по-французски? — фр.)?

Себ подумал, что ещё немного, и он перестанет понимать её французский. А Джим смерил её задумчивым взглядом, широко улыбнулся, подмигнул и ответил:

— Oui, tu peux (Да, ты можешь. — фр.), — после чего действительно начал обращаться к ней только по-французски и называть «мадемуазель».

Себ ждал. Понятия не имел, чего именно, но был уверен: что-то должно произойти. Ну, не от скуки же Джим выбрался в «Диснейленд»? И нащупав эту мысль, вдруг осознал: может, и со скуки. Или потому что именно так трактовал понятие «дружба». Или, может, планирует какую-нибудь дрянь.

В другое время (Себ это осознавал) он был бы рад присутствию Джима. Однообразный рутинный день показался бы ему ярче, в груди зашевелилось бы предвкушение, потому что раз Джим появился лично — значит, задание будет не из скучных. Но не сегодня, не рядом со Сьюзен, чёрт возьми!

Перевалило за полдень.

Они прошли вдоль и поперёк «Страну Приключений»: вернее, Сьюзен прошла и поделилась с ними впечатлениями. Когда она упросила в третий раз пустить её на

пиратский корабль и убежала внутрь, Себ воспользовался моментом и сказал:

— Джим, я не совсем понимаю.

Сверкнув глазами, Джим протянул:

— Это твоё нормальное состояние, детка. Не переживай, тебе и не нужно, — хмыкнул, — я не собираюсь взрывать аттракцион. Расслабься. Может, я просто соскучился по тебе? — и сделал полшага вбок, чтобы почти прижаться к Себу плечом.

Выдохнув, Себ подавил желание отпрянуть. Хочет постоять рядом — пускай. Но сказал:

— Я не люблю, когда вы так делаете.

— Не будь занудой. Вот, смотри... видишь тех немок? — он указал кивком на группу женщин с детьми лет четырёх или пяти, — добропорядочные домохозяйки. Уже обсудили нас с тобой. Что таким как мы нельзя доверять детей, и куда это смотрят власти... — он тоненько хихикнул. — Может, обнимешь меня, чтобы они сбежали отсюда и освободили место в очереди?

Себ покачал головой, и Джим с выражением притворной обиды на лице отстранился.

В это время вышла Сьюзен — и, слава богу, разговор завял.

Снова изучив карту, Сьюзен объявила, что хочет посмотреть «Приграничную страну». И хотя она, конечно, ещё не видела фильмов с Клинтом Иствудом, про ковбоев немного знала, и они привлекали её лишь немногим меньше пиратов.

— Я знаю, какой аттракцион понравится вашему папе, мадемуазель Майлс, — задумчиво произнёс Джим, ойкнул и повторил то же самое на французском. И пояснил, опять на английском: — Ковбойский тир. Не так ли... Себастиан?

— Pourquoi (Почему? — фр.)? — тут же спросила Сьюзен.

— Оу, ты не знала?

— Ни почему, — отрезал Себ. — Не люблю тир, мистер Фоули всё напутал. Как насчёт парохода? И я расскажу про «Титаник».

— Я знаю про «Титаник», — отмахнулась Сьюзен. — Почему папе понравится тир?

— Я сказал... — начал Себ, но Сью прервала его:

— Пап, ну я у мистера Фоули спрашиваю! Почему он так считает?

Джим кинул на Себа довольный взгляд. Чёрт его возьми. Победил.

Настаивать сейчас — значит лишний раз дразнить любопытство Сьюзен. Себ, однако, решил, что если Джим скажет ей что-то лишнее, он просто отвернёт боссу голову. Не фигурально. А труп сбросит в Сену. Говорят, их там много плавает.

— Видишь ли, — не было сомнений, что игру во французский Джим оставил намеренно, чтобы убедиться, что Себ понимает каждое слово, — твой папа отлично стреляет. Думаю, ты сама в этом убедишься.

— А, — протянула она, — я знаю. Дедушка хранит его мишени. Но мне не показал. Пойдём, пап? Я тоже хочу пострелять. Там же... — она потёрла переносицу, — тир, не по-настоящему? Дедушка стреляет в грачей, а мне их жалко.

— Всё совершенно не по-настоящему, — заверил её Джим, Сьюзен взяла Себа за руку, и он обречённо кивнул.

Да ладно, в конце концов, это просто игрушечный тир. Аттракцион. Не что-то опасное. Под вывеской «Тир «Облава на угонщиков скота» располагалась длинная крытая галерея, представляющая из себя что-то вроде мульташной деревни, заросшей пластиковыми кактусами. Когда небольшая и очень разновозрастная очередь рассосалась, стало видно, что на стойке лежит два десятка ружей.

Себ присмотрелся: похоже, даже без пулек, лазерные. Декорации — кактусы, домики и ящики, помеченные мишенями, то и дело приходили в движение, когда кто-то из маленьких ковбоев или их родителей попадал в цель.

Себ выбрал стойку почти по центру, сунул в прорезь монетку и помог Сьюзен взять ружьё.

Она крепко ухватилась на него. Себ наклонился, помог расположить приклад на плече и показал:

— Смотришь вот сюда. Совмещаешь...

— Я знаю! — тут же отрезала она. Себ хмыкнул:

— Ладно-ладно, — и сделал полшага в сторону.

Ему не нравилась эта картина, даже в формате игры. Но по себе он помнил, что особенно привлекательно именно то, что запрещают без объяснения причин, а потому не собирався показывать, что чем-то недоволен. В конце концов, после десяти выстрелов в парке развлечений ещё никто не принимал решения делать армейскую карьеру.

Сью закусила кончик языка, напряглась всем телом — и попала в молоко. Нахмурилась. Прицелилась снова. На пятый промах она всё-таки обернулась и спросила с обидой в голосе:

— Почему у меня не выходит?

— Ты не туда смотришь. Ниже голову, совмещай взглядом мушку и цель. У тебя между глазом и целью должна быть ровная прямая линия. И куда ты целишься?

— В кактус, в тот! — она указала взглядом.

— Высоковато тебе. Что насчёт... — Себ быстро прикинул рост Сьюзен, — бревна чуть левее?

Она прицелилась, снова высунув язык от натуги, зажмурила один глаз — и попала.

— Да! Круто, да?! — она обернулась, сияя от радости. Себ кивнул, а Джим приблизился, положил руку ему на плечо и спросил достаточно громко:

— Не покажешь нам, как нужно попадать в мишени?

— Давай, это весело! Честно! — и Сьюзен охотно протянула ему ружьё.

Себ придал лицу максимально недовольное выражение — но спорить не стал. С Джима стало бы надавить, чтобы получить желаемое шоу. Спросил у Сьюзен:

— Ну и куда мне стрелять?

И тут же Джим, чуть наклонившись, прошептал:

— Не можешь выстрелить без приказа, дорогой? — но к счастью, Сьюзен его не услышала и показала пальцем:

— Я хочу вот тот ящик посмотреть, там кто-то вылезает из-под него, но я пропустила!

— потом прибавила: — И потом в мельницу наверху! И ещё в дверь, она должна открыться. И...

— У нас осталось три выстрела, — напомнил Себ. — Давай посмотрим, что тут за ящик.

Да, ничем подобным за свою жизнь он ещё не стрелял. Даже в тире, куда его как-то затащила беременная и капризная из-за этого Эмили, была старенькая пневматика. И плюшевый медведь в качестве приза.

Себ поставил локоть на стойку, прикрыл один глаз. Сьюзен рядом дышала так громко, что её было слышно даже в шуме толпы. Промазать, что ли? Вот просто для прикола, посмотреть на лицо Джима.

Но разочаровать ребёнка он был не готов, так что выбил ящик, который тут же поднялся

на пружине, и из-под него показалась голова удивлённого зверька: не то лисицы, не то енота.

Сьюзен рассмеялась и выдохнула: «Круто!». Ящик снова опустился. Себ посмотрел на неё и тоже улыбнулся. Ладно, чёрт возьми, она была права. Это весело. В принципе, на три метра он мог бы стрелять даже с закрытыми глазами. Но что-то было забавное в том, чтобы после удачного выстрела следить за тем, как двигаются неживые фигурки.

— Теперь мельница. Сможешь?

До мельницы было аж четыре с половиной метра — похоже, максимальная дистанция в этом тире. И если цепляться к деталям, то это была не мельница, а ветряк — и после попадания он начинал крутиться. Дверь предсказуемо открывалась, причём с натуралистичным мерзким скрипом.

— Давай ещё? — запросила Сьюзен.

Джим добавил:

— Там бочки остались без внимания... — и сам засунул в монетоприёмник два евро.

Просто для вида Себ закатил глаза и продолжил.

Сьюзен и Джим встали с двух сторон от него и по очереди показывали, какой механизм их интересует. Как два восторженных ребёнка, честное слово.

Руками Себа они свалили пару кактусов, перевернули три большие бочки, разлили недовольного призрака за занавеской. Потом Сьюзен отыскала почти незаметный флюгер, и они его покрутили. Нашли второго зверя в углу за хижинкой — и вместе решили, что это всё-таки лисы. Наконец, выяснили, что если попасть в грифа на дорожном указателе, он крутит головой на длинной тощей шее — после чего Себ объявил:

— Хватит. Давайте обедать.

И посмотрел на Сью достаточно строго — чтобы она и не думала спорить.

— Удобно иметь под рукой такого меткого стрелка, — заметил Джим мягко, но развивать тему не стал. Видимо, получил свою порцию развлечений.

Они двинулись на поиски места, где бы пообедать. Себ предпочитал что-то хотя бы относительно здоровое, но таких вариантов пока не попадалось. Наконец, он махнул на принципы рукой — и предложил Сьюзен выбирать всё, что угодно. Предсказуемо, она указала на забитую под завязку бургерную.

Столик всё-таки нашёлся, путь и не у окна. Сьюзен убежала мыть руки, а Джим вдруг отбросил маску наивного радостного туриста. Сел напротив, сцепил пальцы в замок, свёл брови — и стал самим собой.

— Мне нравится этот день, Себастиан... — произнёс он. — Я всегда был выше этого, знаешь... Другие дети мечтали об аттракционах. Не я.

Себ подумал, что ему не хочется знать, о чём мечтал Джим, но он всё-таки спросил.

Тот улыбнулся совершенно мёртво:

— Об огне, — прикрыл глаза, но только на мгновение. — Отдыхай, Себастиан, пока есть возможность, — Джим встал и пошёл прочь. В своей розовой футболке он был в «Диснейленде» невидимкой, и Себ потерял его, стоило ему выйти на улицу.

Сьюзен вернулась и тут же спросила:

— А где мистер Фоули?

— У него появились дела, — заторможенно ответил Себ, — пришлось уйти.

— Он странный, да? — Сьюзен уселась на место, откуда только что встал Джим.

Себ кивнул. Очень странный, если не знать, что он сумасшедший. И на кой чёрт он

вообще приезжал в «Диснейленд»?

Они ели мороженое, стоя на набережной Сены и разглядывая величественный Нотр-Дам-де-Пари. Сюзен была в восторге и не переставала делиться с Себом сведениями из своей художественной книжки и из трёх путеводителей разом. Потом, доев мороженое, достала из своего рюкзака блокнот и карандаш и попросила не мешать — решила сделать набросок. Себ прислонился к парапету спиной, поглядывая по сторонам. В Париже насколько он знал, было полно воришек, да и прочей швали ходило достаточно, так что он не собирался терять бдительность.

Сюзен сосредоточенно рисовала и почти справилась, насколько можно было видеть, с основными элементами, когда у Себа зазвонил телефон.

Номер был незнакомым, но Себ ответил.

— Мистер Майлс, — раздался в трубке смутно-знакомый вежливый голос, — простите за беспокойство. Это доктор Дарелл. Я не стал бы беспокоить вас, не будь необходимость столь серьёзной.

— В чём дело?

Себ нахмурился. С Дареллом у него дел не было да и не могло быть.

— Конечно, этот номер не прослушивается, но я предпочёл бы обсудить детали лично.

— Давайте без деталей, — сказал Себ резко, — хотя бы кратко, в чём дело?

— Видите ли... — Дарелл замялся, — дело в том, что мистера Мюррея вчера хотели убить.

Себ сглотнул и пробормотал:

— Не в первый раз...

— О, и не в десятый, поверьте мне, — рассмеялся Дарелл, но его смех резко оборвался, — мистер Мюррей любит риск, конечно, его регулярно хотят убить. Но в этот раз он сам не знает, кто. Он велел мне не лезть в это дело, мистер Майлс, но я вижу, что он напуган, — доктор сделал долгую паузу, явно выбирая слова, — а его нельзя пугать. Он может навредить и другим, и себе.

Подумалось, что другим Джим вредит в любом настроении и состоянии духа. Да и себе, наверное, тоже. Но чёрт, Дарелл знает его девять лет, не стал бы он паниковать на пустом месте, правда?

— Он велел вам не лезть в это дело... — неуверенно проговорил Себ.

— Я редко нарушаю его приказы. Но в этот раз я должен. Ему угрожает кто-то из близких, доверенных людей. Пожалуйста, мистер Майлс, помогите ему. Вы военный, и он доверяет вам.

Чёрт.

Дерьмо.

Почему именно сейчас, когда они со Сюзен в Париже? Себ очень сильно хотел послать Дарелла нахер с его подозрениям и опасениями, сказать, что, если Джиму нужна помощь, пусть он сам и звонит.

Вот только он не мог. Джим действительно способен проигнорировать реальную опасность, переоценить свои возможности и пострадать, если не погибнуть. Поймал ведь он где-то пулю в плечо пару месяцев назад.

— Это срочно, мистер Майлс, — тихо прибавил Дарелл, и Себ решил.

— Я напишу вам время, — сказал он. — Подберите меня возле того дома, куда вы приходили к Сьюзен.

— Буду очень ждать сообщения, мистер Майлс.

Себ положил трубку и понял, что Сьюзен уже не рисует, а внимательно смотрит на него. Ему стало отчаянно, мучительно стыдно перед ней. Убрал телефон, он произнёс тихо:

— У меня плохие новости, Сью. Боюсь, наш отпуск придётся прервать.

В одно мгновение глаза Сьюзен наполнились слезами. Сморгнув их, она быстро помотала головой. Сказала:

— Нет.

— Сьюзен, — сказал Себ мягко, — можешь выслушать меня как взрослая?

Она слабо кивнула.

— Мне тоже ужасно обидно, что наши каникулы так прерываются всего через три дня. Но у меня такая работа, что меня могут вызвать в любой момент, — он взял Сьюзен за руку и погладил по запястью, — нам до этого всегда везло. Ни разу наши с тобой поездки и прогулки никто не портил, да?

— Да, — голос звучал совершенно убито.

— Но это могло произойти когда угодно.

— Почему сейчас? Почему именно когда мы в Париже, а не... не в каком-нибудь дурацком парке?

Себ не стал делать замечание по поводу слова «дурацкий». Вместо этого произнёс:

— Так вышло. Я этого не хотел, но я не могу бросить работу. Послушай, у тебя ведь будут каникулы осенью? Давай после первого семестра снова вернёмся сюда? На всю неделю.

— Это будет через два месяца! Даже почти через три, — как бы Сьюзен ни старалась держать себя в руках, ей удавалось это плохо.

— Они пройдут быстро, — пробормотал Себ, и она горько и отчаянно расплакалась. Он потянулся было обнять её, но Сью оттолкнула его, выдавила:

— Дурацкая работа! — и она отвернулась к Нотр-Даму.

Себ провёл ладонью по её волосам. Это для него срыв поездки — всего лишь мелочь. Для Сьюзен в её возрасте — это крушение мечты. Он это понимал. Но также он знал, что не может позволить кому-то неизвестному убить Джима, просто остаться в стороне. Пусть их дружба и была весьма сомнительной, они работали вместе, Джим доверял ему, и Себ чувствовал за него определённую ответственность.

Выплакавшись, Сьюзен обиделась. Она дулась всю дорогу до аэропорта и большую часть перелёта, только в такси всё-таки устроилась под рукой Себа и мгновенно уснула. Он не успел как следует ещё раз поговорить с ней — быстро сдал на руки миссис Кейл, повторил объяснение про срочную работу, которое уже озвучивал по телефону, и сел на пассажирское сидение «Мини Купера». Доктор-индус и маленькая забавная машина удивительно хорошо подходили друг другу. Картина была бы уютной и даже идиллической, если бы не мрачное выражение на лице Дарелла.

Сначала они ехали молча. Потом доктор заглушил радио с вечерними новостями и сказал:

— Напали на его квартиру. Вскрыли замки, поломали сигнализацию. Мистер Мюррей... — доктор облизнул губы, — конечно, он ушёл. Даже почти не пострадал, так, пара царапин. И наёмников этих уже допросили и отправили на тот свет.

— Но? — спросил Себ.

— Но напали на квартиру. Мистер Мюррей... понимаете, он параноик. Напасть на него в его доме мог только кто-то, кто хорошо с ним знаком. Я не говорю: «Кому он доверяет», — потому что он до конца не доверяет никому. Но всё-таки кто-то, с кем он работает близко.

Себ не знал, что сказать. Доктор, впрочем, продолжал:

— Он уверен, что покушения будут ещё. Но поверьте мне, мистер Майлс, он не знает, кто это задумал. Возможно, вам удастся помочь ему.

— Вы о нём так заботитесь, — заметил Себ негромко. Доктор улыбнулся:

— Вы ещё поймёте это, мистер Майлс. Мистер Мюррей умеет вызывать сильные чувства. Ненависть, ужас, восторг, любовь. Но невозможно узнать его близко и остаться равнодушным.

Себ подумал, что уже это понял. Спросил:

— И вы им восхищаетесь?

Дарелл улыбнулся ещё шире:

— Нет. Я его люблю. И не кривитесь так, любовь имеет множество граней, об этом писал ещё Платон. Впрочем, подозреваю, что вы не читали... — о, да, Себ узнал эту интонацию. Очень «джимовская». — В своих чувствах к мистеру Мюррею я колеблюсь между двумя видами любви, пожалуй. Иногда это *philia*, а иногда — почти *agape*.

Себ благополучно выбросил из головы весь этот бред. Учитывая, что, похоже, ему скоро придётся охотиться не то на киллеров, не то на их заказчиков, его совершенно не интересовал Дарелл с его мёртвыми римлянами.

Зато он вдруг вспомнил, что о докторе Дарелле говорил сам Джим. Они тогда сидели в итальянском кафе, Джим перебирал имена своих доверенных лиц-психов и в числе прочего сказал: «Доктор Дарелл — тихий некрофил». Представить себе благообразного вежливого доктора, пылающего страстью к мертвечине, было сложно, но Себ справился и резко почувствовал стойкое отвращение.

Они остановились в районе Мэрилебон. Доктор вышел из машины и ключом открыл неприметную дверь с надписью «Только для персонала» в торце здания. Прикинув расположение и оценив антураж, Себ понял, что они попали в подсобные помещения Лондонской клиники.

Пройдя через несколько пустых кабинетов и лабораторию, Дарелл остановился возле крепкой металлической двери и сказал, чуть замявшись:

— Мне, наверное, лучше не показываться ему на глаза. Он несколько не в духе.

«Зашибись», — подумал Себ, выдохнул и потянул на себя дверь. Тут же в лабораторию ворвался рёв музыки. Как Джим что-то на такой громкости вообще различал, было неясно, но стоило Себу сделать шаг в комнату, как музыка прекратилась.

За дверью оказался просторный кабинет, обстановка которого повторяла обстановку

квартиры на Клармонт-клоуз, тринадцать, в миниатюре. Даже диван был — только стоял не посередине, а возле противоположной от входа стены. И конечно, пол был завален обломками, обрывками, оружием и боеприпасами.

Джим — в белом костюме, но босиком, — лежал на диване, запрокинув голову на подлокотник. Если бы он не выключил музыку, Себ подумал бы, что он его не заметил. Во всяком случае, смотрел он в потолок с совершенно отсутствующим видом. И выглядел хреново.

Нет, он был нормально причёсан, костюм тоже сидел как всегда. Но на лице виднелось несколько свежих ссадин, а под глазами — это стало видно, стоило сделать несколько шагов вперёд, — появились чёрные круги с красноватыми прожилками, губы совершенно побелели и потрескались. До такого можно довести себя, если не спать дня четыре.

Джим слегка шевельнул рукой, и снова заиграла музыка, но в этот раз тише и только из одного проигрывателя. Себ даже узнал песню — «Sweet Dreams», но в каком-то непривычном исполнении.

— Дарелл считает, — вдруг подал голос Джим, — что у меня ужасный музыкальный вкус. Пошлый. Что ты думаешь?

Себ пожал плечами:

— Ничего.

— Неизменное отсутствие мыслей, — серьёзно и разочарованно вздохнул Джим. — Дарелл ошибается. У меня нет музыкального вкуса вовсе. Он мне не нужен, понимаешь...

— Нет.

Джим по-прежнему смотрел в потолок и говорил совершенно безжизненным тоном.

— Что тебе здесь нужно? — вдруг спросил Джим. Снова шевельнул рукой, вырубая музыку.

— Я подумал, что вам может потребоваться моя помощь... Джим.

Возможно, этот разговор стоило репетировать перед зеркалом. Потому что, чёрт возьми, у Себа не было ни одной идеи, как именно объяснить Джиму, что он действительно может помочь ему если не с заказчиком покушения, то хотя бы с киллерами.

Очень медленно Джим повернул голову, как будто с трудом сфокусировал взгляд. Его ноздри раздулись.

— Подумал? О, не преувеличивай, детка. Этот процесс тебе не доступен. Может, Дарелл сделал это за тебя? Он ведь остался за дверью? Спорим, он сейчас прикидывает, убью я тебя или нет?

Себ пожал плечами.

— Убью или нет, детка?

— Нет, Джим.

Всё так же медленно и заторможенно Джим сел на диване. Поднялся. Поправил пиджак и подошёл к Себу, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

— Как это трогательно... — прошептал он. — Рыцарь спасает даму в беде. Я сейчас заплачу. Неужели ты думаешь, — он скривился, — тупой солдафон, что мне нужна твоя помощь? Отвечай! — с шёпота Джим сорвался на крик.

Себ поставил себе мысленный плюстик за то, что не вздрогнул от неожиданности. Что ж, если бы он и правда немного подумал, что был бы готов к чему-то в этом роде. И всё равно — было неприятно. Ничего, переживёт как-нибудь, не развалится.

— Да, Джим, — ответил он негромко, не разрывая зрительного контакта, — думаю,

нужна. Я правда тупой солдафон. Но я хорошо стреляю.

Джим оскалился и спросил:

— Откуда же такая инициативность, Майлс? Ох, — он в притворном удивлении поднял брови, — может, из-за слова «дружба»? Не приходило ли в твою пустую голову, что у меня нет и не может быть друзей? Что мне просто хотелось приручить тебя?

Себ вздохнул. Вообще-то у него вполне неслабо чесался кулак. Отчаянно хотелось столкнуть его со щекой Джима и послушать, какой выйдет звук. Но он не собирался давать волю эмоциям. Сейчас Джим его не пугал. Он действительно был напуган, растерян и отчаянно зол. Почему-то вспомнилась Генуя, когда он тоже исходил ядом, плевался и пытался задеть побольнее.

— У меня есть друзья, Джим. Этого достаточно, — сказал он осторожно.

В отличие от Генуи, здесь он ничего не мог сделать сам. Просто понятия не имел, что происходит. Так что будет неплохо, если Джим немного успокоится и сможет дать ему внятное задание. И если для этого нужно послушать ещё немного оскорблений — ладно. В конце концов, пункт «общение с шефом» прописан у него в контракте и оплачивается дополнительно. Вот именно на такой случай.

Пока в голове крутилась какая-то малосвязная чушь, Себ продолжал смотреть Джиму в глаза. Сейчас они были совершенно мёртвыми, пустыми. Похоже, он и правда не спал и часа с момента провалившегося покушения.

— Мне плевать на тебя и твои мысли, Майлс, — произнёс Джим. — Вон отсюда.

И он повернулся к Себу спиной.

Дерьмо.

Тут нужен кто-то поумнее. Желательно со степенью по психологии. Потому что Себ понятия не имел, что делать и говорить дальше. А главное, не правильнее ли будет выполнить этот приказ.

— Джим, — позвал он. Джим не шелохнулся, и Себ продолжил: — Могу я задать один вопрос? В обмен ответу на любой ваш.

Плечи чуть дрогнули. Джим обернулся, прикрыл глаза и слабо улыбнулся.

— Один... Слишком много, детка. Я первый.

— Ладно, — легко согласился Себ. Главное, что Джим заговорил почти что нормальным тоном.

— Ты хотел её трахнуть?

— Кого?

— Женщину в самолёте. Хотел?

«Дать в челюсть... Это всё ещё неплохая идея», — подумал Себ, тяжело выдохнул и ответил:

— Нет.

Джим смотрел на него достаточно долго, потом покачал головой и сказал:

— Твой ход.

— Почему вы не хотите, чтобы кто-то помог вам решить... эту проблему?

Кажется, вопрос, заданный почти что бездумно и наугад, оказался очень удачным. В глазах Джима что-то поменялось. Он подошёл ещё ближе, посмотрел на Себу снизу вверх, облизнул губы и прошептал:

— Очень... очень неплохой ход, детка. Думаешь, я отвечу?

— Да.

— Почему?

— Это ваша игра. Вы нарушаете чужие правила, но не свои.

Джим засмеялся, провёл кончиками пальцев по рукаву куртки Себа, снизу вверх, расправил воротник. Убрал руку.

— Мне не нужна помощь, детка, потому что у меня нет решения. Кто-то подошёл ко мне близко. Я повторяю имена. Один слишком труслив, другой слишком нуждается во мне, третий... третий никогда бы не дал мне уйти живым. Тот без меня умрёт... Этот глуп. Перебираю одно за другим... Жестянщик, портной, солдат, моряк... Богач или бедняк? Выходит всегда вор...

Голова Джима бессильно повисла, речь спуталась, как во время приступа, опять прорезался ирландский акцент. Себ осторожно закинул руку Джима себе на плечо и подвёл его к дивану. Усадил.

— Жестянщик... портной... — снова забормотал он. — Не оставляй меня, Себастиан... Я решу эту загадку.

Под совершенно несвязное бормотание Себ помог Джиму снова лечь на диван. Присел у него в ногах, почесал в затылке и сказал:

— Вам бы поспать. Не знаю, что можно решать в таком состоянии.

Джим никак не отреагировал, продолжая о чём-то говорить, но уже окончательно перейдя на ирландский. Но Себ из всего ирландского знал слов десять, причём с ходу вспоминалось только «gobshite». И то, оно всё-таки не совсем ирландское.

Он не сразу заметил, что в салоне стало тихо. Джим заснул. Себ поставил локти на колени, положил голову на сцепленные в замок руки и прикрыл глаза. Что-то подсказывало ему, что лучше не шевелиться и не тревожить босса, так что впереди было несколько часов ожидания.

Дарелл вспомнился с лёгкой завистью — может пойти куда угодно, никто не мешает ему подняться наверх и найти палатку с хот-догами и чаем. Через час с четвертью Джим захрапел. Оставалось надеяться, что когда он проснётся, они обсудят все дела нормально.

Джим проснулся спустя два часа. Себ открыл глаза, стоило боссу шевельнуться, и почувствовал, что затекла спина. Джим зевнул и заметил:

— Приятно видеть тебя у моих ног.

Себ промолчал, а Джим поднялся с дивана, вцепился тонкими пальцами в волосы и пробормотал:

— Жестянщик, портной, солдат, моряк, богач, бедняк, попрошайка... вор. Жестянщик, портной... — резко вскинув голову, он обернулся и спросил: — Как думаешь, кто из них?

— Не знаю. Это просто считалочка.

— Просто... — согласился Джим. — Знаешь стишок про улитку?

Себ нахмурился. Если он детский и популярный — то вполне возможно. Что он только Сьюзен ни читал, пока она была совсем маленькой.

— Улитка, улитка, вылезай из домишка, — процитировал Джим. Себ хмыкнул:

— Не то дом разобью — и тебе будет крышка?

Нет, это он Сьюзен не читал. Она сама его притащила от каких-то друзей, причём с возмущением. Разбивать чей-то домик показалось ей ужасным преступлением. Эмили рассказывала, что после этого они ещё месяца три спасали и уносили с проезжей части всех

встречных улиток.

— Именно так. Там ещё есть продолжение, но... — Джим развёл руками, — знаешь, не в этот раз.

— Мы сами тут как улитка в домишке, — заметил Себ.

Подвал больницы был очень неплох как убежище, но только в том случае, если к ним сюда не придёт отряд боевиков. Прятаться тут было надёжно. Себу не нравилось только то, что он сам ничего не мог сделать — только ждать непонятно чего.

— Он не рискнёт загнать меня в угол, — тихо сказал Джим. — Иначе будет... бум. Он знает, что я могу поднять на воздух половину Лондона.

— Он?

— Жестящик, портной, — как заведённый, повторил Джим, — солдат, моряк, богач, бедняк, попрошайка или вор.

Джим замолчал и задумался. Себ тоже размышлял — но о своём. Точнее — о Сьюзен, с которой не помирился, и о том, как непросто будет извиниться перед ней за испорченные каникулы и снова завоевать её доверие.

Мысли текли вяло, неторопливо, подстраиваясь под музыку, которую включил Джим. Теперь это было что-то вроде оперы или церковных песнопений, достаточно заунывное. На высокой ноте музыка оборвалась. Джим повернулся и улыбнулся шальной улыбкой:

— О, детка... Надеюсь, ты готов поиграть.

— Вы... — Себ сделал паузу, подбирая слова, — поняли, кто это?

— Нет, мой дорогой Себастиан, — покачал он головой. — Но видишь ли, это не важно. Мы будем играть в кошки-мышки.

Ясно.

— Ловить убийцу на живца? — предположил Себ, полностью уверенный, что понял всё верно.

— Умница.

— И кто будет в роли живца?

Театральным жестом Джим провёл вдоль своего тела, как бы предлагая оценить качество.

— Безумие. Простите, Джим, но вас убьют при любом раскладе. А чучела-приманки в городе не сработают, расстояния не те...

Джим отошёл в дальний угол комнаты, открыл ноутбук и склонился над ним.

— Меня не убьют, — проговорил он, — если ты убьёшь убийцу.

Да мать твою. Вот этого ему ещё не хватало. Когда живой человек играет роль приманки — его убивают. Закономерность. Подставляешься под пулю — получаешь пулю.

— Оу, — прибавил Джим, — я не собираюсь рисковать собой... в прямом смысле.

Снова обернувшись, он сказал резко:

— Ни звука! Мне надо подумать!

Себ опустился на диван, вытянул ноги и грустно подумал про обед. Было маловероятно, что Джим предложит перекусить перед началом операции.

Примечание:

Джим пошёл по детским считалочкам и стихам.

Сначала он бормочет слова из считалочки, которая звучит так звучит так: «Tinker, Tailor, Soldier, Sailor, Rich man, Poor man, Beggarman, Thief». Больше всего напоминает нашу

«На златом крыльце сидели...». Раньше использовалась девочками в шуточном гадании — за кого кто выйдет замуж. У Джона Ле Карре есть роман, который называется «Tinkler, Tailor, Soldier, Spy» — тоже с отсылкой к этой считалочке.

А потом цитирует английский народный стих:

Snail, snail,
Come out of your hole,
Or else I'll beat you
As black as coal.

В продолжении — более миролюбивые обещания накормить улитку, если она вылезет. Цитируется перевод Поэта Алекса: <https://stihi.ru/2017/11/19/7807>

Александр: четырнадцатая часть

— Категорически, — произнесла Елена жёстко, — решительно и однозначно нет.

— Слушай, — Александр встал со стула, обошёл его, оперевшись на спинку, и вздохнул, — если у тебя есть план получше — я весь внимание.

Он знал, что Елена будет возражать, и где-то в глубине души надеялся, что она сейчас встанет и рявкнет что-то вроде: «Попробуешь это сделать — и я запру тебя во Франции под охраной». Он возмутился бы, конечно, долго негодовал, спорил, а потом, как всегда бывало в их с Еленой спорах, принял бы её решение. Даже зная, что эти надежды делают его последней тряпкой, он мечтал о том, чтобы Елена встала между ним и его решением. Он никогда не пошёл бы против неё, принял бы её правоту и отступился бы.

Но Елена после долгого молчания ответила:

— Нет у меня плана.

У Александра от этих слов зашипало в глазах и дёрнуло в груди, но уж что-что, а владеть лицом он умел.

— Я отдала твои фильмы экспертам, психологам, криминалистам и аналитикам. И к сожалению, другого такого яркого убийства, завязанного на местность, как в Оксфорде, они не нашли. А тот шанс мы упустили.

— Тогда ты понимаешь, что я должен, — произнёс Александр, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, но не казался преувеличенно бодрым. — Убийца хочет встречи со мной. Он её получит. Ты оцепишь местность, поставишь там.. не знаю, камеры, что угодно. И если он придёт, а он придёт, то на выходе...

Елена покачала головой.

— Ты сам повторял мне уже раз двадцать, что он умён, и я с этим согласна. Более того, так же считают ещё двадцать три человека, занятых в этом деле, и я доверяю их мнению. А если он умён, то оцепление и камеры заметит сразу. Если же ты прав, и это он устроил те жертвоприношения, то даже агентов в штатском распознает. И в лучшем случае, просто не придёт.

Про худший она упоминать не стала, но Александр, в общем-то, догадался, поэтому заметил:

— Он меня не убьёт. Он хочет привлечь моё внимание, поговорить со мной. И если я не разочарую его, а поверь, я очень постараюсь этого не делать, то убивать он меня не станет.

Какое-то время Елена изучала свои короткие ненакрашенные ногти, потом провела пальцем по крышке ноутбука, встала и отошла к окну. Сходу было не определить, но Александр знал, что стекло тонированное и пуленепробиваемое. Какое-то время она изучала улицу внизу, и Александр понимал, о чём она думает. Прямо сейчас он мог сказать... на самом деле, даже не сказать, а сделать один лишний жест, и всё решится. Чуть опустить голову, повести плечами, прикрыть глаза, сглотнуть нервно — Елена заметит и скажет то самое, заветное: «Я приняла решение».

Но он не шелохнулся и промолчал. Спустя долгие пять минут она обернулась и произнесла ласково:

— Мне очень не нравится такой выбор, дорогой, — а потом заговорила твёрже: — У меня с одной стороны — жизни ещё как минимум пятерых человек, если, конечно, убийца решит проигнорировать последний фильм, снятый по его собственным преступлениям. С

другой — благополучие любимого брата. При этом мы с тобой, надеюсь, оба понимаем, что, когда список закончится, убийца придёт за тобой в любом случае.

Почему-то когда он думал об этом сам, это не казалось настолько страшным.

— Посмотри на меня, — попросила Елена, и он встретился с ней взглядом. — Я не могу защитить тебя, если ты решишься устроить встречу с этим человеком. И я не смогу гарантировать твою безопасность. Но возможно... повторю, только возможно, что нам этого не избежать. Сегодня вечером у меня встреча с рабочей группой. Мы просчитаем все риски, подумаем, как прикрыть тебя. Может, вообще заменим...

— Нет, — протянул Александр, чувствуя огромную усталость, — только не замена. Даже не пытайся. Если он настолько умён и так хорошо меня знает, он распознает твою фальшивку.

— Зависит от качества фальшивки, — отрезала Елена. — Конечно, ты уникальный, но заgrimировать под тебя агента с хорошими актёрскими данными мы как-нибудь сумеем. Но если это не сработает, если вся моя команда не увидит другого выхода, тогда, и только тогда мы вернёмся к этой теме.

«А тем временем кто-то убьёт Мэри Джейн Кэлли», — подумал Александр отчаянно, одновременно ощущая огромное облегчение от того, что Елена нашла способ отсрочить неминуемое, и тяжёлую безнадежность от осознания, что её способ ничего не даст.

Они весь вечер сидели с Мэттом перед телевизором и смотрели Чарли Чаплина, а когда Мэгг ушёл домой, Александр включил компьютер, некоторое время помучился и всё-таки установил на рабочий стол заставку с фотографией того чердака, где они на самом деле снимали «Сына своего отца».

Сон снова не шёл, и к пяти утра он опять сел за компьютер.

Заставка осталась той же, но поверх фотографии появились белые печатные буквы: «За три часа до убийства, сладкий».

— Да твою мать! Зачем?

Именно такими словами Мэтт встретил признание Александра, и это было не то, чтобы непредсказуемо и неожиданно. На самом деле, Александр ждал чего-то пожестче. Но Мэгг просто стёк в самое большое из трёх кресел и потребовал:

— Налей выпить.

Александр дал ему стакан бренди, который Мэтт осушил в несколько больших глотков, залпом.

— А теперь давай с самого начала, я готов это осознать.

— Я пригласил мистера Смерть на встречу, — повторил Александр ровно, отошёл к столу и погладил Мишель по передней лапке.

— Круто. Здорово. Отпад. На кой хер?

Взгляд больших чёрных глаз Мишель отвлекал и успокаивал. Глядя в их лакированную глубину, Александр ответил:

— Потому что он будет убивать, пока не получит того, что хочет. А хочет он, очевидно, меня.

— Может, тебя ещё ленточкой перевязать и подвезти куда-нибудь, — едко спросил Мэтт, резко вставая. — Ты спятил. Слушай, — он подошёл к столу, положил руки Александру на плечи и слегка встряхнул его, заставив оторваться от Мишель, — я понимаю,

насколько тебе дерьмово. Насколько тяжело тебе это даётся. Чёрт, да я сам чуть не сошёл с ума!

— Ты проснулся в одной постели с мёртвой женщиной, — тихо сказал Александр. — У тебя есть все причины...

— Тебе хуже. И я понимаю, что тебе сейчас, наверное, хочется в окно выйти от этого всего.

Нет, Мэтт не понимал, конечно. Александр любил друга отнюдь не за глубокое понимание сложных эмоциональных и психологических проблем, и уж точно, он не ждал, что Мэтт осознает, в какую игру на самом деле играет мистер Смерть. И тем не менее, именно Мэтт был ему сейчас отчаянно нужен.

Александр не собирался выходить в окно. За всё это время мысль о самоубийстве ни разу не пришла ему в голову — вернее, он, разумеется, думал о том, что мистер Смерть может желать подобного исхода, но ни разу не задумался о смерти как о выходе.

Беда в том, что возможное самоубийство пугало бы его куда меньше, чем перспектива встретиться со своим ужасом.

— Я должен посмотреть ему в глаза, — произнёс Александр тихо, — услышать его голос. Понять его. Если я этого не сделаю — он просто продолжит убивать. А когда закончатся мои фильмы, он перейдёт к другим сюжетам, которые мне могут понравиться ещё меньше. И даже до того... Помнишь убийство в «Синтетическом героине»?

— Да брось, — пробормотал Мэтт, — у него не выйдет.

— Он заставил десятилетнюю девочку убить свою тётю. Отправил какого-то психа к нам в дом, и тот исполнил его указания идеально точно. Он влезает в мысли, отравляет их. Если он задастся целью...

— Он не сделает этого со мной, — жёстко отрезал Мэтт, но отошёл от стола и отвернулся. Александр видел, что спина у него стала каменной от напряжения. — Никогда.

— Готов рискнуть?

Они оба понимали, что вопрос это риторический.

— Хорошо, мы переживём «Героин». Что скажешь по поводу «Дон Кихота»? Я не хочу, чтобы эта кровь была у меня на совести. А она будет, если сейчас я передумаю и спрячусь за спину Елены.

— Она знает?

— Конечно. Так что если вдруг ты хочешь поорать на меня, можешь не напрягать голосовые связки. Как эксперт заверяю, что превзойти её в подборе текстового материала и в экспрессии выражения чувств тебе не удастся.

— Врёшь, она не кричала, — вздохнул Мэтт, оборачиваясь. — Оставь ты лягушку в покое, посмотри на меня! Что, если он тебя пристрелит?

— Ты сам говорил про окно, — пожал плечами Александр, всё-таки переставая рассматривать Мишель, но зато сняв очки, — и если так, то пуля предпочтительнее.

Это было похоже на Геную. Они точно так же сидели вдвоём в запертом помещении, Джима точно так же хотели убить. И он точно так же не отрывал взгляда от ноутбука и колотил по клавишам, время от времени отпуская едкие замечания, пытаясь заставить Себа разозлиться.

Так же бесполезно.

Себ не собирался реагировать, отлично понимая, что все эти потоки яда — ничто иное, как попытки скрыть страх. Пусть ругается.

Сам он сидел возле стены на полу — с дивана его Джим согнал даже не словами, а взглядом.

Он немного подремал, хотя спать не хотелось — но так, на всякий случай. Кто знает, сколько времени пройдёт, прежде чем у него снова появится возможность закрыть глаза. Полистал фотоальбом Сьюзен. Проигнорировал два звонка от Джоан — хотел бы ответить, но понимал, что это будет слишком большой риск. Потом перезвонит и объяснит, что был занят.

Не сказать, чтобы ему было очень скучно, скорее напрягало то, что не было никаких внятных указаний и пояснений, чего они ждут. Но он догадывался, что Джим, по всей видимости, готовит свою ловушку.

— Нет... — вдруг прошептал Джим. Тон, которым он это сказал, сильно отличался от ёрнического. В нём было и неверие, и шок, и даже как будто восторг. — Ты не можешь...

Себ повернул голову в его сторону.

Джим нагнулся к ноутбуку очень близко, почти касаясь носом экрана, и нервно облизывал губы.

Почувствовав взгляд, он бросил:

— Выйди.

Себ нахмурился, а Джим, повернув голову, рявкнул:

— ПОШЁЛ ВОН! — в глазах у него сверкнула знакомая безумная ярость, и Себ не стал ни о чём спрашивать и поспешил выйти из дверь.

Лаборатория была небольшой, не очень светлой, и скорее не больничной, а научной. Не то, чтобы он был знатоком лабораторий, но все эти шкафчики, микроскопы на длинных столах, колбы на высоких штативах навевали мысли о школьном кабинете химии, только больше и чище.

За одним из столов сидел Дарелл с сегодняшней «Таймс» в руках. Увидев Себа, он свернул газету и отложил её на стол, поднялся и сделал приглашающий жест:

— Присаживайтесь, мистер Майлс. Это ваше, — из-под стола доктор передал ему чехол с родной «М-24». — Простите, мистер Мюррей настоял, чтобы я зашёл к вам в дом.

Что ж, слышать это неприятно, но винтовка и правда пригодится. Себ положил чехол на пустой стул и сел сам, а Дарелл спросил:

— Чаю? Кофе?

Брать еду от тихого некрофила не хотелось, но голод был сильнее чистоплюйства, так что Себ спросил:

— Что-то более весомое есть?

— Да, я подумал об этом.

Из небольшого холодильника с пробирками доктор достал лоток с готовым обедом и извинился, что разогревать здесь не в чем.

— Сойдёт, спасибо, — буркнул Себ и с огромным удовольствием принялся за курицу с картошкой. Плевать, что холодная, главное — еда.

— Он не в духе? — уточнил Дарелл таким тоном, словно спрашивал про погоду, типа, идёт ли дождь, когда Себ доел.

Себ пожал плечами. Чёрт его разберёт.

— Он напуган, — произнёс Дарелл негромко и задумчиво.

Себ глянул на него: доктор соединил ладони домиком перед грудью и постукивал указательными пальцами друг о друга.

— Вы знаете, что он собирается делать?

— Нет.

Доктор замолчал ненадолго, а потом проговорил осторожно:

— Видите ли... Очень немногие знают, кто такой мистер Мюррей. Он не выходит на сцену, не мелькает в кадре. Он может давать указания по телефону, рассылать инструкции на электронную почту, оставлять записки на столе в кофейне. Но он не получил бы такой безграничной власти, если бы не пользовался... — Дарелл поднял глаза к потолку, потом посмотрел куда-то Себу за плечо, — некоторой помощью. Мы с вами — его руки. Врачи, убийцы, водители-лихачи, программисты, актёры. А те, другие, его лица.

Себ не знал, зачем Дарелл всё это говорит ему. По сути, обо всём этом можно было бы и догадаться. И всё-таки какая-то мысль, вернее, тень мысли, неприятно кольнула. Он не мог уловить её, зато Дарелл, кажется, угадал и сказал:

— О, не переживайте... Вы на особом положении.

— Я не переживаю, — сухо ответил Себ.

Точно нет.

— Немного, — улыбнулся ему Дарелл. — Я тоже. Когда вы появились...

Себ не хотел об этом думать и говорить, но Дарелл был другого мнения, поэтому продолжил:

— Впрочем, вы не заняли моего места. Я никогда не интересовал его в такой мере. Он почти доверяет вам, вы знаете?

Где-то в глубине души он бы хотел продолжить этот разговор. В конце концов, о Джиме он знает слишком мало, и поговорить о нём с тем, кто знает его так долго, было бы интересно. Но здравый смысл подсказывал: не нужна ему эта информация. Не должен он этого всего знать. Джим и так умудряется рушить его нормальный мир и ставить всё с ног на голову.

— Нет, — сказал он. — И не хочу об этом думать.

— Когда я впервые услышал о вас, — проигнорировав его слова, продолжил доктор, — то подумал, что вы, должно быть, его любовник. В словах мистера Мюррея было так много интимного... Но потом я вас увидел и понял, что ошибся.

— Очень рад, — вздохнул Себ.

— Вас это не задело?

— Не особо. Что-то мне лень бегать по Лондону с транспарантами о своей ориентации. И, — он фыркнул, — мне не особо важно, что там думаете об этом вы.

Дарелл тихо рассмеялся, показывая свои ослепительно-белые зубы, и Себ, чтобы сменить эту идиотскую тему, спросил:

— Что вы говорили про лица?

В конце концов, это было бы полезнее обсудить. Если он хоть что-то понял, то именно кто-то из «лиц» задумал покушение.

— О, лица. Иногда они играют роль мистера Мюррея, отдают приказы от его имени, держат в руках множество контактов. Лично я знаю только двоих, — Дарелл снова стал серьёзным. — Один бизнесмен, управляет аграрным предприятием, пузатый такой, добродушный. Другой владеет телеканалом. Мерзкий тип... Мне хватило двух минут в его обществе, чтобы забыть о клятве Гиппократы и задуматься о его убийстве.

Себ покачал головой — не видел ни одного, ни другого. Зато подумалось, что, возможно, он способен угадать третьего — им может быть торговец оружием «Дики». Джим упоминал его не раз и, похоже, вёл с ним дела давно и серьёзно. Но говорить о своей догадке Дареллу не стал. Толку?

— Кто-то из них, я думаю, решил, что мистер Мюррей ему не нужен, что без него будет проще. И мистера Мюррея это напугало. Он почувствовал, что может потерять контроль. А когда он теряет контроль...

— Происходит «бум», — хмыкнул Себ.

Он не сомневался, что Джим вычислит эту крысу. Поставит ловушку, поймает — и Себ спокойно всадит ей в голову пулю.

— Вы даже не представляете, какой... — вздохнул Дарелл.

Они опять замолчали. Себ не стремился продолжать разговор с доктором, поэтому рассматривал оборудование. Химия в школе навевала на него смертельную скуку. Он мог без особого труда заучить периодическую систему и неплохо справлялся с уравнениями, но задачи не давались никак, а в опытах он не видел особого смысла. Но сейчас было интересно рассматривать всё это оборудование и играть с самим собой в угадайку: придумать назначение того или иного прибора.

— Мне интересно, — снова нарушил тишину доктор, — что такого сказал вам обо мне мистер Мюррей, что вы преисполнились столь сильным отвращением?

Этот вопрос заставил Себа перевести взгляд с микроскопа обратно на Дарелла. От его доброжелательной улыбки стало неуютно. Но доктор не понравился ему с первого взгляда, а характеристика Джима закрепила это впечатление окончательно.

— Ничего. И я не испытываю отвращения, — ответил он, но Дарелл не поверил. Чуть приподняв бровь, он сказал вдруг с пониманием:

— О, я, кажется, понимаю, — засмеялся, — разрешите объясниться?

Чёрт. Нет, спасибо, он переживёт без объяснений.

— Мистер Мюррей бывает резок. И возможно, у вас сложилось превратное представление, будто бы я ночами пробираюсь с морга на кладбища, чтобы вступить в, — на лице доктора появилось выражение омерзения, — интимные сношения с мёртвыми телами.

Не то, чтобы Себ об этом думал. Он вообще предпочёл бы не иметь никаких представлений о некрофилии.

— Поверьте, это не так.

Себ потёр переносицу.

Разговор у них с доктором и до этого момента был странный.

— Я верю, — быстро произнёс он.

— Однако я испытываю эстетическое удовольствие, соприкасаясь со смертью, — почти беззвучно прибавил доктор. — Видя смерть, я начинаю больше ценить жизнь. Вы... вы

отнимали жизнь многократно, но я не думаю, что вы наблюдали за своими жертвами с такой точки зрения. Я же всякий раз поражаюсь тому, как один миг меняет суть. Живой человек и его же труп удивительно различны.

У Себа был очень крепкий желудок, трупы его совершенно не напрягали. Но вот от слов доктора почему-то становилось не по себе.

— Нигде так хорошо не узнаешь человека, как в больнице и в морге.

Доктор чуть прикрыл веки, а Себ сказал твёрдо:

— Мне плевать на ваши предпочтения. Меня сейчас больше волнует... — он хотел сказать: «тот парень, который решил убить Джима», — но не успел. Потому что сам Джим вышел из подсобки и присвистнул.

— Оу, мальчики, я, кажется, прервал интересный разговор, — манерно протянул он. — Себастиан, детка, отдых окончен, мы идём гулять. И будь хорошим мальчиком, захвати свою игрушку.

Дареллу он не сказал ничего и уверенно пошёл насквозь через лабораторию. Закинув на плечо чехол с винтовкой, Себ последовал за ним, ощущая внутри лёгкий азарт перед предстоящим делом. И огромную радость от того, что появилась возможность закончить беседу с доктором.

Они шли к метро. Джим, сунув руки в карманы брюк, смотрел себе под ноги. А Себ настороженно оглядывался по сторонам. На улице они с Джимом были очень беззащитными и лёгкими мишенями.

— Не оглядывайся и не нервничай. Убивать меня будут не сейчас, — заметил Джим.

— А когда?

— Скоро... Очень скоро, дорогой. Но ты об этом позаботишься. У нас с тобой на двоих будет три слепых мышки. «See how they run. See how they run», — пропел он высоко, визгливо. — Но не переживай, одна мышка не только слепа, но ещё и глуха. Остаётся две.

Они спустились в подземку. Джим даже не сказал, куда они едут, и Себ не стал спрашивать. Он чувствовал всё поднимающееся в груди предвкушение, которого, на самом деле, не должно было быть. Джима могли убить в любой момент — пусть даже не сейчас, а скоро. Самого Себа вполне могли пристрелить за компанию. Но он не мог отделаться от мысли о том, что это задание запомнится ему надолго.

Странное дело. Его захватывал азарт. Это было опасно, но воспринималось так живо, так остро, что почти опьяняло. Видимо, безумие всё-таки заразно.

Чёрт, он не должен был ждать возможности убить человека. Вернее, двоих, если он верно понял намёк про мышек.

После пересадки на набережной они поехали на запад. Джим нашёл себе местечко в углу и снова задумался, но не очень глубоко — то и дело его взгляд скользил по людям в вагоне.

— Наш выход, — внезапно объявил он. — Домой сможешь вернуться пешком.

Почему-то Джим счёл это забавной шуткой и, пока они поднимались по лестнице, посмеивался. На вкус Себа, юмор, пусть и чёрный, в этой ситуации можно было бы найти, если бы цель была его соседом. Но нет — они уверенно шли в другую сторону, вглубь Челси. Вывернули на Кейл-стрит — и Себ напрягся.

Эту улицу он отлично помнил. Точно из-за того поворота, из которого вышли они,

однажды появилась женщина в малиновой шляпе, за смерть которой Джим выплатил ему премию в пятнадцать тысяч фунтов. А в доме, мимо которого они прошли, жил, да и живёт до сих пор человек, которого Себ хотел бы убить.

— Знакомые места? — светским тоном поинтересовался Джим. — Двести лет назад это был пригород. Никаких тебе Бонд-стрит, только пруд и кладбища. Хотя кладбища до сих пор есть.

Себ промолчал.

Они прошли улицу почти до конца, но потом Джим резко свернул в проулок. И десять минут спустя Себ поднимался по знакомой пожарной лестнице.

Он был в этом доме. На этом самом чёртовом чердаке он сидел, бросив на пол винтовку, и пытался взять себя в руки и убить того, кто взорвал самолёт Эмили.

— Эдмон Дантес просидел в тюрьме девятнадцать лет и ещё лет десять планировал всё до мельчайших деталей, — сообщил Джим, оглядывая чердак. — Ты можешь завершить свою месть меньше чем через год. Доволен?

Себ медленно провёл рукой по волосам и понял, что, кажется, у него этот пазл собрался. Выходит, тогда Джим не дал ему убить Блинча, потому что придумал, как его использовать. А теперь Блинч его предал. Так?

— Умница, — расплылся в улыбке Джим, поняв, что Себ догадался обо всём. — Готовься, детка.

Он достал из кармана наушник с передатчиком, кинул его Себу и остановился возле стены, сложив на груди руки.

Но Себ не торопился собирать винтовку. У него подрагивали руки. И что-то было не так. Чего-то не хватало.

«Твою мать», — подумал он, больно прикусывая щёку. Только нервов ему сейчас не доставало.

Сделав несколько медленных вдохов и выдохов, он пришёл в норму и попытался отодвинуть подальше воспоминания о прошлой попытке убить Блинча. Сейчас ему нужно просто защитить Джима и...

Он даже чехол не успел расстегнуть, как в голову пришла неприятная, колючая мысль. В то время, как он будет держать на прицеле Блинча, кто-то может целиться в голову Джиму.

— Джим? Что если на соседней крыше сидит второй снайпер?

Джим посмотрел на него в упор, и Себ подумал, что хочет услышать что-то вроде: «Ни в коем случае, Блинч хочет убить меня лично». Да, такое бывает только в дешёвых боевиках, но можно ведь помечтать?

— Убей его, — ответил Джим наконец.

Блестяще. Просто превосходно.

— У меня нет глаз на затылке.

Джим промолчал, и Себ задал ещё один вопрос, уточняющий:

— Это Блинч? — хотя почти не сомневался.

Окна его дома были почти напротив и чуть ниже. Снайперу — если он существовал — нужно было расположиться так, чтобы следить за входом в дом и окнами.

Этот чердак слегка возвышается над остальными домами, на Кейл-стрит он — самая выгодная позиция. И раз второго снайпера здесь нет, значит, он дальше.

Осторожно подойдя к окну, выходящему на другую сторону, Себ выглянул на улицу.

Ряды низких старых кварталов на двести метров, с такой крыши в окна не заглянешь, да

и улицу видно не будет.

Двести пятьдесят метров — дом в пять этажей. Себ прикинул в уме дальность и угол: не то. Ещё с крыши можно было бы попытаться, но она плоская и ровная, прятаться негде.

Триста метров...

На всякий случай, чтобы не допустить фатальной ошибки, зацепившись за слишком уже удачный вариант, Себ обошёл остальные окна и проверил все возможные ракурсы, а потом вернулся и снова посмотрел на дом с трехстах пятидесяти метрах от него и в четырехстах от Блинча. Современная стильная десятиэтажка представляла собой великолепную позицию. Даже четыре, если не приглядываться. А если немного подумать — то семь или восемь. Достав бинокль, Себ принялся рассматривать крышу с техническим коробом, выступающие вперёд декорированные балконы, мансардный этаж с рядами окон.

Джим не отвлекал его ни словом, ни даже звуком. Зато как только Себ окончательно решил, что если снайпер и есть, то засел он где-то в этой многоэтажке, Джим произнёс:

— Он не решится устраивать перестрелку в доме своей жены. И он верит, что будет там в безопасности.

— Если что-то пойдёт не так, и там будет поджидать отряд наёмников, — начал было Себ, но Джим перебил его:

— То у тебя нет глаз на затылке. Зато есть уши.

И развернувшись, он покинул чердак.

Всё, что Себу оставалось, это начать собирать винтовку и устраивать лёжку таким образом, чтобы видеть дом в трехстах пятидесяти метрах. И чтобы Блинч с Джимом оставались у него строго за спиной.

Вот ведь дерьмо.

В наушнике было тихо. Но на пустые размышления времени не было. Себ искал. Окно за окном, угол за углом. Верх — центр — низ. Правый сектор — центр — левый сектор. Джим мог уже засветить его позицию, и тогда можно ждать пулю в лоб. С другой стороны, лестница с правой стороны дома, если второй парень расположился так, чтобы видеть весь дом Блинча, то лестница может вообще не попасть в его угол обзора. Правда, точка сама по себе приметная. Слишком уж удачная.

На балконах девятиэтажки росли целые клумбы с цветами и высокой травой. Некоторые стёкла были затонированы.

На месте второго парня Себ не полез бы на крышу. Всё-таки белый день на дворе, они в чёртовом центре Лондона, вокруг полно народу. Лучше балконы или мансарда — но это если он умеет работать в городе. Если парень не очень опытный или большую часть времени вёл операции по пустыням, то может полезть на крышу в поисках лучшего обзора.

Выдал бы он себя чем-нибудь — хоть солнечным бликом в прицеле. Погода солнцем не баловала.

Верхние этажи дома казались совершенно пустыми.

Чтобы разгрузить глаза, Себ бегло просмотрел соседние низенькие здания. В принципе, с крыши того, которое справа, можно было бы наблюдать за окнами Блинча, но не за входом в дом. Да и несколько окон будут не видны.

Он снова вернулся к многоэтажке.

Джим не дал ему убить Дэвида Блинча — человека, который взорвал грёбаный самолёт, — и сделал того своим доверенным лицом.

Твою.

Мать.

От этой мысли хотелось поменять позицию. Повернуться к другому окну. Дождаться начала встречи и сделать два выстрела. Грохнуть к чертям обоих.

Верх — центр — низ.

Когда всё закончится, он встряхнёт Джима за лацканы пиджака и, может, осуществит давнюю мечту и разобьёт ему рожу.

Левый сектор — центр — правый сектор.

Если бы Джим сказал заранее хоть что-то, Себ мог бы провести разведку.

Возможно, вторую пулю и не нужно тратить. Тот парень убьёт Джима, сам Себ — Блинча. А потом они вдвоём пойдут и напьются вдрызг.

Верх — центр...

Нет, по крыше прошлась ворона, огляделась вокруг и улетела.

Второго парня не было видно, и кажется, времени на его поиск у Себа оставалось всё меньше.

Примечание:

Джим опять пошёл по жутковатому детскому фольклору. Популярная песенка «Три слепых мышки».

«Three blind mice. Three blind mice.

See how they run. See how they run.

They all ran after the farmer's wife,

Who cut off their tails with a carving knife,

Did you ever see such a sight in your life,

As three blind mice?»

Перевод (взято из Википедии):

«Три слепых мышки, три слепых мышки,

Смотрите, как они бегут, смотрите, как они бегут.

Они все бегут за женой фермера,

Которая отрезала им хвостики разделочным ножом.

Вы когда-нибудь в жизни видели такое зрелище,

Как эти три слепых мышки?»

Сначала в наушнике раздалось шипение, а потом приглушённый, как через ткань, голос Джима:

— Не вставай, Дэвид.

Что-то зашуршало.

— Миленко, — продолжил Джим. — Особенно эти овечки. Очень трогательно.

— Джим... — ещё глуше прозвучал другой голос, незнакомый, достаточно низкий. — Я не думал, что ты придёшь.

— Надеюсь, что нет. Но конечно, подозревал, что это случится. Но рассчитывал, что встреча произойдёт в другом месте и в другое время... Не за полчаса до прихода Елены, да? Но не переживай, Дэйви, мы успеем.

У Себа по загревку прошли мурашки. Было странно и очень неуютно слышать разговоры, но не видеть происходящего. Это отвлекало, а отвлекаться ему было как раз нельзя, потому что второго снайпера он до сих пор не нашёл.

— Значит, ты задумал жениться, Дэйви? Как это мило, — протянул Джим. — И даже не позвал в шаферы? Нехорошо, Дэйви. И ты решил, что я больше тебе нравлюсь в роли свадебного подарка.

— Именно, — ответил Блинч.

— О, нет, — протянул Джим, — пожалуйста, не утомляй меня этим. Вот этим я-тебя обыграл выражением лица.

— Прости, Джим, но это правда. Мы с твоим Гиббсоном неплохо проводили время за кружечкой пива в гольф-клубе.

После паузы Джим заметил:

— Да, Дэйви, ты мечтал об этом. Преподнести Елене такой подарок. Ты нашёл второй край моей сети, меня больше нет, ты отдаёшь Елене все контакты как результат собственной агентурной работы. Ты бы выделился из всех. Такой особенный среди собственных двойников, Дэйви. Очень глупо.

Себ пытался игнорировать разговор, но голоса всё равно слышались.

— Если ты посоветовался с ней, мой дорогой друг, ты бы понял, где ошибся.

Повисла тишина.

Чуть более слабым голосом Блинч произнёс:

— Не думай, что я забыл о твоей привычке ходить со снайпером.

На мгновение Себ решил, что демаскирован, но потом догадался — кто-то включил любимый лазер Джима, и теперь по лацканам пиджака Блинча лениво скользит красная точка.

— Не советую отдавать ему приказ, — продолжил он чуть более уверенно. — Получишь пулю в лоб. Я, правда, обхожусь без дешёвых эффектов, но не стал бы встречаться с тобой без прикрытия.

— Труп на белоснежном ковре в гостиной? — насмешливо спросил Джим. — Что скажет Елена, когда придёт?

Чёрт с ней, с загадочной Еленой, Себа интересовало, где снайпер.

Неподвижная плотная тень на стене центрального балкона могла отбрасываться кадкой с каким-то деревом. Но контуры чуть-чуть не совпадали. И стекло было приподнято. Себ

посчитал источники света, какие нашёл. Тень выглядела очень подходяще.

Правда, ещё она могла принадлежать какой-нибудь девице, которая решила полежать на балконе с пледом и книжкой. Домашнему коту.

Себ ждал, едва улавливая обрывки беседы. Что-то про компьютерную безопасность. Какие-то контакты.

Тень не шевелилась. И как Себ ни подкручивал бинокль, он не мог найти предмета, отбрасывавшего её. Прошло десять минут. Обычный человек уже дёрнулся был, почесал бы нос.

Уверенности не было, но Джим и Блинч не будут разговаривать бесконечно.

Отщёлкнув предохранитель, Себ медленно выдохнул, взял дополнительную поправку на поднявшийся ветер и сделал выстрел.

Резко откатился в сторону вместе с винтовкой, едва не сорвав наушник, и вовремя — разбив окно, пуля вошла почти туда, где он только что лежал.

Снова подполз к окну, но левее. И увидел свою цель. Он почти угадал, ошибся на каких-нибудь пару градусов. Перехватил винтовку поудобнее, уложил на руку и выстрелил ещё раз.

Тень мелькнула и пропала. Никакого шевеления.

Второй парень оказался опытным. Привык сидеть в засаде и умел вести дуэль. Себ был почти уверен, что хотя бы задел его.

Позиция перестала быть удобной. Парень был чуть выше него и отлично мог спрятаться, просто сдвинувшись немного назад. Да, он и сам потеряет часть обзора, но ему теперь нет дела до входа в дом — его цель уже сидит в гостиной.

— ... не имею, кто кого, — задумчиво сообщил голос Джима в наушнике. — Как и ты, Дэйви, правда?

Если дать второму время, он застрелит Джима и уйдёт. Ему ничто не мешает.

Себ внимательно осмотрел своё окно, частично закрытое шторой. Прикинул время. Ему нужно было просто успеть заметить вспышку, больше ничего. Он выстрелил ещё раз, почти не целясь, сразу же перекатился и в другой просвет между шторами заметил то, что нужно.

Следующий выстрел оказался правильным, чистым — в голову. И потом ещё один — контрольный.

Теперь оставался Блинч. Не поднимаясь с пола, Себ переполз на другой конец чердака, пробежал взглядом по окнам и увидел Джима и Блинча в той же гостиной, где в прошлый раз Блинч пил чай.

Они сидели в тех же креслах возле того же столика, только чашек не было.

Лазеры пропали, и беседа выглядела вполне мирной.

— ... в её тени, правда? — невозмутимо говорил Джим. — Особенно когда ты понимаешь, как легко тебя заменить.

Какого чёрта? Они разве не должны разговаривать о чём-то более важном? Себ знал, как Джим умеет пугать, и был уверен, что он будет давить на Блинча, обвинять, угрожать, в конце концов. А они обсуждали женщину. Лёгким таким тоном, как будто просто встретились, чтобы поболтать.

— Ты ей завидуешь, Дэйви. Она значит куда больше тебя.

— Уже нет. Даже если ты уйдёшь отсюда, твоя сеть у меня в руках. Я отдам Елене всё.

— У тебя нет ничего, Дэйви. Ты не понял... — в голосе Джима зазвучал привычный резкий акцент, — ничего. Не понял, как всё работает, — он истерично рассмеялся. — Но попытка неплоха. Был момент, очень короткий, но сладкий, когда я подумал, что ты

справился.

— Думаешь, я блефую? — твёрдо спросил Блинч.

— Ты просто не понял, — прошептал Джим. — Ты не нашёл сеть.

— Я... — Блинч поднял подбородок, — нашёл Гиббсона.

— Я знаю, откуда у тебя данные, Дэйви, знаю, кто тебя боится и почему. Можешь не переживать, он тоже долго не проживёт.

— Нет никакого Груффало... Я выдумал его. Чао, дорогуша.

Других указаний Себу было не нужно, он нажал на спусковой крючок и не отказал себе в редком удовольствии — проследить, как Блинч падает на белоснежный ковёр с простреленной грудью.

Выстрелы наверняка привлекли внимание полиции.

Нужно было убираться, но Себ не двинулся, продолжая смотреть на тело Блинча через прицел. Джим встал из кресла, наклонился к нему и осторожно обвёл пальцем пулевое отверстие. Поднялся, достал платок, вытер руку и вышел из комнаты.

Себ снял наушник, собрал винтовку и привёл в порядок чердак. Ножом вытащил чужие пули — незачем оставлять такие следы.

Спустился по пожарной лестнице и пошёл в сторону метро, хотя ему туда было и не нужно. На полпути его нагнал Джим.

— Вы просто оставите труп в гостиной? — спросил Себ.

— Елена с этим разберётся, — равнодушно пожал плечами Джим. — Выстрел из снайперской винтовки в грудь — не самый странный случай самоубийства, поверь мне.

И Себу пришлось ему поверить.

— И вообще, она должна быть тебе благодарна. Такой подарок... Ты избавил её от удивительного зануды и тупицы.

— Вы не дали мне его убить, чтобы использовать?

Несколько мгновений Себу казалось, что Джим не уловил смысла вопроса. Но потом он кивнул:

— Бедный мой Святой Себастиан...

— Убийца моей жены лишних несколько месяцев дышал воздухом, — сказал Себ жёстко. — Я не в восторге.

Почему-то рядом с Джимом злость, которая кипела в нём на чердаке, пропала. Кулаки уже не чесались. Это было неправильно, но он ничего не мог с собой поделать. Потому что где-то в глубине души он понимал, что раз Джим оставил Блинча живых, значит, он был ему нужен. И в конце концов, он дал именно Себу убить его, не кому-то другому.

— У тебя сегодня ещё одно дело, дорогой, — неожиданно ласково сказал Джим. — Совсем маленькое.

— Мистер Гиббсон, я догадался, — пробормотал он себе под нос, а Джим рассмеялся. Кажется, у него было чудесное настроение.

Себ дорого дал бы за возможность встать сейчас и уехать домой. Он чертовски устал за этот день, он устранил три цели, а ночь перед этим провёл в аэропорту и в самолёте. Ему хотелось принять душ и завалиться на кровать, включить телевизор и уснуть под тихий бубнёж какого-нибудь фильма.

Но Джиму на это было плевать — он захотел поужинать, и непременно в компании

Себа. Так что они сидели в небольшом итальянском ресторанчике и молчали. Джим меланхолично жевал травяной салат, а Себ доедал большую пиццу с говядиной и грибами.

Наконец, когда пицца закончилась, Себ вытер руки и спросил о том, о чём думал весь день. Если бы не этот ужин, наверное, он оставил бы вопрос при себе. Но раз уж так сложилось — глупо было бы промолчать.

— Почему вы не позволили мне убить Блинча тогда?

Джим хмыкнул, поковырялся вилкой в салате, отодвинул тарелку и ответил:

— Ты знаешь цену вопроса.

— Валяйте, — пожал плечами Себ.

Похоже, он перестал напрягаться от вопросов Джима. Тот уже вывернул его наизнанку. Секретов не осталось, как и неудобных тем.

— Почему ты не убил его тогда, дорогой?

В желудке стало тяжело.

— Ты держал его на прицеле почти час. Но так и не нажал на крючок, — продолжил Джим. — Почему ты не убил его прежде, чем я запретил?

Твою мать, это было больно, резко и жестоко.

— Ну же?

Теперь уже Джим не отвяжется.

Оказывается, неудобные темы ещё остались.

— Я не знаю, — ответил он, но по взгляду Джима понял, что этот ответ его не устроил.

— Попробуй ещё раз, детка, не расстраивай меня.

Стриптиз. Подумалось, что чуть ли не каждый раз игра в вопросы и ответы превращалась в душевный стриптиз. И, если бы можно было выбирать, Себ предпочёл бы раздеться догола и станцевать.

Наверное, был вариант промолчать, но тогда и не получить ответа на свой вопрос. Может, даже стоило бы так и сделать. Но Джиму уже стало любопытно — и с этим ничего не поделать. Сам напросился.

— Я никогда не убивал из ненависти, — тихо сказал он. — Цель всегда была просто целью. Это другое.

Он не знал, как это объяснить, особенно Джиму, но тот смотрел пристально, почти просвечивая взглядом насквозь. И слова вылетали сами.

— А тех, кто убил Эмили, я ненавижу. Я слишком хотел его убить...

— Но не убил, — прошептал Джим. — Почему?

— Это было бы непрофессионально, — Себ волевым усилием отвёл взгляд и сделал вид, что изучает потолок.

— Как занятно, — протянул Джим. — Я не дал тебе его убить, потому что узнал, как его приручить. Он был мне нужен и весьма полезен. Живым больше, чем мёртвым.

— А теперь уже не нужен?

— Нет, — фыркнул Джим. — У него есть достойная замена.

Просто польза, просто работа.

Себ понимал, что должен бы прийти в ярость. Человек, ответственный за смерть Эмили, оставивший сиротой Сьюзен, остался жив только потому, что был полезен для планов даже не Джима, а его организации. Но этой ярости не было. Может, потому что Блинч всё-таки получил своё? Он не знал и не хотел копаться в этом вопросе.

— Ты устал, мой Святой Себастиан, — неожиданно нежно сказал Джим. — Иди. Тебя

ждёт дочь. Не забудь заглянуть к ней сегодня.

Себ нахмурился и посмотрел на Джима, но тот выглядел совершенно серьёзным. Он не приказывал, конечно, но настойчиво рекомендовал заехать к Сьюзен, как будто бы в этом был хоть какой-то смысл. Себ не планировал ехать к ней сегодня. Им предстоял непростой разговор про Францию и отмену поездки, и проводить его Себ предпочёл бы на свежую голову. Не говоря уже о том, что встречаться с дочерью вечером того дня, когда он отправил на тот свет троих человек, было дерьмовой идеей.

— Джим... — проговорил Себ осторожно, — с ней что-то случилось?

— Что ты, — улыбнулся он, — просто тебя там сегодня ждуг. Не смею задерживать.

Себ поднялся, коротко попрощался и потянулся к соседнему стулу за курткой, а Джим вдруг окликнул его:

— Себастиан! — и прибавил задумчиво: — Хорошая работа.

Что на это отвечать, кроме военного «сэр, спасибо, сэр», Себ не знал, так что просто кивнул и поспешил к Сьюзен. Быстро заскочил домой, убрал винтовку, бросил сумку и забрал машину. Джим явно что-то недоговаривал, но вряд ли стал бы врать. Ничего не случилось — но почему-то он считал, что Себу необходимо приехать именно сегодня.

От этого было тревожно.

Миссис Кейл открыла ему дверь — и вздохнула с каким-то заметным облегчением. Обняла и сказала:

— Господи, Басти, как я рада, что ты успел вернуться. Даже не знаю, что бы сейчас придумывала, если бы ты не приехал.

— Успел вернуться? — напрягся он.

— Я завтра еду к девяти утра, — продолжила миссис Кейл, посторонившись и пропуская Себа в дом.

Это звучало так, словно они продолжали какой-то давно начатый разговор. Только вот Себ не принимал в нём участия. Они прошли в гостиную. Миссис Кейл предложила чаю, но Себ отказался, и она снова заговорила:

— Знаешь, я решила всё-таки не рассказывать ничего Сьюзен. Она будет только нервничать лишний раз, не хочу, чтобы она переживала. Я ей сказала, что еду в Бат.

Вздохнув, миссис Кейл присела на диван. Себ неуверенно опустился в кресло. Что-то произошло за время его отсутствия. Что-то, о чём он должен был точно знать — но не знал. Зато об этом, похоже, знал Джим.

— Может, ты поживёшь здесь? Я переживаю, когда ты забираешь её к себе. Центр Лондона, на улицу не выйти...

— Нет, — на автомате ответил он, поскольку они об этом уже говорили не раз, — с моей работой это очень неудобно. Кроме того, Сью любит бывать у меня.

Теперь пришёл черёд миссис Кейл удивляться:

— Ты же говорил, что возьмёшь отпуск. Что-то опять поменялось?

Он не говорил.

Какого чёрта?

Он спросил бы напрямую, но не решался. За его спиной Джим что-то провернул, что-то сообщил его семье, и теперь миссис Кейл обсуждает с Себом планы, о которых он даже не слышал.

Зажужжал телефон, Себ быстро вытащил его и прочёл смс от Джима: «У тебя неделя на отпуск. Отдыхай, детка». И смайлик с поцелуем.

— А, нет, — пробормотал он, — вот, как раз босс подтвердил, что отпуск в силе. Но Сьюзен всё равно поживёт у меня, пока вы...

Он сделал паузу, надеясь, что миссис Кейл всё-таки пояснит, куда именно она собралась и зачем врать Сьюзен про Бат. Но она вместо этого вздохнула и опустила глаза. Сказала:

— Я волнуюсь, Басти. Не за себя, конечно, но если что-то случится, Сьюзен... Не слушай меня, я болтаю глупости, — она встала, поправила подушки на диване и суетливо спросила, не голоден ли он. — Ты выглядишь уставшим. Может, хотя бы пирога съешь?

— Спасибо, — всё ещё неуверенно ответил он, — только поел. Вы посидите, не суетитесь.

— Это всё от волнения, — она улыбнулась, но снова села. — Басти, я по телефону, может, не очень связно говорила... Басти, спасибо за всё, что ты для меня делаешь. Многие для матери не сделали бы и половины, а ведь я тебе никто...

Себ дорого дал бы за возможность узнать, что именно он такого хорошего сделал, но задавил в горле неуместный вопрос, наклонился и сказал внятно и медленно:

— Миссис Кейл, вы мать Эмили, бабушка Сьюзен и моя семья. И всегда будете моей семьёй. Ладно?

Она смущённо улыбнулась, и Себ усилием воли вернул ей эту улыбку. А потом извинился и сказал, что ему нужно сделать один звонок по работе, вышел через заднюю дверь на улицу и без колебаний набрал номер Джима.

Сначала думалось, что он не ответит. Но на восьмом гудке он всё-таки снял трубку и с наигранным удивлением спросил:

— В чём дело, дорогой?

— Что происходит?

Последовала пауза.

— Ощущение, что тут побывал мой двойник.

Снова тишина.

— Джим?

— Пустяки, детка, ничего, о чём тебе стоило бы волноваться, — беззаботно ответил Джим.

— И всё-таки?

— Твоя тёща не любит никого обременять своими проблемами, — произнёс он задумчиво, — так что о стенозе митрального клапана она умолчала.

Себ задержал дыхание. Миссис Кейл вообще ни разу на его памяти на здоровье не жаловалась.

— Это серьёзно?

— Пустяковая операция в Бромптонском госпитале, — фыркнул Джим. — Не забивай голову. И наслаждайся отдыхом, детка.

Он отключился.

Себ опустил телефон и прислонился к стене дома. Он всё ещё не понимал ни чёрта. У миссис Кейл проблемы с сердцем? Когда возникли и почему она ничего не сказала? Как Джим об этом узнал? И как вышло, что он организовал ей эту самую пустяковую операцию, которая, как казалось Себу, была не такой уж и пустяковой.

Кроме того, для Себа оставалось непонятным, почему миссис Кейл благодарит за эту помощь его.

Разве что...

Он потёр переносицу, надеясь, что так думать будет легче.

Разве что Джим каким-то образом писал ей от его имени. Или даже звонил, потому что миссис Кейл говорила что-то про телефон. Может ли Джим подделать голос по телефону? Почему-то Себу казалось, что может. И тогда выходила абсурдная по сути своей картина.

Джим за каким-то хреном влезает в медицинские файлы миссис Кейл, узнаёт, что ей нужна операция, организует её от имени Себа и даёт ему отпуск, чтобы присмотреть за Сьюзен.

Голова начинала побаливать. Информация не укладывалась в неё ни с какой стороны. Он чувствовал, что ему нужен интернет, а потом — ещё один звонок Джиму, уже с более точным вопросом: не «что происходит?», а «какого чёрта?».

Но ещё до того, как он получит ответ на этот вопрос, ему придётся общаться с миссис Кейл. И делать вид, что он в курсе происходящего.

Он вернулся в дом и сразу поднялся в комнату Сьюзен. Постучал, дождался несколько задумчивого: «Да?» — и вошёл.

Сьюзен рисовала за столом. Увидев Себа, она повернула голову, закусил губу и снова вернулась к работе, как будто не заметила его.

— Привет, — сказал Себ спокойно. Он понимал, что разговор им предстоит непростой.

— Я занята, — отрезала Сьюзен. — У меня работа, которую нужно выполнить до завтра.

— Как скажешь, — пожал плечами Себ, — работа — это важно. Я подожду, — и устроился в ногах её кровати, вытащив с полки первую попавшуюся книжку в яркой обложке.

Чего-чего, а терпения ему было не занимать. Опустив глаза в книгу и прочитав первые пару строк на странице, он тут же отвлекся от текста и принялся краем глаза наблюдать за тем, как Сьюзен рисует. Вернее, как она старательно притворяется, что рисует, потому что карандаш едва-едва касался бумаги и даже не двигался.

Они не виделись каких-нибудь несколько дней, но он уже успел соскучиться. И ему показалось, что Сью подросла. Или не может это быть заметно за неделю? Она серьёзно обиделась на него, наверное, думала о прерванной поездке всё это время. И не то, чтобы у него было понимание, как с ней говорить и о чём.

Со Сьюзен и её обиды мысли соскользнули на миссис Кейл с её операцией, а оттуда — на Джима и его вмешательство, суть которого он никак не мог определить: было ли это вторжение в чужую жизнь или забота?

Выдержки и упрямства Сьюзен хватило на двадцать минут. Наконец, она сдалась, отложила карандаш, накрыла рисунок другим листом и обернулась к Себу. Сказала недовольно:

— Я закончила работу.

— Покажешь?

— Нет, — последовал незамедлительный ответ.

Себ вздохнул, тоже закрыл книжку, так и не поняв, о чём она, и не прочитав ни страницы, и произнёс:

— Я знаю, что ты на меня обижена за то, что я прервал наш отпуск.

Сьюзен посмотрела ему в глаза очень серьёзно, твёрдо и с явным раздражением. А Себ пытался понять, откуда у неё такие эмоции. Он как будто пропустил что-то важное, момент,

когда она стала чувствовать взрослее.

— Ты его испортил. Из-за какой-то дурацкой работы, — резко сказала Сьюзен. — Я говорила с Эммой, Эльзой и другими ребятами, ни с кем так не поступали, никогда.

А Себ вдруг ощутил раздражение. Почему-то вспомнилось, что в свои девять лет он не позволил бы себе таких высказываний. А позволил бы — тут же услышал бы от отца всё, что нужно.

Вот только он — не Сьюзен. Она девочка, ещё маленькая, потерявшая мать.

— Я хотела посмотреть Лувр, ты мне обещал Эйфелеву башню, а вместо этого всё просто отменил.

— Сьюзен, — тихо произнёс Себ, — остановись.

— Потому что тебе позвонили с работы. Почему они не могли просто подождать? — она сжала кулаки, зажмурилась, и из-под век потекли слёзы, которые она тут же принялась вытирать.

Себ не мешал ей. Он пытался уложить в голове все эти обвинения и понять, как вообще возможно, чтобы они прозвучали?

— Почему ты так сделал? — выкрикнула она, вскакивая со стула.

Себ остался сидеть и просто ждал, пока слёзы закончатся. И только после этого сказал то, что (он верил) было необходимо сказать:

— Сьюзен, посмотри на меня. Мне действительно жаль, что наш отпуск сорвался. Но он начался только потому что у меня есть работа. Понимаешь? Нет, как ты говоришь, дурацкой работы — нет поездок, прогулок, пиццы, новой одежды и занятий рисованием. Это первое. Второе, и главное. Я очень тебя люблю. Но ты не находишься в центре вселенной. Мы прервали нашу поездку, потому что это было необходимо. Потому что жизнь других людей зависела от того, насколько быстро я вернусь к работе. Я стараюсь, Сью, поверь, стараюсь сделать то, что зависит от меня, чтобы ты была счастлива. Но я не хочу, чтобы ты думала, будто только твои желания имеют значение. Это не так. И если ты думаешь иначе, значит... — он поднялся с кровати, — я не очень хороший отец и плохо справляюсь с твоим воспитанием.

Сьюзен молчала, только шмыгала носом. Себ чувствовал огромную, душащую вину за то, что сказал это всё. И в то же время он понимал, что ей важно услышать это — сейчас и от него.

— Подумай об этом, пожалуйста. Мы поговорим завтра. Бабушка уезжает на неделю, я с утра заберу тебя к себе.

Не дождавшись ни слова на прощанье, Себ вышел из комнаты и притворил за собой дверь.

Дома Себ вбил в поисковике сначала: «Стеноз митрального клапана», — а после: «Бромптонский госпиталь». Прочитал несколько страниц и почти без сил откинулся на подушку, оставил ноутбук.

Слегка перехватывало дыхание. И не находилось никаких подходящих слов.

Чёрт.

Твою ж...

Он всё ещё не понимал, зачем Джим это сделал, зато неплохо разобрался в том, что именно произошло.

Джим был последним человеком, от которого можно было ожидать чего-то в этом роде. Ему ведь было плевать на людей. Он играл ими, ломал без колебаний и сожалений. И вдруг — такой жест. Он не просто выяснил, что у миссис Кейл серьёзные проблемы с сердцем, он нашёл способ решить их, организовал операцию в лучшей, чёрт подери, кардиологической клинике страны. За несколько дней, в обход любой очереди (1). И так всё провернул, что миссис Кейл даже не усомнилась в том, что помог ей Себ. У неё не возникло ни одного повода удивиться или насторожиться.

И ещё этот отпуск.

Просидев полчаса, почти ни о чём не думая, Себ набрал набрал номер доктора Дарелла. Тот ответил почти сразу и первым делом сказал:

— Спасибо, мистер Майлс.

— За что?

— За мистера Мюррея, — до голоса было слышно, что доктор улыбнулся. — За то, что он в безопасности.

Себ пожал плечами, хотя понимал, что доктор его не видит.

— Чем я могу вам помочь, мистер Майлс?

— Извините за поздний звонок, — сказал Себ, — я хотел бы... — ладно, решил уже, — мне нужно поговорить с вами, доктор Дарелл.

— Когда вам угодно, — вежливо ответил Дарелл. — Например, через час?

Он ожидал, что доктор скажет про завтрашний день.

— Ох, полно, — добавил Дарелл, — вы не стали бы звонить мне в половине десятого, если бы разговор не был срочным.

— Он не срочный.

— Позволю себе усомниться, — хмыкнул он. — Вам будет удобно подъехать на Норрис-стрит, восемь? Это буквально в двух шагах от Пикадилли.

Себу было вполне удобно.

— Там чудесный ресторан, который работает допоздна. До встречи, мистер Майлс.

Ресторан оказался из числа тех, которые Себ обычно обходил по большой дуге. С высокими дубовыми дверями, швейцаром у входа и официантами во фраках. И с белоснежными скатертями на круглых столах.

В таких местах он чувствовал себя неуютно, а сейчас это чувство усилилось от того, что на нём были джинсы и потрёпанная военная куртка. Как-то не пришло в голову одеться поприличнее.

Швейцар, правда, ничего ему не сказал, но проводил весьма красноречивым взглядом.

Зато Дарелл, уже ждавший за столиком у окна, был здесь очень к месту в чёрном костюме и белой рубашке.

— Вина, сэр? — тут же появился официант. Себ помотал головой и попросил воды. Дарелл потягивал вино из бокала и вежливо уточнил:

— Вы за рулём, мистер Майлс?

— Я не хочу пить, — отозвался Себ, хотя на самом деле был за рулём. — Спасибо, что согласились встретиться сразу. Хотя вопрос и правда несрочный.

Дарелл отставил бокал и проговорил мягко:

— Я был совершенно ничем не занят. Мне даже приятно выбраться вечером из дома. Хорошая погода для августа, правда?

— Даже жарковато, да, — кивнул Себ.

— Это ненадолго, кажется, на следующей неделе нас слегка затопит.

— Ожидаемо. И без того слишком много солнца этим летом.

Себ, если честно, сам едва понимал, что именно говорит. Бездумные замечания о погоде срывались с языка автоматически, не цепляя сознание. И после того, как тема была полностью исчерпана, а доктор замолчал, Себ произнёс:

— Я даже не знаю, зачем я попросил вас встретиться. Дж... мистер Мюррей...

— Я знаю, что вы зовёте его Джим, — улыбнулся доктор, — называйте так, как привыкли.

Вместо того, чтобы продолжить, Себ замолчал и взял в руки столовый ножик, начищенный до зеркального блеска. Повертел, отложил. Выпил воды, которую ему принесли. Слова никак не складывались в осмысленные предложения.

— Он умеет озадачивать, — тихо заметил доктор. — Иногда делает парадоксальные вещи.

— Именно. Он... помог мне кое в чём, в чём не должен был. Я не просил. Я даже не знал...

— Оу, — протянул доктор, — это не удивительно. И вы должны привыкнуть к тому, что он всегда знает о вас больше, чем вы сами.

— В этой помощи не было смысла. Для него — никакого. Никакой выгоды, никакой пользы.

Дарелл рассмеялся, как всегда, показывая ровные белые зубы — они оказались одного оттенка со скатертью и его рубашкой, и чёрт знает, зачем Себ это заметил.

— Неужели вы ещё не поняли? Ему нет дела до пользы или выгоды. Вернее, ему нет дела до связей, денег или власти. Его единственный враг — это скука, и всё, что он делает...

— Дарелл пожал плечами. — Не думайте, что из скуки он не может вас убить. Или меня.

Вот в этом Себ не сомневался. Может. Но был практически уверен, что не станет, правда, решил об этом доктору не говорить.

— Можно спросить... как вы его встретили?

— В опере, — задумчиво ответил Дарелл. — Мы слушали вместе «Травиату», а потом он едва не довёл меня до безумия. Я дважды пытался уйти от него, — продолжил доктор, — но знаете, это не так-то просто.

— Знаю, — признался Себ.

— Уже пытались?

Вообще-то за год работы — два раза. У Даррела, видимо, характер куда более мягкий. Или Джиму не так весело ломать психику доктора?

— Знаете, мистер Майлс, я рад, что вы появились. Вы помогаете ему. И я не только про задания...

Да уж, Себ догадался, что он говорит о приступах.

— Эти его... это состояние...

— Отклонение шизофренического характера, — угадал вопрос Дарелл. — Точнее сказать не могу, мистер Мюррей — не тот человек, которого можно отправить на полное обследование. Помните, я спрашивал вас однажды, о чём он говорил во время последнего приступа? Я стараюсь следить за его бредом. Обычно он очень осмысленный и логичный, особенно если разбирать его целиком, включая ирландскую часть. Но я боюсь, что однажды эта логичность нарушится. Возможно, вы знаете... — доктор говорил неторопливо, задумчиво, ровно, а тут осёкся, как будто усомнился, стоит ли продолжать. Но всё-таки сказал: — Один из ярких симптомов шизофрении — это нарушенные логические связи. Невозможность связать причину и следствие. Пол мокрый, потому что крокодил зелёный. Лампочка светит, потому что кирпич.

Себ поёжился.

— Джим, конечно, псих, — сказал он, — но с мозгами у него всё в порядке.

— Я надеюсь, так и будет оставаться, — вздохнул Дарелл. — Я лечу его уже девятый год и наблюдаю определённые ухудшения. Совсем небольшие, но этого достаточно, чтобы переживать. Впрочем, знаете, — он снова улыбнулся, — выбросите это из головы. Мистер Мюррей — совершенно невероятный человек с потрясающей силой воли и умом, равных которому я никогда не встречал. Лёгкое безумие — всего лишь провалившаяся попытка природы приглушить блеск его гения.

Себу подумалось, что Дарелл с Джимом должны время от времени вести разговоры, которые можно было бы записывать вместо реалити-шоу. Оба умели заворачивать такие фразочки, от которых мозги перекручивало.

— Не переживайте из-за его помощи, мистер Майлс, — закончил Дарелл, — и не надоедайте ему благодарностями, он этого не любит.

Себ допил воду, отставил стакан.

— Спасибо, доктор.

— Пустяки, — отмахнулся Дарелл. — Знаете, мне тоже иногда бывает приятно поговорить о нём с кем-то... не посторонним.

А ведь и правда. От этой беседы остались смешанные чувства, но преобладало облегчение. И ещё было что-то такое чуть ленивое, сонное. Лёгкое отупение, наступающее после того, как поделишься тайной или проблемой, которая давно грызёт. Приятная вялость.

— Вы могли бы называть меня по имени, доктор? — спросил он. — Кажется, нам ещё придётся работать вместе.

— Рад, что вы оттаяли, мистер Майлс, — ухмыльнулся Дарелл.

— Себ.

— Тогда для вас — Фредерик.

Чёрт с ним. Конечно, Дарелл был индусом, пижоном и тихим некрофилом, но, кажется, он также был и неплохим парнем. Себ был рад, что они встретились и поговорили.

Себ выдохнул, прикрыл глаза и уткнулся лбом в плечо Джоан. Кровь шумела в ушах.

Хотелось замереть вот так и не вставать никогда. С трудом ворочая языком, он пробормотал:

— Не шевелись.

— Ладно, — согласилась Джоан, но спустя каких-нибудь несколько секунд положила руку ему на голову и принялась с нажимом массировать кожу. Вниз по спине прошли мурашки от удовольствия.

Было чертовски хорошо. Вообще, всё как-то разрешилось.

На следующее утро после ссоры Сьюзен сама начала непростой разговор. И очень тихо попросила прощения. В ответ Себ тоже извинился за изменённые планы и повторил обещание вернуться в Париж на осенние каникулы. Миссис Кейл выписали из больницы через неделю после операции, которая прошла очень успешно. Она чувствовала себя отлично, но Себ всё-таки договорился, что в течение следующих двух месяцев за дополнительную плату мисс Кларенс будет не только забирать Сьюзен из школы и делать с ней уроки, но ещё и поможет с домашними делами. Так ему было спокойнее.

Джим снова пропал. Он даже не дал Себу возможности выразить благодарность за ту помощь, которую оказал — просто исчез, и впору было бы забеспокоиться, всё ли с ним в порядке, но Дарелл утверждал, что он как минимум жив и здоров. «Иногда мы все его утомляем», — заметил доктор и флегматично пожал плечами. Себ согласился, что, возможно, так оно и есть.

Джоан вырвалась к нему на выходные, и они уже второй день покидали кровать только затем, чтобы добыть еды на кухне или поставить новый диск с фильмом.

— Басти... — Джоан перестала его чесать, и он недовольно приоткрыл один глаз.

— М?

— Я есть хочу.

— Угу.

Он тоже был бы не против перекусить, но слишком уж не хотелось вставать.

— Если ты согласишься обменять моё плечо на подушку, то я спущусь и погрею что-нибудь.

— Ни за что, — он обхватил её за талию и прижал к себе крепче. Потом всё-таки перевернулся на спину, но тут же снова обнял Джоан. — Не отпущу.

Да и, честно говоря, не желал он оставлять её наедине с кухней. Опасная затея.

— Сам встану, — наконец, сказал он, разжимая объятия, откинул одеяло, но даже встать не успел, как раздался очень неуместный телефонный звонок.

Телефон оказался на другом конце комнаты, почему-то на сейфе, Себ кинулся к нему и с лёгким трепетом прочёл на экране: «Номер скрыт». Ответил на вызов и поспешил выйти из спальни.

Из трубки раздалось:

— Здравствуй, детка.

Себ закрыл за собой дверь поплотнее и пошёл на кухню — ничто не мешает ему греть пиццу, пока Джим будет рассказывать о новом задании.

— Скучал? Ну же, детка, признайся.

— Простите, Джим, — улыбнулся Себ, — у меня нет привычки рыдать над вашей фотографией.

— Ты разбиваешь мне сердце. Каникулы окончены, детка, — добавил он серьёзно. — Жду.

Джоан сидела на кровати, но уже одетая. Проиригнорировав пиццу на тарелке, она

спросила настороженно:

— Всё в порядке?

— Да и нет, — Себ поставил тарелку на тумбочку, — работа. Босс вызывает немедленно. Прости. Останешься до вечера, подождёшь меня?

— Нет, — чуть прохладно ответила Джоан, — поеду.

Себ начал одеваться, пытаясь понять, в чём дело. И только когда он натянул футболку, Джоан спросила:

— Твой босс называет тебя «деткой»?

Себ обернулся. Джоан пригладила волосы.

— Прости, случайно услышала. Не моё дело... — она говорила отрывисто и резко. И Себ догадался, что её это задело. Решив, что пара минут ничего не изменит, и Джим немного подождёт, он ответил:

— Да, называет. В лучшем случае. Он псих с серьёзными задвижками. И у меня в контракте есть приписка об удвоении зарплаты за то, что я вынужден терпеть его.

— Я бы убила нахрен, — покачала она головой, но явно расслабилась и страстно поцеловала его у выхода из дома.

Себ убедился, что она села в такси, проводил взглядом отъезжающую машину и поймал себя на мысли о том, что не хотел бы продлить мгновения прощания. Внутри зудело нетерпение, предвкушение нового задания.

Спустя сорок минут он уже был возле дома номер тринадцать по Клармонт-клоуз.

Примечание:

Я уже писала как-то про медицину Британии. Добавлю здесь, что сложные операции проводятся в том числе и бесплатно, но ждать очереди можно очень долго. А до операции ещё нужно дожидаться приёма нескольких разных врачей-специалистов, что вполне может растянуться на год-полтора.

— Тебе не интересно? — спросил Джим, когда Себ, пережив привычную музыкальную атаку, присел на подлокотник дивана.

— Интересно.

— Почему молчишь?

Себ пожал плечами.

— А смысл? Если вы не захотите, вряд ли что-то расскажете.

Джим тихо рассмеялся.

— Они напали не на эту квартиру. Про неё мало кто знает. А там... да, там пожар, разгром и всё в таком духе.

— Я так и подумал.

Джим не выглядел как перед приступом. Собственно, он выглядел совершенно нормально, и Себ догадался, что его действительно ждёт задание, а не изматывающая ночь рядом с безумцем.

Поскольку Джим молчал, Себ произнёс:

— Спасибо за мою тещу. Это...

— Я убью её, если ты скажешь спасибо ещё раз, — оборвал его Джим. — У нас впереди тяжёлый вечер, детка. Может, самый важный из всех. Мне очень нужно, чтобы ты не сломался, — он встал, отошёл к окну и прислонился лбом к стеклу. Произнёс: — Ты крепкий. Но знаешь... с вами не всегда понятно. Мой бывший... — он хмыкнул, сделав нарочитую паузу, — снайпер сломался неожиданно. Убивал так легко, не особо красиво, но мне нравилось. Кого угодно. Знакомых, женщин, девчонку восьмилетнюю пристрелил, даже бровью не повёл. Мне жалко было, — Джим повернулся, его глаза широко распахнулись, на висках набухли вены.

«Неужели приступ?» — подумал Себ.

— Даже мне. А ему хоть бы что, — чуть опустив веки, Джим продолжил: — А обычного взрослого парня убить не смог. Смотрел в чёртов прицел и не выстрелил.

— Это был Марк, да? Марк Смит?

Джим кивнул.

— А тот парень был такой... — Себ нахмурился, вспоминая, — рыжий, наверняка. С веснушками. Типичный ирландец, невысокий.

— Откуда ты знаешь? — медленно спросил Джим.

— Слабость у него была, — Себ скривился. — Одно такого до самоубийства довёл.

Вдруг подумалось, что под описание «рыжий ирландец невысокого роста» и сам Джим отлично подходит. Может, Марка и на нём закоротило?

— Как? — Джим подался вперёд, в глазах загорелась странная жажда. — Как довёл?

Надо было молчать. И любопытство поумерить. Пережил бы он без этих деталей.

— Был у нас новичок, неплохой парнишка, руки прямые. Марк к нему прицепился. Все с ним говорили, командир ему мозги прочищал, а он всё цеплялся.

— Как?

Себ встретился взглядом с Джимом и сказал спокойно:

— Паскудно. Оскорблял, толкал, если никого рядом не было, мимо пройти не мог, не сказав слова. Как-то они поссорились, а парнишка на следующий день повесился в душе.

Марк мне перед смертью сказал... — Себ не договорил. Ему было мерзко поднимать эту тему.

— Ох, детка, — протянул Джим, — ты винишь себя?

— Не виню. Но мы все там хороши были. Марка надо было завести куда-нибудь подальше и вломить, раз слов не понимал. А мы всё разговоры разговаривали, думали, отпустит его.

Джим зажмурился, облизнул губы. Себ не знал и знать не хотел, о чём он думает.

— Он хотел убить тебя, ты знаешь? — проговорил Джим. — Ревновал. Думал, что ты занял его место.

— Ну, технически так и есть, — заметил Себ.

Новость, однако. Марк хотел время от времени убить каждого, с кем был знаком. А уж того, кто потеснил его с оплачиваемой работы, наверняка ненавидел.

К удивлению Себа, Джим дико, истерически расхохотался. Он всё ещё не открыл глаза, но по щекам текли слёзы.

— Джим?

— Ох, дорогой мой... — он перестал смеяться так же резко, как и начал, — это лучшее, что я слышал за последние пару недель, может, за исключением Александра, который называет меня мистером Смертью.

Открыв глаза, Джим спокойно стёр с лица слёзы и добавил:

— Ты никогда не занимал место Марка. Видишь ли, мой Святой Себастиан, ты прекрасно стреляешь. Марк делал это посредственно. Марк был великолепен в постели. Я умру от скуки в первые пять минут, приди мне в голову фантазия потрахаться с тобой.

Себ с отвращением скривился и попросил:

— Избавьте меня от продолжения разговора, мне всё ясно.

Джим снова рассмеялся и подмигнул:

— Не обижайся, детка, — а потом сделался серьёзным, отошёл от окна и сцепил руки за спиной. — Детка, сегодня в десять двадцать пять вечера меня арестуют. Это будет не полиция, а спецслужбы. Я не буду сопротивляться, что позволит мне отделаться парочкой хороших затрецин. В десять тридцать восемь меня приведут на допрос к женщине, которая контролирует все вопросы антитеррористической безопасности в Британии. Ровно в десять сорок четыре ты должен выстрелить, Себастиан. И произойдёт большой бум.

Себ слушал Джима, боясь вздохнуть.

— Всё просто, детка. Только если ты не сломаешься. Жди здесь.

Себ закрыл глаза, чтобы не видеть Джима, но это не мешало ему слышать его. Сначала Джим ходил по комнате, потом скрипнул дверью и куда-то исчез. Себ не двигался.

В задании не было ничего необычного. Срок, цель, которую назовут позднее, винтовка и выстрел. Но от слов Джима мороз пошёл по коже. «Большой бум» — звучало действительно пугающе. Взрыв — это всегда лишние случайные жертвы, много разрушений, пожар и боль. Но выбора всё равно не было.

Когда дверь скрипнула снова, Себ открыл глаза и увидел, что Джим переоделся в новый тёмно-синий костюм.

— Я неотразим, признай, детка, — улыбнулся Джим, показывая зубы.

— Абсолютно, — фыркнул Себ.

Джим смахнул с плеча соринку и сказал с сомнением в голосе:

— Я думал надеть белый. Но решил, что это перебор. Всё-таки первая встреча.

Пусть костюм и был тёмно-синим, он выглядел весьма дорого и, пожалуй, даже пафосно. Себ прищурился и разглядел на тёмном галстуке Джима узор из черепов.

— Подарю тебе такой, если будешь хорошо себя вести, — перехватил он его взгляд.

— Обойдусь. Не ношу галстуки.

— Напрасно. Они тебе идут. Такая симпатичная петля на шее... — Джим подошёл к окну и побарабанил пальцами по стеклу. — Мы поговорим сегодня. С ним, — добавил он, будто это должно было всё объяснить. На мгновение Себ нахмурился, а потом догадался, о ком речь. О том парне, за которым они несколько раз наблюдали.

— Это из-за него вас потом арестуют?

— Он того стоит, — улыбнулся Джим, прикрыл глаза и опустил голову, словно она стала слишком тяжёлой. Потом выпрямился и уточнил: — Что думаешь насчёт костюма? Может, всё-таки белый?

Себ хмыкнул, хотя ситуация и не особо располагала.

— Понятия не имею. Я не разбираюсь в моде.

Про себя он подумал, что Джим словно бы на свидание собирается. Такое вот извращённое свидание, которое должно закончиться взрывом. И сильно повезёт, если во взрыве не пострадает тот парень.

— С его головы и волос не упадёт, — как обычно, угадал ход его мыслей Джим, — пока. Тебе пора, детка. Забери свою игрушку, адрес я пришлю.

Себ не думал об этом «большом буме», пока не занял позицию. Но заняв её, впервые в жизни понял: выстрелить он не сможет, даже если приказ будут орать ему в ухо.

Нет, на самом деле, такое уже было. В прошлый раз нарушение приказа стоило ему армейской карьеры, хотя он всё равно поступил бы так же. И в этот раз, глядя в бинокль на цель, он осознавал: не выстрелит.

Он прибыл на позицию за три с лишним часа до нужного времени. У него был просто идеальный вид на нужную многоэтажку. Ничто не перекрывало цель, не было никаких помех. Здесь требовался один точный, простой выстрел — с таким справится даже новичок через два месяца учебки.

Микрофона и наушника у Себа не было. И не удивительно — Джим сказал, что его арестуют, а значит, в любом случае отберут все средства связи.

Цель не была живым человеком. На подоконнике обычной квартиры возле приподнятого окна среди горшков с цветами стоял обычный чёрный рюкзак, на котором чуть левее и ниже от центра был нарисован большой красный крестик. Бомба, которая взорвётся, когда Себ выстрелит куда требуется.

Проблема была в том, что бомба стояла на девятом этаже жилой многоэтажки. И если Себ хоть немного понимал иносказательные обороты Джима, «большой бум» означал, что взрыв будет мощным. В десять сорок четыре вечера все жители квартир будут дома.

Не сводя глаз с рюкзака, Себ размышлял о том, что не способен подорвать многоэтажку с гражданскими.

«Если ты не сломаешься», — очень точно сказал Джим.

Зажмурившись, Себ подумал, что вот он, момент надлома. Марк не смог выстрелить в невысокого рыжего ирландца, а он, Себ Майлс, не способен устроить бойню среди гражданских.

И тогда спецслужбы заберут Джима.

Себ представлял, во всяком случае, примерно, зачем нужен взрыв. Это такой шантаж будет: «Я взорвал дом, не выпустите меня — взорву ещё один». Сильно придумано, на самом деле. Не удивительно. Джим — чёртов гений.

На часах было девять сорок две.

Учитывая, что цель никуда убежать не могла, Себ отложил бинокль.

Если он не выстрелит, Джиму будет плохо. Если уж спецслужбы, какое-нибудь МИ5, сцапает его, вряд ли они обойдутся вежливым разговором. Немного, совсем чуть-чуть он знал о том, как правительственные организации умеют вытаскивать информацию из тех, кто им нужен. Просто слышал. Мутная там была история с сукой-капитаном, который за деньги сливал информацию талибам. Себ бы пропустил мимо ушей, но Йена она зацепила, и он как-то рассказал её на ночь вместо страшилки. Тогда они ржали всем отрядом — кто-то, может, нервно, а сам Себ, кажется, от того, насколько всё это дико звучало. Где они — славная британская армия, а где какие-то средневековые варварства вроде пыток, к тому же, по описанию звучавших не очень страшно. Но на второй раз стало совсем не смешно, особенно потому что сам Йен стал мрачным и серьёзным. А капитан раскололся, говорили.

Если Джима возьмут в оборот серьёзные ребята, они его сломают. На самом деле, поломать человека очень просто. Себ видел, как это происходит, своими глазами. Один выстрел — даже не в него, в кого-то другого. Один взрыв. Крики вокруг. И кто-то блюёт, а у кого-то уже грязные штаны. И на следующую ночь какой-нибудь солдатик будет реветь, уткнувшись в подушку и думая, что так его никто не слышит. Так бывает со всеми — так или иначе, слабее или сильнее. А тут — допросы и пытки. Джим и так-то не особо... целый и здоровый, со всеми этими его сказками про чёрных мышей и приступами. Его просто уничтожат.

Может, есть ещё страховка? Второй стрелок, второй взрыв? Себ сильно в этом сомневался.

Стрелка часов подползла к отметке «десять пятнадцать».

До выстрела оставалось чуть меньше получаса.

Себ снова взял бинокль и изучил соседние окна. Почти везде горел свет. Виднелись силуэты мужчин и женщин. Этажом выше бомбы кудрявая девочка лет десяти прижалась носом к стеклу и смотрела вниз — наверняка ждала мать или отца с работы. Через три окна влево аккуратная старушка гладила кошку.

Себ понятия не имел, кого из них зацепит взрывом. Может, рванёт в одной квартире, а может, унесёт три этажа.

Не впервые в операциях гибли гражданские. Такое случалось и на войне. есть приказ, ты выполняешь его. Стараешься сделать всё чисто, но иногда бывают лишние жертвы. Себ никогда не считал, что эти жизни на его совести. Они на совести тех, кто развязал войну, и только. Здесь — всё то же самое.

Или не совсем.

Джим был не просто командиром, боссом, который отдавал приказы. Себ сидел с ним во время приступов непонятной болезни. Защищал его от убийц. А Джим...

Чёрт, без всяких просьб Джим взял и узнал о проблемах с сердцем миссис Кейл. И не просто узнал, он решил эти проблемы, провернув всё удивительно деликатно. Он поступил как друг.

Десять двадцать восемь.

Шестнадцать минут до выстрела.

Себ упёрся лбом во влажное нагревшееся ложе винтовки. Он не может выстрелить — и не выстрелить тоже.

Дерьмо. Какое же дерьмо.

Девять минут.

Четыре.

В десять сорок две Себ поднял голову, снял предохранитель, возвёл курок.

В десять сорок четыре он нажал на спусковой крючок.

Грохнуло. Сильно. Он успел зажмуриться, а когда открыл глаза, то увидел, что как минимум три квартиры разнесло в труху. Он не знал, сколько человек там погибло. Видит Бог, не хотел этого знать. Тяжело втянув носом воздух, он снова упёрся лбом в ложе винтовки и закрыл глаза.

Он отлично знал, что нужно уходить с чердака. Взрыв был очень заметным, скоро в квартале отсюда соберутся полиция и спасательные службы. О взрыве уже знают люди из спецслужб, а значит, поиски стрелка начнутся очень скоро. И хотя вокруг немало мест, откуда можно отлично прицелиться, оставаться здесь просто небезопасно.

Но Себ не шевелился. Он лежал неподвижно, чувствовал тепло винтовки и пытался дышать. Не выходило. Воздух застревал где-то в грудной клетке и не шёл дальше. Как будто в горле что-то стояло.

Вот так, одним выстрелом — три квартиры, с девочками, старушками, кошками и всеми прочими. Если бы Джим не приказал, Себ выстрелил бы всё равно. Сам принял бы это решение, как принял его тогда.

В прошлый раз он хотя бы точно знал, что прав, отлично видел, где свои, а где чужие, и стрелял, потому что прикрывал своих. Вот тех ребят, с которыми накануне операции сидел в одной столовой. То, что застряло в горле, слегка ослабло, и Себ сумел схватить ртом воздух. В этот раз всё то же самое. Здесь свои — свой, один Джим. Там чужие. Все остальные.

Это нихера не помогало. Совсем.

Нужно было небольшое усилие — просто подняться, убрать винтовку в чехол и уйти. Сесть в машину. Вернуться домой.

Себ не мог. Его парализовало. Мелькнула мысль, которая даже не напугала: если оставаться здесь достаточно долго, его обязательно найдут. И больше уже ни о чём не нужно будет думать.

В доме работали пожарные. Вопили сирены, ездили скорые.

Час спустя за спиной скрипнула дверь чердака, раздались шаги. Зашуршала одежда. Человек опустился на корточки совсем рядом. Чужая рука коснулась волос, но даже это не заставило Себа дёрнуться. Прикосновение не было приятным или омерзительным — просто никаким.

— Вставай, — тихо и серьёзно сказал Джим. — Вставай, мой дорогой.

Себ подчинился. Руки сами сложили винтовку в чехол. Ноги сами подняли тело.

— Иди за мной, — велел Джим — и Себ пошёл.

Они спустились к «Ягуару». Подчиняясь приказам Джима, Себ положил винтовку на заднее сиденье, занял пассажирское место спереди, пристегнулся. Джим завёл мотор, включил что-то классическое, вокальное и как будто церковное — и они поехали.

Себ закрыл глаза.

Музыка странным образом заполняла пустую голову, вибрировала на низких частотах, и потом почти больно ударила по ушам высоким вокалом. Себ с трудом сглатывал, раз за разом пытаюсь прочистить горло. Веки потяжелели, но спать не хотелось. Просто как будто на них положили гири, а в глаза сыпанули перца.

Ему не нравилась эта музыка. Как будто угадав его мысли, Джим повернул ручку громкости до нуля. В машине стало блаженно-тихо, но легче Себу от этого не стало.

— Однажды я отравил человека под «Лакримозу», — проговорил Джим. — Точнее, он сам отравил себя. Мы сидели в его комнате... — он говорил спокойно, задумчиво и совсем без акцента, — пили дрянное дешёвое вино. Он поставил пластинку... была у него такая смешная слабость, слушать винил... Поставил пластинку с «Реквиемом» и разыгрывал специально для меня отрывок из «Амадея». Потом оборвал сам себя и сказал, что это всё вторично (1). Перешёл на Пушкина. И точно на словах... — Джим замолчал, но потом заговорил снова: — „Постой, постой! Ты выпил без меня“, — он понял, что уже почти мёртв. И на фоне как раз заиграло... „Так пощади его, Господи“. Пошло, если честно. Но мне тогда понравилось. Ты не понимаешь ни слова, да, детка?

Ну, почти.

Возможно, если напрячься, Себ угадал хотя бы половину смысла, но ему не хотелось, и слова просто проходили мимо. Разве что про отравление он запомнил.

— Ничего, мы почти приехали, — улыбнулся Джим.

Когда машина остановилась, Себ открыл глаза и понял, что Джим привёз его домой, на Слоун-стрит. На автомате он выбрался наружу, открыл дверь, прошёл в комнату, не раздеваясь. Сел на край кровати.

Джим, конечно, последовал за ним, включая по дороге свет и оглядываясь, словно оказался у Себа в квартире впервые. Впрочем, в прошлый раз Джим был ранен и не в себе, а до этого сидел на кухне и, может, даже не заглядывал в другие комнаты.

Осмотревшись, Джим забрался на подоконник и сложил руки на груди. Наклонил голову на бок. Себ отвёл от него взгляд. Ему не нужна была сиделка. Просто остаться одному. Принять контрастный душ и заснуть часов на двадцать. Может, на сорок. Или на всю жизнь. Больше ничего.

— Посмотри на меня, детка, — сказал Джим, и Себ подчинился, как подчинялся до этого. Просто выполнять приказы было проще, чем думать самому.

Глаза у Джима были странные, широко распахнутые и как будто даже влажные.

— Ты выстрелил, — произнёс он совсем тихо.

— Да, — тупо отозвался Себ, глядя на свои руки. Конечно, они не дрожали. — А вас выпустили.

— Она не могла поступить иначе, детка, — сказал Джим. — А он мог. Детка?

Подняв на Джима взгляд, Себ на мгновение забыл о своих мыслях и перестал ощущать терзание совести. Широко распахнув глаза, Джим смотрел на него с непонятным испугом.

— Он мог, понимаешь?

— Тот парень?

— Александр. Александр Кларк, — очень медленно произнёс Джим. — Он понял понимаешь?

— Нет. Но я рад, что вы на свободе, Джим.

Джим расхохотался истерично, но быстро взял себя в руки. Вздохнул.

— Он понял... Мы скоро станем близнецами, детка. Он и я. Не хватает одной детали. Но это легко изменить.

Джим не заговаривался и не бредил. Он что-то объяснял, причём очень важное, но оно воспринималось как сквозь толстый слой ваты. Себ уронил голову на грудь и снова закрыл глаза. Уже даже не так важно было, чтобы Джим ушёл. Он просто хотел закончить этот день, и желательно без кошмаров. Он действительно сможет это пережить, примирить свою совесть с двенадцатью трупами (и ведь не скажешь — целями), но это будет проще сделать, если ему не приснится улыбчивый Йен, который никогда не совершил бы такого дерьма. И особенно если он не превратится потом в Джима, отдающего жутковатые приказы.

Когда с него потянули куртку, Себ не стал сопротивляться. Мелькнуло на самом краю сознания и тут же пропало воспоминание о том, как его раздевала Джоан после того пистолетного выстрела. У Джима получалось едва ли не более ловко (только не сравнивать. И не думать о Джоан. Не сейчас). За курткой последовали ботинки. На футболке Себ дёрнулся, открыл глаза и пробормотал:

— Я сам.

— Тогда поживее, — удивительно зло приказал Джим.

Себ подчинился, разделся до трусов и забрался под одеяло под холодным колючим взглядом. Опустил голову на подушку. Взгляд Джима тут же потеплел.

— Хороший мальчик.

Оглянувшись, Джим нашёл стул, подвинул его поближе к кровати и сел, закинув ногу на ногу.

— Вы не уйдёте?

— Не думаю, — улыбнулся Джим. — Закрывай глазки, детка. Я расскажу тебе сказку.

— Не стоит, — ответила Себ, но глаза закрыл.

Это было странно, лежать в постели, зная, что Джим бодрствует рядом. Обычно у них всё было наоборот. Но, вопреки ожиданиям, Себ не чувствовал неловкости или страха. Сейчас Джим казался настолько нормальным, насколько в принципе возможно. И Себ понимал, что он просто таким вот своеобразным способом выражает благодарность. Собственно (будь у него силы, Себ засмеялся бы), Джим буквально копировал его действия. Подсмотрел и зеркально повторил.

— Спи, Басти, — вдруг сказал он. — Я расскажу тебе добрую сказку про чёрного мышонка.

Но её Себ не услышал — сон накрыл его внезапно мертвенной чернотой. Только один раз в ней громыхнул взрыв, обжёг глаза и лёгкие, но растворился в дымке. Почудилось очередное прикосновение к волосам, но с тем же успехом это могла быть и часть сна. Плевать. Главное, он не видел никаких кошмаров.

Примечание:

Пьеса «Амадей» Питера Шеффера достаточно популярна в Британии, при этом автор никогда не скрывал, что вдохновлялся одной из «Маленьких трагедий» Александра Пушкина — «Моцартом и Сальери». В Британии «Маленькие трагедии», насколько я знаю, никогда не ставились на большой сцене, однако существует несколько литературных переводов на английский.

Александр: пятнадцатая часть

Чердак выглядел точно так же, как во время съёмок «Сына своего отца». Александр поднял архив и воспроизвёл декорации до мельчайших подробностей. Он знал, что мистер Смерть внимателен к деталям, поэтому работал даже более усердно, чем перед съёмками. Обошёлся своими силами — посторонние люди ему здесь были не нужны.

Видит бог, ему было страшно почти до истерики. Но даже дома, закрывшись в спальне, он не мог дать волю эмоциям. Ему казалось, что мистер Смерть видит его. Слышит его мысли. Что его дыхание обжигает затылок.

Но в день встречи и истерика, и волнение прошли. Никогда до этого Александр не был ещё в таком состоянии и откуда-то изнутри даже пытался зафиксировать его. Странное, диковинное мироощущение — осознание, что ты добровольно рискуешь жизнью ради кого-то другого. Не то, что легко почувствовать в сытой современной жизни. Если когда-нибудь он решит снимать военное кино, он это использует. Или (мысль даже осталась где-то на краю сознания как неплохая) если он задумает снова коснуться библейской тематики — тоже пригодится.

Голова была чистой, мысли не мельтешили, тело работало исправно. И только внутренний таймер тикал без остановки.

«За три часа до убийства», — так написал мистер Смерть. То есть в десять ноль семь вечера.

В восемь тридцать Александр начал собираться — побрился, надел чистый свитер и любимые старые джинсы, пригладил волосы. Прибыл на место вовремя.

Он был уверен, что люди Елены не позволят Мэтту совершить что-то неуместное и опасное, но не знал, есть ли возле дома кто-то, кто сможет его подстраховать. Не имел понятия, сидят ли где-то в соседних домах снайперы.

Спокойная решимость едва не оставила его на лестнице. Оказавшись в темноте, которую разгоняла одна-единственная тусклая лампа на лестничной клетке второго этажа, он прижался спиной к стене, согнулся и ухватился за живот, который вдруг скрутило без всякой причины. Тяжело выдохнул, пытаясь справиться с этим приступом, и понял, что по щекам у него текут слёзы. Только вот поворачивать уже было поздно. Разогнувшись и вытерев лицо, он пошёл дальше и не таясь толкнул дверь на чердак, прошёл внутрь. У маленького квадратного окошка стоял человек.

Он был очень невысокого роста. Пять и три... с половиной, если Александру не отказывал глазомер. Узкие плечи делали фигуру подростковой, угловато-нескладной. Рыжие волосы, тщательно уложенные с гелем, волосок к волоску, поблёскивали в профессиональном студийном свете. На нём был тёмно-синий костюм, явно пошитый специально под него хорошим портным. Александр знал: мистер Смерть его услышал. Но не поворачивался, причём не потому что желал скрыть лицо, а чтобы ещё на несколько мгновений продлить само ощущение анонимности.

Александр не готовил речь, не прикидывал реплики и не пытался выстроить сцену встречи в голове, хотя часто делал так, когда волновался. В случае с мистером Смертью, он боялся, это всё равно не сработает.

— Я думал, это будет побережье, — наконец, произнёс мистер Смерть голосом, который очень мало подходил ему — высоким, с лёгкой, едва различимой хрипотцой, —

большие камни, шум прибоя. А ты поспешил.

Этот голос Александру был знаком. Где-то когда-то он слышал его. Только не помнил, где.

Издав короткий высокий смешок, мистер Смерть проговорил:

— Вы будете страдать, мистер Грей. Ужасно.

— Мистер Барри, — выдохнул Александр, мгновенно узнав и фразу, и интонацию. Он забыл о нём. Станный актёр, заскочивший на пробы ирландцев, просто растворился где-то в потоке образов и событий. — Конечно, это не ваше имя.

— Нет, — согласился мистер Смерть и обернулся, позволяя свету падать на лицо, — зови меня Джим, сладкий, — и он широко улыбнулся.

На сцене Александр видел подходящий интересный типаж. Теперь вникал в подробности.

Мистер Смерть по имени Джим оказался куда моложе, чем можно было ожидать. На вид ему можно было бы дать едва ли тридцать, но Александр привык замечать детали такого рода и готов был спорить, что ему за тридцать пять. Типичный ирландец, никаких сомнений — характерное скуластое лицо, разве что без веснушек и без единого намёка на бороду, достаточно светлые брови и волосы на несколько тонов темнее и насыщеннее, но того же яркого натурального оттенка. Цвета глаз в таком освещении было не разобрать, но кажется, достаточно светлые. Губы тонкие. Нос прямой, но слегка коротковатый. Обычный парень. Воистину, жизнь всегда сильнее любого сценария. Такому мало кто из режиссёров отдал бы злодейскую роль. Во всём его облике не было никакой силы, только хрупкость. И улыбка его обнажала белые, но кривоватые зубы. Не критично, что могло бы отталкивать, а чуть-чуть. С такими зубами ходят подростки, ещё не накопившие денег или не набравшиеся смелости поставить на полгода брекететы.

И это имя Джим... Дурных мальчиков в поучительных рассказах никогда не зовут Джимами, как известно.

— Скажи, — проговорил мистер Смерть Джим, — ты был уверен, когда шёл сюда?

По-птичьему он склонил голову на бок.

— Был, — кивнул Александр. — Но не до конца.

Джим несколько удивлённо нагнул голову к другому плечу, и Александр пояснил:

— Ты ошибся в одном моменте. Только в одном, но...

— Я знал, что ты это скажешь, — прервал его Джим и закатил глаза, — только не я ошибся, сладкий, а ты. Худшая твоя работа, поверь мне, хотя всё равно гениальная. Ты сам не понял, что снял, — его голос сделался ещё выше.

— Нет, — ровно возразил Александр. — Ты просто не увидел главную мысль. Грэхам стремится к смерти, но не физической, а бытийной, экзистенциальной. Он романтизирует её и приходит в ужас от физического её воплощения. Больше всего на свете он хочет не встречаться со смертью вовсе...

Александр осёкся: Джим тихо смеялся.

— Ох, видел бы ты себя сейчас, — сказал Джим и оперся руками на подоконник позади. — Ты пробовал когда-нибудь сам?

От этого вопроса Александра слегка замутило, а Джим невозмутимо продолжил:

— Поэтому ты не понял. Для Грэхама нет ничего важнее того момента, когда он просыпается в объятиях первой мёртвой женщины. Только умершей. Ещё теплой. Он пока не видит в ней уродства смерти, гнили, разложения и всего прочего, — Джим дёрнул ноздрями,

словно и правда унюхал трупную вонь, — он видит застывшую красоту. Именно к ней он стремится весь фильм. И её не может найти.

— Тогда почему он убил себя?

— Потому что понял, что может получить желаемое. Когда смотрит на пятую женщину, прости, сладкий, я забыл её имя, он понимает, что нашёл всё, о чём мечтал. Он может взять это. И он знает, что более счастливого мгновения в его жизни уже не будет.

Александр снял очки, протёр глаза и признался:

— Я не думал об этом так. Я заставил его бежать от смерти туда, где он её больше не увидит. В самую смерть. Но твоя версия, возможно, даже сильнее. Вот он, мир постмодернизма. Я творю одно, а ты смотришь совсем другое. И кто из нас имеет большую власть над искусством?

Он снова надел очки, прошёл по чердаку и сел на продавленную кровать, где должен был бы лежать труп Мэри Кэлли. Джим остался стоять у подоконника, только повернул корпус.

— Знаешь, — сказал Александр спустя минуту или полторы, — ты мог позвонить. «Привет, мистер Кларк, я тут посмотрел все твои фильмы и хочу обсудить их».

— Ты бы не понял главного, — мягко ответил Джим. — Но теперь понял?

— Мне бы для этого хватило разговора за пинтой пива. Я не глуп.

Он не мог точно охарактеризовать те эмоции, которые испытывал, но похоже, главной была обида. А ещё — тоскливое сожаление о том, что уже слишком поздно.

— О, поверь, сладкий, в этом я не сомневаюсь, — протянул Джим, — только не после того, как ты столь изящно признался мне в любви. Я был тронут. Такое внимание.

— Значит, ты посмотрел остальные мои фильмы только после «Жертвы»?

Джим фыркнул:

— Я смотрел все твои работы в то же время, как они выходили. Поверь, я давний и преданный поклонник.

— Не понимаю только одного: зачем? Хотя нет, понимаю.

Джим кивнул, как бы говоря, что он и не сомневался. Потом прошёл и тоже сел на кровать, но не рядом, а наоборот, максимально далеко. Положил руки на колени. Тихо посвистел себе под нос.

— Я понимаю, — продолжил Александр, — но принять не могу. Эти люди не имели никакого отношения к тебе или ко мне, к нам.

— Статисты, — отозвался Джим равнодушно. — Но ты знаешь, на одной из сцен я получил удовольствие. Всегда мечтал сжечь святого отца-католика, и представь себе, ни разу не подворачивалась возможность. О, не делай такое лицо, знай ты, скольких одиннадцатилетних мальчиков он перетрахал за свою карьеру, сам бы бросил спичку в той церкви.

— Зато остальные ничего плохого не совершили.

— Как ты можешь ручаться за ту тётку? Опекуншу Кэтлин Смайт? Не просто так же девочка её зарезала. Поверь, не просто так... — Джим прикрыл глаза и как будто погрузился в свои мысли, но в этот раз однозначно играл, причём не особенно старательно. — Насчёт остальных ничего не скажу. Мне плевать.

— Мне нет.

— Однажды тебе станет плевать, — неожиданно холодно сказал Джим, открывая глаза. — Ты не будешь больше думать о чужих жизнях. О чужих чувствах. Они потеряют всякое

значение. У нас с тобой сейчас есть два маленьких различия, сладкий. Первое уже не исправить, но со вторым я помогу.

И вот это прозвучало однозначно как угроза.

Джим встал, одёрнул полы пиджака, и Александр рассмотрел на его галстукке маленькие вышитые золотой нитью черепашки — «Александр МакКуин», знакомый бренд.

— С фильмами покончено, — добавил Джим, поймав взгляд Александра и расстегнув пуговицу пиджака, чтобы, видимо, показать галстук целиком. — Дальше это было бы скучно. Зато когда мы снова встретимся, сладкий, — он растянул это обращение так, что едва не потерялся смысл слова, — нам будет весело вместе. Увидимся.

И, послав воздушный поцелуй, Джим повернулся и ушёл с чердака.

Александр медленно откинулся назад, опираясь спиной о холодную стену, закрыл глаза и почувствовал, как начинают стучать зубы.

Александр: шестнадцатая часть

Спустя три часа Александр вошёл в кабинет Елены и застал её в компании бутылки джина. За последние лет двадцать он ни разу не видел сестру такой — потерявшей всю свою строгость, без пиджака, с растёпанными волосами и покрасневшим лицом, по которому шли некрасивые пятна.

— Возьми стакан сам, — твёрдым голосом, в котором не было слышно и намёка на опьянение, приказала Елена. Александр подчинился. — Сядь.

Она налила ему щедро, больше половины тумблера, и долила себе. Выпила одна — Александр к алкоголю не притронулся. Он разглядывал Елену, пытаясь понять, что произошло, и теряясь в догадках. Елена выглядела надломленной, разбитой. И не его встреча с мистером Смертью по имени Джим тому причина — он не сомневался.

— Я взяла его на выходе, — наконец, произнесла Елена хрипло, — он был без охраны, даже не сопротивлялся. Мне привели его на допрос. И мы поговорили... недолго.

Она замолчала, и Александр не стал торопить её, хотя всё ещё не мог догадаться, что произошло.

— Он подорвал жилой дом. Многоквартирный. Одиннадцать погибших, пятеро в реанимации, на месте взрыва работают спасатели, как минимум четверо человек остаются под завалами, — сказала она тихо. — Когда я выслушала новости, он сказал, что таких домов в Британии у него много. И каждый час, который он проведёт под арестом, будет заканчиваться взрывом.

— Господи...

— Если я не хочу, чтобы волна терактов захлестнула Британию, я не стану проявлять лишнего интереса к нему и его людям. И... — она сделала ещё глоток джина, прежде чем продолжить, — взрывы продолжатся, если я стану лезть в его игры с тобой.

— Ты отпустила его, — безо всяких сомнений сказал Александр.

— Выбор у меня был небольшой. Если мы хотя бы в половину верно оцениваем его возможности, то он действительно способен это сделать.

— Это моя вина, — произнёс Александр, чувствуя, что ему сложно дышать. — Я позвал его на встречу, хотя ты запретила.

— Встреча всё равно состоялась бы. Я слышала ваш разговор. Не пригласи его ты, он заставил бы тебя прийти. Дальше я точно так же задержала бы его, и он так же взорвал бы дом, чтобы показать, кто владеет ситуацией. Мелкий ублюдок, — она скрипнула зубами и выпила ещё. Потянулась к бутылке, но Александр перехватил её руку, остановил и отставил джин на пол.

— Не надо. Это и не твоя вина тоже.

— Я занимаюсь антитеррористической безопасностью. И я отпустила парня, который взорвал дом, — резко выдохнула она. — Думаешь, не моя? Забудь. Я тебя позвала не для того, чтобы ныть и жаловаться.

— А могла бы, ради разнообразия, — заметил Александр, — не всё же мне этим заниматься. Елена...

— Я буду наблюдать за ним. У него должно быть что-то важное. Привязанности, слабые места, дурные привычки, на которых можно его подловить. Попробую заслать крота к нему в организацию, если мы вообще сумеем её найти. Но, — она перевела на Александра тяжёлый

взгляд покрасневших воспалённых глаз, — это небыстро. И до тех пор ты остаётся с ним один на один. И мне это не нравится.

— Ты не можешь рисковать жизнями десятков людей.

Они молчали довольно долго. Открыв в одном из шкафов потайное ростовое зеркало, Елена принялась приводить себя в порядок — протёрла лицо салфетками, подкрасила глаза и губы, причесалась, надела пиджак и ещё довольно долго придирчиво изучала своё отражение.

— Есть тональник или пудра? — спросил Александр, когда она повернулась. Она кивнула и указала на полку с косметикой. — Подними голову.

Тушь и помада не смогли скрыть её плачевного состояния, но тональник справился с этим на отлично. Разделавшись с мешками под глазами, он повернул её за плечи к зеркалу. Елена покачала головой, и он осторожно поцеловал её в висок.

— Есть что-то напрягающее в том, что мой брат лучше обращается с косметикой, чем я, — сказала она, но без намёка на веселье в голосе.

— Должна быть от меня какая-то польза, — почти беззвучно отозвался он. — Елена, мне нужно узнать его. Он знает обо мне слишком много, а я о нём...

— Это может быть опасно. Ты ведь понимаешь?

— А ждать, что он решит сделать, не имея вообще никакой информации, вслепую, не опаснее? Мы говорили с ним минут пятнадцать, но я понял о нём очень многое. Он сказал... — если бы Елена не прослушивала их разговор, не факт, что Александр сумел бы её об этом рассказать, но она уже всё равно знала, так что он повторить: — Он сказал, что мы похожи, но у нас есть два маленьких различия. Одно уже не исправить, а вот со вторым он поможет.

— Знаешь, что он имел в виду?

— Пока нет. Но могу попробовать угадать... если узнаю хоть что-то. Пожалуйста.

После долгих колебаний Елена сказала:

— В субботу в два часа у меня здесь собрание по нему. Эксперты представят всё, что удастся найти. Ты можешь прийти.

— А ваша с ним встреча... ты записывала её?

Елена тяжело вздохнула, сжала переносицу, потом достала из кармана пиджака флешку и протянула её со словами: «Это копия. Оставь себе».

Джима ввели в кабинет достаточно грубо, держа с двух сторон за плечи, при этом руки у него были скованы наручниками, а на щеке виднелась свежая ссадина. Едва ли его били, скорее, неудачно вписали в дверной проём. Пиджак куда-то делся, рубашка была застёгнута криво, а галстук от «Александра МакКуина» торчал из кармана брюк. Александр догадался, что его обыскали, прежде чем пустить к Елене, и понимал, что это правильно. И в то же время он сам почувствовал себя униженным, словно это его сначала раздели догола, а потом одели кое-как.

— Мэм, — сказал один из конвоиров в чёрном костюме.

— Спасибо, оставьте нас вдвоём, Дерек, — произнесла Елена, которой в кадре не было видно — камера, по всей видимости, висела точно над её столом.

— Вы уверены, мэм?

— Я вызову вас, если понадобится, — твёрдо произнесла Елена. И, когда агенты удалились, велела совершенно ледяным голосом: — Сесть!

Джим поднял глаза в камеру, улыбнулся и произнёс одними губами, но так, что Александр точно разобрал: «Привет, сладкий», — после чего ногой подвинул стул поудобнее и сел, будто бы и не обращая внимания на неудобства, которые доставляли скованные за спиной руки.

— Значит, Джим. Джим Фоули, — произнесла Елена. — Бывший генеральный директор «М-Корпорейшн», погибший в июле две тысячи восьмого года.

— Вы читаете газеты, как мило, — улыбнулся Джим и подмигнул. — Рад знакомству, мисс Кларк. Наслышан.

— Вы, мистер Фоули, доставили мне очень много беспокойства в последние несколько месяцев.

— Это не было моей целью, — пожал плечами Джим, закинул ногу на ногу, обвёл кабинет долгим внимательным взглядом и заметил: — Миленькое кресло, — кивнув в дальний тёмный угол.

Елена проигнорировала это замечание и сказала:

— Давайте посмотрим, что у нас есть, мистер Фоули. Или Барри? Или, может быть, Мартин?

— Зовите меня секси, — предложил Джим, облизнув губы, а потом добавил: — Хотя нет, не стоит. Как насчёт...

— Помолчите пока, — оборвала его Елена жёстко. — Вы, мистер Фоули, устроили серию жертвоприношений, потом убили чужими руками пятёрых человек, а также действуете на нервы моему брату.

— Это главное преступление, — вставил Джим.

— И у нас с вами, мистер Фоули, разговор может пойти двумя путями. Первый...

— Я буду хорошим мальчиком и сдам вам много-много плохих парней, — пропел Джим высоко, — а второй — я буду плохим мальчиком, и вы, в обход полиции и судебной системы, покажете мне двадцать пять способов британской разведки добывать информацию, — он демонстративно зевнул. — Нет, я бы попробовал второй вариант, честное слово. Но во-первых, ваши ребята, мисс Кларк, начисто лишены фантазии. Меня не заводят тупицы. А во-вторых, у меня много дел. Видите ли, мисс Кларк, у меня запланирован ужин. Через полчаса. И я собираюсь на него успеть.

Александр не выдержал и поставил запись на паузу. Его коробило от того, что он видел и слышал. Его начинало мутить. Тон Джима, то, как он обращался с Еленой, понимание, чем всё закончится — всё это давалось очень тяжело.

Но досмотреть было нужно. И он предпочитал разделаться с видео сегодня, пусть даже и ценой бессонной ночи, но не оставлять на завтра. Он нажал на кнопку.

— Ужин отменяется. Давайте проверим, готовы ли вы сотрудничать. Начнём со взрыва в офисе «М-Корпорейшин».

— Не с него, — тихо произнёс Джим и посмотрел на часы. — Сейчас вам позвонят, мисс Кларк. И назовут адрес. Портленд-стрит, тридцать семь, — он сделал страшные глаза: — Бум!

Стоило ему это произнести, как действительно послышался гул виброзвонка. Не сразу, но Елена сняла трубку. После недолгого молчания сказала:

— Ясно. Держите меня в курсе.

Джим улыбнулся:

— Проверим, сколько ещё домов я могу взорвать, мисс Кларк? Сколько улиц? Торговых

центров? У нас с вами разговор может пойти по одному из двух путей, — спародировал он Елену, — Первый...

— Я вас выпущу, и никто не пострадает, — негромко закончила Елена. — А второй — взрывы продолжатся.

— Каждый час, мисс Кларк, который я проведу здесь, мои люди будут что-то взрывать. Ночь огня, так скажут завтра на ВВС, да? Если, конечно, я не взорву ВВС, — он засмеялся — Пусть ваши парни снимут наручники.

Елена, видимо, нажала кнопку вызова, потому что почти сразу же в кабинет вернулись агенты и по её приказу освободили Джима.

— Вы не рискнёте проверить, говорю ли я правду, мисс Кларк, — заметил Джим, когда агенты ушли, и внимательно осмотрел тонкие запястья, — не подставите под удар ещё двадцать человек. И свою карьеру, — он снова перевёл взгляд на Елену. — Попробуетесь арестовать меня — бум. Замечу, что копаете под моих людей — бум. Убьёте меня... — он рассмеялся высоким тонким смехом, — даже не будем обсуждать. Вы не отважитесь. И главное, мисс Кларк, даже не пытайтесь мешать мне играть с Александром. Я его хочу, — он поднял глаза вверх, к камере, и добавил: — Нам будет очень весело, сладкий, — потом опять посмотрел на Елену, достал из кармана галстук, повязал аккуратным узлом, улыбнулся, помахал рукой и вышел из кабинета. Заглянул, приоткрыв дверь, подмигнул и сказал: — Будьте хорошей девочкой. Кстати...

Запись оборвалась.

Себ почувствовал, что не один в комнате, ещё до того, как окончательно проснулся. Он слышал рядом чужое дыхание. Мозг запустился вполоборота, и воспоминания о том, что было вчера, отозвались очень болезненно. Но Себ не стал обращать на них внимание и резко открыл глаза.

Джим сидел на том же стуле и в той же позе, что и накануне. Как будто провёл так всю ночь.

— С добрым утром, детка, — улыбнулся он как-то подозрительно нормально. За ночь его костюм смялся, на подбородке и щеках показалась неровная щетина. Сейчас его очень легко было принять за обычного человека. Просто приятеля, который заскочил в гости с утра пораньше.

— Вы не спали? — спросил Себ чуть хрипло. Прочистил горло.

— После встречи с ним? Это было бы ошибкой.

И иллюзия нормальности тут же рассеялась. Стало неуютно.

— Ты ни разу даже не пошевелился, — вдруг задумчиво сказал Джим. Слегка наклонил голову на бок. — И ни звука. Ты спишь как труп, дорогой.

Джим разглядывал его внимательно и как будто даже настороженно. У Себа мелькнула странная догадка: Джим остался, потому что думал, будто Себа будут мучить кошмары. Как они мучали бы самого Джима, возможно.

— Я вообще спокойно сплю, — ровно ответил Себ, откинул одеяло и встал. Джим ничего на это не сказал, так что Себ пошёл одеваться, достал чистую футболку и тут лопатками почувствовал колючий взгляд.

Обернулся.

Джим всё так же сидел, немного наклонив голову, но теперь смотрел (Себ поёжился) жадно. Поза стала напряжённой. Губы чуть приоткрылись.

— А ты хорош, детка, — проговорил Джим негромко.

Сосредоточившись на ровном дыхании, Себ снова повернулся к шкафу и спокойно оделся. И только потом спросил:

— Какого чёрта?

Джим визгливо, истерично расхохотался.

— Видел бы ты своё лицо, дорогой.

Он не видел. Но в целом, знал возможности своей мимики и сильно сомневался, что на его лице появилось какое-то очень уж интересное выражение. Впрочем, Джим ведь наблюдательный.

— Дурацкая шутка, — сказал он и тут услышал позади скрип.

Джим растянулся на его кровати, не удосужившись даже снять ботинки, закинул руки за голову и прикрыл глаза.

— Не бойся, дорогой, — сказал он задумчиво, — я мог бы уложить тебя в постель, но не буду. Твоя девичья честь неприкосновенна.

Почесав в затылке, Себ решил, что лучше обойтись без комментариев. Будь у Джима открыты глаза, он на доступном жестовом показал бы, что думает по этому поводу. А словами — не формулировалось. Так что он просто отправился в душ — и плевать, что уже натянул чистую одежду на грязное потное тело.

Дурацкие замечания Джима, как ни странно, оказались полезны. Как будто слегка встряхнули. Но это не значило, что, закрыв глаза и встав под горячие струи воды, Себ не увидел тот взрыв и девчушку, которая продолжала смотреть в окно. Просто пережить, подождать, пока не станет легче. Оно станет, Себ знал. Но сейчас на душе было дерьмово, пусть и лучше, чем вчера. Он выспался. Удивительно здорово, учитывая, что рядом сидел (и вряд ли неподвижно) Джим. Не то, что без кошмаров — без единого смутного образа во сне.

Голова казалась всё ещё несколько пустой, зато отдохнувшей. Глаза работали как нужно, пропало жжение. Теперь только не вспоминать про взрыв и невесть сколько погибших человек, занять себя каким-нибудь делом — хоть завтраком, — и будет хорошо.

Из кухни доносился шум воды, в воздухе чувствовался запах чего-то жареного. Себ нахмурился и осторожно заглянул внутрь. Джим, нацепив поверх мятого костюма фартук, слишком ему длинный, ловко жарил панкейки.

Себ осторожно прислонился плечом к дверному косяку, наблюдая за сумасшедшей картиной. Джим коротко взглянул на него, но ничего не сказал и продолжил своё дело. И только сняв последний панкейк и поставив на стол рядом с двумя чашками и чайником чая полную тарелку, Джим спросил:

— Почему нет?

— Что — нет? — не понял Себ.

Повинуясь требовательному жесту, сел за стол, положил себе сразу четыре панкейка, разлил чай. Джим недовольно раздул ноздри и повторил вопрос:

— Почему нет? Почему ты считаешь, что я не могу готовить завтрак?

Себ даже не был уверен, что успел сформулировать эту мысль, когда бросал удивлённый взгляд. Но если задуматься, то да, он действительно был очень удивлён.

— Я не знаю, — пожал он плечами.

Джим сделал небольшой глоток чая без молока, к еде даже не прикоснулся. А вот Себ ел с удовольствием. Джим умел готовить. Как будто каждое утро жарил на завтрак чёртовы панкейки.

— Давай, скажи. А потом я отвечу на твой вопрос.

— Не знаю, правда. Просто вы... — Себ пожал плечами, — не любите пачкать руки. Во всех смыслах.

— Не люблю, — очень серьёзно согласился Джим. — Но не значит, что я не могу, — он отвёл взгляд куда-то в сторону, за спину Себа, — не всем везёт родиться изнеженными маленькими принцами, представь себе, — Себ нахмурился, пытаясь угадать, о чём и о ком он. — Не всех опекают с раннего детства, боятся, как бы деточка не ушибся и не обжётся. Не за всеми бегают до двенадцати лет няни. И не у всех в родовом поместье штат слуг.

Глаза Джима стали пустыми, потеряли всякое выражение. И Себ в который раз подумал, что от этой мгновенной смены настроений ему не по себе. Зато он догадался, кто это принц-белоручка — тот самый Александр Кларк. На самом деле, стало даже интересно, чем именно он вызвал у Джима такие сильные чувства.

— Она тогда просто ушла, — не в тему сказал Джим. — Бум, — прибавил он, щёлкнул языком и высоко, немелодично пропел: — «Спи спокойно дитя»... Не важно, — он снова сфокусировал взгляд на Себе. — Твоя очередь, детка.

Он спросил бы его о матери, если бы нашёл в себе смелость. Хотя, на самом деле, и спрашивать ничего не требовалось. Более или менее Себ мог предположить, в чём там дело. Поэтому он выбрал более безопасную тему:

— Вы остались со мной вчера. И теперь вот завтрак. Зачем?

Джим, похоже, был доволен вопросом.

— Детка, ты учишься. Я отвечу, но тогда будет ещё один раунд, — он поставил локти на стол, подвинув чашку, проследил за тем, как Себ доедает шестой панкейк, и сказал: — Потому что это интересно.

— Это не ответ, — заметил Себ.

— Это полноценный и развёрнутый ответ, но ты не в состоянии его понять. Иногда ты примитивнее одноклеточного, Себастиан, — он вздохнул, — и это было бы скучно, если бы... так было всегда, понимаешь? Ты должен был вчера сломаться. Но ты снова цел.

Звучало обидно. Но спорить с Джимом он не собирался, поэтому продолжил завтрак. И совершенно не ожидал, что Джим добавит весело:

— А ещё, это ведь входит в понятие дружбы, правда?

Себ рассмеялся:

— Да, вполне. Почти всё. Ладно, я понял. Я ваш тупой одноклеточный друг с нестандартными реакциями.

Джим откинулся на спинку стула и довольно фыркнул.

— Подходит. Мой ход, дорогой.

— Валяйте, — согласился Себ.

После сытного завтрака и горячего чая ему стало спокойно и хорошо. Несмотря на присутствие Джима — а может, как раз благодаря ему, — заторможенность понемногу проходила. Он чувствовал вкус еды, мог улыбаться шуткам, пусть и сомнительным.

Джим откинулся назад на стуле, приподнимая его на двух ножках, и спросил:

— Что это была за эмоция? Когда я сказал, что мог бы уложить тебя в постель?

Серьёзно? Похоже, что да. Джим смотрел заинтересованно и однозначно ждал ответа.

— Что ты почувствовал?

— Это была смесь злости и усталости, Джим, — сказал Себ. — Эти ваши шуточки не задевают, но приедаются.

Джим довольно улыбнулся.

— Думаешь, я шутил, детка?

— Точно, — кивнул Себ.

— Почему?

— Технически, это уже третий вопрос. Но я отвечу. Потому что если это будет не шутка, я разобью вам лицо.

Чёрт его разберёт, как работает голова Джима. Во всяком случае, эта угроза ничуть его не расстроила, он великодушно разрешил:

— Делай свой ход, — и добавил: — Только постарайся, не роняй планку.

Почесав в затылке, Себ попытался выбрать что-нибудь действительно интересное. О вчерашнем говорить не хотелось совершенно. Можно было бы спросить про Александра Кларка, но Себ решил сначала провести пару часов в «Гугле».

— Вы вчера рассказывали... — неуверенно произнёс он, — как вы убили человека под музыку. Зачем?

Джим закатил глаза.

— Под музыку. Детка, мне больно. Я убивал самых разных людей под самую разную музыку. Как-то пытал одного парня под Армстронга. Вернее, при мне пытали. А Уолли умирал под «Реквием» Вольфганга Амадея Моцарта. И видит бог, я хочу верить, что это имя

тебе знакомо.

Себ пожал плечами:

— Я не особо разбираюсь в музыке. Но да, знакомо. Я даже на концерте был... с Эмили. И Армстронга тоже знаю.

— Хвала небесам, — пробормотал Джим, опустив стул на все четыре ножки. — Вчера я говорил про Уолли. Зачем я убил его? Он решил, что может мной распоряжаться, — он сглотнул. — Он мне нравился. Такая прорва упущенных возможностей. Талант при отсутствии морали...

Себ слушал молча, уже осознавая, что не стоило об этом спрашивать. Джим чуть прикрыл глаза и, похоже, погрузился в мысли или воспоминания. Но продолжал говорить:

— Не такое уж частое сочетание за пределами романтической литературы. Натуральный ублюдок. Сочетание глубочайших пороков и удивительной невинности. Он говорил, что не сможет без меня жить. Не захочет. Я помог ему, детка.

Тяжело выдохнув, Джим опустил голову. Себ жалел, что спросил об этом. Очень зря это было.

— Простите, — сказал он.

Джим открыл глаза и посмотрел на него удивлённо:

— Это был хороший вопрос. Отличный, детка. Может, немного не достаточно острый, но ты определённо делаешь успехи. Ещё год-другой, и игра станет по-настоящему интересной.

Он встал из-за стола, снял и аккуратно повесил на крючок фартук, пригладил волосы. Наморщил нос.

— Мы продолжим позже, детка. Отдыхай и не скучай без меня.

И Джим послал ему воздушный поцелуй, прежде чем выйти из кухни.

«Александр Кларк», — вбил в поисковик Себ, готовясь к долгим и утомительным поискам. Но ошибся. С первой же фотографии по первой же ссылке на него смотрел знакомый мужчина. Теперь Себ мог изучить его внимательнее.

Лет сорок пять или около того, светлые волосы острижены коротко, надо лбом намечаются залысины. На длинном носу — прямоугольные очки. Серые глаза смотрят с хитрым прищуром. Одет просто — в чёрный свитер и потёртые джинсы. За спиной — размытая афиша какого-то фильма. И заголовок у новости: «Новый фильм Александра Кларка может получить 8 номинаций на „Оскар“».

Себ задумчиво потёр переносицу и в новой вкладке открыл «Википедию». Там для Александра Кларка была отдельная страница.

«Кларк, Александр — британский кинорежиссёр, сценарист и продюсер, родился 23 апреля 1967 года, Лондон, Великобритания. Яркий представитель направления „гиперреализм“ в кинематографе».

Дальше Себ немного пролистал вниз, потому что описание манеры съёмок его мало интересовало.

В разделе «Биография» было не очень-то много информации.

«Родители — Эдриан Саймон Кларк и Мария Симона Кларк (дев. — Эрскин) Александр Кларк — выпускник Итона, продолжил образование в Оксфорде по специальности „история искусства“, позднее прошёл курс кинорежиссуры в NFTS...».

Себ пролистал ещё ниже.

«Не женат, в 2005—2006 годах состоял в отношениях с актрисой...».

«Интересные факты: Александр Кларк — второй в очереди наследования титула...».

«Единственный представитель семьи Кларк за четыре поколения, не занятый на государственной службе».

«Шесть номинаций и четыре победы на ВАФТА».

Потом шла фильмография. Себ изучил её внимательно но понял, что ни про один фильм даже не слышал. Разве название «Жертва нового бога» казалось смутно знакомым.

Внизу шли ссылки: «Александр Кларк рассказал, почему не стремится попасть на „Оскар“», «Режиссёр „Жертвы нового бога“ назвал свой фильм жизненным». «Александр Кларк прокомментировал убийство актёра».

Себ кликнул по ссылке и выяснил, что прошлой осенью на съёмках очередного фильма Кларка произошла трагедия — актёра убили, перед этим прибив к кресту. Кларк выражал соболезнования семье и близким и надеялся, что убийцу найдут, а также обещал закончить фильм.

Отставив ноутбук, Себ снова потёр переносицу. Ни чёрта не понятно. Этот Александр Кларк был обычным кинодеятелем из очень богатой семьи, который от скуки снимает фильмы и иногда спит с актрисами. Ещё несколько интервью позволили добавить в эту характеристику: даёт заумные интервью и не надевает костюмы даже на ТВ.

Себ не мог понять одного: что такого разглядел в нём Джим? Почему именно в нём?

Никаких планов на день не было, поэтому Себ просто нашёл на торренте эту самую «Жертву нового бога» и честно посмотрел от начала до конца.

И надо сказать, он ожидал чего-то... большего. Обычный триллер с налётом ужасов, непонятный маньяк, с которым так ничего в конце и не стало ясно, увлекательный сюжет, много натуралистичных трупов на экране, но в общем-то, ничего особенного. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы настолько впечатлить Джима.

Решив, что он всё равно ничего в этом не понимает, Себ закрыл ноутбук, вытянулся на кровати и снова услышал отзвук вчерашнего взрыва. Поморщился. Включил телевизор и буквально заставил выслушать себя новостной репортаж, в котором говорилось: число жертв взрыва бытового газа в многоквартирном доме по адресу Портленд-стрит, тридцать семь, достигло четырнадцати. Ещё четверо находятся в реанимации в тяжёлом состоянии, спасатели сообщают, что больше под завалами людей не осталось.

Себа слегка мутило, но он выключил телевизор только тогда, когда новости закончились. Во всяком случае, теперь он знает, во сколько жизней обошлась свобода Джима. Не сказать, чтобы это было самое необходимое на свете знание.

Александр: семнадцатая часть

Мэтт вытащил Александра на партию в сквош. Будь воля Александра, он не вышел бы из дома — не хотелось вообще ничего делать. Но Мэтт пришёл, буквально поднял его из кресла, толкнул в сторону шкафа с одеждой и, пока Александр вяло переодевался, собрал ему спортивную сумку.

Первые минут десять игра не клеилась. Александр пропустил все подачи Мэтта, да и сам разыгрывал мячи вяло. Если честно, ему хотелось, чтобы Мэтт просто признал затею неудачной и объявил, что ничего из этого не выйдет.

— Ты не можешь, — рявкнул Мэтт, с силой ударяя ракеткой по мячу в очередной раз, — просто похоронить себя из-за этого психа.

Мяч, ударившись об пол, улетел за линию, Александр пошёл за ним, сжал в кулаке, согревая. Ему нечего было сказать.

— Я серьёзно, — Мэтт отвёл со лба влажные волосы, — просто не можешь.

— Я не могу с этим жить, — тихо проговорил Александр, глядя на переднюю стенку корта, выкрашенную в синий цвет.

Он никому не говорил об этом, да и не собирался. Но он действительно не понимал, как дальше ходить по улицам, снимать фильмы, давать интервью, смеяться, пить чай, целовать женщин — когда у него за спиной всё это. Когда где-то рядом мистер Смерть по имени Джим ждёт подходящего момента, чтобы продолжить свою игру.

— А придётся.

— Тебя там не было, — оборвал его Александр резко. — Ты не слышал его. Он...

Александр не знал, как это объяснить, хотя обычно не испытывал таких сложностей. Но Мэтт не торопил его, задумчиво водя ракеткой по воздуху, и Александр, после долгих размышлений, нашёл нужные слова.

— Там, на чердаке, я мог вообще не говорить ни слова. И он тоже. Я точно понимал, о чём он думает и что хочет сказать, а он понимал то же самое обо мне.

— То есть ты нашёл своего потерянного злого близнеца? — хмыкнул Мэтт. — Извини, так прозвучало.

— Ты прав, — без тени улыбки сказал Александр. — Он говорил о том, что у нас есть два отличия. Первое — это, конечно, происхождение, семья, воспитание. А вот второе...

— То, которое он может исправить? — уточнил Мэтт.

— В отличие от меня, он безумен. Но это действительно можно исправить. И я не думаю, что он планирует пройти курс психотерапии и принимать медикаменты, чтобы стать здоровым. Давай играть. Моя подача.

Слава Господу, Мэтт промолчал, и через несколько минут Александр понял, что втянулся в игру. После того, как он сказал о безумии Джима вслух, ему стало как будто бы легче. Не то, чтобы он считал самого себя полностью психически здоровым — он подозревал, что творческий человек не может не быть хотя бы немного безумцем. Но он мог надеяться, что не позволит Джиму свести его с ума, если будет готов к его играм.

— Что у нас дальше? Тот морской сюжет?

— Можно, — отозвался Александр. Его не тянуло возвращаться к работе, но Мэтт был прав — пора. — Или вообще покопаться во французских модернистах и снять что-нибудь такое... Знаешь, чтобы приглушённые краски, полутона в чувствах и смыслах...

— Кристин вчера полвечера переписывалась с Marvel Studio, — заметил как бы между прочим Мэтт и отбил мяч, — говорит, что-то потрясающее.

— Пока я в своём уме, я не буду снимать комиксы, — фыркнул Александр. — Нет, спасибо.

— Там вроде бы шла речь про сериал.

— Сериал по комиксам. Нет-нет-нет, — он сделал новую подачу, чувствуя, как начинает быстрее биться пульс. — Можешь сказать Кристин, чтобы не тратила времени.

— Я сдохну, пока буду искать инвесторов для французского модернизма.

— Пообещай им обнажёнки в кадре, в очередь встанут.

— А тыставишь туда волосатую мужскую жопу на полэкрана?

Александр рассмеялся, потому что именно это и планировал сделать. Но признаться, конечно, не мог, поэтому сказал:

— Или мужские ступни. Волосатые.

— И тебя обвинят в пародии на Тарантино.

Перебрасываясь мячом и репликами, они играли почти час. И, когда время вышло, Александр привалился к стене абсолютно вымотанный физически, но однозначно оживший.

Александр понимал, что на собрании ему не место. Елена провела его к небольшой конференц-зал, примыкавший к её кабинету, заранее, посадила в угол и попросила не привлекать к себе лишнего внимания.

Он и не привлекал, задумчиво водя карандашом по листу блокнота. К сожалению, в последнее время, если он рисовал бездумно, у него всякий раз выходил мистер Смерть, и это начинало утомлять. Поэтому он нарочно сосредоточился на обстановке и тщательно зарисовал круглый стол с кожаными креслами, персональные мониторы возле каждого места, большой проектор, трибуну, высокое окно, занавешенное бордовыми тяжёлыми шторами, и уже приступил к штриховке ковра, как в кабинет вошла Елена. Кивнув ему, она заняла одно из мест, положил перед собой чёрную папку и сказала тихо:

— Ещё минута.

И действительно, спустя минуту кабинет заполнили члены комиссии. В первое мгновение Александру показалось, что у него двоится в глазах. Потом — что он уже сошёл с ума, причём без помощи Джима.

Все семеро мужчин, которых Елена пригласила на собрание, выглядели почти полными двойниками. Они все были почти одного роста, выше шести футов, все достаточно худощавые и широкоплечие. На всех были одинаковые серые в полоску костюмы, явно сшитые на заказ в хороших ателье с Пэлл-Мэлл. Цвет волос у них различался незначительно: один, например, в возрасте за пятьдесят, уже был седым, а остальные раскладывались на небогатую палитру от каштанового до светло-рыжего. Лица у всех были длинные, с залысинами надо лбом и твёрдыми бритыми подбородками. Никто не носил очки. И только когда один из них обернулся и кивнул ему в знак приветствия, Александр понял, кого они все ему напоминают. Прикусив губу, чтобы не рассмеяться, что было бы совсем неуместно, он перевернул лист блокнота и принялся делать быстрые портреты, причём начал с самого пожилого. Кажется, он только что случайно нашёл нулевого мистера Блинча — того самого, с которого Елена клонировала всех своих любовников на протяжении последних двадцати лет. Ну, а все остальные специалисты в этой комиссии были более молодыми его копиями.

— Все в сборе, — объявила Елена, когда клонированные мистеры Блинчи расселись по своим местам. — Мистер Ричардсон, пожалуйста, начните.

Интересно, мелькнула у Александра шальная мысль, каково им работать в окружении своих двойников? И главное, умеет ли Елена их всех различать? Но он тут же забыл об этих размышлениях, когда мистер Ричардсон (один из клонов) заговорил:

— Я изучил биографию мистера Джеймса Скотта Фоули, генерального директора компании «М-Корпорейшн», погибшего 26 июля во время взрыва в офисе компании, — произнёс он бесцветным голосом. — Начну с того, что биография создана очень качественно. Мистер Фоули родился в городке Туам, Ирландия, воспитывался матерью одиночкой, мисс Джулией Фоули. Посещал школу святого Патрика. Сохранились детские фотографии Джеймса Фоули, — мистер Ричардсон открыл свою папку и достал оттуда отсканированную фотографию. Она прошла по рукам, и наконец, Елена подняла её вверх, чтобы показать и Александру. Худой рыжеволосый мальчик лет девяти смотрел со снимка угрюмо и недовольно. — Однако когда мы загрузили несколько детских снимков и фотографию, полученную с камер видеонаблюдения, в программу, предоставленную МИБ, оказалось, что это разные люди. Либо же мистер Фоули провёл множество пластических операций, в том числе по изменению формы скул, носа, подбородка.

— Если короче, — произнесла Елена, — вероятно, он не Джеймс и не Фоули. И не ирландец.

— Ирландец, — осторожно сказал Александр, понимая, что не должен вмешиваться, но также и осознавая, что должен поделиться теми сведениями, которыми обладает.

— Простите, джентльмены, — Елена повернулась к нему и уточнила: — Почему ирландец?

— Он приходил ко мне на кинопробы под именем мистера Барри. И его акцент... Очень сложно подделать его настолько достоверно. Он либо ирландец, либо прожил в Ирландии много лет.

— Мы это учтём. Что ещё, мистер Ричардсон?

— В семнадцать лет он познакомился с мистером Ричардом Мелтоном, основателем «М-Корпорейшн». Мистер Мелтон оплатил ему учёбу в Лондонской школе экономики и политических наук. После этого мистер Фоули работал в его компании на разных должностях, поднимался по карьерной лестнице, пока не достиг позиции генерального директора. Мистер Мелтон, по всей видимости, считал его кем-то очень близким, по завещанию, всё его имущество переходило к мистеру Фоули.

— Но он его не получил, поскольку погиб сам, — отметила Елена.

— Всё верно. Оно было разделено между племянниками и сёстрами мистера Мелтона согласно закону.

Какое-то время все молчали. Потом Елена передала слово мистеру Тревису, и Александр решил, что всё-таки она их различает.

— С командой психологов мы проанализировали разговор мистера Фоули и мистера Кларка, — сказал мистер Тревис точно таким же, как и у Ричардсона, тусклым голосом, — к сожалению, этот анализ дал очень немногое. Мистер Фоули не проявляет видимых признаков какого-либо психического заболевания. Есть предположение, что он страдает от диссоциального расстройства личности, это также объяснило бы его реакцию на взрыв в жилом доме. При этом точно так же он может быть просто жесток от природы. Была версия, что он садист, однако она полностью разбивается при более детальном изучении его

биографии. Разрешите... — покопавшись в своём экране, мистер Тревис вывел на проектор фотографию изуродованного мужчины.

Вся левая сторона лица пострадала от огня — кожу покрывали рубцы и стяжки, волосы выпали, ухо сплавилось с кожей головы. Правая же сторона осталась неповреждённой и позволяла понять, что до трагедии мужчина был привлекателен. Тревис открыл вторую фотографию, где тот же мужчина стоял в полный рост, и было видно, что левые рука и нога у него отсутствуют и заменены на протезы.

— Марк Смит, в течение трёх лет был любовником Фоули. Снайпер в отставке, служил в Афганистане, там же пострадал во взрыве во время выполнения боевого задания. Получал пенсию. Уже в Лондоне познакомился с Фоули. О Смите известно достаточно много, например, он не раз получал выговоры за грубость, издевательства над сослуживцами, драки и оскорбления. Его жена бросила его, опасаясь побоев и насилия.

— Вы хотите сказать, — прервала его Елена, — что вряд ли с Фоули Марк Смит изменил своим привычкам?

— Именно, мисс Кларк, — кивнул Тревис, — так же, как и вот этот господин. С Фоули они встречались всего полтора месяца, — на экране появился очень худой, лысый, высокий тип с мерзким оскалом, — Френсис Мансано, британец испанского происхождения. Отъявленный садист, несколько раз привлекался к суду по обвинению в домашнем насилии, попытках изнасилования и травле, но каждый раз дело закрывалось за отсутствием доказательств.

— И снова, вряд ли мистер Мансана поступился своими вкусами ради Фоули, — подытожила Елена.

— Других его любовников мы не нашли, но эти двое — весьма характерны.

— Значит, мазохист.

— Это совершенно не укладывается в психологический портрет, но очевидно, да.

— Гомосексуалист?

Тревис покачал головой:

— Вероятно, бисексуален. Вот, пожалуйста, Линда Крамер, — он показал на экране привлекательную женщину лет сорока пяти или немного старше.

Александр нахмурился. Лицо показалось ему знакомым, как и имя.

— Стилист, историк моды, — продолжил Тревис, и Александр, ощутив неприятный холодок по спине, вспомнил, что с мисс Крамер встречался даже не один, а два раза на светских мероприятиях и, надо сказать, был ей совершенно очарован. Правда, не в сексуальном, а сугубо в интеллектуальном смысле — его не привлекали женщины старше. Но как собеседник мисс Крамер была великолепна. — Пока не удалось найти, как долго они были вместе, но есть две фотографии мистера Фоули, который сопровождает мисс Крамер в театр. Здесь нужно отметить, что фотографии достаточно старые. Мистеру Фоули на них не более двадцати пяти лет, скорее даже двадцать три, а мисс Крамер — тридцать пять. И ещё деталь... — Тревис кашлянул, — и Марк Смит, и Френсис Мансано мертвы. Мансано погиг сразу после окончания их с Фоули отношений, а Смит — через два года. Мисс Крамер жива и здорова. Один из людей в моей команде выдвинул предположение, что у мистера Фоули были проблемы с матерью. Эдипов комплекс, например, объяснил бы отношения с женщиной сильно старше. Но вот отношения с мужчинами-садистами он уже не объясняет.

— Хорошо, — вздохнула Елена, — давайте пока дальше. Мистер Эванс, прошу вас.

В этот раз заговорил самый старший, но голос у него всё равно был почти таким же, как

у других.

— Мы изучили все материалы, касающиеся взрыва в «М-Корпорейшн» и в доме номер тридцать семь по Портленд-стрит. К сожалению, ничего общего не обнаружено. Если не вдаваться в технические подробности, то использованы разные взрывчатые вещества разного происхождения и разной мощности. В Сити сработал, как считают эксперты, часовой механизм. А в жилом доме бомбу активировал выстрел. Это всё.

— Спасибо, мистер Эванс. Что ещё у нас есть, лорд Уоррен?

— Стрелок. Вернее, даже два стрелка, считая погибшего Марка Смита. Простите мистер Тревис, вы мне не поможете?

После недолгого замешательства Тревис и лорд Уоррен справились с экраном, и на экране появился мужчина лет тридцати пяти, явно военный. Александру его лицо понравилось: широкое, открытое, с большими внимательными глазами, окружёнными тонкими лучиками морщин, подвижное и очень доброе. Светлые волосы у него были подстрижены очень коротким ёжиком. На второй фотографии он же, но несколько моложе, держал на одном плече очень похожую на него девочку лет пяти, которая заливисто смеялась, показывая куда-то вдаль. Третий снимок был явно официальным. Мужчина смотрел в камеру прямо, немного сведя к переносице брови. Одет он был в военную форму.

— Себастиан Майлс, — объявил лорд Уоррен, — бывший капрал британской армии, начал службу в Ирландии, продолжил в Афганистане, какое-то время был в Ираке, потом снова вернулся в Афганистан. В сентябре две тысячи седьмого произошла какая-то сомнительная история, я запросил документы, но они засекречены, пока жду одобрения доступа. В любом случае, мистер Майлс был лишён звания и отправлен в отставку. Полгода отслужил в частной военной компании «МорВорлд», в мае вернулся в Британию и почти сразу получил должность специалиста по безопасности в «М-Корпорейшн». Сейчас, по документам, работает в компании GMS, однако точно знает, что Джеймс Фоули жив. Есть некоторая вероятность, что именно он произвёл выстрел в четверг. Мы можем...

— Ни в коем случае, лорд Уоррен, — остановила его Елена. — Никакого лишнего внимания к мистеру Майлсу. Он, я так понимаю, заменил Марка Смита. Как вы считаете, только в рабочих вопросах, или в личных тоже?

— По данным наблюдения выходит, что и в личных, — заметил очередной клон. — Но мистер Тревис сейчас отметит, что психологически мистер Майлс совершенно не похож на мистера Смита. Майлс — добряк и простофиля с винтовкой. Никаких тайн, никаких проблем. Несколько драк в школе, но никогда — с серьёзными последствиями. Душа компании, примерный семьянин, воспитывает дочь девяти лет. Абсолютно не склонен к насилию, жестокости. Но стреляет превосходно. Я... — клон кашлянул, — подозреваю, что мистер Майлс несколько туповат и в принципе не задумывается о том, в кого он стреляет и зачем. Достаточно, что Фоули отдаёт приказы.

— Убедитесь, так ли это, мистер Картер. Если он действительно туповатый, но добрый и исполнительный, возможно, его удастся использовать, — сказала Елена, чиркнув в блокноте. А Александр, не удержавшись, зарисовал Себастиана Майлса в блокноте. Клон Картер может говорить что угодно, но Александр был уверен — этот парень уж точно не тупица, только не с такими живыми, осмысленными глазами.

— Это действительно странно, — вступил мистер Тревис (наверное, Александр в них запутался), — сложно представить, чтобы мистер Майлс вступил в интимные отношения с Фоули. Я получил его досье только сегодня, но и там достаточно ясно указывается, что

Майлс гетеросексуален. И, я подозреваю, достаточно консервативен.

— Это мы обсудим позже. Конкретно сейчас меня мало интересуют их сексуальные отношения, — строго произнесла Елена. — Я хочу услышать от вас, что мы планируем делать.

Александр снял очки и протёр стёкла. Планы комиссии были расплывчатыми и не очень действенными: допросить арестованных по делам об убийствах по фильмам, особенно шизофреника, ещё раз опросить всех, кто обвинён по делам о жертвоприношениях, попытаться найти информацию о настоящей личности Джеймса Фоули, не отмечая его потенциально ирландское происхождение. И ещё два пункта: попытаться нащупать сеть Фоули в преступном мире и начать осторожный поиск подрывников, которые могут на него работать. Всё это — таким образом, чтобы ни в коем случае не привлечь внимания самого Фоули.

По лицу Елены Александр видел, что она ожидала большего.

Александр: восемнадцатая часть

Разодрав блокнот на отдельные листы, Александр разложил их по всей поверхности стола. Он зарисовал все лица, которые показывали на фотографиях члены комиссии, и теперь рассматривал рисунки. Перед ним были люди в той или иной мере важные для мистера Смерти, для Джима.

Безумие.

Да, он был уверен, ответ на нехитрую загадку — это именно безумие. Но верно ли он угадал первую часть? То, в чём они непохожи и что уже не исправить — это происхождение?

Фальшивая биография Джима Фоули как будто подтверждала эту догадку: мальчик, который рос без отца, явно имел проблемы с матерью, а может, и с её любовниками, рано покинул родной дом и добился всего сам, найдя влиятельного покровителя. Вот он — яркий контраст с жизнью самого Александра, которому с раннего детства были открыты все дороги, которому (он отлично осознавал это) повезло родиться в любящей, заботливой, да ещё и обеспеченной семье. Это различие между ними уже не исправить, если только у мистера Смерти нет с собой машины времени. И всё-таки у Александра было ощущение, что это слишком простое и прямое решение, что Джим имел в виду нечто менее очевидное.

— Ирландец, — пробормотал Александр себе под нос, двигая ближе изображение Джима, — из бедной и неблагополучной семьи, который к тридцати пяти годам получает огромное влияние на преступный мир, умный и талантливый, с отличным вкусом, но при этом безумный. Мазохист в постели, но садист в жизни. Или просто социопат.

Если бы ему принесли сценарий с таким персонажем, Александр отправил бы автора переписывать всё к чертям, настолько это было недостоверно и так плохо склеивалось в единый образ.

У Александра не было агентурных данных, ему не отчитывались клоны, но он не мог просто выбросить всё это из головы. Он чувствовал, что обязан попытаться понять Джима, разобраться в том, что им движет. И возможно, это поможет его остановить — что бы он ни задумал.

— Чего тебе нужно? — спросил он, как иногда спрашивал у своих героев, и прикрыл глаза.

С самого начала он хотел привлечь его, Александра, внимание.

«Ты бы не понял», — так он сказал. То есть ему нужно было не просто внимание как таковое, ему нужно было донести свои мысли и идеи. Или даже больше — завладеть вниманием Александра целиком.

Когда они говорили на чердаке, Джим наслаждался каждым мгновением.

Александр тоже. В глубине души. Очень-очень глубоко, так, что даже самому себе в этом не хотелось признаваться.

У Александра никогда не было недостатка во внимании, но он всегда испытывал (и продолжает испытывать до сих пор) нехватку понимания. Даже Мэтт, любимый, преданный друг, без которого Александр просто не справился бы ни с одним проектом, понимал его только отчасти. Мэтт умел угадывать его желания, страхи и проблемы, был готов выслушать любую задумку для сценария, поддерживал все планы, но никогда не понимал его мыслей. Размышления, поиски, смыслы — всё это оставалось далеко от него.

Джим объяснил суть «Пяти мёртвых любовниц» несколькими словами, поняв историю даже лучше самого Александра. Это завораживало, на самом деле. Не будь он убийцей, Александр первым искал бы возможности продолжить общение с ним.

Но для самого Джима этой преграды не было. Ощувив интеллектуальное родство, он поставил себе цель — заполучить человека настолько близкого ему. И он сказал совершенно верно: только нормальность, включающая в себя также и мораль, стояла между ними. Будь Джим нормальным или Александр безумным, они понимали бы друг друга безусловно.

Но что свело Джима с ума? Безумен ли он от рождения или в его прошлом произошло что-то, сломавшее его психику?

Александр задумчиво пододвинул к изображению Джима рисунки тех людей, с которыми Джим был близок, если верить информации от клонов: Френсис Мансано, Марк Смит, Линда Крамер, Себастиан Майлс. С детализацией Александр не стал возиться, но глаза изобразил точно. И сейчас, просто по этим взглядам, он легко разделил этих людей на две группы. В одной были Мансано и Смит, которые явно подкармливали тёмную сторону Джима, его личного мистера Хайда. В другой — мисс Крамер и Себастиан Майлс. И хотя на этих двоих смотреть было приятнее, Александр пока убрал их, склонившись над оставшимися картинками. Насильник-Мансано. Садист и изверг, ещё и покалеченный, Марк Смит. Александра самого начинало тошнить от одной мысли о том, чтобы пустить кого-то из них в постель. Но он был бы очень плохим режиссёром, если бы не умел изворачивать свой разум в угоду героям истории. И был определённый угол (пока только один, но предстояло поискать и другие), под которыми эти двое могли обладать определённой привлекательностью.

Потерев пальцы, Александр прикрыл глаза, позволяя знакомому жару стечь с шеи по позвоночнику вниз, остро уколоть в паху, наполнить рот вязкой слюной. Если однажды тебе причинили боль, очень сильную, а потом ты преодолел её, взял под полный контроль, ты почувствуешь наслаждение, когда получишь этому подтверждение. Одно дело — знать, что ты победил боль и страх. И совсем другое — погрузиться в них целиком и понять, что они тебя не касаются. Это не мазохизм в чистом виде, примитивный и скучный. Это страшная внутренняя ломка. «Я буду плохим мальчиком, и вы, в обход полиции и судебной системы, покажете мне двадцать пять способов британской разведки добывать информацию», — так, кажется, он сказал в кабинете Елены. «Нет, я бы попробовал второй вариант, честное слово. Но ваши ребята, мисс Кларк, начисто лишены фантазии. Меня не заводят тупицы». Сколько бравады! Сколько безусловной уверенности в себе! И как — Александр помнил — блестели его глаза в этот момент, во время разговора о пытках.

Он убил и Смита, и Мансано, когда они надоели ему. С того угла, под которым Александр сейчас смотрел на ситуацию, было очевидно: любой убил бы.

Но тогда зачем Линда Крамер и Себастиан Майлс?

Если ты подсаживаешься на такой эмоциональный наркотик, что вообще может заставить тебя слезть с него?

Александр открыл глаза, стёр со лба пот и посмотрел на нарисованного Джима, который ответил ему задумчивым взглядом.

Александр: девятнадцатая часть

Была глубокая ночь. Александр как обычно пытался уснуть, ворочаясь с бока на бок, и резко сел на кровати, услышав вибрацию телефона. Сердце заколотилось быстрее — кто мог бы позвонить ему так поздно? Только Елена и только с недобрыми вестями. Или Мэтт — с ними же. Взяв телефон, Александр увидел надпись: «Номер скрыт», и стало совсем неуютно. Но он всё-таки ответил на звонок, с опаской держа телефон на расстоянии от уха, словно тот мог взорваться.

Сначала стояла тишина. Потом раздался мягкий высокий смех, и голос произнёс:

— Ну, не бойся, сладкий. Это всего лишь я. Не спишься?

Первым порывом было бросить трубку, если не запустить телефоном в другой конец комнаты, но Александр сдержался. Дрожащими пальцами поднёс аппарат поближе. Облизнул губы. Он мог назвать его мистером Фоули, чтобы подчеркнуть свою осведомлённость. Мог сказать: «мистер Смерть», — потому что именно так хотелось к нему обращаться. Но всё-таки Александр выдавил из пережатого волнением горла:

— Джим.

Он снова рассмеялся.

— Тебе так страшно, да? Ты не знаешь, зачем я звоню тебе. Не знаешь, чего ожидать. Да, сладкий?

— Знаю, — тихо ответил Александр, снова опускаясь на подушку и перехватывая телефон поудобнее. Прикрыл глаза, представляя себе тонкое лицо мистера Смерти, и пояснил: — Я сам сказал тебе... что ты мог бы позвонить.

— Привет, мистер Кларк, я тут посмотрел все твои фильмы и хочу обсудить их, — процитировал Джим его слова. — Ты не думал, что я это сделаю.

— Нет, — честно ответил Александр, и на лице, которое он видел перед собой, появилась хитрая улыбка. — Но мы оба знаем альтернативу звонку, так что я, пожалуй, рад тебя слышать. И готов обсудить с тобой что угодно.

— Расскажи, — попросил Джим.

Александр зажмурился крепче, так, что образ Джима пошёл жёлто-чёрными пятнами, хотя и не пропал до конца. Как понять, что именно он хочет услышать? Как почувствовать себя в его шкуре, когда сердце бешено колотится, а голова не соображает от нервных встрясок и хронического недосыпа?

— Безумие, — ответил Александр тихо, — я понял, что нас отличает безумие. Меня называют эксцентричным и немного не от мира сего, но мы с тобой точно знаем разницу.

— А второе? — прошептал Джим.

— Опыт.

— Умница, — в его голосе послышалось придыхание. — Великолепно, сладкий. Ещё.

Александр очень ярко представил себе Джима на широком кожаном диване, в костюме. Как он запрокинул голову и прикрыл глаза, испытывая...

Это было не так-то просто сформулировать, но Александр имел большой опыт создания безумцев в своём воображении, поэтому он справился. Джим сейчас испытывал нечто сродни сексуальному возбуждению, и вызвано оно было тем, что его поняли, что угадали его мысли, причём точно.

— У тебя есть опыт, который мне даже не снился. Я думал сначала о происхождении,

но это слишком банально и просто. Да и потом, среди людей моего круга немало тех, кто пережил настоящий ужас. Ты читал Сент-Обина, например?

Джим не ответил, поэтому Александр просто продолжил мысль:

— Сам факт происхождения ни на что не влияет, но жизненный опыт — это ключ. Что ни делай, я уже не смогу пережить то, что было в твоей жизни, это не исправить. Я прав?

— Ты никогда не мечтал об этом, сладкий? — спросил Джим.

— Тысячу раз. Но знаешь... — Александр сглотнул, — я всегда знал, что не выдержу. Мои родители мечтали, чтобы я стал дипломатом или пошёл в спецслужбы, но я просто слишком слаб для этого. В своей голове я могу представлять что угодно, но на деле просто впадаю в ступор или паникую от любой мелочи. Ты не такой, да? Хотя...

— Именно, сладкий, — промурлыкал Джим. — Ты ведь понимаешь.

— Точно такой же...

— Ты ведь уже узнал, да?

— А кто был первым, ты помнишь?

— Я знаю, кто был первым у тебя. Первой, точнее, правда, сладкий?

— Я до сих пор не очень хорошо справляюсь с жизнью, если Елены нет рядом, — признался он, отлично понимая, что Джим и так в курсе.

— Она говорила мне, что я чувствую, — прошептал Джим очень слабо и вдруг почему-то с резким ирландским акцентом, которого не было раньше. — Называла эмоции одну за другой.

— Твоя мать, — без сомнений сказал Александр и тяжело вздохнул. — Она погибла, не отец.

— Ты помнишь, как впервые осознал смерть? — спросил Джим, уже без акцента, но дрожащим голосом.

— Нет. Да. Думал, что нет, пока ты не спросил. Мне было девять, мою учительницу французского убил муж. Нам просто сказали об этом, без подробностей, но мне было так жаль её. И при этом я всё пытался понять, как это — быть убитым. Читал энциклопедию, задавал вопросы про смерть, а потом представлял, что меня убили.

— Ты фантазировал об этом часами, правда?

— Почти месяц. А потом начались занятия в театральной студии, и я обо всём забыл. А ты?..

— Ты знаешь, сладкий. Тебе пора спать. Так и быть, я первым положу трубку, — и Джим действительно отключился.

Александр знал, что должен позвонить Елене и пересказать ночной разговор, что ей будет полезно узнать об этом, возможно, это даст какой-то ключ к пониманию Джима. Но с утра он так и не набрал её. Просто не смог. А ещё он даже не подошёл к рабочему столу, оставив рисунки разбросанными под стеклянным взглядом Мишель.

С трудом поднявшись с постели после полудня, он оделся и без завтрака вышел на улицу, дышать тёплым влажными сентябрьским воздухом. Очень хотелось оказаться где-нибудь не в Лондоне — здесь было слишком тесно, улицы утомляли привычностью.

Пожалуй, очень давно он так надолго не оставался в Лондоне, да и в Британии вообще, да ещё и вне съёмки. Одно дело — проводить дни и ночи на студии. Другое — раз за разом выходить из нелюбимой квартиры, видя перед собой один и тот же дом в тюдоровском стиле

на другой стороне улицы.

Говоря откровенно, Александру очень хотелось сбежать, хотя он прекрасно знал — по сути, перемена места ничего не изменит. Особенно после прошлой ночи.

Господи, ему было и больно, жутко, и совсем немного сладостно вспоминать этот безумный разговор. На протяжении многих лет создавая в сценариях и оживляя на экране людей с полуманной психикой, больной моралью и искривлёнными представлениями о красоте, он никогда не думал столкнуться с чем-то подобным вживую. И между тем, вот он — Джим, живое воплощение самой отчаянной фантазии, герой, прописывая которого, Александр (он знал наверняка) задыхался бы от экстаза. Больной психопат и убийца, который назвал погибших по его прихоти людей «статистами» и который пообещал довести до сумасшествия самого Александра.

Александр крутил в голове ночной разговор пока пил кофе из палатки, пока шёл до Кенсингтонских садов. А ещё он думал о том, повторится ли звонок.

И надо сказать, вместо облегчения он ощутил лёгкий укол разочарования, когда на следующую ночь никто ему не позвонил.

Себ смотрел, как Джоан, сидя на подоконнике в платье-балахоне, пьёт горячий чай из пивной кружки, и думал, что это зрелище точно способно войти в десятку лучших вещей, которые он видел в своей жизни.

— Может, ну его? — спросил он, отлично осознавая, каким будет ответ.

— Ты сам себе этого не простишь, — фыркнула Джоан. — И не смотри на меня так, мне неловко.

— Если я не буду смотреть, — резонно заметил Себ, — я начну трогать. И тогда мы точно никуда не пойдём.

— Аргумент.

Очень спокойно, почти бессобытийно прошёл октябрь. В годовщину смерти Эмили они со Сьюзен и миссис Кейл вместе посетили церковь при кладбище. К могиле не пошли, просто посидели в тишине под каменными сводами. Сьюзен плакала, миссис Кейл тоже вытирала глаза платком, но к вечеру обе пришли в себя и сели просматривать семейные фотоальбомы. Сьюзен жадно вглядывалась в людей на снимках, изредка сглатывала, когда видела Эмили.

Миссис Кейл и Себ по очереди вспоминали случаи из жизни Эмили. Себ рассказал об их знакомстве — а потом и о первых пяти свиданиях, поскольку тема Сьюзен страшно заинтересовала.

На каникулах после первого семестра Себ снова увёз Сьюзен во Францию — они провели в Париже и окрестностях пять прекрасных дней.

Джим появился всего дважды, без приступов, без странных разговоров. Задумчивый, непривычно спокойный, он требовал держать неизвестных людей на прицеле, устраивал любимое лазерное шоу, а потом объявлял в наушник, что Себ может быть свободен. А потом пропал, перестал отвечать на звонки и смс. Через две недели его отсутствия Себ осторожно уточнил у Дарелла, всё ли в порядке, получил утвердительный ответ и твёрдо решил выбросить Джима из головы. Выходило традиционно плохо.

Наверное, именно поэтому когда Грег пригласил Себа и Джоан на свой день рождения, Себ обрадовался — это была возможность немного отвлечься от однообразных тренировок и залипания в телевизор.

Джоан приехала в Лондон на первом поезде, и почти весь день они провели в постели. Но теперь она натянула своё единственное синее платье, пригладила волосы и мрачно объявила, что готова ко всему. Себ решил, что даже три дня рождения не заставят его надеть костюм и ограничиться рубашкой.

У Грега намечался нехилый праздник большой компанией: он снова помирился с женой, они решили (в который там раз?) начать всё с чистого листа, так что отмечать планировали вместе с друзьями с обеих сторон.

Себ ни разу не видел жену Грега — только слышал, и ему, в общем-то, более чем хватило впечатлений. Джоан с ней даже была знакома и иначе как «сука» не называла. Пол только между ними добавил, что с радостью свернул бы ей шею, а уж руки точно не подал бы. Но Грег ходил таким неприлично счастливым, что ни у кого не хватало духу портить ему настроение.

Грег встретил их на пороге, одетый в непривычный светлый костюм и как будто слегка

растерянный. Себ вручил ему подарок — и тут же оказался в крепких объятиях.

— Надеюсь, я ничего не перепутал, — фыркнул Себ, — сам знаешь, как я в футболе разбираюсь.

— Тебе Джоан подсказала, — фыркнул Грег и спрятал два билета на полуфинал «Кубка Англии». И да, конечно, выбрать матч и билеты помогла Джоан.

Джоан он тоже обнял — и повёл внутрь.

— Вы последние. Остальные так проголодались, что пришли за полчаса.

Грег жил в небольшом таунхаусе в Чингфорде (1). Возле дома росли подстриженные кустарники, внутри был неплохой, хотя явно и не новый ремонт: всякие там обои в цветочек.

Себ осматривался с любопытством. За всё время знакомства он ни разу не был у Грега, тот и не приглашал никогда. Хотя внешне дом был куда приятнее, чем его, Себа, конура.

— У тебя уютно, — озвучила мысли Себа Джоан. Грег ответит каким-то неуверенным кивком и быстро добавил:

— Раздевайтесь, там стынет утка.

Из гостиной доносились голоса, смех и джаз.

Джоан вошла первой, а Себ — чуть за ней. Комната была битком: Себ насчитал двадцать три человека. За столом почти никто не сидел — гости ходили, сбивались в группы, курили у окна и говорили без умолку.

Себ слегка напрягся: не любил он таких толп, и быстро нашёл свою компанию. Полицейские — Пол с женой, Крис и Тодд и ещё трое незнакомых Себу ребят — стояли возле незанятого курильщиками окна и говорили о чём-то своём.

— Так, ну, — пробормотал Грег, — давайте я вас познакомлю, что ли.

— Я к ребятам, — тут же ответила Джоан и тут же проскользнула в толпу, а вот Себ сглупил — и тут же оказался лицом к лицу с женой Грега.

Что ж, и сучка крашенная, и прочие эпитеты ей вполне подходили, хотя надо было отдать должное — женщиной она оказалась красивой.

— Эмма, моя жена, — представил её Грег.

— Себ Майлс.

— Приятно с вами познакомиться, мистер Майлс, — женщина протянула ему руку и окинула внимательным долгим взглядом.

Ну нахер.

Руку он пожал. Ещё раз поздравил Грега и предпринял тактическое отступление — сбежал к своим ребятам и к Джоан.

— Не вздумай! — услышал он обрывок разговора. Это произнесла Энди. И смотрела она при этом на Пола достаточно строго.

— А я бы отдала, — жёстко сказала Джоан. — Сколько это может продолжаться?

Себ остался чуть позади, не привлекая внимания.

— Энди права, Джоан, — проговорил Крис примирительно, — это не наше дело. Пол и без того сунул нос туда, куда не нужно было.

— Я решил помочь, — отозвался Пол, и Себ кашлянул, привлекая внимание.

— О чём спор?

Его пустили в тесный круг, и Джоан пояснила:

— Пол проверил по камерам, чем занимается эта... фея, пока Грег на работе. Вот теперь думает, отдавать фотографии, рискуя получить в зубы, или не стоит.

Уточнить, что именно Пол нашёл, нужды не было. Себ выдохнул.

— Что думаешь? — спросил Пол тихо. — Ну, сколько можно, а? Я бы предпочёл знать.

— Может, поговорить с ней? — предложила Энди. — У меня есть хорошая подруга — семейный психолог. Может, им обоим походить к ней?

— Может, мне свернуть ей шею и найти Грегу нормальную женщину? — в тон её сказал Пол.

— Что бы там ни решили, — произнёс наконец Себ, — не портите ему праздник. Он заслуживает хороший вечер.

Пол махнул рукой, отошёл к окну и закурил. Энди покачала головой, явно не одобряя сигарету, но и не решаясь сейчас с ним спорить. Крис представил Себу, тот поздоровался, но сразу пошёл следом за Полом. Присел на подоконник возле него.

— Тошнит меня от таких, — произнёс Пол. — Мордой бы в стол...

— Зря ты ребятам сказал.

— А они сами не сообразят, конечно.

— Сообразят или нет, а зря сказал. Это только Грега касается.

Пол махнул рукой и затушил окурок в пепельнице.

— Ладно, верно, — махнул он рукой. — Но я такой злой был... Думал — приду и сразу, с порога ему всё выложу, на нервах весь. Энди заметила и вытянула понемногу. Отговорила. Как пришла — я к Крису сразу, а возле него эти. Вы ещё подошли с Джоан.

— И теперь в курсе половина присутствующих.

Они немного помолчали. Себ разглядывал гостей, которые явно делились на три разных группы. Самая малочисленная — коллеги Грега, все знакомые и свои. Им на этом празднике было неуютнее всех, и одеты они были проще остальных. Как и Себа, их звали на домашнюю тихую вечеринку. Вторая — семейные пары, где женщины притащили мужей почти силком. Соседки или подруги миссис Рассел, с Греггом знакомые весьма отдалённо и поверхностно. Они были лучше одеты, вели себя шумнее и приметнее. И наконец, в третьей группе были те, кто Грега не знал вовсе и кто пришёл позреть.

— Пойду выпью, приятель. Тошнит меня от этого, — объявил Пол и двинулся к столу с напитками.

Странный это был праздник. Не особо весёлый. Много алкоголя, много лишних людей. Уже ночью Себ вышел на улицу и с облегчением втянул носом свежий воздух. Хлопнула дверь. К Себу приблизился Пол. Он расстегнул пиджак и слегка ослабил галстук, взгляд сделался тяжёлым, пьяным. Тряхнул головой, убирая чёлку со лба, закурил и принялся молча следить взглядом за кольцами сигаретного дыма. Себ сглатывал горькую слюну — ветер сносил дым в его сторону, — но не двигался.

Докурив, Пол сунул руки в карманы брюк, покачался немного с пятки на носок и наконец сказал нетвёрдо, но решительно:

— Я завтра за нашим шефом следить буду.

Себ нахмурился. Он сомневался, что Пол, во-первых, правда хочет говорить об этом вслух, а во-вторых, стремиться поделиться этим именно с ним.

— Никуда не денется, падла.

— Ты пьян, приятель, — заметил Себ.

— Ни капли. Я давно под него копаю... Ленивая крыса. После «М-Корпорейшн»... Уверен, это он, сука. Он запретил мне работать над делом о взрыве. И он же прицепился ко мне тогда с этими документами.

Себ напрягся. Пол, глядя в пустоту, продолжал:

— Я тебе говорю чего... Ты работал на них. Мне Грег сказал, ты не видел ничего, не знал толком. Но если хоть что вспомнишь — скажи мне.

— Ты хочешь?.. — начал Себ.

— Полгода служебного расследования. Я очень хочу прищучить нашего шефа и отловить тех гадов из «М».

Наверное, переживать не о чем. Джим осторожен. Едва ли можно найти его по старым документам о взрыве, случившемся полтора года назад.

— Есть у него в почте пара писем...

Себ выдохнул, обернулся к Полу и сказал, попытавшись поймать его блуждающий взгляд:

— Пол, я не могу тебе давать советы, всё равно ни чёрта в этом не понимаю. Но у тебя даже уверенности нет. Письма, предположения и ощущение, что как человек он — редкая гнида. Маловато для ставок, не думаешь?

— Мне просто нужно последить за ним... Себ? Ты можешь мне помочь.

— Я?

— Ты следить точно умеешь. В отличие от меня. Брось, я видел твой послужной список. Ты сможешь остаться незамеченным... А я могу напортачить и потеряю единственную зацепку...

Себ не знал, что ему говорить. Он не собирался следить за шефом лондонской полиции, особенно в том случае, если он был человеком Джима. Но он, чёрт возьми, не мог просто послать Пола. Или мог?

— Я не прошу тебя рисковать, — тихо проговорил Пол, — слезка издалека, с безопасного расстояния, вот и всё.

В темноте у него сверкали глаза. Он был уверен в своей правоте и не сомневался в том, что Себ согласится.

— Если ты читал мой послужной список, — медленно проговорил Себ, — то знаешь, что я вылетел из армии. Потому что полез не в своё дело. Не желаю повторять это ещё раз. У меня дочь, которая и так осталась без матери, и работа, которой я дорожу. Прости, Пол, я пас. И тебе не советую туда лезть.

Кажется, Пол ему даже сначала не поверил. Себу тяжело давались эти слова, но понимал, что по-другому ответить не может. Они на разных сторонах. Он не собирается играть против Джима. Даже в мелочах.

— Жаль, — наконец, сказал Пол, развернулся и пошёл обратно в дом. Себ проводил его взглядом.

Ему хотелось бы забыть об этом разговоре.

Пол был хорошим парнем, может, резковатым и грубым, но хорошим. Он был лучшим другом Джоан. Если он влезет в планы Джима — он труп. И почему-то у Себа не было особых сомнений, кто именно должен будет пустить ему пулю в череп. Его лицо представилось особенно чётко через воображаемый прицел, и Себ зажмурился, отгоняя яркую картинку. Только на смену ей пришла другая, совсем уж нереалистичная: Пол, который заталкивает в полицейскую машину Джима.

Достав телефон, он набрал номер, который не отвечал уже больше месяца. Джим может снова не снять трубку. Скорее всего, он так и сделает. Себ повернулся лицом к дому, чтобы убедиться, что никто за ним не наблюдает и не услышит разговор.

Гудки продолжались.

В принципе, можно и не напрягаться, разговор не состоится.

Система должна бы уже дать отбой: «Абонент не отвечает», — но гудки всё шли и шли.

И вдруг их сменил мягкий, расслабленный голос:

— Как приятно, что ты позвонил, мой дорогой. Соскучился?

Себ тихо хмыкнул: в некотором роде да. Во всяком случае, слышать Джима было приятно: особенно потому что он явно был в порядке и даже не в состоянии приступа.

— Простите за вечерний звонок.

— Пустяки, дорогой. Я всегда рад тебя слышать, — промурлыкал Джим. Очень смешно, да, учитывая, что он игнорировал звонки и смс целый чёртов месяц. — Надеюсь, ты позвонил мне, просто чтобы поболтать? Давай, малыш, расскажи, что на тебе надето? — голос Джима стал ещё более томным.

— Вам не идёт роль оператора секса по телефону, — сказал Себ, чуть подождав.

Джим расхохотался, причём от томности не осталось и следа. Он заливался искренним, весёлым смехом, и Себ не прерывал его. Чёрт с ним, правда ведь смешно.

— Что ж, дорогой, раз ты не желаешь немного меня развлечь... зачем звонишь?

Сделав несколько шагов назад, подальше от дома, Себ кратко рассказал о разговоре с Полом и его подозрениях. Это было тяжёло и откровенно хреново, но нужно. Закончив, он добавил:

— Есть ли шанс, что он останется жив?

Джим замолчал надолго. Потом сказал:

— Ты удивил меня, Себастиан. Такие решения, такие выборы. Я не могу защищать всех, кому ты пожал руку в этом городе. У тебя многовато знакомых. Но как поощрение, как маленькую награду... — Джим вздохнул, — я оставлю его в живых. Спокойной ночи, дорогой.

— Спокойно ночи, Джим, — почти беззвучно проговорил Себ.

Джим сбросил вызов.

Убирая телефон, Себ понял, что у него подрагивают пальцы. Он сделал для Пола больше, чем даже надеялся. Джим держит слово. Он оставит его в покое. Решит эту проблему, не убирая основной источник.

Но на душе всё равно было дерьмово.

Из дома вышла Джоан. Себ протянул ей руку, а она неожиданно уткнулась лицом ему в плечо. Немного постояв, выпрямилась и сказала:

— Поехали домой, Басти. Я пьяная вдрызг.

— По тебе не скажешь, — пробормотал Себ, внимательно её изучая. Не считая лёгкой встрёпанности, она выглядела отлично, твёрдо держалась на ногах и говорила как обычно: чётко и отрывисто.

— Поэтому и предупреждаю, — пояснила она.

— Попрощаемся с Грегом?

— Нет, его Пол увёл наверх, и с ними была бутылка джина. Я бы их не отвлекала.

Оставалось надеяться, что Пол пошёл рассказывать Грегу об изменах жены, а не о планах слежки за начальством.

Себ не пил, поэтому повёл Джоан к своей машине. Она шла ровно, её не качало.

— Ты уверена, что пьяная прямо вдрызг? — уточнил Себ, заводя мотор. Нужно было бы улыбнуться, но мышцы как будто одеревенели. Мыслями он был всё ещё там, на площадке

перед домом, держал в руках телефон и говорил Джиму о подозрениях Пола.

— Совершенно, — отозвалась Джоан, откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. — Дурная была идея пить. Басти...

Себ выехал на трассу и смотрел перед собой, но боковым зрением всё равно заметил, как Джоан улыбнулась. И — да, вот улыбка была не её. Слишком широкая, расслабленная. Даже после секса Джоан так не улыбалась.

— Ба-асти, — повторила она, — какой же ты чёртов хороший парень.

О, да, отличный просто.

— Зачем тебе это вообще случилось, а?

— Что?

Джоан задумалась. Она кусала губы, жмурилась, и Себ её не торопил. Если бы она не стремилась так поговорить, он включил бы радио. Хотелось забить собственные мысли чем-то другим, например, музыкой. Чем-то ритмичным, с однообразной долбёжкой, и погромче. Но вместо этого он немного прибавил газу и перестроился в правый ряд.

— Я, — вдруг сказала Джоан, и Себ не сразу сопоставил это с её предыдущей фразой.

— В смысле?

— Зачем тебе это всё?

Ладно, пожалуй, он готов был взять свои слова назад. Джоан действительно была пьяна, и теперь он это отчётливо осознавал. Такие разговоры были совершенно не в её духе. Если честно... это скорее напоминало об Эмили. Всё это «давай-поговорим-открыто-о-наших-отношениях» дерьмо совершенно не взялось с Джоан. Но Себ, конечно, понимал, что не может промолчать или отшутиться. Просто было тяжело поверить, что она регулярно задумывается об этом, может, переживает.

Вдруг стало ещё более неуютно — хотя, казалось бы, куда уж больше. Учитывая характер Джоан, было сложно держать в голове, что она может быть такой... женщиной. А помнить об этом — между прочим, его, Себа, прямая обязанность.

— Зачем мне наши отношения, в смысле? — переспросил он.

Был велик соблазн предложить поговорить дома. Но это было бы трусостью. Тем более, что к дому она вполне может уснуть. И он, получится, просто сбежит он неудобного разговора.

— Угу, — протянула Джоан.

— Я тебя люблю.

— Хороший парень... Ты можешь найти себе красотку, которая будет ждать тебя дома с горячим ужином, вместо того, чтобы раз в месяц таскаться в Плимут.

— Ты переживаешь из-за этого?

Джоан издала какой-то невнятный звук.

— Я могу, наверное, — согласился он. — Но я люблю тебя. А Плимут... я рад, что не Сидней.

— Я терпеть не могу, — проговорила она невпопад, — когда в деле что-то не сходится. Это такое чувство, как будто свербит в затылке. И в зубах отдаётся ещё. Знаешь, Басти, бывает такое: раскладываешь перед собой материалы, — она перевела дух, но тут же продолжила: — Смотришь, читаешь заключения экспертов и понимаешь: чушь собачья. Всё не то. Не на того думаешь, не в ту сторону смотришь.

Себ её не перебивал, пусть даже в её словах не было никакого смысла. Каждому иногда просто нужно выговориться.

— Ни разу не было, чтобы я ошиблась. Чтобы свербило зря.

— Ты хороший полицейский, — произнёс он, просто потому что она явно ждала какой-то реакции.

— Я полицейский с большим опытом. И знаешь, Басти, я никак не могу отделаться от этого чувства...

Себ нахмурился.

— Когда?

— Сейчас.

Он свернул на Белгрейв-роуд. Ещё немного, и они будут дома. Он уложит Джоан спать — и дело с концом.

— Я смотрю на тебя, говорю с тобой, а в затылке что-то свербит. Не понимаю...

— Я тоже, — сказал он настолько искренне, насколько смог. — Но я обещаю дать тебе самые исчерпывающие показания по любому делу, по какому ты пожелаешь, — Себ заставил себя улыбнуться, запарковал машину и помог Джоан выбраться. На свежем воздухе её повело, и, обхватив её за талию, он медленно повёл её к дому.

В спальне Себ усадил Джоан на кровать, раздел, завернул в одеяло, принёс крепкого сладкого чая и прилёг рядом. Она почти не двигалась, и даже кружку удерживала с заметным трудом. Поменяв позу, Себ расположился у Джоан за спиной, перехватил кружку и помог сделать несколько глотков.

Вздыхнув, Джоан запрокинула голову ему на плечо.

«Говорю с тобой, а в затылке что-то свербит».

Себ хотел бы выкинуть эти слова из головы, но не мог. Джоан ведь действительно хороший полицейский. Не то, чтобы он мог судить, но так считал Грег, а ему Себ верил, особенно в этом вопросе.

Её переезд в Плимут, если так посмотреть, дал им шанс быть вместе. Останься она в Лондоне — это было бы невозможно. Слишком частые встречи, слишком много времени она проводила бы у него дома. Слишком большой риск.

Джоан полулежала на нём, закрыв глаза, слегка улыбалась и была удивительно, даже непривычно красивой. Себ прослеживал взглядом линию ото лба, по переносице с небольшой горбинкой, круто вниз, к узким чётко очерченным губам, по ямочке на выпирающем подбородке, по шее, где сквозь светлую кожу виднелись голубые венки, между ключиц... Дальше можно было идти только по памяти — в реальности под ключицами начиналось одеяло. Но Себ и представить мог неплохо.

Почему она не занимается чем-то другим?

Если честно, представить себе Джоан вне полиции удавалось с трудом. Разве что в армии. В пожарной службе. Но полиция подходила ей больше всего — и Себ знал, что она любит свою работу.

«Знаешь, Джоан, я давно хотел тебе сказать, но никак не решался. Я работаю на криминального консультанта и время от времени по его заданиям убиваю людей».

Такое не расскажешь и не объяснишь.

Не Джоан.

Да никому, если уж на то пошло. Разве что человеку, который на одной с ним стороне закона.

Джоан никогда бы не приняла того, что спит с киллером.

— Басти... — позвала она хрипло, — скажи мне, что у меня профессиональная

деформация и тяжёлая форма паранойи. Что я всё выдумала?

— Обязательно скажу, — пообещал Себ, — ты только объясни, что не так.

Она завозилась, выбралась из его объятий и ещё выше подтянула одеяло. Теперь из кокона торчала только голова.

— Я не знаю, — жалобно призналась она.

Себ выдавил вымученную улыбку. Джоан опустила взгляд и сказала:

— Я действительно не знаю. Всё сходится отлично. Я знаю тебя. Я тебе верю. Но как будто что-то очень важное ускользает от моего внимания. Важная деталь. И эта мелочь всё портит.

Можно было бы рассмеяться ей в лицо. Объяснить, что это просто фантазии. Но у Себа не поворачивался язык. Он произнёс осторожно, подбирая слова и сам не будучи уверенным в том, что хочет сказать:

— Я могу ошибаться, но возможно... — пальцы сами собой вцепились в переносицу, но от этого легче говорить не стало, — тебя напрягало всегда и напрягает до сих пор моё военное прошлое. Я помню выражение твоего лица, когда мы с тобой обсуждали убийства.

— Девяносто шесть успешно поражённых целей, — повторила Джоан.

— Армейское командование зачитывает это число. Ещё была операция, которая стоила мне карьеры и в которой уже никто не считал.

Это было грязно. Себ даже не думал, что способен на подобное. Но поскольку показать небольшой арсенал в сейфе и немного рассказать про нынешний род занятий — не вариант, он заставлял себя говорить дальше.

— И «МорВорлд». Там и я не считал.

В «МорВорлд» и правда было не до счёта.

— Я угадал, да? — спросил он, немного подождав. Джоан промолчала, только закрыла глаза.

Себ хотел бы коснуться губами её виска, но не решался. Вместо этого добавил тихо:

— Ты живёшь в цивилизованном мире, где человек, отнявший жизнь у другого, отправляется за решётку. Но там, в горячих точках, всё иначе. Ты ведь это понимаешь? — он как будто объяснял что-то Сьюзен. — Если я убью сотню лондонцев, меня посадят в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. А там дают награды.

— Это пугает, — прошептала Джоан. — У меня есть знакомые ребята оттуда. Они больны, Басти. Война их почти уничтожила.

— Я работал с психологом, — заметил Себ ровно, и это даже было правдой. Пусть он и недолго ходил на сеансы, фактически они были. Всё как полагается. — И мне повезло. Всё, — он пожал плечами. — Я не могу это изменить, да и не хотел бы. Мне подходила армия. Я подходил ей.

— Ты бы вернулся туда, если бы мог?

Год назад он ответил бы «да» не колеблясь, но с тех пор многое изменилось.

— Сейчас уже наверное нет, — честно сказал он. — Сьюзен осталась без матери, и я был бы дерьмовым отцом, если бы после этого полез под пули.

Ещё был Джим и его работа, но об этом он, конечно, говорить не стал.

— И ты, — он хмыкнул, — плохо могу представить, что ты станешь ждать меня по полгода.

Джоан улыбнулась:

— Неужели думаешь, что стала бы изменять?

— Нет. Думаю, что ты бы прибила меня в первую неделю после возвращения.

Они засмеялись, и тема была, кажется, закрыта. Но Себ всё-таки сказал:

— Пожалуйста, если у тебя снова что-то засвербит в затылке — скажи мне.

— Я иногда думаю, — покачала головой Джоан, — ты вообще настоящий?

— О, да.

Чтобы убедить её в своей реальности, пришлось сначала размотать кокон из одеяла, но зато дальше никаких проблем не возникло.

А неделю спустя Грег позвонил и мёртвым голосом сообщил, что Энди, жена Пола попала в автоаварию и находится в больнице в тяжёлом состоянии.

Джим решил проблему — жестоко, но сдержав слово. Пол действительно не пострадал.

Примечание:

(1) Недорогой район Лондона, думаю, московское Видное или что-то в этом роде. В основном застроен двух- или четырёхэтажными таунхаусами.

Александр: двадцатая часть

— Тебе нужно перестать пить столько кофе, сладкий, ты посадишь себе сердце и испортишь мне всё удовольствие, — сообщил Джим в трубку на восьмую ночь подспудного ожидания.

Как обычно, Александр не спал, а только пытался загнать себя хоть в какое-то подобие дремоты, когда раздался звонок.

— Ты собирался свести меня с ума. Кофе точно не помешает, — отозвался Александр, закрывая глаза.

— Ты вспоминаешь её? Ту рыжую девочку? — спросил он резко, и это прозвучало так, словно дрянной актёр читает реплику из невыученного сценария. Совершенно наугад Александр ответил:

— Убери сценарий, Джим.

В ответ послышался незлой смех, а потом наступила тишина, которая нарушалась только лёгким дыханием. Александр произнёс (в этот раз он почему-то не испытывал ужаса, как в прошлый. Возможно, потому что он ждал звонка):

— Почти не вспоминаю. Я её не знал толком. Мне больно, что она мертва, и мне непросто будет вернуться в тот дом. Но это в прошлом. И ты знаешь, что я не вру. Это странно, но я хотел, чтобы ты позвонил.

Дыхание стало чуть громче, но Александр не сбился с мысли.

— Я понимаю, что в этой истории я жертва, должен трястись от ужаса и всё в этом роде, и я трясусь, правда, особенно когда понимаю, что ты можешь сделать со мной, учитывая все твои ресурсы и влияние. Я слабак, Джим. Слабый, ведомый, эмоционально-неустойчивый режиссёр, который и прославился случайно.

Джим слушал на вдохе, совершенно беззвучно.

— Я снимаю фильмы, которые просто по определению не должны нравиться публике. У меня есть несколько коммерческих вещей, но остальное — это мои беседы с самим собой, попытка вытащить из головы то, что разрывает её изнутри. А ты... мы тогда говорили так, словно ты действительно точно знаешь, о чём я думаю.

После очень долгой паузы Александр спросил:

— Мне не стоило этого говорить?

Джим сбросил вызов.

— Как тебе красочное выступление мистера Тревиса, сладкий? А он неплох, да? Столько накопал! Вот за что Елена его держит. А мы-то с тобой думали, что за рост и постную улыбку. Тебе понравились наши с Марком фотографии?

Александр тяжело выдохнул, перевернулся на кровати так, чтобы упереться лбом в плотную перьевую подушку, и потёр слезящиеся глаза.

Елена сегодня пригласила его на встречу очередной комиссии, и мистер Тревис представил результат своей поисковой работы — несколько снимков с камер видеонаблюдения и три кадра, сделанных на хороший плёночный фотоаппарат. То, как он, действительно, постный, сухой и скучный, презентовал своим таким же коллегам эту извращённую гейскую порнографию, могло бы в других обстоятельствах быть смешно до

истерики. И даже мрачный контекст не помешал Александру сохранить где-то в голове этот эпизод, потому что он был бесподобен в своей абсурдности.

— Ты помнишь ту сцену из «Авиатора»? — спросил он в ответ. — Где ДиКаприо с линейкой и транспортиром измеряет декольте актрис перед стариками из Ассоциации? Вот я ждал, когда Тревис вытащит линейку.

Больше ему ответить на этот вопрос было нечего. Моральная или эстетическая сторона снимков его очень мало волновала. Вернее, не так — она занимала его, но не достаточно сильно. Он отлично мог вообразить, как именно требуется перекрутить восприятие, чтобы садист-насильник Марк Смит, изуродованный огнём и лишившийся руки и ноги, стал по-настоящему привлекательным сексуальным партнёром. Это было настолько легко, что в фильм он вставлять такую сцену не стал бы. Красота уродства и наслаждение болью — извращения базовые, простейшие.

— Ты прелесть. А он был хорош, между прочим. Ты пробовал когда-нибудь?

— Нет, я боюсь боли.

— Даже не делал попыток? Ну, давай, скажи.

— В университете я расстался с девушкой, потому что она кусалась.

Джим высоко рассмеялся.

— Тогда тебе понравилось бы причинять боль, сладкий. Первый раз это страшно, но ты быстро научишься и начнёшь ловить от этого кайф.

Александр покачал головой, перевернулся на спину и подумал, что пока это самая неожиданная тема для разговора, которую выбирал Джим.

— И убивать, — тихо добавил тот. — Только не думай, что я сравниваю тебя с ним, сладкий.

— На этом спасибо. Если данные мистера Тревиса верны, твой Марк Смит был той ещё тварью.

— Напрочь отбитый ублюдок, — зафыркал Джим довольно, словно его это веселило. — Он безумно любил убивать. У него вставал, когда он смотрел в прицел винтовки. Но это всё примитивно, сам понимаешь. Мы с тобой ощущаем иначе. Главное, не убивать посторонних — это омерзительно. Только близких.

Тон Джима был очень странным, и Александр произнёс:

— Мне кажется, ты не делаешь этого часто. Возможно, даже не делал никогда. Я бы не смог. Эта близость... Когда ты — последнее, что человек видит в жизни, когда он это осознаёт, ты становишься для него всем миром.

— Однажды, — шепнул Джим. — Я хотел взять нож. Перерезать ему горло, глядя в глаза. Или порезать вены и оставить сидеть в ванной. Но в итоге...

Джим говорил с горечью.

— Ты желаешь? Яд?

— Медленный. Да. Так пошло. Особенно в конце, когда он пытался прочистить желудок, потом рыдал.

— Кто он был?

— Мой очень близкий друг, — медленно, почти по слогам выговорил Джим и замолчал. Александр вдруг почувствовал, что у него тяжелеют веки, рука, держащая телефон, ослабела. Включив громкую связь, он положил телефон на подушку и сам не понял, когда уснул.

Утром во входящих никакого скрытого номера не было.

Джим молчал так долго, что Александр, устав от тишины, начал:

— Ты читал... — но Джим резко перебил его:

— Нет, нет-нет-нет, сладкий. Мы с тобой немного вышли из возраста выпускниц пансионатов. Ах, что вы думаете, мистер, о философии Ницше, а что — о романах Достоевского? — передразнил он пискляво и зло расхохотался. Оборвал смех. — Я видел твои фильмы, сладкий. Я точно знаю, что ты думаешь о любой книге. А ты сможешь догадаться, что думаю я. Что ты пишешь?

— Сценарий.

— Почему на машинке?

— Потому что ты чувствуешь себя в моём компьютере как у себя дома. А я не люблю, когда заглядывают в то, что я пишу. Прости, не покажу даже тебе.

Джим фыркнул, но интонация стала менее раздражённой:

— Я дам слово, что не полезу, если ты расскажешь, о чём будет фильм.

— О стеклянной стене, — ответил Александр обтекаемо. Он себе-то старался не признаваться в том, что именно будет ключевой темой фильма. Не то, что Джиму.

— Ну, не дразни моё любопытство, сладкий, — протянул Джим обиженным тоном. — О чём?

— Я не скажу, Джим. Я знаю, ты можешь ограбить мою квартиру, может, прочитать мысли моих продюсеров, но не нужно. Ты увидишь фильм, когда он выйдет на экраны.

— Даже не позовёшь на предпоказ?

— Мы посмотрим.

— Я не полезу, сладкий.

— Всё хотел спросить, почему ты меня так называешь? То есть... — Александр кашлянул, снял очки и откатился на кресле от рабочего стола, на котором стояла машинка, — это твоя манера общения, она позволяет тебе быть к людям немного ближе, это всё понятно. Почему именно «сладкий»?

Ещё недавно Александр не рискнул бы задать Джиму этот вопрос. Но чем больше они говорили, тем, казалось, меньше становилось барьеров, тоньше та самая стеклянная стена. До этого звонка Джим пропал почти на месяц, и это оказалось действительно тяжело. Как будто забрали дозу наркотика. На этом наркотике Александр жил последние недели.

— Ты первый, кто спросил.

— Ты кого-то ещё называешь «сладким»? — улыбнувшись этим мыслям, спросил Александр. Он точно знал, какой последует ответ, и Джим не подвёл, промурлыкав:

— Не ревнуй. Так — больше никого.

— И всё же, почему?

— Например... — протянул Джим задумчиво, — ты знаешь, что метадон придумали для лечения героиновой зависимости? Есть даже форма выпуска в виде сладкого сиропа. Жёлтого такого, светлее карамели. А он оказался даже опаснее героина.

Этого Александр не знал. Его познания в области наркотиков были весьма поверхностными — пока не доводилось о них снимать. Но в одном он был убеждён:

— Ты не пробовал.

— Ты действительно великолепен... сладкий.

— Никак не могу найти композитора, — вдруг сказал Александр. — У меня уже уши болят от образцов.

— О, мне это знакомо, — засмеялся Джим, — разница в том, что я могу убить

исполнителя.

Александр подозревал, что Джим в курсе, как сильно коробят его такие шутки. Но также он был уверен в том, что сейчас Джим сказал об этом не специально, не чтобы напугать. Поэтому попросил:

— Не надо ради меня убивать музыкантов.

— Как скажешь. Но я слежу за тем, который в веснушках. Мне не нравится, как он на тебя смотрит. Слишком страстно.

— Не ревнуй, — вернул он Джиму реплику, и они снова замолчали.

Эта тишина на двух концах линии почему-то цепляла Александра едва ли не больше разговоров. Откровенно говоря, им не так-то и нужно было разговаривать, чтобы понимать друг друга.

— Мне от этого больно, — проговорил Александр спустя десять минут, которые он отслеживал по большим отстающим напольным часам. Протянув руку, он погладил Мишель по голове, но она не принесла ему обычного воодушевления. Ему хотелось её разбить. — Я говорил об этом в «Новом Петре», но никогда не хотел проживать сам. Ну, не совсем об этом...

— Достаточно точно, — чуть более прохладным, нежели можно было ожидать, тоном прервал его Джим. — И я всё пытаюсь понять одно, сладкий. Как?

Александр понял вопрос.

— Я никогда не снимал о том, через что проходил сам. Мой реальный опыт как будто слишком тусклый. А когда я погружаюсь в фантазию, всё становится ярче. Не знаю. Иногда после завершения сценария я чувствую себя так, словно пережил это. После «Отпускаю грехи твои»...

Он не договорил, хотя мог бы. Просто не был уверен, что Джиму нужно это знать.

— Ты избегал церквей, сладкий, — протянул Джим с пугающим удовольствием. — Зря. Я люблю церковь. Старые католические соборы. Я пел в церковном хоре, когда мне было девять. Однажды я выходил из церкви... один. Последним. Никого уже не было. Я наклонился и увидел... — в его голосе зазвучал жёсткий ирландский акцент, слова стали обрываться, Джиму было тяжело говорить, — ониксовый крест. Чёрный такой. Со сколом в нижней части креста.

— Ты царапаешь себя им? До сих пор?

Дыхание Джима стало тяжёлым, прерывистым. Вдруг он застонал, и этот стон мог быть как от боли, так и от наслаждения. Или, что вернее, это было наслаждение болью.

— Джим?

— Говори, детка... — он захрипел, но сумел восстановить дыхание.

— Почему «детка»? Джим?

— Иногда мне хочется уничтожить тебя, сладкий. Не убить. Понимаешь?

— Только иногда?

Джим слабо и невесело хохотнул и снова затих, но хотя бы не хрипел. Прочистив горло, Александр сказал:

— A insint dom faoi (Расскажи об этом. — ирл.).

Дыхание стало резче.

— Is féidir linn labhairt Gailísis, más mian leat (Мы можем говорить об этом по-ирландски. — ирл.).

— Níl. Riamh (Нет, никогда. — ирл.). Откуда ты знаешь ирландский?

— Старшие классы. Мой друг решил учить ирландский, а я — за компанию. Не очень хорошо вышло. И акцент. Извини, — ему стало неловко за эту попытку.

— Nach dona (Неплохо. — ирл.), — заметил Джим задумчиво и прибавил по-английски, но с акцентом: — Может, дам тебе пару уроков. Возвращайся к своему сценарию, сладкий. Я хочу увидеть, что ты снимешь в этот раз.

У Александра в глазах стояли слёзы, и он не пытался вытереть их. Пусть. Только сглатывал часто, чтобы протолкнуть солёный ком. Его потряхивало как от озноба, но в груди было жарко, и этот жар постепенно распространялся по телу. Пальцы дрожали, набивая текст. Там, пока никем не произнесённые, рождались очень правильные слова.

Александр не знал, достанет ли ему духу снять то, что он придумал, но он уже требовал от Мэтта искать продюсеров, композиторов, которые создадут тот саундтрек, который звучал у Александр в ушах, собирать остальную команду. Если всё будет готово к работе, он просто не сможет отступить.

Телефон молчал.

Даже сейчас, захваченный творческим экстазом, Александр помнил о нём, держал его в поле зрения, поглядывал в поисках вдохновения на него, а не на Мишель.

Джим должен был понять этот фильм правильно. Он понял остальные — значит, Александр верил в это, сумеет понять и новый. И если он поймёт его так, как нужно, если угадает те мысли, которые вкладывал Александр в каждую строчку, всё изменится.

После того разговора, когда Александр неловко вставил предложение на ирландском, Джим больше не звонил, и это выматывало.

Александр понимал: до премьеры фильма он может и не позвонить. А это — долгие месяцы работы.

Из-под пальцев появилась последняя в сцене строчка, и Александр откинулся на спинку кресла, сорвал очки и положил куда-то на стол, подальше. Он видел это ярче, чем удалось написать. В его воображении всё было значительно живее, острее. Слов не хватало. И к сожалению, видеоряда тоже будет недостаточно.

Мэтт беспокоился. Александр видел это в его взгляде, слышал в тоне голоса. Но к сожалению, он ничего не мог с этим беспокойством поделать. Вчера он спросил нервно: «Так, ладно, я всё понял, кто она?». Потом, с некоторой надеждой, добавил: «Кто он?». И получив второй ответ: «Никого нет», — воскликнул: «Тогда какого чёрта с тобой творится?».

Ответ Мэтту не понравился бы.

В этот раз в пабе они сидели вдвоём, с Греггом.

Джоан, конечно, была в Плимуте, Пол разрывался между Скотланд-Ярдом и больницей (Энди оставалась под наблюдением врачей), Крис на пенсии стал ленив, а Тодд застенялся. Грег пил много и отчаянно.

Себ пока тянул первую пинту и слушал жалобы друга. В конце концов, он не так часто жаловался на жизнь, чтобы прерывать его.

— Я ведь не дурак, Себ, — проговорил Грег, делая очередной большой глоток пива, — понимаю, как это выглядит. Но она неплохой человек. Больше того, хороший. Она учитель знаешь какой? Её дети обожают.

Себ кивнул, он совершенно точно не желал делиться своими мыслями по этому поводу. Грег — большой мальчик. Разберётся.

— А я... я же дома не бываю. Выходные, праздники — могу уехать на вызов, и всё. Ни одна женщина такого не выдержит.

Опять же, Себу было, что сказать: например, что от Эмили он уезжал на полгода, и она не начинала ходить по другим мужикам. Да и с Джоан они встречаются хорошо, если раз в месяц. Но он промолчал.

— А, — Грег залпом опрокинул стакан, отставил и вдруг сказал:

— Всё, завязываю с пивом. Так до алкоголизма недалеко. Пройдёмся?

— Пошли, — кивнул Себ, в душе поддерживая это решение — Грег и правда пил в последнее время многовато.

На улице было холодно и мерзко, но они застегнули куртки и зашагали по мокрому тротуару навстречу ветру. Свернули в проулок, где ветра было поменьше. Грег поднял повыше ворот и сказал мрачно:

— Пол уходить собрался.

— Куда?

— Откуда. Из полиции. Говорит, он виноват в том, что случилось с Энди. Чёрт его разберёт, как у него это в мозгу соединяется, но... Знаешь, Розочка, я даже не отговариваю особо. В нашем деле нужна ясная голова.

Себ промолчал. Он как раз понимал связь между травмами Энди и решением Пола только говорить об этом не хотел.

— Как Энди? — спросил он.

— Есть сомнения, что будет ходить, — вздохнув, отозвался Грег. — Но не унывает. Улыбается. На них посмотреть — так она держится лучше Пола.

— Передай ей привет от меня, как увидишь, — попросил Себ, зная, что не найдёт в себе мужества посмотреть Энди в глаза.

Они долго ещё бродили по полупустым улицам, натягивая получше капюшоны, и наконец разошлись.

Себ проснулся от вибрации телефона. На экране высветилось одно слово: «Приезжай», — и он сорвался с места.

Джим сидел на диване в полутьме — одна из люстр в дальнем левом углу горела. Глаза

его были закрыты, рот, напротив, приоткрыт. Музыка не играла, и от этого становилось даже более тревожно.

Себ ещё приблизился, теперь достаточно, чтобы увидеть слишком бледную кожу Джима, его расширенные зрачки, уловить нервное сбивчивое дыхание.

«Мать твою», — с некоторой обречённостью подумал Себ. И почему он не выбирает Дарелла в качестве сиделки? Ну, ясно же, что доктор подходит на эту роль куда лучше.

— Ты хочешь уйти, детка? — спросил Джим, с трудом шевеля белыми губами. — Позвать доктора? Скажи честно.

Смотреть такому Джиму в глаза было сложно. Куда легче, конечно, чем выдерживать сканирующий взгляд, но всё равно болезненно и очень изматывающе.

— Хочешь?

Дареллу можно было доверять. В конце концов, он возился с Джимом девять лет и точно умеет управляться с этими приступами. Но Себ не мог ответить наверняка. Джим написал ему, и писал много раз до этого. Вызывал именно его, потому что доверял. Как знать, возможно, мысль о том, что не хлипкий доктор, а военный охраняет его в такие периоды, придавала Джиму уверенности в собственной безопасности. Или Дарелл болтал без умолку и суетился.

В этот раз, вот странность, Себ меньше боялся остаться наедине с безумием Джима. После объяснений доктора о природе этих приступов стало как-то понятнее. Просто болезнь. Тяжёлая, утомительная, может, даже неизлечимая, но болезнь, у которой есть название.

И с этой точки зрения всё выглядело понятнее и проще. Во время приступа болезни Джим хотел, чтобы рядом был кто-то. Желательно, кто-то, кому он доверяет. И так вышло, что эта роль выпала Себу.

Он не мог отказать.

— Нет, Джим, — сказал он мягко, — не хочу.

— Помоги... — прошептал Джим, уже медленно, глотая часть слова, — раздеться...
помоги.

С совершенно пустой головой Себ сделал всё, что было нужно, накрыл Джима пледом, привычно опустился на пол возле дивана и зажмурился.

— Он не должен был понять... — пробормотал Джим. — Я говорил с ним.

— С Александром? — осторожно спросил Себ, потому что Джим явно хотел что-то услышать.

— Спроси.

— Почему он?

— Какой умный мальчик... Ты смотрел фильмы, да? Ты пытался...

Выдохнув через нос, Себ ответил:

— Я посмотрел эту «Жертву нового бога». Нет, красиво, конечно, и жутковато, только вот...

— Это я, — улыбнулся, не открывая глаз, Джим.

— Это вы? — переспросил Себ, и тут до него дошло. Он вспомнил, где слышал об этом фильме. От Грега, который жаловался, что режиссёры понастроят всякой ерунды на основе реальных событий, а потом маньяки просыпаются. И рассказывал о жертвоприношениях. — Вы придумали их, те жертвоприношения?

— Он сделал лучше, Басти. Красивее. Придал ещё больше смысла. Он понял. Басти..

Детка, — в его речи послышался чудовищный акцент, — я хотел, чтобы он сгорел, — прошептал он совсем слабо, — хотел видеть, как плавится его кожа. Слышать вопль. Так хотел...

На минуту Себ решил, что речь всё ещё об Александре Кларке, но потом быстро осознал ошибку. Нет, речь шла о другом.

— Почему он умер? Это нечестно... Он был мой... — в голосе Джима послышалась детская обида. — Я ведь обещал ему... — он перешёл на ирландский и затараторил что-то совершенно неразборчивое. — Я звонил... Не хочу его сегодня видеть, — пробормотал он. — Пусть он не приходит.

— Кто? — осторожно спросил Себ.

— Святой отец, — ответил Джим таким тоном, словно его удивил сам вопрос. — Он смеётся надо мной. Я ведь нарушил слово. Я его не убил.

Себ зажмурился, позволил эту маленькую слабость. Ну, почему на роль сиделки и конфидента Джим не выбрал кого-нибудь другого? Поумнее? Того же Дарелла?

— Почему ты его не убил? Ты хочешь рассказать? — спросил он тихо.

На губах Джима появилась слабая улыбка.

— Мышонок убежал. Бесхвостый умный мышонок с чёрной шкуркой. А старый котище его лапой — цап. Три глубоких борозды на спине. Басти... Себастиан...

— Я тут.

Джим надолго замолчал, но не успокоился: под опущенными веками бешено вращались глазные яблоки, губы то и дело напрягались, но не выдавали ни звука. Пальцы рук, лежащих поверх одеяла, подрагивали.

— Жил на свете дурной мальчик Джим... — выговорил Джим невнятно. — Обычно в книжках для воскресных школ дурных мальчиков зовут Джеймсами. А этого звали Джим (1). И у матери его не было чахотки... И когда он съел в кладовке всё варенье, то не раскаялся и не заплакал. Смешной мальчик Джим, правда?

— Угу, — согласился Себ, не до конца уверенный, с чем соглашается.

— Очень смешной мальчик, — повторил Джим, — и не такой уж дурной. Самый обычный. Я был хуже. Он мне говорил: такие дурные дети как я горят после смерти в аду. Говорил: мне не поверят. Меня убьёт собственный отец. Очень дурной мальчик Джим. А Уолли поверил. Я к нему сбежал...

Дерьмо. Какое же дерьмо. Себ запрокинул голову повыше, вглядываясь в белый крашенный потолок. Каждый раз, когда Джим в бреду касался этой темы, Себ пытался выключить мозг вместе со слухом. Проигнорировать. Он, чёрт подери, не хотел об этом думать.

Слишком больно. Может, Джиму и правда было бы легче, если бы он сжёг своего священника? Кто его осудил бы? Точно не Себ.

Сколько лет тогда было Джиму? Спрашивать он не рисковал, но предполагал, что очень немного. В этой херне про то, что ему не поверят взрослые, не так-то просто убедить подростка. Значит, ребёнок. Восемь лет? Девять? Ровесник Сьюзен или около того.

Джим застонал, задёргался. И Себ, не дожидаясь просьбы, начал рассказывать сказки. Он не знал, почему они работали и оказывали на Джима такой успокаивающий эффект, но это и не имело значения. На ум почему-то пришли «Сказки дядюшки Римуса» — возможно, потому что там не было ни чудовищ, ни мышей. А кролики, черепахи и лисы, кажется, Джима не цепляли. Постепенно Джим успокаивался. И на истории про то, как Брател

Черепаша обогнал Братца Кролика, заснул.

Себ подождал ещё полчаса, но ничего не произошло: Джим больше не метался, не дёргался, не дрожал, а спал, причём крепким и как будто спокойным сном.

Осторожно поднявшись, Себ погасил свет, вернулся на своё место, опёрся лбом о колени и тоже задремал.

Примечание:

(1) Джим не очень точно цитирует «Рассказ о дурном мальчике» Марка Твена

Александр: двадцать первая часть

— Сегодня я думал убить тебя, сладкий. Почти отдал приказ.

От слов Джима по позвоночнику Александра прошёл холодок, но почему-то страха не было.

— Ты не станешь убивать меня, Джим, — вздохнул он.

— Почему нет, сладкий?

— Ты обещал сначала свести меня с ума.

Немного послушав тишину, Александр поделился:

— Я хотел закурить сегодня. До смерти. Этот фильм сводит меня с ума.

— Дай мне почитать сценарий, сладкий. А я пришлю тебе коробку отличных сигарет.

— Нет, спасибо. Я не курил с университета, не стоит возвращаться к этой дряни. А фильм ты увидишь в кинотеатре.

Джим засмеялся.

С прошлого звонка прошло больше двух недель, и учитывая, как он закончился, Александр действительно не был уверен, что Джим позвонит снова.

— Ты уволил рыженького.

— Он бездарь с амбициями. Не выношу таких. Знаешь, я провожу на съёмочной площадке половину жизни, мне важно, чтобы меня окружали правильные люди.

— Тебе не о чем беспокоиться, — с какой-то странной интонацией заметил Джим. — Курица-наседка Мэтт оберегает тебя от всех неприятностей.

— Это правда.

— Но он не понимает тебя, сладкий.

Александр потёр глаза. С начала работы над фильмом он сумел более или менее восстановить режим сна, но зато стал куда больше уставать. Так что голова во время этого ночного разговора всё равно была тяжёлой и дурной.

— Не говори, что ты ревнуешь, — серьёзно попросил Александр. — Тем более, мы знаем, что у тебя есть свой... своя курица-наседка. Это же Себастиан Майлс?

Джим издал странный фыркающий звук и произнёс:

— Мэтт отвернётся от тебя. Милейший одноклеточный Мэттью не пройдёт проверку. Подобно Петру он отречётся от Спасителя.

— Я так не думаю, — прохладно возразил Александр. — Мэтт верный и надёжный друг.

— Это пока.

— Я всё думаю, Джим, почему Майлс? Он не похож на своего предшественника. Ни на одно, на самом деле.

Джим хохотнул:

— Этого ты понять не сможешь. Знаешь, почему?

— Потому что не понимаешь ты.

— Умница. Знаешь, сладкий... — вдруг добавил он другим тоном, без игривости, — я...

— Устал? Не понимаешь, в чём цель? Боишься ошибиться?

Джим шумно выдохнул в трубку.

— Ты можешь свести меня с ума. Правда в том, что я работаю не на безумии, а на

полной его противоположности. Ни один из моих фильмов не был порожден душевной болезнью или травмой, — Александр встал с постели, завернулся в тонкое одеяло и подошёл к окну. — То, что я создаю, нельзя делать в состоянии изменённого сознания. Мне нужно смотреть на ситуацию трезво. Когда вижу изломы чужой души и страдания чужого разума, когда я придумываю их, Джим, я почти схожу с ума. Но потом я возвращаюсь в реальность, принеся с собой тот опыт. Если ты сведёшь меня с ума, я не стану больше похожим на тебя. Не начну тебя лучше понимать. Я боюсь...

— Ты сможешь.

— Я боюсь, что нет.

— Я могу тебя видеть сейчас, — после долгой паузы хрипло сказал Джим. — Поиграй со мной. Что на тебе под этим одеялом?

— Пока я снимаю, — сказал Александр без тени улыбки, — меня не интересуют эти игры. И опять же, пока снимаю, я сплю одетым. Среди ночи мне может прийти в голову идея, и я кинусь к компьютеру или к телефону, подниму Мэтта и ещё половину команды. И в такие моменты лучше не сидеть потной задницей на кожаном рабочем кресле.

Возможно, отповедь вышла жестковатой. Но пожалуй, Джим её заслужил угрозами и дурацким вопросом. Чтобы немного смягчить впечатление, Александр прислонился к стеклу горячим лбом, улыбнулся и спросил:

— Ты смотришь на меня сам или через камеру?

— Как ты думаешь?

— Через камеру. Сидишь где-нибудь в захламлённой комнате в окружении сложных приборов и экранов и наблюдаешь за мной. Джим, не нужно. Будет не весело. Будет больно, причём всем. И ты не получишь в итоге того, что хочешь. Вернее, — Александр чуть отстранился от стекла, глядя на пустую улицу через стеклянную стену, — ты получишь свой результат, но он тебя не обрадует. Вместо этого давай встретимся.

Он не думал, что скажет это. Но голос Джима, все мысли, которые он сам передумал, пока работал над сценарием, этот дурацкий вопрос про одежду — всё это буквально заставило его предложить встречу.

— Увидимся ещё раз, без Елены и агентов у выхода, просто поговорим. Ты не пьёшь, да? Не то, что алкоголь, даже кофе... Я заварю чай.

«А потом порву к чертям сценарий „Стены“, потому что смогу сказать всё то же самое проще и точнее».

— Мы обсудим всё, Джим. Потому что я действительно понимаю.

— Ещё не до конца, — шёпотом ответил Джим, — но скоро, сладкий. Прости, если не поздравлю с Рождеством.

И он отключился. Несмотря на одеяло, Александру стало очень холодно, и сна не было ни в одном глазу.

Ничего особенного

Клумбой никто не занимался, поэтому она давно промокла, заросла сорной травой. На крошащемся каменном бордюре сидеть было неудобно, но он сидел. И мял в пальцах головку одуванчика. Она уже не была жёлтой или даже зелёной, она стала бурой, волокнистой, но он не бросал её, хотя тут же росло ещё семь свежих цветков.

Рядом закурили. Ему не нужно было даже поднимать головы, чтобы понять, что за человек присел рядом. Старше отца. Пьёт... тоже. Работает руками. Пыльно. Хочет заговорить.

Он не хотел говорить. Но человек бы заставил. От таких легко не отвяжешься, это он знал.

— Ты грустный, приятель, — прокуренным голосом сказал человек.

Он промолчал, но бросил на землю то, что осталось от одуванчика. Люди не любят, когда что-то мнут в руках, особенно до такого состояния. Сразу начинают смотреть.

— Что-то случилось?

Вчера он ответил бы, что ничего, потом извинился бы и сказал, что мама послала его в магазин. Это всегда хороший повод уйти по своим делам, даже для того, кого мама никуда и никогда уже не пошлёт. Но сегодня он вырос. Он поднял на человека взгляд и спросил:

— А если и да? — специально громко. Взрослые, в отличие от детей, не любят громких разговоров. Боятся, что их подслушают. Потому что подслушивают сами. Им это нравится.

— Тогда я мог бы тебе помочь, — проговорил человек, затушил сигарету и кинул на клумбу. Сигарету он не докурил, и казалось, будто затушил её специально, чтобы его собеседнику не мешал дым. — Я Уолтер МакКенна, Уолли для друзей. А тебя как зовут?

«Джим».

Ему нравилось думать, что тогда он назвал именно это имя. Впрочем, подошло бы и «Рич», тоже неплохо звучало. «Дейв». «Стив».

— Рад знакомству, Джим, — Уолтер (Уолли) МакКенна протянул ему руку. Джим не любил, когда взрослые подавали ему руку с таким выражением лица. Оно переводилось как: «Давай я сделаю вид, что ты взрослый мужчина и я считаюсь с тобой», — и было по сути своей полнейшим дерьмовым обманом.

Джим пожал руку, и Уолтер МакКенна спросил:

— Так чем я могу тебе помочь, Джим? Ты правда выглядишь грустным.

— Ты мне не поверишь, если я скажу... Уолли, — ответил Джим, сделав долгую паузу перед тем, как произнести короткое имя. Но оно ему понравилось. Легко прозвучало. И человеку этому хорошо подходило: с рыжими светлыми волосами, широким лицом, большим носом и яркими синими глазами он действительно выглядел как кто-то, кого можно называть «Уолли».

— А ты попробуй рассказать, — Уолли подмигнул ему, на мгновение прикрыв яркий глаз густой рыжей бровью. — Я, знаешь ли, актёр. У меня фантазия отличная. Могу поверить во что угодно. Даже в летающую тарелку, — вдруг он вскрикнул: — Смотри! — вздрогнул всем телом, дёрнулся так, что чуть не упал с бордюра, едва успел удержаться, оперевшись рукой о грязную клумбу, а другую руку вскинул к небу. Джим круто повернул голову — и Уолли расхохотался:

— Ты поверил!

Джим наморщил брови. Уолли не издевался над ним. И он ведь правда поверил, что Уолли что-то увидел в небе. Пусть даже и тарелку. А Уолли для этой шутки пришлось испачкаться, чего взрослые делать не любят. Улыбнувшись, Джим неуверенно заметил:

— Ты меня разыграл.

— Обожаю так делать, — Уолли вытер грязную руку о серые поношенные штаны. — Говорю же, я актёр. Так во что я не поверю, Джим?

Джим долго смотрел в синие глаза Уолли. Слова просились на язык. Буквально чесались возле плотно сжатых губ. Но он их удерживал. Они были тайной. И не из тех, которые раскрывают первому встречному. Но именно поэтому их хотелось произнести. Вытащив из рукава крест с обломанным концом, он потёр его, но быстро спрятал обратно. Уолли не торопил его и смотрел внимательно, но как-то без напора. Выглядело так, словно если Джим промолчит, Уолли просто немного расстроится, встанет и уйдёт. Или даже не уйдёт, а покажет ещё одну летающую тарелку. То есть он не требовал сказать.

И именно поэтому Джим, заставляя себя смотреть Уолли в глаза, произнёс (но негромко):

— Я пообещал сжечь нашего святого отца. На исповеди пообещал. Веришь?

— Верю, — просто сказал Уолли. — А за что?

Джим испытал в этот момент новое ощущение. Оно было сладко-жарким, опалило пищевод, пробежало по позвоночнику и ещё вдобавок засвербило в нёбе. Он не знал, как оно называлось, но появилось, когда он сказал правду:

— Он пытался меня трахнуть. Давно хотел, — опьянённый этим новым чувством, Джим улыбнулся.

Ему было плевать, поверит ли Уолли или начнёт кричать, что Джиму нужно вымыть язык с мылом. Или рассмеётся. Ему не было дела до Уолли, потому что сказать об этом вслух было лучше, чем съесть самое удивительное лакомство. Лучше, чем вообще всё, что Джим испытывал до этого.

— Значит... — пробормотал Уолли, отведя взгляд, — ты маленький католик. Ходишь в ту церковь... Святого Михаила, да?

— Я не католик, — отрезал Джим. Неуместный вопрос Уолли вырвал его из собственных ощущений. — Я просто хожу в церковь, — и пояснил: — Я не верю в Бога.

Этого он вслух тоже ещё никогда не говорил, и ему понравилось. Кажется, то удовольствие возникало, когда говоришь другому о вещах, о которых нужно обязательно молчать.

— Я тоже, — вдруг поделился Уолли, — но я взрослый, поэтому могу не ходить в церковь. И ты не ходи, Джим. Лучше заглядывай ко мне в театр. Хочешь?

Джим застонал, балансируя на грани болезненно-острых ощущений. Он почти чувствовал. Между тотальным ничем и болью он всегда предпочитал боль, и сейчас она ощущалась так тонко, так сладко.

Пытаясь удержать в голове картинку, он пробормотал: «Хочу. Ты играешь на сцене, Уолли?», — но это было очень сложно. Ощущения ускользали от него, и от этого просыпалась яростная дикая злость.

Усилием воли Джим снова соскользнул в солнечный день поздней весной, где под пальцами в труху растирились одуванчики, а Уолли показывал летающую тарелку.

Или в другой?

Там было мороженое. Рожок. Джим старательно облизывал его, не касаясь зубами, и

бросал на Уолли пристальные взгляды. А Уолли прятал глаза и бормотал что-то совершенно бессмысленное. Джим тогда впервые назвал его «дорогим». О, да, это было отличное воспоминание. Оно разворошило у Джима в груди огромную осязательную дыру. Но оно пропало. Кроме подтаявшего рожка там остался только острый царапающий край чёрного креста. Джим тогда уже знал, что камень, из которого он сделан, называется «оникс» — Уолли рассказал.

В новом воспоминании Джим с отвращением стёр пыль с большой лампы, швырнул тряпку на пол и объявил:

— С меня хватит.

Уолли покорно поднял тряпку и продолжил работу сам, а Джим развалился на куске брезента, закинул ноги на свёрнутый и забытый здесь много лет назад старый задник сцены и, немного подумав, сбросил ботинки один за другим. Стянул носки. Пошевелил босыми пальцами.

— Ты ужасный мальчишка, Джимми, — проворчал Уолли, — ленивый, упрямый и жестокий.

Наверху было достаточно жарко, так что вслед за обувью Джим снял и футболку. Уолли выпустил тяжёлый вздох.

— Очень жестокий, — повторил он. — И в тебе нет ни капли сочувствия ко мне.

— Ни капли, — согласился Джим. — Ты старый похотливый неудачник, мой дорогой Уолли. И мне тебя не жалко. И сейчас ты вытираешь старую лампу, а штаны тебе начинают жать. Потому что — что, Уолли? — Джим прикрыл глаза и зевнул, даже не пытаясь делать вид, что ему это интересно. Через зевок закончил: — Потому что ты хочешь меня. Но это скучно. Лучше сыграй мне как вчера. Давай, покажи ещё раз Отелло.

— Я не в настроении, малыш, — пробормотал Уолли. — Давай лучше...

Джим прищурился:

— Сыграй Отелло. Покажи мне ревность. Или я заставлю тебя ревновать на самом деле, дорогой.

В реальности было очень холодно. Но Джим предпочёл бы околеть, нежели выйти из своих воспоминаний. Хотя конечно, он понимал, осознавал краем сознания, что выбор был слабым. Но в то же время он был разумным. Нужно количество боли, достаточное, чтобы ощутить её, но не настолько сильное, чтобы в ней утонуть.

«Я здесь», — более реально, чем наяву, прошептал у него в сознании мягкий баритон. Джим кивнул и закрыл глаза. Да, обладатель баритона был здесь. Спокойными, как будто даже врачебными движениями снимал с него одежду, укрывал одеялом и садился у постели на скрипящий стул. Смотрел непонимающим взглядом, но внимательно. Протягивал руку и касался лба сухой тёплой ладонью. У него не дрожали руки. Даже у Дока подрагивали. И потели. А у него — никогда. И глаза никогда не темнели, зрачки не расширялись. Кажется, он был единственным, кому Джим прощал эту оплошность. Святому Себастиану было можно не хотеть его. Потому что он святой.

«Ещё не сейчас, детка», — прошептал Джим своему воображению, представил себе серую потрескавшуюся стену и тут же почувствовал сзади жаркие душные объятия. Завозился, скидывая тяжёлую потную руку. Капризно надул губы.

Уолли был прост, как старый калькулятор. Даже ещё проще. Как какая-нибудь тумбочка, раскладной столик. Инструкция по использованию даже не требовалась, слишком всё было очевидно.

— Прости, малыш, — тут же сказал Уолли. — Я устал. — И вдруг обеспокоенно спросил: — Малыш, ты был сегодня в на занятиях?

— Нет.

Джим встал, прошлёпал босыми ногами к столу и отпил воду из горлышка графина. Уолли каждый раз просил его так не делать, и Джим каждый раз игнорировал его просьбу. В конце концов, хорошего — понемногу. У просьб должен быть лимит. А сегодня Джим уже и так исполнил парочку.

— Джимми, это важно. Ты ведь не хочешь закончить как я? Мыть эти чёртовы лампы за гроши? Ты ведь умница, Джим. Тебе в университет нужно поступать.

Запрокинув голову, Джим рассмеялся в голос. Он обожал эту фантазию Уолли.

— У нас нет денег, — робко продолжил Уолли, — но если ты хорошо сдашь экзамены, сможешь поступить на стипендию. Не обязательно же в какой-нибудь Оксфорд рваться...

— Думаешь, — Джим обернулся, отставив графин, — я получу профессию, начну зарабатывать, и мы с тобой будем жить долго и счастливо, Уолли? — спросил он. — Я стану тебя содержать? Возиться с тобой?

Это была его любимая часть.

— Я ведь тебя содержу, — почти с обидой выдавил Уолли из себя, — тебе у меня лучше, чем дома. Ты сам говорил!

— Если я поступлю в университет, — негромко, но наслаждаясь каждым словом, сказал Джим, — я выброшу тебя в канаву как старую лишайную собаку.

Уолли слабо улыбнулся, опуская глаза:

— Ты ведь шутишь, малыш, правда? Ты ведь меня любишь?

— Нет, Уолли. Не люблю. И я не шучу. Я уйду, а ты останешься тут один доживать, стареть и превращаться в развалину. У тебя выпадут все зубы, вылезут волосы, и ты станешь совершенным уродом. Представляешь?

Искренне и с пронзительностью, на которую, наверное, был способен один только Уолли, он ответил:

— Нет. Я не представляю, не хочу жить без тебя, малыш.

— Я это запомню, — пообещал Джим.

У Уолли он научился не чувствовать тело, быть за его пределами, наблюдать, фиксировать. Иногда это было полезно, иногда Джиму даже нравилось, но чаще мешало.

«Расскажи мне сказку, Святой Себастиан», — попросил он. Пусть будет короткий отдых. И милый Басти, конечно, не отказал. Он рассказывал сказки как ребёнку. С выражением, с какими-то особыми интонациями. И как актёр он был значительно хуже собственного ботинка. Но Джим слушал. Ему не нравилось думать о причинах, и он не думал — но почему-то голос Себастиана его успокаивал.

Пока что-то внутри скручивалось в тугий узел, пока тело трясло в конвульсиях, а из глаз лились слёзы, Джим слушал сказку про лиса и кролика и видел, как Себастиан, устав, чуть откидывается на спинку стула. Но плечи не опускает. Держит спину, даже если валится с ног. Вымуштрованный солдафон. Сытый, хорошо выдрессированный домашний тигр, который приходит лизать ему руки, когда они пахнут сырым мясом.

Уолли умолял шёпотом, сидя наверху, в осветительной коморке:

— Джимми, пожалуйста, будь аккуратнее! Не надо, чтобы о нас пошли слухи.

Джим скривился:

— Уолли, дорогой, пусть лучше знают, что я с тобой сплю, чем считают нас

родственниками. Это омерзительно. Не хочу даже представлять, будто у нас с тобой общие гены, — вздохнул и велел: — Отойди. Я справлюсь.

Он иногда занимал место Уолли у пульта осветителя. Простая работа. Но Уолли она утомляла, а от Джима не требовала даже малейшей сосредоточенности. Пока руки нажимали на кнопки и крутили старые рычаги, голова решала задачи по математике.

Играл «Реквием».

Уолли пытался привить Джиму любовь к музыке и упрашивал её слушать. Рассказывал про композиторов... всякое. У него рядом стояли истории про то, как Моцарт своей музыкой помог на несколько мгновений прозреть слепому умирающему старику — и про то, как он же написал канон «Лизни меня в зад» (1).

«Реквием» играл громко, но его несколько портил скрип иглы проигрывателя. Уолли пил вино и поздравлял Джима с досрочной сдачей экзаменов. Сделал очередной глоток, откашлялся и предложил:

— Малыш, может, что-то повеселее? Тут заздравную надо ставить, а ты устроил... траур.

Джим отодвинул бокал, отошёл к окну и попросил:

— Сыграй мне про Моцарта.

Уолли чуть убавил звук и покачал головой:

— Я же пьян, малыш. Но если ты просишь...

— Очень прошу. Порадуй меня, Уолли. Тот момент, когда Сальери принимает решение.

Уолли жил на чердаке, и из окна его квартирки был виден весь их унылый городок. Джим немного посмотрел вдаль, потом обернулся, закрывая окно спиной, и повторил требовательно:

— Давай!

Уолли никогда не мог ему отказать. Он начал было играть «Амадея», но не закончил и фразы, оборвал себя сам:

— Нет, всё вторично. Давай отсюда... — прикрыв глаза, он вдруг весь преобразился. Появилась статность, осанка, и в то же время — испуганное выражение лица. Джим читал сомнения и страхи по залёгшим под глазами теням. — «Нет! не могу противиться я доле // Судьбе моей, — произнёс Уолли тихо, опуская глаза на собственные широкие руки, — я избран, чтоб его // Остановить — не то мы все погибли».

Он метался. Хватался за воображаемый перстень с ядом и отпускал его, он погружался в воспоминания, но снова возвращался к неизбежному решению. За Моцарта он веселился, за Сальери — мрачно предвкушал. Заговорил о «Реквиеме», не сбившись на ни строчку, и прошептал, как раз когда проигрыватель переключился на «Лакримузу»:

— «Мне день и ночь покоя не даёт // Мой чёрный человек».

И он почти рассмеялся, подняв на Джима взгляд, когда говорил:

— «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

— Ты думаешь? — спросил Джим нежно. — Ну, пей же, — и сам поднёс ему бокал.

Уолли выпил, хотя в этом глотке не было никакого смысла. Просто Джиму вдруг захотелось самому стать участником представления.

И только проглотив вино, Уолли всё понял. Спросил жалко:

— За что, Джимми?

— Ты говорил, что не хочешь без меня жить, — напомнил Джим, сел на низкий продавленный диван и за руку притянул Уолли к себе. — Ты не будешь. Приляг. Бог с ним, с

Моцартом, он умер. Не дёргайся, я не стал бы травить тебя ядом, от которого есть противоядие.

— Промывание желудка? — спросил Уолли глухим от сдерживаемых рыданий голосом.

— Я пью это вино с тобой. Конечно, яд не в нём. Не поможет. Расслабься, дорогой. Тебе тут всё равно было бы нечего делать без меня.

— Джим... — Уолли поднял голову с его колен, посмотрел в глаза и спросил: — Ты меня любишь? Хоть немного?

— Люблю, — покладисто ответил Джим и погладил его по голове, по всё ещё густым, но уже седеющим волосам. Соврал, конечно. Но для трупа не жалко. Пальцами поймал ониксовый крест и потёр его.

В реальности тоже. Открыв глаза, Джим поднялся на диване, поморгал воспалёнными глазами и подумал, что в следующий раз выберет другое воспоминание.

Примечание:

Leck mich im Arsch — канон для шести голосов си-бемоль мажор, написанный Моцартом в 1782 году. Предназначался для дружеских вечеринок. Опубликован уже после смерти композитора его вдовой под другим названием — «Давайте будем счастливы», что звучит достаточно близко на немецком, но, конечно, сути дела не отражает. О том, как канон получил такое название, вы можете почитать, если загрузите понятие «швабское приветствие».

Миссис Кейл заговорила о Рождестве удивительно поздно, словно очнувшись. В этом году Себ хотел видеть на празднике Джоан и не желал никаких надоедливых соседок. Но начать разговор об этом с миссис Кейл опасался. Однако она не обиделась, а погладила его по руке и тихо сказала, что очень рада за него и будет счастлива познакомиться с женщиной, которую он любил.

— Вы с Эмили никогда по-настоящему не подходили друг другу, — заметила она задумчиво, благо, Сьюзен уже ушла спать и не слышала разговора. — С моей стороны было бы глупостью ожидать, что ты вечно будешь хранить верность женщине, с которой разошёлся пять лет назад. Пусть даже это и моя дочь.

— Вы знаете, — неожиданно для себя сказал он, — мне казалось, мы отлично друг другу подходим.

— Эмили нужен был такой мужчина как мой покойный муж, — грустно, но с улыбкой ответила миссис Кейл, — который читал бы ей книги вслух, дарил бы цветы без повода, всегда был бы рядом, решал бы все проблемы, может, рисовал бы её портреты. Не просто любящий и заботливый, а почти что второй отец. А тебе нужна сильная и самостоятельная женщина, которая способна за себя постоять. Эта Джоан... она такая?

— Однозначно, — пробормотал Себ, и на этом вопрос приглашения Джоан был решён.

Неожиданно объявили о желании приехать родители. Сьюзен чуть ли не до потолка прыгала, когда услышала, что на Рождество увидит деда и «вторую бабушку». Да и Себ соскучился.

Будто бы извиняясь за два месяца тишины, до самого Рождества Джим завалил Себа работой. За это время ему довелось сделать всего один выстрел — оборвать неудачные переговоры в роскошной гостинице в Дублине, — а в остальное время приходилось сидеть, прилипнув к прицелу, слушать через наушник пустые разговоры, в которых он понимал разве что предлоги, и изредка устраивать лазерное шоу. И оказавшись за праздничным столом, Себ с трудом верил, что у него действительно выдался выходной. Откровенно говоря, он опасался, что Джим сорвёт его с праздника — слишком уж много было дел в последнее время. На всякий случай он даже обсудил это со Сьюзен — предупредил, что сделает всё возможное, чтобы встретить Рождество вместе с ней, но не может ничего обещать. Сьюзен надулась, как и всегда, когда он упоминал работу. Но тут уже Себ ничего поделать не мог — только надеялся, что она поймёт его правильно, когда повзрослеет.

Джоан вырвалась с работы и теперь, устроившись в его любимом кресле, наслаждалась пуншем. Сьюзен сидела на подлокотнике и заваливала её вопросами. Сам Себ перебрасывался короткими фразами с папой — тот рассказывал о сентябрьской охоте. Мама и миссис Кейл о чём-то болтали за столом.

Это было удивительно тихо, удивительно прекрасно.

Себ встал за новой порцией пунша и поймал взгляд Джоан. Захватил бокал и для неё и сел на свободный подлокотник. Сьюзен улыбнулась ему как-то хитро.

— Пап, почему вы с Джоан не живёте вместе?

Джоан закатила глаза, а Себ почувствовал приступ нездоровой весёлости. Лёгкий алкоголь, конечно, не мог дать такого эффекта. Но вот атмосфера Рождества, этот дом, украшенная гостиная и близкие люди вокруг пьянили.

— Я сам иногда об этом задумываюсь, Сью, — ответил он. — Понимаешь, Джоан очень любит свою работу в Плимуте. А мы с тобой живём в Лондоне.

— Мы могли бы жить все вместе. Это было бы весело, — задумчиво сказала Сьюзен, но выражение мордашки было крайне хитрым.

— Уверена, — фыркнула Джоан, — что нам и так очень весело. А вот твой дед что-то загрустил. Не хочешь предложить ему кусок торта?

Джоан слегка подтолкнула Сьюзен, и та, чуть поколебавшись, действительно пошла за тортом.

— Она тебя замучила? — спросил Себ, чуть приобняв за плечи Джоан, которая удивительно уютно смотрелась в старом кресле.

— Она умница, — улыбнулась Джоан. — И очень похожа на тебя, даже страшновато. Но знаешь, я лишний раз убедилась, что в жизни не заведу своих детей.

— Почему?

— Вдруг выйдет моя копия? — расширив глаза в притворном ужасе, она рассмеялась, а Себ наклонился к её уху и шепнул:

— Это будет самый очаровательный ребёнок в мире, — а потом добавил серьёзно: — Я иногда за неё очень боюсь.

— Иногда?

— Всегда. И да, знаешь, особенно боюсь того, что она окажется похожей на меня не только внешне.

— Я сомневаюсь, что она, схватив винтовку, побежит воевать за мир во всём мире, — Джоан взяла его за руку и переплела их пальцы, — её интересуют насекомые, рисунки, поездка в Рим и вечная любовь. Кажется, всё, что положено девочкам.

Предмет их обсуждения как раз отдал дедушке торт и принялся задавать каверзные вопросы.

— Видела бы ты меня лет в четырнадцать, — покачал головой Себ, — какого я жару задавал родителям. Не уверен, что мне хватит терпения моей матери... Ладно, к чёрту, — он мотнул головой, выбрасывая оттуда лишние мысли. — Пошли танцевать?

Должен же он был наслаждаться редким явлением — Джоан в платье?

Танцевать под рождественские гимны в небольшой гостиной, конечно, было смешно, неловко и по-дурацки. Но Себу нравилось. И Джоан, похоже, тоже.

Через пару мелодий внимание Себа отвлекла Сьюзен — потребовала потанцевать и с ней тоже. Потом они вытащили к себе маму, папу и миссис Кейл — и всё превратилось в подобие языческих плясок вокруг стола.

Уже совсем вечером, проводив родителей спать в единственную гостевую комнату, Себ вышел на улицу, вытащил телефон и быстро набрал номер, не оставляя себе времени на раздумья и колебания.

Джим ответил мгновенно.

— Себастиан?

На заднем фоне у него можно было различить какой-то лязг.

— С Рождеством, Джим, — произнёс Себ, но не так уверенно, как хотел бы.

В трубке раздался приглушённый стон, и Себ не мог бы сказать точно, от удовольствия он или от боли.

— И тебя тоже, дорогой мой, — промурлыкал Джим.

Стон повторился, но Джим не клал трубку. Пожалуй, всё-таки боль. Пытает он там

кого-то, что ли?

— Заинтересован? — уточнил Джим.

Немного подумав, Себ ответил уверенно:

— Нет. Точно нет.

— Врёшь... — протянул он и замолчал.

Надо было бы положить трубку, но никак не удавалось придумать завершающую фразу. У Джима опять застонали, и Себ поменял мнение: удовольствие. Впрочем, стон тут же сменился истошным, пронзительным воплем.

«Не буду вам мешать». Да, это, пожалуй, подошло бы лучше всего.

— Не представляешь, как тут скучно, — вдруг заметил Джим. — Может, подъедешь и перестреляешь их всех?

— Думаю, нет, — Себ улыбнулся.

— А если прикажу?

— Тогда мне потребуется более внятная формулировка задания.

Джим засмеялся.

— Отдыхай, детка. Ты мне понадобишься довольно скоро.

— Хорошо, Джим.

Себ с некоторым облегчением сбросил вызов, обернулся — и встретился взглядом с Джоан. Она стояла в стороне, возле дома, и конечно, не могла слышать их с Джимом разговор. Но стало как-то не по себе.

— Всё в порядке, Басти? — спросила она несколько напряжённым тоном.

— В полном, — ответил он и подошёл к ней. — Решил поздравить босса с праздником. Пойдём в дом?

Джоан не стала сопротивляться, но Себ ощущал, что её что-то напрягает. Ему оставалось только надеяться, что ничего особенно серьёзного она не услышала. А ему, похоже, противопоказан пунш. Какого чёрта он не услышал, как она вышла из дома?

Попрощавшись с засыпающей на ходу Сьюзен и слегка загрустившей миссис Кейл, Себ увёз Джоан к себе домой.

— У тебя замечательная семья, — произнесла Джоан мягко, забираясь в постель. — Я никогда не предлагала, но если хочешь... Можем зайти на Новый год к моим. Правда, они уверены, что я тебя придумала.

Себ засмеялся и поцеловал её. Долго думать над вопросом не было нужды.

— Поедем и докажем, что это не так.

— Собственно, пока мой единственный аргумент — это от природы слабая фантазия.

Вытягиваясь рядом с Джоан под прохладным одеялом, Себ зажмурился от удовольствия. Не надо бы ему ехать знакомиться с её родителями. Не надо сближаться. Но как приятно, что она предложила. Ему было хорошо с ней. Просто отчаянно, до невозможности хорошо. Если честно, то даже лучше, чем с Эмили. Он любил Эмили всем сердцем, но с ней всегда было чуть-чуть сложно. Были вещи, которые она понимала и чувствовала куда глубже него, и её расстраивало, если он не мог оценить какого-нибудь Байрона. С другой стороны, были вещи, которые она не хотела осознавать и принимать — например, его армейскую карьеру. Она даже редко говорила «война», предпочитая расплывчатое «там»: «Скоро ты уезжаешь туда?». Джоан не было дела до Байрона, её не волновало, что на обед — холодная курица с

майонезом, она горела своим делом и могла говорить о работе часами. Если бы только можно было рассказать ей правду о Джиме и его безумных заданиях...

На этой мысли Себ уснул.

Разбудил его звонок. С трудом разлепив тяжёлые веки (какой-то вчера был недобрый пунш), Себ схватил телефон и ответил на вызов, пока звук не разбудил Джоан.

— С добрым утром, Себастиан, — сухо произнёс Джим в трубку, — бери игрушку и приезжай.

Чёрт. Дерьмо.

Джим отключился, а Себ бросил взгляд сначала на сейф, прикрытый шерстяным старым одеялом, а потом на спящую Джоан. В принципе, по утрам у неё над головой можно устраивать артобстрел — не услышит. И всё-таки идея забирать винтовку, пусть и в чехле, пока она находится в комнате, казалась Себу крайне дерьмовой. Но судя по голосу Джима, перезванивать и просить его раздобыть где-то винтовку не стоит.

— Джоан, — тихо позвал он. Джоан не шевельнулась, продолжала спать, уткнувшись носом в подушку, и Себ аккуратно встал.

Она не шевельнулась, пока он одевался, и продолжила спать, когда он так беззвучно, как сумел, открывал сейф.

Выйдя на улицу, Себ сразу заметил неприметный тёмно-зелёный и уже далеко не новый «Дискавери», забрызганный грязью почти до стёкол. Пыльное стекло опустилось, и с водительского места выглянул Джим.

Себ забрался на пассажирское сидение, пристегнулся, и автомобиль тронулся. Маленький Джим за рулём внедорожника смотрелся комично, и Себ посмеялся бы, если бы не переживал насчёт Джоан.

— Что, детка? — спросил Джим минут через пять, убавив почти до минимума громкость инструментальной музыки.

— Ничего, — сначала сказал Себ, но потом поймал испытующий взгляд Джима и ответил: — Я ночевал не один. А как вы знаете, сейф у меня стоит в спальне.

Джим пожал плечами, ничего не ответил и снова выкрутил громкость музыки до максимума.

Они ехали чуть меньше часа на юго-запад, в пригород. В какой-то момент начались жилые районы маленькими аккуратными домиками. И если Себа не подводило знание топографии, то впереди их ждали всё те же домики, поля и озёра. Не совсем те места, где будет уместна винтовка. Зато оставалось радоваться, что Джим отказался от своего «Ягуара». Он был бы слишком заметен в пригороде.

— Итак, детка, — вдруг произнёс Джим, отключая проигрыватель, — сегодня всё просто. Опускаем стекло, ты делаешь выстрел, мы уезжаем. Никаких игр.

— Тогда остановитесь, я перейду на заднее сидение, — сказал Себ ровно, а перебравшись назад, принялся собирать винтовку. Слегка тряская езда ему не мешала — доводилось делать это и в худших условиях.

Джим припарковался на зелёной обочине под кирпичной высокой стеной и слегка опустил одно заднее стекло. Себ вставил магазин, перехватил винтовку поудобнее и приготовился ждать. Джим молча смотрел прямо перед собой через лобовое стекло, но всё-таки человека, идущего нетвёрдой походкой по дороге, первым заметил Себ. Их разделяло всего сто двадцать метров.

— Тебе нужно подтверждение, детка? — насмешливо спросил Джим.

— Обязательно.

— Что ж, подтверждаю, — хмыкнул он. Себ прицелился и выстрелил.

Громкий звук пронёсся по тихим улицам, и Себ закусил губу, ожидая, как Джим станет выбираться из этой ситуации, но никто не выглядывал из окон, никто не выскочил на улицу посмотреть, в чём дело.

Джим поднял стекло, и тут до ушей Себа донёсся приглушённый, но отчётливый звук ещё одного выстрела. И ещё одного.

— Видишь ли, дорогой, — улыбнулся Джим, заводя мотор трогаясь с места, — тут через улицу стрелковый клуб. Местные не обращают внимания на подобные звуки. Не хочешь спросить, кого только что убил?

— Не особо, — вдохнул Себ. Работа была сделана, к счастью, легко, быстро и качественно, но мысли о Джоан не давали расслабиться и порадоваться этому.

— Уважаемого человека, — с нескрываемым удовольствием произнёс Джим, — второго заместителя начальника управления контртеррористической безопасностью Скотланд-Ярда. Если бы об этом знал твой приятель Пол Брэндон, он бы очень сильно порадовался. Но мы ему не скажем, правда?

— Вы только что убили своего человека в Скотланд-Ярде?

— Одним меньше... — пожал плечами Джим. — Помолчи, детка. Мне нужно подумать.

Если честно, Себ был очень рад, что сейчас ему хотя бы не нужно выносить сеанс психологических пыток.

Винтовку Себ оставил в багажнике своего «Форда». Идти домой к Джоан с чехлом пусть и неприметным, было бы глупо. А так он мог объяснить свой ранний уход срочным вызовом начальства и не провоцировать лишних подозрений.

Джоан не спала, хотя время было для неё ранее. Себ застал её одетой на кухне с кружкой кофе и сэндвичем с огурцом из упаковки.

— Уже встала?

— Что-то не спалось, — отозвалась Джоан и улыбнулась. — Ты уходил по работе?

— Вызвали с утра. Позвонили в начале седьмого. Ты ещё спала.

Себ полегчало. Сразу появился аппетит, да и удалось оценить то, как изящно Джим подошёл к утреннему делу. Выбрать место возле стрелкового клуба! Интересно (эта мысль его мало занимала, но Себ всё-таки немного покрутил её, пока заваривал себе чай и ставил на плиту сковородку), связана ли эта смерть с расследованием Пола? Возможно, он нашёл что-то действительно важное, и Джим решил избавиться от всех зацепок? Впрочем, Себа это всё равно не касалось.

— Будешь омлет? — спросил он.

Джоан вяло кивнула — да и странно было бы ожидать от неё разговорчивости в половине десятого утра. Себ быстро кинул на сковороду бекон и, пока он понемногу поджаривался, порезал помидоры и лук. Решил, что возиться с полноценным омлетом ему не хочется, и просто слегка взбил яйца с солью. По кухне начинал распространяться крайне привлекательный запах. Себ сглотнул и накрыл сковороду крышкой. Повернулся к Джоан и встретился с ней взглядом. Она смотрела прямо, пристально и совсем не сонно.

— Где винтовка, Басти?

— В... — он удержал ответ «в машине» и вместо него спросил непонимающе: —

Винтовка?

— Твоя винтовка. С которой утром ты ушёл на работу. Которую твой босс, очевидно, называет «игрушкой».

— Джоан, — начал он, но она встала, поправила толстый старый свитер и попросила тихо и устало: — Только не ври, Себастиан.

Потянуло горелым, Себ быстро переставил сковородку на соседнюю конфорку, выключил газ и сказал:

— Я не собирался.

И это было правдой. Он не знал, что сказать. Ни враньё, ни объяснения не шли на ум. Просто... так не должно было быть. Не так.

В глазах у Джоан заблестели слёзы, и Себа это шокировало. Она не была плаксой. Чёрт она была удивительной, почти невероятной женщиной, у которой даже почти не портился характер перед менструацией. Никогда он не видел в её глазах таких сильных чувств.

— Почему нет? Ты врал так много... Зачем? Хотя я понимаю. Теперь — понимаю, — она отвела взгляд, моргнула несколько раз, шмыгнула носом, но взяла себя в руки. — Удобно иметь в любовницах полицейского, а в друзьях — детектива-инспектора Скотланд-Ярда, если ты...

— Если я? — почти беззвучно переспросил Себ. — Убийца?

Её слова резанули очень больно.

— Я думала сказать «киллер», но это тоже подойдёт, — отозвалась она резко. — Хотя бы понятно, зачем нужны эти отношения.

— Нет, — оборвал он её.

Вдруг стало плевать, что она может обвинить его в серии убийств и посадить за решётку. Значимым, на самом деле важным, стало одно — убедить её в том, что она ошиблась насчёт его чувств.

— Если бы я был связан с криминалом, — твёрдо произнёс Себ, — то последним человеком в мире, с которым я стал бы встречаться, была бы глава отдела полиции.

— Да, — она снова посмотрела на него, — конечно. Это очевидно. Именно поэтому ход ловкий и умный. Только вот не знаю, сам ты придумал, или тебе подсказал босс. Тот самый, который имеет обыкновение звать тебя деткой. Стой... — она прервала его, стоило ему открыть рот, — не ври. Я начала подозревать после того случая с телефоном. Потом твой отец кое-чего рассказал. Я не спрашивала специально, но он беспокоится за тебя, вот и задавал мне наводящие вопросы, — Джоан говорила резко, холодно, словно бы пыталась спрятаться за обличьем полицейского. — Вчерашний разговор по телефону мог быть, наверное, шуткой... Если бы утром ты не уехал на работу с винтовкой, Басти. И оставил ты её в машине, чтобы не я не увидела. Но мне плохо спалось. Видимо, пунш твоей тёщи так действовал.

— Я никогда, — произнёс Себ, хотя оказалось, что слова застревают в горле, — не врал тебе насчёт своих чувств. Я люблю тебя.

Джоан ему не верила. Он это видел, но, чёрт дерь, он не позволит этому случиться. Не считая Сьюзен, Джоан — лучшее, что есть в его жизни. И он не угробит их близость.

— Я потерял от тебя голову в первую встречу, — признался он, — сидел и смотрел тебе в глаза. Слушал твой голос. Я не люблю сигаретный дым, а ты курила, и я думал, что это лучший запах в этом дерьмовом мире. Джоан...

К чёрту. Пускай так. Пусть знает, что он работает криминального босса, что он в

сентябре одним выстрелом убил больше пятнадцати человек, что сегодня приехал к ней, сняв очередную цель, уже неизвестно, какую по счёту. Пусть ненавидит его — но только за это, Господи.

И именно это она бы ему простила. У неё тряслись губы, дрожали руки. Себ хотел бы её обнять. Схватить крепко, ткнуться лбом в её лоб и как-нибудь по-волшебству передать свои мысли, только чтобы не видеть в её глазах этой смеси ужаса, ненависти и унижения.

— И ни оправданий... — прошептала она, сглотнула и добавила резко, громко: — Я не сдам тебя, Себастиан Майлс. Ничего не скажу Полу и Грегу. Но ты исчезнешь из моей жизни.

Совершенно каменным шагом она вышла из кухни. Себ кинулся за ней, но наткнулся на яростный взгляд и остановился. Она надела сапоги, набросила куртку, подхватила спортивную сумку и вышла из дома, высоко держа голову. Себ провожал её взглядом до тех пор, пока она не свернула за угол улицы, потом закрыл дверь и, пошатнувшись, сел на пол в коридоре. Из него как будто хребет вынули. Глаза жгло, и ему было не стыдно за эти слёзы.

Отношения с Джоан были обречены на провал с самого начала. Киллер и полицейский. Дерьмовая голливудская комедия, ничего хорошего. Только вот хорошее было: почти всё. Каждый день вместе был отличным. Он с усилием отогнал воспоминания, потому что понимал: если расковыряет эту рану, будет ещё хреновей, чем сейчас.

Очень долго он сидел под дверью, пытаясь найти хоть один способ всё вернуть. Побегать за ней — понятно, что по направлению к «Виктории». Поймать, остановить и извиниться. Рассказать всё про работу и Джима. Умолять о прощении. И чем дальше искал — тем меньше и меньше их видел. Если честно — не видел вовсе.

«Лучше бы сдала», — подумал он, хотя мысли формулировались тяжело, туго. Лучше бы она позвонила Грегу и рассказала о своих подозрениях. И пусть бы его увели в наручниках.

Одевшись, он вышел на улицу и побрёл куда-то по широкому тротуару. Плевать, куда. Тошнило. И не от голода, а от самого себя. Он впал в непонятное состояние: что-то вроде умственной комы. Перед глазами мелькали пятна, автопилот улавливал переключение светофоров и контролировал движения, но мыслей не было.

Становилось холодно, хотя ему было плевать — его морозило изнутри. Мысль о том, что нужно вернуться домой, вызывала отвращение. Он не хотел быть один. И в компании — тоже.

Наверное, прошло много времени, во всяком случае, перевалило за полдень, когда Себ упал за стойку первого подвернувшегося паба, заказал виски и буквально уронил в себя первую порцию прямо на голодный желудок. Попросил повторить.

— Что, приятель, бросила девушка? — спросил высокий плечистый бармен. Себ поднял на него тяжёлый взгляд, и он, поставив ещё один стакан, отвернулся. Себ не хотел говорить. Он не хотел думать. И да, он осознавал, что напиться — худшая из возможных идей. Вот только беда в том, что никаких других у него не было.

Болельщики приветствовали удачный гол дружными криками. К Себу подседа и сразу же сбежала какая-то женщина (он даже не рассмотрел, какая, ему было плевать).

Виски шёл как вода, вообще незаметно.

— Тебе, может, уже хватит? — спросил его в какой-то момент бармен, и Себ почувствовал злость. Не надо ему указывать. Вторая откровенно дерьмовая идея — нарваться на драку — показалась весьма привлекательной.

— Он же сказал, что хочет ещё, — вдруг послышалось за спиной. — Налейте, живо.

Рядом на стойку легла купюра, а на соседний высокий стул взобрался Джим собственной персоной. И он слегка покачивался, как и весь паб.

— Он скоро со стула упадёт, — неуверенно произнёс бармен.

— Подхватим, — Джим подмигнул бармену, и Себ получил свой стакан. Выпил так же, как остальные, одним глотком. Скривился и понял, что он был лишним, потому что теперь потянуло блевать.

Зато остальное... почти не беспокоило.

Себ не понял, кто взял его под руки и куда повёл, тело было ватным. Возможно, они все шли к Джоан. Потом сознание вспыхнуло от соприкосновения коленей с холодным полом. Кажется, там ещё была крепкая, но негрубая рука на спине. Стакан с водой и таблетка. Темнота — и снова коридор. Или уже машина?

— Дальше я справлюсь, мальчики, — нежно промурлыкал Джим, и это было последнее, что Себ услышал, прежде чем отключиться.

Себ пытался открыть глаза, но не мог — их залепило гноем. В желудке тяжёло ворочалось что-то склизкое и громадных размеров. Во рту горчило. А попытка вдохнуть привела к тому, что он закашлялся от вони перегара.

Вчерашний день для него закончился где-то на встрече с Джимом, дальше начиналась чернота с редкими проблесками воспоминаний.

Твою мать, как же плохо.

Подняв руку весом в пару десятков килограммов, он протёр глаза и сумел их открыть. Впереди был белый, слишком яркий потолок, от одного взгляда на который заболела голова. Он выдохнул сквозь стиснутые зубы. Свистящий звук вышел слишком громким и тоже ударил в голову.

Но увы, похмелье причиняло далеко не такую сильную боль, как воспоминания о том, что вчера произошло. Он не просто облажался. Он нахер раздолбал в крошку ту часть своей жизни, которую особенно сильно любил.

А ещё он сделал с Джоан что-то... на что ему не хватало слов, особенно в таком состоянии, как сейчас. Но что-то непоправимое и очень плохое.

Он застонал вслух, попытался повернуться — и чуть не упал. Он лежал не в кровати, а на диване, притом достаточно узком и коротком — ноги были закинута на подлокотник и затекли. Из одежды на нём остались только штаны, зато сверху обнаружилось мягкое шерстяное одеяло.

Как только перед глазами перестали мелькать яркие световые пятна, он сумел проморгаться, увидел заваленный бумагами, мусором, пистолетными магазинами и ещё чёрт знает чем пол и понял, где находится.

Переждав, пока пройдёт приступ тошноты, Себ поднялся на одной руке и огляделся.

Джима не было. В окно бил солнечный свет. Стояла глухая тишина. Выругавшись, Себ слабо опустился обратно на диван. Ему нужен был душ. В идеале, контрастный. И какая-нибудь лёгкая еда. И ещё, пожалуй, кофе. А потом можно будет подумать.

Договорившись более или менее с организмом, Себ с трудом свесил ноги на пол, встал, пошатываясь, и понял, что не знает, куда идти. В квартире Джима должен был быть душ, это точно. Но искать его здесь в отсутствие хозяина звучало как не лучшая идея.

В дальнем углу открылась невидимая до сих пор дверь, из неё выглянул Джим, молча поманил пальцем и скрылся. И Себ побрёл к нему медленным и нетвёрдым шагом.

За дверью обнаружился узкий короткий коридор, который после поворота закончился ещё одной огромной комнатой. Но в отличие жилой, эта была заставлена ящиками, коробками и столами с системными блоками. Джим сидел за большим монитором, который скрывал его почти целиком, и что-то сосредоточенно печатал.

Увидев Себа, он махнул рукой влево, на серую дверь, отлично сливающуюся с серой стеной.

В другое время Себ, наверное, стоял бы пару минут, рассматривая роскошную, огромную комнату, половину которой занимала ванна, больше похожая на бассейн и снабжённая множеством кранов, душевых леек и массажёров. Но сейчас он слишком дерьмово себя чувствовал, так что обстановка ванной его не увлекла. Всё, что его интересовало, это вода. Сначала очень холодная — потом горячая. И опять холодная.

Повторить раз двадцать.

И надо сказать, это помогло. Выбравшись из душа и, за неимением других вариантов, натянув несвежую одежду, он ощутил, что почти жив. Мозг более или менее заработал, но Себ предпочёл бы, пожалуй, его снова вырубить. Потому что единственное, о чём выходило думать, это вчерашний разрыв с Джоан.

Джоан! Мысль возникла так внезапно, что чуть не сбила его с ног. Наплевав на собственную сомнительную координацию, Себ кинулся к Джиму. В комнате с техникой на нашёл его — зато с облегчением обнаружил в гостиной, на диване.

— Как себя чувствуешь, детка? — спросил Джим чуть насмешливым тоном. Себ пошатнулся, но на ногах удержался и ответил, что ему лучше.

— Спасибо, что забрали меня, — добавил он, понимая, что в противном случае ему грозило пробуждение в полицейском отделении.

— Ты не доставил мне особого беспокойства, — фыркнул Джим. — Мои мальчики отлично с тобой справились.

Значит, сильные руки, которые никак не могли принадлежать Джиму, ему не померещились. Тем лучше. Перед незнакомыми мужиками было не так стыдно.

Джим перевёл на него взгляд и сказал:

— Кофе.

Тогда Себ увидел, что рядом с Джимом стоит коробка с едой — два картонных стаканчика, четыре пончика с шоколадной глазурью. И Джим даже подвинулся вместе с коробкой, освобождая Себу место.

— Надеюсь, я вчера... — начал было Себ, но Джим скривил совершенно неповторимую физиономию, и он осёкся. — Спасибо.

Джим пожал плечами, взял один стаканчик, глотнул и поморщился. А вот на неприятный вкус Себа кофе был отличный. Впрочем, он, наверное, сейчас и вокзальные помои счёл бы напитком богов — слишком уж хотелось заглушить горечь и сбить перегар.

После пончика Себ отставил стаканчик в сторону, вытер пальцы и спросил тихо:

— Я много вчера наговорил?

Он не страдал любовью к пьяным излияниям, но слишком плохо помнил, чем закончился день.

Джим пожал плечами.

— Пожалуйста... — прошептал Себ, — Джим, прошу вас, не трогайте Джоан. Она... не доставит неприятностей.

Брови Джима стремительно взлетели вверх.

— Мне совершенно не интересна Джоан Вуд, — заметил он.

Вот только это ничего не гарантировало. Энди тоже вряд ли его интересовала, но результат был очевиден. А Джоан могла бы быть для Джима значительно опаснее, чем Пол, который ничего даже не знал.

— Что? — переспросил Джим, и Себ сказал:

— Энди чуть не погибла тогда. Энди Брэндон.

— Впервые слышу, — пожал плечами Джим и, заинтересовавшись, чуть подался вперёд: — Кто это?

— Инспектор Пол Брэндон, — напомнил Себ. — Я позвонил вам, рассказал о его подозрениях. Это его жена.

Вдруг резко подняв палец вверх, призывая к тишине, Джим достал телефон, что-то набрал на экране. Себ отпил подостывший кофе, а Джим дождался, видимо, ответа, и посмотрел на Себа со странным выражением:

— Детка, ты меня обижаешь, — Джим соорудил очень достоверную обиженную физиономию, — стал бы я тратить время на полицейского. Кроме того, когда я хочу передать кому-то сообщение, напугать или намекнуть... Я это делаю, без дурацких недосказанностей. Если бы я хотел, чтобы этот твой Пол Брэндон перестал лезть в мои дела, я положил бы голову жены ему на подушку. Да, — кивнул он, — пожалуй, голову жены. Голова лошади для него была бы сложновата, я думаю.

Нет, Себ едва ли мог в это поверить. Энди пострадала слишком скоро после его звонка Полу. Слишком удобно для Джима.

— Это не вы?

— Меня ловит Елена Кларк лично и половина МИ5 впридачу. Заметь, безуспешно. Нет

— Энди пострадала в несчастном случае?

— Или с ней расправился твой вчерашний новый знакомый. Я не знаю точно, детка. Прости. Джоан Вуд опасаться нечего. Она не побежит доносить на тебя в полицию, и она отчаянно скучная. Сыграй со мной, детка.

Вот только этого не хватало. Себ не чувствовал себя готовым к выверту мозгов. Но Джиму было, конечно, плевать, и он спросил:

— Что ты почувствовал? Когда узнал об этой Энди, об аварии?

— Зачем вам это? — устало спросил Себ.

— Не ломайся, — попросил Джим спокойно. — Просто скажи, а потом — сам знаешь.

— Боль, — сказал Себ честно, — страх, сочувствие. Вину. Желание помочь. Примерно так.

Джим тяжело выдохнул и сказал:

— Не то. Ты называешь слова. А что ты почувствовал? Телом?

В его голосе не было насмешки, только усталость. Наверное, поэтому Себ ответил:

— Это сложно. Горечь на языке, ком в горле. Не знаю, что ещё... Под рёбрами сжало. В желудке стало тяжело. Вроде того.

Как-то не задумывался он об этом никогда. Он спросил бы, на кой чёрт Джиму это сдалось, но настроения не было. Голова соображала с трудом.

— Твой ход, — напомнил Джим.

— Что вы делали в последнее время?

Джим хмыкнул.

— Детка, тебе нельзя пить. Но я отвечу, только сначала скажи: ты скучал?

— Это второй вопрос, — произнёс Себ и прикусил язык. Зря он это. Впрочем, Джим не разозлился, наоборот, засмеялся:

— Большой мальчик. Хорошо, ответь на мой второй вопрос — и получишь ещё один взамен. Ты скучал?

Прицепился.

— Немного.

В ответ раздалось фырканье. Себ пожал плечами.

— У меня нет привычки лить слёзы над вашей фотографией, уж простите.

— Я глубоко оскорблён этим признанием, — заявил Джим со смехом. — Ладно, детка, мой черёд. Я ограбил банк, убил одного индийского чиновника, побывал в Венесуэле,

подарил мисс Кларк одну непослушную террористическую ячейку, с помощью других, более сговорчивых ребят устроил пару терактов в Пакистане, организовал самоубийство в космической ракете. В основном, рутина.

— Заметно, — пробормотал Джим.

— Это всё, понимаешь, простовато. А главное, я играю сам с собой на пустой сцене. Рано или поздно надоедает. Знаешь, детка...

Джим не договорил, встал и прошёлся по комнате, нарочно наступая на побитые чашки, так что они крошились с хрустом. Он явно о чём-то серьёзно размышлял, но Себ не пытался угадать ход его мыслей, просто вяло жевал пончик, ощущая, как пульсирует от боли голова. Непривычное такое чувство, редкое и мерзкое.

— Я боюсь. Мне даже нравится, — произнёс Джим медленно. — Такое странное новое ощущение, кайф. Но я боюсь, и это мешает действовать. Я боюсь, что он прав, понимаешь?

Разумеется, Себ ничего не понимал, но он решил промолчать. Джим смотрел в пустоту и говорил, кажется, скорее сам с собой, нежели с Себом.

— Но это нечестно! — вдруг зло выдохнул он. — он не может быть прав, это всё портит! Всё портит... Я не знаю, детка. Я обещал ему, но не могу рисковать.

Себ взял ещё один пончик, откинулся на спинку дивана и решил, что ему всё равно. А Джим обернулся и сказал резко, раздражённо:

— Давай свой вопрос!

— Тот второй, — отозвался Себ, — я вам его дарю.

Ему было слишком дерьмово после вчерашнего, и он не чувствовал в себе готовности вникать в загадочные душевные терзания Джима.

В доме пахло пирогом с яблоками. Он был почти готов, доходил в духовке. Свежесваренный чай согревал. А Себ хотел сбежать.

— Басти, ты бледный, — покачала головой миссис Кейл, — у тебя всё в порядке?

— В полном, — кивнул он. — Просто устал.

Сьюзен переодевалась наверху, и он ждал её — и в то же время, не очень. Хотел увидеться, но понимал, что не готов быть хорошим отцом.

— Уверен, что не заболел?

— Совершенно, — Себ натянул достаточно вымученную улыбку, — я вообще редко болею. Не переживайте. Я много работаю, вот и всё.

Брехня, конечно. Он поднялся из кресла.

— Басти... — миссис Кейл позвала его как-то неуверенно, — я не хочу лезть не в своё дело, просто не имею права. Но ты понял бы моё беспокойство, если бы видел себя со стороны.

В зеркале видел. Ничего особенного. Совершенно.

Просто он не привык к кошмарам, особенно регулярным. А теперь уже с трудом вспоминал, когда в последний раз спал все положенные восемь часов без перерывов. Никакой спорт, никакие нагрузки не помогали — как бы сильно он ни вымотал себя за день, ночью всё равно просыпался. Иногда даже не мог вспомнить, что именно ему снилось. Но чаще, открывая глаза, он ещё пару минут таращился в темноту, смаргивая слёзы с глаз, обожжённых вспышкой взрыва.

Ему снился Афганистан. Раз за разом: его собственное ранение, смерть Йена, расстрел

пехоты в карьере. Чёрт его разберёт, откуда взялись эти сны через долбаных много лет, когда он и думать обо всём этом забыл.

Но факт оставался фактом: ночь, проведённая на диване у Джима, была последней, в которую он спал крепко и спокойно.

— Возраст, миссис Кейл, — он подмигнул ей, — стоит чуть не выспаться — и вот, пожалуйста.

Она рассмеялась и, к счастью, закрыла тему, а Себ с облегчением услышал быстрые шаги Сью на лестнице.

Сегодня она была не в духе, на объятия ответила неохотно и сразу же отвернулась. Миссис Кейл, поймав взгляд Себа, кивнула и ушла на кухню — проверять пирог. Себ спросил:

— В чём дело?

Сьюзен поджала губы и ответила:

— Ни в чём.

Ладно, он готов был угадать с трёх раз — в том, что уже месяц он был больше похож на декорацию, чем на заботливого родителя.

— Прости, — произнёс он, — слишком много работы.

И слишком дерьмовое оправдание. Всё, на что хватает ему сил и мозгов, это приходить время от времени, гулять с ней, возить куда-нибудь. Дарить игрушки и телефоны. Замечать с удивлением, что она изменилась с прошлой встречи.

Она рыдала, заходила криками, стоило ему появиться в комнате, первые три года жизни. Он тогда приезжал слишком редко. Наверное, странно пах, ещё страннее выглядел. Потом, казалось бы, ситуация наладилась. И вот теперь — всё снова. Только для девятилетнего ребёнка это хуже, чем для младенца. Особенно для ребёнка, который уже потерял мать.

Помолчав немного, Сьюзен сказала требовательно:

— Купи мне телефон.

Бровь Себа немедленно взлетела вверх. Он даже из оцепенения выпал, услышав эти слова.

Сьюзен отвернулась к столу, налила себе чай и, повернувшись, посмотрела на него с вызовом.

— У всех нормальные телефоны, только у меня отстойный.

Себ молчал. У него только что с треском что-то поломалось в мозгах, и он пытался это починить. Никогда в жизни он сам не позволил бы себе таким тоном говорить с родителями. И Сьюзен до сих пор тоже не позволяла.

— Почему всем покупают? — продолжила она, и её губы дрогнули. — Даже Эльзе и Крису.

— Сьюзен, — медленно проговорил Себ, подбирая слова, но уже не очень аккуратно, — сделай мысленно два шага назад в этом разговоре и скажи, в чём проблема.

— В твоей работе. Ты всё время работаешь, у тебя должны быть деньги, но у меня одной из класса, ну, ещё у Эвелин и Тины, нет телефона.

Себ покачал головой:

— Мимо. Я действительно много работаю, и об этом мы уже говорили, — он сел на подлокотник кресла, чтобы не нависать над дочерью, но сохранил строгий тон, — мы не видели неделю. И вот вместо приветствий я слышу требование «Купи». Не просьбу, не

объяснение, зачем этот телефон нужен, а требование. Причём тоном, который меня совершенно не устраивает.

Сьюзен ответила на его взгляд и плотно сжала губы. Было неясно, готова она заплакать или закричать, но, во всяком случае, она сдерживала этот порыв.

С финансовой точки зрения, конечно, никаких проблем не было. Он мог купить ей десять телефонов. С начала работы на Джима вопрос денег перестал существовать. Но тут речь шла не о деньгах, даже не о телефоне. Посмотрев в сторону кухни, где возилась миссис Кейл, Себ сказал строго:

— Оденься, мы прогуляемся.

— Нет.

— Две минуты на сборы. Уже минута пятьдесят восемь секунд. Пятьдесят шесть...

Буркнув что-то невнятное, Сьюзен рванула наверх. Конечно, в две минуты не уложились, но через десять они уже шли по дорожке мимо аккуратных соседских домиков. Миссис Кейл сказали, что очень хотят к пирогу горячего шоколада, поэтому пошли в магазин за какао.

Сьюзен, натянув пониже шапку и сунув руки в карманы, шла мрачная и насупившаяся. Себ шагал рядом, пытаясь понять, что делать и, главное, что думать. Он уже замечал, как сильно выросла Сьюзен, но к такому готов не был. Это уже не «папа, купи» от трёхлетки, которая увидела яркую коробку в магазине. Это нечто совсем другое.

— Я понимаю, что ты сердисься на меня, — произнёс Себ наконец. — Я правда в последний месяц провожу с тобой мало времени. Я не прав.

Сьюзен кинула на него косой взгляд.

— Но моя неправота не извиняет твой тон. Как у отца, у меня есть по отношению к тебе обязанности: обеспечивать одеждой, едой, жильём, следить за поведением и безопасностью, дать тебе образование, — проговорил Себ негромко и очень серьёзно, — всё остальное я делаю, потому что люблю тебя и хочу делать тебя счастливой. Но это... — он сделал паузу, — моё желание. Когда ты обращаешься с просьбами, я стараюсь их выполнять, потому что знаю, что тебя это порадует. Но я не обязан этого делать, понимаешь?

Он остановился и повернулся к Сьюзен. Она смотрела в землю, и Себу было тяжело видеть, как она расстроена. И в то же время он понимал, что должен сказать об этом сейчас.

— Если ты хочешь новый телефон, ты можешь попросить. Объяснить, зачем он тебе нужен, мы обсудим и решим. Требование в том виде, в котором ты его озвучила, недопустимо. Посмотри на меня, пожалуйста.

Сьюзен тихо плакала, и Себ, не выдержав, обнял её. Хотелось забить на все поучения, купить ей три телефона разом, только чтобы унять слёзы, но он понимал, что это глупо и, главное, вредно.

— Пап, — позвала она, отстраняясь и вытирая слёзы шерстяными перчатками, — скажи... На какой войне ты был?

— Зачем тебе?

— Мы говорили про войну вчера на уроке, мисс Эштон рассказывала о солдатах, я сказала, мой папа тоже был на войне. Она спросила, на какой, а я не знала, что ответить.

Что ж, наивно было предполагать, что эта тема никогда не всплывёт.

— Я служил в Афганистане, Ираке, а до этого — в Северной Ирландии. Если тебя спросят, можешь отвечать так.

— У тебя был танк?

Себ фыркнул, вообразив эту картину. Покачал головой:

— Нет. Существуют разные войска, далеко не все — танковые.

Взяв Сьюзен за руку, он повёл её дальше в сторону магазина.

— А что было? — тут же последовал вопрос.

— Что?

— Если не танк... то что? Пап, ну, я завтра расскажу про Афганистан и ту штуку, меня тоже спросят о танке, — добавила она, угадав, что отвечать он не хочет.

— Я был снайпером, малыш, это... такой человек, который стреляет очень метко и на очень большие расстояния. Но я не советую много говорить об этом в школе.

— Почему?

— Дети не должны думать о войне. И вообще, — он улыбнулся, чуть крепче сжимая её маленькую ладонь во влажной перчатке, — у нас тут какао и телефон.

— Ты купишь мне его?

Себ покачал головой:

— Точно не сейчас. Завтра обсудим. И подумай, как сформулировать свою просьбу. Ещё одно требование в том тоне, и не только телефон, но и день рождения может оказаться под угрозой.

Сьюзен, конечно, заныла, но притворно — на самом деле, она всё отлично поняла. Правда, у Себа на душе не стало легче. После этого разговора про войну он очень ярко увидел картину того, что его ждёт. Когда Сьюзен станет подростком, она станет замечать больше. Вопросы пойдут острее. И произойдёт то же, что с Джоан, только у Сьюзен будет побольше фактов. Она вспомнит в своё время обо всём: о Джиме, например. И пока Себ не знал, как сможет пережить это.

Десятый день рождения Сьюзен они отпраздновали в кафе — Себ, пытаясь игнорировать тупую боль в голове и поменьше зевать, следил за шумными детскими играми.

В итоге они договорились, что новый телефон будет подарком на праздник — и на этом конфликт был исчерпан.

Зато сразу после дня рождения назрел другой. Через год Сьюзен нужно будет переходить в старшую школу, и уже сейчас пора было определяться, в какую именно.

Миссис Кейл была в этом вопросе совершенно непоколебима: только пансион для девочек. Себ тоже имел по этому поводу свою, весьма жёсткую позицию: только смешанная школа, без всякого пансиона.

За последний месяц Себ выдержал уже несколько жарких споров.

У миссис Кейл было два сильных аргумента: первый — это безопасность. Нечего девочке-подростку проводить слишком много времени среди парней, у которых от гормонов срывает крышу. И второй — то, что в своё время и она сама, и Эмили посещали школы-пансионы.

«И выросли здоровыми женщинами с чувством собственного достоинства», — веско проговорила миссис Кейл.

У Себа аргументов было тоже два, но оба — не из тех, которые было легко использовать в разговоре с немолодой женщиной, которую он, к тому же, весьма уважал.

Во-первых, он считал, что как раз закрытый пансион для девочек подарил им с Эмили добрую половину семейных проблем. Во-вторых, как бы сильно он ни хотел защитить

Сьюзен от всех проблем в мире, он сомневался, что изоляция — лучший для этого вариант. Да, когда она лет в четырнадцать влюбится в какого-нибудь придурка, ему будет всерьёз хотеться запереть её в высокой башне, а придурку прострелить голову. Но, чёрт возьми, ему придётся засунуть эти желания куда подальше. Ему было важно, чтобы Сьюзен росла свободно, общалась с разными людьми, получала разнообразный опыт, в том числе и любовный.

Был, на самом деле, ещё и третий аргумент, но его Себ даже не упоминал: как бы сильно он ни уважал миссис Кейл и как бы ни был ей признателен за заботу о Сьюзен, решение о школе он примет сам, как минимум потому что оплачивать эту школу именно ему.

Миссис Кейл выбрала пансион «Школа Бененден», расположенный в графстве Кэнт. Предполагалось, что ученицы школы проводят в её стенах всё время, не считая рождественских, пасхальных и летних каникул.

Себ остановился на школе Бэнкрофта в Лондоне. Это было достаточно сильное заведение, но без заоблачных требований к поступающим. Дети получали там отличное образование, но могли спокойно жить дома.

Для Себа это было ценным. Помимо прочего, он хотел видеть Сьюзен не только на каникулах.

С ней самой о школе он планировал поговорить летом, но не успел. В следующую их встречу Сьюзен заявила дрожащим голосом:

— Ты этого не сделаешь!

— Возможно, — согласился Себ. — А о чём речь?

— Об этой дурацкой школе! Ты меня туда не отправишь! — она сорвалась на крик. Себ выдохнул и сказал:

— Для начала, в три раза тише.

Он догадывался, что миссис Кейл как-то случайно проговорила про свою идею со школой для девочек, а Сьюзен возмущалась и решила, что это его, Себа, идея. И даже понимал её чувства. Но совершенно не был сегодня готов к крикам и упрёкам.

— Я не хочу в эту школу! — чуть тише повторила Сьюзен.

— Это я понял, — согласился Себ. — Только не понял, почему ты на меня кричишь.

Воцарилась тишина. Потом последовал глубокий вздох и робкое:

— Прости, пап. Я просто разозлилась. Бабушка сказала... — Сьюзен замолчала и бросила взгляд за плечо. Хотя они и гуляли, она, кажется, опасалась быть прослушанной, — что приличные девочки ходят в специальные школы для девочек. А я не хочу. Там жить надо всё время. Пап, скажи, что ты меня туда не отправишь?

Себ был бы рад, но всё-таки не стал давать таких обещаний. Вместо этого проговорил:

— До твоего поступления в старшую школу ещё полтора года. За это время мы все — я, твоя бабушка и ты, — вместе примем решение.

— Я уже приняла, — упрямо сказала Сьюзен.

— Тогда запомни его и отложи до того момента, как мы будем обсуждать эту тему, — отрезал Себ.

Сьюзен недовольно засопела — конечно, надеялась, что Себ даст ей гарантию, что ни в какую школу с полным пансионом он её не отправит. Но он понимал, что дать такое обещание в обход миссис Кейл не может. Так что разговор вышел не слишком тёплым, и до конца дня Сьюзен продолжала дуться.

Александр: двадцать вторая часть

— Стоп! — Александр ударил ладонью по жестянке. — Не то. Гарри, — он подошёл к актёру и выдохнул, — пожалуйста, убери эту сложную позу.

Повернувшись к хромакею, он указал на него блокнотом и произнёс:

— Ты там. И ты здесь. Между тобой и тобой стоит стеклянная стена.

— Я это и играю.

— Ты играешь символ стены, — Александр бросил взгляд за спину и крикнул: — У всех перерыв десять минут. Давай пройдемся, — снова обратился он к Гарри.

Тот был очень хорош, и по фактуре, и по настроению, и по мелочам вроде мимики и тембра голоса. Только он никак не мог поймать ключевой смысл.

Накинув куртки, они вышли из павильона. Александр тут же поёжился от порыва ветра, поднял воротник повыше и неторопливо зашагал вокруг здания студии. Гарри шёл рядом и грыз орешки, кажется, до сих пор оставаясь немного в образе. Во всяком случае, Александру очень понравился эта деталь, и он решил, если не забудет, обязательно нарисовать его таким.

— Ты играешь символическую стену, — повторил Александр, отбиваясь от яркого образа, заполнившего сознание, — умозрительную. Стену, означающую отделение от жизни. Стену-барьер. Ты играешь страдание от существования этой стены, почти байронического непонятого героя.

— Именно, — кивнул Гарри.

— И это не то. Смотри, вот, — он кивнул в сторону небольшой кафешки. — Вот там жизнь. Тут ты. И между вами стеклянная стена. Там внутри... — он кашлянул, прочищая горло, — сидят люди. Мужчины, женщины, клиенты и персонал, взрослые и дети. Мы можем их описывать, разделять на любые категории или объединять в группы по любому признаку, а ты... твой герой в кафе не зашёл. Он стоит здесь.

Они действительно остановились у стекла.

— Там есть его тело, которое можно пнуть, поцеловать, обнять. А он сам стоит здесь. Это не символ. Это стена. Реальная.

Под внимательным взглядом Александра Гарри протянул руку и коснулся стекла ладонью, постучал по нему пальцами и сказал:

— Поставь её в студии. Настоящую.

Стену искали полтора часа, но когда она появилась, Гарри с первого дубля выдал нечто совершенно гениальное. Настолько гениальное, что Александр решил: если предложат номинацию на «Оскар», ради этого парня он забьёт на свои принципы.

«Стеклянная стена» выматывала. И всё же Александр знал: он не отказался бы от этого фильма, даже если бы в нём не было никакой необходимости. Он не просто снимал его — он им дышал.

С самого начала у него не было никаких сомнений в том, что он не отдаст финальный монтаж в чужие руки — специалисты сформировали отдельные сцены, но Александр не готов был ни одному человеку доверить основную работу. Он, откровенно говоря, до сих пор не знал, как найдёт в себе силы показать хоть кому-то склеенный начерно фильм целиком.

Он вычищал склейку в диалоге, когда услышал дверной звонок, а сразу за ним — металлический лязг дверного замка.

— Есть кто живой? — послышался бодрый голос.

— Не факт, — хмыкнул Александр, сворачивая программу. Собственно, монтаж был единственным, что он умел делать за компьютером хорошо.

— Вижу, — протянул Мэтт, заходя в комнату.

Александр пожал плечами. Он примерно представлял, как выглядит, и в комментариях не нуждался. Впрочем, Мэтт отлично знал об этом и пришёл уж точно не для того, чтобы сообщить ему эту сомнительную новость. Вообще-то, Александр не знал, зачем друг пришёл. Будь время чуть более позднее, можно было бы предположить, что он решил проверить, обедал ли Александр.

Но о еде Мэтт не говорил.

Он вообще молчал, сунув руки в карманы штанов и покачиваясь с носка на пятку. Сохранив монтаж, Александр повернулся в кресле и спросил:

— Выпьешь чего-нибудь?

Мэтт соорудил недовольную физиономию и буркнул:

— Знаю я, что мешаю.

Александр улыбнулся, а потом и засмеялся — Мэтт, конечно, всё верно понял. И всё-таки он возразил:

— Не мешаешь. Я просто удивился. И знаешь...

— Не готов сталкиваться с реальностью, ага.

Мэтт опустил на подлокотник кресла и, сцепив пальцы в замок, явно собираясь с духом, спросил торопливо:

— Когда ты покажешь мне весь фильм?

Александр перевёл взгляд на Мишель и погладил её по голове кончиком пальца. Что тут сказать? Что нарочно оттягивает этот момент? Что его бросает то в жар, то в холод от одной мысли об этом? Что ему страшно, в конце концов?

— Скоро, — ответил он обтекаемо. Мэтт прищурился.

— Инвесторы скоро начнут жрать меня живьём. Мы не дали им ничего.

— Они нам доверяют.

Это была правда. Все заёмные средства на «Стеклянную стену» предоставлялись с условием полного невмешательства в творческий процесс. Мэтт успокоенным, конечно, не выглядел. Александр оторвался от разглядывания Мишель, снова посмотрел на друга и произнёс:

— Дело не в инвесторах.

— Нет, — согласился Мэтт.

— Ты мой друг. Лучший и единственный. И я тебе доверяю.

— Засунь это всё в задницу, будь добр, — предсказуемо отреагировал Мэтт. — Я просто не понимаю, старик, какого хера творится в последние полгода. Совсем перестал понимать.

Только один человек понял бы.

— Я просто не могу... Не могу дать тебе сценарий. Это не про доверие.

Мэтт свёл к переносице кустистые брови, сложил руки на груди и велел:

— Хорош. Выкладывай. Давай, я не пойму, это сложно, ты сам толком не можешь разобраться. И вот с этого момента.

Александр рассмеялся, закрыв лицо ладонью. Это было ровно то, что он собирался

сказать. Слово в слово.

— В конце апреля я покажу тебе и команде весь материал. Клянусь.

К концу апреля ему предстоит набраться смелости и сделать это.

— Ты выглядишь так, словно тебя пытали бессонницей, Розочка, — объявил Грег. Себ избегал встречи с ним, но больше уклоняться было невозможно. И теперь Грег своим пронизательным взглядом полицейского внимательно осматривал его помятую рожу.

— Типа того.

— Сочувствую, — искренне сказал Грег.

Вместо того, чтобы пить, они пошли по набережной в сторону Сити. И хотя погода была типично мартовской — с резким ветром и мелким морозящим дождём — они оба решили, что лучше гулять, чем наращивать пузо в пабе.

— Я про Джоан, — пояснил он. — Вы двое... Чёрт, мы все были уверены, что вы просто созданы друг для друга. Спорили ещё...

Себ молчал, надеясь, что Грег догадается, насколько неловко ему поднимать эту тему. Но Грег продолжал:

— Я сказал, что Джоан тебе первая предложение сделает. А Пол — что ты её опередишь. Прости. Что у вас случилось там? Я не давлю, хочешь — не рассказывай.

— Ага, — мотнул головой Себ. — Не давишь. Ничего не случилось. Я муляк, она умница. Слушай, спросить хотел, — он кашлянул, — как она?

— Работает, — отозвался Грег, — мы редко общаемся, это с Полом они на связи. Зовёт их с Энди в Плимут, обещает Энди место консультанта-психолога. А Пола, понятно, к себе в отдел хочет.

Это было хорошо. Во всяком случае, она в порядке. Понимая, что дальше говорить о Джоан будет больно, Себ круто сменил тему — благо, у Грега в запасе всегда было множество криминальных историй, одна краше другой.

Они гуляли два часа, потом всё-таки заскочили в пиццерию, но обшлись без пива. А когда разошлись, уже затемно, Себ набрал номер человека, о котором уже думал в последнее время, но до сих пор находил аргументы, почему это не лучшая идея.

— О, Себ! — почти сразу отозвался на другом конце Фредерик Дарелл. — Я рад вас слышать, мой друг.

— Здравствуйте, Фредерик, — пробормотал Себ. — Мне кажется, я опять звоню вам в неподходящее время.

— Для вас я на связи круглые сутки, — в голосе доктора прозвучала улыбка. — Что случилось?

— Я... — Себу не хотелось об этом говорить. Но Дарелл был единственным, к кому можно было обратиться с этой проблемой. Кроме Джима, конечно, но звонить Джиму сейчас было бы ещё хуже. — Боюсь, мне нужен ваш совет как врача.

— Господи! — воскликнул Дарелл, — Надеюсь, вы не ранены?

— Нет, нет, — быстро сказал Себ, — это скорее проблема... Простите, док, я не знаю, как сказать.

Правда, не знал. Потому что «мне тридцать пять и я не могу спать, потому что меня мучают кошмары» звучало совершенно дебильно.

Дарелл добро рассмеялся:

— По моему опыту, мужчины вроде вас, Себ, так мнутя только в двух случаях: когда сталкиваются с импотенцией и с нервным расстройством. Выкладывайте, какая из двух

проблем вас мучает?

Себ хмыкнул:

— По счастью, вторая. Наверное. Я не знаю.

Не то, чтобы он собирался говорить об этом с Дареллом, но от мыслей о сексе его в последнее время тошнило.

— Вы молодец, что позвонили. Посмотрим, что там у вас случилось. Я человек немолодой, много времени на сон не нужно... Так что приезжайте прямо сейчас.

И он продиктовал адрес — на юго-востоке Лондона, в районе Редбридж.

Себ не знал, чего именно ожидал от квартиры доктора, но войдя внутрь, сразу решил, что она ему очень подходит. Просторная и совершенно английская, словно взятая с какой-нибудь открытки. В тёмном дереве, с ковровыми дорожками, светильниками-рожками и большой люстрой, которую наверняка приходится регулярно мыть от пыли. Даже настоящий камин был — правда, сейчас не зажжённый.

Дарелл встретил его на пороге, одетый в светлый домашний костюм, тут же пожал руку и пригласил заходить, не стесняться.

Пахло какими-то благовониями. Чуть сладковато. В гостиной, где возле камина стояло два одинаковых кресла в шерстяных чехлах, Дарелл спросил обеспокоенно:

— Так что у вас случилось?

Себ присел на подлокотник кресла, потёр переносицу, собираясь одновременно и с мыслями, и с духом, а потом просто выложил всё как есть: про кошмары, про то, что он скоро не сможет нормально стрелять, потому что начнёт барахлить зрение, да и руки подрагивают.

— Когда это началось, Себ? — аккуратно спросил доктор, стоило ему договорить.

— Думаю, около месяца назад.

Он мог число назвать. Точную дату.

— Давайте уточним. Это именно кошмары или плохие сны? — и пояснил: — Вы просыпаетесь от них каждый раз?

— Да. Да, просыпаюсь, в этом и проблема.

Доктор сел на подлокотник соседнего кресла, лёгким движением поддёрнув штанины у колен, посмотрел Себу в глаза и спросил:

— Что именно вам снится?

Вместо ответа Себ отвёл взгляд и произнёс:

— Месяц назад у него снова был приступ. Тяжёлый. И когда он пришёл в себя, то не помнил того, что было перед приступом. Это нормально?

Дарелл вздохнул.

— В его случае мы вообще не можем говорить о норме. Несмотря на то, что его отклонения весьма типичны и неоднократно описаны в медицинской литературе, сам по себе он уникален, — Себ заметил, что о Джиме Дарелл говорит каким-то особым тоном. — Мы не можем знать, поражал ли когда-нибудь подобный недуг разум настолько развитый и сильный, как его. Всё, что мы можем делать — это наблюдать и поддерживать.

— А лечение?

Доктор сдержанно засмеялся:

— Вы можете себе представить мистера Мюррея, проводящего дни в тихом домике на природе, пьющего лекарства по расписанию, приходящего на капельницу и избегающего всяческого волнения? Лишённого серьёзной умственной работы, риска?

— Нет, — сказал Себ. — Он не выживет.

— О том и речь.

— А если, не знаю, лекарства? Он ведь ест почти как нормальный человек, разве что мяса избегает. Думаю, он согласился бы пить пару таблеток в день.

Пожалуй, Себ готов был даже сам следить, чтобы Джим принимал лекарства по расписанию — всё мороки меньше.

Дарелл вздохнул:

— Препараты, которые могли бы помочь в его случае, имеют много побочных эффектов. Сонливость, чувство отупения, снижение памяти и когнитивных способностей. Я уже не говорю про увеличение веса, тахикардию и сексуальную дисфункцию.

Док замолчал. Себ понимал, о чём он: Джим никогда не пойдёт на приём препаратов, которые тормозили бы работу его гениального ума.

— Я обсуждал это с Ричардом дважды. С мистером Мюрреем. Он сказал, что ему проще пустить себе пулю в лоб. И поверьте, если он почувствует, что его разум слабеет...

— Я понял, то есть подмешивать ему пару таблеток в утренний чай — не вариант.

Не то чтобы Себ собирался это делать.

— Кстати, почему вы так держитесь за это его имя? Почему именно...

— Ричард Мюррей? — док развёл руки и улыбнулся: — О, мне приятно его так называть, потому что это напоминает мне о прошлом. Застенчивый ирландский юноша сидит в ложе Ковен-Гардена рядом с роскошной женщиной на пятнадцать лет старше него и с восторгом слушает «Травиату». Конечно, это была маска.

Поднявшись, Дарелл отошёл к окну и оттуда сказал:

— Я понимаю, что вы чувствуете. Сам прошёл через это. Не думаю, что в ваших силах что-то изменить. Так что вам снится, мой друг?

— Не важно, док. Я пойду.

Себ встал. Дарелл наклонил голову.

— Вы уверены?

— Совершенно. Спасибо, что... Поговорили со мной.

— Постарайтесь избегать тяжёлых физических нагрузок за три-четыре часа до сна, — произнёс Дарелл, — не ешьте жирного и жареного. Побольше гуляйте. Ещё можете попробовать записывать кошмары и просто мысли — это помогает.

Может, кому-то и помогает, но Себ ненавидел писать. Так что — едва ли он станет вести дневник. Странное дело, но после этой короткой беседы ни о чём ему стало легче. Так что благодарил доктора он не зря.

Всё равно, несмотря на точно выполненные рекомендации доктора, Себ подскочил среди ночи с колотящимся сердцем и в отчаянии выругался вслух.

Да твою же мать! Сколько можно?

Он устал. До чёртиков устал просыпаться от этих снов. Они его уже даже не пугали — он просто хотел спать дальше после того, как выпустил пулю в череп кого-то очень знакомого и близкого.

В этот раз он застрелил Джима. Причём другой Джим стоял рядом с ним и диктовал поправки голосом Йена.

Себ выбрался из кровати, босиком прошёл к шкафу, достал оттуда свой армейский

чемодан, а из него — фотографию из-под подкладки. Они с Йеном на ней наставляли друг другу рожки. Вообще-то это была шутка, и они потом сделали серьёзные лица, но Эмили проявила именно этот кадр, в двух экземплярах, и отдала им обоим.

Себ его не доставал уже много лет. По его опыту, любая рана заживает лучше, если её не расчёсывать в кровь снова и снова. И шрам побледнеет быстрее, если не пытаться его расковырять. Ему не хватало Йена, это правда — всегда не хватало, наверное. Но он не собирался вешать это фото на стену и каждый раз, видя его, грустить.

Вот только сейчас оно оказалось необходимо.

Включив свет, он положил фотографию на тумбочку и наклонился, разглядывая очень пристально.

Там солнечный день, родительский дом в Карлайле и Йен.

Йен, который любил травить шотландские анекдоты. Который почти всё время был голоден, но каждым добытым лишним пайком, каждым купленным бутербродом старался поделиться с Себом. Потому что: «Старик, я же знаю, что ты тоже хочешь!»

Йен на фотографии — ему там едва исполнилось двадцать пять — заливисто ржал, так что глаза превратились в узкие щёлки. Его лицо казалось мутным, но Себ отдавал себе отчёт в том, что это туман у него в глазах.

На операции в Ирландии Себа, едва закончившего подготовку, приставили к Йену вторым номером. Йен встретил его крепким рукопожатием и вопросом, заданным заботливым тоном: «Солдат, ты знаешь, с какой стороны держать винтовку?» — и сам же рассмеялся этой шутке, а Себ слегка даже обиделся. Но обижаться на Йена дольше, чем пару минут, было невозможно, и к концу первого дня они стали неплохими приятелями. А через три месяца службы Йен придумал ему кличку «Себастиан-Руки-Винтовки» и то и дело принимался рассуждать (если рядом была достойная аудитория, конечно), что самому ему пора на пенсию. «Какая молодёжь пошла!» — драматически смахивал он слезу и сжимал плечо Себа под громогласный хохот сослуживцев. Ещё смешнее становилось от того, что Йен был старше Себа на два года. Сержант — паренёк начитанный и вдумчивый, — объяснял, что это усиливает комический эффект.

Себ провёл ладонью по лицу. Смех-смехом, а стрелял он и правда значительно лучше Йена. И уже позднее, в Афганистане, Йен не раз нарушал инструкции и не менялся с ним ролями, оставаясь наблюдателем. Особенно если им предстоял трудный выстрел. Он был очень хорош в том, чтобы найти что-то совершенно незаметное в унылом жёлто-сером ландшафте под палящим солнцем. Или в покинутом городе. А Себ был хорош в том, чтобы выстрелить.

Сморгнув, Себ усилием воли сосредоточился на фотографии. Вот это — Йен. Его лучший друг. Он погиб в две тысячи третьем, в Афганистане. Никто не виноват. Просто дерьмо иногда случается. Он погиб — и не является к Себу ночами с какими-то жуткими предостережениями или угрозами. Он, чёрт подери, благополучно кремирован и похоронен недалеко от Манчестера.

Всё, что мучает Себа сейчас, это просто сны — результат сильного нервного напряжения. Да, стыдно признаваться, что он — взрослый мужик — не может нормально спать, но признаться надо. Доктору вот сказал же. И себе самому — тоже может.

Йен посмеялся бы над этим.

Или нет?

Себ перевернул фотографию и вернулся на кровать. Вытянулся, заставляя себя спокойно

смотреть в потолок, не моргать слишком часто и дышать размеренно. Йен никогда не влез бы во всё это дерьмо с Джимом. И не дал бы Себу этого сделать.

Они вообще не так часто говорили о том, чем займутся после армии. То есть бывало, конечно, но больше в общей беседе, когда кто-то начинал мечтать, как пойдёт в «МакДоналдс» и возьмёт там самый огромный бургер. Или трахнет какую-нибудь блондинку в отеле. Там легко можно было вставить свою реплику, выдумав какое-нибудь дурацкое желание. Себ, конечно, больше отмалчивался, но Йен буквально фонтанировал идеями, причём всегда с налётом гигантомании — то барбекю на тридцать человек, то групповуха в семерыми девчонками.

А вот между собой, серьёзно, они больше болтали о настоящем или о прошлом. Правда, Йен упомянул как-то, что обязательно женится. На хорошенькой, обязательно рыженькой «лесси», и «чтобы не тощая была, не модель, а домашняя такая, мягкая». И добавил тогда же: «А ты дурак. У тебя дочка, а ты здесь торчишь». Считал, что жениться надо уже после армии, чтобы дети на глазах росли, а не где-то там, за чёрт знает сколько миль.

Если бы Йен выжил, он бы так и поступил. Поехал бы куда-нибудь в пригород, снял бы там полдома, нашёл бы нормальную работу — кем угодно. Он никогда не попал бы в «МорВорлд», ему бы это даже не пришло в голову. А без этого ему никогда не предложили бы продолжить снайперскую работу на кого-то, кто платит больше, чем государство.

Йен никогда не стал бы киллером.

Себ повернулся на живот, уткнулся лбом в руки и зажмурился. Не надо было этого всего вспоминать, но теперь образы лезли ему в мозг. Причиняли боль. «Меня грохнут — и не жалко, — как-то рассуждал Йен, — мои без меня справятся. А вот тебе беречься надо. У тебя дочь». Очень его цепляла мысль о маленькой Сьюзен. В то время, кажется, даже больше, чем самого Себа, который толком не мог понять, как подходить к орущему хрупкому младенцу. Йен детей любил и понимал — у него было двое младших братьев и сестра.

Братьев и мать его Себ почти не помнил — в тот единственный раз, когда он к ним приехал, они были совершенно подавлены, молчали. А вот сестру его узнал бы и сейчас с первого взгляда: маленькая, бойкая, с огромными зелёными глазами на бледном личике. Она единственная из всех говорила с Себом почти свободно. А когда он уходил, вышла с ним на крыльцо, схватила за рукав и проникновенно, тоном, который Себ часто слышал у Йена, сказала: «Не возвращайтесь туда. Вас тоже убьют». Себ вернулся через месяц — только уже не в Афганистан, а в Ирак. И не убили ведь.

— Хватит, — сказал Себ вслух и почувствовал, что ему неуютно. В пустой комнате его голос прозвучал слишком громко. Подскочив, он убрал фотографию в чемодан, чемодан — в шкаф, и пошёл в душ.

Ему нужно было расслабиться, отвлечься, выбросить всё это дерьмо из головы. Вот только стоило ему встать под тёплые струи воды и, преодолевая внутреннее сопротивление, взяться за член, как перед глазами появилась Джоан.

И это вообще никак не помогло. Потому что если существовало хоть что-то в мире, о чём он хотел бы думать меньше, чем о Йене и его перевоплощениях в Джима во сне, так это о Джоан. О том, как он облажался и как больно ей сделал. Расстались — ладно. Он пережил её отъезд в Плимут тогда, как-нибудь проглотил бы и окончательный разрыв. Но то, что она о нём узнала и какие выводы сделала — было плохо. Не ему, ясное дело, хотя и ему тоже. Но больше — ей.

Забив на идею подрочить, он выключил воду, яростно растёрся полотенцем и снова

пошёл в спальню. Надо было бы попробовать уснуть снова.

Александр: двадцать третья часть

Александр не отводил глаз от экрана, но почти не видел фильма — только материал. Именно со «Стеной» эта отстранённость давалась очень тяжело, но он справлялся. Есть время, когда творец может обожать своё творение, но долго это длиться не может. Фильм, сценарий к которому он писал едва ли не собственной кровью, теперь превратился просто в ленту, которую нужно отсмотреть. И Александр твёрдой рукой делал в блокноте пометки: что вырезать, что исправить, что перемонтировать.

Он не обращал внимания на тех, кто сидел в зале вместе с ним. Собственно, он сумел о них забыть, и вспомнил, только когда фильм закончился, и оператор включил свет.

— Bravo, — негромко, но отчётливо в полной тишине произнесла Кристин. Александр неуверенно улыбнулся ей, а она, встав со своего места, повторила: — Bravo, мистер Кларк.

— Нас распнут, — вздохнул младший продюсер, — сначала инвесторы, потом прокатчики, потом зрители.

— Не согласна, — возразила Кристин, — мы скажем, что это новая «Горбатая гора», и оглохнем от визга фанатов.

— Давайте потом про маркетинг, — произнёс Александр, и с командой монтажа они углубились в детали, разбирая все необходимые правки.

Только через два часа он прервался, и тут же наткнулся на тяжёлый взгляд Мэтта.

— Пара минут?

Александр кивнул. Он примерно знал, чего ожидать, и всё же ему было больно услышать резкий выкрик:

— Ты мать твою спятил?

Они закрылись в кабинете Мэтта и могли не бояться, что их подслушают, но Александр всё равно огляделся. Мэтт никогда не кричал на него.

— Ты... — Мэтт шандарахнул кулаком по столу, — просто двинулся. Это нельзя выпускать. Что, если он увидит? Тебе мало было...

— Я хочу, чтобы он увидел, — поговорил Александр спокойно. — Потому что иначе я не могу объяснить ему, что думаю и чувствую.

— Ему не надо ничего объяснять! Он конченный психопат! — Мэтт чуть понизил голос, но легче не стало — теперь он шипел с яростью. — Слушай... он организовал сколько там убийств? Только потому что его зацепила «Жертва», где ты его слегка упомянул. После «Стены» он нахер пол-Лондона развалит.

— Не развалит, — прошептал Александр. — Он поймёт.

— Поймёт, да, что ты решил дать пинка бешеному тигру, который только уснул. Понимаю теперь, почему ты не показал мне сценарий... На кой чёрт тебе это вообще надо?

Александр сцепил пальцы в замок, стиснул их до боли, зажмурился и заставил себя сказать:

— Всё, что он ищет, это понимания. Я понимаю его. Если я смогу донести до него эту мысль... Он не дослушал меня. Не поверил и просто бросил трубку.

— Трубку? — почти беззвучно повторил Мэтт, и Александр открыл глаза. — Трубку?! Не-ет... — он запрокинул голову и шумно выдохнул, кажется, едва веря своим ушам. — Трубку!

Александр смотрел на него молча. Ему не хотелось, чтобы Мэтт об этом знал. Но он

слишком привык доверять ему все мысли и тайны. Даже удивительно, что проговорился так поздно.

— Как это... Зачем ты с ним разговаривал?

— Потому что он позвонил.

— Я звоню тебе по пять раз в день, и ты отвечаешь хорошо, если дважды. Слушай... — Мэтт обошёл стул, приблизился к Александру и посмотрел ему в глаза, — давай ты мне сейчас скажешь, что сразу же сообщил о его звонке Елене. Она засекла номер, заблокировала, тем всё и кончилось.

— Я не говорил. И не вздумай...

— Сколько раз он звонил тебе?

Александр мог не только посчитать звонки, но и дословно воспроизвести каждый диалог, но ответил обтекаемо:

— Несколько. И прежде чем ты спросишь, о чём мы говорили...

Мэтт покачал головой и сказал устало:

— Мне плевать. Я звоню Елене, — и вышел из кабинета, оставляя Александра наедине с мучительным чувством вины и, в то же время, осознанием своей правоты.

Реакцию Елены можно было предугадать, как реплику персонажа в ситкоме. Она вызвала Александра к себе и объявила:

— Я запрещаю этот фильм.

Привычка требовала согласиться. Никогда Александр не шёл против Елены. Она была умнее, она лучше знала, как правильно. Но только не в этот раз.

— Ты не можешь запретить мировой прокат, даже тебе это не под силу. Разве что на британском рынке. У меня уже есть контракт с американским прокатчиком, он же возьмёт на себя дистрибуцию в Европе, а завтра будет подписано соглашение в Южной Корее. Фильм выйдет.

Елена подняла на него очень мрачный взгляд и сказала:

— Это опасно. Ты подставляешься, и подставляешь заодно много людей. Как ты будешь жить, если он решит убить твою съёмочную группу? Актёра? И... — она осеклась, и Александр с болью догадался, о чём она не сказала: «И как я буду жить, если он решит убить тебя».

— Ничего не будет. После премьеры не будет ничего.

Елена на него не орала. Но пожалуй, лучше бы повысила голос. Она тихо произнесла:

— Он убил Дэвида. Я не говорила, нет?

— Дэвида Блинча?

— Не сам, конечно. Но достаточно явно мне на это намекнул.

— Мне жаль, — ответил Александр искренне. — Как ты?

— Я это пережила, — отрезала Елена и отвернулась.

Но это ничего не могло изменить.

Дома Александр долго сидел в гостиной, не зажигая свет, и смотрел на тени — как они сначала опускаются, а потом причудливо шевелятся, потревоженные фарами проезжающих машин.

Чай как будто горчил, но Александр понимал, что это ему горько от всего происходящего.

Просто он не мог принять другого решения. Он не мог оставить Джима в аду одного. Они были слишком похожи. Повернись всё иначе... что ж, Александр не сомневался, что они могли бы поменяться местами.

Звонок раздался посреди ночи, но Себ не спал — как раз мрачно пил чай после очередного кошмара. Фотография Йена лежала на тумбочке, но не помогала. Разве что совсем чуть-чуть.

— Лондонский Глаз. Приезжай налегке, — сказал Джим без приветствий и сразу же сбросил вызов.

Себ собрался меньше чем за минуту и вскоре уже ехал к Вестминстерскому мосту. Он понятия не имел, что задумал Джим и зачем позвонил в два часа ночи, но это и не было важно. Он хотел приехать.

На набережной вокруг Лондонского Глаза шла стройка — Себ запарковался с трудом. А потом заметил, что колесо движется, несмотря на глубокую ночь. Без огней, с выключенной подсветкой, но медленно крутится.

Он вошёл в открытую калитку, поднялся на платформу и, когда кабинка с Джимом подъехала к нему, шагнул внутрь.

Джим сидел развалившись на одном из сидений и смотрел в окно, хотя сейчас за ним были видны только строительные леса, горы песка и щебня и неподвижные краны.

— Разве оно не должно быть... закрыто? — спросил Себ, просто чтобы привлечь внимание. Джим его, казалось, не замечал.

— Ох, детка, — протянул он, — я могу войти в Букингемский дворец, помастурбировать на кровати королевы и выйти обратно. Неужели что-то помешает мне запустить Глаз среди ночи? — его речь была ровной, но манера говорить слишком тягучей, напевной. Акцент не проявлялся, но и здоровым тон Джима назвать не выходило.

Себ сел напротив и прищурился, пытаясь в темноте рассмотреть выражение лица Джима, но тот удачно закрывался ладонью.

Колесо, чуть поскрипывая, поднималось, уже были видны освещённая набережная на противоположной стороне, Парламент и Новый Скотланд-Ярд. Джим уронил руку на колени, и Себ увидел, что лицо у него в крови. Один неглубокий, но длинный порез косой чертой пересекал лоб, второй шёл по щеке, оба кровоточили, заливая шею и футболку. В уголках губ запеклась корка. А под левым глазом наливаются синяк.

Реакция тела была мгновенной: сначала Себ отшатнулся назад, вжимаясь спиной в жёсткую спинку сидения, а потом резко подался вперёд, разглядывая повреждения внимательнее.

Джим продолжал смотреть в окно и, казалось, даже не замечал, что Себ его разглядывает. А у него с собой не было вообще ничего: ни салфеток каких-нибудь, ни антисептиков. Порезы не выглядели опасно, но наверняка сильно болели. Да и кровь надо было остановить.

— Джим...

— Нравится? — спросил он всё тем же тоном, зажмурился, вдохнул полной грудью, будто даже с наслаждением. — Не совсем то, конечно. деловые отношения, без тонкости, без... Но с ним. И даже... — его голос сорвался на высокой ноте. Продолжил Джим уже шёпотом: — Теперь я не боюсь.

— Кто вас так, Джим? — мягко спросил Себ.

— Кто... зачем... Детка, смотри туда.

Джим не шевельнул даже пальцем, но Себ понял, что смотреть нужно в окно, за которым, впрочем, ничего особенного не было. Может, в этом и был смысл.

— Давайте я отвезу вас куда-нибудь? Обрабатываем вам лицо. Джим? — Себ говорил с ним как во время приступа, хотя отлично видел, что пока ещё Джим в состоянии себя контролировать, и понимает, что творится вокруг. — Давайте?

— Сиди спокойно, дорогой, — с усталостью отозвался Джим спустя минуту тишины. — Маленький мышонок загрыз Груффало и принёс смердящий труп... Все кричали, все были напуганы. А маленький мышонок... — Джим схватил ртом воздух и замолчал. У него просто закончились силы на сказки, и он привалился головой к стеклу.

— А маленький мышонок смотрел на это и смеялся, — сказал Себ, не совсем уверенный в том, что нужно это говорить.

Впервые за почти полный оборот колеса Джим удостоил его взглядом.

— Всё верно, Себастиан, — согласился он. — Громко смеялся. Она любила сказки. Ты боишься боли?

Хотя они и не играли, Себ посчитал нужным ответить честно:

— Да, пожалуй. Я умею её переносить, конечно, но не хочу испытывать. А вы?

Отвечать Джим не посчитал нужным, а Себ подумал, что Джим так или иначе сам напросился на эти повреждения.

— Ты убьёшь его для меня?

— Кого? — когда Джим промолчал, Себ добавил: — Убью. А теперь поедем домой?

Колесо снова начало снижаться, и если удастся за десять минут уговорить Джима, то через двадцать они уже будут дома у Себа. Там есть аптечка, и там приступ Джима переждать будет проще.

— Я не помню, Себастиан, — неожиданно Джим заговорил очень серьёзно. Себ даже не был уверен, что когда-нибудь слышал у него такой тон — не манерный, не угрожающий, а усталый и спокойный: — Всё пытаюсь вспомнить — и не могу. Волосы... Колыбельная. «Спи, моё дитя. Но почему, если ты спишь в колябели, я вижу тебя распростёртым на соломе». И голос. Он говорит всегда по-ирландски. Поедем, детка.

Они выбрались из кабины, и Джим почти повис у Себа на плече. Кажется, это становилось привычкой. И Себ чувствовал, что приспособливается. Они сели в машину — а Глаз остался медленно крутиться позади.

Без лишних вопросов Себ сгрузил Джима на свою кровать и принялся раздевать. Джим не торопился помогать, обмякнув и изображая обморок — но Себ видел, что он притворяется, причём даже не особенно старательно.

Похер.

После того, как он снял с Джима мятую грязную футболку, ему стало совершенно наплевать на эти идиотские игры. Потому что порезы на лице оказались не единственными. Какой-то урод располосовал Джима ножом: по всему телу шли тонкие неглубокие, но кровоточащие царапины. Как это к чертям собачьим вообще обрабатывать? Сунуть его в ванную с перексидом водорода целиком? А потом замотать бинтом как мумию?

Себ специально цеплялся за эти мысли, придумывал нелепые картинки, потому что иначе его захлёстывала злоба.

— Отлично, — пробормотал он вслух. — Зашибись. Класс.

Джим продолжал играть потерю сознания, и пожалуй, Себ был не против. Во всяком случае, если он не будет дёргаться — процесс пойдёт не так медленно, как мог бы.

К счастью, в аптечке у него было достаточно пластыря, чтобы заклеить Джима целиком, а может, даже в два слоя. И антисептиков хватало. Правда, такими темпами очень скоро аптечку придётся заполнять заново.

Джим, слава Богу, молчал. Понимая, что нужна хоть какая-то система, чтобы ничего не пропустить, Себ пошёл сверху вниз, с лица — и дальше по рядам, слева направо. Жаль только, что автор этого художества про систему не думал и не потрудился располагать порезы на одном уровне и делать их одной длины. Про симметрию и заикаться не было смысла.

Всё просто: тампон — протереть дезинфектором — стерильный бинт с антибиотиком — пластырь. Самые поверхностные и уже не кровящие он вообще просто очищал и оставлял открытыми.

Когда Себ дошёл до живота, Джим зашевелился, перелёг поудобнее, открыл глаза и принялся наблюдать. На губах у него появилась неприятная улыбка.

— Ты ловишь от этого кайф, детка? — спросил он, после того, как проследил за обработкой третьего пореза.

Себ выдохнул, встретился с Джимом взглядом и сказал резко (куда резче, чем позволял себе обычно во время его приступов):

— Нет.

Он не мог сформулировать, почему его так злило это всё. Не потому что его опять вынудили играть в полевого врача. Точно нет.

— Да ла-адно, — пропел Джим, — я такой тихий, послушный...

В висках застучало сильнее. Себ отложил чистый тампон в кучу уже испачканных, чуть отстранился и сказал медленно:

— Я могу вызвать доктора Дарелла. И пусть он вас лечит, — вздохнул. Джим продолжал смотреть на него не то с недовольством, не то с подозрением, и Себ добавил: — Мне не нравится. Я вообще терпеть не могу оказывать первую помощь. Вам или кому-то ещё — без разницы.

Джим наклонил голову на бок, но ни о чём не спросил, только в глазах что-то поменялось.

— И мне совсем не нравится, что какой-то ублюдок вас расчертил в линейчку.

Джим засмеялся, чуть щурясь:

— Не ревнуй, детка. Ничего серьёзного.

Вдох.

Выдох.

Сон. Ему нужен здоровый сон, чтобы нормально реагировать на Джима. Потому что сейчас снова зачесались кулаки. И к тому, кто поставил Джиму фингал, Себ вдруг испытал что-то сродни признательности. Даже при том, что мозгами понимал: это тот же, кто и наносил порезы, и кого сейчас очень хотелось убить.

— Мне плевать, — сказал он ровно. — Но мне не нравится...

Чёрт.

Он не чувствовал себя сейчас мастером формулировок. Особенно таких, которые дошли бы до Джима. Он проговорил отрывисто:

— Я не люблю, когда кто-то режет и калечит моих друзей. Не люблю, когда приходится

сначала этих друзей лечить, а потом ломать кому-то челюсть.

— И часто ты лечишь своих друзей после того, как их порезали ножом фирмы «Лезерманн» ради сексуального удовлетворения, Святой Себастиан? — пропел Джим.

— Впервые, — бросил Себ.

Можно ведь найти в этом что-то хорошее? Пусть Джим и явно не в себе, он хотя бы не валяется и не бредит в припадке безумия. Круто.

Ничего не объясняя, Себ ушёл на кухню, насыпал в кружку растворимого кофе, даже не отмеряя, просто из банки через край, залил едва тёплой водой из чайника и выпил получившуюся жижу в три глотка. Сдавил переносицу до боли. Посмотрел на банку и выбросил в ведро, потому что слишком легко было вспомнить, как Джоан притаскивает её с собой из Плимута и водружает на микроволновку, объявляя: «Господи, наконец-то в этом доме будет кофе». А вспоминать как раз не стоило.

Помыл руки.

Джим всё так же полулежал на кровати, но с закрытыми глазами. Себ продолжил свою нудную работу. Пока Джим молчал, было достаточно просто представить, что это тренировочный манекен. Задание такое: обработать несколько десятков порезов. На скорость, допустим. На один пусть уходит... Сорок пять секунд? Тогда можно посчитать, что на обработку, скажем, шестидесяти семи (почему именно это число? Потому что ему лень пересчитывать, а с круглым слишком скучно) уйдёт три тысячи пятнадцать секунд. Это будет пятьдесят минут. Почти с половиной. Вообще фигня вопрос. А если их не шестьдесят семь, а, положим, восемьдесят три? В конце концов, он ещё не видел спину...

Руки делали то, что нужно, а голову Себ пытался забить подсчётами. Закончив с переводом ран в секунды, он принялся умножать секунды на фунты, потом фунты пересчитывать на доллары. На бредовых расчётах: сколько он зарабатывал бы в месяц, если бы только и делал, что заклеивал порезы, причём без перерывов, при этом получая за каждый порез, скажем, два фунта и восемьдесят пенсов, — он заставил себя прерваться. Это уже отдавало какой-то душевной болезнью.

— Повернитесь, — сказал он, а когда Джим даже не шелохнулся, просто перекатил его на другую половину кровати, переместился вместе с аптечкой и выматерился вслух: спина пострадала не меньше. Там кто-то собирался играть в крестики-нолики, похожу, и расчертил кожу на клетки.

— Болит?

Себ подозревал, что Джим не ответит, но ему хотелось что-то сказать. Запах мази, спирта и пота утомлял. А ещё безумно сильно закрывались глаза, несмотря на кофе.

— Нет, — неожиданно произнёс Джим. — Боль... Просто подёргивание нервных окончаний. Иногда мне нравится её ощущать, но это сложно.

— Не понимаю.

А что, спина Джима куда приятнее как собеседник, нежели он сам. Хотя бы в душу не смотрит.

— Не понимаешь... — согласился Джим. — Если тебя порезать, ты это почувствуешь. Вздрогнешь. А что дальше?

— Что — дальше?

Он и правда уже совершенно не понимал, о чём они говорят.

— Что ты сделаешь после этого?

— Если не буду связан? Думаю, переломаю руки тому, кто меня порезал. Если он это

сделал специально.

А в прошлой версии была сломанная челюсть. Или убийство? Себ не знал. Его начинало подташнивать.

Окей, представим, что это задание. Лёжка. Рядом враг. Не спать. Спать нельзя, даже глаза закрывать, иначе сдохнешь вместе с напарником. Смотри, слушай, думай, чёрт дери!

Это помогло, и он услышал ответ Джима:

— Конечно, ты это сделаешь, дорогой... Мой добродетельный Себастиан. Я должен был убедиться, — это он сказал другим тоном, — проверить. Всё так же. Заканчивай, мне скучно.

А уж Себу-то как весело.

— Минут пятнадцать ещё, — пообещал он.

— Тогда расскажи что-нибудь. Что ты видишь в кошмарах? Ох, нет, Дарелл ничего мне не говорил.

Себ только рот успел открыть. И буквально едва-едва уловить мысль о том, что он в жизни больше ни слова не скажет грёбаному доктору.

— Детка, не будь скучным. Ты не спишь нормально уже пару месяцев, это очевидно. Ты мог посоветоваться только с нашим дорогим доктором, ты это сделал, но тебе не помогло. И ты достал эту фотографию. Я заметил краем глаза.

Он говорил это лениво, со скукой, а Себ не мог избавиться от мурашек на спине.

— Так что тебе снится?

Ни за что на чёртовом свете. Он не станет обсуждать свои сны с Джимом. Точно нет.

— Ничего особенного.

— Давай, детка. Не заставляй меня угадывать.

Особенно длинный порез тянулся от ягодицы до сгиба под коленом и выглядел достаточно погано, так что Себ сосредоточился на нём.

— Подумаем... — фыркнул Джим, — война. Конечно.

— Не надо.

— Кто на фотографии?

— Джим!

— Да, фотография связана со снами. Кто-то умерший.

Себ закрыл глаза и стиснул зубы. Злость, подавленная дурацкой математикой, зашевелилась снова, и теперь она была направлена на Джима.

— Йен Лоуренс...

— Хватит! — рывкнул Себ и встал с кровати. Отошёл. В висках стучало.

Джим обернулся, как будто не понял, почему Себ остановился. Прищурился. Сообщил задумчиво:

— Ты зол.

— Я в бешенстве, — уточнил Себ спокойным голосом. — Да, мне снится Йен Лоуренс. Да, война. Но это не ваше дело, и я не хочу это обсуждать. А у вас ещё восемь порезов, с которыми нужно закончить.

Долгую минуту Себ был уверен, что Джим не удержится и скажет что-то ещё о его снах, но тот просто отвернулся и опустил голову на подушку, давая Себу возможность вернуться к работе.

Когда всё было обработано, Себ выбросил кучу использованных тампонов и сунул голову под прохладную воду. Полегчало.

Джим успел снова улечься на спину, накрылся одеялом и явно не собирался покидать кровать. Чёрт с ним.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Себ. На самом деле, он чувствовал угрызения совести за свой срыв. Да, Джим его провоцировал, но он был ранен, наверняка чувствовал боль, чтобы там ни говорил про подёргивания нервных окончаний, вот и пытался сделать заодно больно и окружающим. А Себ вместо того, чтобы пропустить его болтовню мимо ушей, разозлился.

— У тебя очень удобная кровать, — улыбнулся Джим. Себ хмыкнул и покачал головой.

— Наслаждайтесь. Если что-то будет нужно — я наверху.

Брови Джима взлетели вверх.

— Детка, — нарочито капризным голосом произнёс он, — ты оставишь меня здесь одного? Не согреешь?

— Да вас уже согрели, похоже, — фыркнул он, вспомнив слова про ножевые ранения ради сексуального удовольствия, — спокойной... утра уже, наверное.

Удивительно, но в комнате Сьюзен он уснул сразу, едва его голова коснулась подушки. И ему ничего не снилось.

Александр: двадцать четвёртая часть

Александр моргнул несколько раз, и ему показалось, что веки весят по десять килограммов каждое. В горле першило, а всё тело ломило. Он знал это чувство и ненавидел его — именно так обычно начинался грипп. Эта боль в мышцах и костях, спутанность сознания, сухой язык, с трудом шевелящийся во рту. Можно было не искать градусник, чтобы определить — поднялась температура.

Преодолевая боль, Александр потянулся к телефону, взял его, но даже не попытался набрать номер. Он не мог позвонить Мэтту. Они поругались вчера. И даже зная, что Мэтт возьмёт трубку невзирая на злость, Александр не был готов ни слышать, ни видеть его. Говорить с Еленой тоже не хотелось.

Телефон завибрировал в ладони. Не глядя на экран, Александр ответил на звонок, включил громкую связь и произнёс заплетающимся языком:

— Джим.

После недолгой тишины раздался мягкий голос:

— Ты ждал моего звонка, сладкий?

— Нет... — горло сдавливало, но Александр надеялся, что Джим разберёт его бормотание, — я думал, ты не позвонишь вообще никогда.

— Но ты назвал моё имя.

— Думал о тебе.

Глаза пришлось закрыть, потому что не было сил держать их открытыми.

— Ты скучал по мне, сладкий? — промурлыкал Джим.

— Да.

— Как это мило... Я тоже скучал. Ох... — из горла Джима вырвался стон, но зная, насколько он отличный актёра, Александр не взялся предположить, настоящий он или наигранный, — мне не хватает тебя, сладкий. У меня тут отличный мальчик, настоящий профессионал, но понимаешь, это не то...

Александра передёрнуло от острого осознания невозможности ситуации. Он хотел попросить, что Джим перестал ломать эту комедию порнографического пошиба, но губы не захотели слушаться. Он не смог бы сказать ни слова, даже если бы от этого зависела его жизнь. Неужели температура настолько высокая?

— Это подделка. Игра. Ты меня отлично понимаешь, да, сладкий? Ты ведь никогда не играешь...

Джим опять угадал что-то настолько глубокое, что у Александра по телу прошли мурашки. Он действительно не играл, не допускал отношения к искусству как к постмодернистской забавной игре. Он считал это слабой позицией и совсем немного её презирал.

— Никаких символов, никаких «понарошку», правда? Никаких замен. Я бы хотел, чтобы здесь был ты. Тебе бы понравилось.

Теперь голос Джима звучал серьёзно и спокойно.

— Он сейчас сделал надрез у меня на груди. Длинный такой, от середины ключицы и почти до соска, слева, — произнёс он. — Грудь — это, конечно, разминка. Сам понимаешь, все органы защищены рёбрами, даже новичок справится без труда. Нас ждёт что-то более сложное. О, да... — Джим рассмеялся таким смехом, которого Александр у него никогда

раньше не слышал. В нём была и боль, и совершенно открытое наслаждение, и ещё что-то очень сложно определяемое.

И видит Бог, Александр хотел верить, что Джим играет. Ему бы хватило фантазии на такую выдумку.

Он не мог шевельнуться и выдавить из себя хотя бы звук.

— Мы переходим на спину. Там очень много нервных окончаний, так что, сладкий, это действительно больно. Но почти безопасно. Он может расчертить мне всю спину в тетрадную клеточку. Тебе было бы сложнее с этим справиться. У тебя бы дрожали руки, да, сладкий?

Александр знал, что никогда в жизни не взял бы в руки нож с подобной целью.

— Впрочем, очень недолго. Я представляю, — Джим шумно выдохнул, — как тяжело и криво шла бы линия. Самое сложное тут — решиться на первый разрез. Ты прикасаешься кончиком ножа, но не можешь приложить нужное усилие. Тебе страшно, что сейчас пойдёт кровь, что мне будет больно.

Воображение у Александра было богатое. Температура плавил мозг, онемение в теле не проходило, и он отдался во власть голосу Джима, этой странной фантазии. Ему бы действительно было страшно. Он всегда боялся причинить боль другому человеку.

— Ты держишь нож возле моей груди, смотришь мне в глаза и думаешь, что никогда не сможешь надавить сильнее.

Грудь? Вроде бы была спина? Но Александр и сам представлял в этой сцене глаза Джима.

— Но ты видишь, насколько я хочу этого. И у тебя, сладкий, просто не остаётся выбора.

Странно. Александр представлял себе картинку очень чётко, при этом осознавая: то, что у него в руках нож, не делает его ведущим. Ему виделись глаза Джима, его требовательный взгляд, и он верил — рука дрогнула бы, нажала сильнее и оставила кривой надрез.

— Чувствуешь? — тихо засмеялся Джим. — Ты держишь нож, ты контролируешь всё вокруг, но ты не можешь сопротивляться. После первого разреза ты делаешь второй...

Да, он делает, потому что всё ещё находится под воздействием воли Джима, его желания. Он действительно проводит остриём ножа уже ниже, по животу, и его мутит от вида светлой крови.

Третий разрез всё меняет.

Джим взглядом указывает на левое предплечье, но Александр и сам уже не чувствует страха...

— Чуть ниже, сладкий, — голос Джима ворвался в сознание, но не уничтожил фантазию, а наоборот, словно бы сделал её реальностью.

Александр осознал, что стоит в собственной спальне возле обнажённого Джима, а в руке сжимает перочинный ножик с множеством лезвий, из которых только одно извлечено и уже покрыто кровью.

Нет, не бред, подумал Александр отстранённо. Бред — это расплывчатые контуры, сюрреалистические ощущения, потеря контроля над телом. Джим, нож, эта кровь и ощущения были реальными.

— Ну же, сладкий, — улыбнулся Джим, разводя руки, — не останавливайся.

На самом деле встретив твёрдый взгляд Джима, Александр плотно сжал губы, протянул руку и быстро, грубовато чиркнул ножом по внешней стороне тощего плеча. Джим даже не

дёрнулся, хотя рана вышла кривая и наверняка болезненная.

— Мягче... Мы не хотим торопиться, сладкий.

Нет, конечно.

Прелесть в том, чтобы никуда не спешить. Это разговор. Обычный их разговор по телефону, только без телефона и, в сущности, без слов. Александр опустился на колени и ласково провёл остриём от колена вниз по напряжённой мышце, но остановился, не дойдя до стопы. Джим чуть прищурился, но без презрения или снисхождения — он отдавался ощущениям. Под ресницами мелькнуло белое — он закатил глаза. Второй порез на той же ноге прошёл сзади, от впадины под коленом до ахиллова сухожилия. Бледная кожа на бёдрах цепляла взгляд, притягивала, как лист бумаги в тот момент, когда на кончиках пальцев зудит мысль.

— Ты хочешь, сладкий.

— Мне страшно... — пробормотал Александр, но солгал, и они оба отлично это понимали. Страх остался очень далеко позади.

Он сглотнул, не ощущая языка во рту. Он не мог делать этого на самом деле.

— Не смотри на лезвие. На меня.

Даже если бы захотел, он не сумел бы вырваться из хватки взгляда Джима, так же, как не сумел бы остановить руку с ножом.

На заднем плане играло что-то... знакомое, лёгкое. Он ухватился за фразу:

«Эй, взгляни на меня,

Я единственный,

Кто нашёл связь!».

И по позвоночнику прошёл холодок от этих слов. Выпрямившись, он зашёл Джиму за спину и, едва веря, что действительно делает это, провёл тупой стороной ножа за его ухом и ниже по шее. Джим снова рассмеялся, на этот раз довольно, чуть хрипловато.

— Ты быстро учишься, сладкий.

Александр не хотел чертить клетку на его спине. Это было бы слишком примитивно, поэтому он обвёл сначала одну лопатку, затем вторую. Получились крылья. И тут же память по ассоциации подкинула красочное описание «Кровавого орла». В груди резонировал глубокий грудной голос молоденькой Шер. Звуки тормозились в ушах, цеплялись, растягиваясь до невозможности, и так же замедлялись движения руки с ножом. Смех Джима сплетался с замедленной песней, но стоило ножу чикрнуть по кости, как поверх наложился быстрый ремикс.

«Со звуком

Всё в порядке».

Не совсем. Ритм вообще был не тот, он сбивался и крошился, сыпался. И в то же время никогда эта песня не звучала настолько в тему, никогда не была Александру так близка.

Он снова посмотрел Джима в глаза, но не увидел их — только мутную пелену перед собой. Рука стала тяжёлой.

— Сделай это, сладкий, — попросил Джим.

Александр сделал. Песня оборвалась.

Потолок был... высоким. И ещё длинным. Очень длинный белый потолок. Почему именно длинный? Александр не мог сказать точно, но чувствовал, что в этом есть какой-то

смысл. Длинный белый потолок.

Не длинный, а почти квадратный, на самом деле.

Александр смотрел на него немигающим взглядом, пытаясь поймать за хвост ускользающую мысль, очень важную и меткую. Казалось, если он сумеет уловить её, воскресить в памяти, то разом всё встанет на места.

Но голова отказывалась работать, невзирая на все его усилия. Мир вокруг покачивался, и только потолок оставался стабильным. С чего он вообще взял, что потолок длинный? И что это была за важная мысль?

Он зажмурился, подстёгивая память. Эта мысль пришла к нему сейчас... Недавно. Вчера вечером. Он читал ответ корейцев по поводу проката «Стены», потом... К горлу подступила тошнота, голова загудела, а воспоминания о вечере оборвались. Господи, складывалось ощущение, что вчера он пил по-чёрному.

А ещё звонил Джим.

Нет, не звонил. Он не стал бы звонить после того раза. Александр был убеждён: пока «Стена» не выйдет в прокат, Джим не станет выходить с ним на связь. И всё же его не оставляло чувство, будто вчера они говорили.

Тело казалось ватным. Снова открыв глаза, Александр скосил взгляд на окно и увидел, что из-за штор пробивается солнце. Пошевелил пальцами и правой рукой сжал телефон, который лежал у него на раскрытой ладони.

Всё-таки звонил.

В груди разлилось разочарование, к которому добавила злость на самого себя: как он мог забыть о разговоре? Как вообще?..

Он снова закрыл глаза, пережидая приступ тошноты, сглотнул вязкую горькую слюну и понял: он не помнил, что пил вчера. Более того, немислимо было вообразить, что он налёг на алкоголь (а судя по состоянию, это был далеко не бокал вина), пока фильм находится на постпродакшене.

Повернувшись на бок, Александр подтянул ноги к груди и застонал вслух. Втянул носом воздух, но запаха перегара не ощутил. Снова открыв глаза, он хотел было проверить список вызовов в телефоне, но не успел. Обе его руки, так же, как и манжеты кофты, в которой он ходил вчера весь день, были испачканы в чём-то буром, засохшем коркой.

Он отложил телефон, с трудом, борясь с сопротивлением бунтующего вестибулярного аппарата, сел на кровати, проморгался. На самой кофте тоже виднелись брызги. Он поднял взгляд, осмотрел комнату и понял, что вдохнуть-то вдохнул, а вот выдохнуть уже не может. Воздух застрял в груди.

На полу спальни лежал обнажённый парень с рыжими волосами. Всё его тело покрывало множество кривых порезов. И ему перерезали горло.

Воздух вышел с кашлем, который превратился в рвоту. Александр нагнулся, пока его выворачивало, а в голове долбилось: «Мёртвый. Мёртвый. Мёртвый».

Мёртвый порезанный парень в его спальне.

А у него на руках — кровь.

Александр: двадцать пятая часть

— Я убил его, — тихо проговорил Александр, глядя в глаза седому полному инспектору. Разговор записывался на диктофон, но Александра это не пугало.

Они сидели в одной из тех комнат для допроса, которые так хорошо смотрятся в любом детективном фильме. Даже стекло вместо одной стены было — разумеется, тонированное. Возможно, с другой его стороны стоит великий сыщик и морщит лоб над загадкой...

Александр мотнул головой, выбрасывая оттуда шаблонную картинку.

— Как именно? — спросил инспектор Мэддок спокойно. Он выглядел как человек с хроническим недосыпом, и Александр как-то отстранённо осознавал, что и сам подкинул ему поводов для бессонницы.

— Я не помню, — ответил Александр, — я проснулся разбитым. Понял, что у меня на руках кровь...

— Вы сразу решили, что это кровь?

— Нет, я подумал, что у меня что-то тёмное и странное на руках и на одежде. Потом я увидел... его. Мёртвым. И мой нож рядом лежал.

Он говорил ровно и монотонно, словно лишился возможности переживать. Отлично осознавая, что это просто ступор, вызванный шоком, он не пытался выбраться из него. Всем будет проще, если он будет отвечать на вопросы, а не биться в истерике.

— Вы знаете Эда Стедджирса?

— Немного. Полгода назад я планировал работать с ним над музыкой к моему новому фильму, мы даже подписали контракт и приступили к работе, но потом я отказался от его услуг и выплатил неустойку.

— Почему?

— Мы не совпали в творческом видении, его работа показалась мне примитивной. Я... — он сбился, протолкнул ком в горле, но продолжил: — Я требовательный режиссёр, к тому же, в этом фильме я выступаю главным инвестором, поэтому не стал продолжать с ним работу.

Несмотря на диктофон, инспектор делал пометки в большом блокноте. Подняв взгляд от записей, он уточнил:

— Когда вы встретились с ним снова?

— Я не встречался. Я увидел его у себя в спальне... этим утром. Уже мёртвого.

— Он не приходил к вам вечером?

Александр покачал головой, а потом добавил: «Нет», — для записи.

Инспектор отодвинул блокнот, выключил диктофон, опёрся руками о стол и произнёс проникновенным тоном, вцепившись в Александра светлыми внимательными глазами под кустистыми бровями:

— Это что у нас с вами за петрушка получается, мистер Кларк? Я что-то не пойму. Вы вчера работали со своим фильмом, пили чай, потом вроде как не помните, что было, а утром у вас в спальне труп. Всё так?

Александр кивнул.

Мелькнула большая мысль: это всё мог организовать Джим. Он ведь обещал ему безумие. Вот оно, такое близкое, что рукой можно пощупать.

Инспектор бросил взгляд на завибрировавший телефон и вышел. Александр остался

один, закрыл глаза и попытался вытащить из памяти хоть что-то, хоть какую-то деталь из вчерашнего вечера и этой ночи.

Чернота.

Он ничего не помнил, а кровь Эда Стедджирса была у него на руках.

Александр сидел, привалившись к стене, а рядом профессиональным тоном его успокаивал юрист. Конечно, Елена прислала к нему кого-то из лучших. Александр не могу вынести его твёрдого решительного баса, который гвоздями вбивался в уши, но юристу, кажется, и не требовалось его внимание.

— Мы легко докажем, что вы никогда не притрагивались к наркотикам, мистер Кларк. И конечно, вам неоткуда было бы достать насколько специфический состав. Это явно кустарное производство, точнее узнаем после экспертизы в независимой лаборатории в Кардиффе. Мистер Кларк?

— Простите, — Александр слабо улыбнулся, — умираю от головной боли.

Суровый юрист улыбнулся мягче, чем можно было от него ожидать:

— Ну-ну, всё пройдёт. Мой ассистент уже обсуждает размер залога, через час-полтора вы будете свободны, а через два — уже ляжете в свою постель.

Ни за что. Александр содрогнулся от этой перспективы. Да и юрист осознал ошибку и поправился:

— Вернее, в какую-то другую, но наверняка удобную постель. Ваш дом пока опечатан.

— Конечно, — прошептал Александр. — Как вы считаете... — он поднял на юриста взгляд, игнорируя вспышки и пятна света перед глазами, — я мог его убить?

— Профессиональная этика требует, чтобы я защищал только то, во что верю сам, — достойно ответил юрист, — и я верю, что вы невиновны. Вас грубо подставили, мистер Кларк, и я это докажу.

Только один человек мог бы это сделать. И если вдруг он захочет отправить Александра за решётку...

Что ж, на важного темноволосого юриста с лицом и голосом опереточного злодея сам Александр не поставил бы и пяти пенсов.

Мэтт суетился на кухне, разом забыв про все разногласия. Елена стояла у окна и курила сигарету, вставленную в короткий костяной мундштук. В таком свете легко было разглядеть, что в волосах у неё пробивается седина. Ранняя. Сестрёнке ещё не исполнилось и сорока.

Александр лежал на диване, укрытый большим пуховым одеялом, рядом на низком столике стояла кружка горячего чая, за которой притаилась Мишель. Мэтт вот-вот обещал принести мясо с овощами по-провански.

Словно это утро, весь день в полиции — дурной сон.

Докурив, Елена обернулась и спросила заботливо:

— Как ты, дорогой?

— Как человек, который, возможно, совершил убийство, — тихо ответил Александр.

Елена прошла через комнату, села у него в ногах и сказала спокойно:

— Ты не совершал этого. На суде ты уже будешь просто свидетелем.

— Не надо, — устало прервал её Александр, — я не ребёнок, так что не надо меня

утешать.

— Ты не ребёнок, — тихо повторила она, — но ты напуган. Я тоже. Твой дом неплохо охраняется, но тело к тебе занесли без всяких проблем. Не думай, что я это оставлю.

— Нет, — возразил Александр, поднимая тяжёлую голову с подушки, — ты не можешь начать охоту на него.

Он видел боль в глазах Елены. Она привыкла защищать его. И сам он привык, что она всегда рядом, его сильная, надежда, умная младшая сестра.

— Я думал долго... Ему не нужно, чтобы я попал в тюрьму. Он хочет увидеть мой новый фильм, он хочет моего внимания. Так что даже если ты не шевельнёшь и пальцем, меня оправдают. Это произойдёт даже в том случае, если...

Договорить он не сумел, но Елена уловила ход его мыслей и сказала жёстко:

— Выброси это из головы. Ты не убивал Стедджерса, точка.

— Уверена? С гарантией? — он плотно сжал губы, но они всё равно тряслись. — Я не помню, что делал ночью. У меня в крови нашли наркотик. Я мог.

— Нет, — она встала и властно вскинула голову, — исключено. Даже не думай об этом.

Вот только Александр знал: будь у Елены доказательства, она уже озвучила их. Раз давила авторитетом, значит, других вариантов не было. Даже Елена не могла гарантировать, что он не убийца.

А всё, что было у Александра, это поднявшийся откуда-то из глубины сознания шёпот: «Ты быстро учишься, сладкий».

Боже!

Александр готов был разбить себе голову, чтобы не слышать его.

Вошёл Мэтт с горшочком рагу в руках, преувеличенно бодро спросил:

— Как наш больной?

— Жив, — буркнул Александр. — Помочь?

— Ни с места. Елена, вы останетесь?

Александр был уверен, что она откажется — она предпочитала держаться от Мэтта подальше. Но она благосклонно кивнула и сообщила, что принесёт тарелки. А Александр, даже на мгновение забыв о своих проблемах, бросил на Мэтта удивлённый взгляд и одними губами спросил: «Елена?». Всю жизнь она была для него «мисс Кларк».

Мэтт пожал плечами, словно ничего и не произошло, и принялся размешивать рагу, от которого поднимался сшибающий с ног аромат пряной говядины.

Александр: двадцать шестая часть

Временами ему казалось, что он прирос к этому дивану. Вставать не было ни сил, ни желания. Лёжа на спине, закутавшись в одеяло, потому что его морозило изнутри, Александр пытался навести хоть какой-то порядок в голове.

На полу копилась стопка изрисованных листов: он делал быстрый набросок и просто откладывал лист в общую кучу, даже не тратя времени на то, чтобы полюбоваться результатом.

«Ты быстро учишься, сладкий». Вот и всё, что осталось ему от той ночи, стёртой наркотиком. Экспертиза выдала сложное название химического соединения, но Александру оно ничего не дало — он только понял, что наркотик нестандартный и не природного происхождения. Елена мягко, стараясь щадить его чувства, пояснила: «Мы не можем точно знать, как на тебя подействовало это вещество. Главная опасность такой химии — это непредсказуемость. Ты мог впасть в оцепенение или в буйство...». Александр, посмотрев на неё снизу вверх, добавил: «Или мог вспылать страстью к художественному вырезанию по человеческой коже».

Именно это выматывало сильнее всего.

Раз за разом Александр возвращался к простому вопросу: мог ли он убить Эда Стедджирса?

В норме — никогда. Он испытывал отвращение к насилию. Ему было сложно задать шенкеля лошади, поэтому он сидел в седле едва ли не хуже всех членов семьи. Он не мог бы убить человека.

Но Елена не зря сказала про непредсказуемость действия наркотика. Под его влиянием он мог бы сделать что угодно. И в конце концов, к чему-то же относилась эта фраза: «Ты быстро учишься...».

Александр открыл глаза и с остервенением принялся черкать по листу, лишь бы выбросить из головы очень яркую картинку: он сам стоит в спальне, с трудом осознавая происходящее, Джим в дорогом костюме проводит лезвием ножа по обнажённому и бесчувственному телу, а потом протягивает нож Александру.

Нет.

Этого быть не могло.

Джим ненавидел пачкать руки, и пускай вопрос морали не заботил его, он побрезговал бы резать кого-то самостоятельно.

Кто-то другой убил Стедджирса, несчастного композитора, слишком пафосного и самодовольного, чтобы создавать сильную музыку, а слова Джима просто приснились Александру в бреду. В конце концов, не впервые раз ему чудились голоса героев, он привык слышать их бормотание на грани сознания.

Протянув руку к пульту, он запустил с середины «Стену». Не свою, стеклянную, а «Стену» Уотерса.

За последние полгода Александр нарочно ни разу не прикоснулся ни к альбому, ни к фильму — опасался сбить настрой, подцепить из порождения чужой больной фантазии что-то лишнее. Но сейчас он мог позволить себе слушать что угодно, уже не боясь забить восприятие чужим символизмом и излишней гиперболизированностью.

Ему хотелось плакать — совершенно по-детски, от страха, боли и непонимания. Закрыв

лицо сгибом локтя, Александр закусил губу изнутри. Музыка причудливо мешалась с воспоминаниями о кадрах анимации и с образом Джима.

Александр должен был ненавидеть Джима после убийства Стедджирса. В концов, кто бы ни нанёс решающий удар, сомнений не было — задумал это всё именно Джим. Он хотел, чтобы Александр проснулся утром и нашёл тело. Хотел протащить его через боль, ужас, может, поставить перед судом. Или обречь на другой суд, куда менее снисходительный, чем жюри присяжных. Потому что, видит Бог, Александр обвинял себя в этой смерти.

Но он не чувствовал ненависть к Джиму, только жалость. Слезы, который до сих пор копились под веками, пролились на «Приятном оцепенении». В глубине души он действительно хотел пустить кавер этой песни на финальные титры «Стеклянной стены», но, конечно, не сделал этого — было бы слишком примитивно. Есть вещи, которые нельзя даже цитировать, чтобы не скатиться во вторичность. Но это не мешало ему прямо сейчас видеть внимательный прищур голубых глаз (Джима? Гарри, так блестяще справившегося с ролью?) и слышать при этом: «Боли нет, ты отступаешь».

«Стена» давно закончилась, слёзы высохли, но Александр продолжал лежать неподвижно.

Из оцепенения его вырвал звонок от Елены.

— Если ты хочешь присутствовать на собрании по Джиму Фоули, то через час тебе нужно быть в моём кабинете, дорогой.

Двойники Блинча (от воспоминания о том, что сам Дэвид Блинч мёртв, стало неудобно) снова собрались в комнате для переговоров, но на этот раз — в ограниченном составе. Собственно, их было всего четверо.

После очень краткого приветствия Елена передала слово мистеру Ричардсону. Вернее, она назвала его мистером Ричардсоном — Александр же по-прежнему из всех отличал только одного, который был старше прочих лет на пятнадцать.

— Это была очень непростая работа, мадам Кларк, — проговорил Ричардсон тускло, — нам пришлось...

— Пожалуйста, к делу, мистер Ричардсон, без технических подробностей. Я не сомневаюсь, что вы компетентны в своём направлении, — прервала его Елена, и Александр понял — она напряжена и зла. Клоны-Блинчи тоже узнали эту профессиональную сдержанную улыбку и подобрались.

— Адам Уолш, — торжественно проговорил Ричардсон, выводя на экран смазанную чёрно-белую фотографию мальчика лет пяти, — так звали нашего Фоули при рождении. Родился в деревне Колс Хилл, пригород Эннискиллена, графство Фермана, Северная Ирландия, в тысяча девятьсот семьдесят шестом году.

Александр прищурился, хотя очки компенсировали все недостатки его зрения, и в этом не было нужды. Мальчик на фотографии совсем не напоминал Джима — возможно, потому что черты лица у него были неприметные, без ярких рыжих волос и пристального взгляда голубых глаз он не был Джимом.

«Адам Уолш», — произнёс про себя Александр, но не почувствовал никакого отклика. Он не знал этого мальчика. А Джим позаботился о том, чтобы всё, что было в нём от Адама, погибло.

— С документами там бардак, — заметил мистер Ричардсон, — но удалось узнать, что

миссис Уолш была активисткой ИРА, присоединилась к движению ещё до замужества. Мистер Уолш, очевидно, был аполитичен, он был разнорабочим, на лето нанимался в поля, зимой занимался ремонтом, много пил. Миссис Уолш вернулась к своей политической деятельности, когда Адаму было три года. В его семь лет она погибла.

— Как именно? — спросила Елена, и если бы она этого не сделала, Александр задал бы вопрос сам.

— Непроизвольная активация взрывного устройства. Она минировала машину политического активиста в Арме.

Александр закрыл глаза. Спокойный голос мистера Ричардсона вкручивался ему в уши как пыточный инструмент.

— Мистер Уолш умер своей смертью в девяносто третьем, — продолжал мистер Ричардсон, — судя по всему, к этому моменту он уже не имел никаких контактов с сыном. На этом факты заканчиваются. Остаются домыслы. Мои люди нашли свидетеля, который сообщил, что мальчик по имени Адам Уолш как минимум три года жил в квартире некоего Уолтера МакКенны, театрального работника. По всей видимости, он выступал опекуном Адама или, по крайней мере, заботился о нём. В девяносто третьем году МакКенна скончался, причиной смерти записана алкогольная интоксикация. На этом следы Адама Уолша исчезают полностью.

— Зато на свет появляется, кто там, мистер Тревис?

— Ричард Мюррей. Мы предприняли несколько осторожных попыток разговаривать с мисс Линду Крамер, — Тревис долго мучился, прежде чем справился с проектором, но всё же вывел на экран фотографию Линды.

«Привет, Линда, знаю, странный вопрос, но мы можем говорить о твоём бывшем любовнике Ричарде? Да, я знаю, что ты их не запоминаешь, но его помнишь, не сомневаюсь», — вообразил Александр этот разговор. Он мог бы позвонить ей. Правда, мог. И она взяла бы трубку. Но едва ли он осмелился бы упомянуть Джима.

— Мисс Крамер сильно удивилась нашему интересу и сообщила, что Ричард разорвал с ней все отношения, а она выбросила его из головы. Зато упомянула новое имя, — Тревис неловко переключил слайд, представив собравшимся индуса лет пятидесяти с небольшим.

Он уже начал сесть, но ни седина, ни морщины не портили его. Одетый в белый с искрой костюм, он смотрел достойно и гордо. Во взгляде и в выражении лица читался ум.

— Доктор Фредерик Дарелл, консультант Лондонской королевской больницы, обладатель блестящих рекомендаций, ни разу не замечен ни в каких неблагоприятных поступках, — проговорил Тревис, — при этом есть основания подозревать, что он состоит или состоит до сих пор в связи с Джимом Фоули.

— Какого рода эта связь? — раздражённо уточнила Елена.

Тревис ответил глупость, а вот Александр не сомневался: связь эта односторонняя. Доктор заморожен Джимом, а тот держит его при себе как забавную домашнюю зверушку.

— Мы можем, — начал самый старший, лорд Уоррен, — просто пригласить доктора на разговор. Сколько можно топтаться на месте?

Елена покачала головой:

— Пока мы не знаем, кто поставляет Фоули взрывчатку и где он может за несколько минут организовать взрыв, мы никого не позовём на разговор. Я недовольна, — она встала со своего места, показывая, что собрание вряд ли затянется, — вы, лорд Уоррен, очень верно сказали про «топтаться на месте». Только результат, который я пока вижу, не приближает

нас к цели. Хорошего дня, господа.

Она вышла первой, Блинчи последовали за ней, а Александр остался сидеть в опустевшей комнате. Ему очень хотелось позвонить Кристин и сообщить, что им необходима досъемка. Всего одна сцена. Но было уже поздно. Этой сцене придется остаться в его сознании.

Александр: двадцать седьмая часть

Александр думал, что Кристин сведёт его с ума, разрешая то, что она называла «пиар-скандалом». Но то, что она устроила ему после короткого суда, где он был признан невиновным, оказалось ещё страшнее.

— Я не знаю, как выпускать фильм, когда половина аудитории считает вас убийцей! — без обиняков заявила она при первой же встрече. — Как они допустили закрытое заседание? Мистер Кларк...

Александр и раньше не слишком сильно волновался из-за судьбы своих работ. Но в случае со «Стеклянной стеной» ему и вовсе было плевать, посмотрит ли фильм хоть кто-то, кроме единственного зрителя — того, для которого он и был снят. Поэтому, дав Кристин выговориться, он объявил:

— Мы не сдвинем премьеру. Я невиновен, меня оправдали в зале суда, фильм готов. Одиннадцатого июня состоится премьера. Никаких переносов.

Он не чувствовал себя безумным, даже если Джим очень хотел этого добиться. Он чувствовал себя уставшим, жалким и разбитым.

А ещё — очень одиноким.

Такого не было уже много лет, с юности. Всегда рядом был Мэтт, и этого хватало. Но теперь Мэтт, даже когда присутствовал физически в той же комнате, казался недостижимо далёким. Он считал, что выпускать «Стену» — форменное безумие, разумеется, но проблемы не ограничивались только фильмом. Было другое.

О нём не говорили, но оно всё время висело в воздухе как раздражающий сигаретный дым. Иногда оно прорывалось словами вроде: «Ты не знаешь, что ещё он устроит. Как будто мало Стедджирса...». Иногда оформлялось в более конкретное: «Ты посвятил целый фильм психу!». Порой звучали вопросы: «Ты говорил Елене о тех звонках?» или «Когда он тебе звонил... что, чёрт возьми, вы вообще обсуждали?».

Александр осознавал: сумеет ли он ответить хотя бы на половину этих вопросов, всё стало бы проще. Но не мог сказать Мэтту (только не ему, видит Бог), что они с Джимом говорили о смерти, об искусстве, о церквях, о чёрном ониксовом кресте. И конечно, никогда Александр не сумел бы рассказать, как Джим обращается к нему.

Как знать, может, это и есть безумие? В конце концов, сумасшедший не осознаёт своей болезни.

— Почему ты не рассказал ей о звонках? — спросил Мэтт в который раз.

Они сидели у него дома, в гостиной. Александр теперь часто проводил здесь время, лежал на полюбившемся диване. Он возвращался домой, но ему там было душно.

— Странно, что не рассказал ты, — заметил Александр.

Мэтт вскинулся:

— Я не стукач! Это твоё дело.

— Прости...

— Я просто не понимаю. Она хочет защитить тебя, а ты у неё под носом... Это похоже на то, что ты намеренно стараешься привлечь его внимание, дружище. Звонки, фильм, всё это... А он тебе отвечает взаимностью — труп вот подкинул. Романтический сувенир от маньяка.

В голосе Мэтта слышалась горечь, и Александр понимал, что друг прав. Именно так сс

стороны всё и должно выглядеть.

А изнутри?

Да в общем-то, примерно так же.

— Мне сложно это объяснить, — сказал Александр задумчиво, — но я постараюсь. Да, он сумасшедший. Не маньяк, но безумец. Он болен. И в то же время он наделён таким умом, таким чувством восприятия... Я не могу отделаться от мысли, что, пройди я через то, что пережил он, я был бы на его месте.

— Убивал бы людей для смеха?

— Не людей. Для него они просто статисты.

— Я тоже, походу, — заметил Мэтт. — И Шерон. Он убивает. Людей, — отдельно добавил он. — Этому нет оправданий. Ни тяжёлое детство, ни ещё какое-нибудь там дерьмо не оправдывает того, что твой Джим Фоули — ёбанный убийца!

Александр содрогнулся.

Мэтт не поменял позы, он всё так же сидел, перекинув ноги через подлокотник кресла, и даже не выпустил из рук очередной комикс, но выражение лица стало незнакомым.

— Никогда не забуду то утро. Меня до сих пор блевать тянет, как подумаю... Но это же не важно, я же статист.

— Я не сказал, что думаю так же, — остановил его Александр.

— На том спасибо. Достаточно того, что ты его оправдываешь.

— Нет, — Александр прикусил губу, пытаясь найти нужные слова, — не оправдываю. Я просто его понимаю.

— Отлично, — Мэтт встал, — очень круто. Я пройду, — и, не переодеваясь, выскочил из комнаты.

Хлопнула входная дверь. Александр бессильно вцепился в волосы. Он не думал, что когда-нибудь сумеет объяснить это Мэтту.

Джим не появлялся почти месяц, а потом появился к Себу домой, оккупировал кровать, закрыл глаза и медленно, с наслаждением начал читать вслух: «Жил мальчик Джим. Ещё вчера // Была судьба к нему добра» (1). Причём, что предсказуемо, буквально смаковал часть про то, как лев ел мальчика по кусочкам. Потом спросил, так и не дойдя до финала:

— Как думаешь, детка, это больно?

— Когда тебя ест лев? — уточнил Себ. Джим посмотрел на него как на ненормального и не удостоил ответом. на самом деле, Себа куда больше интересовали последствия сомнительного лечения. Но, видимо, он всё сделал правильно, во всяком случае, на лице порезов видно не было, только если очень сильно присмотреться, можно было заметить тонкую полоску на лбу.

После короткой паузы Джим продолжил стих и, дойдя до строчки про няню, уточнил (в его голосе уже послышался ирландский акцент, и Себ отлично знал, чем кончится этот вечер):

— У тебя была няня?

— Нет, родители столько не зарабатывали, — покачал головой Себ. — А у вас? — и тут же подумал, что это идиотский вопрос.

Джим тоже так считал, потому что рассмеялся, запрокинув голову. Пробормотал:

— Я её сегодня видел. Думал, может, убить? Решил — не надо, — и опять зажмурился.

Себ не знал, о ком речь, но почему-то сомневался, что о няне. Как бы мало ни знал он о его семье, было достаточно очевидно, что благополучием там даже не пахло.

Из всех приступов Джима этот, на памяти Себа, был самым тяжёлым. Джим бился метался на постели. У него дважды подскакивала и падала температура. Бормотание на ирландском Себ даже не пытался понимать — на слух это были отдельные слова, если не их обрывки.

К трём часам ночи он выдохся и замер совершенно без сил, мокрый и жалкий. Себ нашёл ему чистую футболку, передел его даже не как ребёнка, а как большую куклу. Манекен. Они делали такие обманки — наряжали резиновую женщину в военную форму, чтобы выманить на неё вражеского снайпера. Вот Джим был не более живым, чем та женщина — даже руки у него так же тяжело гнулись.

С трудом открыв глаза, Джим посмотрел на Себа и попросил слабо:

— Побудь со мной, Уолли. Сыграй мне... Безумие Гамлета. Как вчера. Или я тебя убью.

В который раз за ночь Себ коснулся ладонью лба Джима: температура больше не поднималась. Но сильно легче от этого не становилось.

— Это я, — тихо сказал он, — Себ. Себ Майлс.

— Басти, — согласился Джим послушно. — Расскажи...

— Сказку?

— Я его видел... — Джим облизнул губы, и Себ запоздало подумал, что надо было бы принести заранее воды. — Он кричал, что меня... Я показал ему этот твой жест, Уолли. Он кричал... Скверный, скверный мальчишка, пороть его нужно. Он бы с удовольствием.

Джим не открывал глаза, но говорил ровно, пусть и слегка задыхаясь. Он обращался к Уолли, рассказывал ему о ком-то, кого нужно сжечь, потом потребовал по-детски капризным голосом:

— Давай, скажи снова, что ты меня любишь, Уолли.

Возможно, в его голове Уолли ему даже ответил, потому что на губах Джима появилась улыбка.

Тут Себ вспомнил это имя. Уолли — тот, кто умирал под Моцарта. Кого Джим отравил. И он же (если только Себ вспоминал верно, а на память он не жаловался до сих пор) был тем, кто чему-то поверил. Джим к нему сбежал. А сжечь, конечно, нужно святого отца. Всегда — только его.

Потерев переносицу, Себ отложил подальше эти мысли. Он мог, пожалуй, если напрячься, собрать немало историй из жизни Джима, опираясь на его бред во время приступов. Просто не хотел.

— Всё хорошо, Джим, — сказал он. Джим дёрнулся и прислушался, — я рядом. Ты у меня дома. Всё в порядке. Давай, я расскажу тебе сказку? — и, не встретив возражений, автоматически начал какую-то историю про Братца Лиса и Братца Кролика. Тот, кто регулярно укладывал ребёнка спать, может воспроизводить сказки в любом состоянии, даже не задумываясь о том, что именно нужно говорить. Сьюзен вообще была привередой в три-четыре года. Ей было нужно, чтобы сказки звучали «правильно» — именно так, как написано в книжке, как было вчера и позавчера. Поэтому Себ знал их наизусть.

На третьей истории дядюшки Римуса Джим заснул, а утром подскочил и, не говоря ни слова, ушёл, даже не забрав свою футболку.

Грег позвонил неожиданно, среди дня, и спросил:

— Найдётся время выпить?

Судя по его тону, это был вопрос экстренной важности, так что Себ немедленно ответил, что он полностью в распоряжении друга. Они встретились в «Зелёном человеке», как всегда. Грег почти упал за стол, залпом осушил полстакана пива и сказал, рвано выдыхая после каждого слова:

— Мы в суде были. Подали документы. На развод.

Несколько мгновений Себ не знал, что сказать, а потом проговорил искренне:

— Поздравляю.

Грег кивнул, уставившись на свои руки. По его лицу было понятно, что он не готов праздновать, но Себ не сомневался: в случае Грега это решение точно заслуживает бурных поздравлений.

— Мы... Наверное, нам не стоило и начинать. Ей внимание нужно. А я с этой чёртовой работой... — он сделал ещё один большой глоток и спросил: — Как ты это перенёс, помнишь?

— Очень много бумажной волокиты. У вас ещё детей нет, немного легче будет. Мы с Эмили думали, застрелим кого-нибудь, — Себ покачал головой. Он понимал, что Грег не о том спрашивает, поэтому добавил: — Но у нас другое было. Когда мы подавали на развод, то уже два года как вместе не жили. Просто всё времени не было, да и возиться лень было. А тут подумали, что пора. Меня слегка на операции покорябало, отпуск длинный дали, вот мы и решили заняться.

А вот до того — да, было херово. Когда они решили расстаться — очень. Инициатором разрыва была Эмили, при этом вся вина бесспорно лежала на Себе. И пока он всё это укладывал в голове, пока размещался на съёмной квартире, у него в голове что-то громко и

болезненно ломалось.

— Лучше развод, — произнёс Себ, — чем отравлять друг другу жизнь. Ты решился?

— Она, — буркнул Грег. — Но я бы не простил снова. Уже нет. Ещё пива?

Себ вообще пить не хотел, но друга поддержал, они выпили ещё. Понемногу Грег повеселел, хотя, конечно, Себ понимал, что это временный эффект. Но тут уж он ничем помочь не мог — разве что слегка отвлечь.

Просидев пару часов в пабе, они двинулись на прогулку. К теме развода больше не возвращались, болтали о пустяках, включая погоду — надо сказать, она заслуживала обсуждения. Прошлым летом в это же время жарило нестерпимо, а в этом году лето ощущалось именно летом: тёплым, свежим и приятным.

Себ не сразу понял, что привлекло его на огромном постере, растянутом на здании — реклама как реклама. Но всё-так он уловил на нём что-то особенное краем глаза. Обернувшись, он быстро проскользнул взглядом по постеру. На нём был изображён мужчина, который стоял, прижавшись носом к витрине кафе. За стеклом смеялись люди. «Стеклянная стена», — значилось сверху, а ниже, чуть мельче, было написано: «Фильм Александра Кларка. Триллер от постановщика „Жертвы нового бога“».

Грег, поймав направление взгляда Себа, произнёс:

— Этот тот Кларк, что ли?

— Какой?

— Которого судили весной. Дело не моё было, но ребята много болтали. Там поскудная была картина.

Себ ничего не сказал, и Грег продолжил тему:

— Жертву нашли у него в спальне, исполосованную ножом и с перерезанной глоткой. Собственно, он и нашёл. Что делал ночью — не помнил. Очень ясная была картина, пока не оказалось, что парень умер часа за четыре до того, как Кларк остался один.

— То есть он не виновен? — спросил Себ, продолжая рассматривать постер. Конечно, сначала он зацепился за имя режиссёра, но теперь в этом постере его заинтересовало ещё кое-что. Главный герой, стоящий возле окна, обладал весьма специфической внешностью: рыжий, худощавый, светлоглазый, одет в костюм с расстёгнутым пиджаком.

— Нет, кто-то его подставить хотел, похоже, — ответил Грег. — Что, хочешь сходить на фильм?

— Нет, — отозвался Себ, усилием воли отворачиваясь от постера и кивком предлагая идти дальше, — не люблю я всю эту заумь. Мне вот Сьюзен в конце месяца грозит какими-то вампирами, думаю, на этом с меня кино хватит.

— Если это те вампиры, про которых я думаю, — Грег заржал, — то держись, приятель.

— Откуда вообще эти вампиры выползли? Я думал, это осталось в девяносто пятом, — именно тогда Эмили тащила его смотреть «Интервью с вампиром».

Грег, к счастью, был не против поддержать тему деградации современной культуры, а Себ, вспоминая треш-комедии из всё тех же девяностых, продолжал думать о том, едет у него крыша или парень на постере и правда напоминает Джима.

Сьюзен устроила ему киномарафон знакомства с современными вампирами. И да, Грег не зря ему сочувствовал. Себу казалось, от от осознания бреда, творящегося на экране, у него

потекут мозги. Но учитывая, как непросто в последнее время было общаться со Сьюзен, он готов был смотреть в её компании что угодно. Она как раньше подползла к нему под бок, устроила голову на плече, ела попкорн из одной салатницы, и Себ ловил эти мгновения.

Что-то изменилось в их отношениях. Иногда Себу начинало казаться, что он просто не понимает уже, что творится у неё в голове и что именно он сам делает не так. Но во всяком случае, на любое его предложение у Сьюзен был готов отказ, на любое слово — возражение.

— Пап, — позвала она, когда пошли титры после первого фильма, — ты бы хотел быть вампиром?

— Нет, спасибо, — фыркнул Себ.

— Почему?

— Знаешь, что-то я не в восторге от идеи пить кровь и всё такое.

Сьюзен подняла голову, повернулась так, чтобы заглянуть Себу в глаза и заметила:

— Зато ты жил бы вечно. Я бы хотела.

Себ почесал затылок, надеясь, что ему придёт в голову умная мысль, но напрасно. Он не знал, что на это сказать.

— И ты бы жил вечно. И бабушки с дедушкой. Разве было бы плохо? Я просто... — она опустила глаза и принялась ковырять кутикулу. Себ мягко перехватил её руки и погладил. — Мне страшно умереть. Бабушка говорит, мама с нами, но это неправда. Её просто нет.

— Я не знаю, что сказать, Сью, — признался Себ, продолжая удерживать её пальцы, — когда мне было десять, я не думал об этом всём. Задумался уже потом.

— На войне? — очень точно угадала Сьюзен.

— Да, но я думаю, это просто жизнь. Мы родились, живём, потом умираем. Это правильно.

— Неправильно, — буркнула Сьюзен, а потом вдруг спросила: — На войне ты убивал людей?

Себу очень захотелось включить следующий фильм. Пусть блестящие на солнце вампиры, пусть что угодно, лишь бы не обсуждать со Сьюзен смерть, войну и убийства. Но он понимал: нельзя врать, не сейчас и не в этом вопросе, так что сказал:

— Да.

— Много?

— Сьюзен...

— Мне надо знать. Много?

— Я защищал интересы нашей страны, безопасность Британии, — сказал Себ, точно цитируя все те лозунги, которыми их кормили на построениях, — и жизни и свободу людей в тех странах. Тебе непросто это будет понять, и я не хочу, чтобы ты понимала, но когда солдат находится на войне, он не думает об убийстве.

Сьюзен смотрела ему в глаза очень пристально, а потом сказала:

— Я должна подумать. Досмотрим вторую часть завтра, хорошо?

Себ не стал её удерживать, и она ушла к себе в комнату. Снова, уже далеко не в первый раз, он подумал о том, как сильно ему не хватает Эмили. Сью начала взрослеть, и ей как никогда нужна была мать — умная женщина, которая осознавала бы, что происходит. И к сожалению, миссис Кейл эту роль не тянула.

Это могла бы быть Джоан. Скрипнув зубами, Себ вышел из дома и сел за руль, предпочитая думать о дороге, а не ковырять и без того незакрывающуюся рану, но поток размышлений и образов уже развернулся в полную мощь. Да, Джоан не заменила бы мать

Сьюзен — никогда. Но она могла бы дать совет. Сильная, спокойная, уверенная Джоан могла бы стать для Сьюзен хорошим примером, старшим другом. Они ведь ладили, в конце концов. И сейчас он мог бы позвонить ей и спросить, какого чёрта происходит и что он делает не так.

Это уже было даже не смешно. Полгода прошло. Всё, конец истории, Джоан осталась в прошлом — и надо заметить, для неё так точно будет лучше. А для него — неважно. Сам виноват, причём не в том, что спалился, а в том, что вообще полез в отношения с женщиной, для которой, очевидно, закон — это важно. Которая никак не могла бы принять его образа жизни и работы. Потому что оно всё равно бы открылось — не тогда, так в другой раз.

Себ честно пытался забыть. После того, как ему удалось слегка восстановить сон, он даже предпринял сомнительную попытку сходить вечером в бар. За стойкой разговорился с улыбчивой блондинкой в деловом костюме, которая запивала коктейлями измену мужа. Они болтали два часа, немного потанцевали, Себ угощал её выпивкой, а потом посадил в такси и отправил домой одну, потому что понял, что не может заставить себя даже поцеловать её.

Следующая встреча со Сьюзен только увеличила количество проблем. Себ заехал на воскресный обед, и проходил он в гнетущем молчании. Уже сев за стол, Сьюзен отказалась от рыбы, объявив, что она её «ненавидит», а бабушка «готовит ей назло». Миссис Кейл подскочила, на её глазах выступили слёзы, которые она тут же попыталась скрыть, и Себ испытал что-то близкое к отчаянию.

Попросив миссис Кейл сесть обратно, он поймал взгляд Сьюзен, хотя это было не так-то просто, поскольку она надулась и отворачивалась в сторону, и спросил спокойно:

— Давно ты ненавидишь рыбу?

Месяц назад они вместе готовили рыбные котлеты, и никаких возражений с её стороны не было.

— Всегда ненавидела.

На язык просилось что-то резкое. Он видел, что Сьюзен вредничает. Совершенно специально капризничает, чтобы не то привлечь внимание, не то ещё для чего-то. Но у него вдруг мелькнула дурацкая мысль, что раз уж он выдерживает Джима во время приступов, то с бунтующим подростком точно справится. Сделав несколько вдохов-выдохов, чтобы окончательно успокоиться, он пожал плечами и сказал:

— Ладно, учтём на будущее. В холодильнике точно есть яйца, ты можешь их пожарить, пока мы с бабушкой доедим рыбу.

— Давай я... — миссис Кейл снова попыталась было подняться, но Себ остановил её:

— Сидите, обед остынет. А Сьюзен точно умеет пользоваться плитой и сковородкой, я сам учил.

Спорить Сьюзен не стала, хотя готовила с явной неохотой. И яичницу ела с таким лицом, словно на тарелке перед ней лежала отравка. Но, по крайней мере, проблема с рыбой была решена.

Уже доев и отложив вилку в сторону, Себ смотрел на дочь и думал о том, что, пожалуй, пансион для девочек — лучший вариант в их случае. Миссис Кейл не справлялась. Он видел это давно, просто, наверное, не очень хотел замечать. Она не могла воспитывать её. Может, потому что постоянно видела в ней маленькую Эмили, может, в силу возраста. А сам он... Что ж, ничего не изменилось. Его работа всё ещё не позволяла взять к себе ребёнка. И если

честно, он отнюдь не был уверен, что преуспеет там, где потерпела поражение миссис Кейл. Возможно, он справился бы со Сьюзен лет шести. Но с подростком? Себ не обманывался. Здесь нужно было влияние женщины. Кого-то, кто сможет помочь ей перенести период взросления, при этом удерживая в рамках дозволенного. Кого-то с опытом воспитания девочек.

Пансион.

Пока миссис Кейл разливала чай, Себ продолжал обдумывать это решение. Собственно, оно зрело уже давно.

Да, у пансионеров есть минусы. Но он сможет помочь Сьюзен их преодолеть. На каникулы, например, он сможет ездить куда-то вместе с ней. Или летом запишет её в какую-нибудь спортивную школу, чтобы она не утрачивала опыт общения со сверстниками другого пола. Это всё решается.

Мама не одобрит, в этом Себ был уверен, папа скажет, что это его дело. Миссис Кейл будет счастлива. А Сьюзен придёт в бешенство.

Эмили любила свою школу. Дружила с одноклассницами всю жизнь. Она хотела бы для Сьюзен того же.

Чай постепенно остывал в чашке с цветочным узором, миссис Кейл расспрашивала Сьюзен о художественном классе, но та отвечала односложно.

— Басти, — в какой-то момент позвала она его, — всё хорошо?

Себ поднял глаза от чашки и ответил:

— Да, всё. Я думаю, раз уж мы сидим все втроём, можно обсудить школу Сьюзен.

Миссис Кейл посмотрела на него с откровенным испугом, но промолчала, а Себ продолжил, обращаясь к Сьюзен:

— Мы с бабушкой хотели бы, чтобы ты получила хорошее образование. И чтобы в школе тебя окружали интересные люди.

Сьюзен нахмурилась, как будто заранее ожидала подвоха. И чёрт, он был. Себ понимал, что своим решением вызовет у неё недовольство. Но, пожалуй, он сможет это пережить — если она будет под присмотром, в безопасности и счастлива.

— Мы с бабушкой считаем, что лучше всего тебе подойдёт «Школа Бененден». Там есть отличная художественная студия, я узнавал. Много спортивных секций на выбор. Красивая форма.

Сьюзен молчала, только начала крутить в пальцах чайную ложку.

— Предлагаю съездить туда — вместе или нам с тобой вдвоём и посмотреть. Если не понравится эта школа — подберём другую.

Кажется, он сказал всё максимально аккуратно. И оставил ей возможность выбора. Если он всё помнил правильно, то ему мама просто объявила, что он идёт в государственную школу в Карлайле и повезла за формой.

— Это пансион, — тихо и отчётливо сказала Сьюзен, посмотрев сначала на миссис Кейл, а потом на Себа. — Пансион, да?

— Да. Мне кажется, это лучший вариант, потому что...

— Можешь не объяснять, — перебила она его, — тебе надоело со мной возиться. Хочешь от меня избавиться. Ну и ладно, — она встала из-за стола, — я тебя тоже видеть не хочу!

И выскочила из комнаты прежде, чем Себ успел её остановить.

Дерьмо.

Миссис Кейл тоненько всхлипнула и пробормотала:

— Не обижайся на неё, Басти. У неё тяжёлый возраст.

— Я не обижаюсь, — отозвался Себ, хотя слова Сьюзен причинили совершенно осязаемую боль. — Нет.

Как подстрелили. В руку куда-нибудь. Не смертельно. Зашить, завязать — и пройдёт. Но сейчас жжёт, дёргает.

Нужно было пойти следом за Сьюзен и поговорить с ней. Обсудить, откуда в её голове взялась идея о том, что он хочет от неё избавиться. Просто поговорить, как они всегда говорили, и решить эту проблему.

Он поднялся из-за стола и почти силой затащил себя наверх. Дверь в комнату Сьюзен, конечно, была закрыта. Он постучал. После двух минут тишины оттуда донеслось:

— Закрыто.

— Сьюзен, мы можем поговорить?

— Нет. Иди, у тебя наверняка много работы.

— Пять минут, Сью.

— Я занята.

Ладно.

— Хорошо, можешь не открывать, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, — просто послушай минутку.

В ответ из комнаты загрохотала музыка: много гитары, басы и девчоночий писклявый голос поверх всего этого. И перекрикивать это не имело никакого смысла.

Конечно, Себ мог открыть дверь. Во-первых, внизу точно должны были лежать ключи от комнаты. Во-вторых, если бы их не нашлось, ему не стоило бы труда выбить петли. Но смысла в этом не было никакого. И он сам точно не простил бы родителям такого поступка. Поэтому он просто спустился, машинально помог миссис Кейл убрать со стола, загрузил посудомоечную машину.

— Басти...

— Всё нормально, — прервал он её жизнерадостным тоном. — Переходный возраст. Не буду давить. Решения всё равно принято, а когда мы съездим в школу, Сью и сама оценит. Не переживайте, миссис Кейл. Берегите сердце, — он выдавил улыбку и поспешил уйти из этого дома.

Примечание:

(1) Стих-страшилка авторства Хилэра Беллока из сборника «Назидательные истории для детей». В оригинале — «There was a boy whose name was Jim». Мальчик Джим был непослушным, убежал от няни на прогулке в зоопарке, попал в клетку ко льву и был сожран (в подробностях). Использую перевод Марка Фрейдкина.

Себ почти доехал до дома, как у него зазвонил телефон. К большому удивлению Себа, на экране высветилась знакомая надпись «Номер скрыт».

Себ снял трубку, и Джим пробормотал:

— Парк «Виктория». Пересечение Олд Форд и Гров-роад. Забери меня, — Джим говорил так, словно у него была тяжёлая ангина. Или он сорвал связки. И, к тому же, с огромным трудом складывал слоги в слова. — Сейчас.

Себ прикинул маршрут, круто перестроился в соседний ряд, подрезая серую «Ауди», и прибавил скорости. Джим говорил так, словно ему было очень херово.

Вечерело. Себ остановился на кругу, на стороне парка, и пошёл пешком, внимательно оглядываясь. В наступающих сумерках лица сливались, и всё же Себ увидел Джима почти сразу. Он сидел на тротуаре в очередном дорогом костюме и смотрел на проезжающие мимо машины.

Себ опустил руку возле него на корточка и позвал. Джим не отреагировал, словно не услышал голос.

— Джим, — повторил Себ, — это я. Я здесь.

Он продолжал смотреть в одну точку. Себ поймал направление его взгляда и понял, что Джим не следит за машинами, а таращится куда-то в пустоту. Губы у него тряслись, под левым глазом наливался синяк, щека с той же стороны была покорябана. Приглядевшись, Себ понял, что из кожи торчат мелкие занозы. Деревяшкой его били по лицу, что ли?

Костюм оказался испачкан.

— Джим, поедем домой? — предложил Себ, дотрагиваясь до его плеча. — Пожалуйста, Джим...

Он действительно не слышал. Себ зажмурился на мгновение. Ему было больно видеть Джима таким. А ещё страшно. Это уже было не в его компетенции. Ему нужен был кто-то поумнее рядом. Кто-то...

— Поедем к доктору, — сказал Себ решительно. — Давайте, Джим.

Понимая, что реакции он так и не дожждётся, Себ обхватил его под мышки и поставил на ноги. Джим закачался, но не упал. Было непонятно, как в таком состоянии он вообще сумел позвонить и сказать, откуда его нужно забрать. Но Себ был ему за это крайне признателен.

До машины они шли минут пятнадцать. На них оглядывались, конечно, но к счастью, видимо, решали, что Джим слегка перебрал. не будь вокруг людей, Себ, пожалуй, закинул бы его на плечи — всё быстрее и проще.

Сесть самостоятельно Джим не сумел, Себ затолкал его на заднее сидение, завёл мотор и набрал Дарелла. Слава Богу, тот ответил сразу. Не тратят времени на приветствия и пустую болтовню, Себ сказал:

— Док, Джиму как-то херово, я не пойму, что с ним. Но если вы дома...

— Я вас жду, — ответил Дарелл. — Вы можете описать симптомы?

— Он... — Себ бросил взгляд в зеркало заднего вида, убедился, что Джим продолжает смотреть перед собой и, видимо, не реагирует на происходящее и сказал: — Я не знаю. У него лицо разбито и в занозах. И он молчит. И смотрит в пустоту. Короче...

— Я вас жду, — повторил док.

Лучше бы он болтал. Хоть на ирландском. Говорил гадости, делал сомнительные

намёки и бесил в обычной своей манере. Да чёрт дерни, что угодно было бы лучше пустоты в глазах и страшного молчания.

Док встретил их на пороге с медицинским чемоданчиком. У него нервно двигались пальцы свободной руки, он хватал ими воздух, и Себ недовольно нахмурился, увидев это. Если с Джимом что-то серьёзное, было бы круто, чтобы их единственный врач оставался спокоен и собран.

Вытаскивать Джима из машины пришлось как куклу, но на ноги он всё-таки встал, бросил на доктора короткий взгляд, но потом снова закрыл глаза и опустил голову. Дарелл посторонился, и Себ завёл Джима внутрь.

— Давайте сюда, — подсказал доктор, — по коридору.

Из гостиной, где Себ уже был, когда советовался по поводу своих кошмаров, вёл длинный просторный коридор. Доктор открыл одну из дверей, и к счастью, это была спальня. Небольшая и, похоже, гостевая — никаких личных вещей.

Джим по-прежнему не реагировал на происходящее, но послушно сел на край кровати.

— Что скажете? — спросил Себ.

— Надо осмотреть, — чуть дрогнувшим голосом ответил Дарелл. — Вы не могли бы?..

Себ мог — и быстро раздел Джима до белья. Никаких внешних повреждений, по счастью, не было.

По указанию доктора Себ уложил Джима на кровать, накрыл одеялом. Дарелл достал фонарик и проговорил:

— Вы не возражаете?

Себ послушно вышел. Прислонился спиной к стене возле двери, проигнорировав стоящее возле окна кресло. Подумал какое-то время об обстановке дома. Окно в коридоре. Типа лоджии, как в каком-нибудь туристическом поместье. Ковёр, тёмный. Люстра старая, с лампочками-свечками, сейчас только наполовину зажженная.

За стеной было тихо. Наверное, док меряет температуру. Потом займётся синяком и ссадинами на лице. Надо всё смазать, занозы достать. Потом, наверное, даст Джиму успокоительное. Или наоборот, что-нибудь бодрящее, чтобы вытащить его из ступора. А потом им надо будет найти причину.

Через двадцать минут из комнаты раздался негромкий голос:

— Заходите.

Джим (спящий или без сознания) лежал, укрытый одеялом до подбородка, синяк на лице блестел от мази, ссадины док заклеил пластырем. Себ хотел было спросить, что именно с Джимом произошло, но передумал. Доктор не выглядел как профессионал своего дела, уверенный в том, что всё под контролем. Он, чёрт возьми, был напуган и не мог отвести от Джима пристального взгляда.

— Что я могу сделать? — спросил Себ спокойно.

Кто-то из них троих должен был оставаться в здравом уме. И раз Дарелл, очевидно, не стремился к этой роли, придётся её взять на себя Себу.

— Ничего, Себ, — отозвался доктор нарочито бодрым тоном. — Сейчас ему просто нужен покой, больше ничего. Я могу только предположить, что он испытал сильный шок, который, помноженный на его болезнь, вызвал нечто вроде нервного истощения. Всё пройдёт.

Если бы Дарелл испытывал хотя бы половину той уверенности, которую пытался излучать, Себ был бы рад.

— Я подежурю, — произнёс Себ взял у стелы стул, поставил возле кровати, сел и сложил руки на коленях. — Отдохните, док.

Он не стал говорить, что ему стоило бы выпить что-то вроде успокоительного. Доктор продолжал смотреть на Джима, и выражение его лица было (Себ не мог точно это сформулировать) странным. Как будто ему самому было больно.

— Отдохните, — повторил Себ твёрдо. — Когда он придёт в себя, ему может понадобиться ваша помощь. От меня будет мало толку.

Как будто с трудом отведя от Джима взгляд, доктор кивнул и молча вышел из комнаты. Себ успел заметить, что у него дёргается кадык — словно он то и дело сглатывает.

Зашибись.

Протянув руку, Себ привычно коснулся лба Джима. Температуры не было, скорее, наоборот, кожа была холодноватой и липкой на ощупь. Но зато дыхание стало как будто ровнее. А глазные яблоки двигались в глазницах.

Две тысячи семьсот девяносто семь на шесть тысяч триста восемнадцать. А слабо результат возвести во вторую степень? Очень сложная задача. С миллионами... нет, триллионами. Слишком много символов. Себ фиксировал результаты по кусочкам. Ошибся один раз, пришлось вернуться к началу. Просто умножение в столбик, ничего особенного, разве что столбиков очень много.

Это было именно то, что нужно. Сквозь завесу чисел не пробивалось ни сомнений, ни вопросов, на которые сейчас всё равно не было ответа. Разве что ярче остальных была мысль о том, что, раз это просто нервы, то наверное, всё поправимо. Джим живой, целый, всё будет отлично.

Триста двенадцать триллионов — получилось у него. Триста двенадцать, двести восемьдесят, ноль, ноль, три...

Он не успел собрать число целиком, потому что Джим завожился на кровати, задёргался. Чуть наклонившись, Себ произнёс отчётливо:

— Я здесь. Это я, Себастиан.

Раз он проснулся, наверное, надо звать Дарелла.

— Басти... — прохрипел Джим, — хорошо. Нет.

— Что нет?

— Не надо доктора, — даже в таком состоянии он мог угадывать мысли. — Ты знаешь...

— Сказку? — предположил Себ. Он был бы не против. Тогда будет легко представить, что это обычный приступ. Пусть тяжёлый, не важно.

— Про Гру... — договорить ему не хватило сил, зато он опять нервно задёргался, начал комкать одеяло. Себ его не стал останавливать, но сказал:

— Я расскажу, Джим. Только лежите спокойно, ладно? Вам надо отдыхать, — он чуть придержал одеяло. — Тш-ш. Гулял мышонок по лесу, и вдруг лиса бежит, а у лисы, как водится, хороший аппетит... — сказка шла сама по себе. И она работала. Джим расслаблялся, успокаивался, а на моменте встречи мышонка с Груффало даже заулыбался.

Когда текст закончился, Джим открыл глаза и прохрипел:

— Груффало давно умер, валяется в кустах... шевелится... потолок. Он всё выше, Басти, — даже сквозь хрип стал слышен резкий акцент. — Я песок, да, Басти?

— Нет, — сказал Себ, бросив короткий взгляд за плечо, на дверь, но помощь в лице доктора не появилась. — Нет, ты не песок. Ты лежишь в постели, и потолок на месте.

— Он выше... — Джим зажмурился и сделал непонятное движение, как будто пытался размять шею до хруста, не поднимая головы от подушки. — Такой маленький мышончок. Просто бу-тер-брод... С беконом. Сэндвич.

— Хочешь сэндвич?

— Ненавижу бекон.

Точно. Он же вегетарианец, Себ не подумал об этом.

— Бекон и яйцо... ты расскажешь мне сказку, Басти? Так, хорошо. У тебя хороший голос, Басти. Говори ещё.

Себ молчал.

Но похоже, Джима это вполне устраивало, потому что он слышал чей-то ещё голос.

— Давай я расскажу сказку, — проговорил Себ вслух. Хоть десять. Только не смотреть, как Джим шёпотом общается с чем-то внутри своей головы.

— Хорошая сказка, Басти. Никакого Груффало... Расскажи мне про чёрного... — он закашлялся, но не потерял мысли, — мышонка. Он рассказал...

— Я...

Джиму явно отвечали.

— Я тебе расскажу сказку про... — чёрт, ему нужна была какая-нибудь хорошая сказка, в идеале, без животных на главных ролях, — про Ганса — отважного портного. Давай?

Джим ответил, но не ему и не на этот вопрос. Но Себ всё равно заговорил, вытаскивая из памяти несвязные куски текста. И к середине сказки Джим перестал говорить с ним вместе. Не открывая глаз, повернул голову в его сторону. И кажется, начал слушать.

Когда он снова задремал, Себ наклонился к валяющемуся на полу костюму, залез в карманы и выложил на тумбочку у кровати всё содержимое: права на имя Кевина Уолтера, две пары наушников с разветвителем, телефон, розовый плеер в резиновом чехле, бумажник, в котором лежало триста фунтов с мелочью, и ровный, только немного надорванный с краю билет в кино, где было указано: «11 июня, 17:45, „Стеклянная стена“. Продолжительность фильма — 2:10». Себ прикинул время. В 19:55 закончился сеанс, позвонил Джим в половине девятого. Выходит, либо на самом фильме, либо сразу после него произошло нечто, что довело Джима до такого состояния.

Кинотеатр «Замок».

Как раз около получаса от него до «Виктории» и выйдет.

Себ ничего не понимал.

Последняя маска — посмертная

— Значит, теперь ты подбираешь на улице беспородных котят? — вот и всё, что я смог сказать, когда впервые увидел его. Тогда ещё только на фотографии.

Линда тряхнула головой, явно рисуясь и желая, чтобы я заметил в её каштановых волосах жёлтые солнечные пряди, ради которых она наверняка просидела несколько часов в кресле парикмахера и отдала пару сотен фунтов, и подвинула мне поближе стопку карточек. Все они были сделаны на «Полароид» шестидесятих годов, который обыкновенно лежал в бардачке её машины.

— Котёнок может и уличный, — заметила Линда, ничуть не обидевшись, — но не беспородный. Из него вырастет роскошный британец, если не какой-нибудь мейн-кун.

— Ирландец, вот кто из него вырастет. Чистокровный бродячий ирландец, — возразил я, разглядывая снимки.

На них был запечатлён один и тот же юноша. Рыжий, тонкокостный и с чистой белой кожей. На фотографии крупным планом можно было разглядеть достаточно симпатичные зелёно-голубые глаза, но в остальном — совершеннейшая заурядность, как я решил.

— Надеюсь, он хотя бы совершеннолетний, — заметил я, отпивая чай. Хотя, конечно, в этой шпильке не было ни смысла, ни нужды. Линда отлично играла в эпатаж, но всегда видела границы дозволенного. Но ирландец с фотографий действительно выглядел очень юно, немного слишком для Линды. Она на мой вопрос только возмущённо фыркнула, собрала свои карточки и ответила:

— Мальчику двадцать три.

— Тогда развлекайся. И жили они долго и счастливо, как говорится, — я пожал плечами.

— И всё? — она надула губы, наморщила свои тёмные, тонко выщипанные брови и сделалась ненадолго похожей на обиженную девочку, но потом засмеялась: — А как же ревность?

— Благословляю вас, чада мои, — покачал я головой и подумал про себя, что в этот раз увлечение Линды вряд ли продержится и пару месяцев. На общем фоне её красивых умных любовников ирландский мальчик в дешёвой футболке и с кривыми нижними зубами выглядел весьма сомнительно.

Я, конечно, не видел, как они познакомились. Но Линда позднее так много говорила об этом, что всю картину я мог бы представить с точностью. И мелкий дождь на Гросвенор-сквер, и то, как Линда круто, с нарушением всех правил разворачивает «Дефендер», опускает стекло и в своей неповторимой манере спрашивает у насквозь промокшего парня на остановке: «Детка, не желаешь выпить?».

— Он тебе понравится, — уверенно объявила Линда, и только воспитание помешало мне закатить глаза. Я совершенно не желал близко знакомиться с очередным её бойфрендом на несколько ночей, но конечно, едва ли мог изобрести подходящий предлог, чтобы этого знакомства избежать. — Фред, посоветуй. Если бы ты вёл в оперу человека, который до сих пор ни разу её не слышал, что бы ты выбрал? В Ковен-Гардене новая «Пиковая дама»...

— Ни за что, — воскликнул я в некотором ужасе. — Упаси тебя Господь слушать русскую оперу в постановке американского итальянца в Лондоне.

Я знал, о чём говорю, поскольку был на «Пиковой даме» буквально две недели назад, на

премьере, и испытал всю ту гамму чувств, от боли до разочарования в современном искусстве, которая ожидает всякого театрала при встрече с натужным и вычурным авангардом, порождённым, к тому же, прославленным режиссёром, от которого ждёшь значительно большей глубины мысли.

— Идите на Верди, — посоветовал я, — завтра будет «Травиата», а легче её уже не придумаешь.

— Там и встретимся, — объявила Линда. — Ну, я побегу, — и расцеловав меня в щёки, действительно побежала, уверенно держась на высоких каблуках и оставив мне обязанность оплатить счёт. А ещё — фотографию своего ирландца. Случайно, конечно. Просто одна из карточек — та самая, где он был снят крупно, в три четверти, выпала у неё из сумки и спланировала к ножке стола. Я забрал, подумав, что надо будет отдать Линде потом.

Эта карточка до сих пор у меня. Мой единственный секрет от него. И то небольшое, что мне однажды останется, когда он сожжёт себя окончательно.

— Это Ричард, — небрежно представила его Линда, держа под руку так крепко, словно боялась, что он сбежит.

Вживую он оказался интереснее, чем на фотографии, только гораздо более хрупким и совсем невысоким. А ещё он выглядел напуганным и растерянным в декорациях оперного театра. И костюм-двойка, пусть даже подобранный лично Линдой, с присущим ей безупречным вкусом, сидел на нём если не криво, то неловко.

— Рич, познакомься, это мой старый друг Фред, для тебя — доктор Дарелл.

— Я... — Ричард вынул руку из кармана, чуть опустил взгляд, улыбнулся со смущением, — страшно рад знакомству, доктор. Страшно.

Бросив Линде чуть насмешливый, как мне хотелось бы верить, взгляд, я пожал его ладонь — узкую, хрупкую и удивительно сухую, и встретился с ним взглядом. Не буду лгать, я не услышал громовых раскатов. Только подумал, что у того, кто буквально не знает, куда себя деть от неловкости, должны бы потеть ладони.

Мы смотрели «Травиату» в постановке Мариинского театра, сидя в ложе и потягивая шампанское. Ричард молчал, а Линда изредка объясняла ему происходящее и чиркала что-то в большом блокноте. Ей нравилось набрасывать на коленке театральные рецензии и потом читать их друзьям — а нам, в свою очередь, нравилось слушать то, что выходило из-под её пера. Особенно если она делала акцент на костюмах и визуальных решениях — это был её безусловный конёк.

Они оба сидели за моей спиной, но я то и дело оборачивался к ним, чтобы перекинуться парой слов. Я повернулся снова — как раз на середине «Addio del passato», — и вдруг Ричард наклонился ко мне и сказал совсем тихо, так, что Линда едва ли могла расслышать:

— Вам не нравится эта ария, доктор.

Это не был вопрос.

— Нет, отчего же... — сказал я и отвернулся к сцене, но тут же ощутил его дыхание шей и ухом.

— Вам почти невыносимо смотреть на актрису. Она слишком живая для этих строк, правда?

Я замер. Даже не знал, что ответить, да и возможности не было — Ричард уже откинулся обратно на спинку своего сидения. Я снова услышал его голос, когда Виолетта на

сцене воскликнула своё последнее: «E spenta!», — и обмякла в объятиях Альфредо.

— Она дышит, — шепнул он мне. — Вы даже отсюда это понимаете. И это всё портит. Да?

По моей спине прошла дрожь, на висках выступил пот, и мне пришлось стереть его платком. За первые минуты поклона мне удалось овладеть собой. Но когда я обернулся, Ричард уже аплодировал вместе с Линдой и застенчиво улыбался, когда она касалась его колена.

— Что я могу сделать? — вырвал меня из мыслей вопрос Себастиана. Я почувствовал укол сожаления и стыд. Упиваясь сладкими воспоминаниями о днях давно минувших, я забыл своим напарнике.

— Ничего, — ответил я, постаравшись вложить в голос всю свою врачебную уверенность, которой, впрочем, не испытывал. — Сейчас ему просто нужен покой, больше ничего.

— Я подежурю, — кивнул он, придвинул стул, ровно сел на него, сложил руки на коленях и чуть опустил веки. Каменная статуя, не иначе. Я не сомневался в том, что он способен просидеть так не то, что ночь, но и пару суток. — Отдохните, док.

Ричард выглядел сейчас значительно мертвее той Виолетты. Собственно, он выглядел почти мёртвым. Только слабое дыхание и напряжение мышц шеи отличало его от трупа. А вот кожа у него была как у покойника: липкая даже на взгляд, ледяная на ощупь. Сухие губы. Левая щека стала сине-фиолетовой. Я сам обработал синяк двадцать минут назад, но стоило мне отвернуться, как боковым зрением я начинал видеть на этом месте трупное пятно. Буквально на грани между жизнью и смертью, но к смерти немного ближе. Я не выяснил, как он поранился, но не удивился бы, узнав, что синяк он поставил себе сам.

Я с большим трудом отвёл взгляд в сторону, а Себастиан повторил:

— Отдохните. Когда он придёт в себя, ему может понадобиться ваша помощь. От меня будет мало толку. Я солдат, а не врач.

Я понимал, что он выгоняет меня из лучших побуждений, осознавал, что он прав — и всё равно чувствовал горькое раздражение, оставляя их наедине.

Тогда я не стремился к встречам с Ричардом. Меня смущала и пугала двойственность его натуры, которую я успел заметить в оперном театре, и я повёл себя трусливо: решил, что это не моё дело, не сказал ни слова Линде и даже выбил себе научную командировку в Белфаст на месяц. Откровенно говоря, я надеялся, что по возвращении застану Линду в компании чудовищно дорогого джина, оплакивающую очередные отношения, которые потерпели крах. И даже давал себе клятву, что в этот раз она не услышит от меня ни слова укора.

Однако стоило мне приехать в Лондон, как на следующее же утро Линда позвонила мне и потребовала:

— Своди Рича в Аскот, я тебя умоляю! У меня два билета в ложу королевы Анны и совершенно потрясающий заказ, от которого я просто не могу отказаться.

Срочные заказы для Линды — мужского стилиста высокого уровня — были в некотором роде образом жизни. Я вздохнул в трубку.

— Фред, я обещала ему! Прожужжала все уши. Выбрала фрак и цилиндр. Просто не могу сказать, что всё отменяется. Ради меня... Порадуй мальчика.

— Только ради тебя, — наконец, сказал я, предчувствуя тяжёлый день. Никогда не был фанатом скачек и не без удовольствия пропускал их уже три года подряд. Обстановка Аскота казалась мне душной, вычурной и фальшивой, а разноцветные нелепые шляпки женщин, чередующиеся со строгими цилиндрами мужчин, навевали какие-то странные ассоциации с навозными мухами в букете пластмассовых цветов.

— Он заедет за тобой в девять. И ты лучший, Фред! Целую крепко.

Я был вынужден начать собираться, стараясь при этом мысленно концентрироваться на том, как мне будет скучно и неловко на скачках и намеренно избегая всяких мыслей о встрече с Ричардом.

В девять ровно я вышел из дома — и тут же из-за угла появилась машина Линды. Просторная улица сразу же стала казаться слишком узкой для этого квадратного чудовища.

Я занял пассажирское место спереди, ощутив некоторую растерянность. Ричард был одет в обычные джинсы и какую-то растянутую футболку. На заднем сидении тоже не было ничего, хоть немного напоминавшего чехол с парадной одеждой.

— Пристегнитесь, доктор, — посоветовал Ричард и резко стартовал с места. — О, умоляю, не смотрите так. Я не собираюсь убивать день на скачках.

— Но Линда... — я снял с головы показавшийся совершенно неуместным цилиндр и так и не сумел закончить вопроса. Ричард выглядел иначе.

Я разглядывал его, но так и не мог понять, что поменялось. Не причёска, не черты лица, а что-то внутреннее. Он больше не выглядел смущённым мальчиком.

— Как будто вы сами хотите торчать там, док, — хмыкнул он. — Нет, нас ждёт кое-что поинтереснее. Бросьте цилиндр назад. Обещаю, те, к кому мы едем в гости, не обидятся, если вы явитесь на встречу без него.

На его лице появилась улыбка, которую позднее мне доводилось видеть достаточно часто и которая, как теперь мне это известно, служила предзнаменованием какой-нибудь опасной авантюры. Но тогда она показалась мне просто неприятной и агрессивной. Я должен был бы возразить ему, но почему-то не мог, и молча последовал его совету, отложив цилиндр.

Мы ехали по правилам, весьма аккуратно, и меня это несколько успокоило. Тем более, что двигались мы не куда-нибудь в трущобы, а наоборот, к центру города.

Ричард молчал до тех пор, пока не запарковался на Литгл-Колледж-стрит, буквально в пяти минутах от Вестминстера.

— Идёмте, док, — он подмигнул мне и легко выскочил из машины.

Наверное, странное мы представляли зрелище вдвоём, диковинный контраст. Я чуть ослабил шейный платок — он душил меня. Я хотел спросить, куда мы идём и зачем, однако не находил в себе сил. Тогда я впервые испытал на себе притягательность этого ощущения — расслабиться и идти туда, куда он скажет, отдать свою волю в его руки, довериться его безумию.

Мы подошли к ограде аббатства, за которой уже толпились туристы. Ричард толкнул низенькую калитку и вошёл. Обернулся ко мне и выжидательно наклонил голову.

Мы просто заходили в Вестминстер, без билетов и разрешений. Ричард улыбнулся — и я решился.

На нас не обращали внимания, пока мы подходили к небольшой двери, явно не

предназначенной для посторонних. Затем дверь открылась, и Ричард первым вошёл внутрь.

Я не знал и не знаю до сих пор, кто открыл эту дверь и как Ричард сумел так спокойно войти внутрь, но сейчас уже по крайней мере могу строить предположения: не обошлось без сотрудника, которого он если и не подкупил (тогда у него денег было не больше, чем давала Линда на карманные расходы), то запугал, шантажировал или даже соблазнил.

Нас ждал узкий тёмный проход и каменная винтовая лестница, по которой Ричард побежал вверх, а я пошёл неторопливо. Дело было не в том, что мне не хватало его здоровья для беготни, а в том, что я хотел запомнить эти мгновения. В отличие от туристической части, здесь по-настоящему пахло историей. Не было предупреждающих табличек, заграждений и замков. На этой узкой лестнице аббатство продолжало жить так же, как оно жило столетия назад.

Мы поднимались вверх. Ступени были неровными, и я был уверен, что лестница не пострадала во время пожара в Вестминстере и не перестраивалась. Время от времени возникали квадратные тёмные пролёты с открытыми низкими дверями. Я заглядывал за них — чаще видел неосвещённые проходы. За одной оказался почти современный офис, даже с компьютерами на столах. Ещё одна была заперта.

Ричард вдруг пропал. Ускорившись, я понял, что он свернул в проход почти под самой крышей, и последовал за ним. Мы не встречали ни души, только откуда-то снизу через толщу камня доносился вой сирены.

— Что это?

— Пожар, — невозмутимо пожал он плечами. — Я не хочу, чтобы нас здесь потревожили. Осторожно, доктор! Не трогайте стены, поберегите свой фрак.

В его голосе звучала неприкрытая насмешка, но я всё-таки последовал его совету и постарался не обтирать стены рукавами.

Ричард толкнул очередную дверь — и темнота рассеялась, превратившись в мягкий пыльный сумрак.

— Добро пожаловать в трифорий Вестминстерского аббатства, доктор, — удивительно мягко проговорил он и посторонился, впуская меня в небольшую полукруглую галерею. Сквозь запylённые стёкла внутрь просачивался солнечный свет.

Я осторожно оглядывался. Здесь стояли шкафы с плотно закрытыми створками. Витрины. Деревянные ящики. Полки. Манекены, облачённые в расшитые золотом и основательно запylённые одежды прошлых столетий.

— Идите сюда, — позвал меня Ричард, и я пошёл за ним, почти не в силах дышать.

Мы были на складе Вестминстера, в его запасниках, хранящих подлинную историю, ещё ни разу не выставленную перед любопытными взглядами туристов. Нетронутую.

Ричард остановился перед стеклянной витриной, больше похожей на прозрачный гроб. Внутри него что-то было. Я приблизился, а Ричард без трепета снял пыльную непрозрачную крышку. Я пошатнулся.

В ящике лежал маленький восковой мальчик в изящном камзоле. Его лицо потрескалось от времени, галстук на шее начал гнить, распространяя запах, почти похожий на трупный. Но сам мальчик был прекрасен — неживой, смотрящий мёртвыми нарисованными глазами прямо перед собой. На меня.

— Роберт Шеффилд, — светским тоном сообщил Ричард, словно знакомил нас, — скончался в тысяча семьсот четырнадцатом году. Какие кудри... — и на моих глазах Ричард погладил мальчика по голове, но очень осторожно, не принося его волос. — Коснитесь,

доктор. Это не пакля.

Я и сам видел, что волосы принадлежали когда-то живому человеку.

— Знаете, как делали эту игрушку? Сначала сняли гипсовую маску с умершего Роберта. Этим занялись сразу, пока мышцы не одеревенели. Потом подготовили отливку из воска. Купили волосы у какой-нибудь нищей. Нарисовали ему губы... Жаль, почти стёрлись, — палец Ричарда коснулся губ куклы, которые действительно когда-то были нежно-розовыми, но облупились. — Одели в одежду мальчика, ту самую, которую он носил, может, за день до смерти. И эту куклу понесли возле гроба. А потом оставили возле могилы... дежурить. Впрочем, вы это и сами знаете, — и Ричард посмотрел на меня, заставляя оторваться от созерцания восковой фигуры и встретиться с ним взглядом.

Я знал. Конечно.

— Вы целуете их, правда, доктор? — спросил Ричард тоном, который явно говорил, что никаких сомнений он не испытывает. — Называете это безумием. Даёте клятвы закончить. Разбить. Но снова заходите в комнату с гипсовыми масками и целуете мёртвые губы, — он чуть опустил веки, словно бы из милосердия давая мне несколько мгновений наедине со жгучим стыдом.

Я помню, тогда почти в отчаянии подумал, что это никто иной как дьявол в облики ирландского мальчишки.

Ричард открыл глаза, наклонился и сам легко поцеловал мальчика. Выпрямился. Коснулся своих губ и заметил:

— Скучно. Фантазировать мне нравилось больше. Теперь вы, доктор. Вперёд, он заждался.

Я отшатнулся, чувствуя, что лицо начинает гореть. Ричард вскинул голову и громко расхохотался, обернулся — и рывком открыл дверь ещё одного шкафа. Оттуда на меня взглянул грузный мужчина в королевской мантии. Новая дверь — женщина в платье, отороченном мехом. Мальчик едва ли трёх лет отроду. И другие: мужчины, женщины в самых разных нарядах теперь смотрели на меня из шкафов и витрин. Восковые, неподвижные, мёртвые. Мне хватало образования, чтобы назвать их всех поимённо, но не доставало воздуха, чтобы издать хотя бы звук. Я не мог дышать. Они обступали меня, а хохот Ричарда вбивался в мозг.

Всё кончилось.

Ричард замолчал, и ужас отступил. Воротник моей рубашки промок насквозь, по спине лился пот. Я тяжело дышал и тут ощутил прохладные пальцы на висках. Ричард был ниже меня на добрых семь дюймов, но я чувствовал себя совершенно послушным в его руках. Он повернул мою голову, чуть наклонил вниз и поцеловал меня — почти так же бесстрастно, как минуту-две назад целовал куклу. Я не двигался, не имея сил ни ответить, ни отстраниться с возмущением, да и толком не понимая, чего мне хочется больше.

Он целовал меня без языка, только губами, и они оставались совершенно холодными. Меня (я это осознавал как будто со стороны) била дрожь. Разорвав поцелуй, Ричард вытер губы тыльной стороной ладони, словно испытав запоздалый прилив брезгливости, и сказал:

— Передайте это им, если пожелаете, мой дорогой доктор. Не буду нарушать ваше уединение. У вас есть час, потом уходите. Будет неловко, если вас здесь застанут.

И он действительно покинул трифорий. Стоило ему выйти, как я опустился на грязный пол, забыв и думать о своём фраке.

По прошествии стольких лет мне трудно вспомнить, какие мысли и образы роились

тогда в моём воспалённом сознании. Кажется, я пытался понять, кто он вообще такой и как узнал мой постыдный секрет. Помню ещё, я испытывал замешательство, осознавая, что меня поцеловал мужчина (но не такое сильное, как следовало бы). Сейчас мне это понять проще. Ричард едва ли был и до сих пор остаётся мужчиной. Или женщиной. Точно так же, как ему нельзя в полной мере приписать ни одну сексуальную ориентацию, ни один фетиш. В минуты восторга мне хочется сказать, что он поднимается над всеми этими понятиями. А в минуты отчаяния — что он не дошёл до них и не дойдёт никогда.

Вечером я слушал рассказ Ричарда о скачках. И клянусь, я верил ему. Он говорил так искренне, описывал такие детали, словно действительно побывал в Аскоте. Потом, прервав самого себя, он смущённо улыбнулся, взял руку Линды и прижался губами к её запястью. Мне стало душно от этой картины, я сказался нездоровым и ушёл, но тишина собственного дома не принесла мне покоя. В моей крови уже была отравка, сладкий яд распространялся по всему телу. Помнится, не сумев уснуть, я в отчаянии пришёл к своему тайному алтарю, но даже возле него не смог восстановить душевное равновесие. Господь милосердный, тогда я ещё думал, что это возможно.

Не знаю, была ли это прихоть Линды или высказанное ненавязчиво и почти незаметно желание Ричарда, но не проходило и недели, чтобы я не встретился с ними. Мы ходили на выставки и в музеи, и Линда читала нам с Ричардом лекции то о фламандских живописцах, то о происхождении и развитии сюрреализма, то о концепции ризомы Делёза. Она при этом выглядела удивительно красивой, светилась, фонтанировала идеями. Ричард смотрел на неё нежным, влюблённым взглядом, мало говорил, всегда оставался учтив. Со мной он избегал встречаться взглядом, и видя его — такого кроткого, мягкого, — я начинал думать, что трифорий Вестминстерского аббатства, восковые куклы и поцелуи привиделись мне в ночном кошмаре.

А потом я снова остался с Ричардом наедине. По просьбе Линды мы с ним вдвоём должны были заехать в салон и забрать скульптуру — подарок на день рождения хорошего приятеля Линды и моего достаточно дальнего знакомого, который выслал приглашения нам всем троим.

Линда, конечно, не желала лишний час трястись в пробке, будучи в платье и с укладкой, поэтому мы условились, что она поедет прямо в загородный клуб на такси, а мы с Ричардом захватим подарок и присоединимся позднее.

Он появился у меня на пороге, одетый на этот раз в серый костюм, как полагается. Из вежливости я открыл ему дверь, он обошёл меня, огляделся, втянул носом воздух и заметил:

— Пахнет пылью. Оттуда, — он безошибочно указал на дверь моей спальни. — Даже так, доктор?

Я, будучи выше его на добрую голову и старше хорошо, если не вдвое, замер как истукан, пока он без малейших церемоний распахивал дверь и проходил в комнату. Я услышал скрежет, на негнущихся ногах последовал за ним — и как раз увидел, что он уже разобрался с замком на второй двери, ведущей туда, куда я не желал бы его пускать ни за что на свете.

— Советую кодовый, — бросил он через плечо, входя в моё святилище порока.

Это была просто комната с гипсовыми масками и одним креслом. Ничего больше. Но я чувствовал, как шею и лицо заливают краска.

Ричард рассматривал маски с вежливым интересом, а я ощущал себя так, словно он раздел меня и нагим выбросил посреди людной улицы.

— Помните его? — спросил Ричард, касаясь пальцем лица в самом центре. — Красавчик. Хотя она тоже неплоха.

Конечно, я помнил. Я знал их всех как лучших друзей. С закрытыми глазами мог бы перечислить, кто на каком месте.

Круто повернувшись ко мне, Ричард спросил:

— А чего мы стоим? Линда заждалась, — и он развязно подмигнул мне.

Едва живой я упал на сидение «Дефендера». Ричард бросил взгляд на часы, сунул в проигрыватель кассету, и мы тронулись под Queen. Я закрыл глаза, понемногу приходя в себя. Никто, ни один человек ещё не видел мою коллекцию. Я был в ужасе от того, что её открыл и изучил Ричард. И в то же время я ощущал где-то очень глубоко в себе странное удовлетворение, как будто я создавал её для того, чтобы он однажды мог её рассмотреть.

Странное дело, за всё время нашего знакомства, за уже почти десять лет, он только дважды упомянул эту комнату. Первый раз — когда захотел уязвить меня, мимоходом и грубо. А во второй...

Второй раз случился не так давно, когда я шгопал ему очередную рану. Он время от времени ловил пули, несмотря на всю свою осторожность. Обрезав нить, я ещё раз обработал шов антисептиком и начал бинтовать плечо, а Ричард заметил устало:

— Мне надоело, док.

Я не рискнул спрашивать, что именно, но соображения у меня имелись. Он подмигнул мне и пообещал проникновенно:

— Не бойся, я всё спланирую так, чтобы лицо осталось неприкосновенным. Будешь целовать маску с моим лицом? Повесишь её в самый центр? Ну, не будь букой, признайся.

— Обязательно, — сказал я, и он мне поверил.

Мы забрали скульптуру — бронзового авангардного монстра, содержащего тонкий намёк на легенду о Нарциссе, — и направились в клуб. Ричард выключил музыку, но разговор не начал. Он вёл очень сосредоточенно, не сводя глаз с дороги, и я позволил себе осторожно изучать его. Здесь, рядом со мной, он не старался играть милого мальчика, как при Линде, и я получил возможность заметить, что у него очень твёрдая линия челюсти. И ещё — тонкие губы, которые, кажется, сами собой кривились в неприятной ухмылке. Он о чём-то напряжённо размышлял, решил я. И вдруг внезапно как будто пришёл к окончательному решению, улыбнулся мне — и вдавил педаль газа в пол.

Нас пустили на территорию клуба, Ричард отдал парковщику ключи, я забрал тяжёлую статую (Ричард и не подумал прикоснуться к ней), и мы пошли к двухэтажному зданию, откуда доносилась громкая клубная музыка. Сквозь высокие зашторенные окна вылетали разноцветные вспышки софитов, которые окрашивали ровный газон то в розовый, то в голубой, то в жёлтый.

Никто нас не встретил. Хостес не поспешили к нам. Холл будто вымер.

Тогда я распахнул высокие двери главного зала и с трудом сдержал вопль ужаса. Статуя чуть не выпала у меня из рук, и я осторожно поставил её на пол, прошептав:

— О, господи!

И спустя годы я могу воскресить в памяти в мельчайших деталях то зрелище, которое открылось мне в праздничном зале. Круглая сцена, над которой висит, мерцающая, огромный светящийся шар. Играет музыка — один дискотечный безликий трек как раз сменяется

другим в тот момент, когда мы оказываемся на пороге зала. Маленькие столики, обтянутые белыми скатертями и уставленные уже немного подъеденными, но всё ещё похожими на произведения искусства блюдами. Высокие бокалы с коктейлями и шампанским. И среди этого праздничного зала — более пятидесяти нарядно одетых мертвецов.

Их как будто подкосило в один момент. Кое-кто, кто покрепче, успевал, видимо, заметить, как падают замертво соседи, подскакивал — и падал сам, опрокидывая стулья и стаскивая скатерти. Девушки в коктейльных платьях — обвисшие на стульях, растянувшиеся на полу, завалившиеся на столы. Мужчины в лучших костюмах — поломанные, безвольные. Многие держались руками за горло.

Я почувствовал, что ладонью зажимаю рот. Врач во мне требовал кинуться вперёд, проверить пульс, попытаться, пусть тщетно, начать спасать несчастных. Но это порыв был слишком слаб, поскольку другая часть меня, значительно более могущественная, не желала двигаться с места. Мои глаза сами обшаривали зал раз за разом, фиксировали позы, выражения лиц.

— Они прекрасны, правда, — очень тихо сказал за моей спиной Ричард. — Такие молодые и такие мёртвые... О, и Линда здесь.

Она лежала возле сцены в своём изумрудном платье, спиной к нам. Я не сразу её заметил, но потом уже не мог отвести от неё взгляда.

Музыка продолжала играть, и я вдруг зацепился за слова, которые пела девушка с нежным, лёгким, совершенно не подходящим ситуации голосом: «Это убийство на танцполе».

Ричард фальшиво подпел ей и вздохнул:

— Должен разочаровать вас, доктор. Они живы. Большинство из них. Угадаете, кто именно? Попробуйте...

Я сморгнул выступившие на глазах слёзы и ответил:

— Я не понимаю....

— Пятьдесят упало, сорок пять поднялось. У вас есть две минуты на разгадку, доктор. Кто уже не встанет? Один — это смерть, два — рождение, три — это ветер, четыре... — его голос стал глуше. Я с трудом обернулся и увидел, что Ричард смотрит куда-то в пустоту. Его лицо приобрело странное отсутствующее выражение, язык как будто с трудом справлялся с тем, чтобы выговаривать слова считалочки, совершенно здесь неуместной. Встряхнув головой, он улыбнулся и повторил резко, зло: — Так кто мёртв, доктор?

Они живы. Почти все. Эта мысль заставила меня очнуться, прийти в себя и наклониться к мужчине-официанту, который лежал ближе всего ко мне. На его шее прощупывался слабый пульс.

— Так вы не успеете, доктор, — протянул Ричард. — Смотрите! Скоро здесь будет полиция, они испортят всё веселье.

— Кто вызвал полицию?

— Я. Минуту назад. Время идёт, доктор. Смотрите на лица.

И я посмотрел. В мерцании света не так-то просто было разглядывать выражения лиц, изучать черты, но я это делал, потому что Ричард приказал мне. Первого мертвеца я увидел у окна. Такой же неподвижный, как остальные, он неуловимо отличался от них. Я видел слишком много мёртвых, чтобы ошибиться. Вторым трупом была женщина в серебряном платье. Она так сильно завалилась назад на стуле, что тёмные завитые и залаченные волосы спускались почти до пола. Очень красивая.

Ричард вырубил музыку, подошёл к Линде и вдруг разрыдался — громко, натурально и пронзительно. А спустя мгновение в зале появилась полиция.

Да, конечно, не стоит и уточнять, что это преступление так и не было раскрыто, хотя именинник, не удовлетворившись тем, что сделал Скотланд-Ярд, нанял троих частных детективов. Ричард не отходил от Линды целую неделю, пока она полностью не оправилась от отравления газом.

А я окончательно потерял сон. И если мне удавалось на время забыть о зале, полном мертвецов, то я тут же начинал думать о том, что ни слова не сказал полиции про Ричарда и его осведомлённость о числе трупов. Ричард меня как-то за это похвалил — в своей особой манере, уронив ласковое: «Умница, Фредди».

Он держал меня при себе как собаку, при этом очень редко достаивая вниманием. Я сидел в гостиной у Линды, пил алкоголь, поддерживал разговоры о музыке или книгах. Составлял Линде партию в шахматы. Временами давал себе слово, что прекращу эти посещения, но Ричард стал моим вторым постыдным секретом. И с ним я тоже не мог покончить.

— Уж не влюбился ли ты в моего мальчика, Фред? — как-то спросила меня Линда. Ричарда тогда с нами не было, он объявил, что хочет подышать воздухом, и ушёл. — Просто взгляда от него не отводишь.

Она засмеялась, но мне показалось, что в её глазах вспыхнул огонёк непритворной ревности.

— Линда, — я улыбнулся ей со всей искренностью, — твой Ричард в полной безопасности. Даже если бы меня вдруг заинтересовали мужчины, ты же знаешь, я никогда не сделал бы тебе больно. Разве что ты начнёшь встречаться с какой-нибудь совершенно ослепительной брюнеткой, от которой я потеряю голову.

— Подумаю над этим, только чтобы увидеть тебя влюблённым, — пообещала она и добавила задумчиво: — Наши отношения с Ричем... знаешь, иногда меня пугают.

Я напрягся и спросил осторожно:

— Что-то не так?

Я почти желал, чтобы она тоже разглядела в Ричарде эту дьявольщину.

— Наоборот, — она медленно накрутила на палец рыжий локон, — всё слишком хорошо. Мне не бывает с ним скучно. И он заботится обо мне. Фред, я встречалась с разными мужчинами, в том числе и старше, но никто не был ко мне так внимателен как Рич. Я решила... — она перевела взгляд немного мне за плечо, — после Рождества предложу ему жить вместе. И может, тогда он мне уже наконец-то надоест, — и она снова рассмеялась.

Снежный декабрь, как мне казалось, был создан для того, чтобы очистить мой разум и исцелить душу. Тогда я завёл привычку помногу гулять, промачивая раз за разом ноги в тонких замшевых туфлях. В один из вечеров я возвращался с такой прогулки, мокрый, замёрзший, но, как мне казалось в тот момент, оздоровлённый.

Человеческую фигуру на ступенях своего дома я увидел, только когда подошёл совсем близко. Сначала я подумал, что это какой-нибудь нищий перед праздником потерял страх и забрёл в наш квартал, и даже опустил руку в карман в поисках мелочи. Закончить этот день

небольшим пожертвованием виделось мне хорошей идеей. Но потом я приблизился ещё на несколько шагов и в свете фонаря увидел, что это не нищий, а Ричард.

Он был совсем легко одет: поверх футболки и джинсов — только тонкая кожаная куртка. Голова его безвольно опускалась на грудь. Кожа была бледной.

— Ричард... — позвал я его осторожно. Он не ответил, и тогда я опустился рядом с ним и коснулся его лба. Он горел. — Ричард, ты меня слышишь?

Очень медленно, будто преодолевая огромное сопротивление, Ричард поднял голову, посмотрел на меня мутным, пустым взглядом, растянул белые губы в улыбке и пробормотал:

— Скучали, доктор?

— Пойдёмте в дом... — предложил я, но не решился взять его за руку. Он продолжал смотреть на меня, беззвучно шевеля губами. Наконец, выговорил с сильным ирландским акцентом, которого я ещё никогда у него не слышал: — Рыжему мальчику перерезали горло... Выпили кровь, — моргнув, он будто бы слегка пришёл в себя и велел: — Помогите встать!

Я завёл его в дом, почти неся на себе. Уложил на диван в гостиной и отступил. Он не был пьян. Я подумал тогда (и мне стыдно за эту мысль до сих пор), что причиной всему наркотики. Страшно разозлился. Говорил какие-то глупости, что он погубит себя, что он глупый безответственный мальчишка. Спрашивал, что он принял.

Ричард если и слышал меня (а он слышал и потом не раз припоминал всё, что я ему наговорил), то никак этого не показывал. Просто лежал и смотрел в потолок, продолжая бормотать что-то про себя.

— Рыжий мальчик годится на джем, — сообщил он всё с тем же акцентом: — Я вас вижу, док. Что, похож я на ваших любимых мертвецов? Нет... Я много говорю. Но вы представьте, что я молчу. У вас получится.

Я снял с него куртку и ботинки и укрыл пледом. Сходил за медицинским чемоданчиком. Снял основные показатели: высокая температура и низкое давление.

Со временем я предпринял множество попыток облегчить ему эти припадки, которые сначала случались пару раз в год, а потом стали учащаться, но ни тогда, в первый приступ, ни позднее я не достиг особых результатов. Единственный раз, когда он позволил сделать ему перед началом приступа укол нейролептика, обернулся кошмаром. Наутро он сказал, что побывал этой ночью в аду — и больше не достаивал меня таким доверием. Моё место возле его постели сменил тот из его любовников, которого я ненавидел больше всех остальных — покалеченный снайпер по имени Марк. Не раз и не два я приводил Ричарда в порядок после их встреч и однажды не выдержал и спросил:

— Почему именно он?

Ричард смерил меня задумчивым взглядом и уточнил лениво:

— А что, предлагаешь себя, Фредди?

Я отвёл глаза и ничего не ответил, но подумал, что конечно же нет. Позднее этот вопрос слышался мне во сне или подкрадывался в минуты усталости, и я то хвалил себя за уместное молчание, то проклинал за трусость. Возможно, ответ я ему тогда, я узнал бы что-то новое. Стал бы ему ближе — но вместо этого оставался только наблюдателем, жил и продолжаю жить до сих пор со смутным сожалением об упущенном.

Зато мне довелось наблюдать многое.

В какой-то год он завёл восхитительную привычку приходить ко мне, садиться на подоконник в гостиной и думать вслух. Порой он упоминал страшные вещи: теракты,

взрывы, ограбления на много миллионов, рассказывал о красоте убийства, а иногда тратил два или три часа, обсуждая сам с собой перевозку сельскохозяйственной техники из Египта в Британию. Мне при этом говорить не дозволялось, но я и не стремился. После нескольких месяцев таких ежедневных визитов он пропал на время, а когда появился снова, то более уже рядом со мной ни о чём не размышлял, и только по новостям в газетах и по телевизору я мог угадывать, к какому громкому преступлению он приложил руку.

В реальности, которая почти померкла под гнётом воспоминаний, я услышал за стеной слабый стон. Кинулся к двери, но не открыл её, остановился и прислушался.

— Я здесь, — послышался спокойный голос Себастиана, — Это я, Себастиан.

— Басти... — слабо и хрипло ответил ему Джим, — хорошо. Нет.

— Что нет?

— Не надо доктора. Ты знаешь...

Я прижался лбом к двери, прикрыл глаза.

— Сказку? — спросил Себастиан с какой-то доброй насмешкой.

— Про Гру...

— Я расскажу, Джим. Расскажу вам сказку про Груффало. Только лежите спокойно, ладно? Вам надо отдыхать. Тш-ш. «Гулял мышонок по лесу...».

Я отошёл от двери и почти без сил упал в кресло. Конечно, меня позовут, когда речь зайдёт о медицинской помощи, но никогда в жизни Ричард не просил меня рассказать ему сказку. Я сглотнул, чувствуя солёность на языке.

То, что я испытывал, можно было бы назвать ревностью, но это слово слишком примитивно и затаскано — так же, как и любовь, — а потому мне не понравилось. Я предпочитал оставить его без названия, ощущая однако каждой клеткой тела, растворяясь в нём как в кислоте.

Линда так и не получила возможности сделать Ричарду сомнительное предложение о совместной жизни. Они действительно вместе отпраздновали то Рождество — только вдвоём, и похоже, это был очень семейный и уютный праздник. А потом Ричард исчез из её жизни навсегда, так же, как и я. Он так захотел. И хотя мне до сих пор временами недостаёт Линды, я иногда вижу её в светской хронике — уверенную, красивую, под руку с очередным мальчиком уже не на пятнадцать, а на все двадцать лет моложе неё, — и радуюсь. Она счастливо избежала отравляющего влияния Ричарда, сохранила здравый рассудок. Боже, благослови её. Она была, насколько я знаю, единственной женщиной в жизни Ричарда. Если бы я захотел, то мог бы написать, пожалуй, целую монографию о том, как в нём проявляется эдипов комплекс, но суть всё равно сводилась бы к простой мысли: ему не нравилось играть с женщинами. Он мог с ними спать, вести дела, убивать их, но для игр жалел. Линда, я хочу верить, была для него кем-то особенным, но, к счастью, никогда об этом не узнала.

Шли часы. Я сидел в кресле и ждал хоть какого-то знака, но меня не звали. Там, за этой дверью, где лежал почти уничтоженный во имя очередной безумной затеи Ричард, я был не нужен. Да и был ли я нужен Ричарду хоть когда-нибудь? Боюсь, этот вопрос так и останется

без ответа. Будь я чуть наивнее, я мог бы утешать себя мыслью о том, что только со мной он позволяет себе снимать маску, но это не так. Он всего лишь меняет её на другую. И иногда я сомневаюсь, что под его масками вообще есть лицо. Впрочем, я узнаю это наверняка, когда сниму с него последнюю маску — посмертную.

Примечания:

Сохранились рецензии на эту постановку «Пиковой дамы» в летнем сезоне 2000 года. Отмечается, что спектакль излишне надуманный, авангардный и лишён глубины восприятия.

Восковые фигуры знатных и знаменитых особ, похороненных в Вестминстерском аббатстве, действительно существуют. На протяжении нескольких веков была традиция нести такие фигуры за гробом умерших королевских особ или известных деятелей. В начале XIX века она сошла на нет. Несколько лет назад фигуры отреставрировали, теперь посетители могут увидеть их на выставке. Однако в начале 2000-х эти фигуры хранились в верхней галерее аббатства далеко не в лучших условиях.

Ричард цитирует английские национальные считалочки и вспоминает в бреду детскую загадку: «Купили на базаре рыжего мальчика, перерезали ему горло, выпили кровь, а из кожи сварили джем». Конечно, речь про апельсин.

Это была безумная ночь.

Временное улучшение, наступившее в состоянии Джима, продержалось два часа — за это время Себ пересказал ему весь свой репертуар из братьев Гримм и Шарля Перро. Но потом Джим принялся метаться, стонать, начался бред, и на этот раз Себ не мог пробиться сквозь него, заставить Джима услышать себя.

Себ вызвал дока — но тот только встал у постели и принялся кусать губы.

— Сделайте что-нибудь! — прорычал Себ в конце концов. — Вы же врач!

— Я не могу... — пробормотал Дарелл. — Себ, просто не могу. Ему нужно успокоительное...

Отлично.

— Что мешает? — спросил Себ. — Что он дёргается? Так я подержу.

Он пытался этого не показывать, но ему было страшно. Он ни разу не видел Джима в таком состоянии, и даже для него это точно не было нормой.

— Я уже пробовал, — наконец соизволил ответить доктор. — В один из приступов уговорил его. Больше не повторю. Он тогда... — Дарелл сцепил пальцы перед грудью, — как я понимаю, он заснул, как и полагалось, но это был очень страшный сон. Подозреваю, в его случае лучше проговаривать кошмары вслух, а не переживать молча.

Себ сел обратно на стул, упёр локти в колени, положил подбородок на кулаки и прикрыл глаза. Ладно. Доктору виднее.

Джим говорил на ирландском, так что понять, что именно он сейчас видит, Себ не мог. Просто слушал, отмечая, как речь то замедляется, то убыстряется. Открывал глаза, когда Джим вдруг замолкал — и закрывал снова.

Доктор уходил и приходил. Стоял возле кровати, подходил к окну. Раздражал. Зато он оказался очень кстати, когда у Джима поднялась температура — укол жаропонижающего решил эту проблему.

К половине восьмого утра Джим уснул. Это не было похоже на тихий и здоровый сон после приступов, ему, похоже, продолжало сниться что-то очень плохое. Но он хотя бы стал реагировать на голос — и задышал ровнее и глубже, когда Себ пошёл рассказывать всё те же сказки по второму кругу.

Себу и самому немного хотелось спать, но он отлично подавлял это желание. Легко было представить, что это задание. Спать нельзя. Всё остальное — тоже нельзя. Хотя, конечно, никому не помешало бы, если бы он почесал нос или встал бы размяться, он этого не делал: тело привыкло бодрствовать в ситуациях, когда нужно сохранять одно положение. А если можно встать и пройтись — это значит, опасности нет, и тогда точно станет клонить в сон.

Шторы в комнате оказались недостаточно плотными, и через них начал просачиваться дневной свет.

К девяти часам Джим успокоился окончательно. Себ замолчал.

Доктор не заходил уже часа два, и легко было предположить, что он где-то уснул — может, на том же кресле в коридоре, где ранее ждал Себ.

— Детка, — неожиданно позвал Джим.

— Я здесь.

Джим открыл глаза, моргнул несколько раз, рассматривая потолок, и зашёлся хохотом. Его колотило, подбрасывало на кровати, но он смеялся и не мог остановиться. Себ налил воды из графина, пересел со стула на кровать и осторожно одной рукой надавил Джиму на плечо. Он замер, хотя смех продолжал рваться из грудной клетки.

— Глоток воды, — предложил Себ, помог Джиму сесть и наклонил стакан, чтобы проще было пить. Он слышал, как неприятно стучали зубы о стекло.

Напившись, Джим откинулся на подушки, перевёл взгляд на Себа и сказал зло:

— Вон!

Себ встретился с ним взглядом. Обычно Джим смотрел пристально и как будто даже пронизывающе. Казалось, что он вот-вот пробуравит дырку в черепе и начнёт читать мысли. А сейчас взгляд был пустым — никакого выражения.

— Я неясно выразился, Майлс? — он снова слегка хрипел, как будто сорвал горло.

— Вы не в себе, Джим, — ответил Себ. — Не могу оставить вас одного.

— О, я в полном порядке, дорогой, мне нужно подумать без вашего назойливого участия, — он улыбнулся. — Уйди. И не пускай доктора, иначе я убью вас обоих. Вон! — рявкнул он, и Себ подчинился.

Дарелл и правда спал, но крик Джима, видимо, разбудил его. Он вскочил со стула и попытался пригладить волосы.

Себ закрыл за собой дверь и кратко сообщил, что Джим пришёл в себя и не желает никого видеть.

О том, чтобы пойти спать или уехать домой, речи не шло. Себ провёл ещё три часа под дверью, а потом поменялся с доктором. Тот рассказал, где найти кухню и как включить компьютер, если ему захочется отвлечься.

Соорудив себе сразу шесть бутербродов и заварив очень крепкого чая, Себ и правда устроился в аккуратном, отделанном красным деревом кабинете. Сначала он бездумно листал новостные сайты, а потом его осенила идея. Перейдя на торрент, он поставил скачиваться уже опубликованную какими-то индусами «Стеклянную стену».

Доктор позвонил и сообщил, что после нескольких часов бодрствования и молчания Джим снова уснул.

Себ посидел немного у его постели, попросил у дока одеяло и подушку, бросил на пол и даже подремал.

Джим спал так крепко, словно впал в коматоз — ничего не слышал, не реагировал на звуки и прикосновения. Пульс прощупывался, но был медленным.

К вечеру, опять сдав вахту Дареллу, Себ вернулся за компьютер и включил «Стену».

Ещё до титров заиграла знакомая мелодия. Себ узнал «Тихую ночь», но дёрнулся, когда грудной женский голос запел на ирландском. И даже поганое качество звука не мешало.

Женщина пела, а рыжий невысокий мужчина с встрёпанными волосами, но в дорогом светлом костюме, стоял возле витрины кафе и пристально смотрел через стекло на смеющуюся пару с ребёнком. Ребёнку, тоже рыжему, было, наверное, около пяти лет. Он ел мороженое из высокого стакана и улыбался. Его родители о чём-то спорили, но без гнева. Отец — широкоплечий и очень простой на вид, потрепал сына по голове. Мать с резкими птичьими чертами лица что-то сказала. Мальчик отодвинул от себя мороженое.

Мужчина за окном облизнул губы и пошёл в сторону, рисуя пальцем на стекле длинную

узкую влажную полоску. Стекло всё не заканчивалось, и когда мужчина остановился, он уже смотрел в другое окно. На этот раз там было не кафе, а квартира, небольшая и очевидно бедная. Тот же мальчик, что и в кафе, пригнулся, когда отец занёс руку для удара. Они вскрикнули вместе: мальчик и мужчина за стеклом. Вскинув голову, мальчик прошипел сквозь зубы, потирая щёку:

— Мама не позволила бы тебе.

Ноздри мужчины за стеклом раздулись от гнева, он оскалил зубы, а отец снова ударил ребёнка, разражаясь потоком брани, в которой английские слова мешались с ирландскими.

Себ сложил руки на груди и плотно сжал губы, не отводя взгляд от экрана. Он вообще обычно очень равнодушно относился к кино, оно не трогало его. Но этот фильм не был обычным кино. Ему очень не нравилось то, что он видел.

За новым, на этот раз витражным, но всё равно дающим нормальный обзор стеклом рыжий мужчина смотрел на то, как в небольшой комнате всё тот же мальчик, но уже старше, лет десяти, помогает грузному священнику снимать облачение. Священник шумно выдохнул, сел в низкое кресло и вытянул ноги, чтобы мальчик разул его, сказав:

— Ты дурной ребёнок, Рич, дурной, испорченный. Если ты преставишься, как маленькая Джейн на той неделе, то отправишься напрямиком в ад.

Мужчина прижался лбом к стеклу. Его глаза широко распахнулись, рот приоткрылся. Священник продолжил:

— Но я верю, Рич, бессмертную душу можно спасти, твою душу ещё можно спасти. Я способен сделать это, поскольку Господь даровал мне силы. Сними свою одежду, мальчик, и позволь святому духу...

Его голос словно бы потускнел, а в кадре снова появилось лицо мужчины за стеклом. И теперь он уже не наблюдал безучастно, он беззвучно орал от боли или страха, молотил кулаками, брызгал слюной. Во внезапно наступившей тишине послышался голос мальчика, холодный и очень твёрдый:

— Однажды я сожгу вас. Клянусь.

Мужчина бессильно сполз по стеклу и сжался в комок. Истерика измотала его.

За следующим стеклом был магазин «Всё для охоты и рыбалки» или вроде того, во всяком случае, экипировка и инструменты указывали на это. Себ засмотрелся на неплохое итальянское охотничье ружьё над прилавком — ствол притягивал взгляд. Во всяком случае, он позволял ему держать в расфокусе подростка, который подходил сзади к худощавому продавцу или владельцу магазина, обнимал его сзади и весьма недвусмысленно клал ему руку на брючный ремень. И мужчину за стеклом тоже можно было почти не видеть, не замечать его искривлённое лицо.

— Ричи, аккуратнее, сюда могут войти!

Подросток расхохотался визгливым и до боли знакомым смехом:

— Пусть лучше знают, что я с тобой трахаюсь, чем считают нас родственниками, — заявил он, отходя в сторону, снимая со стены рыболовный сачок и делая им неуклюжий взмах, — меня тошнит от мысли, что у нас могут быть общие гены.

— Ричард!

— Хочу на пикник завтра, — заявил подросток, — и ты возьмёшь гитару!

— У меня работа, Ричи...

— Я хочу, — отрезал подросток, и владелец магазина мелко закивал, обещая, что всё устроит.

Себ откинулся на спинку кожаного кресла Дарелла. Ему очень хотелось разбить монитор, а вместе с ним — фильм.

Мужчину за стеклом тошнило, причём натуралистично, без киношных приёмов.

Владелец магазина умирал от яда долго и некрасиво. Юноша наблюдал за этим безучастно, а мужчина за стеклом то блевал, то рыдал, размазывая по красному лицу сопли и слёзы.

Когда тот же юноша бился в приступе бреда на узкой кровати, мужчина беззвучно что-то напевал, поглаживая стекло. Казалось, он хотел бы обнять юношу, успокоить, но их разделяло стекло, настолько толстое, что сквозь него не пробивались даже звуки.

С красивой темноволосой женщиной в платье и короткой меховой шубке, наброшенной на голые плечи, по картинной галерее ходил молодой человек — повзрослевший Ричард. То и дело женщина брала молодого человека под локоть, смеялась и что-то шептала ему на ухо. Он улыбался в ответ.

Знакомый мужчина наблюдал за ними сквозь огромное высокое окно, на губах его играла мягкая улыбка, а в глазах очень отчётливо читалась грусть, он готов был вот-вот расплакаться. Молодой человек бросил взгляд на стекло, поймал взгляд мужчины, подмигнул ему и чуть крепче прижал женщину к себе. Себ следил за тем, как они вышли из музея, как поехали домой на такси, не переставая целоваться на заднем сидении. А вечером, когда женщина уснула после вина и секса, Ричард вышел из дома, набрал чей-то номер и сказал прохладным тоном:

— Через двадцать минут на обычном месте. И тебе лучше не опаздывать, дорогой.

С рыжим мужчиной их теперь разделяла густая пелена дождя. Они промокли оба, пока шли по тёмным улицам Лондона. Когда Ричард открыл дверь таунхауса своим ключом, наблюдатель остался снаружи, мокрый и глубоко несчастный. Он приник к окну гостиной. Едва войдя в комнату, Ричард включил свет и принялся снимать одежду. Потряс головой, оставляя капли воды на светлом ковре и на простой икеевской мебели. Полностью раздевшись, он упал на серый диван, закинул ноги на подлокотник, но долго ждать ему не пришлось. Худой незнакомец в чёрном пальто вошёл в гостиную почти сразу.

— Ты опоздал.

— На минуту. И я был занят, — бросил незнакомец, снимая пальто и вешая его на уголок пластикового электрокамина, — я тебе не собачка, прибегать по первому требованию.

— Ты хуже собаки, — фыркнул Ричард, — и хватит болтать, ты утомляешь меня. Разговоров, знаешь ли, и так хватает.

Мужчина за окном обхватил себя руками. Он не мог защитить Ричарда, но пытался утешить хотя бы себя. Выходило у него скверно. Во всяком случае, он вскрикнул, когда Ричард получил первый жёсткий удар под дых и закашлялся.

У Себа слезились глаза. Он понимал, что должен держать их открытыми, чтобы продолжать смотреть. Но также он заплатил бы очень дорого за возможность зажмуриться. Хотелось остановить фильм. Но его необходимо было досмотреть до конца.

Незнакомец избивал Ричарда, причём (Себ не мог не отметить) делал это профессионально, чтобы не оставить лишних следов и не повредить внутренние органы, но со злостью. Ричард смеялся. А мужчина за стеклом шевелил губами, и легко было прочесть: «не надо, пожалуйста».

Криминальные разборки и экшн, пусть и показанные очень неплохо, не задержались в

памяти Себа. Они просто были, и всё. Ричард отдавал приказы таким знакомым насмешливым тоном, срывался на крик, когда его расстраивали, отступал, извиняясь, ласково улыбался. Он был тем ещё сукиным сыном.

С Джонатаном они познакомились в кафе. Чуть опустив веки, Себ продолжал следить за экраном как за позицией, которую держит второй номер. Такой расслабленный взгляд: вроде бы всё видишь, но при этом понимаешь, что дали передышку, что напряжён и сосредоточен кто-то другой.

Ричард уже не был юношей — он превратился в двойника того мужчины, который всё время оставался за стеклом. Смотреть стало неинтересно, напряжение понемногу отпускало. Все эти разговоры Ричарда и Джонатана... Себ едва ли в них верил. В самом конце Джонатан взял молоток, расколотил стекло в их с Ричардом квартире, протянул наблюдателю руку и сжал его пальцы.

По экрану поползли титры. Себ щёлкнул мышкой, закрывая окно проигрывателя, и пробормотал вслух:

— Блядь.

Других слов и реакций у него не было — тупо не осталось. Он видел в жизни очень много всяческого дерьма, но этот фильм обгонял на десяток шагов любой его личный кошмар. Он окинул кабинет доктора затравленным взглядом, отчаянно надеясь, что на глаза попадётся бутылка или что угодно, хоть сраный хрустальный графин.

Впрочем, даже будь тут целый бар, Себ понимал, что не притронулся бы к алкоголю. Ему очень сильно хотелось надраться и забыть об увиденном. Вот только как бы плохо ему не было, в гостевой спальне лежал человек, которого этот фильм раздолбал на мелкие кусочки.

Удалив файл и раздачу, Себ чуть ли не строевым шагом отправился к Джиму. Ему было плевать, насколько громко тот станет орать на него. Просто он не готов был оставить Джима один на один со «Стеклянной стеной».

Дарелл сидел за дверью, но Себ проигнорировал его предупреждающий взгляд и вошёл в спальню. Он обнаружил Джима стоящим у окна и медленно водящим пальцем по стеклу. После фильма от этой картины становилось тошно.

— Я устал, детка, — прошептал Джим, не оборачиваясь и не прерывая своего занятия, — так устал. В тишине колыбельная. *Codail, a linbh, go sámh...* Мирно спи, дитя. Скажи, любовь моя, если ты лежишь в колыбели, скажи, любовь моя, почему тогда ты распростёрся на соломе?

— Это текст колыбельной? — спросил Себ.

— Старая ирландская песня, — отозвался Джим. — Даже не знаю, есть ли у неё нормальный перевод. Я не слышал. И не помню мелодии. Но она всё равно звучит.

Он закрыл глаза и запрокинул голову назад. На тощей шее задёргался кадык.

Себ не знал, что ответить, вообще, что говорить. Он хотел убить Александра Кларка. И ради него, пожалуй, даже взял бы пистолет. Это был тот случай, когда он не отказался бы от близости с жертвой. Посмотреть в глаза, спросить: «Что ж ты сделал, падла», — а потом всадить в череп всю обойму, чтобы наверняка.

Джим снова выпрямился, провёл по стеклу и спросил:

— Детка, если я прикажу убить меня, ты это сделаешь?

— Нет, — ровно ответил Себ.

— Почему?

— За суицидом не ко мне.

Ему не по себе стало от мысли о том, что Джим и правда может приказать ему это сделать.

— А если это не суицид?

— А что?

— Скажем, эвтаназия.

— Простите, но вы пока мало похожи на смертельно больного.

— Я плачу тебе не для того, чтобы ты думал, Майлс! — едко сказал Джим. — Кроме того, мы оба знаем, что это не твоя сильная черта. Если я прикажу...

— Я не стану убивать вас, Джим, — тихо отозвался Себ. Ни тон, ни обращение по фамилии его не смугили. Учитывая кино, он готов был спустить Джиму любую выходку.

— Ты убьёшь, — прошептал Джим зло, — захочешь убить. Иди ко мне, Себастиан. Не бойся, стекло тонированное. Нас никто не видит.

Себ и не боялся. Он подошёл к окну и остановился рядом с Джимом. Тот раздул ноздри, оскалился и спросил:

— Тебя никогда не удивляло, что Дэвид Блинч, аристократ-белоручка, стал заказчиком теракта? Нет, никогда. Как я и говорил, думать — не твоя сильная сторона, мой исполнительный тупой Святой Себастиан.

Себ молчал, ощущая только, что под футболкой выступает пот.

— Нет, — повторил Джим. — Дэвид Блинч и близко не подошёл бы к такой грязной теме. Что ты. Он был больше по политическим скандалам. Шепнуть кому надо пару слов, стянуть черновик со стола, передать письмо секретарю заместителя министра, да, это всё в компетенции Дэйви. Но теракт? Общение с подрывниками? Такая сложная организация?

Нет, детка. Дэвид Блинч не имел никакого отношения к смерти твоей дорогой Эмили. Я был заказчиком теракта. Если честно, я не знал, что твоя жена будет на борту, просто не удосужился проверить. Если бы проверил... — он хохотнул, — не знаю, отменил бы им билеты. Или нет. Я человек настроения. Ну что, детка, — он повернулся к Себу и посмотрел на него с отчаянием, — теперь ты готов меня убить?

Себ прислонился лбом к стеклу.

Ему казалось, будто он завершил двухдневный марш-бросок, причём в полном снаряжении. Тело болело, мутные мысли плавали в голове. Пришло осознание, что он толком не спал последние сутки, да и не ел ничего, не считая тех бутербродов. Помимо физической усталости ощущалась другая. У него устало что-то внутри: мозги, сознание.

— Я не буду убивать вас, Джим, — ответил он тихо, — уже нет.

— Детка, — позвал Джим. Себ повернул к нему голову, и вдруг Джим болезненно ухватился за его шею, потянул на себя и поцеловал в губы. И пока Себ пытался сформулировать хотя бы одно цензурное: «Какого хера?», — поцелуй стал резче и глубже, язык Джима коснулся его языка.

— Какого хера! — рявкнул Себ, выходя из захвата и останавливаясь в полушаге от удара.

Джим визгливо захохотал, а Себ вытер губы ладонью, скривился и сказал раздражённо:

— Это было омерзительно.

Джим продолжал покатываться со схему, даже в подоконник вцепился, а Себ, махнув рукой, упал на стул. Добавил:

— И не смешно. Меня блевать тянет.

— Честное слово, давно хотел это сделать, чтобы посмотреть на выражение твоего лица, — заявил Джим. Себ выдохнул и сказал:

— Лучше заткнись.

— Да брось, — Джим растянулся на кровати, — сколько шума из-за поцелуя.

Вообще-то шума было очень мало, учитывая, что Себ действительно хотел поставить Джиму второй фингал, симметричный первому.

— Ещё раз так сделаешь, и я тебя не убью, но сильно покалечу, — сказал он.

Джим опять засмеялся:

— Неужели я в некотором роде первый? Сразу видно, что ты не получил достойного образования. В любой приличной школе мальчики развлекаются так до самого выпуска. О, я могу спорить, — он прикрыл глаза и произнёс совсем другим тоном, в котором не было и намёка на весёлость: — Александр пользовался популярностью.

Себ ещё раз вытер рот. Очень сильно хотелось почистить зубы, но он решил, что перебьётся пока. Вот они и дошли в этом сомнительном разговоре до ключевой темы. Только как поднять её, Себ не знал. Он понимал: никогда в жизни он не сможет сказать Джиму, что посмотрел «Стеклянную стену». И Джим никогда не будет готов это услышать.

Себ не сомневался, что пожалеет об этом. Собственно, он начал жалеть в ту же минуту, как предложил, — и был уверен, что ещё не раз проклянет себя за дурацкую идею. Джим хотел избавиться от гостеприимства доктора Дарелла как можно скорее, и Себ пригласил его к себе на несколько дней.

Джим, подняв одну бровь, спросил:

— Зачем мне это?

Себ пожал плечами и сказал:

— Думаю, вам не стоит оставаться одному сейчас.

— Никто не разрешал тебе иметь собственного мнения, Майлс, — огрызнулся Джим, а потом махнул рукой с таким видом, словно ему было плевать.

Джим послушно занял комнату Сьюзен, ни слова не сказав про интерьер. Собственно, он рухнул на кровать, едва вошёл, закрыл глаза и сделал знак, что Себ может убираться.

Себу было, чем заняться: переодеться, принять душ, приготовить еду, стараясь не захлебнуться слюной. Джим вёл себя тихо, и Себ решил, что может немного поспать.

Он проснулся среди ночи не от звука, а от ощущения взгляда. Джим стоял возле его постели и пристально изучал его.

— И вам доброе утро, — пробормотал Себ. Джим спросил:

— Ты вообще никогда не спишь крепко?

— Вы как-то зашли сюда, и я не проснулся.

— О, — Джим улыбнулся, — я был осторожен. У меня есть кое-что для тебя, детка. Потом могу забыть... К будущему дню рождения.

Сунув руку в карман пиджака, он достал оттуда квадратную достаточно массивную коробку, поставил её на тумбочку и вышел, не сказав больше ни слова.

Отлично.

Себ откинулся обратно на подушку, взял коробку, открыл и достал оттуда крупные квадратные часы на толстом кожаном ремне. Вместо циферблата у них был череп, слегка светящийся зелёным в темноте. Над ним — марка, Bell & Ross. Себ включил ночник, покрутил часы и увидел на задней крышке гравировку: «Sanctus Sebastianus immortalis». Только загадок от Джима ему не хватало. Себ догадался, что это латынь, и даже перевёл: «Бессмертный Святой Себастиан». Но понятнее не стало.

Выругавшись сквозь зубы, он снял свои старые часы и надел подарок, благо, сел он отлично.

В сон уже не клонило. Себ поднялся с постели, вышел на кухню, заварил чай с двумя пакетиками сразу и впервые за сутки немного отпустил контроль. Тут же всё навалилось разом. Желание выпить сделалось ещё сильнее, чем в кабинете Дарелла, но Себ снова проигнорировал его — есть вещи, которые необходимо осмысливать только на трезвую голову.

Какое же дерьмо.

Упав на стул, Себ отставил кружку и сжал голову руками.

Джим был организатором теракта, в котором погибла Эмили. Но даже когда он попросил, Себ не захотел убить его.

Он отомстил за Эмили. Её смерть, так же, как убийство заказчиков, осталась далеко в прошлом. Он уже ничем не мог ей помочь. Кажется, остатки гнева он растратил на самого Джима, когда узнал, что тот сохранял жизнь Блинчу, чтобы использовать его в своих сомнительных махинациях. После признания Себ должен был бы желать смерти Джима. Но уже не желал.

Он хотел убить Александра Кларка. Теперь — ещё сильнее, чем несколько часов назад. И ему было чертовски страшно. Его мозгов и фантазии не хватало, чтобы представить всю степень влияния «Стеклянной стены» на Джима. Оставалось только надеяться, что человек, который пережил такое огромное количество дерьма в жизни, переживёт сраный фильм.

Себ опасался тяжёлых приступов. Он совершенно не удивился бы им. Но нет, Джим был спокоен. Он почти не выносил мозг, большую часть времени лежал на кровати в комнате Сьюзен и смотрел в потолок. Конечно, комнату он перевернул вверх дном. Не считая кровати, все вещи и мебель сдвинул в один угол, ковёр куда-то дел. Кровать переместил к стене, как можно дальше от окна, На полу теперь валялись, пусть и не в привычном количестве, клочки и мятые комки бумаги. Добавить ещё десятков чашек, пару разобранных стволов — и выйдет копия квартиры Джима в миниатюре. Видимо, так ему было комфортнее, и Себ никак не прокомментировал обстановку.

Джим отобрал у Себа ноутбук и, похоже, много работал. Часто говорил по телефону, но, проходя мимо закрытой двери, Себ ни разу не услышал английский язык: в разное время разбирали французский, ирландский и немецкий.

В общем и целом, Джим был спокойным гостем. Только Сьюзен обиделась — Себ планировал взять её к себе на пару недель, но пришлось эту затею отложить на время.

— Работа? — язвительно спросила она. — Ладно, — и положила трубку.

Себ пообещал мысленно, что, когда состояние Джима немного наладится, он извинится перед ней и свозит её куда-нибудь за границу. Франция ей понравилась.

Прошло десять дней.

Себ вернулся с вечерней пробежки и увидел, что на кухне горит свет.

Джим сидел за столом, крутил в пальцах чёрный маленький крест и насвистывал что-то совершенно немзыкальное. Опустившись на другой стул, Себ присмотрелся. Джим выглядел откровенно херово. Он как будто похудел, но дело было не только в этом. Себу не нравился его взгляд — по-прежнему пустой.

— От тебя воняет, детка, — сказал Джим ровно. Звучало не так, словно он возмущался, а просто как констатация факта.

— Да, знаю, — кивнул Себ, — я бегал. А вы плохо выглядите.

— Я знаю, — ответил Джим и растянул губы в улыбке. — Нет, детка. Я не хочу.

— Я даже не спросил.

— Вопрос написан у тебя на лбу. Ты хотел предложить мне игру. Нет, детка. Я слишком устал. Не правда ли, он гений?

— Александр Кларк?

Джим улыбнулся, что-то блеснуло в его глазах, но быстро потухло.

— Гений нашего времени. Моцарт. «Как некий херувим // Он несколько занёс нам песен райских». Ему пора улетать. Завтра в два часа дня... — Джим замолчал, закрыл глаза, и из-под век у него потекли слёзы. Похоже, он даже не заметил их, потому что, подождав немного, он снова посмотрел на Себа и продолжил: — Завтра в два часа и восемнадцать минут, секунда в секунду, ты сделаешь выстрел, мой дорогой Себастиан. О, ты ведь хочешь убить его, правда? Как трогательно... Два часа восемнадцать минут. Я дам тебе адрес... Окраина Дартфорда. Возьмёшь мою машину. Два часа восемнадцать минут.

— Я всё сделаю, Джим, — пообещал Себ, — и да, хочу.

Джим засмеялся, вытер слёзы и ушёл из кухни тяжёлой шаркающей походкой. Возможно, когда завтра Александр Кларк сляжёт с двумя пулями из винтовки — одна в груди, другая в голове, — Джиму станет легче.

Александр: двадцать восьмая часть

Александр расстегнул ветровку. Ему было душно, а может, от волнения бросало в жар. В первый раз, поднимаясь на чердак, он боялся, но этот страх не шёл ни в какое сравнение с тем, который Александр испытывал сейчас. Он не знал, с кем встретится в декорациях «Сына своего отца», зато очень хорошо понимал, кто ждёт его на съёмочной площадке «Стеклянной стены».

Джим уже ждал на месте. Александр увидел его издалека, хотя и узнал с трудом. Он стоял возле витрины кафе, облокотившись о неё плечом. Он изменил строгому костюму — на плечи был наброшен распахнутый на голой груди пиджак красного цвета, немного с отливом в американский розовый. Дальше шли обычные чёрные брюки и, наконец, босые узкие ступни. На бледном лице неестественно-ярко выделялись губы, и очень быстро Александр понял: они покрашены алой помадой, чуть-чуть не в тон к пиджаку.

Джим не шевелился, пока Александр шёл к нему мимо собранных декораций, обходил замотанные в плёнку и сложенные штабелями витражи, стёкла, пустые рамы. Он просто ждал, глядя прямо перед собой.

Александр подошёл на расстояние вытянутой руки, и только тогда Джим чуть-чуть поднял голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Красная помада оказалась дешёвой. Александр разбирался в таких вещах — хорошая помада так не размазывается, не пачкает кожу. И видеть её на лице Джима оказалось удивительно, невыразимо больно.

Джим молчал. Подумалось, что все их разговоры начинал именно он, выбирал тему, задавал тон.

У Александра сохли губы, и по горлу словно наждачкой прошлись. Он очень много думал об этой встрече после «Стеклянной стены», подбирал фразы, ответы. И он ошибся. Господи, как сильно он ошибся. Может, даже в самом начале. Всё пошло совсем не так, как следовало бы.

Слов у Александра не осталось, поэтому он достал из кармана ветровки Мишель и протянул её. Джим забрал стеклянную фигурку, погладил по голове, как делал всякий раз сам Александр, и произнёс хрипловатым голосом:

— Лягушка с отбитой задней лапкой из Франции. Как будто её почти съели. Ты прелесть, сладкий.

Подняв Мишель, Джим осторожно поцеловал её, словно рассчитывал расколдовать прекрасного принца. Помада размазалась ещё сильнее. Джим улыбнулся и выпустил Мишель из пальцев. Она упала на плитку, брызнуло зелёное стекло.

— Не превратился, — сказал Джим, и Александр вспомнил оригинал сказки — действительно, лягушку нужно было не целовать, а бросать. Он отвёл взгляд, чтобы не видеть крупных зелёных осколков.

Нужно было что-то сказать. На язык просилось разве что «прости», но какой там. За такое не извиняются.

Джим перешагнул через осколки, оказавшись к Александру совсем близко, запрокинул голову и прикрыл глаза. Выдохнув, Александр пальцем подтёр помаду в левом уголке его губ. Джим улыбнулся.

— Ты почти свёл меня с ума, знаешь... — проговорил Александр, — Я ведь... Джим, я ведь не убивал Эда Стедджирса, правда?

— Как жаль, — прошептал Джим, — что ты не помнишь. Нет, не убивал. Мы с тобой занимались кое-чем более интересным, сладкий. Тебе понравилось.

— Скажи, что ты понял, — попросил Александр слабо.

— Я понял, — ответил Джим, открывая глаза. Его взгляд был удивительно пустым. В нём не горела мысль, не было даже безумия.

Он действительно понял. Но понимание ничего не значило и ничего не меняло.

— Всё, что я хотел сказать... — Александр выдохнул, но не договорил Джим кивнул:

— Я знаю.

— Кроме одного, Джим. Всё это время... Больше года прошло. Я так и не понял, что тебе нужно от меня. Разговоры? Пожалуйста... Ты звонил мне среди ночи, и это было круто, правда. Мы могли бы говорить и дальше, сколько угодно, о чём захочешь. Дружба? Я ни с кем не был настолько откровенен, и ты это знаешь. Секс? Я не совсем по этой части, но мы бы что-нибудь придумали, — Александр говорил быстро, собственные слова душили его, а от улыбки Джима становилось дурно. — Мы можем что-то придумать даже сейчас. Или скажешь, что хочешь убить меня?

Александр отступил назад совсем немного, тоже улыбнулся и покачал головой:

— Нет, Джим. Мы с тобой оба знаем, ты не хочешь моей смерти.

Джим снова подошёл ближе, зеркала действия Александра, провёл пальцем по его лицу, от угла губ и ниже, к подбородку. Он продолжал улыбаться, и Александру отчаянно захотелось затрясти его как куклу за плечи, чтобы увидеть снова знакомое выражение глаз, чтобы найти внутри что-то живое.

— Ты не хочешь моей смерти, — повторил он твёрдо, не отводя взгляда, — более того, ты боишься её. Ты сделаешь что угодно, чтобы не увидеть меня мёртвым, Джим.

Впервые нечто отдалённо напоминающее Джима блеснуло внутри глаз. Негромко рассмеявшись, Джим мягко сказал:

— Да, сладкий. Что угодно.

Собирая винтовку, Себ почти не думал о выстреле, который предстоит сделать. Тихое место, большое расстояние, никаких помех — думать о нём не было смысла. Его мысли занимал сам Александр Кларк.

Как вышло вообще, что Джим заинтересовался им? Что в нём такого? И как он сумел снять этот чёртов фильм?

Вопросы носились в голове по кругу, и не было никого, кому их можно было бы адресовать. Он спросил бы Джима, но увы, тот ушёл рано утром. Его состояние Себу не нравилось совершенно. Этот пустой взгляд напоминал ему о тех ребятах, которых война поломала. Они возвращались домой, рыдали ночами в подушку, кричали от громких звуков и уже не восстанавливались до конца. У них были похожие мёртвые глаза.

Но Джим куда сильнее, чем рядовой солдат.

Правда, и куда безумнее. Последние его приступы, ещё до фильма, были крайне тяжёлыми, ещё немного, и Себ побежал бы к доку за консультацией. А после фильма они прекратились. Наверное, это был хороший показатель.

Позиция, которую выбрал Джим, располагалась в мансарде четырёхэтажного дома на Коттон-лейн. Себ открыл дверь ключом, поднялся наверх и расположился на середине комнаты. Открыл окно.

Джим примерно указал, куда смотреть — прямо на двенадцать часов за низкими заграждениями начинались уже частично разобранные декорации к фильму. Себ раньше такого не видел — для съёмок построили целый ряд неполноценный домов. У одних было всего по две стены, у других отсутствовали крыши. Возле у одного из домов с большой стеклянной витриной на основном этаже Себ и увидел Джима.

«Мать твою», — прошептал он, разглядывая босса и друга в бинокль. Он вообще перестал понимать хоть что-то. Чёртов цирк!

На Джиме был красный гейский пиджак. Обувь отсутствовала. А когда Джим повернулся и махнул Себу, точно угадав, что он уже занял позицию, стало ясно, что рубашки или майки под пиджаком тоже нет. А ещё Себ рассмотрел яркую помаду на губах.

Подумалось, что когда дело будет сделано, он задаст Джиму немало вопросов. И плевать, какую цену придётся заплатить за ответы.

Снова повернувшись к Себу боком, Джим облокотился о стекло, и Себ понял, что видел эту декорацию в фильме — там внутри располагалось кафе из первой сцены.

Он бросил взгляд на новые всё ещё непривычные часы с черепом: без двадцати два.

«Ровно в два часа восемнадцать минут», — так сказал Джим.

Джим ждал неподвижно, и на самом деле, это было очень нехарактерно для него. Он не думал, не слушал музыку, просто стоял и, по идее, должен был начать изнывать от скуки. Но нет.

Остановившийся на Коттон-лейн кэб Себ заметил сразу и тут же узнал человека, который вышел из машины. Александр Кларк заметно нервничал и даже не пытался этого скрыть. Он одёргивал тонкую куртку, приглаживал волосы, тяжело печатал шаг, пока шёл к декорациями.

На углу он остановился, и Себ подумал о том, что...

Чёрт, он мог бы выстрелить сейчас. Да, неудобный угол, да, пришлось бы взять винтовку

в руки, но один выстрел закончил бы всё разом. Джим пришёл бы в ярость. Но почему-то Себу казалось, что так было бы проще всем: и Кларку не нужно готовиться к смерти, и Джим будет избавлен от разговоров с человеком, который создал «Стеклянную стену».

Конечно, Себ не пошевелился. У него был приказ, и нарушать его он не собирался.

В голове медленно крутилось умножение. Пять тысяч девятьсот шестьдесят на шестьсот сорок три. Слабо результат возвести в квадрат? Выходили триллионы, четырнадцать цифр в числе. Два ноля на конце. Тринадцать... нет, четырнадцать триллионов, после нулей в конце четвёрка, девятьсот девяносто восемь — это сотни тысяч...

Он не успел досчитать. Александр Кларк, собравшись с духом, всё-таки пошёл к Джиму.

Часы показывали два часа, три минуты и двадцать восемь секунд. Себ медленно выдохнул, выбрасывая из головы лишние мысли.

Обходя какие-то кучи мусора и блоки строительных материалов, Александр Кларк подошёл к фальшивому кафе. Себ немного подкрутил бинокль — с этого расстояния он мог бы, при желании, читать по губам. Вот только и Джим, и Кларк молчали, только смотрели друг на друга. Не будь фильма, не сиди тут сам Себ с винтовкой, он сказал бы, что они пришли на свидание. И Кларк даже подарок приготовил — достал из кармана стеклянную фигурку с ладонь размером и протянул Джиму. Тот взял её нежно, погладил по голове и что-то сказал. Может, благодарил. Или спрашивал, откуда взялась эта дрянь, хотя вряд ли — слишком уж нежно держал в руках, а потом даже поцеловал — и вдруг разжал пальцы, выпуская фигурку. Она упала и, понятное дело, разлетелась на осколки.

Всё-таки дрянь. Ещё и отошёл немного от осколков, чтобы не мешались.

Два часа девять минут.

Кларк подтёр Джиму помаду и сказал что-то длинное. Джим улыбнулся и ответил. Себ не мог даже предположить, о чём они говорят. Он бы сам орал: «Какого хера ты снял?». Но это он. Придумать, что мог бы сказать Джим, у Себа фантазии не хватало. Но ему было тяжело, и это Себ видел отлично.

Два часа одиннадцать минут сорок три секунды. Джим и Кларк продолжали говорить о чём-то своём. Себ сказал бы, что беседа интимная, если бы у Джима не были так опущены плечи. И если бы выражение глаз было хоть чуть-чуть более живым. Он что-то произнёс, и Кларк разразился длинной тирадой.

Чёрт.

Он не хотел, чтобы его фильм так подействовал. Ему было жаль. Даже больше — ему было мучительно больно от того, что он сделал. И да, ему хватало мозгов, чтобы оценить последствия.

Не злодей — идиот.

Значения не имело.

Два часа шестнадцать минут пятьдесят три секунды. Минута и семь секунд до выстрела — Себ собирался быть точным. Минута ровно. Он снял предохранитель, передёрнул затвор и положил палец на скобу.

Пятьдесят секунд.

Кларк выдохся и замолчал.

Сорок три секунды.

Джим провёл пальцем по его лицу и улыбнулся шире.

Сорок.

Тридцать семь.

Тридцать шесть.

Джим и Александр молчали и стояли очень близко друг к другу, но помех это не создавало. Себ прицелился в голову, мысленно ведя обратный отсчёт.

Тридцать одна.

Двадцать девять.

Джим чуть отклонился назад, опустил руку во внутренний карман пиджака.

Двадцать семь.

Двадцать шесть.

Джим что-то сказал. Александр вздрогнул, поднял голову выше.

Двадцать пять.

Двадцать четыре.

Джим выстрелил.

Ни Себ, ни Александр не успели понять, что произошло — он повалился на грязный асфальт с простреленной головой. Сунул дуло пистолета в рот и спустил крючок, без колебаний и размышлений. Себ не слышал выстрела, только видел, как кровь растекается.

Рука опустилась сама. Себ опёрся о пыльный пол и прислонился виском к прикладу винтовки. А в голове продолжал стучать отсчёт: восемнадцать секунд. Четырнадцать. Краем глаза он видел, что происходит возле декораций, как Александр с перекошенным лицом щупает сонную артерию.

Девять.

Восемь.

Секунды до выстрела, который не имело никакого смысла делать.

«Ты убьёшь меня, детка? Это не самоубийство, это эвтаназия».

Три.

Две.

Одна.

На нуле Себа вырвало. Винтовку он отпихнул в сторону, почти надеясь, что она выстрелит в воздух, потому что, похоже, он оглох.

Не обращая внимания на рвоту, он пополз за винтовкой и снова установил её, посмотрел в прицел. Джим лежал, а Александр Кларк, сжавшись в комок, бился в истерике рядом. Лёгкая цель, которую Себ не собирался снимать.

Уже нет.

Подняв предохранитель, Себ оставил винтовку в мансарде и не таясь вышел из дома. Он хотел бы встретиться с Александром Кларком. Но когда он дошёл до декораций, его уже не было, только Джим лежал на асфальте под витриной. Твёрдыми руками Себ проверил пульс, дыхание, зрачки. Выстрел снёс ему половину черепа, но не повредил лицо. Даже осталось какое-то подобие улыбки. И выражение искреннего счастья в глазах. Хотя это вряд ли. Скорее, обман зрения такой.

Себ знал, что это Джим, но всё-таки закатал ему левый рукав нелепого красного пиджака. Чёрный шнурок с крестом был на месте, как и тонкие следы шрамов от тех порезов, которые Себ обрабатывал.

Стянув перчатку, Себ закрыл Джиму глаза и подобрал пистолет. Вот, оказывается, куда он делся. Почему-то Себ был уверен, что его SIG Sauer так и остался на Эджвар-роад. Или что его выбросили люди Джима, которые приводили тогда квартиру в порядок. Кто бы мог

подумать, что Джим его забрал.

Теперь на нём его, Себа, отпечатки.

Не заботясь о том, чтобы стереть их, он положил пистолет обратно. Вряд ли ему ещё придётся стрелять из него. Из чего бы то ни было.

Почему вечно нигде нет полиции? Кларк сбежал, но должен же он был позвонить?

Себ не знал, сколько времени просидел возле тела, но потом ему надоело, он встал и пошёл к станции. Невидимкой он ехал в пригородном поезде, потом в метро. На «Саутворке» он осознал, что мог бы доехать на машине, но эта мысль не вызвала никаких эмоций. Мог бы. Забыл. Не подумал.

Кто-то должен был бы его заметить. Метро, близок центр Лондона, он — здоровый мужик в пыльной грязной одежде. Хотя кто-то должен был окликнуть его!

Выйдя на какой-то станции, Себ опустился на лавочку под деревом. Какая-то неясная, неоформленная мысль поселилась в его голове, и он знал, что однажды она созреет. Он не знал, сколько времени просидел под деревом, но потом ему захотелось встать и пойти — так и поступил.

Телефон молчал.

Жаль. Если бы кто-то позвонил, было бы круто. Появились бы дела, проблемы. Он проверил, что права при нём, и поднялся по ступеням «Скотланд-Ярда». Прощёл через рамку досмотра. Показал ключи и телефон. У него даже ножа с собой не было.

Потом его заставили сидеть в очереди, но недолгой. Собственно, слишком короткой, потому что, подойдя к стойке дежурного, он не сразу нашёлся — что говорить.

— Что случилось, сэр? — спросила его хорошенькая светленькая девочка в полицейской форме. — Как я могу к вам обращаться?

— Себ... Себастиан Майлс, — он сунул в щель для документов права, — меня зовут Себастиан Майлс, и я прошу арестовать меня за... — он всё-таки сбился. Короткая очередь! Времени не хватило! — За то, что за прошедшие два года я убил больше тридцати человек.

Глаза девочки округлились до муляжности. Рот приоткрылся. Чтобы немного подбодрить её, Себ улыбнулся.

Прошло минут пять, прежде чем к Себу подошёл молодой констебль и проводил в пустую допросную. Себа усадили за стол, положили перед ним бланк и попросили написать, в чём именно он признаётся.

— Не спешите, — как-то неуверенно сказал ему констебль, — может, налить вам воды?

— Не надо, — покачал головой Себ.

— Я найду к вам через полчаса, — пообещал констебль.

И даже не запер дверь.

Себ писал в своей жизни редко и мало, и почерк у него был не из лучших, но здесь он старался. Не хотелось бы, чтобы вышло недопонимание из-за какой-нибудь неровной буквы. Трудность была только одна — вытащить из памяти если не имена, которых Себ в основном и не знал, то, по крайней мере, адреса, даты и прочие обстоятельства.

Бланк закончился, и констебль принёс два новых. И стакан воды, который Себ осушил в два больших глотка, хотя до этого был уверен, что никакой жажды не чувствует. Желудок сжался, тут же проснулся голод, которого тоже раньше не было. Себ решил, что ему плевать.

Через два с половиной часа Себ закончил писать, и констебль забрал у него бумаги, взамен принёс ещё воды.

В этот раз Себ пил медленно.

Он плохо помнил теорию, но примерно представлял, что должно происходить дальше. Так что теперь оставалось просто ждать. А это он умел. Никакой спешки.

Констебль проводил его в туалет. Застенчивый нервный парнишка. Первый год на службе, скорее всего. Может, второй, но вряд ли. И совсем молодой, двадцати пяти ещё нет.

Откинувшись на низкую спинку пластикового стула, Себ прикрыл глаза. Было бы круто задремать, он умел спать и в более неудобных позах, но не стоило строить пустых надежд. Себ сомневался, что вообще сможет заснуть в ближайшее время, так что нет смысла и пробовать. Под веками мерцало красное. Начала болеть голова, так сильно, как никогда в жизни, наверное. Хотя бы мыслей не было, слава Богу.

Он специально не смотрел на часы, поэтому не знал, сколько прошло времени, прежде чем констебль привёл к нему детектива-инспектора. Ему могло быть, пожалуй, за пятьдесят. Достаточно вымотанный тяжёлой работой, но крепкий, жилистый и с тёмными цепкими глазами. Себ подумал, что это хорошо, а потом ухватился за слово «хорошо» и решил, что в нём нет смысла.

— Оставь меня, сынок, — сказал он констеблю, положил перед собой стопку бумаг, в верхних листах Себ узнал свою писанину, накрыл их двумя ладонями и, как только за констеблем закрылась дверь, спросил: — Вы правду написали, мистер Майлс?

— Да, — ровно ответил Себ.

— Не часто к нам приходят с признанием в... тридцати, вы сказали, убийствах, — покачал головой инспектор, — я детектив-инспектор Мэддок.

— Рад знакомству, детектив-инспектор. И на самом деле, не тридцать, а больше. Я только сейчас посчитал.

Сорок семь у него вышло.

Какое-то время Мэддок разглядывал Себа, потом сказал протокольным тоном:

— Себастиан Майлс, я арестую вас по подозрению в совершении серии убийств. Вам не

нужно ничего говорить. Но это может навредить вашей защите, если вы не упомянете во время допроса то, на что позже будете полагаться в суде. Всё, что вы скажете, может быть представлено в качестве доказательства вашей вины.

Себ кивнул. В этом и был смысл, в конце концов. Он для этого и пришёл.

— Да, — протянул инспектор, — задачку вы нам задали. Придётся разбираться. Вам положен адвокат, желаете его пригласить сами?

— Мне не нужен адвокат, детектив-инспектор, — сказал Себ. — Я же сам пришёл признаваться.

— Если дело заведут, он у вас будет, — сказал инспектор, — никуда не денетесь. Но пока — воля ваша. Значит, вы хотите сотрудничать, мистер Майлс? — он подождал, пока Себ кивнёт, и предложил: — Тогда рассказывайте.

И он, не таясь, достал из кармана диктофон и включил запись.

— Я не сумасшедший, — сказал Себ, — и не фантазёр. Я всё написал подробно, но могу и повторить. В мае две тысячи восьмого года я вернулся в Британию после того, как завершил контракт с частной военной компанией «МорВорлд».

— А до этого вы служили...

— Ирландия, Афганистан, Ирак, Афганистан. Вот там написано, — Себ кивнул на стопку бумаг. Наверняка среди них было и его личное дело.

Мэддок покачал головой:

— Не успел прочитать. Увлёкся вашим триллером. Так что будьте добры, рассказывайте подробно.

Себ пожал плечами и утонул:

— С чего начать?

— Хорошо бы сначала.

Себ не знал, где у всего это дерьма начало. Выбрал точку, в которой был хоть какой-то смысл.

— В девяносто шестом году я принял решение присоединиться к нашей армии...

Мэддок не перебивал, а Себ не сильно цеплялся за подробности, так что с военной карьерой они управились быстро. Почему его выгнали из армии, Себ не рассказал, сославшись на документ о неразглашении.

— Итак, вы вернулись в Лондон, — подвёл итог инспектор, взгляд его, до этого задумчивый, стал вдруг очень внимательным. Что произошло дальше?

Вот они и дошли до этого момента.

— Я просидел без работы две недели. Даже не искал. Прошёл экспресс-курс психотерапии. Буквально пять занятий. У меня не было травматического расстройства или других проблем, мне просто нужно было привыкнуть к мирной жизни. Я не знал, чем заняться. Я умею только стрелять. Тогда мне позвонил мой... — Мэддок дважды ударил указательным пальцем по бумаге, и Себ увидел в этом призыв говорить откровенно, — мой бывший сослуживец. Из «МорВорлд». Он знал, что я не болтливый и меткий. Томас Райан. бесполезно скрывать, он уже умер.

— Томас Райан, — Мэддок взял ручку, вытащил из стопки чистый лист и сделал на нём невнятную пометку.

— Он предложил мне тридцать тысяч фунтов за один выстрел. Нужно было устранить какого-то бизнесмена. В Бирмингеме. Я написал там адрес, имени не знаю. Я сработал чисто, получил деньги.

Себ думал, что почувствует хоть что-то. Облегчение там, злость, стыд — но в итоге он просто сидел и пересказывал свою биографию так же спокойно, как делал это перед комиссией в армии.

— В июне мне позвонил Клаус. Клаус Джордан, бывший военный. Мы встречались в Ираке.

— Он тоже снайпер?

— Нет, он служил в SAS. Но мы общались немного. Играли как-то вместе в футбол... Не важно.

— Нет, очень даже важно. Продолжайте, мистер Майлс, — Мэддок ему слегка улыбнулся, и Себ решил, что инспектор ему скорее нравится. Спокойный такой мужик, который знает своё дело. То, что нужно.

— Клаус сказал, что у него есть для меня работа. Постоянная. Сказал, что знает о выстреле в Бирмингеме и впечатлён, и что если я подойду...

— Что он имел в виду? — чуть наклонил голову Мэддок. Чистый лист перед ним постепенно покрывался одному ему понятными закорючками.

— Что нужно будет получить одобрение у босса. Я понимал, это не разовый заказ, так что не спорил. И прошёл собеседование с...

Странная штука. Очень странная. Имя Джима застряло у Себа в горле, заставило его поперхнуться и закашляться.

— Прошёл, — наконец, сказал он. — Через неделю меня вызвали в парк, не знаю, как называется, начинается от Рамилис-клоуз. Там я должен был с мельницы следить за встречей босса и какого-то его партнёра. Встреча провалилась, я убил партнёра и двух его телохранителей.

Поначалу рассказ шёл легко. Себ опускал все лишние подробности и детали, просто перечислял трупы. Какие-то давались проще, какие-то труднее. На словах о мисс Перси, убитой из пистолета в доме на Эджвар-роад, у него опять перехватило горло, и инспектор звонком вызвал констебля, уже другого, пожилого, с водой. И велел ему:

— Принесите пару сэндвичей из автомата, — потом пояснил: — Вы бледноваты, мистер Майлс, не хочу, чтобы вы упали в обморок прежде, чем закончите историю.

Себ промолчал. Он опять забыл о голоде, но не стал сообщать, что его тренировали обходиться без еды по несколько суток. Сэндвичи оказались кстати. Покончив с ними, он ощутил короткий прилив сил, на котором сумел рассказать про мисс Перси в подробностях.

И вдруг опомнился. Он ведь забыл о важном.

— Особняк напротив тупика, на Коттон-Лейн, Дартфорд! — воскликнул он нервно.

— Что?

— Там осталась моя винтовка «М-24», заряженная, на сошках. Я поднял предохранитель, но не забрал её с собой. Решил... лучше не надо. А напротив, где декорации, осталось тело, и рядом мой пистолет, SIG Sauer оригинальной модификации, восемьдесят пятого года. Правда, не я стрелял. Он сам...

Идиот, как он вообще мог забыть об оружии?

Мэддок бросил взгляд на часы и решил:

— До утра вам придётся остаться в камере. Мы разберёмся с оружием и потом продолжим.

В небольшой камере, которая от больничной палаты отличалась разве что отсутствием окон и характерного запаха лекарств, Себ скинул куртку и повалился на узкую кровать.

«Не подведи меня, мой Святой Себастиан», — вдруг шепнул ему Джим. Себ дёрнулся. Он знал, что это только воспоминание, но оно его напугало.

Зажмурившись до цветных точек перед глазами, Себ повернулся на живот, уткнулся лицом в тощую подушку и тяжело выдохнул.

Ни за что.

Закрыв на всякий случай уши руками, он принялся дышать — медленно и размеренно. И совершенно неожиданно для самого себя уснул.

Из мёртвой черноты сна его вывел скрип двери. Он сел на кровати, чувствуя, что совершенно разбит. Но взял себя в руки, поднялся и, садясь снова за стол напротив детектива-инспектора Мэддока, понял, что способен продолжать.

Детектив выглядел напряжённым и мрачным.

— Так-так, — протянул он, — хорошую вы шутку устроили. И я вижу два варианта, мистер Майлс. Либо вы морочите нам голову, и тогда мы выясним это, и у вас будут проблемы, либо оружие было, но теперь куда-то делось. Есть идеи?

— Думаю... — Себ потёр переносицу, это сделали люди моего босса. Не знаю, как его звали в последнее время, но на работу меня нанимал Джим Фоули.

Удивительно, как он сумел протолкнуть эти слова сквозь стиснутые зубы, но ему стало легче. Вот так, никаких секретов, карты на стол.

— Джим Фоули... — пробормотал Мэддок, — Джим Фоули, июль две тысячи восьмого, взрыв в компании «М-Корпорейшн», головная боль Пола Брэндона. Посидите немного, мистер Майлс.

Бросив на Себа ещё более тяжёлый взгляд, инспектор вышел. Спустя минут пятнадцать (смотреть на часы он по-прежнему избегал) дверь допросной снова открылась. Мэддок вернулся на один, за ним следовал красный и явно доведённый до бешенства Грег.

С минуту, наверное, Грег просто молча смотрел на Себа. Потом выдохнул и сказал тихо: — Тобиас, ты ведь не обедал?

— Не думай, что... — начал Мэддок, но Грег, круто развернувшись, вышел коллегу за дверь, и вскоре вернулся один.

Сев на место Мэддока, он сдвинул бумаги и сказал быстро:

— У меня пятнадцать минут. Сам понимаешь, меня тут быть не должно. Так что выкладывай, что у тебя случилось и что я могу для тебя сделать?

Он выглядел как человек после стометровки.

Себ положил руки на колени, сжал пальцы в кулаки. Ему бы очень хотелось посмотреть на руки, но он заставлял себя держать голову прямо и выдерживать взволнованный взгляд Грега. Наконец, он сказал: — Прости, старик. Я признался сегодня в серии убийств.

Грег выдохнул, протёр лицо ладонью и сказал осторожно:

— Себ... посмотри на меня.

— Я не тронулся, Грег, — жёстко ответил Себ, — я в норме. Я снайпер. И вернувшись с войны, я продолжил свою работу. Сорок семь эпизодов...

Решимость, которая помогла ему это произнести, иссякла так же быстро, как появилась. Он бессильно опустил голову и повторил:

— Прости.

Грег какое-то время молчал. Потом сказал ласковым тоном, как будто обращался к

ребёнку:

— Хорошо. Хорошо, давай просто... Себ, посмотри на меня. Хорошо, — он потянул за воротничок рубашки, который, кажется, начал давить, — ты мой лучший друг, Розочка. Я тебя знаю, пусть с перерывами, больше десяти лет. И я знаю, что ты...

И тут Себ почувствовал, что его раздирает от смеха. Он попытался сдержаться, но пара звуков всё-таки вырвались наружу, он закашлялся, скрывая их, вытер выступившие слёзы и спросил с отчаянием:

— Не способен на убийство? Грег, очнись! Открой моё армейское досье и прочитай, что только за время ведения боевых действий на моём счету — девяносто шесть трупов. Девяносто шесть, старик. Сто семнадцать после «МорВорлд». А дальше я не считал.

— Война — это другое, — пробормотал Грег, сбитый с толку. — Но здесь... ты не делал этого. Себ?

— Тебе нельзя со мной разговаривать. Ты полицейский. И мы были друзьями. Тебе нельзя меня допрашивать, ещё проблемы будут, — напомнил Себ.

— Не были, — сказал он с акцентом на второе слово, — мы не были друзьями, мы друзья сейчас. Я разберусь в этой чертовщине, и мне плевать на протокол, — он встал, одёрнул пиджак. — Я разберусь, — повторил он уверенно, — а ты... Рта не открывай, пока я к тебе не пришлю солиситора, понял? Чтобы ни звука.

— Грег! — Себ окликнул его, потому что он явно собрался уходить. — Мне хватит и государственного.

— Считай, что я этого не слышал, — повысил голос Грег. — Ни звука, старик, я не шучу.

Даже если бы Себ хотел послушаться Грега, ему не дали такой возможности. Его снова отвели в камеру, а ещё через два часа пригласили обратно в допросную. Только в этот раз там стоял третий стул, на котором уже сидела темноволосая хмурая женщина в деловом костюме. Она выглядела как адвокат с обложки... журнала про адвокатов, наверное. Себ не знал, есть ли такие, но если бы были, точно удавились бы за её фотографию. Забранные в тугий пучок волосы, идеальная осанка, минимум косметики, только блестящая тёмная помада, руки без маникюра. Каблуки.

— Себастиан Майлс, — женщина встала и протянула руку, — Рейчел Эдисон, ваш адвокат. Как давно вы под арестом? Садитесь.

У неё оказался высокий и резкий голос с визгливыми нотками.

— Мне не нужен частный солиситор, — сказал Себ, немного подумав. Он понимал, что Грег это сделал из лучших побуждений. Но ему не хотелось играть в эти игры. Адвокат тут не поможет. Они только все вместе потратят время и силы.

— Мне сообщили...

— Мисс Эдисон, я благодарен своим друзьям за помощь. Но мне не нужен адвокат.

— Себастиан, — тише и мягче произнесла она, — Грег Рассел попросил меня взять ваше дело, ради него я даже не пришлю вам потом солидный счёт. Грег сказал, что вы хороший парень, который запутался. У вас, кстати, на лице это написано.

Себ невольно ей улыбнулся. Он понятия не имел, что там у него и где написано, но раз она так говорит — возможно.

— Мисс Эдисон, — повторил он, — Грег пока просто не понимает. Его друг, хороший парень, убил сорок семь человек за два года. Чуть меньше двух человек в месяц. Почти шесть — каждый квартал. Это если считать в среднем, а на деле один раз четырнадцать человек

одним выстрелом. Сработала бомба. Я не хотел, чтобы так вышло, но у меня был приказ.

— Я понимаю, — неожиданно ответила Рейчел Эдисон, и оказалось, что никаких визгливых нот в её голосе вообще нет: — Хорошо, давайте исходить из вашей версии. Грег ошибся, а вы совершили сорок семь убийств и хотите ответить за них. Тогда моя работа будет в том, чтобы на вас не повесили лишнего. Чтобы все процедуры соблюдались по закону. Чтобы вы продолжали держать связь с семьёй. У вас есть семья?

Себ присел на стол, опёрся на него руками и зажмурился. Вот теперь стало больно.

— У меня есть дочь. Ей десять. Она живёт с бабушкой... моей бывшей тещей. И родители у меня есть.

— А где мать девочки?

— Погибла.

— Ваша дочь должна знать, что с вами всё в порядке, — сказала Рейчел Эдисон и положила небольшую ладонь Себу на плечо. — У меня тоже есть дочь, ей тринадцать. Она сошла бы с ума от беспокойства, если не могла связаться со мной. Давайте поработаем вместе, хотя бы ради... как её зовут?

— Сьюзен. А вашу?

— Хэлен.

— Хорошо, — пробормотал Себ. — И простите... миссис Эдисон?

— Мисс, всё было верно. Мы договорились?

Кажется, сила воли Себа закончилась, и он просто согласно кивнул, а потом подписал какую-то бумагу, даже не читая.

— Вот, — просто улыбнулась мисс Эдисон, — теперь я ваш официальный представитель. В моей ответственности будет сбор документов и юридические процедуры, а также передача дела барристеру для выступления в суде.

Как давно вас задержали?

— Вчера вечером, — ответил Себ, прикинув примерно. Если честно, он даже не помнил, было ли светло, когда он заходил в здание Скотланд-Ярда, — я сам сдался.

— По закону, вас не имею права задерживать более чем на тридцать шесть часов до передачи дела в суд, — объяснила мисс Эдисон. — По особому решению возможно продление этого срока до девяноста шести часов, но в вашем случае, учитывая письменное признание, этого не требуется. Не позднее девяти утра шестого июля вы должны предстать перед судом, который... — она чуть сбилась с делового тона, — ничего не решит, конечно. Дело отправят на следствие. Вас определят в камеру предварительного содержания в городской тюрьме. После этого у полиции будет восемь дней, чтобы собрать улики и подготовить дело. Если они не справятся, потребуется получить разрешение суда на продление постановления о заключении под арест. Максимальный срок, который может пройти до окончательного разбирательства...

— Семьдесят дней. Сто двенадцать — в особых случаях и по решению суда, — вздохнул Себ. — Я планировал стать полицейским. Учил это всё.

— Славно, — улыбнулась мисс Эдисон. — Я буду настаивать на том, чтобы суд состоялся завтра. И чтобы к вам был приставлен офицер по надзору. Вы ели сегодня что-нибудь?

— Вчера ел. Сэндвичи. Я не голодный.

— Тем не менее, вы должны иметь возможность есть трижды в день. Я...

— Мисс Эдисон. Мы можем лучше закончить разговор с инспектором Меддоком? Я бы

не хотел откладывать.

Похоже, эта идея не очень нравилась мисс Эдисон, но всё-таки она согласилась и пообещала организовать встречу с инспектором. И всё продолжилось. Почти так же, только иногда мисс Эдисон пыталась его перебить.

— Давайте к Джиму Фоули, — объявил Грегсон, явно недовольный чем-то, — что там с ним и как?

— Получив приглашение от Клауса Джордана, я не знал, на кого буду работать.

— То есть он ввёл вас в заблуждение? — резким деловым тоном спросила мисс Эдисон.

— Нет. Я просто не знал имени босса. Мне было... всё равно. Мы заключили фиктивный договор, чтобы у меня была официальная должность в законной фирме — «М-Корпорейшн». Позднее мой босс имитировал свою смерть, но это не помешало ему вести дела... в чём бы они не заключались.

— То есть в суть его деятельности вы не были посвящены? — уточнила мисс Эдисон.

— Я выполнял приказы.

Себ продолжал говорить. Про мисс Перси.

Ночь, кровь, которая проступала сквозь асфальт, превращая Лондон в разрушенный бомбёжками Катар. Боль в боку, где давно зажил шрам. Драка. Себ помнил это всё в таких деталях, о которых даже и не подозревал. Но они не интересовали инспектора Мэддока, поэтому он пропустил их, перейдя сразу к следующему выстрелу.

Они смешивались в голове. Однотипные задания сливались вместе, но Себ расцеплял их, преодолевая внутреннее сопротивление. Там, где он не знал имён, добавлял внешность. Описание квартир и офисов.

— Джим Фоули был одержим режиссёром по имени Александр Кларк, — в какой-то момент добавил Себ.

Мэддок поставил диктофон на паузу и сказал отрывисто:

— На сегодня достаточно, вас проводят в камеру.

— Двадцать минут с моим подзащитным, после я обсужу с вами условия передачи дела в суд, — потребовала мисс Эдисон. Когда Мэддок захлопнул дверь, она спросила:

— Почему вы пришли в полицию? Почему сейчас?

— Джима Фоули больше нет, — честно ответил Себ.

— Вы боялись его?

Себ покачал головой.

— Да, мистер Майлс, — вздохнула мисс Эдисон, — вы мне не помогаете.

— Я не хочу, — пожал он плечами. — Я сам пришёл сдаваться полиции. Говорю правду.

— Сейчас вас отвезут к месту предварительного заключения. Дайте мне телефон ваших родителей или тётки, я свяжусь с ними, чтобы вам привезли одежду и смену белья, — она чуть наморщила нос, — рекомендую использовать её по назначению.

— Простите...

— Пустяки, — она снова вернулась к деловому тону, — завтра утром я приеду к вам, и мы обсудим линию защиты. И будет известно время суда. Но пока у вас одна задача.

— Переодеться? — спросил он с улыбкой.

Она улыбнулась:

— Две. Ещё выспаться. У нас много работы впереди.

— Я не пойму одного... — сказал он задумчиво. — Я тут, сидя рядом с вами,

рассказывал, как убил сорок семь человек. Ну, ладно, положим, первый десяток вы пропустили, но суть не меняется. И вы ещё со мной шутите?

Он сам испытывал по отношению к себе что-то вроде отвращения. Но сказать, что это именно за чувство, не мог.

— Во-первых, — строго сказала мисс Эдисон, — юмор — это профессиональная защита от стрессовых ситуаций. Очень помогает, рекомендую. А во-вторых, — её голос смягчился, — пока я больше верю Грегу, чем вам. Вы хороший парень.

Себ решил, что у него нет желания спорить с ней.

Александр: двадцать девятая часть

Александр подозревал, что эта картина останется с ним навсегда. Она не пугала, не ужасала, просто оставалась под веками, вспыхивала всякий раз, как он закрывал глаза: красная светлая кровь, которая кажется темнее на асфальте, и крупные зелёные осколки, блестящие в этой крови. Зелёное глянцевое в текучем красном. Он не хотел бы помнить эту картину. И ещё больше он не хотел находить в ней красоту, потому что единственный, кто мог бы её оценить, перестал существовать.

Ему потом сказали, что тело пропало. Что его звонок в полицию до полиции не дошёл, что скорая не приехала. Александр совершенно не удивился. Джим прекрасно режиссировал все значимые события, было бы странно, если бы он пустил на самотёк смерть.

Он убил Джима.

Вот вам, пожалуйста, сила искусства. Глядя на кровь, заливающую осколки Мишель, Александр думал о том, что мог бы догадаться.

Без фильма Джим не пришёл бы на встречу. А после фильма пришёл уже не Джим.

Александр не был уверен в том, сколько дней он провёл в оцепенении. Во всяком случае, он ел, спал, отвечал на телефонные звонки, принимал душ по необходимости — в общем, куда лучше следил за собой, чем в периоды тяжёлой хандры. Собственно, хандры и не было. Он даже не горевал в полном смысле слова, не переживал утрату — не утрату Джима как человека, конечно.

В какой-то момент он включил «Стеклянную стену». Он ненавидел смотреть свои фильмы так скоро после выхода в прокат, но провёл два часа перед экраном, не отвлекаясь и не отводя взгляда.

Джим ведь понял!

К сожалению, одного понимания оказалось мало. Как и в случае с «Мёртвыми любовницами», Джим понял фильм куда глубже, пропустил его через себя так, как не мог этого сделать сам Александр. И фильм измочалил его, стёр в труху.

Когда пошли титры, Александр вспомнил их первый разговор с Джимом, то самое обсуждение «Любовниц», его слова о том, что Грэхам мог получить всё, о чём мечтал, и именно поэтому не желал жить больше.

Это относилось и к Джиму, удивительно сцеплялось с реальностью. Без труда Александр мог прочувствовать заново прикосновение холодного пальца Джима к скуле, ощутить его движение.

Лучше уже не было бы.

На кухне было прохладнее, он поёжился, налил себе стакан сока и закрыл окно, а потом выглянул на улицу. Как-то ночью он стоял у другого окна, но обращённого на ту же сторону, а Джим говорил о том, что видит его.

Странная мысль мелькнула. Не долго раздумывая, Александр взял телефон и набрал номер Мэтта — тот много общался с полицией, возможно, сумел бы дать ответ на его вопрос. После смерти Джима от его обиды не осталось и следа.

Трубку снял не Мэтт.

— Да? — произнесла Елена властно, и Александр чуть не поперхнулся. Бросил взгляд на часы: половина двенадцатого. — Что случилось, дорогой? Мэтт пока не может подойти.

— Всё... в порядке? — осторожно уточнил Александр.

— В полном, — ответила Елена тоном, который отбивал любое желание задавать дополнительные вопросы личного характера. Да и, пожалуй, вопросов на эту тему у Александра не осталось — их разрешил тот факт, что она сняла трубку. Поэтому он спросил о том, ради чего звонил: — Там, на месте смерти Джима, нашли наблюдателя? Кто-то должен был... — он осёкся, но всё же закончил мысль: — Убить меня.

— Да, арестовали парнишку, — отозвалась Елена. — Точнее, он сам сдался. Снайпер, бывший военный, похоже, с потёкшей крышей.

— Мне нужно поговорить с ним. Устроишь?

После долгой паузы Елена пообещала подумать.

«М-24» всё-таки нашли — в его же сейфе, дома. Себ понятия не имел, как она там оказалась, но задумываться об этом не стал. Судебное решение о доследовании дела вынесли за полчаса, кажется, больше времени провели в дороге.

Рейчел Эдисон действительно связалась с миссис Кейл, и та передала чистую одежду. Пожалуй, Себ порадовался, что у него забрали телефон, и она не может позвонить ему с рыданиями. Впрочем, он пообещал себе, что позднее обязательно поговорит с ней. И со Сьюзен, конечно.

Судья постановил разобраться в деле за тридцать дней, но, на взгляд Себа, всё должно было решиться ещё быстрее — слишком всё очевидно. Судя по лицу мисс Эдисон, она считала так же, но едва она заметила его взгляд, как уверенно и ободряюще заулыбалась.

Мисс Эдисон настояла на психологической экспертизе, и Себ просидел два часа напротив усталого пузатого мужичка в слишком тесных очках, который задавал ему разнообразные, но малоосмысленные вопросы. Очень походило на встречу с психологом в армии, в конце отбора группу подготовки снайперов. Себ отвечал ровно, без спешки и только по делу. На провокации не реагировал, повышенный тон и попытки задеть его интимными уточнениями игнорировал. Ему заключение не показали, но сомнений в нём не могло быть никаких.

В остальное время его допрашивал представитель государственной обвинительной службы. Мистер Бромфилд заменил инспектора Мэддока. Он был моложе и жёстче, но Себу, пожалуй, даже больше нравилось разговаривать с ним. Он формулировал вопросы очень чётко, не тратил времени на улыбки. И вместо закорючек на листе вёл полноценный протокол. Правда, они не сошлись характерами с мисс Эдисон, то и дело она прерывала его визгливыми окриками: «Мой подзащитный не обязан отвечать на этот вопрос!». Себ кивал ей — и отвечал. Он не хотел мешать ходу дела.

На второй день мисс Эдисон организовала ему встречу со Сьюзен. Судебный пристав напомнил, что у них полчаса.

Сьюзен пришла с миссис Кейл, бледной и дрожащей. Они крепко держались за руки. Сьюзен смотрела испуганно и непонимающе. Себ обнял её, и впервые за полгода она не попыталась побыстрее вырваться, а наоборот, обхватила его за шею и крепко прижалась. Шмыгнула носом. Себ погладил её по волосам, разжал объятия и, заглянув дочери в глаза, сказал:

— Прости меня, Сьюзен.

— Бабушка говорит, это ошибка. Что тебя зря арестовали и скоро отпустят, — тихо произнесла Сьюзен. — Это правда?

Он сжал переносицу, надеясь, что так будет легче выдерживать пристальный взгляд Сьюзен.

— Сьюзен, послушай... — он повернулся к миссис Кейл: — Сядьте, пожалуйста. Всё хорошо.

Она неуверенно опустилась на стул и принялась нервно ломать пальцы, а Себ снова посмотрел на Сьюзен и сказал очень тихо, только ей:

— Сьюзен, я очень люблю тебя. Но я совершил преступление. Ты помнишь, как спросила меня... — он осёкся, а Сьюзен мелко закивала, с большим трудом сдерживая

слёзы, — ответ да. Я должен понести за него наказание. Какое именно — решит суд. Так правильно и так должно быть. Но это не значит, что я... — он взял её за руку, пытаясь найти в этом опору, — не буду заботиться о тебе. Мы будем с тобой видеться... не так часто, как мне бы хотелось, но будем обязательно. И я всегда буду тебя любить.

— Ты из-за этого отсылаешь меня в пансион, да? — спросила она. — Потому что...

— Да.

Она всё-таки расплакалась, а миссис Кейл пробормотала:

— Басти! Но это же неправда. Ты ведь...

— Миссис Кейл, — он встал, прошёлся по небольшой комнате, — позже мы обсудим с адвокатом, как лучше дать вам доступ к моему счёту. У вас со Сьюзен всё будет хорошо. Вы отложите из этих средств деньги на её обучение. Их хватит.

— Басти...

— Уведите Сьюзен, пожалуйста.

Он хотел бы утешить её. Но ей нужно самой сжиться с мыслью о том, что её отец — преступник.

Его снова вызвал мистер Бромфилд. Поднять сорок семь дел было не так-то просто, кроме того, как минимум девять трупов они пока вообще не нашли в делах Скотланд-Ярда. Видимо, люди Джима слишком хорошо поработали, затирая улики. Или не только Джима. Так, в документах Скотланд-Ярда не фигурировали имена Дэвида Блинча и Роджера Монтгомери, более того, эти смерти Бромфилд даже отказался обсуждать. Точно, Джим ведь говорил, что выстрел из снайперской винтовки — не самое странное в мире самоубийство.

В перерывах между допросами Себ просто лежал на узкой кровати в камере, смотрел в потолок и не думал ни о чём. Он боялся, что вернутся кошмары, но их не было. Закрывая глаза, он просто отключался, провалился в густую черноту. Ещё он боялся снова услышать внутри головы голос Джима, но он тоже больше не появлялся.

Иногда, просто чтобы размяться, Себ пытался думать о будущем. О суде и о том, что за ним последует, о заключении. Но это было скучно. Он не боялся приговора, не боялся тюрьмы и не видел в них ничего, что требовало бы какого-нибудь осмысления.

Пытался считать. Но хотя его способности к математике никуда не делись, заниматься умножением было лень. Так что он проводил часы, разглядывая серый потолок, немного подмоченный и поросший плесенью, или лёжа с закрытыми глазами.

Через два дня после встречи со Сьюзен ему разрешили ещё одно посещение. Он был уверен, что увидит обоих родителей, но в небольшой комнатке его ждал только папа. Ради поездки в Лондон он даже надел пиджак. Едва их оставили одних, папа свёл брови к переносице и бросил:

— Садись.

Себ послушался, а вот отец остался стоять. Постучал большими пальцами друг по другу и сказал отрывисто:

— Не думал, что сын у меня идиот. И не только идиот, но ещё и трус.

— Отец! — Себ прервал его — и тут же замолчал под тяжёлым взглядом.

— Да, трус. Сказал и повторяю. Ты совершил то, чего не должен был совершать мой сын. Но этого оказалось мало. Тебе ещё и не хватило мужества скрыть свой поступок.

— Думаешь, — прохладно произнёс Себ, — нести ответственность за свои дела — это

трусость?

— Ответственность, — выплюнул отец. — У тебя есть ответственность. Ей десять и она твоя дочь. Вот это — ответственность. А ты побежал лить сопли и очищать совесть. Что будет со Сьюзен?

Это было жестоко. Слова отца тупой болью отдавались где-то под рёбрами.

— Она будет расти с бабушкой. Я обеспечил их... достаточно.

— Она потеряла мать, — отец опёрся ладонью на стол. — Теперь у неё не будет отца. Не смотри на меня так, я говорил с этой мисс, с твоим адвокатом. Тебе дадут сорок пять минимум. И наши тюрьмы пока не похожи на курорты Бага. Ты не выйдешь. Никогда, Себастиан.

О, спасибо. Он умел считать. Тридцать шесть плюс сорок пять. Однозначно, он не настолько оптимистичен, чтобы надеяться дожить до конца срока.

— Понимаешь?

— Я должен ответить за то, что сделал, — сказал он, когда убедился, что отец закончил речь (зная его, можно было точно сказать, что он её если и не писал, то, во всяком случае, обдумывал всю дорогу из Карлайла в Лондон). — И Сьюзен лучше не иметь отца вовсе, чем такого.

Выдохнув, папа подвинул стул и сел совсем рядом. У него прибавилось морщин. И волосы уже совсем седые, а не «соль с перцем», как привык думать Себ.

— Думаешь, что сделал не так? — спросил Себ чуть позже.

Папа махнул рукой.

— Маму я сегодня не взял с собой, хотя она рвалась. Она рыдает который день.

— Скажи, что ей вредно.

— Устал повторять. Я ведь... — он сделал невнятный жест рукой, — поверил тебе тогда. Решил, что я старый мнительный дурак. А ты мне нагло в глаза соврал.

— Знаешь... — Себ фыркнул, — это лучше, чем если бы я сказал тебе, что убиваю людей за деньги.

— Думаешь, я бы побежал в полицию? — спросил отец с отвращением в голосе.

Себ покачал головой. Нет, отец бы его не сдал. Но ему не нужен был такой груз на совести.

— Передай маме привет. Большой, — попросил Себ в конце встречи и крепко обнял отца, понимая, что плечи у того подрагивают.

Его вызвали на очередной допрос. Но вместо привычного Бромфилда и мисс Эдисон в допросной стояла незнакомая женщина. Себ назвал бы её некрасивой, даже если бы хотел польстить. Она была невысокого роста, лишний вес и неудачная короткая стрижка делали её квадратной на вид, а жёсткая челюсть и крупный нос больше подошли бы мужчине, так же, как и двубортный брючный костюм. Но с одного взгляда Себ понял, что она большая шишка — в армии умение узнавать начальство в любом костюме приходит быстро. Важная, штабная, правительственная шишка.

Она окинула Себа таким взглядом, словно он был особенно крупных размеров насекомым, мерзким, но безопасным.

— Мистер Майлс, — произнесла она неторопливо, и голос у неё оказался достаточно низкий, глубокий и властный. Таким только подчинённых и отчитывать. — Извольте сесть.

Сама она осталась стоять, видимо, чтобы не потерять возможности взирать сверху вниз. Сложив руки на животе, она прищурилась и продолжила, когда Себ сел и выпрямил спину:

— Я задам вам один вопрос, мистер Майлс, и вам лучше ответить на него честно. Если ответ мне не понравится, тюрьма будет представляться вам крайне радужной, заманчивой и недостижимой перспективой.

«Сожрёт, — подумал Себ, но не испытал ни капли страха, — проглотит целиком, потом срыгнёт кости и пойдёт себе дальше».

— Вижу, вы поняли, — кивнула она. — Вопрос простой, мистер Майлс. Почему вы имея приказ застрелить Александра Кларка из снайперской винтовки, не сделали этого?

Себ задал бы много встречных вопросов: откуда она узнала о приказе, как выяснила, что именно он должен был стрелять. Но он слишком хорошо понимал: таким людям вопросов не задают.

— Я нарушил приказ, потому что мой босс сошёл с ума, — сказал он чётко.

— Вы хотели выстрелить в Александра Кларка? — уточнила она.

— Я редко размышляю о приказах, мэм. Но в этот раз да, я хотел, до тех пор, пока не увидел его в декорациях фильма в Дартфорде. Я хотел убить его, чтобы отомстить за тот вред, который он нанёс моему боссу и другу Джиму Фоули. Но я увидел, что вреда он наносить не хотел. Джим сошёл с ума и застрелился. Александр был в отчаянии. И я нарушил приказ.

Себ выдохнул и замолчал. Женщина молча смотрела на него, о чём-то размышляя, потом кивнула и сказала:

— Я разрешу ему встретиться с вами, раз он так хочет.

На этом, очевидно, её интерес иссяк, и она вышла, не удостоив Себа больше ни единым взглядом.

Себу не нужно было долго гадать, кто этот самый «он» — всё стало ясно ещё до того, как Александр Кларк вошёл в комнату. Он был одет почти так же, как в день смерти Джима — тоже джинсы, футболка, только куртку где-то оставил. И Себ впервые с интересом рассматривал его.

Кларк выглядел больным — с мешками под глазами, серой кожей и покрасневшими глазами, в которых полопались сосуды.

Он не пытался давить ростом или авторитетом, рухнул на стул напротив Себа, положил локти на стол и спросил:

— Насколько всё было плохо?

— На кой чёрт вы это сделали? — задал встречный вопрос Себ.

Кларк снял очки и потёр ладонью глаза — похоже, их здорово жгло не то после слёз, не то с недосыпа.

— Его никто не понимал, всю жизнь, — произнёс он, — никто не понимал его боль, его одиночество, это ощущение отделённости от мира из-за всего, что он пережил. Не только из-за этого. Думаю, он таким родился. Он не хотел говорить со мной, но он очень любил мои фильмы. Я решил, что могу через фильм объяснить ему... Я не думал разрушить его.

— Вы знаете, — проговорил Себ, — я очень вас убить, когда посмотрел фильм. Это чудовищно. Вы ведь из умных, — он дёрнул плечом. — Я не думаю, что Джим вообще был способен на те эмоции, которые вы ему показали. Нихера вы не поняли про него, мистер

Кларк. Он сходил с ума.

— Он говорил про безумие, — тихо заметил Кларк, — говорил, что хочет и меня свести с ума.

— Знаете, есть... — Себ потёр переносицу, надеясь отыскать подходящие слова, — такое безумие киношное. Как вы там это снимаете. Ганнибал Лектер какой-нибудь, всё это дерьмо. А есть настоящее. Джим был сумасшедшим. Доктор мне объяснял, специфическая форма шизофрении. Он впадал в приступы. Ещё он почти не чувствовал боли. Как-то пришёл весь порезанный чуть ли не в клеточку.

На этих словах Кларк прикусил губу и зажмурился.

— Порезанный? — спросил он с трудом. — Ножом?

— Ага. Я заколебался заклеивать, а ему в кайф было. Этот ваш фильм... даже мне от него стреляться хотелось.

Себ не знал, почему говорит с Кларком, да ещё и так откровенно.

Хотя нет, знал точно: потому что Кларк очень хотел понять. У них было с ним кое-что общее. Общая головная боль по имени Джим.

— Чем он вас прижал? — спросил Себ. — Вы же аристократ, режиссёр, всё такое.

— А вы — хороший парень, — улыбнулся Кларк.

— Нет.

— У вас на лице написано. Я немного разбираюсь в людях, мистер Майлс, — он развёл руками, — вы хороший парень. А Джим — это наркотик. Был наркотиком. Знаете, я никому не говорил, а вам смогу. Мне казалось, я его любил. Теперь думаю, что любил видеть себя его глазами.

Себ решил, что это звучит совершенно безумно, но спорить не стал.

— Елена сказала...

— Елена?

— Моя сестра, — пояснил Кларк, словно бы это всё объяснило. Но потом Себ прикинул и решил: да, пугающая женщина и правда чем-то была похожа на Кларка. Те же светлые волосы, одинаковые носы. — она сказала, я смогу увидеться с вами ещё, если захочу. Я бы хотел. Вы позволите ещё поговорить с вами, мистер Майлс?

— Валяйте, — кивнул Себ, — я тут только и делаю, что говорю. Собеседником больше...

— Я рад знакомству с вами, мистер Майлс. Если не трудно, зовите меня Александром, — и он протянул Себу руку. Пожав крепкую сухую ладонь, Себ сказал:

— Не трудно. Себ.

Он понятия не имел, о чём им с Кларком ещё говорить, но пожалуй, и сам не отказался бы снова с ним увидеться. В конце концов, у них была одна общая тема.

— Что за херня тут творится? — с этих слов Бромфилд начал новый допрос. — Не хотите рассказать, Майлс?

Честно говоря, Себ дорого дал бы за возможность помолчать. Задолбался он разговаривать. Но конечно, дознавателю ответил:

— Я расскажу, если вы объясните, что не так.

— Игруем в дурачка, значит? — угрожающим тоном произнёс Бромфилд. — Пусть так. Напомните-ка мне вот это эпизод. Женщина в малиновой шляпе, миссис Элиза Хэтфорт, также известная как Гусыня. Как, вы говорите, убили её?

Этот эпизод, о котором до сих пор было неприятно вспоминать, Себ пересказывал уже четыре раза, но не поленился и повторил в пятый: чердак, Кейл-стрит, один выстрел с расстояния в сто двадцать метров.

— Уверены? Точно?

Себ кивнул, и Бромфилд почти швырнул ему в руки документ. Пробежав его глазами, Себ понял, что это заключение судмедэксперта. И из него следовало, что Элиза Хэтфорт действительно была убита на Кейл-стрит, но не из винтовки, а из пистолета, почти в упор.

— По заключению корнера, — мрачно добавил Бромфилд, — пистолет нашли позднее в мусорном баке за углом. Кто его выбросил, до сих пор остаётся неизвестным.

Себ помнил этот чердак. Приступ Джима, который тогда ещё казался ему признаком приёма наркотиков, хриплый шёпот: «Повернула из-за угла... малиновой...». И потом: «Я заплачу тебе премию, Себастиан». Господи, не надо было так подробно вспоминать. Он почти слышал, как звучат эти слова.

— Не думаю, что судмедэксперт, коронер и детектив-инспектор разом забыли, в чём разница между выстрелом из винтовки и из пистолета, значит выходит, что вы врёте.

— Я не вру, — твёрдо ответил Себ. — Я убил её.

— Из пистолета?

— Из винтовки. Из своей винтовки «М-24».

— Ты устраиваешь проблемы, парень, мы почти месяц возимся с твоим признанием, а теперь выходит, что ты псих, который захотел славы.

Он выглядел как человек, готовый разораться и начать крушить мебель. Себ такого посмотрелся ещё в армии, поэтому ответил коротко:

— Нет, сэр.

— «Нет, сэр», — передразнил он. — Знаешь, что я думаю? Ты не псих. Ты кого-то прикрываешь. Тебе пообещали, что всё будет хорошо и тебя не посадят. Вот ты и пришёл. Не на того напали, — он хватил кулаком по столу. — Ты сядешь, Майлс. Бромфилд откинулся назад, поднимая стул на две ножки, цокнул языком и произнёс:

— Так что не надо игр. Думаешь, посидишь тут пару недель и будешь свободен, с пачкой денег и что ещё тебе там наобещали? Хер там. Я засуну тебя в тюрьму, получишь вонючую камеру и будешь все свои сорок пять лет шить какие-нибудь мешки из говна.

— Такое наказание.

— Ты не представляешь, как дерьмово в тюрьме, парень.

Себ закрыл глаза. Он устал и он ни чёрта не понимал, поэтому попросил:

— Не пугайте меня, мистер Бромфилд. Поверьте, после две тысячи третьего в Ираке

мне уже ничего не страшно.

— Увести, — рявкнул Бромфилд, вызывая констебля.

Мисс Эдисон пришла с толстой пачкой бумаг и сказала почти с порога:

— У нас с вами остаётся пять эпизодов. Мистер Бромфилд настаивает на девяти, но только чтобы позлить меня.

— Я не понимаю...

— Пожалуйста, — она разложила свои бумаги, — вот, тройное убийство в Уиндмилл-гарденс, — она полистала папку, — на месте было найдено только одно тело, Джона Симона, по документам — безработного. Он действительно был застрелен из крупнокалиберной винтовки, эксперты определили по патрону, что это... — она чуть запнулась на названии, — CheyTac LRRS M-200 Intervention. Это совпадает с вашим рассказом. Однако не составляет труда узнать, что вы никак не могли совершить этого выстрела, мистер Майлс.

— Почему?

В глазах мисс Эдисон появилось выражение, похожее на сочувствие:

— Никак. Есть свидетельские показания, что в момент совершения убийства вы находились в школе, на родительском собрании класса вашей дочери. Ваша подпись есть на школьных документах, датированных этим днём. На вас готовили и выдавали пропуск, он зарегистрирован в охранной системе.

Она вытащила из файла лист и положила перед Себом. Он подвинул поближе распечатку и пробежал глазами текст плана дополнительного развития. Его подпись стояла среди других и подтверждала, что он ознакомился с программой и согласен с ней.

— Я не... — он не понимал, в чём дело. Ему стало трудно дышать, потребовалось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы восстановить дыхание. — Я не был на этом собрании. Туда ходила Эмили...

— Это ваша подпись?

— Давайте сделаем графологическую экспертизу, — сказал он уверенно. — Я никогда не ставил подпись под этим документом.

Мистер Бромфилд тоже настоял на графологической экспертизе, но внезапно перестал вызывать Себа на допросы. Через два дня тишины мисс Эдисон пришла к нему с ещё более тяжёлым портфелем, извлекла из него ещё более пухлую папку и объявила:

— Мистер Майлс, у нас с вами остаётся три эпизода.

«Вы утверждаете, что сделали выстрел из этой винтовки месяц назад. Мистер Майлс, эксперты осмотрели её, она не использовалась больше полугода».

«Вы утверждаете, что восемнадцатого марта... Мистер Майлс, весь этот день вы провели в хирургии Больницы королевы Марии, у вас открылся старый шрам, вам делали операцию».

«Семнадцатого августа вы находились в Бромптонском госпитале, где договаривались об операции на сердце для вашей тёщи, миссис Кейл».

«У вас дома при обыске не найдено никаких фальшивых паспортов, мистер Майлс, и вы не пересекали австрийскую границу по своим документам».

Родительские собрания. Операции. Визиты к стоматологам. Встречи сослуживцев. Записи на камерах, документы и свидетельские показания, одно за другим.

«Мистер Майлс».

«Мистер Майлс».

«Себастиан!»

Воздух выкачали из лёгких. Как рыба, Себ открывал и закрывал рот, но даже если бы он смог заговорить, ему нечего было сказать. Он сдвинул голову ладонями и зажмурился.

— Себастиан...

«Мой Святой Себастиан», — прошептал Джим.

И вдруг воздух вернулся. Резко вдохнув, Себ расхохотался. Он ржал и не мог остановиться. Он не видел ничего перед собой, потому что глаза не открывались, зато чувствовал, как по щекам текут слёзы. Надо было прекратить, но он не мог, попытался зажать рот ладонью, но это не помогло.

Ему пихали стакан воды. Он дёрнулся, схватил его — и пролил половину, а потом и вовсе выпустил, руки ходили ходуном.

Силы закончились. Болела грудь, что-то жгло в горле. Смех прекратился, и Себ уронил голову на стол. Вцепился пальцами в волосы.

— Себастиан, — повторила мисс Эдисон совсем рядом, — посмотрите на меня.

Впервые в её глазах читался страх. Она улыбалась, обсуждая убийства, а теперь Себ её пугал смехом.

— Всё в порядке, — хрипло сказал он.

Дерьмовая ложь.

— Мистер Майлс, попробуйте выпить воды, — попросила она и вернулась к нему с новым стаканом, обойдя лужу на полу.

Он попробовал, но вода не шла.

— Вы в состоянии сейчас говорить со мной?

Нет. Он в состоянии пойти в камеру и разбить голову о стену.

— Да. Да, простите.

— Я буду ходатайствовать о прекращении дела в досудебном порядке, — сказала она, — а также на направлении на психиатрическое освидетельствование и государственный курс психотерапии в рамках программы реабилитации военнослужащих.

— Вы не можете! — выдохнул он. — Это всё чушь. Послушайте... — ему нужно было, чтобы она поверила, — я совершил каждое из этих убийств. Всё, что нам нужно, это доказать, что мои алиби — фальшивки.

— Мистер Майлс, Себастиан, — она забрала у него стакан и отставила в сторону, потом сжала его пальцы совершенно дружеским жестом, — они не фальшивки. Я сомневаюсь, что кто-то может создать так много настолько идеальных алиби.

— Послушайте меня, — повторил он. — Мисс Эдисон, послушайте! — он повысил голос, потому что в её глазах снисхождение, и оно ему точно было не нужно. — Я работал на Джима Фоули, уверен, это всё его рук дело!

— Джим Фоули погиб во взрыве в две тысячи восьмом году. Вы работали на него две недели.

— Он застрелился на моих глазах и на глазах у Александра Кларка.

— Мистер Кларк рассказал об этом случае. Но тело пропало, и нет никаких доказательств, что человек, погибший в Дартфорде, это Джим Фоули.

А ещё по лицу мисс Эдисон было ясно, что она не считает Кларка надёжным свидетелем.

— Он должен был где-то ошибиться, — прошептал Себ.

Нет, не должен, чёрт подери.

Джим не ошибался. Себ это отлично знал. Его планы работали, его задумки чётко исполнялись, всегда.

— Допросите... Джоан Вуд, — пришла ему в голову мысль. — Она работает старшим детективом-инспектором в плимутском отделении полиции.

— Я уже говорила с Джоан Вуд, — вздохнула мисс Эдисон. — Сначала она отказалась со мной общаться, но я всё-таки убедила её. Она утверждает, что ни разу не видела вас, возвращающимся домой с винтовкой, не слышала никаких разговоров, указывающих на то, что вы совершали убийства, не находила других следов. Она согласилась, если потребуется, выступить в вашу защиту.

Третьего августа Себ вышел из тюрьмы предварительного заключения. Суд принял ходатайство о прекращении расследования, никакого разбирательства так и не состоялось. Джоан так и не выступила: в его защиту или на стороне обвинения. А жаль. Он бы хотел её увидеть.

Накануне освобождения к нему пришёл Грег. Сначала долго молчал, а потом вдруг заявил:

— Прости, Розочка.

— За что?

Он покачал головой, почесал седую макушку и объявил:

— Ты у меня не отвертишься. Будешь ходить к психотерапевту как миленький.

— Думаешь, я рехнулся и всё это придумал? — спросил Себ устало. Он уже не мог злиться.

— Думаю, что у тебя... — он нахмурился, вспоминая слово, — посттравматическое стрессовое расстройство после войны. И ещё думаю, что должен был раньше сообразить, что... Чёрт, я идиот. Как будто не видел парней оттуда.

— А если, — проговорил Себ медленно, — у меня нет расстройства? Если я с самого начала говорил правду? Если я действительно убил сорок семь человек?

Грег тяжело вздохнул:

— Даже если бы я поверил в это хоть на секунду... Бромфилд — зверь. Он не отпускает преступников, если есть хоть малейший шанс довести их до суда. Скорее лишнего повесит, улики подтасовать попробует. И он уверен, что ты чист. Да и Мэддок, знаешь ли, не первый день замужем, а именно его команда дела копала. И Рейчел уверена, что ты невиновен.

У Себа просто не было шансов его убедить.

— Я за тобой присмотрю, — пообещал Грег и хлопнул его по плечу.

Себ выписал мисс Эдисон чек, хотя она и отказывалась, ссылаясь на договорённости с Грегом. Ему не хотелось долгов.

На улице оказалось солнечно и жарко. Себ снял куртку, позволяя едва ощутимому ветру обдывать спину. Он не знал, что делать и куда идти, поэтому пошёл домой. По пути набрал Сьюзен. Она была слишком рада слышать его, чтобы обижаться.

— Я тут подумал... — сказал он, когда потом эмоций слегка иссяк, — никакого пансиона. Не хочу видеться с тобой три раза в год.

Он не видел лица Сьюзен, но отлично представлял, как на её лице появляется искренняя

улыбка.

Без пансиона будет сложнее. Ему придётся проводить со Сьюзен больше времени, куда тщательнее заниматься воспитанием, а не просто развлекать и возить на прогулки.

В киоске по дороге он купил пару свежих газет — хотелось понять, что он пропустил за месяц в изоляции. Судя по страницам «Таймс», ничего особо интересного: он пролистывал политические новости и светские скандалы, уделил внимание боям на границе Ливана и Израиля и подумал, что совершенно не испытывает желание присоединиться к войскам, которые будут разрешать этот конфликт. Постарел, что ли?

Новость в середине The Sun заставила его остановиться и выбросить остальные газеты. Свернув газету так, чтобы удобнее было читать, он быстро пробежал глазами текст. Под заголовком «Маски смерти» шёл рассказ о том, что полиция продолжает расследование смерти консультанта Лондонской клиники доктора Фредерика Дарелла. «Напоминаем, что доктор Дарелл был найден мёртвым 1 августа в своей квартире. По предварительным данным, причиной смерти послужило отравление опиатами. Доктора нашли в окружении разбитых гипсовых масок. Источник, близкий к полиции, сообщил, что это были посмертные маски, всего более тридцати штук. Одна маска, по словам нашего источника, уцелела и осталась висеть на стене».

Не то, чтобы Себ собирался звонить доку и спрашивать, как дела. Точно нет. Им говорить было уже не о чем. Но пожалуй, Себ мог догадаться, чью именно посмертную маску Дарелл так и не сумел разбить.

Сунув газету в ближайшую урну, Себ опустил голову, разглядывая собственные ботинки с увлечённостью куда большей, чем они того заслуживали. Его отвлёт телефонный звонок. Он ответил не глядя на экран и был совершенно не готов услышать:

— Ты мудак, Басти, — произнесённое голосом Джоан.

Дерьмо, он очень скучал по ней! Губы сами собой расплылись в улыбке.

— Грег рассказал о твоей явке с повинной.

— Мы с тобой знаем, — тихо произнёс Себ, — что я и правда виновен. Ты ведь сказала об этом Грегу?

— Нет. И не буду.

Она замолчала, Себ потёр переносицу и спросил:

— Почему? И... — и ещё хотел добавить: «Почему ты мне звонишь», — но не рискнул.

Он был рад слышать её, и точка. А уж что заставило её позвонить, не так важно.

— Я не собиралась звонить тебе, — сказала она, отвечая на его мысли, — это нелогично и бессмысленно. Просто Грег сказал, что тебя отпустили, и я решила узнать... Как ты, Басти?

— Начала ты с того, что я мудак, — хмыкнул он, понимая, что улыбка растягивает губы даже против его желания.

— Я действительно так думаю, — сказала она решительно, — и всё же, как ты?

— Нормально. Даже хорошо. Последнюю минуту — превосходно.

Она засмеялась, и Себ спросил:

— Вышьем в воскресенье?

После долгой паузы Джоан ответила:

— В следующий вторник, в четыре, в «Зелёном человеке», — и сбросила вызов.

Себ сунул телефон в карман и зашагал быстрее, хотя и понимал, что вряд ли сумеет таким образом ускорить наступление вторника.

Возле дома он с большим удивлением обнаружил Александра Кларка — тот стоял с двумя пластиковыми стаканами пива. Похоже, ждал он достаточно долго — пены не осталось.

— Уже тёплое, прости, — сказал он, протягивая Себу стакан, — я подумал, что ты захочешь выпить что-нибудь, но ждал тебя раньше. Пройдёмся?

Себ глотнул отвратительного пива и решил, что оно всё равно лучше, чем ничего.

— Поздравляю с освобождением, — произнёс Александр. — Да?

— Я виновен, — ответил Себ, — сам понимаешь, Джим мне не за сказки на ночь платил. Но теперь в это не верит даже полиция.

— Он умел всё так устраивать... — Александр тоже отпил пива и сумел даже не поморщиться, — гениальный режиссёр преступлений.

Дурдом. Идут, пьют тёплое мерзкое пиво и болтают о Джиме как об общем знакомом. Сумасшествие.

— Ему бы понравилась формулировка.

— Чем займёшься?

— Дочерью. Ей десять. Трудный возраст на подходе. Друг грозитя водить на психотерапию за руку. Во вторник в четыре у меня свидание. На этом всё.

— У меня есть предложение... только не отказывайся сразу, хорошо? В общем... Это не совсем моё предложение, скорее, Елены. Работа на неё.

Себ фыркнул:

— Брехня. С таким прошлым мне в органы ход закрыт.

— Да, она тоже так сказала, — улыбнулся Александр, словно это его ничуть не смутило, — но говоря о работе на неё, я имею в виду не отдел, а её саму.

Себ посмотрел на Александра с большим сомнением.

— Зачем ей?

— Я попросил, — просто ответил он, и Себ подумал, что ему нравится этот парень. Простой такой. Захотел себе человека — попросил у сестры в подарок. — Она давно говорит, что мне нужен телохранитель и... кто-то вмняемый рядом. Я понимаю, тебе это может показаться скучным, но Елена долго изучала твои файлы. Думаю... потом она найдёт тебе и другую работу.

— Ты... — Себ засмеялся в голос, — чувак, это так не работает.

Александр пожал плечами и этим жестом болезненно напомнил Джима. Ещё один такой же, для которого не существует правил.

— Договорились? — спросил он.

— Нет, — вздохнул Себ. — Точнее, да, но только на работу телохранителем. Твоя сестра с этой другой работой пусть катится к чёрту. Я своё отстрелял.

Александр улыбнулся до тошноты понимающей улыбкой и предложил:

— И давай я куплю нам свежего пива? Не могу пить эту дрянь.

Себ согласился.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net